МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ

№ 3-4 / 2017

THE INTERNATIONAL SCIENCE MAGAZINE

HISTORICAL FORMAT

№ 3-4 / 2017

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ

Основан в 2015 году

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

* * *

* * *

Email редакции: mail@histformat.com
Официальный сайт: http://histformat.com/

ISSN 2411-9415

THE INTERNATIONAL SCIENCE MAGAZINE

HISTORICAL FORMAT

Established in 2015

SCIENTIFIC PUBLICATION

* * *

* * *

Email: mail@histformat.com
Website: http://histformat.com/

ISSN 2411-9415

* * *

Международный научный журнал «Исторический формат» посвящён публикации результатов актуальных научных исследований по истории России и других стран мира. Журнал публикует оригинальные статьи с результатами научных исследований на русском, английском, французском и немецком языках, относящиеся к исторической тематике, а также сообщения о проводимых под эгидой или при участии журнала научных мероприятиях.

The international science magazine «Historical Format» is dedicated to the publication of the results of relevant scientific research on the history of Russia and other nations. The magazine publishes original articles in Russian, English, French and German, presenting the results of scientific research on historical themes, as well as notifications of research conducted under the umbrella of the magazine or with its direct participation.

Die internationale wissenschaftliche Zeitschrift «Historisches Format» veröffentlicht die aktuelle Ergebnisse der wissenschaftlichen Forschung der russischen Geschichte und der Geschichte der anderen Länder. Die Zeitschrift veröffentlicht Publikationen zu historischen Themen in russischer, englischer, französischer und deutscher Sprache, sowie die Berichte über die unter der Leitung oder mit Teilnahme der Zeitschrift verlaufenden wissenscahftlichen Veranstaltungen.

La Revue internationale scientifique «Format historique» est consacrée à la publication des résultats des recherches scientifiques actuelles sur l'histoire de la Russie et d'autres pays du monde. La Revue publie des articles originaux sur les résultats des recherches scientifiques en russe, anglais, français et allemand et aussi l'information sur des activités scientifiques organisées sous la tutelle de la Revue ou avec sa participation.

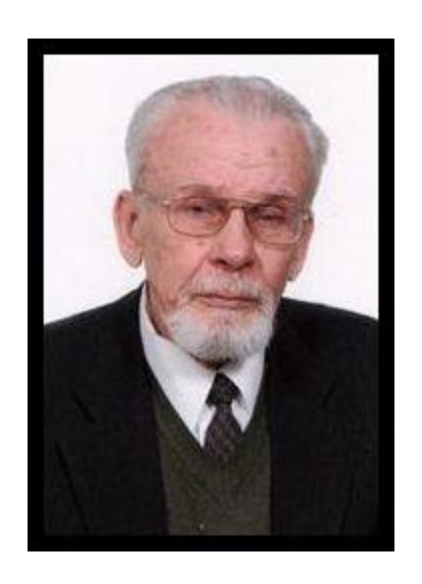
ПАМЯТИ

ДОКТОРА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА

СЕРГЕЯ НИКОЛАЕВИЧА АЗБЕЛЕВА

УЧЁНОГО и УЧИТЕЛЯ

ПОСВЯЩАЕТСЯ…

(17 апреля 1926 — 25 декабря 2017)

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS:

ОТ РЕДАКЦИИ

Уважаемые друзья!

Новый выпуск «Исторического формата» посвящён памяти выдающегося учёного, нашего коллеги, учителя и старшего товарища – Сергея Николаевича Азбелева (1926-2017). Когда несколько лет назад мы решили выпускать научный журнал, Сергей Николаевич сразу поддержал эту инициативу, и стал одним из первых членов редколлегии.

Пилотный номер «Исторического формата» вышел в свет (или, точнее, вышел в интернет) в 2015 году, и с этого момента С.Н. Азбелев, несмотря на преклонный возраст, деятельно участвовал в нашей общей работе. Давал мудрые советы, иногда критиковал, чаще просто напутствовал добрым словом, никогда не был равнодушным – и мы всегда прислушивались к нему. «Исторический формат» стал частичкой его жизни. Высочайшая эрудиция, строгий научный подход и богатый жизненный опыт Сергея Николаевича очень помогли журналу. Теперь он навсегда остался членом редакции «Исторического формата», остался в истории, остался тем, кто стоял у истоков нашего издания.

Этот выпуск, как и планировалось, – сдвоенный, поэтому в нём больше публикаций. В 2018 году мы возвращаемся к ежеквартальной периодичности, то есть выйдет четыре выпуска.

Если вы желаете получать информацию о новых номерах «Исторического формата», подать статью к публикации, предложить какую-либо форму сотрудничества или помочь деятельности редакции, то просим связываться по электронной почте: **mail@histformat.com**

С наилучшим пожеланиями,
Редакция журнала
«Исторический формат»

УДК 94(367)

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ АЗБЕЛЕВ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ РУССКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ И ФОЛЬКЛОРА

М.И. Жих[1], *В.И. Меркулов*[2]
Российско-немецкий исторический семинар
[1]e-mail: max-mors@mail.ru
Scopus Author ID: 55358941500
Researcher ID: F-3154-2014
http://orcid.org/0000-0003-2212-6416
SPIN-код: 6149-3974
[2]e-mail: mail@histformat.com
Scopus Author ID: 55848349600
ResearcherID: E-5671-2014
http://orcid.org/0000-0003-0555-0813
SPIN-код: 1519-7585

Авторское резюме

В статье рассматриваются аспекты творчества известного историка и филолога Сергея Николаевича Азбелева, связанные с проблематикой изучения фольклора и его соотношения с летописной традицией. Особое внимание уделено идеям учёного о соотношении устного и письменного начала в средневековой историографии, о влиянии устной традиции на письменные памятники Древней Руси.

Ключевые слова: С.Н. Азбелев, историография, Древняя Русь, фольклор, Великий Новгород, летописи, былины, Куликовская битва, историзм.

SERGEY N. AZBELEV – THE FOREMOST EXPERT ON THE EARLY RUSSIAN CHRONICLES AND FOLKLORE

Maksim Zhikh, Vsevolod Merkulov
The Public and Scientific Project «Russian-German Historical Seminar»
[1]e-mail: max-mors@mail.ru
[2]e-mail: mail@histformat.com

Abstract

The article addresses some aspects of the work of the famous historian and philologist Sergey Nikolaevich Azbelev, in particular, the problem of studying folklore and its relations with the chronicle tradition - how the oral history made its way into the chronicles. Special attention is drawn to Azbelev’s

ideas about association of the oral lore and a writing system in medieval historiography and the oral influences on manuscripts of Ancient Rus.

Keywords: S.N. Azbelev, historiography, Ancient Rus, folklore, Veliky Novgorod, chronicles, byliny, Battle of Kulikovo, historicism.

* * *

Предновогодние декабрьские дни 2017 года принесли всем людям, которым небезразлична история и культура нашей Родины, жестокую утрату. 25 декабря 2017 года ушёл из жизни один из патриархов российской истории и филологии, доктор филологических наук, многолетний ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинской дом) РАН, известный исследователь Древней Руси, Великого Новгорода, русского летописания и фольклора, член редакционной коллегии Международного научного журнала «Исторический формат», ветеран Великой Отечественной войны Сергей Николаевич Азбелев[1]. Разум долго отказывался принять эту новость. Несмотря на свои преклонные годы, Сергей Николаевич до последнего был очень бодр и полон оптимизма (крепость его здоровья и духа сами по себе вдохновляли всех, кто его знал – человеку 90 лет, а он, например, активно по электронной почте переписывается с молодыми коллегами без всяких помощников), писал научные работы, строил планы на новую книгу и буквально за неделю до смерти делился ими…

Родился Сергей Николаевич Азбелев 17 апреля 1926 года в Ленинграде в интеллигентной православной семье (о предках и семье С.Н. Азбелева см.: Грот 2016: 42-44). Несмотря на царящую вокруг атмосферу пропаганды безбожия, был своими родителями крещен сразу после рождения. В семье Сергею Николаевичу было привито глубокое уважение к родной стране, её истории и культуре, которые он пронёс через всю жизнь, став достойным сыном России. Он никогда не отделял свою собственную судьбу от судьбы своей Родины, все её беды и успехи он переживал как свои собственные. Именно это чувство сопричастности к своей родной земле и было тем мощнейшим фактором, который придавал Сергею Николаевичу сил и энергии в его долгом и плодотворном служении российской науке.

В Ленинграде С.Н. Азбелев пережил всю блокаду, с 15 лет работал в осажденном городе санитаром, а с осени 1943 года в возрасте семнадцати лет был призван в армию. Был на Ленинградском фронте рядовым, затем командиром отделения в пехоте на Карельском перешейке (36-я стрелковая дивизия). Имеет награды за свою боевую службу: орден Отечественной войны и медали.

Демобилизовался С.Н. Азбелев в 1946 году, после чего мечтавший о профессии историка молодой человек поступил на исторический факультет Ленинградского государственного университета, который закончил с отличием в 1955-м году. Через три года защитил кандидатскую диссертацию на тему

[1] Жизни и творчеству С.Н. Азбелева посвящены следующие работы: Творогов 1995: 41-42; Алпатов и др. 2011: 162-165; Грот 2016: 42-54; 2016а: 39-50; Конявская 2018: 150.

«Новгородское летописание XVII века» и опубликовал соответствующую фундаментальную монографию (Новгород, 1960), которая по сей день остаётся наиболее основательным трудом по позднему новгородскому летописанию.

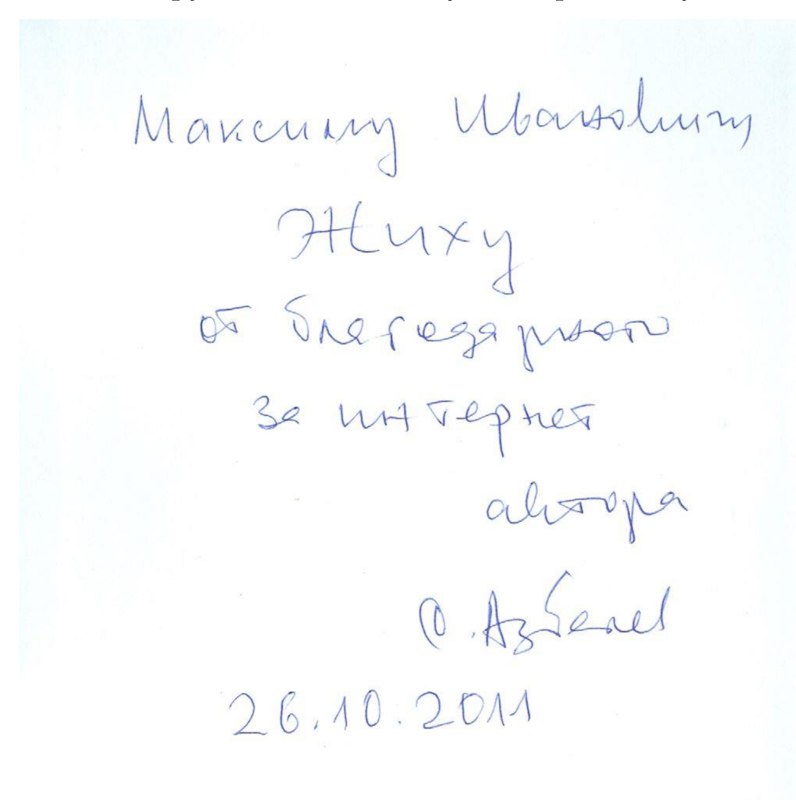

Рис. 1. Дарственная надпись С.Н. Азбелева на книге «Куликовская победа в народной памяти» – М.И. Жиху

С 1955 года работал в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук в Санкт-Петербурге, в котором со временем стал ведущим научным сотрудником. Доктор филологических наук (1984), по совместительству являлся профессором кафедры истории и археологии России Исторического факультета Университета имени Ярослава Мудрого в Великом Новгороде (с 2001 года), где вёл курс «Источниковедение». Имел звание профессора. В Санкт-Петербургском государственном университете С.Н. Азбелев читал спецкурс «Северно-русский фольклор как исторический источник», слушателем которого довелось быть М.И. Жиху, автору этих строк. Лекции Сергея Николаевича отличала любовь к предмету, зажигавшая слушателей энергия, умение увидеть и донести суть проблемы, охарактеризовать источниковедческие сложности, увлечённо поведать о научных дискуссиях и обосновать собственную позицию.

С.Н. Азбелев участвовал в археологическом изучении Великого Новгорода, записывал и издавал устный эпос Новгородской земли. С.Н. Азбелев – автор около четырёхсот пятидесяти опубликованных работ в области истории, источниковедения и фольклористики, посвященных главным образом Древней Руси, в том числе 16

книг. Он исследовал древнерусское летописание и художественную специфику древнерусской литературы и фольклора, проблемы отражения исторической действительности в эпосе. В числе книг С.Н. Азбелева такие фундаментальные работы как «Новгородские летописи XVII века» (Новгород, 1960), «Историзм былин и специфика фольклора» (Л., 1982), «Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли» (СПб., 2007), «Куликовская победа в народной памяти» (СПб., 2011), «Летописание Великого Новгорода» (М.; СПб., 2016).

Учёный был автором ряда комментированных публикаций источников древнерусского времени с преимущественным вниманием к текстологии и исторической основе их фактического содержания.

Другой важной стороной публикаторской работы С.Н. Азбелева стали издания памятников фольклора, сопровождавшиеся обстоятельным научным комментарием[1].

Особое место среди фольклористических находок С.Н. Азбелоенва занимает проведённая под его руководством совместная экспедиция двух институтов Российской академии наук в сибирском Заполярье, имевшая своим результатом изданный в академический серии «Памятники русского фольклора» сборник комментированных записей от потомков русских переселенцев XVI-XVII веков, живших почти изолированно в селе Русское Устье (низовье Индигирки)[2].

Кроме издания памятников фольклора С.Н. Азбелев много внимания уделял изучению историографии эпосоведения, истории российской фольклористики. В научной периодике и историко-литературных альманахах С.Н. Азбелев публикует биографические очерки, характеристики научной деятельности и архивные материалы А.И. Никифорова, А.Н. Веселовского, А.Н. Афанасьева, П.Н. Рыбникова, А.Ф. Гильфердинга, А.В. Маркова, Ф.И. Буслаева, В.Ф. Миллера, Н.И. Кравцова.

С.Н. Азбелевым были подготовлены переиздания классических трудов Ф.И. Буслаева[3], В.Ф. Миллера[4], а также остававшихся в основном неопубликованными многочисленных записей былин и народных духовных стихов по полевым записям скончавшегося в 1917 году А.В. Маркова[5].

---

[1] Былины / Составление, подготовка текстов, вступительная статья, примечания, словарь С.Н. Азбелева. Л., 1984; Исторические песни. Баллады / Составление, подготовка текстов, вступительная статья, комментарии, указатель, словарь С.Н. Азбелева. М., 1991; Народная проза / Составление, вступительная статья, подготовка текстов, комментарии, словарь С.Н. Азбелева. М., 1992; Тысяча лет русской истории в преданиях, легендах, песнях / Составление, вступительная статья, комментарии С.Н. Азбелева. М., 1999; Исторические песни / Составление, вступительная статья, комментарии С.Н. Азбелева. М., 2001; Российская история в зеркале русской поэзии: Россия Романовых в исторических песнях / Составление, подготовка текстов, вступительная статья, преамбулы, комментарии С.Н. Азбелева. М., 2013.

[2] Фольклор Русского Устья / Отв. ред. С.Н. Азбелев, А.А. Мещерский. Л., 1986.

[3] Буслаев Ф.И. Народный эпос и мифология / Составление, вступительная статья, подготовка текстов, комментарии, библиография С.Н. Азбелева. М., 2003.

[4] Миллер В.Ф. Народный эпос и история / Составление, вступительная статья, подготовка текстов, комментарии С.Н. Азбелева. М., 2005.

[5] Беломорские ста́рины и духовные стихи: Собрание А.В. Маркова / Вступительная статья, разыскание и подготовка текстов, комментарии, приложения, указатели С.Н. Азбелева. СПб., 2002.

С.Н. Азбелев был блестящим источниковедом, тонким текстологом, глубоким знатоком письменных памятников и эпоса, великолепным специалистом по истории Древней Руси. Его наблюдательность, острый ум, феноменальная память, выдающиеся знания, способность видеть проблему в целом и в то же время не упускать из вида её детали, стремление к максимально полному охвату историографии, выдвинули его в число ведущих исследователей средневековой Руси XX – начала XXI в.

Как учёный С.Н. Азбелев не знал компромисса и не шёл на уступки там, где, по его мнению, на кону стояла историческая правда[1]. Позиция его всегда была твёрдой и принципиальной, что с одной стороны снискало ему уважение коллег, но с другой исследователь получил немало недоброжелателей, которые не могли простить Сергею Николаевичу то, как он выводил на чистую воду их научную недобросовестность. Порой из-за этого у учёного возникали проблемы с публикацией своих работ, так свой ответ Д.С. Лихачёву, написанный ещё в 1967 году, С.Н. Азбелев смог опубликовать только в 2015 году (Азбелев 2015: 198-215)[2], поскольку в своё время Д.С. Лихачёв воспрепятствовал публикации работы своего оппонента.

Сквозной темой трудов С.Н. Азбелева на протяжении шестидесяти лет были новгородские летописи. Им он посвятил монографию, которая в 1960 году была издана совместно Институтом русской литературы Академии наук и Новгородским музеем-заповедником: «Новгородские летописи XVII века». Ей предшествовали 5

---

[1] Е.Л. Конявская, также подчеркнувшая принципиальность С.Н. Азбелева как учёного, в этой связи утверждает, что «именно благодаря твердости позиции он… был одним из немногих, кто однозначно поддержал А. А. Зимина при обсуждении его работы о ''Слове о полку Игореве''» (Конявская 2018: 150). Это неверно. С.Н. Азбелев, выступив в защиту А.А. Зимина и указав на ценность ряда положений его работы, никогда не поддерживал итогового вывода А.А. Зимина о «Слове» как о произведении XVIII века. У С.Н. Азбелева по вопросу происхождения «Слова» была собственная концепция, отличная как от традиционной датировки написания «Слова» в конце XII века, так и от позиции А.А. Зимина о «Слове» как авторском произведении XVIII века. С.Н. Азбелев считал «Слово» памятником устной истории, существовавшим в течении долго времени в устной передаче без письменной фиксации. Таковым же С.Н. Азбелев видел и происхождение «Задонщины». Оба памятника, по его мнению, имеют устную фольклорную основу: «Ясно обозначившийся тупик в попытках текстологически доказать, какой из памятников первичен – *Слово или Задонщина*, – результат ошибочной исходной посылки. При всех своих усовершенствованиях книга А.А. Зимина (С.Н. Азбелев говорит об её полном издании 2006 года – прим.) – так же, как и недавние развернутые возражения на неё А.Г. Боброва – исходит из представления, что оба памятника принадлежат почти исключительно письменной литературной традиции. Но крупнейшими нашими филологами давно было замечено, что текстуальные параллели *Слова* и *Задонщины* принципиально подобны текстуальному сходству разновременных записей жанрово и тематически близких произведений устного эпоса… Различные по жанру и по соотношению между устными оригиналами и их литературными обработками, произведения этого цикла (Куликовского – прим.) дадут сравнительный материал и для понимания устной природы *Слова о полку Игореве*. Возникающие в данной связи достаточно широкие задачи я попытался обрисовать, ещё выступая в дискуссии 1963 года» (Азбелев 2011: 5-6. Ср.: Азбелев 1963: 310-332).

[2] Также в одной из своих итоговых работ С.Н. Азбелев писал: «С тех пор (после дискуссии 1963 года о «Слове о полку Игореве» и работе А.А. Зимина – прим.) мне удалось кое-что сделать в направлении их (идей об устной природе «Слова» и «Задонщины» – прим.) конкретной реализации, получая лишь время от времени (не без труда) такую возможность – вопреки активному сопротивлению учёных, считавших, что признание устного происхождения *Задонщины* препятствует признанию подлинности *Слова о полку Игореве*» (Азбелев 2011: 6).

статей, о новгородских летописях, напечатанные в «Трудах Отдела древнерусской литературы» Института русской литературы и в «Новгородском историческом сборнике», издаваемом Институтом истории Академии наук.

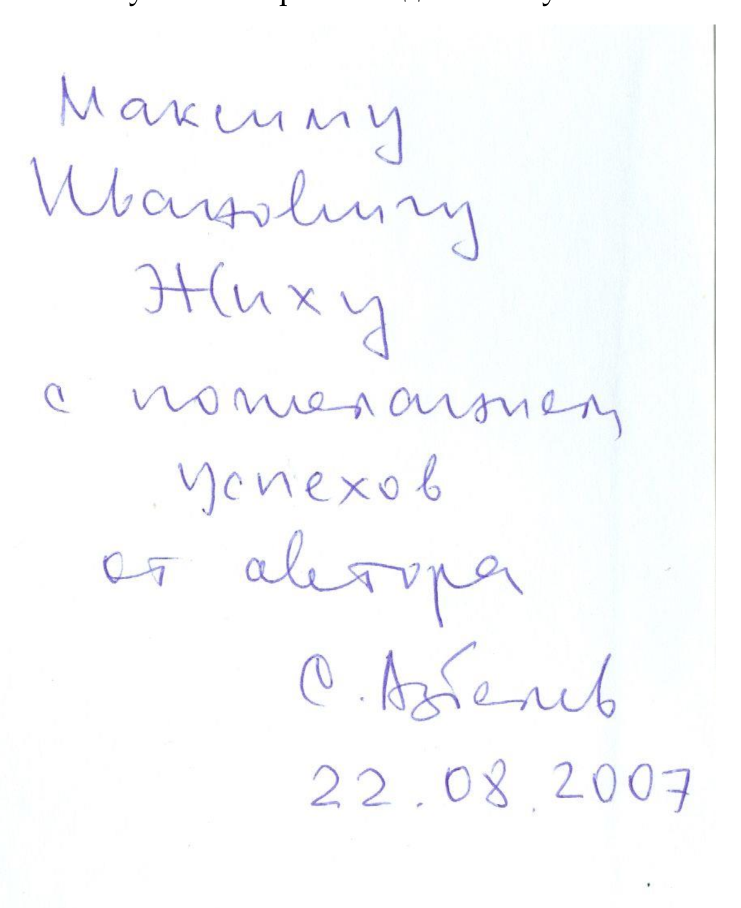
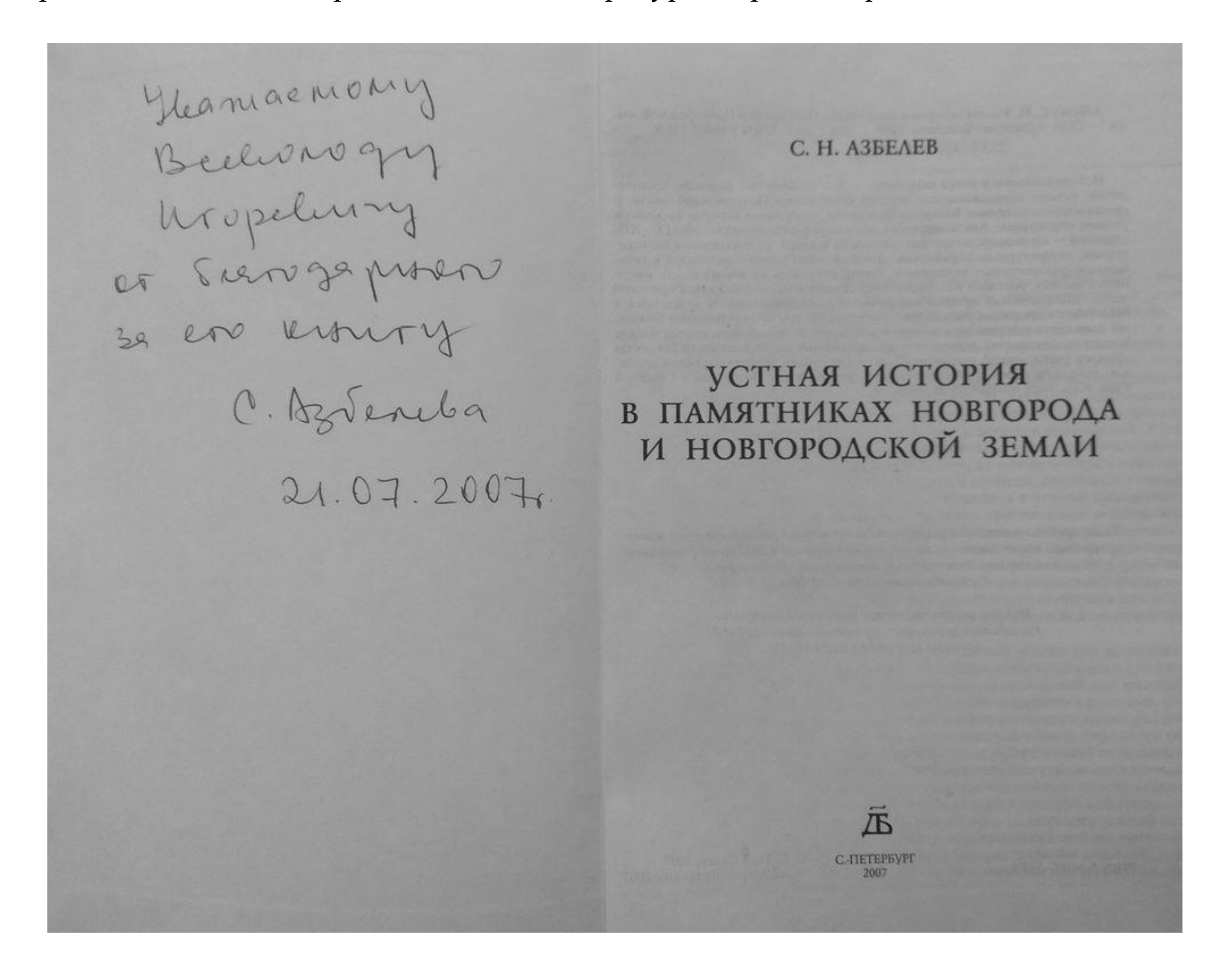

Рис. 2. Дарственная надпись С.Н. Азбелева на книге «Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли» – М.И. Жиху

Дальнейшие исследования С.Н. Азбелева о летописании Великого Новгорода и связанных с летописями памятниках его письменности – после выхода этой книги, которая получила высокие оценки в рецензиях, напечатанных в нашей стране и за рубежом, – продолжают публиковаться главным образом в изданиях Академии наук. Это серийные продолжающиеся «Труды Отдела древнерусской литературы», «Летописи и хроники», издаваемые в Москве, «Новгородский исторический сборник» – в Петербурге и выпускаемые там же сборники Института русской литературы – «Русский фольклор» (где С.Н. Азбелев печатал работы о связях летописей с устным народным эпосом Новгородской земли). Помимо академических сборников исследования С.Н. Азбелева по новгородским летописям за последние годы увидели свет в московском научном журнале «Древняя Русь. Вопросы медиевистики», новгородском журнале «Чело», журнале «Исторический

формат». Итоги своих многолетних занятий историей новгородского летописания С.Н. Азбелевым подвёл в фундаментальной обобщающей монографии «Летописание Великого Новгорода. Летописи XI-XVII веков как памятники культуры и как исторические источники» (её обзор, сделанный Л.П. Грот. см. в настоящем номере).

В целом список изданий, в которых С.Н. Азбелев публиковал свои многочисленные статьи по конкретным вопросам изучения древнерусской истории, литературы и фольклора, включает такие журналы, как «Вопросы истории», «Древняя Русь: Вопросы медиевистики», «Живая старина», «История СССР», «Известия ОЛЯ АН СССР», «Русская литература», «Русская речь», «Русская словесность», «Советское славяноведение», «Советская этнография», «Традиционная культура», «Филологические науки», «Этнографическое обозрение», «Исторический формат». Его научные статьи, сообщения и аналитические обзоры регулярно появлялись в серийных медиевистических и фольклористических сборниках: «Труды Отдела древнерусской литературы», «Русский фольклор: материалы и исследования», «Литература Древней Руси», «Герменевтика древнерусской литературы», «Новгородский исторический сборник», «Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома», «Славянский и балканский фольклор», «Фольклор народов РСФСР», «Вопросы поэтики литературы и фольклора».

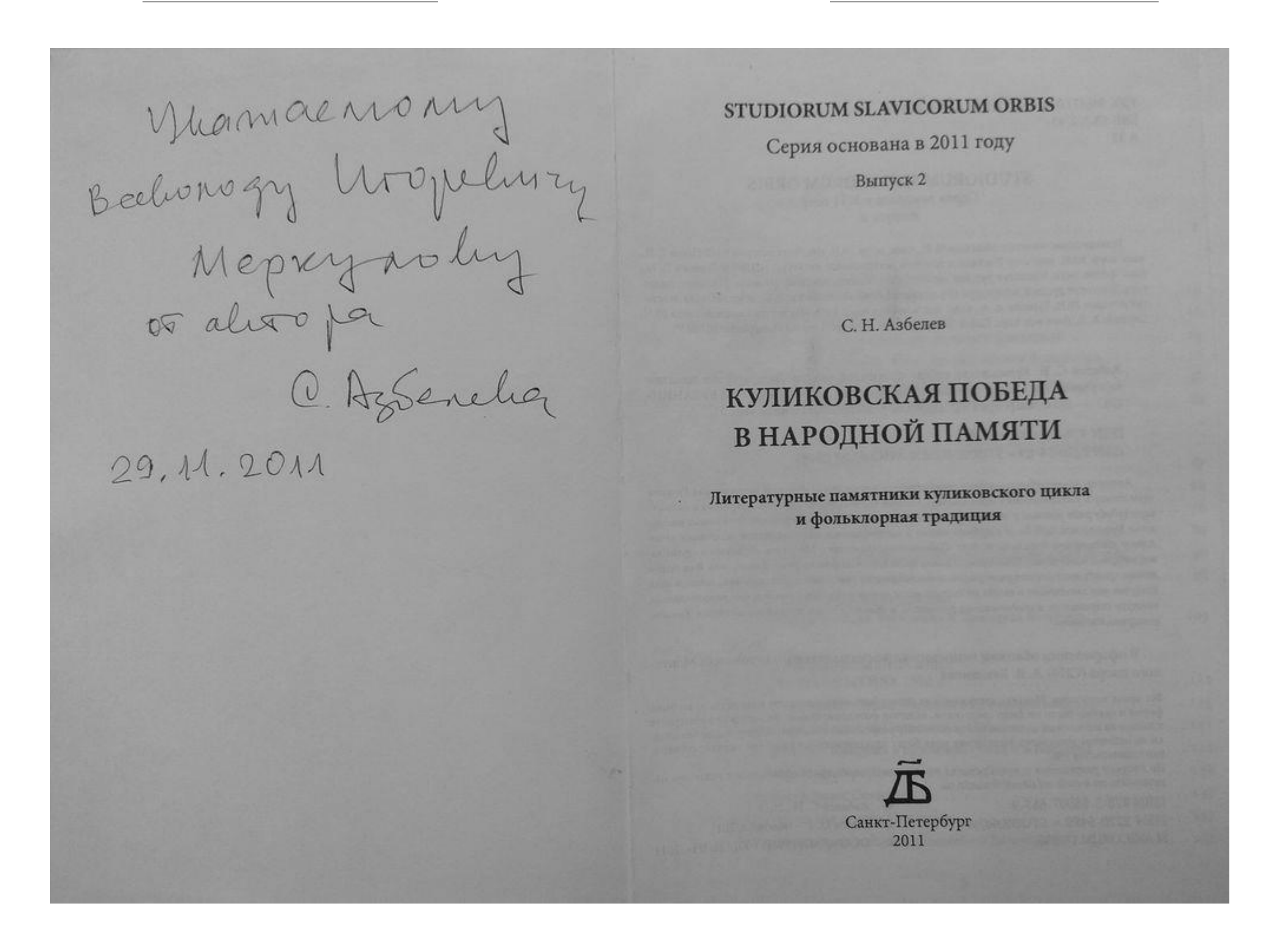

Рис. 3. Дарственные надписи С.Н. Азбелева – Меркулову В.И.

Полный перечень опубликованных трудов С.Н. Азбелева за 1954-2015 гг. был напечатан в посвящённом его 90-летнему юбилею номере «Исторического формата» (Азбелев 2016: 16-41).

Характерной чертой всех работ С.Н. Азбелева было стремление, с одной стороны, прилечь новые материалы, выявить и ввести в научный оборот новые источники, а с другой – взглянуть на проблему свежим взглядом, попытаться осветить преимущественно те её аспекты, которые раньше ускользали от внимания исследователей.

В книгах «Устная история Великого Новгорода» и «Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли» много внимания уделено соотношению летописей, преданий, былин и исторических песен. С.Н. Азбелев показал, что устная история является не менее важным и ценным историческим источником, чем история письменная. На протяжении столетий летописание и устная память об исторических событиях существовали параллельно, летописцы разного времени вновь и вновь обращались к фольклору и на его основе пополняли известия своих хроник. Поэтому, как показал С.Н. Азбелев, в относительно поздних летописных списках могут содержаться вполне достоверные сведения о более ранних временах, обязанные своим сохранением устной исторической традиции.

Другая сквозная тема трудов учёного, начиная с 1968 года и вплоть до смерти – Кулковская битва и её отображения в средневековой письменности и в народном эпосе (русском и южнославянском). Посвятив этой проблематике серию статей, С.Н. Азбелев широко отразил её в своей монографии 1982 года «Историзм былин и специфика фольклора». После её выхода в тех же академических и вузовских серийных изданиях, что и работы о новгородских летописях, публикуется вторая серия статей С.Н. Азбелева о Куликовской битве, подытоженная его монографией 2011 года «Куликовская победа в народной памяти». Начиная с 2012 года С.Н. Азбелев посвящает основные свои работы выяснению исторических обстоятельств сражения 1380 года на Куликовом поле и публикует по данной теме ряд статей. Планировал учёный и книгу о Куликовской битве, но смерть прервала работу над ней…

Много лет С.Н. Азбелев аргументированно обосновывал участие новгородского военного контингента в сражении на Куликовом поле 8 сентября 1380 года (см. например: Азбелев 2016а: 35-65).

Основываясь на истории русского языка и летописных памятниках, учёный высказал гипотезу о тождестве ориентира эпохального сражения «на Дону, на усть Непрядвы реки» с истоком Непрядвы из Волова озера, расположенного в самом центре Куликова поля, на одном из ответвлений Муравского шляха (Азбелев 2012: 43-52; 2014).

Весной 2013 года вместе с А.Б. Архиповым и А.А. Астайкиным Сергей Николаевич Азбелев совершил ознакомительную поездку на Куликово поле, в район Волова озера и верховий Непрядвы – для натурного подтверждения предварительных выводов по исторической географии этого региона Дикого поля. Экскурсия сопровождалась фотофиксацией исторических ландшафтов окрестностей Муравского шляха.

В конце 2016 г. С.Н. Азбелев опубликовал статью «Великая победа на Куликовом поле», обобщающую и развивающая наблюдения исследователя по точной локализации Мамаева побоища, сопровождённую выполненной в цвете авторской схемой-реконструкцией исторического сражения у истока Непрядвы (дизайн картографа А.А. Астайкина) (Азбелев 2016б: 51-84). Той же теме посвящена статья С.Н. Азбелева «Место сражения на Куликовом поле по летописным данным» (Азбелев 2016в: 17-32).

С.Н. Азбелев был членом ряда российских и международных научных обществ, в частности, Комиссии по фольклористике при Международном комитете славистов, а также Русского генеалогического общества, состоял членом редакционного совета научного журнала «Проблемы филологии: язык и литература», членом редакционной коллегии Международного научного журнала «Исторический формат», членом редакционной коллегии международного научно-публицистического альманаха «Русское поле».

Будучи блестящим академическим учёным, С.Н. Азбелев был вместе с тем и ярким публицистом, интересующимся не только далёким прошлым, но и настоящим, и будущим России, выступавшим в ряде общественно-политических изданий («Дворянское собрание: Историко-публицистический и литературно-художественный альманах», «Возрождение», «Истоки»), в которых публиковал статьи по злободневным вопросам российской истории. В своих общественно-публицистических статьях С.Н. Азбелев отстаивал необходимость возрождения классических российских исторических, нравственных, образовательных традиций.

За свою жизнь С.Н. Азбелев получил ряд наград:

- Награждён Орденом Отечественной войны, многими медалями, в том числе: «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией», «В память 250-летия Ленинграда», «Ветеран труда».

- Кавалер Ордена Святой Анны 3-й степени (2009).

- Почётные грамоты Президиума Академии наук.

- Одна из важных статей С.Н. Азбелева, посвящённая исследованию русских исторических песен XV-XVI вв. «О происхождении песен, посвященных Грозному царю Ивану Васильевичу» («Русский фольклор». Т. 29. 1996), была удостоена Международной премии Центра этнической истории в Палермо в 1998 году. В данной статье С.Н. Азбелев высказал и аргументировал гипотезу, согласно которой сюжеты этих песен возникли не в XVI в., а ранее – при деде Ивана IV Грозного – Иване III Великом, и лишь впоследствии на образ великого князя наложились впечатления от личности и деяний его грозного внука.

- 10 июня 2006 года в СК «Юбилейный» состоялось награждение Дипломами, Знаками «Достоинство» и ценными подарками победителей конкурса «Золотая Десятка Победы», организованного Санкт-Петербургским Региональным Общественным Фондом «Золотая десятка». В номинации «Рядовой Победы» победителем стал С.Н. Азбелев.

Творчество Сергея Николаевича Азбелева поражает своим охватом (практически все области источниковедения, истории, литературы, фольклора Средневековой Руси), сочетающимся с предельной скрупулёзной источниковедческой корректностью, своей точностью, своей удивительной глубиной и ясностью мысли. Ещё многим поколениям исследователей предстоит анализировать и осмыслять творческое наследие выдающегося учёного.

* * *

Неприятно заканчивать наш очерк о Сергее Николаевиче Азбелеве нижеследующим сюжетом, но и обойти его стороной было бы всё-таки неправильно, поскольку сам Сергей Николаевич уже не имеет возможности ответить на пасквили и клевету в свой адрес.

Ровно в день смерти С.Н. Азбелева увидела свет «рецензия», если можно так назвать данный текст, М.А. Несина (Несин 2017: 101-114) на последнюю книгу учёного, посвящённую истории новгородского летописания (Азбелев 2016д). Такое совпадение, разумеется, является случайным, но неслучайным является хамский тон, избранный рецензентом, далёкое от науки стремление целенаправленно оскорбить оппонента. Создаётся впечатление, что молодой автор стремится просто самоутвердиться за счёт развязной «критики» известного заслуженного учёного, причём сделать это максимально безопасно, избрав «жертвой» своих нападок человека, вышедшего на пенсию, и не занимающего уже никаких постов.

Предвзятое отношение М.А. Несина к С.Н. Азбелеву ощущается со второй страницы, где рецензент сурово выговаривает историку за незнание им статьи Е.А. Быстровой[1] (102), а затем – за неиспользование статьи Л.В. Соколовой[2] (109). Только вот вышли обе статьи в 2014 году, а книга С.Н. Азбелева – с минимальным временным отрывом в 2016 году в издательствах «БЛИЦ» и «Русская панорама», а до того долго пролежала в издательстве «Дмитрий Буланин». Рукопись книги была закончена и сдана в печать ещё до того, как вышли данные статьи, поэтому автор никак не мог их в ней учесть.

Разумеется, об издательских перипетиях конкретной книги никто знать не может, но всем прекрасно известно общее правило: между сдачей рукописи в печать и её выходом в качестве книги проходит время. Иногда весьма значительное и не зависящее от автора. Поэтому предъявлять в рецензиях претензии за неиспользование в книге работ, опубликованных в предшествующие два-три года, считается моветоном. Очень жаль, что М.А. Несин не знаком с правилами академической корректности.

В «рецензии» М.А. Несина нет полноценного анализа книги С.Н. Азбелева. В ней не рассматривается ни методология учёного, ни большая часть изложенного в работе фактического материала по истории и культурной значении новгородского летописания. Практически вся она посвящена рассмотрению лишь двух вопросов: проблемы известной по выпискам В.Н. Татищева т.н. Иоакимовской летописи (далее – ИЛ) (102-106) и сюжету о «Повести о Куликовской битве» в Новгородском летописании и его достоверности (108-113), что не мешает рецензенту небрежно заявить, будто «полезной познавательной информации по истории новгородских летописных памятников рецензируемая работа фактически не содержит» (113) и «изыскания автора по большей части имеют к историческому исследованию весьма проблематичное отношение» (102).

Характерно, что обе названные темы имеют существенную историографию и являются остро дискуссионными, общепринятого решения в науке они не имеют. С.Н. Азбелев давно и плодотворно работал над их изучением, опубликовав целый ряд работ, в которых сформулировал и обосновал как собственную концепцию

[1] Быстрова 2014: 236-247.
[2] Соколова 2014: 305-353.

истории и значения в качестве источника ИЛ (Азбелев 2003: 3-27; 2004: 7-10; 2007: 6-34; 2008: 5-6; 2016д: 14-42) так и собственный концептуальный подход к новгородским известиям о Куликовской битве (Азбелев 2006: 66-73; 2006а: 73-78; 2007: 128-155, 241-281; 2007а: 257-270; 2009: 175-184; 2016д: 197-223). О каких-либо наработках М.А. Несина в данных сферах пока ничего не известно.

Новый виток полемики можно было бы только приветствовать, но суть претензий М.А. Несина к С.Н. Азбелеву состоит в том, что он просто отказывает учёному в праве на собственную позицию.

С одной стороны, М.А. Несин, ссылаясь на работы С.В. Кончи, В.Л. Янина и других учёных, признаёт вероятное наличие в ИЛ как минимум отдельных частей, имеющих древнюю основу: «Из рассказов, имевших древнюю основу, можно уверенно выделить сообщение о задунайской длинной стене (этот сюжет подтверждается недоступным Татищеву известием Ал-Масуди и результатами археологических раскопок XX в.) и повествование о крещении Новгорода, в основном подтвержденное результатами археологических исследований. Вероятно также, что древнюю основу имело и упоминание ИЛ о болгарском происхождении первых иереев… Таким образом, едва ли есть основания вслед за Толочко объявлять ИЛ полностью выдуманной Татищевым и однозначно закрыть вопрос о татищевских известиях как об исторических источниках» (102-103).

С другой стороны, отметив наличие в ИЛ позднего слоя, близкого по времени к самому В.Н. Татищеву (104) и приписав С.Н. Азбелеву утверждение, что «ИЛ представляла собой цельный свод XI в.» (103), М.А. Несин с пафосом утверждает, будто «потребительское отношение Азбелева к ИЛ может в глазах людей с критическим складом ума способствовать профанации изучения уникальных татищевских известий на предмет потенциального наличия в них древней основы» (113).

Такое впечатление, что с «критикуемыми» работами С.Н. Азбелева М.А. Несин знаком очень поверхностно, отчего ломится в открытую дверь.

Ни в рассматриваемой книге, ни в других своих работах С.Н. Азбелев, разумеется, не утверждал, что весь дошедший до нас текст ИЛ представляет собой «цельный свод XI в.», без изменений сохранившийся от Иоакима до Татищева. Напротив, Азбелев реконструировал сложную историю текста ИЛ, в который на каждом этапе вносились какие-то изменения и дополнения:

(1) Древнейшее ядро ИЛ С.Н. Азбелев, вслед за А.А. Шахматовым, датирует временем ок. 1017 г.;

(2) Текст летописи разыскали и, вероятно, дополнили в 1439 г. в связи с канонизацией Иоакима Корсунянина;

(3) В 1699 г. при перенесении мощей Иоакима текст ИЛ должен был подвергнуться новой правке.

Могли быть и другие этапы вмешательства в текст. Вот в таком сильно искажённом и дополненном позднейшими редакторами виде текст ИЛ и дошёл до

В.Н. Татищева, чем и объясняется явная многослойность текста, наличие в нём элементов, восходящих к разным эпохам. И задача историков – выделить эти слои и попытаться выявить древнейшее восходящее к XI веку ядро ИЛ. Таковы истинные идеи Азбелева в области источниковедения ИЛ и её известий, грубо искажённые М.А. Несиным, который, напротив, противореча сам себе, рассуждает о некоем «составителе ИЛ» (102) как об одном лице, непонятно когда жившем, которому принадлежит весь комплекс её известий.

С.Н. Азбелев определил те известия ИЛ, которые, по его мнению, могут восходить к её древнейшему ядру. Таков, в частности, по мнению учёного, рассказ о словенском правителе Гостомысле (Азбелев 2005: 7-31; 2007: 61-86; 2010: 598-618; 2016д: 166-171), что попытался оспорить М.А. Несин на следующих основаниях:

(1) Гостомысл впервые упоминается лишь новгородских памятниках XV в. (103). Всем исследователям летописания, однако, известно, что сам по себе возраст летописного списка ни о чём не говорит. Важны его источники и его положение в стемме.

В Новгородской четвертой и Софийской первой летописях читается следующее известие: «Словене же, пришедше съ Доуная, седоша около озера Ильмеря, и прозвашася своимъ именемъ. Зделаша градъ и нарекоша и Новгородъ и посадиша и старешиноу Гостомысла» (ПСРЛ. IV. Часть I: 3; ПСРЛ. VI. Вып. I: 3).

Несмотря на то, что в Повести временных лет и Новгородской первой летописи этих слов нет, их наличие в двух таких важных для истории древнерусского летописания памятниках, как НIVЛ и СIЛ, побуждает рассматривать этот пассаж как вероятное отражение древней традиции, не отразившейся по каким-то причинам в указанных летописях, тем более, что список новгородских посадников, сохранившийся в составе НПЛ, первым из них называет Гостомысла (ПСРЛ. III: 164; 471). Именно так рассуждал А.А. Шахматов, по мнению которого известие о Гостомысле читалось уже в древнейшем Новгородском своде середины XI в. (Шахматов 2002: 431).

В пользу того, что данный летописный текст отражает древнюю традицию, свидетельствует само имя Гостомысла, известное у западных славян, но неизвестное у славян восточных. Соответственно, едва ли оно могло быть искусственно вставлено поздними летописцами, так как в их времена его на Руси просто не существовало. По данным современной науки, жители Новгородчины – это в значительной своей части потомки выходцев из западнославянских земель (Седов 2002: 348-402; Янин 2007: 206-207), у которых в древности могли быть в ходу подобные имена. И записано одно из таких имен могло быть только летописцами древнейшей поры, до того, как они вышли из обихода.

(2) Отметив, что С.Н. Азбелев указывает упоминание ободритского короля Gostomuizli под 844 г. в современных ему немецких анналах, и приводит ссылки на ряд работ, авторы которых допускали связь между словенским и ободритским гостомыслами, М.А. Несин пишет: «привлечение имен маститых единомыш-

ленников может придать этой концепции в глазах неподготовленного читателя известный вес. Но она не объясняет одного – какое отношение имел живший за полторы тысячи километров от ильменских словен ободритский правитель к Новгородчине и призванию Рюрика? И какие связи были в первой половине IX в. у ободритов с Приильменьем? И можно ли исключительно на основании сходства имен и годов жизни отождествлять ободритского правителя со словенским?» (105).

Данный пассаж вызывает недоумение. О разнообразных связях балтийских славян и новгородцев, о миграциях из балтийского Поморья в Новгородчину, существует многочисленная литература, к сожалению, оставшаяся М.А. Несину неизвестной (Зеленин 1954: 49-95; Вилинбахов 1962: 254-277; 1965: 155-191; 1971: 226-229; 1973: 190-198; 1980: 79-84; Вилинбахов, Энговатов 1965: 99-108; Седов 1994: 296-304; 1999: 91-179; 2002: 324-402; 2004: 3-15; 2005: 12-24; Кузьмин 2003: 302-306; Меркулов 2003, 2008; Фомин 2005: 439-461; Молчанова 2007; Горюнова 2007: 45-89; Малярчук 2009: 23-27; Пауль 2016: 480-486).

Совпадение имён ободритского Гостомысла и Гостомысла новгородского, даже безотносительно к гипотезе их тождества, само по себе является огромной важности фактом, который свидетельствует о двух вещах:

(1) О том, что данное имя действительно восходит к раннему времени (когда балтийско-славянские имена ещё были в ходу у предков новгородцев), что оно никак не могло быть выдумано поздними новгородскими книжниками;

(2) О существовании связей между Балтийским Поморьем и Новгородом, ибо западнославянское имя не могло попасть в Новгород само по себе, его должны были принести люди. В этой связи интересно, что по подсчётам А.М. Микляева в Приильменье насчитывается несколько десятков топонимов с *-гост*; *-гощ*, которые могут относиться к эпохе расселения здесь славян (Микляев 1984: 25-46. См. также: Васильев 2012: 156-200).

К слову, в пользу династических связей Балтийского Поморья и Новгорода свидетельствует корпус северонемецких историко-генеалогических источников, и имя Гостомысла в них фигурирует совершенно независимо (Меркулов 2015).

В гипотезе С.Н. Азбелева, согласно которой Гостомысл в условиях усиления франкского натиска мог возглавить одну из волн переселения балтийских славян на северо-восток, в пределы будущей Новгородчины, нет ничего невероятного. «Сходство имен и годов жизни» – серьёзный аргумент, независимо от того, нравится это М.А. Несину или нет. Тем более, что речь идёт об имени *специфически западнославянском*, которое, как уже сказано, не могло возникнуть в Новгороде само по себе, а было в Новгородчину принесено.

Конечно, невозможно утверждать, что с появлением в Новгородском регионе западнославянских переселенцев здесь не могли появиться собственные «гостомыслы». Вопрос о связи новгородского Гостомысла и ободритского Gostomuizli (Gestimulus, Gostomuizli), очевидно, долго ещё будет интересовать

исследователей, побуждая их к новым углублённым источниковедческим и историческим исследованиям.

В нашем случае проблема в другом: М.А. Несина Гостомысл и связанные с ним источниковедческие проблемы и исторические загадки явно не интересуют (тоже касается и остальных вопросов, затронутых в его «рецензии»), его цель другая – во что бы то ни стало опорочить С.Н. Азбелева.

Соответственно, никакая академическая полемика здесь просто невозможна[1], приходится лишь с грустью констатировать, что далеко не всем историкам близок и понятен тот высокий уровень научной историографической культуры, которому всю свою жизнь следовал Сергей Николаевич Азбелев.

ЛИТЕРАТУРА

Азбелев 1963 - *Азбелев С.Н.* Выступление 5 мая 1963 года в дискуссии о книге А.А. Зимина // История спора о подлинности «Слова о полку Игореве»: материалы дискуссии 1960-х годов / Вступительная статья, составление, подготовка текстов и комментарии Л.В. Соколовой. СПб.: Пушкинский дом, 2010. С. 310-332.

Азбелев 2003 - *Азбелев С.Н.* К изучению Иоакимовской летописи // Новгородский исторический сборник. Вып. 9 (19). СПб., 2003. С. 3-27.

Азбелев 2004 - *Азбелев С.Н.* В защиту Иоакимовской летописи // Честному и грозному Ивану Васильевичу: К 70-летию Ивана Васильевича Лёвочкина. М., 2004. С. 7-10.

Азбелев 2005 - *Азбелев С.Н.* О Рюрике и Гостомысле // Новгородский исторический сборник. Вып. 10. СПб., 2005. С. 7-31.

Азбелев 2006 - *Азбелев С.Н.* Происхождение рассказа о Куликовской битве в Новгородской первой летописи // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы научной конференции 15-17 ноября 2005 года. Великий Новгород, 2006. С. 66-73.

Азбелев 2006а - *Азбелев С.Н.* Участие новгородцев в Куликовской битве // Чело. Альманах. Великий Новгород, 2006а. № 1 (35). С. 73-78.

Азбелев 2007 - *Азбелев С.Н.* Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. 296 с.

Азбелев 2007а - *Азбелев С.Н.* Новгород и Куликовская битва // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Материалы научной конференции: Новгород 23-25 января 2007). Вып. 21. Великий Новгород, 2007а. С. 257-270.

Азбелев 2008 - *Азбелев С.Н.* Летопись Иоакима Корсунянина в концепции А.А. Шахматова (тезисы доклада) // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2008. № 3 (33). С. 5-6.

Азбелев 2009 - *Азбелев С.Н.* Летописи Великого Новгорода об Освободительной войне 1380 года // Новгородика-2008: Вечевая республика в истории России. Материалы Международной научно-практической конференции. Ч. 1. Великий Новгород, 2009. С. 175-184.

Азбелев 2010 - *Азбелев С.Н.* Гостомысл // Варяго-русский вопрос в историографии. М.: Русская панорама, 2010. С. 598-618.

Азбелев 2011 - *Азбелев С.Н.* Куликовская победа в народной памяти. Литературные памятники куликовского цикла и фольклорная традиция. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. 312 с.

Азбелев 2012 - *Азбелев С.Н.* О географии Куликовской битвы // Русское поле. № 2. 2012. С. 43-52.

Азбелев 2014 - *Азбелев С.Н.* Понятие «Устье Непрядвы» в русском летописании. 2014 / Электронный ресурс: http://conference-spbu.ru/conference/13/reports/282/ (дата обращения – 25.11.2017).

[1] Вспоминаются слова самого С.Н. Азбелева, который когда-то сказал: «Максим, с плохими работами бессмысленно спорить по-существу, достаточно просто показывать их ущербность» (М.Ж.).

Азбелев 2015 - *Азбелев С.Н.* Об узловых темах текстологии (законсервированный ответ Д.С. Лихачеву) // Исторический формат. 2015. № 2. С. 198-215.

Азбелев 2016 - Работы Сергея Николаевича Азбелева (1954-2015) // Исторический формат. 2016. № 1. С. 16-41.

Азбелев 2016а - *Азбелев С.Н.* Об участии новгородцев в Куликовской битве // Исторический формат. 2016. № 4. С. 35-65.

Азбелев 2016б - *Азбелев С.Н.* Великая победа на Куликовом поле // Русское поле: Научно-публицистический альманах. 2016б. № 9-10. С. 51-84.

Азбелев 2016в - *Азбелев С.Н.* Место сражения на Куликовом поле по летописным данным // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016в. № 3 (65). С. 17-32.

Азбелев 2016д - *Азбелев С.Н.* Летописание Великого Новгорода. Летописи XI-XVII веков как памятники культуры и как исторические источники. М.: Русская панорама; СПб.: Блиц, 2016 д. 280 с.

Алпатов и др. 2011 - *Алпатов С.В., Аникин В.П., Ковпик В.А.* Сергею Николаевичу Азбелеву – 85 лет // Традиционная культура. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2011. № 2. С. 162-165.

Быстрова 2014 - *Быстрова Е.С.* К проблеме датировки Новгородской Погодинской летописи // Труды Отдела древнерусской литературы. 2014. Т. 62. С. 236-247.

Васильев 2012 - *Васильев В.Л.* Славянские топонимические древности Новгородской земли. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 816 с.

Вилинбахов 1962 - *Вилинбахов В.Б.* Балтийские славяне и Русь // Slavia occidentalis. Т. 22. Poznan, 1962. С. 254-277.

Вилинбахов 1965 - *Вилинбахов В.Б.* Балтийские славяне в русском эпосе и фольклоре // Slavia occidentalis. Т. 25. Poznan, 1965. С. 155-191.

Вилинбахов 1971 - *Вилинбахов В.Б.* Былина о Соловье Будимировиче в свете географической терминологии // Русский фольклор. Т. 12. Л., 1971. С. 226-229.

Вилинбахов 1973 - *Вилинбахов В.Б.* Балтийско-славянский Святовит в фольклоре восточных славян // Атеизм, религия, современность. Л., 1973. С. 190-198.

Вилинбахов 1980 - *Вилинбахов В.Б.* Современная историография о проблеме «Балтийские славяне и Русь» // Советское славяноведение. 1980. № 1. С. 79-84.

Вилинбахов, Энговатов 1965 - *Вилинбахов В.Б., Энговатов Н.Б.* Где была Индия русских былин? // Славянский фольклор и историческая действительность. М.; Л., 1965. С. 99-108.

Горюнова 2007 - *Горюнова В.М.* Роль западнославянского элемента в формировании раннегончарного комплекса Северо-Западной Руси // Северная Русь и народы Балтики. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 45-89.

Грот 2016 - *Грот Л.П.* Сергею Николаевичу Азбелеву – 90 лет // Исторический формат. 2016. № 1. С. 42-54.

Грот 2016а - *Грот Л.П.* Фольклорист и историк Сергей Азбелев // Русское поле: Научно-публицистический альманах. 2016а. № 9-10. С. 39-50.

Зеленин 1954 - *Зеленин Д.К.* О происхождении северновеликорусов Великого Новгорода // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. Вып. 6. М.; Л., 1954. С. 49-95.

Конявская 2018 - *Конявская Е.Л.* Памяти С.Н. Азбелева (17.04.1926–25.12.2017) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 1. С. 150.

Кузьмин 2003 - *Кузьмин А.Г.* Начало Руси. М.: Вече, 2003. 427 с.

Малярчук 2009 - *Малярчук Б.А.* Следы балтийских славян в генофонде русского населения Восточной Европы // The Russian Journal of Genetic Genealogy (Русская версия). 2009. Т. 1. № 1. С. 23-27.

Меркулов 2003 - Меркулов В.И. Варяго-русский вопрос в немецкой историографии первой половины XVIII века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2003.

Меркулов 2008 - Меркулов В.И. Мекленбургская генеалогическая традиция о Древней Руси // Труды Института российской истории РАН. 2008. № 7. С. 8-28.

Меркулов 2015 - Меркулов В.И. Рюрик и первые русские князья в «Генеалогии» Иоганна Фридриха Хемница // Исторический формат. 2015. № 2. С. 54-74.

Микляев 1984 - *Микляев А.М.* О топо- и гидронимах с элементом -гост, -гощ на Северо-Западе СССР (к проблеме восточнославянского расселения) // Археологическое исследование Новгородской земли. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1984. С. 25-46.

Молчанова 2007 - *Молчанова А.А.* Балтийские славяне и Северо-Западная Русь в раннем средневековье. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. М., 2007. 279 с.

Несин 2017 - *Несин М.А.* О двух новых монографиях, посвященных новгородским источникам // Valla. 2017. № 3 (6). С. 101-114.

Пауль 2016 - *Пауль А.* Балтийские славяне: от Рерика до Старигарда. М.: Книжный мир, 2016. 544 с.

ПСРЛ. III - Полное собрание русских летописей. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (репринт издания 1950 г., подготовленного А.Н. Насоновым). М.: Языки славянской культуры, 2000. 720 с.

ПСРЛ. IV. Часть I - Полное собрание русских летописей. Т. IV. Часть I. Новгородская Четвёртая летопись. М.: Языки славянской культуры, 2000. 690 с.

ПСРЛ. VI. Вып. I - Полное собрание русских летописей. Т.VI. Вып. I. Софийская Первая летопись старшего извода. М.: Языки славянской культуры, 2000. 312 с.

Седов 1994 - *Седов В.В.* Славяне в древности. М.: Фонд археологии, 1994. 344 с.

Седов 1999 - *Седов В.В.* Древнерусская народность. М.: Языки русской культуры, 1999. 312 с.

Седов 2002 - Седов В.В. Славяне. Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры, 2002. 622 с.

Седов 2004 - *Седов В.В.* Первое членение славян на две диалектные области // Краткие сообщения Института археологии. 2004. Вып. 217. С. 3-15.

Седов 2005 - *Седов В.В.* Север Восточно-Европейской равнины в период переселения народов и в раннем средневековье (предыстория северновеликорусов) // Краткие сообщения Института археологии. 2005. Вып. 218. С. 12-24.

Соколова 2014 - *Соколова Л.В.* Летописные повествования о Куликовской битве (К вопросу о взаимоотношении памятников) // Труды Отдела древнерусской литературы. 2014. Т. 63. С. 305-353.

Творогов 1995 - *Творогов О.В.* Азбелев Сергей Николаевич // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 1. А-В. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 41-42.

Фомин 2005 - *Фомин В.В.* Варяги и варяжская русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М.: Русская панорама, 2005. 488 с.

Шахматов 2002 - *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах // Шахматов А.А. История русского летописания Т. I. Кн. 1. СПб.: Наука, 2002. 486 с.

Янин 2007 - *Янин В.Л.* О начале Новгорода // У истоков русской государственности. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 205-212.

REFERENCES

Alpatov i dr. 2011 - *Alpatov S.V., Anikin V.P., Kovpik V.A.* Sergeyu Nikolaevichu Azbelevu – 85 let [Sergey Nikolayevich Azbelev's 85th Birthday], in: Tradicionnaya kul`tura [Traditional culture], Moscow, Gosudarstvenny`j respublikanskij centr russkogo fol`klora Publ., 2011, № 2, pp. 162-165 [in Russian].

Azbelev 1963 - *Azbelev S.N.* Vy`stuplenie 5 maya 1963 goda v diskussii o knige A.A. Zimina [Performance on May 5, 1963 in a discussion about A.A. Zimin's book], in: Istoriya spora o podlinnosti «Slova o polku Igoreve»: materialy` diskussii 1960-x godov / Vstupitel`naya stat`ya, sostavlenie, podgotovka tekstov i kommentarii L.V. Sokolovoj [History of a dispute on authenticity of «Tale of Igor's Campaign»: materials of a discussion of the 1960th years / Introductory article, drawing up, preparation of texts and comments of L.V. Sokolova], St. Petersburg, Pushkinskij dom Publ., 2010, pp. 310-332 [in Russian].

Azbelev 2003 - *Azbelev S.N.* K izucheniyu Ioakimovskoj letopisi [To studying of the Ioakimovsky chronicle], in: Novgorodskij istoricheskij sbornik. Vy`p. 9 (19) [Novgorod historical collection. Release 9 (19)], St. Petersburg, 2003, pp. 3-27 [in Russian].

Azbelev 2004 - *Azbelev S.N.* V zashhitu Ioakimovskoj letopisi [In protection of the Ioakimovsky chronicle], in: Chestnomu i groznomu Ivanu Vasil`evichu: K 70-letiyu Ivana Vasil`evicha Lyovochkina [To honest and terrible Ivan Vasilyevich: To Ivan Vasilyevich Lyovochkin's 70 anniversary], Moscow, 2004, pp. 7-10 [in Russian].

Azbelev 2005 - *Azbelev S.N.* O Ryurike i Gostomy`sle [About Rurik and Gostomysle], in: Novgorodskij istoricheskij sbornik. Vy`p. 10 [Novgorod historical collection. Release 10], St. Petersburg, 2005, pp. 7-31 [in Russian].

Azbelev 2006 - *Azbelev S.N.* Proisxozhdenie rasskaza o Kulikovskoj bitve v Novgorodskoj pervoj letopisi [Origin of the story about Battle of Kulikovo in the Novgorod first chronicle], in: Proshloe Novgoroda i Novgorodskoj zemli. Materialy` nauchnoj konferencii 15-17 noyabrya 2005 goda [Past of Novgorod and Novgorod earth. Materials of a scientific conference on November 15-17, 2005], Veliky Novgorod, 2006, pp. 66-73 [in Russian].

Azbelev 2006a - *Azbelev S.N.* Uchastie novgorodcev v Kulikovskoj bitve [Participation of Novgorodians in Battle of Kulikovo], in: Chelo. Al`manax [Forehead. Almanac]. Veliky Novgorod, 2006a, № 1 (35), pp. 73-78 [in Russian].

Azbelev 2007 - *Azbelev S.N.* Ustnaya istoriya v pamyatnikax Novgoroda i Novgorodskoj zemli [Oral history in monuments of Novgorod and the Novgorod earth], St. Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2007, 296 p. [in Russian].

Azbelev 2007a - *Azbelev S.N.* Novgorod i Kulikovskaya bitva [Novgorod and Battle of Kulikovo], in: Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arxeologiya (Materialy` nauchnoj konferencii: Novgorod 23-25 yanvarya 2007). Vy`p. 21 [Novgorod and Novgorod earth. History and archeology (Materials of a scientific conference: Novgorod on January 23-25, 2007). Release 21], Veliky Novgorod, 2007a, pp. 257-270 [in Russian].

Azbelev 2008 - *Azbelev S.N.* Letopis` Ioakima Korsunyanina v koncepcii A.A. Shaxmatova (tezisy` doklada) [Jehoiakim Korsunyanin's chronicle in A.A. Shakhmatov's concept (theses of the report)], in: Drevnyaya Rus`: Voprosy` medievistiki [Ancient Russia: Mediyevistika questions], 2008, № 3 (33), pp. 5-6 [in Russian].

Azbelev 2009 - *Azbelev S.N.* Letopisi Velikogo Novgoroda ob Osvoboditel`noj vojne 1380 goda [Chronicles of Veliky Novgorod about Liberating war of 1380], in: Novgorodika-2008: Vechevaya respublika v istorii Rossii. Materialy` Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Ch. 1 [Novgorodika-2008: The veche republic in the history of Russia. Materials of the International scientific and practical conference. Part 1], Veliky Novgorod, 2009, pp. 175-184 [in Russian].

Azbelev 2010 - *Azbelev S.N.* Gostomy`sl [Gostomysl], in: Varyago-russkij vopros v istoriografii [Varyago-russky a question in a historiography], Moscow, Russkaya panorama Publ., 2010, pp. 598-618 [in Russian].

Azbelev 2011 - *Azbelev S.N.* Kulikovskaya pobeda v narodnoj pamyati. Literaturny`e pamyatniki kulikovskogo cikla i fol`klornaya tradiciya [Victory of Kulikovo in national memory. Literary monuments of a kulikovsky cycle and folklore tradition], St. Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2011, 312 p. [in Russian].

Azbelev 2012 - *Azbelev S.N.* O geografii Kulikovskoj bitvy` [About geography of Battle of Kulikovo], in: Russkoe pole [Russian field], № 2, 2012, pp. 43-52 [in Russian].

Azbelev 2014 - *Azbelev S.N.* Ponyatie «Ust`e Nepryadvy`» v russkom letopisanii [Concept «Nepryadva's Mouth» of the Russian annals], 2014, Electronic resource: http://conference-spbu.ru/conference/13/reports/282/ (Date of access – 25.11.2017) [in Russian].

Azbelev 2015 - *Azbelev S.N.* Ob uzlovy`x temax tekstologii (zakonservirovanny`j otvet D.S. Lixachevu) [Key topics in textual criticism (response to D.S. Likhachev that was denied publication)], in: Istoricheskij format [Historical format], 2015, № 2, pp. 198-215 [in Russian].

Azbelev 2016 - Raboty` Sergeya Nikolaevicha Azbeleva (1954-2015) [Works of Sergey Nikolayevich Azbelev], in: Istoricheskij format [Historical format], 2016, № 1, pp. 16-41 [in Russian].

Azbelev 2016a - *Azbelev S.N.* Ob uchastii novgorodcev v Kulikovskoj bitve [Regarding Novgorodians and the Batt le of Kulikovo], in: Istoricheskij format [Historical format], 2016, № 4, pp. 35-65 [in Russian].

Azbelev 2016b - *Azbelev S.N.* Velikaya pobeda na Kulikovom pole [Great victory on Kulikovo Field], in: Russkoe pole: Nauchno-publicisticheskij al`manax [Russian field: Scientific-journalistic almanac], 2016b, № 9-10, pp. 51-84 [in Russian].

Azbelev 2016d - *Azbelev S.N.* Letopisanie Velikogo Novgoroda. Letopisi XI-XVII vekov kak pamyatniki kul`tury` i kak istoricheskie istochniki [Annals of Veliky Novgorod. Chronicles of the 11-17th centuries as monuments of culture and as historical sources], Moscow, Russkaya panorama Publ.; St. Petersburg, Blicz Publ., 2016d, 280 p. [in Russian].

Azbelev 2016v - *Azbelev S.N.* Mesto srazheniya na Kulikovom pole po letopisny`m danny`m [The place of battle on Kulikovo Field according to annalistic data], in: Drevnyaya Rus`. Voprosy` medievistiki [Ancient Russia. Mediyevistika questions], 2016v, № 3 (65), pp. 17-32 [in Russian].

By`strova 2014 - *By`strova E.S.* K probleme datirovki Novgorodskoj Pogodinskoj letopisi [To a problem of dating of the Novgorod Pogodinsky chronicle], in: Trudy` Otdela drevnerusskoj literatury`. 2014. T. 62 [Works of Department of Old Russian literature. 2014. Volume 62], pp. 236-247 [in Russian].

Fomin 2005 - *Fomin V.V.* Varyagi i varyazhskaya rus`: K itogam diskussii po varyazhskomu voprosu [Varangians and Varangian Russia: To discussion results on a Varangian question], Moscow, Russkaya panorama Publ., 2005, 488 p. [in Russian].

Goryunova 2007 - *Goryunova V.M.* Rol` zapadnoslavyanskogo e`lementa v formirovanii rannegoncharnogo kompleksa Severo-Zapadnoj Rusi [Role of a West Slavic element in formation of an early potter's complex of Northwest Russia], in: Severnaya Rus` i narody` Baltiki [Northern Russia and people of Baltic], St. Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2007, pp. 45-89 [in Russian].

Grot 2016 - *Grot L.P.* Sergeyu Nikolaevichu Azbelevu – 90 let [Sergey Nikolayevich Azbelev's 90th Birthday], in: Istoricheskij format [Historical format], 2016, № 1, pp. 42-54 [in Russian].

Grot 2016a - *Grot L.P.* Fol`klorist i istorik Sergej Azbelev [Specialist in folklore and historian Sergey Azbelev], in: Russkoe pole: Nauchno-publicisticheskij al`manax [Russian field: Scientific-journalistic almanac], 2016a, № 9-10, pp. 39-50 [in Russian].

Janin 2007 - *Janin V.L.* O nachale Novgoroda [About the beginning of Novgorod], in: U istokov russkoj gosudarstvennosti [At sources of the Russian statehood], Saint Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2007, pp. 205-212 [in Russian].

Konyavskaya 2018 - *Konyavskaya E.L.* Pamyati S.N. Azbeleva (17.04.1926–25.12.2017) [Sergey Nikolaevich Azbelev's memories (17.04.1926–25.12.2017)], in: Drevnyaya Rus`. Voprosy` medievistiki [Ancient Russia. Mediyevistika questions], 2018, № 1, p. 150 [in Russian].

Kuz`min 2003 - *Kuz`min A.G.* Nachalo Rusi [Beginning of Russia], Moscow, Veche Publ., 2003, 427 p. [in Russian].

Maljarchuk 2009 - *Maljarchuk B.A.* Sledy baltijskih slavjan v genofonde russkogo naselenija Vostochnoj Evropy [Traces of the Baltic Slavs in a gene pool of the Russian population of Eastern Europe], in: The Russian Journal of Genetic Genealogy (Russkaja versija), 2009, T. 1, № 1, pp. 23-27 [in Russian].

Mikljaev 1984 - *Mikljaev A.M.* O topo- i gidronimah s jelementom -gost, -goshh na Severo-Zapade SSSR (k probleme vostochnoslavjanskogo rasselenija) [About topo-and gidronima with an element -gost, -goshch in the Northwest of the USSR (to a problem of East Slavic moving)], in: Arheologicheskoe issledovanie Novgorodskoj zemli [Archaeological research of the Novgorod earth], Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta Publ., 1984, pp. 25-46 [in Russian].

Merkulov 2003 - *Merkulov V.I.* Varjago-russkij vopros v nemeckoj istoriografii pervoj poloviny XVIII veka. Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskih nauk [Question of Varangians and Russians in the German historiography of the first half of the 18th century. The thesis for a degree of the candidate of historical sciences], Moscow, 2003 [in Russian].

Merkulov 2008 - *Merkulov V.I.* Meklenburgskaja genealogicheskaja tradicija o Drevnej Rusi [The Mecklenburg genealogical tradition about Ancient Russia], in: Trudy Instituta rossijskoj istorii RAN [Works of Institute of the Russian history of RAS], 2008, № 7, pp. 8-28 [in Russian].

Merkulov 2015 - *Merkulov V.I.* Rjurik i pervye russkie knjaz'ja v «Genealogii» Ioganna Fridriha Hemnica [Rurik and first princes of the Rus in the Genealogy by Johann Friedrich Chemnitius], in: Istoricheskij format [Historical format], 2015, № 2, pp. 54-74 [in Russian].

Molchanova 2007 - *Molchanova A.A.* Baltijskie slavyane i Severo-Zapadnaya Rus` v rannem srednevekov`e. Dissertaciya na soiskanie uchyonoj stepeni kandidata istoricheskix nauk [The Baltic Slavs and Northwest Russia in the early Middle Ages. The thesis for a degree of the candidate of historical sciences], Moscow, 2007, 279 p. [in Russian]

Nesin 2017 - *Nesin M.A.* O dvux novy`x monografiyax, posvyashhenny`x novgorodskim istochnikam [About two new monographs devoted to the Novgorod sources], in: Valla, 2017, № 3 (6), pp. 101-114 [in Russian].

Paul` 2016 - *Paul` A.* Baltijskie slavyane: ot Rerika do Starigarda [Baltic Slavs: from Rerik to Starigard], Moscow, Knizhny`j mir Publ., 2016, 544 p. [in Russian].

PSRL. III - Polnoe sobranie russkih letopisej, T. III, Novgorodskaja pervaja letopis' starshego i mladshego izvodov (reprint izdanija 1950 g., podgotovlennogo A.N. Nasonovym) [Complete collection of the Russian chronicles. T. III. The Novgorod first chronicle of the senior and younger izvod (a reprint of the edition of 1950 prepared by A.N. Nasonov)], Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2000, 720 p. [in Russian].

PSRL. IV. Chast' I - Polnoe sobranie russkih letopisej, T. IV, Chast' I, Novgorodskaja Chetvjortaja letopis' [Complete collection of the Russian chronicles. T. IV. Part I. Novgorod Fourth chronicle], Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2000, 690 p. [in Russian].

PSRL. VI. Vyp. I - Polnoe sobranie russkih letopisej, T.VI, Vyp. I, Sofijskaja Pervaja letopis' starshego izvoda [Complete collection of the Russian chronicles. T.VI. Vyp. I. Sofia First chronicle of the senior recension], Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2000, 312 p. [in Russian].

Sedov 1994 - *Sedov V.V.* Slavjane v drevnosti [Slavs in the ancient time], Moscow, Fond arheologii Publ., 1994, 343 p. [in Russian].

Sedov 1999 - *Sedov V.V.* Drevnerusskaja narodnost' [Old Russian nationality], Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 1999, 312 p. [in Russian].

Sedov 2002 - *Sedov V.V.* Slavjane. Istoriko-arheologicheskoe issledovanie [Slavs. Historical and archaeological research], Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 2002, 622 p. [in Russian].

Sedov 2004 - *Sedov V.V.* Pervoe chlenenie slavyan na dve dialektny`e oblasti [The first partitioning of Slavs on two dialect areas], in: Kratkie soobshheniya Instituta arxeologii. 2004. Vy`p. 217 [Short messages of Institute of archeology. 2004. Release 217], pp. 3-15 [in Russian].

Sedov 2005 - *Sedov V.V.* Sever Vostochno-Evropejskoj ravniny` v period pereseleniya narodov i v rannem srednevekov`e (predy`storiya severnovelikorusov) [The North of the East European Plain during resettlement of the people and in the early Middle Ages (background of severnovelikorus)], in: Kratkie soobshheniya Instituta arxeologii. 2005. Vy`p. 218 [Short messages of Institute of archeology. 2005. Release 218], pp. 12-24 [in Russian].

Shaxmatov 2002 - *Shaxmatov A.A.* Razy`skaniya o drevnejshix russkix letopisny`x svodax [Investigations about the most ancient Russian annalistic arches], in: Shaxmatov A.A. Istoriya russkogo letopisaniya T. I. Kn. 1 [History of the Russian annals Volume 1. Book. 1], St. Petersburg, Nauka Publ., 2002, 486 p. [in Russian].

Sokolova 2014 - *Sokolova L.V.* Letopisny`e povestvovaniya o Kulikovskoj bitve (K voprosu o vzaimootnoshenii pamyatnikov) [Annalistic narrations about Battle of Kulikovo (To a question of relationship of monuments)], in: Trudy` Otdela drevnerusskoj literatury`. 2014. T. 63 [Works of Department of Old Russian literature. 2014. Volume 63], pp. 305-353 [in Russian].

Tvorogov 1995 - *Tvorogov O.V.* Azbelev Sergej Nikolaevich [Sergey Nikolayevich Azbelev], in: E`nciklopediya «Slova o polku Igoreve». T. 1. A-V [Encyclopedia of «Tale of Igor's Campaign». Volume 1], St. Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 1995, pp. 41-42 [in Russian].

Vasil`ev 2012 - *Vasil`ev V.L.* Slavyanskie toponimicheskie drevnosti Novgorodskoj zemli [Slavic toponymic antiquities of the Novgorod earth], Moscow, Rukopisny`e pamyatniki Drevnej Rusi Publ., 2012, 816 p. [in Russian].

Vilinbaxov 1962 - *Vilinbaxov V.B.* Baltijskie slavyane i Rus` [Baltic Slavs and Russia], in: Slavia occidentalis, Volume 22, Poznan, 1962, pp. 254-277 [in Russian].

Vilinbaxov 1965 - *Vilinbaxov V.B.* Baltijskie slavyane v russkom e`pose i fol`klore [The Baltic Slavs in the Russian epos and folklore], in: Slavia occidentalis, Volume 25, Poznan, 1965, pp. 155-191 [in Russian].

Vilinbaxov 1971 - *Vilinbaxov V.B.* By`lina o Solov`e Budimiroviche v svete geograficheskoj terminologii [The bylina about the Nightingale Budimirovich in the light of geographical terminology], in: Russkij fol`klor. T. 12 [Russian folklore. Volume 12], Leningrad, 1971, pp. 226-229 [in Russian].

Vilinbaxov 1973 - *Vilinbaxov V.B.* Baltijsko-slavyanskij Svyatovit v fol`klore vostochny`x slavyan [Baltic-Slavic Svyatovit in folklore of east Slavs], in: Ateizm, religiya, sovremennost` [Atheism, religion, present], Leningrad, 1973, pp. 190-198 [in Russian].

Vilinbaxov 1980 - *Vilinbaxov V.B.* Sovremennaya istoriografiya o probleme «Baltijskie slavyane i Rus`» [Modern historiography about a problem «The Baltic Slavs and Russia»], in: Sovetskoe slavyanovedenie [Soviet Slavic studies], 1980, № 1, pp. 79-84 [in Russian].

Vilinbaxov, E`ngovatov 1965 - *Vilinbaxov V.B., E`ngovatov N.B.* Gde by`la Indiya russkix by`lin? [Where there was India of the Russian bylinas?], in: Slavyanskij fol`klor i istoricheskaya dejstvitel`nost` [Slavic folklore and historical reality], Moscow; Leningrad, 1965, pp. 99-108 [in Russian].

Zelenin 1954 - *Zelenin D.K.* O proishozhdenii severnovelikorusov Velikogo Novgoroda [About an origin of severnovelikorus of Veliky Novgorod], in: Doklady i soobshhenija Instituta jazykoznanija AN SSSR. Vy`p. 6 [Reports and messages of Institute of linguistics of Academy of Sciences of the USSR. Release 6], Moscow; Leningrad, 1954, pp. 49-95 [in Russian].

Жих Максим Иванович – Общественно-научный проект
«Российско-немецкий исторический семинар» (Санкт-Петербург, Россия).
Maksim Zhikh – The Public and Scientific Project
«Russian-German Historical Seminar» (Saint Petersburg, Russia).
E-mail: max-mors@mail.ru

Меркулов Всеволод Игоревич – Кандидат исторических наук,
Общественно-научный проект «Российско-немецкий исторический семинар» (Москва, Россия).
Vsevolod Merkulov – Candidate of historical sciences,
Public and scientific project «The Russian-German Historical Seminar» (Moscow, Russia).
E-mail: mail@histformat.com

РАБОТЫ СЕРГЕЯ НИКОЛАЕВИЧА АЗБЕЛЕВА ЗА 2016-2018 ГОДЫ[1]

2016

Летописание Великого Новгорода. Летописи XI-XVII веков как памятники культуры и как исторические источники. М.: Русская панорама; СПб.: Блиц, 2016. 280 с.

Куликовская битва по летописным данным // Исторический формат. 2016. С. 73-109.

Об участии новгородцев в Куликовской битве // Исторический формат. 2016. № 4. С. 35-65.

Место сражения на Куликовом поле по летописным данным // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 3 (65). С. 17-32.

Великая победа на Куликовом поле // Русское поле: Научно-публицистический альманах. 2016. № 9-10. С. 51-84.

2017

Что угрожало Русскому государству в 1380 году // Исторический формат. 2017. № 1-2. С. 84-91.

Что угрожало нам в 1380 году // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3 (69). С. 3-5.

2018

Что угрожало русскому народу в 1380 году // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 1 (71). С. 151-155.

[1] Список работ Сергея Николаевича Азбелева за 1954-2015 годы опубликован: Исторический формат. 2016. № 1. С. 16-41.

УДК 929

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОТЦЕ

Т.С. Федотова
Независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия)
e-mail: tv.fedotov@gmail.com

Авторское резюме
В статье рассказывается о жизненном пути известного историка и филолога, специалиста по истории и книжной культуре Древней Руси, Сергея Николаевича Азбелева (1926-2017).
Ключевые слова: Сергей Николаевич Азбелев, историография, воспоминания.

MEMORIES OF MY FATHER

Tatyana Fedotova
Independent researcher (St. Petersburg, Russia)
e-mail: tv.fedotov@gmail.com

Abstract
The article reviews the life path of Sergei Nikolaevich Azbelev (1926-2017), the famous historian and philologist, an expert in the history, folklore and manuscripts of Ancient Rus.
Keywords: Sergey Nikolaevich Azbelev, historiography, memories.

* * *

Главной страстью в жизни отца была его работа, история, фольклористика, источниковедение, чему он посвятил всю свою жизнь. Работал с упоением, его было не оторвать от книг и компьютера. Он относился к своей работе очень ответственно, скрупулезно выверял всю информацию по всем доступным ему источникам, искал и находил подтверждения тому, о чем он писал. Мама и я в меру возможности немножко помогали ему с набором текстов или переводом аннотаций, и даже будучи людьми не имеющими отношения к науке, мы с интересом читали его тексты, особенно полемические статьи, написанные со страстью и любовью к предмету, они увлекали любого читателя! Говорить о своих исследованиях он мог бесконечно, при этом он тактично учитывал уровень «подготовленности» своих собеседников, поэтому слушать его было интересно и мне, и маме, и моему сыну, для любой аудитории он был «доступен». О чем бы он не говорил, он всегда был убедителен, его аргументация была всегда понятна до очевидности, думаю, можно сказать, что у отца был ораторский талант, недаром его охотно приглашали с выступлениями на конференции и конгрессы, а также для чтения лекций студентам (в Новгородском университете).

Сергей Николаевич был пламенным патриотом России и верил в возрождение монархических устоев, считал их залогом процветания России, он вел активную деятельность, будучи членом Российского Дворянского Собрания и Российского Имперского Союза-Ордена.

Он был чрезвычайно убежденным человеком, и, если он считал что-то правильным (а суждения свои он обязательно выверял по многочисленным и различным источникам), он неутомимо доказывал, почему это верно, и от своих принципов и убеждений не отступал.

Вообще его сила воли была просто железной! Отдыхал он очень мало. Оторвать его от рабочего стола было почти невозможно. Но если удавалось это сделать, от отдавался свободному времени с таким же самозабвением и азартом, что и работе. Самым ярким воспоминанием об отдыхе с ним у моей мамы является их совместная поездка в Италию. Отцу было уже 80 лет, но наравне с остальными туристами (в группе были в основном молодые люди) он ходил по всем экскурсиям, поднялся на самый верх Пизанской башни, а когда он спустился вниз, и мама сказала всем, что ему 80 лет, группа просто рукоплескала ему!

В быту он был скромным, но умел ценить хорошие вещи, а если что-то он делал своими руками, эти вещи были добротными и служили долго. Вообще если что-то ему надо было сделать, он делал всегда и всё на совесть, наилучшим возможным образом. «Половинчатость» и компромиссы были не для него, за что бы он ни брался, он обязательно доводил дело до конца, сколько бы усилий это не потребовало.

Отец вел очень здоровый образ жизни. Чуть ли не до 70 лет он занимался моржеванием и ходил в клуб любителей зимнего плаванья. Зимой мы обязательно ходили на лыжах с ним, мамой, и моим маленьким сыном, а он непременно возглавлял процессию. Если врачи давали ему какие-то рекомендации и указания, он неотступно и скрупулезно исполнял их, может быть, благодаря этому он прожил такую долгую жизнь, был в полной мере активным, публикующимся ученым буквально до последних дней.

Федотова Татьяна Сергеевна – Независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия).
Tatyana Fedotova – Independent researcher (St. Petersburg, Russia).
E-mail: tv.fedotov@gmail.com

Николай Федотов, внук Сергея Николаевича Азбелева, и Мариана Львовна, его супруга. Фото сделаны в Сертолово в мае 2003 г.

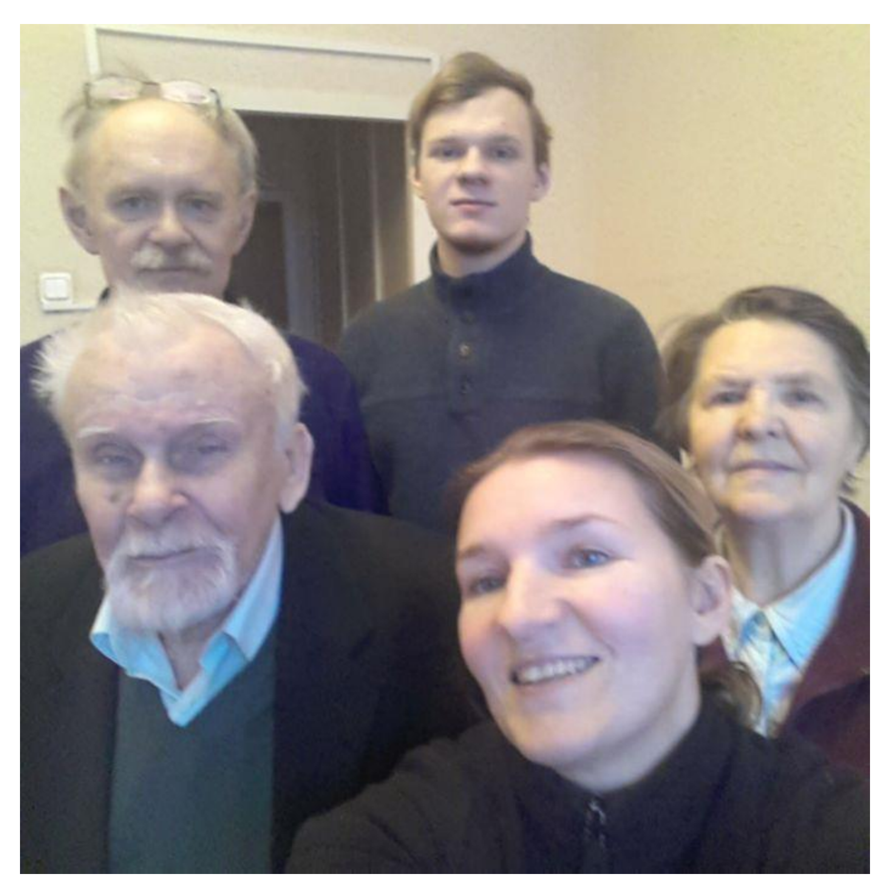

С.Н. Азбелев в кругу семьи, 2009 г. Слева направо в верхнем ряду:
Николай Федотов (внук), Татьяна Федотова (дочь), Александр Федотов (зять);
внизу - Сергей Николаевич Азбелев и его супруга Мариана Львовна Муравьева.

В Пансионате ветеранов науки РАН по случаю дня рождения С.Н. Азбелева в 2015 г. Кроме Сергея Николаевича на этих фото его супруга, дочь Татьяна и внук Николай.

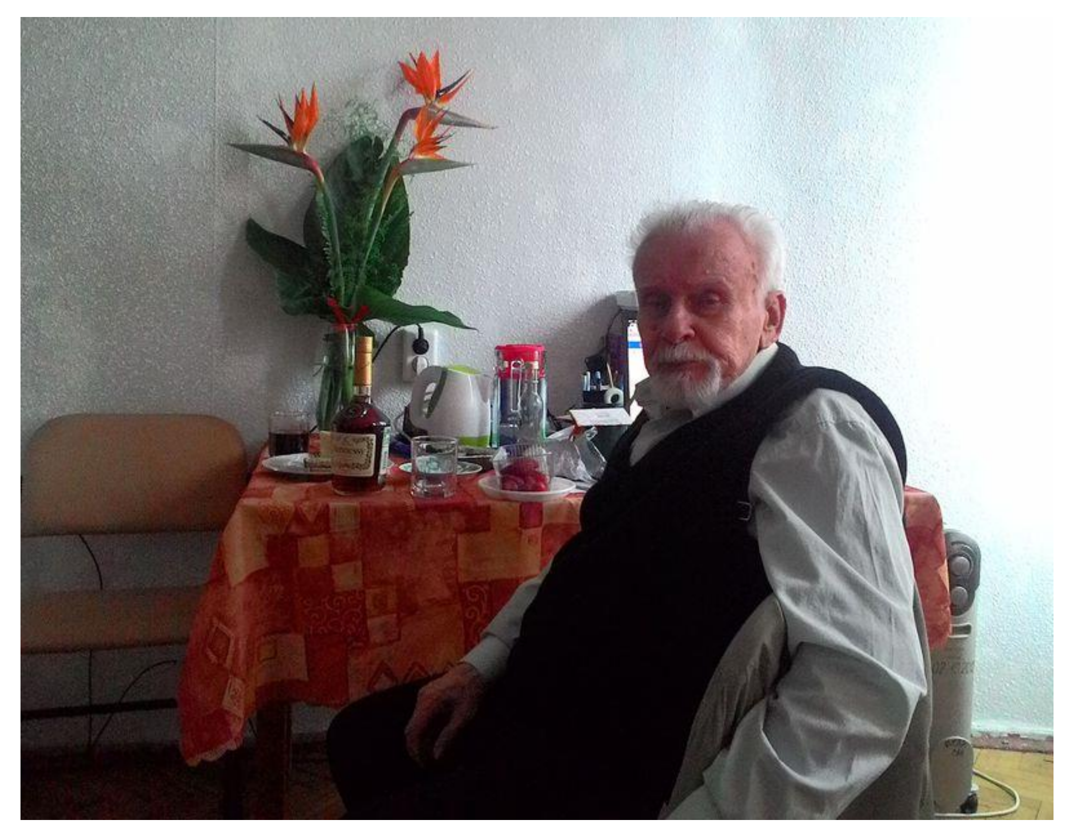

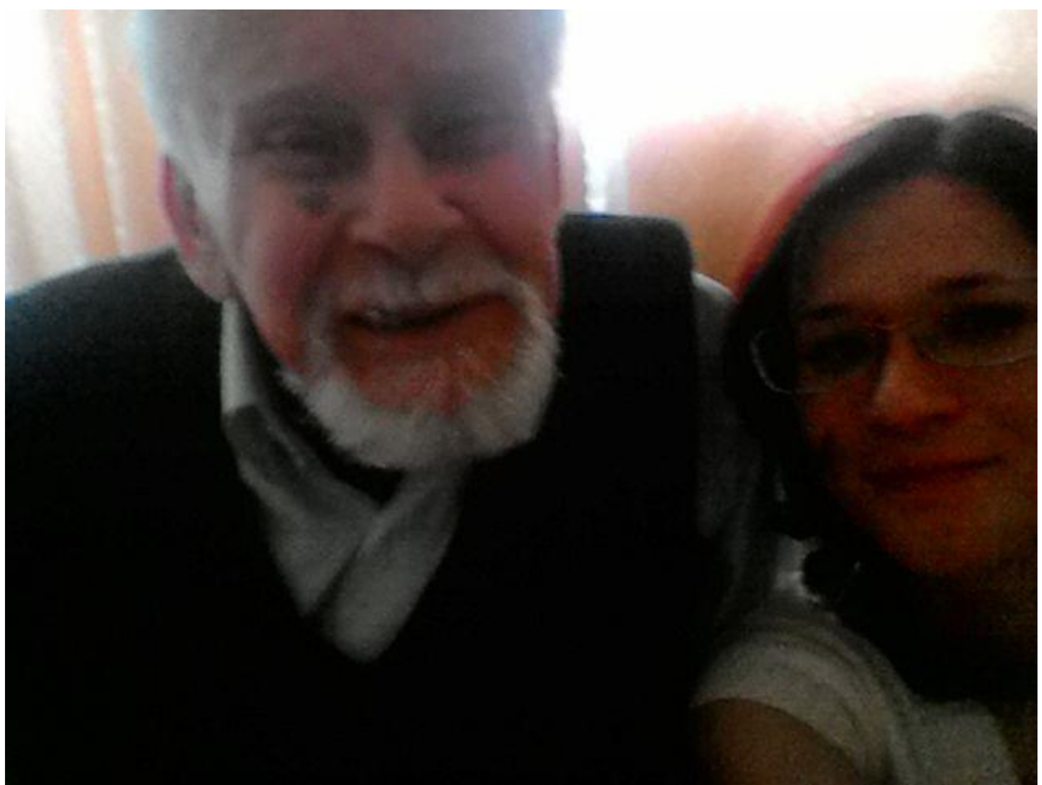
Встреча в Пансионате ветеранов науки РАН в конце 2016 г.
На фото: Ссергей Николаевич Азбелев, его супруга,
дочь Татьяна с мужем Александром Федотовым и сыном Николаем.

Сентябрь 2017 г. в деревне Большая Вруда, где С.Н. Азбелев находился в хосписе. В один из дней была особенно солнечная погода, и Сергей Николаевич с дочерью Татьяной выбрались на прогулку к местной церкви. Это последнее фото С.Н. Азбелева.

© Фото из личного архива дочери Татьяны Сергеевны

19 апреля 2016 г. в Пансионате ветеранов науки РАН
по случаю 90-летия С.Н. Азбелева

© Фото из личного архива дочери Ольги Сергеевны

УДК 94(47).021

ГОСТОМЫСЛ

С.Н. Азбелев

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
Россия 199034, г. Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4
e-mail: mail@histformat.com
Researcher ID: C-5151-2018
https://orcid.org/0000-0001-9063-6544
SPIN-код: 1390-8096

Авторское резюме

В статье проводится комплексный анализ источников о славянском правителе середины IX в. Гостомысле. Сопоставляются: (1) Краткие упоминания о Гостомысле в ряде летописей XIV-XVI вв., где он обычно назван старейшиной или посадником; (2) Сведнения известной по выпискам В.Н. Татищева Иоакимовской летописи, которая сообщает, что инициатором приглашения Рюрика был княживший до него у будущих новгородцев Гостомысл, а сам Рюрик был сыном его средней дочери, выданной за иноземного правителя; (3) Данные франкских источников, сообщающих об ободритском «короле» Gostomuizli/Gestimulus/Gostomuizli (так франки передавали славянское имя «Гостомысл»). Всестороннее рассмотрение исторических источников позволило сделать следующие выводы. После неудачи крупного восстания прибалтийских славян против Каролингской империи, происходившего в 838-839 гг. ободриты, велеты и руяне под главенством князя Гостомысла, вероятно, активизировали контакты со славянами, переселившимися ранее в северо-западные земли Восточной Европы. Нараставшая угроза интенсификации каролингского натиска усилила миграцию западнях славян на восток. В связи с вторжением войск Людовика Немецкого в 844 г., временный успех которого таил угрозу новых агрессий, происходит, очевидно, перемещение центра власти велетского объединения славян на восток, в результате которого Гостомысл оказывается у берегов Ильменя.

Ключевые слова: Гостомысл, варяги, Рюрик, Новгород, балтийские славяне, летописи, франки, остров Рюген.

GOSTOMYSL

Sergey Azbelev

Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of the RAS
4 The Makarov's Embankment, St. Petersburg, 199304, Russia
e-mail: mail@histformat.com

Abstract

The article provides a comprehensive comparative analysis of sources about Gostomysl, the 9th-century Slavic ruler: (1) Brief references to Gostomysl in a number of chronicles of the 14th-16th centuries, where he was usually called an elder or a posadnik; (2) Information from the now-lost Ioachim Chronicle, cited by the 18th century historian Vasily N. Tatishchev, on Gostomysl, a supreme ruler of the Ilmen Slavs (future Novgorodians) who facilitated the reign of his grandchild Rurik, a son of his middle daughter Umila married to a foreign prince; (3) Data from Frankish sources on the Obodrites' rex Gostomuizli or Gestimulus,

Gostomuizli (Franks' transliteration of the Slavic name Gostomysl). A comprehensive analysis of the historical sources resulted in the following conclusions. After the failure of a major uprising of the Baltic Slavs against the Carolingian Empire (AD 838-839), the tribes of Obodrites, Veleti and Rani under the rule of King Gostomysl probably intensified their contacts with the Slavs who had earlier moved northwest of Eastern Europe. The growing threat of the Carolingian onslaught pushed the migration of the Slavic tribes to the east. Due to the invasion of the Ludwig German's troops in AD 844, whose temporary success implied a threat of new aggression, the center of power of the Veletian association of Slavs evidently moved to the east, and Gostomysl came to be a ruler on the banks of Ilmen.

Keywords: Gostomysl, Varangians, Rurik, Novgorod, Baltic Slavs, chronicles, Franks, Rügen Island.

* * *

Краткие упоминания о Гостомысле есть в ряде летописей XIV-XVI вв., где он обычно назван старейшиной или посадником (см. об этом: Фомин 2005: 424). В этих летописях нет речи о предшествовавших Рюрику князьях иной династии, что естественно для памятников средневековой историографии, редактированных во времена правления Рюриковичей. Исключение составляет Иоакимовская летопись, основной текст которой сохранился до того времени, когда правила уже династия Романовых и ослабли побудительные мотивы именно Рюрика считать первым князем Русской земли. Обязанные устной традиции сведения Иоакимовской летописи (далее – ИЛ. См. о ней: Азбелев 2003: 6-27. См. также: Гагин 2006: 119-130) при соотнесении их содержания с иноязычными материалами Средних веков и с записями фольклористов Нового времени помогают пролить свет на вопрос о происхождении Гостомысла. Эта летопись сообщает подробно, что инициатором приглашения князя Рюрика был княживший до него у будущих новгородцев Гостомысл. А.А. Шахматов, не раз обращавшийся к преданию о Гостомысле, отмечал: «...память о Гостомысле держалась в Новгороде долго. Ср. новгородских бояр Гостомысловых (из их рода святая Иулиания Тверская)» (Шахматов 1908: 517).

Только в ИЛ говорится о долго правившей славянской династии, последним представителем которой как раз и был Гостомысл. Четыре сына его погибли бездетными при жизни отца, когда его возраст уже не давал надежд на продолжение рода по мужской линии. Но оставались дочери: они были замужем и имели сыновей. Сын старшей дочери, как здесь сказано, был «негож», поэтому Гостомысл, в соответствии с явившимся ему сновидением, решил завещать княжение сыну средней дочери, выданной за иноземного правителя. Старейшины, исполняя его волю, пригласили на княжение Рюрика.

Привожу полностью этот любопытный текст, как он был изложен Татищевым: «*Гостомысл имел четыре сына и три дчере. Сынове его ово на войнах избиени, ово в дому изомроша, и не остася ни единому им сына, а дчери выданы быша суседним князем в жены. И бысть Гостомыслу и людем о сем печаль тяжка, иде Гостомысд в Колмогард вопросити боги о наследии, и, возшед на высокая, принесе жертвы многи и весчуны угобьзи. Весчуны же отвесчаша ему, яко боги обесчают дати ему наследие от ложесн его. Но Гостомысл не ят сему веры, зане стар бе и жены его не*

раждаху, посла паки в Зимеголы к весчунам вопросити, и ти реша, яко имать наследовати от своих ему. Он же ни сему веры не ят, пребываше в печали. Единою спясчу ему о полудни виде сон, яко из чрева средние дсчери его Умилы произрасте древо велико плодовито и покры весь град Великий, от плод же его насысчахуся людие всея земли. Востав же от сна, призва весчуны. да изложат ему сон сей. Они же реша: "От сынов ея имать наследити ему, и земля угобзится княжением его", и вси радовахуся о сем, еже не имать наследити сын большия дсчере, зане негож бе. Гостомысл же, видя конец живота своего, созва вся старейшины земли от славян, руси, чуди, веси, мери, кривич и дрягович, яви им сновидение и посла избраннейшия в варяги просити князя. И приидоша, по смерти Гостомысла Рюрик со двема браты и роды ею» (Татищев 1962: 110. «Угобьзити» – насытить; «угобьзитися» – процвести, возвеличиться: Срезневский 1903: 1134).

Перед нами литературно обработанная запись устного предания. Фактическая его основа осложнена традиционным «бродячим» мотивом в рассказе о сне Гостомысла: параллели есть в фольклоре ряда народов. Уже Татищев указывал на сходный эпизод у Геродота; зафиксирован подобный мотив и в фольклоре скандинавском. Но ни дань фольклорной традиции в устной основе этого текста, ни принципиально возможные и местами довольно ощутимые плоды «олитературивания» в его письменной передаче не заслоняют важности центрального содержания: Рюрик – внук Гостомысла, рожденный его дочерью в замужестве за одним из «князей» в землях «варягов», для Гостомысла – «соседних».

Существенно, что Гостомысл известен и западноевропейским хроникам IX в.: он фигурирует там как король государства ободритов. Тождество уникального имени и хронологическое тождество не ускользнули от внимания историков. Уже А.Л. Шлёцер сопоставил летописные сведения о Гостомысле с наличием такого имени «в древнейшей Макленбургской истории», но не предал этому серьезного значения (Шлецер 1809: 303). Позднее другой русский академик Ф.И. Круг допускал, что население Северной Руси могло «обратиться к упоминаемому в 844 году Гостомыслу, царю ободритов, который без сомнения мог подать совет ильменским славянам призвать себе князя из соседних областей». Но летописные известия о Гостомысле Круг расценивал как «ни на чем не основанные предания» (Krug 1848: 127. См. также газетную прижизненную публикацию: Круг 1836: 422).

С большим доверием отнесся к таким данным спустя несколько десятилетий И.Е. Забелин. Напомнив, что Гостомысл, согласно текстам «латинских сказаний», – это живший в IX в. «старейший князь» ободритов, Забелин заключал, что если «в какой-либо русской древней хартии поминалось о нем как о личности, действительно существовавшей во времена призвания варягов, то это обстоятельство может давать намек, что Новгородскою волостью в то время владели именно ободриты, с их старейшиною Гостомыслом» – тем более, что «в Новгородской летописи первым посадником именуется тоже Гостомысл» (Забелин 1879: 86). Работу Ф.И. Круга автор не упоминает, но можно полагать, что у Забелина – косвенный ответ на ее скептицизм.

В то время речь шла только об упоминаниях Гостомысла в летописных текстах XIV-XVI в. Новгородскую ИЛ И.Е. Забелин, видимо, не принимал здесь во внимание вследствие неясности тогда ее происхождения. Имея в виду теперь и ее, можно заключить, что нет препятствий для отождествления короля ободритов Гостомысла и относимого этой летописью к тому же времени князя Гостомысла, санкционировавшего приглашение Рюрика.

В источниках нет сведений, с какого года его дед становится королем ободритов. Предшественник Гостомысла Чедраг в анналах упоминается последний раз под 826 г. Аргументировалось мнение, что после кончины Чедрага у ободритов произошла смена династии (см.: Friedmann 1986: 71-72). Но известий об их правителях, к сожалению, нет вплоть до 844 г., когда о короле ободритов Гостомысле говорится в связи с походом немецкого войска в земли славян. Эти известия каролингских хроник требуют сравнительного рассмотрения.

«*Hludowicus rex Germanorum populos Sclavorum et terras adgressus, quosdam in deditionem cepit, qosdam interfecit, omnes pene illarum partium regulos sibi aut vi aut gratia subegit*» (*Fontes ad Historiam 1958: 64*); «*Eodem tempore Ludewicus rex per / rexit in Winithos cum exercitu. Ibique unus ex regibus eorum interiit, Gestimus nomine, reliqui vero fidem prebentes veniebant ad eum. Quam illo absente statim mentientes*» (Fontes ad Historiam 1958: 346).

«*Hludowicus Obodritos defectionem molientes bello predomuit occiso rege eorum Gostomuizli terramque illorum et populum sibi divinitus subiugatum per duces ordinavit*» (Fontes ad Historiam 1960: 32).

Фульдские анналы, соответствующая часть которых писалась современником события, были в тот период официозной хроникой руководившего вторжением короля Людовика Немецкого. Здесь говорится о победе его над ободритами и подчинении князей после убиения их короля Гостомысла. В трудах историков довольно обычны основанные именно на этом известии упоминания, что Людовик умертвил короля ободритов (см. например: Giesebrecht 1843: 120; Wachowski 1950: 109; Dralle 1981: 43; Fritze 1982: 112; Friedmann 1986: 73-74; Havlik 1987: 155). Однако другие хронисты подобного не сообщают.

Бертинские анналы, соответствующая часть которых принадлежит тоже современнику, но независимому от Людовика, дают об этой войне, пожалуй, наиболее содержательное известие, в котором среди ее жертв Гостомысл вообще не назван. Третья современная событиям хроника – Ксантенские анналы – сохранилась в тексте, который после 870 г. был обработан сторонником Людовика Немецкого: но здесь лишь глухо упомянуто, что король Гостомысл погиб или исчез (interiit). Об его убиении однозначно написал только фульдский анналист (сокращенные и неточные повторы в хрониках X-XI в.: MGH 1839: 46-47. О них см. ниже). Но доверять этому нет достаточных оснований.

Продолживший изучение истории западных славян, начатое у нас известными трудами А.Ф. Гильфердинга, и внимательно сопоставлявший хроники

А.И. Павиньский отмечал, что «фульдский анналист, находившийся в личных отношениях с королем», существенно исказил результат следующей войны Людовика Немецкого с ободритами, которых возглавил князь Добромысл: сообщая о ней коротко, анналист представил ее как победу Людовика над Добромыслом. Между тем независимая от этого короля хроника Гинкмара (соответствующая часть Бертинских анналов) подробно повествует, в сущности, о поражении войск Людовика, единственным успехом которого оказалось добывание заложников. В данной связи А.И. Павиньский писал: «Это служит новым указанием на то, как неверно записывались события анналистами, находившимися в зависимости от королевского двора» (ранее, по сходному поводу, исследователь заметил, что «осторожно следует относиться к известиям, сообщаемым придворною анналистикою о победах над славянами») (Павинский 1871: 32, 56). Уже тот факт, что через сравнительно короткое время после первой войны с ободритами Людовику потребовалась вторая, победы ему не принесшая, свидетельствует, что и результаты первой войны были преувеличены писавшим Фульдскую хронику духовником этого короля Рудольфом. Даже Ксантенские анналы сообщали под тем же 844 г., что сразу после ухода войск Людовика славянские князья отпали от его власти.

Сведения русских летописей позволяют оспорить основанное на односторонней информации мнение, что Гостомысл был убит в 844 г. Если бы действительно во время интервенции Людовика Немецкого он находился на берегах Лабы и если бы, только убив славянского короля, Людовик сумел добиться подчинения местных князей, то весьма осведомленный труаский епископ Пруденций, писавший тогда хронику, дошедшую в составе Бертинских анналов, не умолчал бы о столь существенном факте, ибо он уделил специальное внимание этим событиям 844 г.

По всей видимости, Людовик воспользовался отсутствием Гостомысла, которое и позволило хотя бы ненадолго привести к покорности славянских князей. Так как среди них Гостомысла не оказалось, это открывало возможность признать его погибшим. В то время возраст Гостомысла вряд ли позволял ему лично участвовать в боях. Если его внук от средней дочери Рюрик родился в начале IX в. то в 844 г. Гостомыслу было немало лет. К тому же он был, очевидно, поглощен делами своих владений у славян приильменских, как позволяет заключить ИЛ.

Дату кончины Гостомысла она не сообщает. Но под 862 г. в анналах упомянуто о главенстве у ободритов Добромысла, следовательно, Гостомысл скончался ранее. В «Повести временных лет» 862-м годом датировано приглашение Рюрика, которому предшествовало изгнание «варягов» и внутренние раздоры. Это заставляет отнести смерть Гостомысла к самому началу 860-х годов или концу 850-х. Если же принимать разделяемую многими историками поправку хронологии «Повести» на шесть лет, которую обосновал в свое время В.Г. Васильевский (Васильевский 1894: 258-259), то следует считать, что Гостомысл скончался около

середины 850-х годов.

Фульдская хроника писалась Рудольфом до 863 г. Узнав, что Гостомысла действительно уже нет в живых, тенденциозный хронист не смущаясь мог трактовать смерть вражеского короля как впечатляющий успех своего повелителя во время малорезультативного на самом деле похода против славян в 844 г. В действительности смерть Гостомысла наступила от естественных причин и не в Западной Прибалтике, а на новгородской земле. Об этом свидетельствуют данные ряда русских источников – фольклорных и летописных.

Существует во многих списках созданная уже в XVII веке так называемая «История еже о начале Русския земли», которая совместила использование письменной и фольклорной традиций. Об этом памятнике разговор должен быть отдельный, а о Гостомысле там говорится в основном то же, что и в НИЛ, но значительно короче. Однако есть важное дополнение к ее известиям. После изложения завещания Гостомысла здесь сказано: «И егда сей умре, тогда всем градом проводиша до гроба честно, до места нарицаемого Волотово и погребоша его» (Попов 1869: 447). Аналогичное известие находится в летописце новгородского Николо-Дворищенского собора. Нынешнее местонахождение этой рукописи неизвестно, но ее цитировал, в частности, архимандрит Макарий в своем капитальном труде о древностях Новгорода. И сам Макарий, и ряд его предшественников пересказывали народное предание, относящееся к могиле Гостомысла: это одна из сопок вблизи церкви села Волотова – «холм, насыпанный над могилою князя славянского Гостомысла будто бы пригоршнями новгородцев, чтивших память своего любимого старейшины, по совету коего призван Рюрик на княжение» (Макарий 1860: 568).

Еще в 1821 г. известный этнограф и фольклорист А. Чарноцкий предпринимал поиск предполагаемой могилы Гостомысла, раскопав ближайшую к церкви сопку, имевшую сравнительно небольшие размеры. В насыпи Чарноцкий нашел костные останки, принадлежавшие животным, и древесные угли. По заключению архимандрита Макария, «все это осталось, вероятно, после совершаемых некогда над могилою тризн» (Чарноцкий 1839: 172-173; Макарий1860: 568. Примеч. 355). Повторно сопка была разрыта в 1878 г. под наблюдением Н.Г. Богословского при посещении Новгорода великими князьями. В ней «ничего найдено не было» (Ласковский 1913: 287).

Волотово поле, на котором, согласно пересказывавшимся авторами XIX в. народным преданиям, «славяне-язычники погребали своих князей, старейшин и богатырей» (Толстой 1862: 258), вероятно, заслуживает серьезного внимания современных археологов. Захоронение Гостомысла может выделяться среди других своим инвентарем. Найти его – задача, конечно, далеко не простая, но, думается, не безнадежная.

Общественный статус Гостомысла у прибалтийских славян был настолько значителен, что побуждал даже враждебного хрониста называть его королем (rex).

Прибытие этого лица в пределы будущей Новгородской земли естественно связывать с усилением немецкого натиска на земли славян, в частности – на государство ободритов. Переселялся оттуда на берега Ильменя, очевидно, далеко не один Гостомысл. Причины же такой миграции не уменьшались, а возрастали. Начавшись, вероятно, еще при Карле Великом, она подсказывала путь и Гостомыслу. Биография этого деятеля, хотя и доступная гипотетическому выяснению лишь фрагментарно, может служить иллюстрацией того, какова могла быть вообще этническая предыстория значительной части населения Новгородской земли.

О том, что она имела, весьма давние связи с западными, прибалтийскими славянами, неопровержимо свидетельствуют данные археологии, языкознания и этнографии, обобщенные недавно В.Л. Яниным. Он писал: «Комплекс археологических свидетельств (особенности керамики, домостроительства, оборонительных сооружений), топонимики и ономастики, ориентации денежно-весовой системы Северо-запада в сочетании с… лингвистическими наблюдениями указывают на то, что исходные импульсы передвижения славянских племен на наш угро-финский север находились на территории славянской южной Балтики. Отсюда предки будущих новгородцев и псковичей были потеснены немцами» (Янин 2000: 923).

Интересные дополнительные данные для характеристики этого процесса может дать дальнейшее обращение к фольклористике в сопоставлении со свидетельствами не только западноевропейских, но и арабских источников. Сорок пять лет назад петербургский историк В.Б. Вилинбахов в польском славистическом журнале суммировал свои наблюдения и разыскания относительно соотнесенности ряда мотивов и персонажей русского фольклора – главным образом былин – с балтийскими славянами (Вилинбахов 1965: 155-191). Более обстоятельному рассмотрению отдельных составляющих темы были вскоре посвящены небольшие его статьи, напечатанные в России (Вилинбахов, Энговатов 1965: 99-108; Вилинбахов 1971: 226-229; 1972: 213-217 и др.). Но должного внимания тогда эти разрозненные работы не привлекли, а скоропостижная смерть автора в 1982 г. помешала ему совокупно представить свой материал в компактном, но достаточно развернутом изложении. Ему принадлежал и ряд полезных работ, затрагивавших тему исторических связей между восточными и балтийскими славянами в историографическом аспекте (Вилинбахов 1962: 254-277; 1963: 333-347; 1980: 79-84 и др.).

Особый интерес представляют произведенные Вилинбаховым сопоставления образов русского фольклора, отобразивших народные представления об «острове Буяне», с реалиями западнославянского острова Руяна, на котором находился религиозный центр прибалтийских славян-язычников вплоть до их насильственной христианизации во второй половине XII в. Согласно выводу Вилинбахова, «вся атрибуция острова Буяна (священный характер, священный дуб,

змеи, янтарь, священные птицы, старцы и старицы) полностью соответствуют описаниям Арконского святилища на острове Руяне» (Вилинбахов 1968: 184). Сравнение некоторых оригинальных пассажей в текстах народных заговоров восточных славян с атрибутами главного божества славян балтийских – Святовита, в частности, с сохранившимися описаниями его идола, находившегося в Арконе, позволило автору заключить, что эти тексты передают в трансформированном виде древние молитвы, обращенные к Святовиту (Вилинбахов 1973: 190-198).

В обеих работах В.Б. Вилинбахов использовал преимущественно записи севернорусских заговоров. Отображение представлений о священном острове можно обнаружить и в других жанрах – главным образом в былинах, записанных в пределах владений Великого Новгорода. «Остров Буян» предстает здесь как средоточие сверхъестественных сил, в частности, как место пребывания символизирующих эти силы мифических животных. Былины, повествующие о вражеском нашествии, имеют нередко в качестве преамбулы так называемый «запев о турах», глубокая архаичность которого у исследователей не вызывала сомнений: два тура, переплыв море, оказываются на «острове Буяне», где их встречает мать – турица; они ей рассказывают об увиденном, она истолковывает его как предзнаменование грядущих бедствий (Архангельские былины 1: 311-312; Архангельские былины 2: 60-61, 236-238, 299-300; Архангельские былины 3: 53-54, 76-77, 163, 378-379; Беломорские былины 2002: 339-340).

В записях былины о Даниле Ловчанине богатырю, которого хотят погубить, дают поручение отправиться на «остров Буян», дабы поймать или убить диковинного зверя, одолеть которого богатырю удается обычно только при содействии чудесных сил (Печорские Былины 1904: 163-168; Архангельские былины 2: 60-61, 178-182, 245-248, 264-266, 412-414; Беломорские былины 2002: 203-204). На Балтийском острове, по представлениям севернорусских сказителей былин, находился как бы международный центр былинных богатырей.

Былиновед-диалектолог Г.Ф. Нефедов писал: «Интересны мои встречи с былинниками. Один из них рассказывал мне предания и давал объяснения содержания былин… О Добрыне говорит: "Добрыня раньше был необразованный: образование получил на Балтийском острову, куда съезжались богатыри всех государств. Он был напрактикован там на 12 языках и знал разговор птичий"» (Нефедов 1939: 258-259).

Гельмольд, рассказывая о современных ему событиях 1168 г., когда король Дании при поддержке поморян и ободритов, высадившись на острове, подчинил «землю руян», писал, что их князь Яромир «с охотой принял крещение» и «привлек этот дикий и со звериной яростью свирепствующий народ к обращению в новую религию отчасти ревностной проповедью, отчасти же угрозами, будучи от природы жестоким» (Гельмольд 1963: 235-236). Свирепый нрав жителей Руяна, отмечавшийся не только Гельмольдом, в древнерусском языке имел обозначение «буий» и производные от него (Словарь 1975: 348-351, 361), что, вероятно, привело к

соответствующему прозванию самого места обитания этих буйных людей – по близкому созвучию.

Нахождение же там главного языческого святилища балтийских славян в течение ряда столетий – как раз в то время, когда нарастали побудительные мотивы переселений балтийских славян на восток, – очевидно, и закрепило в восточнославянском фольклоре образ «острова Буяна» как средоточия сверхъестественных сил. Но Руян отобразился и в западном фольклоре, вдохновленном устремлениями католической церкви.

По словам Гельмольда, «*старое предание вспоминает, что Людовик, сын Карла, пожаловал некогда землю руян св. Виту в Корвейе, потому что сам был основателем этого монастыря. Вышедшие оттуда проповедники, как рассказывают, обратили народ руян, или ран, в веру и заложили там храм в честь мученика св. Вита, которого почитает эта земля. После того же как раны, они же руяны, с изменением обстоятельств, отклонились от света истины, среди них возникло заблуждение, худшее, чем раньше, ибо св. Вита, которого мы признаем слугой Божьим, раны начали почитать как бога, поставили в честь его громадного идола и служили творению больше, чем Творцу. И с тех пор это заблуждение у ран настолько утвердилось, что Святовит, бог земли руянской, занял первое место среди всех божеств славянских… и все другие славянские земли посылали сюда ежегодно приношения, почитая его богом богов*» (Гельмольд 1963: 236-237).

В правление Людовика Благочестивого, сына Карла Великого действительно был основан Ново-Корбейский монастырь, посвященный св. Виту, куда были перенесены мощи его из древнего Корбейского монастыря, существовавшего еще в VII в. на ручье Корбэ близ Амьена. Аббаты его и основали новый монастырь на берегу Везера в 816 г.

О достоверности предания одно время велся спор, ее признавали некоторые видные славянские ученые (см. об этом: Нидерле 1956: 283). Но производить имя Святовит от святого Вита мешает то обстоятельство, что вторая часть этого имени присутствует и в именах других богов балтийских славян – Ругевит и Поревит (см.: Niderle 1919: 149). Можно полагать, что существовала несколько иная зависимость (см. ниже). Предание же бытовало как оправдание претензий монастыря на владение островом Руяном. Они отразились в ряде документов начиная с 1070 г., когда аббат Корбейского монастыря в описи его владений назвал остров Рюген. Подтверждения этих претензий есть и в документах XI и XII вв., в частности, датированном 1149 годом письме аббата, желающего вновь получить местность Ruiana, подаренную монастырю императором Лотарем, а папа Урбан IV в 1154 г. подтвердил права монастыря на владение островом Рюген. Но с 1168 г, руянские князья стали вассалами Дании. В XIV в., после прекращения рода славянских князей, встал вопрос, дому достанется остров. В 1326 г. аббат монастыря представил для заверки грамоту, которая открывала возможность считать поморских князей,

получивших Рюген, ленниками Корбейского монастыря. Этот любопытный документ возвращает нас к середине IX в.

Дарственная грамота, датированная 844 г., сообщает, что император Лотарь даровал Ново-Корбейокому монастырю на реке Везер, в котором покоятся мощи св. Вита и предстоятелем которого состоит аббат Варниус, весь остров Рюген со всеми поселениями и жителями, ибо при заступничестве св. Вита император победил славянского князя Гостомысла и завоевал его землю. Документальная копия грамоты, совершенная в 1326 г. и находящаяся в архиве Мюнстера, была опубликована с подробными комментариями в 1843 г.

Дословно здесь говорится, что монастырю передается «*достояние от возобновления войны, вражеских набегов и полного разгрома их короля по имени Гестимул и других вождей его многочисленных племен*» (Kodex Pomeraniae diplomaticus 1843: 12. Без комментариев: Pommersches Urkundebuch 1868: 2). Об убиении этого короля в тексте речи нет, победа же над его войском и вождями подчиненных ему племен приписывается не Людовику Немецкому, королю восточных франков, а Лотарю, возглавлявшему тогда империю (номинально еще существовавшую, но разделенную на три части в 843 г., причем центральная часть, принадлежавшая непосредственно Лотарю, включала территорию, где находился Корбейский монастырь).

Лотаря называли победителем славян в 844 г. и хроники Херсфельдской традиции (повторявшие основное содержание современных событию Фульдских анналов, но без упоминания ободритов. Эти анналы Вайсенбургские, Кведлинбургские, Хильдесхаймские, Альтайхские, Ламперта. См.: MGH 1839: 46-47; MGH 1868: 784). Их использовала хроника самого Корбейского монастыря, где почерком ХП в. в более ранний текст вписано соответствующее известие, причем, в отличие от этих хроник, побежденные славяне названы руянами, а Гостомысл фигурирует, соответственно, как король руян (MGH 1839: 3).

Немецкие исследователи признали грамоту подложной и составление ее связали с упомянутыми выше обстоятельствами XIV в. Но сам факт дарения Рюгена императором Лотарем Корбейскому монастырю сомнению не подвергали в связи с наличием гораздо более ранних свидетельств, достаточно определенно это подтверждающих (см. комментарии: Kodex Pomeraniae diplomaticus 1843: 13-15. Здесь документированы ссылками на источники упомянутые мной выше сведения относительно истории монастыря). В связи с событиями 844 г. высказывалось мнение, что может быть, с Гостомыслом «воевали не раз или Лотарь участвовал в походе» (который, согласно хроникам IX в. организовал Людовик Немецкий), с чем и было связано дарение, а лишь задним числом его как бы удостоверила грамота, изготовленная много позже (Fabricius 1841: 9. В советское время запальчиво оспаривал подобное мнение Г. Ловмяньский, исходивший из убеждения, «что так далеко каролингская экспансия не распространялась»: Ловмяньский 2003: 153-154).

Однако в хрониках IX в. нет сведений о других войнах Каролингов с Гостомыслом, как и об участии Лотаря в войне 844 г. Но Лотарь был официальным главой Каролингской империи и мог, конечно, опираясь на известия о военном успехе своего младшего брата, пожаловать монастырю права на часть территории побежденных. Пожалование Руяна именно монастырю св. Вита, конечно, подсказывалось тем, что на Руяне находилось святилище главного божества балтийских славян Святовита. Церковная традиция – замещать почитание языческих божеств почитанием христианских святых, имена которых оказывались созвучны (что практиковалось и на Руси), вполне могла инициировать направление корбейских проповедников на этот остров, где проповедь их, вероятно, оказалась результативной среди славян, вообще восприимчивых к христианству, как это показывает успех миссии Кирилла и Мефодия в Центральной Европе. Но когда для прибалтийских славян стало вполне очевидно, что их обращение в христианство используется как действенное средство в процессе германизации и ведет к полной утрате ими независимости, верх одержали языческие жрецы, от почитания св. Вита руяне вернулись к Святовиту, изгнав христианских священников и даже начав в жертву ему приносить христиан. Толчком для такого поворота могло послужить жестокое подавление Каролингами восстания соседних с руянами лютичей и ободритов в 838-839 гг.

Естественно, что ситуация, сложившаяся в результате войны 844 г., подсказала «дарение» монастырю острова, который предстояло христианизировать – теперь уже принудительно – в ходе дальнейшего наступления империи на славян.

Составители подложной грамоты, вероятно, использовали другую версию предания, пересказанного Гельмольдом: они опирались на убеждение, что Гостомысл владел и островом Рюген. Это задним числом сообщили только анналы самого Корбейского монастыря, где есть упомянутое выше краткое известие. Считать его лишь плодом тенденциозного вымысла мешает достаточно ощутимая соотносимость с версией, отраженной у Гельмольда: если при Людовике Благочестивом корбейские монахи обратили руян в христианство, то ему или его сыну Лотарю естественно было бы закрепить остров за монастырем. Но оказалось, что для этого потребовалась победа над королем Гостомыслом, хотя Руян не входил в территорию ободритов, война с которыми Фульдской хроникой IX в. была зафиксирована.

Но Бертинские и Ксантенские анналы, говоря о войне 844 г., называют не ободритов, а вообще славян. То обстоятельство, что Гостомысл фигурирует в Фульдской хронике IX в. именно как король (rex), которому подчинены славянские «корольки» (reguli), давно обращало на себя внимание исследователей, отмечавших, что предшествующих и последующих правителей ободритов хронисты называли князьями, а не королями (см. например: Bulin 1958: 38-39; Fritze 1860: 157). Естественнее всего объяснить эту особенность тем, что к середине IX в.

сложился более широкий союз племен, возглавлявшийся Гостомыслом (ср.: Friedmann 1986: 74). Центр этого союза мог находиться именно на Руяне. Гельмольд, писавший, правда, позднее, особенно выделял племя руян: «Они занимают первое место среди всех славянских народов, имеют короля и знаменитейший храм. Именно поэтому, благодаря особому почитанию этого храма, они пользуются наибольшим уважением и, на многих налагая дань, сами никакой дани не платят, будучи неприступны из-за трудностей своего месторасположения. Народы, которые они подчинили себе оружием, принуждаются ими к уплате дани их храму» (Гельмольд 1963: 100). Выделял руян как сильнейшее из славянских племен и писавший за сто лет до Гельмольда Адам Бременский.

В IX в. Руян еще успешно противостоял Каролингам, хотя война 844 г. своим результатом побуждала активизировать перемещение балтийских славян на восток. Можно полагать, что как раз в это время король руян и ободритов Гостомысл стал инициатором усиления упомянутого процесса. Новгородская ИЛ позволяет именно в таком смысле истолковывать ее лапидарный текст.

Эта летопись упоминает «Великий град» как столицу, которая была захвачена пришельцами «варягами». Столицей ободритов был Велиград, название которого и латинские тексты передают как Магнополис, т.е. именно Великий город. Этот город, известный также под названием Рерик, был разрушен во время нападения датского правителя Годфреда в 808 г., о чем сообщают хроники, причем была опустошена земля ободритов, которые оказались вынуждены пообещать выплату дани. О возложении дани в связи с захватом «Великого града» и «протчих» говорится и в ИЛ. Согласно ее тексту, Гостомысл, посланный отцом по просьбе людей, которые «терпяху тугу велику от варяг», их «овы изби, овы изгна», и после победы над ними «град во имя старейшего сына своего Выбора при мори построи». Критики ИЛ летописи указывали на то, что город Выборг построен шведами значительно позже в бухте Финского залива. Последний переписчик ИЛ, вероятно, думал действительно о нем, транскрибируя соответственно написание своего скорописного оригинала. Но можно полагать, что там читалось не совсем так. Разрушенный Велиград находился на некотором удалении от Балтийского моря; он со временем возродился, но прежнего значения уже не имел и, хотя оставался главным городом ободритов, был известен уже под своим немецким именем Микилинбург (отсюда позднейшее название немецкой земли Мекленбург). Зато именно «при мори» – на той же реке, что и Велиград-Рерик, но при впадении ее в море, вскоре появился город Вышмор (или Весмир), впоследствии получивший немецкое название Висмар, который стал крупным центром торговли, каким был прежде Велиград (см. например: Havlik 1987: 155. Подробнее обсуждал последний вопрос А.Ф. Гильфердинг уже в первой части своего труда: Гильфердинг 1855: 72-73).

Следующая фраза *ИЛ*: «Учини с варяги мир, и бысть тишина по всей земли». Как раз к этому периоду относится заключение немецкого исследователя истории государства ободритов о переходе их «от союза с франками к альянсу с данами», причем «взаимодействие ободритов и данов», по его словам, «стало важным фактором политических расчетов» (Friedmann 1986: 139-142).

ИЛ, писавшаяся в начале XI в. в Новгороде, не вдавалась в систематическое рассмотрение обстоятельств, важных для ободритов, велетов и руян на полтора столетия раньше. Ее интересовали дела Приильменья, а не Прибалтики. Поэтому не вызывает удивления отсутствие в ней известий о военных действиях там в 838-839 гг., в 844 г. и позже, но симптоматично упоминание о «тишине» в связи с разговором о Гостомысле. Немецкие историки, склоняясь к тому, что в этот период у ободритов произошла смена династии, показателем этого считали резкие отличия имен Гостомысла, упомянутого под 844 г., и Добромысла – под 862 г. – от имен предшествовавших правителей. К середине IX в. относили и переход от племенного управления к политическому единству (Fritze 1860: 201-202), причем «правление Гостомысла должно было иметь достаточную силу, чтобы вовлечь всех подвластных ему князей» в борьбу против подчинения Каролингам (Friedmann 1986: 74).

Можно полагать, что могущество Гостомысла в Прибалтике основывалось на объединении под его управлением руян и ободритов при ориентации на альянс с датчанами. Но этим обеспечивалась не столько безопасность от продолжавшегося наступления Каролингов, сколько «тишина» для той части прибалтийских славян, которая переместилась на восток, будучи там защищена от Каролингов.

Соотнесенность Гостомысла в латинских источниках не только с ободритами, но и с руянами, требует обратить специальное внимание на историческую роль места обитания последних, именуемого в немецких текстах Insel Rugen, а в русском фольклоре – «остров Буян». Главенствующее положение Руяна и его правителей среди племен славянского Поморья – от Дании до земли пруссов, отмеченное средневековыми хронистами, заставляет именно там усматривать центр Руси прибалтийской.

Как известно, из трех «центров» (или «племен» или «видов») Руси (в зависимости от различия предлагавшихся переводов), о которых писали арабские авторы середины X-го века и позже, относительно двух первых мнения подавляющего большинства исследователей в основном сходятся: это Киев и Новгород. Что касается третьего, то географический разброс предлагавшихся идентификаций его на просторах Восточной Европы был весьма значителен – при одинаковой, в общем, недостаточности соотнесений с тем, что говорится у не во всем совпадающих авторов дошедших арабских свидетельств. Эти свидетельства, относящиеся к Руси и славянам, касаются не только трех «центров» – разнообразный по содержанию комплекс восточных источников довольно велик. В совокупности они были рассмотрены не так давно А.П. Новосельцевым, работа

которого сохраняет значение и ныне, спустя четыре с лишним десятилетия, хотя отдельные памятники после нее подвергались более обстоятельному обсуждению. Но аргументацию своих предшественников Новосельцев анализировал порой бегло, а нередко ограничивался упоминанием. Это относится и к вопросу о трех «центрах».

Сравнительно полный обзор предшествующих работ был помещен ранее в статье В.Б. Вилинбахова (Wilinbachow 1961: 517-530). Сам автор предположил, что все три «центра» находились на южной Балтике. Однако аргументы в пользу такой идентификации «Куявии» и «Славии» представляются слишком недостаточными, и поддержки она не получила.

По словам А.П. Новосельцева, «чешский арабист И. Хрбек опубликовал большую статью, ставящую целью доказать, что Арсанийа – не что иное, как западнославянский остров Рюген», но, «несмотря на большой исторический и лингвистический материал, использованный И. Хрбеком, его точка зрения не убеждает» (Новосельцев 1965: 418). Единственным аргументом в пользу такого заключения Новосельцева оказывается его фраза: «Т. Левицкий уже после выхода в свет статьи Хрбека считает возможным отождествлять Арсу с мордовской эрзей» (Новосельцев 1965: 418). Но вышедшая в Польше всего через три года после напечатанной в Чехословакии работы Грбека статья Левицкого просто была написана раньше, чем автор ее смог познакомиться с исследованием Грбека, которого Левицкий вообще не упомянул, говоря об истории вопроса (см.: Lewicki 1961: 61-124).

Не сказав ничего более конкретного об этом исследовании, Новосельцев переходит к краткому аргументированию собственной точки зрения, которое сводится к варьированию аргументов его предшественников и позволяет автору заключить, что целесообразно «присоединиться к сторонникам расположения Арсы в районе Верхней Волги и поместить третий вид русов где-то в районе Ростова – Белоозера» (Новосельцев 1965: 419). Между тем исследование И. Грбека заслуживает весьма внимательного отношения – уже только потому, что опирается на тщательный текстологический разбор всех имеющихся свидетельств (с учетом палеографических особенностей их). В приложении к своей работе автор приводит все тексты в оригинале и в переводе, а обращаясь к их рассмотрению, полностью учитывает историко-литературный фон и историю самих памятников, историю их взаимных отношений, сопоставляет внимательно варианты написаний ключевых терминов во всех имеющихся рукописях (Hrbek 1957: 628-652).

Рассмотрев в четком, компактном изложении мнения и аргументацию своих предшественников. И. Грбек продемонстрировал уязвимость их построений, констатировал, что им не удалось «прийти к одной общепризнанной точке зрения» и что «предыдущие попытки исходили не из всех фактов, содержащихся в арабском оригинале книги Аль-Истахри». Написанный около 950 г. этот текст послужил источником для почти дословно повторившего его Ибн-Хаукаля и для

анонимного автора «Худуд-аль-Алама», который, используя и другие источники, «комбинирует их с первоначальными сведениями Аль-Истахри, что, однако, скорее отрицательно, чем положительно отразилось на ясности текста» (Hrbek 1957: 628). Как показал И. Грбек, смущавшие некоторых интерпретаторов противоречивые географические указания, что «Арта» и «Артания» помещаются «между землей хазар и Великим Булгаром» и вместе с тем что за «Артой» находится безлюдная земля, до которой можно дойти до гор, где расположена стена Александра для защиты от Гога и Магога, и даже, что «Гог и Магог – племена русов», которые «относятся к тюркам» (Hrbek 1957: 634), – это индивидуальные добавления некоторых рукописей Аль-Истахри, обязанные в первом случае «ошибке при переписывании» (Hrbek 1957: 646), а во втором явившиеся «лишь результатом комбинирования и фантазирования» (Hrbek 1957: 648).

Путем скрупулезного текстологического сличения и источниковедческого анализа И. Грбек доказывает не только это. Обратившись к тексту «Худуд-аль-Алам», исследователь констатирует, что указание, будто бы все три центра трех племен руси находятся на «реке Рус», – «результат комбинаций анонимного автора» (Hrbek 1957: 632). И. Грбек допускает вначале, что из оригинальных известий этого источника можно было бы «с доверием относиться разве что к сведениям об изготовлении мечей и клинков» именно в «Артабе» (Hrbek 1957: 634). Но после сопоставлений с совокупностью аналогичного рода известий арабских предшественников у этого анонима И. Грбек отводит такое предположение, написав: «Автор "Худуд-аль-Алам" знал о производстве мечей в России, однако точное место их происхождения оставалось для него неизвестным. Поэтому он просто приписал их городу "Артабу", о котором на основании данных Аль-Истахри предполагал, что он находится в России» (Hrbek 1957: 644). Автор оставляет вне рассмотрения позднейшие обработки и компиляции, заметив, что «Аль-Идриси, Ад-Дамашки и Ибн-Ияз делают лишь несущественные дополнения, являющиеся чистой фантазией и не имеющие ценности источников» (Hrbek 1957: 635).

Анализируя построения своих предшественников, И. Грбек обращает внимание на то, что если Киев и Новгород как центры соответствующих «племен» Руси идентифицировались довольно убедительно большинством исследователей, то в качестве третьего центра предлагалось много вариантов, ни в одном из которых речь не шла о городе, выдерживающем сравнение по значимости с Киевом или Новгородом.

Этот существенный дефект преодолен автором, который так формулирует условия решения задачи: I) следует иметь в виду «всю территорию славян в первой половине 10 века;2) город (и племя) должен был иметь приблизительно такое же политическое и/или экономическое значение, как Киев и Новгород; 3) название города должно графически (и фонетически) соответствовать арабской форме "Арка (Арфа)"; 4) название племени должно соответствовать форме "артания" (или ее вариантам); 5) предметные данные арабских авторов должны соответствовать

действительному положению вещей» (Hrbek 1957: 638).

Обозрев состояние славянских политических образований на юге и западе Европы в сопоставлении со степенью их известности у арабов того времени, И. Грбек приходит к заключению, что речь должна идти именно о прибалтийских славянах – тем более, что «на южном побережье Балтийского моря, а также на островах, было найдено много арабских монет (преимущественно саманидского происхождения), относящихся к 8-10 векам» (десятки тысяч монет в сотнях отдельных находок). Это свидетельствует, что как раз прибалтийские славяне «поддерживали в 9-10 веках оживленные торговые связи с восточными частями халифата» (Hrbek 1957: 640). Отсюда – правомерность попытки искать город «Арка» и племя «артания» именно здесь, но не в Скандинавии, где пытались искать их позднее без должного учета исследований Грбека и данных археологии, о которых писал В.Л. Янин, охарактеризовав датированные находки, относящиеся к периоду до конца первой четверти IX в.: «Основная и при том сравнительно более ранняя группа западноевропейских кладов восточных монет обнаружена не на скандинавских землях, а на земле балтийских славян» (Янин 1956: 89).

Отметив, что варианты текста в рукописях позволяют читать название города, как Арка, а «произношение могло также звучать "Арко"», И. Грбек обращает внимание читателя, насколько близки «засвидетельствованные формы названия Аркона (Archon, Arkon, Arcun, Arcon)» на острове Рюген (Hrbek 1957: 640).

Автор указывает, приводя свидетельства источников, что «город Аркона принадлежал к наиболее крупным и значительным торговым центрам на Балтийском море», напоминает, что именно в Арконе «находилось святилище языческого бога Святовита – культовый центр балтийских славян, в который стекались дары и пожертвования со всех славянских земель». Наивысший расцвет Арконы относится к XI-XII вв., а это позволяет полагать, что «она была достаточно знаменита и в X веке», выдерживая сравнение с Киевом и Новгородом (Hrbek 1957: 640).

Название племени, пишет И. Грбек, «мы можем прочесть как "аруяния"; славянское племя, населявшее остров Рюген (Rana, Ruiana, Ruyia, Rugia, Roja, Rugiana), имеет у анналистов различные названия: Rugiani, Ruyani, Rujani, Rojani, Ruani, Rani и т.д.». Автор отсылает к работе Милевского, который «доказал, что Ruiana, Ruiani является более древним обозначением острова и его жителей, а Rana, Rani – более поздним», и обращает внимание на то, что именно «древнейшая форма (Ruiani) весьма сходна с формой (А)руяния, засвидетельствованной у Аль-Истахри» (Hrbek 1957: 641).

И. Грбек указывал попутно на «интересную параллель с отнесением арабами жителей Рюгена к русам: Герборд и Эббон называют остров Рутения, а его жителей – рутены» и напоминал, что «оба названия всегда использовались средневековыми хронистами в качестве обозначения России и русских», а «в Магдебургских анналах за 969 год жители Рюгена именуются Rusci» (Hrbek 1957: 641). Автор исследования,

посвященного арабским свидетельствам, не углублялся в поиск подобных параллелей у авторов западноевропейских. Такой поиск осуществил впоследствии Н.С. Трухачев, а до него приводил аналогичные примеры – тоже применительно к прибалтийским славянам – А.Г. Кузьмин. Ранее М.А. Максимович обращал внимание на известия западных источников «об участии русского князя (Princeps Russiae) Велемира, русского герцога (Dux Russiae) Радеботта и ружского князя Венцеслава (Pr. Rugiae) в Магдебургских турнирах Генриха Птицелова в 938 г.». Он замечал: «...из сего видно (по условиям турнира), что эти Russia и Rugia в первой половине X века были в пределах Римской империи; что эти русские князья были веры западной» (Максимович 1876: 322-333). См. например: Goldast 1713: 213-214. Здесь сказано, что дается перечень участников из областей Империи: Германии, Галлии и Sclavorum. Таким образом, славянские князья, охваченные процессом христианизации и участвовавшие в этих турнирах, являлись на них представителями, очевидно, Руси прибалтийской, номинально уже входившей в состав Империи.

Обратившись к рассмотрению «предметных данных» арабских текстов, И. Грбек констатирует: «Они соответствуют тому, что мы знаем из других источников об Арконе, Рюгене и их жителях» (Hrbek 1957: 641). Географическое положение Рюгена и Арконы «вполне соответствует сообщению о морской торговле, и торговая деятельность жителей острова» достаточно отражена в источниках. «Руяни предпринимали путешествия в различные страны, а в самой Арконе имелся особый квартал, где жило много иностранных купцов», – пишет И. Грбек, ссылаясь на источники (Hrbek 1957: 641).

Предшественников И. Грбека особенно смущала фраза арабского текста о том, что жители «Арты» убивают иноземцев. Даже после его работы А.П. Новосельцев счел возможным присоединиться к тем, кто полагал, что это – ложное утверждение, которое «распространяли булгарские купцы» (Новосельцев 1965: 419). Между тем нет никакой нужды в столь натянутом объяснении, так как арабская информация лишь, обобщая, гиперболизирует реальные факты. Они, в свою очередь, объяснялись реакцией именно балтийских славян на жестокости насильственной христианизации в ходе военной экспансии Каролингов. Как раз на Рюгене, в Арконе, напоминает И. Грбек, «стоял известный храм языческого бога, где ежегодно приносился в жертву один христианин, то есть иностранец» (Hrbek 1957: 642). Автор подчеркивает, что «источники говорят о жителях Рюгена в довольно сильных выражениях, таких, как "crudentes", "gens fortissima" и т.п.», и христианским миссионерам «было опасно для жизни отправляться к ним» (Hrbek 1957: 642). Грбек отмечает, что в непосредственном соседстве с островом Рюген обитали четыре племени велетов, которые принадлежали к наиболее диким и жестоким славянским племенам, причем «неоспоримо, что лютичи-велеты были далеко за пределами своей родины известны необычайной жестокостью и дикостью и что их отношение к чужакам было крайне недружелюбным». И. Грбек

справедливо объясняет это «длившейся столетиями враждой с немцами и христианами» (Hrbek 1957: 643). В примечаниях И. Грбек напоминает сообщения Адама Бременского и Гельмольда о жителях расположенного вблизи Руяна крупного торгового центра балтийских славян – Волина: они «были гостеприимны, однако саксы, которые туда отправлялись, должны были скрывать свое христианство, чтобы не лишиться жизни» (Hrbek 1957: 643).

Напомнив о предположении, будто бы сведения «о враждебности жителей "Арки" по отношению к чужеземцам» являлись «вымыслом с целью отпугнуть чужих купцов», И. Грбек называет его «совершенно излишним», так как «мы можем согласовать сообщение Аль-Истахри» с тем, «что мы знаем о балтийских славянских племенах из других источников, и нам не требуется прибегать к легенде для объяснения этого явления» (Hrbek 1957: 643).

Автор рассматривает перечни товаров, которые, согласно арабским источникам, вывозились из «Арки». Аль-Истахри указывает только свинец и черных соболей, Ибн-Хаукаль добавляет еще черных лис и «зайбак». Проанализировав соотношения рукописей, Грбек приходит к заключению, что «данные Ибн-Хаукаля о вывозе лис и рабов из "Арки" могут восходить к маргиналиям Аль-Истахри», и тогда «мы можем считать их достоверными» (Hrbek 1957: 644). «Как важный торговый центр на Балтийском море Аркона сосредоточивала товары из различных соседних стран», – подчеркивает И. Грбек и указывает, что меха, естественно, могли доставляться из Швеции и Восточной Европы, а свинец – из той же Швеции, Польши или Силезии и даже из прибалтийского Поморья. Он приводит данные источников относительно месторождений там свинца, о развитом экспорте мехов из названных земель как раз в то время, о котором идет речь. Что касается работорговли, то И. Грбек отсылает к информации Гельмольда, который «подчеркивает, что Rujani приобретают свое богатство за счет продажи рабов», а, кроме того, вообще «имеется много свидетельств о работорговле в балтийских странах» (Hrbek 1957: 645).

И. Грбек резюмирует, что «ни один из фактов не свидетельствует против идентификации "Арка" с Арконой, а "аруяния" с жителями Рюгена; описание, которое содержит первоисточник Аль-Истахри, вполне соответствует этническим и хозяйственным отношениям в Арконе, на Рюгене и славянском побережье Балтийского моря» (Hrbek 1957: 645). Исследовав «все сообщения, которые содержатся в старинных арабских географических трудах о третьем племени русов», автор заключает, что «единственным решением, которое отвечает всем требованиям критического рассмотрения предмета и источника, является идентификация с Арконой и Rujani (жителями острова Рюген)» (Hrbek 1957: 648).

Исследование И. Грбека, к сожалению, учитывалось слишком недостаточно даже авторами, знавшими о нем и позднее специально обращавшимися к вопросу о «трех центрах Руси»: сведения арабских географов стремились привлекать, как

бы абстрагируясь от результатов текстологических сопоставлений, позволивших Грбеку обоснованно вывести за рамки правомерного использования в качестве источника искаженные тексты позднейших версий и уникальные особенности дефектных списков, порожденные недопониманием исходного текста переписчиками. Это приводило к малооправданному наращиванию географического разброса интерпретаций и к преувеличению значимости поздних распространений основного источника, досконально изученного И. Грбеком (см. например: Thulin 1979: 99-139; Коновалова 1995: 139-148).

Между тем важность результатов его исследования особенно очевидна при сопоставлении с другими опытами идентификации этих сведений. Только Аркона и руяне имеют бесспорное ближайшее созвучие с арабскими текстами; только Аркона из всех предлагавшихся соотнесений выдерживает сравнение по значимости с Киевом и Новгородом; только руяне действительно убивали иностранцев, принося христиан в жертву своему верховному божеству в эпоху острого противостояния, имевшего место в десятом веке, когда уже велась принудительная христианизация балтийских славян немцами; соответствуют реалиям Рюгена и сведения арабских текстов о номенклатуре вывозимых товаров.

Ко второй половине предшествовавшего, девятого века восходят сведения других арабских авторов относительно «острова русов». И. Грбек к ним не обращался вследствие ограниченности своей конкретной задачи. Но соотносимость этих сведений с тем же Руяном достаточно очевидна. Соответствующие суждения не раз высказывались и подробно аргументировались с опорой на источники. Главное различие состоит в том, что до середины девятого века еще не было интенсивного натиска Каролингов на руян, и соответственно в источниках, отображавших этот период, нет данных о враждебном отношении жителей острова к иноземцам, тем более – об убиении пришельцев.

К первой половине девятого веке относятся рассмотренные выше данные, которые дают основание полагать, что Гостомысл возглавлял тогда ободритов и руян, а новгородская ИЛ указывает на то, что главенство распространилось и на племена, обитавшие в бассейне Ильменя. В свете этих данных несколько расширяется и уточняется смысл проницательного суждения, высказанного более тридцати лет ведущим современным археологом: «Новгород на заре своей истории возник не как центр только племенного союза новгородских словен, а как столица громадной разноэтничной федерации нашего Северо-Запада, состоявшей из племен западных и восточных славян и аборигенных племен финно-угорского происхождения» (Янин 1977: 220). Судя по контексту, автор имел тогда конкретно в виду под западными славянами кривичей как вероятных пришельцев из Прибалтики, поскольку с ними соотносится Людин конец, главная улица которого называлась Прусской.

Территория Новгородской земли в IX столетии, а вероятно и ранее, была в значительной степени населена выходцами из западнославянского Балтийского

Поморья. Велеты-волоты и балтийская русь, прибывавшие как минимум двумя волнами, закрепились здесь на обширных пространствах, маркируемых топонимами, которые связаны, очевидно, с самоназваниями переселенцев.

Можно полагать, что такая федерация возникла в связи с неудачей крупного восстания прибалтийских славян против Каролингской империи, происходившего в 838-839 гг. Тогда ободриты и велеты, потерпев поражение, принуждены были дать заложников. Именно после этого ободриты, велеты и руяне под главенством короля острова Руяна Гостомысла, вероятно, активизировали контакты с потомками велетов, переселившихся ранее в северо-западные земли Восточной Европы. Нараставшая после окончания распрей между сыновьями Людовика Благочестивого угроза интенсификации каролингского натиска на славян, усилила миграцию западнях славян на восток. Отпадение ободритов от подчинения Каролингской империи, на которое сетовал Фульдский анналист, естественно объяснить вступлением их князей в федерацию под патронажем набиравшего силу государства руян, возглавленного Гостомыслом. В связи с вторжением войск Людовика Немецкого в 844 г., временный успех которого таил угрозу новых агрессий, происходит, очевидно, перемещение центра федерации на восток, и Гостомысл оказывается уже не на Руяне, а у берегов Ильменя[1]. Здесь возникают поселения прибывших с ним славян – руси прибалтийской. Им могут быть обязаны своим происхождением многочисленные топонимы с корнем «рус» в Приильменье.

ЛИТЕРАТУРА

Азбелев 2003 - *Азбелев С.Н.* К изучению Иоакимовской летописи // Новгородский исторический сборник. Т. 9 (19). СПб., 2003.

Архангельские былины 1904 - Архангельские былины и исторические песни, собранные А.Д. Григорьевым. Т. 1. М., 1904.

Архангельские былины 1910 - Архангельские былины и исторические песни, собранные А.Д. Григорьевым. Т. 3. СПб., 1910.

Архангельские былины 1939 - Архангельские былины и исторические песни, собранные А.Д. Григорьевым. Т. 2. Прага, 1939.

Беломорские былины 2002 - Беломорские былины и духовные стихи / Собрание А.В. Маркова. СПб., 2002.

Васильевский 1894 - *Васильевский В.Г.* Год первого нашествия русских на Константинополь // Византийский временник. Т. 1. СПб., 1894.

Вилинбахов 1962 - *Вилинбахов В.Б.* Балтийские славяне и Русь // Slavia occidentalis. T. 22. Poznan, 1962.

[1] Князь Добромысл, возглавлявший ободритов при вторжении к ним Людовика Немецкого в 862 г., мог быть не сыном Гостомысла, как предполагали некоторые исследователи, а его младшим братом, который оказался послан в наиболее угрожаемую из земель федерации. Сыновья Гостомысла, как мы знаем из текста ИЛ, «ово на войнах избиени, ово в дому из633мороша». Очень возможно, что один из этих сыновей погиб как раз в 844 г., что помогло Фульдскому анналисту, преувеличившему успех своего повелителя, даже объявить об убиении самого короля Гостомысла.

Вилинбахов 1963 - *Вилинбахов В.Б.* Об одном аспекте историографии варяжской проблемы // Скандинавский сборник. Вып. 7. Таллин, 1963.

Вилинбахов 1965 - *Вилинбахов В.Б.* Балтийские славяне в русском эпосе и фольклоре // Slavia occidentalis. Т. 25. Poznan, 1965.

Вилинбахов 1968 - *Вилинбахов В.Б.* Балтийско-славянский Руан в отражении русского фольклора // Русский фольклор. Т. 11. М.; Л., 1968.

Вилинбахов 1971 - *Вилинбахов В.Б.* Былина о Соловье Будимировиче в свете географической терминологии // Русский фольклор. Т. 12. Л., 1971.

Вилинбахов 1972 - *Вилинбахов В.Б.* Волх и Рюрик – патронимы преданий и легенд Новгородской земли // Русский фольклор. Т. 13. Л., 1972.

Вилинбахов 1973 - *Вилинбахов В.Б.* Балтийско-славянский Святовит в фольклоре восточных славян // Атеизм, религия, современность. Л., 1973.

Вилинбахов 1980 - *Вилинбахов В.Б.* Современная историография о проблеме «Балтийские славяне и Русь» // Советское славяноведение. 1980. № 1.

Вилинбахов, Энговатов 1965 - *Вилинбахов В.Б., Энговатов Н.Б.* Где была Индия русских былин? // Славянский фольклор и историческая действительность. М.; Л., 1965.

Гагин 2006 - *Гагин И.А.* Очередное покушение на В.Н. Татищева // Вестник Липецкого государственного педагогического университета. 2006. Серия 6. Гуманитарные науки. № 2.

Гельмольд 1963 - *Гельмольд*. Славянская хроника. М., 1963.

Гильфердинг 1855 - *Гильфердинг А.Ф.* История балтийских славян. Т. 1. М., 1855.

Забелин 1879 - *Забелин И.Е.* История русской жизни с древнейших времен. Ч. 2. М., 1879.

Коновалова 1995 - *Коновалова И.Г.* Рассказ о трех группах русов в сочинениях арабских авторов XII-XIV вв. // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 1992-1993. М., 1995.

Круг 1836 - *Круг Ф.И.* О новгородском Гостомысле // Санкт-Петербургские ведомости. 1836. № 97.

Ласковский 1913 - *Ласковский В.П.* Путеводитель по Новгороду. 2-е изд. Новгород, 1913.

Ловмяньский 2003 - *Ловмяньский Г.* Религия славян и ее упадок (VI-XII вв.). СПб., 2003.

Макарий 1860 - *Макарий*, архимандрит [Миролюбов Н.К.]. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. 1. М., 1860.

Максимович 1876 - *Максимович М.А.* Собрание сочинений. Т. 1. Киев, 1876.

Нефедов 1939 - *Нефедов Г.* Севернорусские говоры как материал для истории // Ученые записки Ленинградского университета. Серия филологических наук. 1939. № 33. Вып. 2.

Нидерле 1956 - *Нидерле Л.* Славянские древности. М., 1956.

Новосельцев 1965 - *Новосельцев А.П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI-IX вв. // Новосельцев А.П., Пашуто В.Т. Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Щапов Я.Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.

Павинский 1871 - *Павинский А.* Полабские славяне. СПб., 1871.

Печорские Былины 1904 - Печорские Былины / Записал Н. Ончуков. СПб., 1904.

Попов 1869 - *Попов А.Н.* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869.

Словарь 1975 - Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 1. М., 1975.

Срезневский 1903 - *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. СПб., 1903.

Татищев 1962 - *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 1. М.; Л., 1962.

Толстой 1862 - *Толстой М.* Святыни и древности Великого Новгорода. М., 1862.

Фомин 2005 - *Фомин В.В.* Варяги и варяжская Русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005.

Чарноцкий 1839 - *Чарноцкий А.* Отрывок из путешествия Ходаковского по России // Русский исторический сборник. Т. 3. Кн. 2. М., 1839.

Шахматов 1908 - *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.

Шлецер 1809 - *Шлецер А.Л.* Нестор. Ч. 1. СПб., 1809.

Янин 1956 - *Янин В.Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956.

Янин 1977 - *Янин В.Л.* Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977.

Янин 2000 - *Янин В.Л.* Археология и исследования русского Средневековья // Вестник Российской Академии наук. 2000. № 10.

Bulin 1958 - *Bulin H.* Pocatky statu obodrickeho // Pravnehistoricke studie. T. 4. Praha, 1958.

Dralle 1981 - *Dralle L.* Slaven am Havel und Spree. Berlin, 1981.

Fabricius 1841 - *Fabricius C.G.* Urkunden zur Geschichte des Furstenhums Rugen unter den eborenen Fursten. Bd. 1. Stralsund, 1841.

Fontes ad Historiam 1958 - Fontes ad Historiam regni Francorum aevi Karolini illustrandam. Pars secunda. Berlin, 1958.

Fontes ad Historiam 1960 - Fontes ad Historiam regni Francorum aevi Karolini illustrandam. Pars tertia. Berlin, 1960.

Friedmann 1986 - *Friedmann B.* Untersuchungen zur Geschichte des abodritischen Furstentums bis zum Ende des 10. Jahrhunderts. Berlin, 1986.

Fritze 1860 - *Fritze W.H.* Probleme der abodritische Stammes – und Reichsverfassung und ihren Entwiklung vom Stammesstaat zum Herrschaftsstaat // Siedlung und Verfassung der Slaven zwischen Elbe, Saale und Oder / Herausgegeben von H. Ludat. Giessen, 1860.

Fritze 1982 - *Fritze W.H.* Fruzeit zwischen Ostsee und Donau. Berlin, 1982.

Giesebrecht 1843 - *Giesebrecht L.* Wendische Geschichten. Berlin, 1843.

Goldast 1713 - *Goldast M.* Collectio constitutionum imperialium. Tomus Primus. Francofurti ad Moenum, 1713.

Havlik 1987 - *Havlik L.E.* Slovanske statni utvary raneho stredoveku. Praha, 1987.

Hrbek 1957 - *Hrbek I.* Der dritte Stamm der Rus nach arabischen Quellen // Archiv orientalni. T. 25. Praha, 1957.

Kodex Pomeraniae 1843 - Kodex Pomeraniae diplomaticus oder Sammlung der die Geschichte Pommerns und Rugens betreffenden Urkunden. Bd. 1. Greifswaid, 1843.

Krug 1848 - *Krug Ph.* Forschungen der alteren Geschichte Russlands. Th. 1. St. Petersburg, 1848.

Lewicki 1961 - *Lewicki T.* Znajomosc krajow i ludow Europy u pisarzy arabskich IX i X w. // Slavia antiqua. T. 8. Warszawa; Poznan, 1961.

MGH 1839 - Monumenta Germaniae historica. Scriptorum. T. 3. Hannoverae, 1839.

MGH 1868 - Monumenta Germaniae historica. T. 20. 1868.

Niderle 1919 - *Niderle L.* Slovanske starozitnosti. T. 3. Praha, 1919.

Pommersches Urkundebuch 1868 - Pommersches Urkundebuch. Bd. 1. Stettin, 1868.

Thulin 1979 - *Thulin A.* The third Trible of the Rus // Slavia antiqua. T. 25. Warszawa; Poznan, 1979.

Wachowski 1950 - *Wachowski K.* Slowanszczyzna zachodnia. Poznan, 1950.

Wilinbachow 1961 - *Wilinbachow W.B.* Przyczynek do zagadnienia trzech osrodkow dawnej Rusi // Materialy zachodnio-pomorskie. T. 7. Szczecin, 1961.

REFERENCES

Arhangel'skie byliny 1904 - Arhangel'skie byliny i istoricheskie pesni, sobrannye A.D. Grigor'evym. T. 1 [The Arkhangelsk bylinas and historical songs collected by A.D. Grigoriev. Volume 1], Moscow, 1904 [in Russian].

Arhangel'skie byliny 1910 - Arhangel'skie byliny i istoricheskie pesni, sobrannye A.D. Grigor'evym. T. 3 [The Arkhangelsk bylinas and historical songs collected by A.D. Grigoriev. Volume 3], St. Petersburg, 1910 [in Russian].

Arhangel'skie byliny 1939 - Arhangel'skie byliny i istoricheskie pesni, sobrannye A.D. Grigor'evym. T. 2 [The Arkhangelsk bylinas and historical songs collected by A.D. Grigoriev. Volume 2], Praga, 1939 [in Russian].

Azbelev 2003 - *Azbelev S.N.* K izucheniju Ioakimovskoj letopisi [To studying of the Ioachim Chronicle], in: Novgorodskij istoricheskij sbornik. T. 9 (19) [Novgorod historical collection. Volume 9 (19)], St. Petersburg, 2003 [in Russian].

Belomorskie byliny 2002 - Belomorskie byliny i duhovnye stihi / Sobranie A.V. Markova [White Sea bylinas and spiritual verses / A.V. Markov's meeting], St. Petersburg, 2002 [in Russian].

Bulin 1958 - *Bulin H.* Pocatky statu obodrickeho [Beginning of the obodritsky principality], in: Pravnehistoricke studie. T. 4 [Researches on ancient history. Volume 4], Praha, 1958 [in Czech].

Charnockij 1839 - *Charnockij A.* Otryvok iz puteshestvija Hodakovskogo po Rossii [Fragment from Hodakovsky's travel across Russia], in: Russkij istoricheskij sbornik. T. 3. Kn. 2 [Russian historical collection. Volume 3. Book 2], Moscow, 1839 [in Russian].

Dralle 1981 - *Dralle L.* Slaven am Havel und Spree [Slavs on Havel and Spree], Berlin, 1981 [in German].

Fabricius 1841 - *Fabricius C.G.* Urkunden zur Geschichte des Furstenhums Rugen unter den eborenen Fursten. Bd. 1 [Documents to history of Ancient Rügen. Volume 1], Stralsund, 1841 [in German].

Fomin 2005 - *Fomin V.V.* Varjagi i varjazhskaja Rus': K itogam diskussii po varjazhskomu voprosu [Varangians and Varangian Russia: To discussion results on a Varangian question], Moscow, 2005 [in Russian].

Fontes ad Historiam 1958 - Fontes ad Historiam regni Francorum aevi Karolini illustrandam. Pars secunda [Sources on stories of the franksky period of Carlovingians. Part second], Berlin, 1958 [in Latin].

Fontes ad Historiam 1960 - Fontes ad Historiam regni Francorum aevi Karolini illustrandam. Pars tertia [Sources on stories of the franksky period of Carlovingians. Part third], Berlin, 1960 [in Latin].

Friedmann 1986 - *Friedmann B.* Untersuchungen zur Geschichte des abodritischen Furstentums bis zum Ende des 10. Jahrhunderts [Researches of history of the principality of Obotrites until the end of the 10th century], Berlin, 1986 [in German].

Fritze 1860 - *Fritze W.H.* Probleme der abodritische Stammes – und Reichsverfassung und ihren Entwiklung vom Stammesstaat zum Herrschaftsstaat [History of development of the principality of Obotrites], in: Siedlung und Verfassung der Slaven zwischen Elbe, Saale und Oder / Herausgegeben von H. Ludat [Slavs between Elba, Saale and Oder / Published H. Ludat], Giessen, 1860 [in German].

Fritze 1982 - *Fritze W.H.* Fruzeit zwischen Ostsee und Donau [Friezes between the Baltic Sea and Danube], Berlin, 1982 [in German].

Gagin 2006 - *Gagin I.A.* Ocherednoe pokushenie na V.N. Tatishheva [Next attempt at V.N. Tatishchev], in: Vestnik Lipeckogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2006. Serija 6. Gumanitarnye nauki [Bulletin of the Lipetsk state pedagogical university. 2006. Series 6. Humanities. № 2], № 2 [in Russian].

Gel'mol'd 1963 - *Gel'mol'd.* Slavjanskaja hronika [Slavic chronicle], Moscow, 1963 [in Russian].

Giesebrecht 1843 - *Giesebrecht L.* Wendische Geschichten [History of Venedi], Berlin, 1843 [in German].

Gil'ferding 1855 - *Gil'ferding A.F.* Istorija baltijskih slavjan. T. 1 [History of the Baltic Slavs. Volume 1], Moscow, 1855 [in Russian].

Goldast 1713 - *Goldast M.* Collectio constitutionum imperialium. Tomus Primus [Impreratorsky collection. Volume first], Francofurti ad Moenum, 1713 [in Latin].

Havlik 1987 - *Havlik L.E.* Slovanske statni utvary raneho stredoveku [Slavic states of the early Middle Ages], Praha, 1987 [in Czech].

Hrbek 1957 - *Hrbek I.* Der dritte Stamm der Rus nach arabischen Quellen [The third tribe of Russia on the Arab sources], in: Archiv orientalni. T. 25 [East researches. Volume 25], Praha, 1957 [in German].

Janin 1956 - *Janin V.L.* Denezhno-vesovye sistemy russkogo srednevekov'ja [Monetary and weight systems of the Russian Middle Ages], Moscow, 1956 [in Russian].

Janin 1977 - *Janin V.L.* Ocherki kompleksnogo istochnikovedenija: Srednevekovyj Novgorod [Sketches of a complex source study: Medieval Novgorod], Moscow, 1977 [in Russian].

Janin 2000 - *Janin V.L.* Arheologija i issledovanija russkogo Srednevekov'ja [Archeology and researches of the Russian Middle Ages], in: Vestnik Rossijskoj Akademii nauk [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 2000, № 10 [in Russian].

Kodex Pomeraniae 1843 - Kodex Pomeraniae diplomaticus oder Sammlung der die Geschichte Pommerns und Rugens betreffenden Urkunden. Bd. 1 [The collection of the documents relating to history of Pomerania and Rugen. Volume 1], Greifswaid, 1843 [in German].

Konovalova 1995 - *Konovalova I.G.* Rasskaz o treh gruppah rusov v sochinenijah arabskih avtorov XII-XIV vv. [The story about three groups of rus in compositions of the Arab authors of the 12-14th centuries], in: Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy: Materialy i issledovanija. 1992-1993 [The most ancient states of Eastern Europe: Materials and researches. 1992-1993], Moscow, 1995 [in Russian].

Krug 1836 - *Krug F.I.* O novgorodskom Gostomysle [About the Novgorod Gostomysle], in: Sankt-Peterburgskie vedomosti [St. Petersburg sheets], 1836, № 97 [in Russian].

Krug 1848 - *Krug Ph.* Forschungen der alteren Geschichte Russlands. Th. 1 [Researches of ancient history of Russia. Volume 1], St. Petersburg, 1848 [in German].

Laskovskij 1913 - *Laskovskij V.P.* Putevoditel' po Novgorodu. 2-e izd. [Novgorod guide. 2nd edition], Novgorod, 1913 [in Russian].

Lewicki 1961 - *Lewicki T.* Znajomosc krajow i ludow Europy u pisarzy arabskich IX i X w. [Knowledge of the countries and people of Europe Arab writers of the 9th and 10th centuries], in: Slavia antiqua. T. 8 [Slavia antiqua. Volume 8], Warszawa; Poznan, 1961 [in Polish].

Lovmjan'skij 2003 - *Lovmjan'skij G.* Religija slavjan i ee upadok (VI-XII vv.) [Religion of Slavs and its decline (the 6-12th centuries)], St. Petersburg, 2003 [in Russian].

Makarij 1860 - *Makarij*, arhimandrit [Miroljubov N.K.]. Arheologicheskoe opisanie cerkovnyh drevnostej v Novgorode i ego okrestnostjah. Ch. 1 [The archaeological description of church antiquities in Novgorod and its vicinities. Part 1], Moscow, 1860 [in Russian].

Maksimovich 1876 - *Maksimovich M.A.* Sobranie sochinenij. T. 1 [Collected works. Volume 1], Kiev, 1876 [in Russian].

MGH 1839 - Monumenta Germaniae historica. Scriptorum. T. 3 [Monuments history of Germany. Volume 3], Hannoverae, 1839 [in Latin].

MGH 1868 - Monumenta Germaniae historica. T. 20 [Monuments history of Germany. Volume 20], 1868 [in Latin].

Nefedov 1939 - *Nefedov G.* Severnorusskie govory kak material dlja istorii [The North Russian dialects as material for history], in: Uchenye zapiski Leningradskogo universiteta. Serija filologicheskih nauk. 1939. № 33. Vyp. 2 [Scientific notes of the Leningrad university. Series of philological sciences. 1939. № 33. Release 2] [in Russian].

Niderle 1919 - *Niderle L.* Slovanske starozitnosti. T. 3 [Slavic antiquities. Volume 3], Praha, 1919 [in Czech].

Niderle 1956 - *Niderle L.* Slavjanskie drevnosti [Slavic antiquities], Moscow, 1956 [in Russian].

Novosel'cev 1965 - *Novosel'cev A.P.* Vostochnye istochniki o vostochnyh slavjanah i Rusi VI-IX vv. [East sources about east Slavs and Russia the 6-9th centuries], in: Novosel'cev A.P., Pashuto V.T. Cherepnin L.V., Shusharin V.P., Shhapov Ja.N. Drevnerusskoe gosudarstvo i ego mezhdunarodnoe znachenie [Old Russian state and its international value], Moscow, 1965 [in Russian].

Pavinskij 1871 - *Pavinskij A.* Polabskie slavjane [Polabsky Slavs], St. Petersburg, 1871 [in Russian].

Pechorskie Byliny 1904 - Pechorskie Byliny / Zapisal N. Onchukov [The Pechora Bylinas / were Written down by N. Onchukov], St. Petersburg, 1904 [in Russian].

Pommersches Urkundebuch 1868 - Pommersches Urkundebuch. Bd. 1 [Pomor voivodeship. Volume 1], Stettin, 1868 [in German].

Popov 1869 - *Popov A.N.* Izbornik slavjanskih i russkih sochinenij i statej, vnesennyh v hronografy russkoj redakcii [Izbornik of the Slavic and Russian compositions and articles introduced in chronographs of the Russian edition], Moscow, 1869 [in Russian].

Shahmatov 1908 - *Shahmatov A.A.* Razyskanija o drevnejshih russkih letopisnyh svodah [Investigations about the most ancient Russian annalistic arches], St. Petersburg, 1908 [in Russian].

Shlecer 1809 - *Shlecer A.L.* Nestor. Ch. 1 [Nestor. Part 1], St. Petersburg, 1809 [in Russian].

Slovar' 1975 - Slovar' russkogo jazyka XI-XVII vv. Vyp. 1 [Dictionary of Russian of the 11-17th centuries. Release 1], Moscow, 1975 [in Russian].

Sreznevskij 1903 - *Sreznevskij I.I.* Materialy dlja slovarja drevnerusskogo jazyka po pis'mennym pamjatnikam. T. 3 [Materials for the dictionary of Old Russian language on written monuments. Volume 3], St. Petersburg, 1903.

Tatishhev 1962 - *Tatishhev V.N.* Istorija Rossijskaja. T. 1 [History Russian. Volume 1], Moscow; Leningrad, 1962 [in Russian].

Thulin 1979 - *Thulin A.* The third Trible of the Rus, in: Slavia antiqua, Volume 25, Warszawa; Poznan, 1979 [in English].

Tolstoj 1862 - *Tolstoj M.* Svjatyni i drevnosti Velikogo Novgoroda [Shrines and antiquities of Veliky Novgorod], Moscow, 1862.

Vasil'evskij 1894 - *Vasil'evskij V.G.* God pervogo nashestvija russkih na Konstantinopol' [Year of the first invasion of Russians to Constantinople], in: Vizantijskij vremennik. T. 1 [Byzantine vremennik. Volume 1], St. Petersburg, 1894 [in Russian].

Vilinbahov 1962 - *Vilinbahov V.B.* Baltijskie slavjane i Rus' [Baltic Slavs and Russia], in: Slavia occidentalis. T. 22 [Slavia occidentalis. Volume 22], Poznan, 1962 [in Russian].

Vilinbahov 1963 - *Vilinbahov V.B.* Ob odnom aspekte istoriografii varjazhskoj problemy [About one aspect of a historiography of a Varangian problem], in: Skandinavskij sbornik. Vyp. 7 [Scandinavian collection. Release 7], Tallin, 1963 [in Russian].

Vilinbahov 1965 - *Vilinbahov V.B.* Baltijskie slavjane v russkom jepose i fol'klore [The Baltic Slavs in the Russian epos and folklore], in: Slavia occidentalis. T. 25 [Slavia occidentalis. Volume 25], Poznan, 1965 [in Russian].

Vilinbahov 1968 - *Vilinbahov V.B.* Baltijsko-slavjanskij Ruan v otrazhenii russkogo fol'klora [Baltic-Slavic Rouen in reflection of the Russian folklore], in: Russkij fol'klor. T. 11 [Russian folklore. Volume 11], Moscow; Leningrad, 1968 [in Russian].

Vilinbahov 1971 - *Vilinbahov V.B.* Bylina o Solov'e Budimiroviche v svete geograficheskoj terminologii [The bylina about the Nightingale Budimirovich in the light of geographical terminology], in: Russkij fol'klor. T. 12 [Russian folklore. Volume 12], Leningrad, 1971 [in Russian].

Vilinbahov 1972 - *Vilinbahov V.B.* Volh i Rjurik – patronimy predanij i legend Novgorodskoj zemli [Volkh and Rurik – patronymics of legends and legends of the Novgorod earth], in: Russkij fol'klor. T. 13 [Russian folklore. Volume 13], Leningrad, 1972 [in Russian].

Vilinbahov 1973 - *Vilinbahov V.B.* Baltijsko-slavjanskij Svjatovit v fol'klore vostochnyh slavjan [Baltic-Slavic Svyatovit in folklore of east Slavs], in: Ateizm, religija, sovremennost' [Atheism, religion, present], Leningrad, 1973 [in Russian].

Vilinbahov 1980 - *Vilinbahov V.B.* Sovremennaja istoriografija o probleme «Baltijskie slavjane i Rus'» [Modern historiography about a problem «The Baltic Slavs and Russia»], in: Sovetskoe slavjanovedenie [Soviet Slavic studies], 1980, № 1 [in Russian].

Vilinbahov, Jengovatov 1965 - *Vilinbahov V.B., Jengovatov N.B.* Gde byla Indija russkih bylin? [Where there was India of the Russian bylinas?], in: Slavjanskij fol'klor i istoricheskaja dejstvitel'nost' [Slavic folklore and historical reality], Moscow; Leningrad, 1965 [in Russian].

Wachowski 1950 - *Wachowski K.* Slowanszczyzna zachodnia [Western Slavs], Poznan, 1950 [in Polish].

Wilinbachow 1961 - *Wilinbachow W.B.* Przyczynek do zagadnienia trzech osrodkow dawnej Rusi [Three centers of ancient Russia], in: Materialy zachodnio-pomorskie. T. 7 [Research of the Western Pomorze. Volume 7], Szczecin, 1961 [in Polish].

Zabelin 1879 - *Zabelin I.E.* Istorija russkoj zhizni s drevnejshih vremen. Ch. 2 [History of the Russian life since the most ancient times. Part 2], Moscow, 1879 [in Russian].

Азбелев Сергей Николаевич – Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН, профессор кафедры отечественной истории Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого.
Sergey Azbelev – Doctor of Philological Sciences, Professor of Russian History at the Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Senior Research Scientist at the Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: azbelev@mail.ru

УДК 801.311

ШАГАРСКАЯ КУЛЬТУРА И ТОПОНИМЫ С ФОРМАНТОМ *-УС* НА ТЕРРИТОРИИ РЯЗАНСКОГО КРАЯ

Д.С. Логинов

Рязанский государственный медицинский университет
имени академика И.П. Павлова
Россия, 390026, г. Рязань, ул. Высоковольтная, д. 9
e-mail: dimok_star@mail.ru
SPIN-код: 4499-8831

Авторское резюме

Одним из основных источников по этнической истории дописьменного периода Рязанского Поочья является топонимика. Для получения объективной информации о процессах дописьменной истории региона необходимо системное сочетание как топонимических, так и археологических и прочих доступных исследователю данных. Среди топонимов, этническая идентификация которых наиболее затруднена на финно-угорской, балтской или славянской языковой основой – названия с формантом -ус. Наиболее убедительной представляется связь указанной топонимики с шагарской культурой медного – раннего бронзового века. Открытым остаётся вопрос о сопоставлении последней либо с древнеиндоевропейскими, либо с другими этническими общностями древней Европы.

Ключевые слова: этническая история, Рязанское Поочье, шагарская культура, примокшанская культура, индоевропейцы, субстратная топонимика, культуры боевых топоров и шнуровой керамики.

TOPONYMS WITH THE FORMANT *-US* AND THE SHAGARSKAYA CULTURE IN THE RYAZAN REGION

Dmitriy Loginov

Ryazan State Medical University
9 The Vysokovoltnaya Street, Ryazan, 390026, Russia
e-mail: dimok_star@mail.ru

Abstract

Names of geographical objects of the Ryazan's Oka region are one of the main sources of data on ethnic history of the preliterate period of this area. A systematic approach utilizing the place names in conjunction with archaeological and other available data helps obtain objective information about the preliterate history of the region. Among the toponyms, where ethnic identification on the basis of Finno-Ugric, Baltic or Slavic languages is most difficult, are the place names with the formant -us. The most convincing version of their ethnic origin appears to be the one that links the Ryazan's Oka toponyms to the Shagarskaya culture of the Copper - Early Bronze Age. A question remains open as to whether these toponyms relate to ancient Indo-Europeans or to other ethnicities of ancient Europe.

Keywords: ethnical history, Ryazan's Oka area, Shagarskaya culture, Primokshanskaya culture, Indo-Europeans, substrate toponymy, Battle Axe culture, Corded Ware culture.

* * *

Вопрос о дославянской топонимии Рязанской земли является одним из ключевых при решении проблем древнейшей истории региона. В особенности это относится к древнейшему периоду этнической истории края, когда данные языка для историка фактически занимают место отсутствующих письменных источников. Традиционно большинством филологов уверенно выделяется два основных слоя дославянской топонимии (преимущественно гидронимии): финно-угорский и балтский. К нему обычно добавляется слой названий невыясненной этимологии. В частности, в учебном издании «Топонимы Рязанской области» читаем: «С точки зрения происхождения рязанские гидронимы традиционно делятся на 1) финно-угорские; 2) балтийские (или балтские. – *Д.Л.*); 3) славянские; 4) неясного происхождения» (Никольский, Кононенко, Хрусталёв 2009: 41).

В том же издании с финно-уграми связываются гидронимы на *-кса*, *-кша*, *-ньга*, *-нга* (относимые авторами к волосовской культуре); на *-ома*, *-ема*, согласный + *-ма* (по версии авторов – дьяковская и городецкая культуры); на *-ур*, *-уру* (мещера); на *-ус* (мурома); *-лей*, *-ляй* (мордва). Как балтийские трактуются названия на *-еса*, *-аса*, *-уса*, *-апе*, *-опе*, *-ата*, *-ета*, *-ита*, *-ота*, *-ея* (увязываются, в первую очередь с мощинским влиянием в культуре рязано-окских могильников). К последней группе отнесены такие топонимы, как р. Байдур, р. Деркис, р. Дондур, р. Свестур, оз. Комгарь (вариант Кумагря), оз. Лынца, оз. Пильдащи, оз. Ромзя и другие (Никольский, Кононенко, Хрусталёв 2009: 39-41). Нельзя не заметить, что авторы рассматриваемого издания исходят из далеко не аксиоматической атрибутации ряда культур как финно-угорских (волосовской, дьяковской, городецкой). Помимо этого, достаточно спорным выглядит тезис о чётком разграничении по формантам мещеры, муромы и мордвы, коль скоро все эти этносы признаются авторами близкородственными, а их бытование – практически синхронным.

Мы весьма далеки от того, чтобы подходить с критериями оценки, применяемыми к научной работе, к учебному изданию. Последнее преследует совершенно другие цели и, соответственно, должно иначе рассматриваться. Кроме того, трудно требовать от филологов знания всех новейших подходов в археологии. Сказанное выше относится не к критике, а к обозначению расхожего в филологической науке подхода, который отражён, в том числе, и в публикациях, целью которых является обучение будущих специалистов. Примем к сведению то, что практически непререкаемо признанными дославянскими слоями в рязанской топонимике являются финно-угорский (причём, тоже неоднородный) и балтский[1].

[1] Заметим, впрочем, И.Н. Хрусталёв в ряде своих научных работ также в субстратной топонимике Рязанской области, по сути, выделяет два основных слоя: финно-угорский и балтский (Хрусталёв 1997; 2016).

Впрочем, не прекращаются попытки выделить и по возможности дать этническую идентификацию и некоему топонимическому слою, не соотносимому ни с известными финно-угорскими, ни с балтскими, ни со славянскими языками. В данной связи обращают на себя внимание топонимы с формантом *-ус* образующие на территории Рязанской области компактную группу[1]. На них ещё в 1960 г. обратил внимание В.А. Никонов в статье «Неизвестные языки Поочья» (Никонов 1960: 89-95). В ней же он указал на известные параллели с топонимикой на *-х* из сопредельных территорий Владимирской и Нижегородской областей (Никонов 1960: 92-94). Пытаясь найти место языкам создателей соответствующих топонимов в существующей классификации, В.А. Никонов с серьёзными оговорками и без попыток хронологических и археологических соотнесений определяет их как «"наложение" архаичнотюркского слоя на финно-угорский (точней, вероятно, на "угро-финский")» (Никонов 1960: 94).

Много позднее, уже в 2009 г. к рассмотрению топонимов с конечным *-х* обратился И.В. Купцов (Купцов 2009). Обе статьи более подробно рассматривались нами ранее (Логинов 2015). Напомним лишь, что И.В. Купцов говорит о непреодолимых трудностях, возникающих при соотнесении топонимов на *-х* как финно-угорскими, так и с балтскими и тюркскими (Купцов 2009: 16-19). Далее он пишет о возможном соотнесении соответствующей топонимики с весьма архаическим периодом, когда господствовали различные формы присваивающего хозяйства (Купцов 2009: 19). Если следовать данной мысли, то соответствующую топонимику придётся отнести, судя по всему, самое позднее, к эпохе неолита – ранней бронзы (рязанская культура или волосовцы?), либо предполагать очень длительное переживание каких-то групп архаического палеоевропейского населения чуть ли не до начала славянской колонизации (в рамках текстильной, городецкой культур и культуры рязано-окских могильников). Было бы крайне соблазнительно сопоставить наблюдения И.В. Купцова с рязанским ареалом топонимики на *-ус* (ландшафные особенности части которой совпадают с описанными филологом). Однако такие сравнения всё-таки чересчур умозрительны: ареал с формантом *-ус* значительно шире и неоднородней по природно-ландшафтным особенностям. Полностью исключать родственное происхождение топонимики на *-ус* и на *-х*, тем не менее нельзя, в особенности, в свете наблюдений В.А. Никонова.

Очень интересную и, на наш взгляд, перспективную попытку соотнесения топонимических и археологических данных сделала в 2014 г. Ю.Ю. Гордова в статье «Топонимическая стратиграфия Среднего (рязанского) Поочья: результаты совмещения ареалов субстратной топонимии с ареалами археологических культур». Автор сопоставляет выявленные топонимические ареалы Рязанского Поочья

---

[1] Топонимический формант (от латинского formans – «образующий») – это словообразующий элемент, самостоятельно не употребляющийся в языке, состоящий из суффикса, окончания, иногда – префикса (приставки).

(критерием для выявления при этом служат наиболее типические форманты) с ареалами выявленных в регионе археологических культур (Гордова 2014: 36). Приходится признать, что в отдельных случаях сопоставления излишне прямолинейны, опираются на слишком упрощённые интерпретации как археологических культур (заметим, что некоторые культуры, оставившие следы на территории Рязанского края, не учтены ею вовсе, например, абашевская), так и топонимических следов. В частности, гидронимам, сопоставляемым Ю.Ю. Гордовой с фатьяновской культурой, она ищет соответствия непосредственно не просто в балтских, а конкретно в литовском. Это, во-первых, предполагает ничем не обоснованный скачок в хронологии (из II тыс. до н.э., по крайней мере, в I тыс. н.э.), во-вторых, игнорирует (не предлагая аргументы против) точку зрения лингвистов, в частности, В.В. Напольских, утверждающих, что применительно к древности (у В.В. Напольских речь идёт даже не о II, а о I тыс. до н.э.) можно говорить «не о собственно восточнобалтийских языках – литовском и латышском – и не о древнепрусском языке, а о не зафиксированных документально и известных лишь по топо- и отчасти по этнонимике периферийных языках балтского ареала» (Напольских 2007: 14).

Нужно отметить, что многие лингвисты в принципе с большим скепсисом относятся к попыткам сопоставления языковых и археологических (или вообще экстралингвистических) данных. В частности, В.В. Напольских в своей упоминавшейся выше и в целом весьма содержательной и интересной статье, говоря о филологических изысканиях археолога В.В. Седова, сделанных последним в работе «Гидронимические пласты и археологические культуры центра» (Седов 1973), критически замечает: «Единственным их недостатком является стремление автора увязать распространение тех или иных топонимических типов с определённой археологической культурой (общностью), что едва ли целесообразно вообще (учитывая невозможность абсолютной хронологической привязки топонимических типов, непосредственно дорусское, т. е. весьма позднее возникновение большинства субстратных топонимических пластов и другие лингвистические трудности, с одной стороны, и отсутствие прямой корреляции между археологической культурой и этноязыковой общностью, с другой)» (Напольских 2007: 7). Таким образом, «единственный недостаток» статьи В.В. Седова В.В. Напольских обнаруживает в самом замысле соединить топонимические и археологические данные, ради которого статья, собственно, и задумывалась. В.В. Напольских весьма убедительно показывает трудности синтеза достижений разных дисциплин в исследовании этнической истории. Однако **трудно** не означает **нецелесообразно**.

Одной из досадных, но понятных ошибок Ю.Ю. Гордовой является отнесение т.н. шагарской культуры к культурно-исторической общности шнуровой керамики (Гордова 2014: 38). Дело в том, что археологическая история Рязанского края эпохи бронзы является весьма запутанной и по сей день нуждающейся в существенном уточнении. Гораздо более перспективно, на наш взгляд, сопоставление ею же ареала шагарцев с ареалом топонимических формантов на -ус (Гордова 2014: 39).

Вопрос об отнесении шагарской культуры к шнуровой решается в настоящее время отрицательно как по археологическим, так и по антропологическим данным.

Шагарская керамика представлена тонкостенными, с примесью песка и в меньшей степени органики, сосудами, внешняя поверхность которых хорошо заглажена или подлощена. Сосуды украшены отпечатками гребенчатого, плоского, прямоугольного с неровным дном штампов, образующими горизонтальные, диагональные или вертикальные полосы этих оттисков, горизонтальную или вертикальную елочку. В быту использовали кремневые скребки, скобели, ножи, наконечники стрел и дротиков.

На поселении Шагара 5, расположенном у д. Барское, исследованы остатки углубленных в землю построек, имеющих в плане подпрямоугольную форму, с коридорообразными входами. По мнению Б.А. Фоломеева, поселение было укреплено земляным валом и рвом. Эти укрепления являются одними из древнейших оборонительных сооружений в Восточной Европе. Они датируются по радиоуглеродному методу 3730 ± 60 и 3860 ± 80 лет назад (XIX-XVIII вв. до н.э.).

О религиозных воззрениях представителей шагарской культуры, как считает археолог Е.Д. Каверзнева, говорят погребения, обнаруженные в Шагарском могильнике. Покойники лежали на спине и были ориентированы головой на восток. Рядом с погребенными найдены небольшие лепные сосуды с маленьким уплощенными или плоскими днищами. Венчики сосудов прямые или отогнутые наружу. Орнамент состоит из елочных узоров, ромбических отпечатков, оттисков веревочки, мелкого зубчатого штампа. В погребениях также лежали янтарная пуговица, бронзовые височные кольца и пронизки, костяной рыболовный крючок, кремневые ножи и скребки. В двух погребениях обнаружены скелеты собак (Челяпов 2006).

Исследователями отмечено существенное отличие антропологического облика шагарцев от фатьяновцев (несомненных шнуровиков). Для первых характерны брахикрания (в частности, отличающая также, например, носителей общности колоколовидных кубков, часть представителей общности ямочно-гребенчатой керамики), широкое лицо, относительно узкий лоб, низкий свод черепа, уплощённость лицевого скелета при тенденции к повышенной вариабельности ряда краниометрических показателей (Казарницкий 2017: 194). Отличается и положение погребённых (в шагарских захоронениях – вытянутое на спине).

Топонимы с формантом *-ус*, в большинстве своём, располагаются на территории Рязанской области по направлению с юго-юго-запада на северо-северо-восток вдоль течения рек Ранова (Истус), Проня (восточный берег реки – Упас или Упус), течения Оки, начиная с территории чуть западнее устья Прони до резкого изгиба Оки на север к востоку от устья Прони (Киструс), далее на север по левобережью Оки до изгиба к востоку у впадения р. Гусь (Тынус, Кидус[ово] на Пре, Пиндрус, Чарус, Чарус[ский], Ерус, Ибердус; на правобережье, впрочем, непосредственно премыкающем к Оке, встречаем топонимы Мильчус и Свинчус) и

далее к северу вдоль р. Гусь в её нижнем течении и её первых левых притоков до верховий Унжи (собственно Гусь[1], Чармус, Пьянгус). Своего рода анклавом соответствующей топонимики выглядят восточнее топонимы Доркус и Деркус (после очередного изгиба к северу ниже впадения в Оку р. Унжа) (Гордова 2014: 45. Карта 7).

Памятники шагарской культуры, со своей стороны, обнаружены в низовьях восточного берега Прони до впадения в Оку, снова вдоль течения Оки, начиная с территории западнее устья Прони (территория несколько сдвигается вверх по течению по сравнению с топонимическим ареалом) до изгиба Оки на север, далее на север преимущественно по левобережью Оки (хотя встречаются памятники и на примыкающем к реке правобережье) до Касимова и устья р. Гусь (с особенной концентрацией на средней Пре), далее восточнее Касимова вдоль правого берега Оки после изгиба на север и в низовьях Мокши (Гордова 2014: 41. Карта 4). Визуально, особенно по расположению топонимов (хотя и археологические находки при несколько большей широте ареала и значительном разбросе в широтном направлении не находятся с ними в противоречии) складывается впечатление продвижения некоей культурно-языковой общности вероятно с верховий Дона по Ранове до впадения в Проню, далее по Оке и т.д. в целом по направлению к северу и северо-востоку, но с существенным смещением к западу в районе Пры. Обратное движение (в целом с севера на юг) значительно менее вероятно: соответствующие серьёзные культурные влияния не прослеживаются, во всяком случае, со времён неолита. Такая картина действительно подходит для шагарской культуры, истоки которой увязываются именно с Подоньем.

Археологами отмечается близость формы и орнаментации шагарской посуды ранним образцам примокшанской керамики, известным и в Рязанской области (в целом несколько восточнее шагарских древностей) (Королёв 2013: 93-94). В.П. Челяпов, а вслед за ним В.В. Ставицкий объясняли появление примокшанских древностей в Поочье вытеснением части населения иванобугорской культуры со Среднего Дона ямными племенами на рубеже III-II тыс. до н.э. (Ставицкий 2006: 34). Гипотетически возможен вариант, что распространение шагарской и примокшанской культур маркирует два направления распространения иванобугорского населения на север: с верховий Дона соответственно вниз по Ранове и далее по Проне и, восточнее – по Цне и далее по Мокше (с возможным соприкосновением на нижней Мокше). Иванобугорская культура своим происхождением связана с репинской культурой Среднего Подонья (возможно, во взаимодействии с поздненеолитическим населением периферии культур ямочно-гребенчатой керамики) (Винников, Синюк 2003). Истоки последней, в свою очередь,

[1] На первый взгляд здесь напрашивается славянская этимология (во всяком случае, она предпочтительнее также предлагаемой некоторыми специалистами балтской), однако топонимический контекст заставляет ставить под сомнение и её. Кроме того, в документах до XVII в. сохранялся твёрдый согласный в окончании гидронима – Гусская волость (Никонов 1960: 89).

восходят к нижнедонской или среднестоговской (идущей, впрочем, также от нижнедонской) энеолитическим культурам первой половины IV тыс. до н. э. (Винников, Синюк 2003[1]; Ставицкий 2014[2]).

Репинцев связывают с происхождением как исторических ариев (Винников, Синюк 2003[3]), так и ямников (Файферт 2016[4]). Пожалуй, очень существенную роль в решении вопроса о происхождении и связях шагарцев и их предков могли бы сыграть данные изучения ДНК: генетическая связь с ямниками предполагала бы высокую вероятность обнаружения в останках гаплогруппы R1b, а с ариями – скорее всего, R1a. Пока таких данных нет. Как бы то ни было, даже связь шагарцев и примокшанцев с ямниками вовсе не исключает возможность того, что они уже разговаривали к моменту своего прихода в Поочье на индоевропейских языках, хотя конкретная ветвь индоевропейских остаётся неопределённой (учитывая вероятное участие потомков ямников в происхождении сарматов, можно очень приблизительно предполагать, что речь идёт опять же об индо-иранской или праиранской; впрочем, никаких попыток сопоставления топонимики на *-ус* с индоевропейцами, помимо балтских, до сих пор не делалось).

Отношения шагарцев с местным волосовским и дубровичским населением складывались, судя по всему драматически. По мнению А.И. Королёва, с распространением шагарской культуры в конце III – начале II тыс. до н.э. «прекращаются волосовская и дубровичская культуры» (Королёв 2013: 93). Он же пишет о том, что материалы Шагарского могильника (в Спасск-Клепиковском районе) свидетельствуют об истреблении местного волосовского населения шагарцами: «Косвенным признаком прихода нового населения могут быть многочисленные травмы на черепах погребённых в коллективном захоронении Шагарского могильника. Они долихокранные и отличаются от брахикранных погребённых в индивидуальных ямах» (Королёв 2013: 94). В 2008 г. на территории Шагарского могильника было обнаружено массовое захоронение. В небольшой яме размерами 1 м 80 см на 1 м 60 см и культурным слоем в 35 см были обнаружены останки 22 человек. По словам начальника археологического лагеря М.Ф. Третьякова: «Такое чувство, что их буквально утрамбовывали туда. То, что этих людей убили – несомненно. У одного из костяков был найден наконечник в шейном позвонке, он разломился в нем. А у другого костяка наконечник лежал в грудине, расщепил ее и застрял. Ясно, что этих людей убили» (Массовое захоронение 2008).

Широкий ареал распространения волосовской культуры заставляет предполагать, тем не менее, что о полном уничтожении её носителей шагарцами и

[1] Авторы придерживаются первой точки зрения на основе погребального обряда: умерший как у представителей как нижнедонской, так и репинской культур помещался в могилу в вытянутом положении на спине, в то время как в среднестоговской – на спине с согнутыми в коленях ногами, как позднее у ямников.

[2] Автор обосновывает предпочтительность второго варианта преимущественно по керамическим данным.

[3] Репинцы признаются предками доно-волжской абашевской культуры.

[4] Автор говорит о «тождестве раннего этапа ямной культуры и репинского типа памятников».

примокшанцами говорить не приходится. Часть волосовцев дожила до прихода фатьяновцев.

Возвращаясь к статье Ю.Ю. Гордовой, надо отметить, что соотнесение археологической и топонимической областей всё-таки сталкивается с определёнными трудностями.

Во-первых, не обнаруживается соответствий в топонимике Среднего и Верхнего Подонья, откуда, судя по всему, шло продвижение шагарцев и примокшанцев в Рязанское Поочье и на Мокшу. По наблюдениям В.А. Никонова, такие соответствия встречаются в бассейне Суры (Ишикус, Валгус) с несколькими случаями *-ос* (Лукмос и др.), в Прибалтике (оз. Пейпус), на Валдае (оз. Пирус), на Мологе (р. Тегус), в Карелии (р. Урмус), в бассейне Сухоны (деревни Пендус, Логдус, реки Ергус, Кендус), на Урале (реки Уктус, Суксус), в хантыйской части Тюменской области, встречаются они и дальше на восток (Никонов 1960: 89-90). Правда, во всех случаях речь идёт именно о единичных соответствиях, причём весьма рассеянных географически, переоценивать значение которых не приходится: вполне возможно, что они носят омонимический характер. Впрочем, ситуацию, при которой следы языка исчезают в месте первоначального расселения его носителей, но сохраняются в ареале их позднейшего расселения, вовсе не представляется невероятной в том случае, если допустить большую интенсивность этно-лингвистических процессов в первом районе и меньшую – во втором.

Во-вторых, не находит надёжного объяснения сам факт многотысячелетнего переживания топонимического анклава, факт, можно сказать, уникальный. Возможным, но, надо признать, довольно умозрительным и спорным объяснением была бы цепочка определённой этнической преемственности культур: шагарская → поздняковская → текстильной керамики → городецкая (с вероятным доживанием какого-то реликтового населения до прихода славян).

Существуют и другие попытки атрибутации топонимики с конечным *-ус*. Его сопоставляли с муромой (например, у Г.П. Смолицкой: Смолицкая 2002: 148. Комментарий к названию Кидусово), с ассимиляцией тюркскими угро-финнских (приводившееся выше мнение В.А. Никонова) и с балтами (Матвеев 1962а: 8-9; 1962б: 10-18). Однако первые два варианта не находят никаких археологических подтверждений (утверждение Г.П. Смолицкой о наличии таковых ничем ей не подкреплено (Гордова 2014: 44[1]), а В.А. Никонов и вовсе все свои построения делал только на лингвистическом материале). Точка зрения о балтском происхождении соответствующих названий с точки зрения археологии как раз-таки не исключена. Они, в принципе, могут маркировать продвижение бондарихинского суперстрата в городецкой культуре или мощинских и колочинских влияний – в культуре рязано-окских могильников. Однако «балтский» вариант вступает в противоречие именно с филологическими данными, по крайней мере, по наблюдениям В.А. Никонова и

[1] Как справедливо отмечает Ю.Ю. Гордова, на участке распространения топонимики с формантой *-ус* «памятники, связанные с муромой, не обнаружены» (Гордова 2014: 44).

И.В. Купцова. Дополнительным доводом в пользу атрибутации топонимов с *-ус* шагарцам могло бы стать обнаружение близких им или примокшанцам древностей на территории Балахнинской низменности, где сконцентрированы возможно родственные по происхождению названия с формантом *-х*. Пока, впрочем, насколько нам известно, подобных памятников там не идентифицировано.

Как бы то ни было, вопрос о происхождении топонимов на *-ус* далеко не исчерпан: не делалось попыток сопоставления с индоевропейскими помимо балтских; не исключено, что сопоставления следует делать и со следами других древних языков, если всё-таки предположить с одной стороны изначально неиндоевропейское происхождение ямной культуры, а с другой – её родственную связь с предками шагарцев и примокшанцев. Пролить свет на данную проблему в перспективе может тот факт, что именно в местах распространения шагарской и примокшанской культур (или территории непосредственно к ним примыкающей) находим уже упоминавшиеся в начале данной статьи топонимы (неидентифицированного происхождения) Байдур, Дондур, Деркис, Свестур. Отметим наличие во всех этих названиях сходного элемента *-дур-/-тур-/-дер-*. Реки Байдур и Дондур входят в речную систему р. Гусь (Байдур – правый приток р. Курша, которая, в свою очередь, является правым притоком р. Нарма – правого притока Гуся; Дондур/Дандур – правый приток р. Гусь), р. Доркус или Деркис (правый приток Оки) находится на границе исторического распространения шагарской и примокшанской культур, р. Свестур – приток р. Ермишь, в свою очередь являющейся притоком Мокши.

Весьма соблазнительно сопоставить последнюю группу топонимов с т.н. «древнеевропейской гидронимией». Под ней в филологии понимают древнейшие (докельтские и догерманские) названия рек и водоёмов в Центральной и Западной Европе. Термин «древняя Европа» был введён в 1964 г. Х. Краэ (Беляев 2009, 2012) (соответствующие топонимы Краэ относил к бронзовому веку), имея под ним в виду отражение лингвистически ещё недифференцированный язык европейской группы индоевропейского. То есть, по его мысли, древнеевропейские гидронимы представляют собой промежуточную ступень между «общеиндоевропейским» языком и отдельными, самостоятельными индоевропейскими языками, выделившимися из этой общности (Беляев 2009). Общие корни в «древнеевропейских» названиях рек встречаются в регионе Балтийского моря, на юге Скандинавии, в Центральной Европе, Франции, на Британских островах, Иберийском и Аппенинском полуостровах. На этих землях позднее проживали носители «кентумных» индоевропейских языков – кельтских, италийских, германских и иллирийского, а также «сатемных» балтских. Одним из примеров подобной топонимики считается корень *-dur-* (со значением «река»): Адур, Дор, Дорон, Дордонь, Дрон, Дро, Драв, возможно, Драк, Дюранс, Дюренк (Франция), Даур (Великобритания), Дуэро (Португалия, Испания), Драва (Италия, Австрия, Словения, Хорватия, Венгрия), Эдер (Германия), Драва (Польша), Одер (Германия,

Польша). В таком случае окончание *-ур*, часто приписываемое лингвистами финно-угорскому следу на территории Рязанского Поочья, по крайней мере в некоторых случаях является не формантом, а частью корня, причём явно не финно-угорского.

Сопоставление рассматриваемых топонимов с «древнеевропейской» топонимией означало бы признание следов последней много восточнее принятых в науке представлений о её распространении (собственно, о «древнеевропейской гидронимии» на территории Восточной Европы до сих пор речь у специалистов не шла). В силу этого, кстати, снова нельзя исключать и возможность омонимических совпадений. Отметим, что теория Х. Краэ не представляется бесспорной уже хотя бы в силу того, что ареал рассматриваемой им гидронимии серьёзно перекрывает ареал культурно-исторической общности шнуровой керамики, с которой «древнеевропейцы» чаще всего отождествляются, на западе и юго-западе Европы и значительно «не дотягивает» до его восточных границ. Географически он, пожалуй, больше соответствует области культуры колоколовидных кубков. Индоевропейское происхождение последней сомнительно, зато, в свете исследований в области изучения Y-хромосомы, можно говорить о возможном наличии общих (впрочем, очень глубоких) этнических корней с ямной культурой (преобладающей гаплогруппой в обоих случаях является R1b).

Во всяком случае, на данный момент гипотеза о связи названий с *-ус* именно с шагарцами представляется наиболее убедительной, хотя и балтский вариант без дополнительной языковой проверки полностью исключать нельзя. Сложность же такой проверки, как и в целом отыскания этнических корней субстратной топонимики заключается, помимо прочего, в том, что чем древнее её происхождение, тем большее число позднейших иноязычных влияний на неё приходится предполагать. Причём влияния эти, зачастую, сами точно неидентифицируемы.

ЛИТЕРАТУРА

Беляев 2009 - *Беляев А.Н.* О древнеевропейской гидронимии // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Материалы международной конференции, Екатеринбург, 8-12 сентября 2009 г. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2009. С. 31-32.

Беляев 2012 - *Беляев А.Н.* К вопросу о древнеевропейских гидронимах // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 28 (282). Филология. Искусствоведение. Вып. 70. С. 30-35.

Винников, Синюк 2003 - *Винников А.З., Синюк А.Т.* Дорогами тысячелетий. Археологи о древней истории Воронежского края. Воронеж, 2003 / Электронный ресурс: http://vantit.ru/roads-millenia/688-raskopki-kurganov.html (Дата обращения – 11.11.2017).

Гордова 2014 - *Гордова Ю.Ю.* Топонимическая стратиграфия Среднего (рязанского) Поочья: результаты совмещения ареалов субстратной топонимии с ареалами археологических культур // Вопросы ономастики. 2014. № 2 (17). С. 35-53.

Казарницкий 2017 - *Казарницкий А.А.* Новые краниологические материалы из шагарского могильника. 2017 / Электронный ресурс: http://neolitica.ru/files/NOVIE-KRANIOLOGICHESKIE-MATERIALI-IZ-SHAGARSKOGO-MOGILNIKA-_neolitica.ru_.pdf (Дата обращения – 11.11.2017).

Королёв 2013 - *Королёв А.И.* О препоздняковском субстрате поздняковской культуры // Самарский научный вестник. 2013. № 4 (5). С. 92-95.

Купцов 2009 - *Купцов И.В.* К вопросу об особенностях дославянской гидронимии Балахнинской низины // Пожарский юбилейный альманах. Вып. 5. Иваново-Южа, 2009. С. 15-20.

Логинов 2015 - *Логинов Д.С.* «Палеоевропейцы», индоевропейцы и финно-угры в Рязанском Поочье в досредневековую эпоху (опыт междисциплинарного синтеза) // Исторический формат. 2015. № 4. С. 274-287.

Массовое захоронение 2008 - Массовое захоронение на озере Шагара. 2008 / Электронный ресурс: http://neolitica.ru/article.php?id=2 (Дата обращения – 11.11.2017).

Матвеев 1962а - *Матвеев А.К.* К проблеме дофинноугорского субстрата в Севернорусской топонимике // Вопросы топономастики. Вып. 1. Свердловск, 1962. С. 3-9.

Матвеев 1962б - *Матвеев А.К.* О происхождении севернорусской топонимики на **ас** и **ус** // Вопросы топономастики. Вып. 1. Свердловск, 1962. С. 10-18.

Напольских 2007 - *Напольских В.В.* К реконструкции лингвистической карты Центра Европейской России в раннем железном веке // Арт. № 4. Сыктывкар, 2007.

Никольский, Кононенко, Хрусталёв 2009 - *Никольский А.А., Кононенко Л.А., Хрусталёв И.Н.* Топонимы Рязанской области. Учебное пособие. Рязань: Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина, 2009.

Никонов 1960 - *Никонов В.А.* Неизвестные языки Поочья // Вопросы языкознания. 1960. № 5. С. 89-95.

Седов 1974 - *Седов В.В.* Гидронимические пласты и археологические культуры центра // Вопросы географии. Вып. 94. Топонимия Центральной России. М.: Мысль, 1974. С. 20-33.

Смолицкая 2002 - *Смолицкая Г.П.* Топонимический словарь Центральной России. М., 2002.

Ставицкий 2006 - *Ставицкий В.В.* Неолит, энеолит и ранний бронзовый век Сурско-Окского междуречья и Верхнего Прихопёрья: динамика взаимодействия культур севера и юга в лесостепной зоне. Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора исторических наук. Ижевск, 2006.

Ставицкий 2014 - *Ставицкий В.В.* Процессы взаимодействия культур позднего энеолита в лесостепной зоне Волго-Донского бассейна // Электронный научно-практический журнал «Гуманитарные научные исследования». 2014 / Электронный ресурс: http://human.snauka.ru/2014/12/8504 (Дата обращения – 11.11.2017).

Файферт 2016 - *Файферт А.В.* О репинской культуре Среднего Подонья // Известия ВГПУ. Педагогические науки. 2016. № 2 (271). / Электронный ресурс: http://vuzirossii.ru/publ/o_repinskoj_kulture_srednego_podonja/43-1-0-4559 (Дата обращения – 11.11.2017).

Хрусталёв 1997 - *Хрусталёв И.Н.* Названия озёр и болот Рязанской области. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1997.

Хрусталёв 2016 - *Хрусталёв И.Н.* Семантико-этимологический анализ субстратных топонимов Поочья (на примере некоторых гидронимов на -ага/-ога/ега) // Слово. Словесность. Словесник. Материалы межрегиональной научно-практической конференции преподавателей и студентов. Рязань, 2016. С. 91-95.

Челяпов 2006 - *Челяпов В.П.* Археология клепиковского района // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Клепиковский сборник. Т. 9. Рязань, 2006 / Электронный ресурс: http://textarchive.ru/c-1294086-pall.html (Дата обращения – 11.11.2017).

REFERENCES

Beljaev 2009 - *Beljaev A.N.* O drevneevropejskoj gidronimii [About a ancient european hydronymy], in: Jetnolingvistika. Onomastika. Jetimologija. Materialy mezhdunarodnoj konferencii, Ekaterinburg, 8-12 sentjabrja 2009 g. [Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology. Materials of the international conference,

Yekaterinburg, on September 8-12, 2009], Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta Publ., 2009, pp. 31-32 [in Russian].

Beljaev 2012 - *Beljaev A.N.* K voprosu o drevneevropejskih gidronimah [To a question of ancient european hydronymy], in: Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 28 (282). Filologija. Iskusstvovedenie. Vyp. 70 [Bulletin of the Chelyabinsk state university. 2012. No. 28 (282). Philology. Art criticism. Release 70], pp. 30-35 [in Russian].

Cheljapov 2006 - *Cheljapov V.P.* Arheologija klepikovskogo rajona [Archeology of the Klepikovsky area], in: Materialy i issledovanija po rjazanskomu kraevedeniju. Klepikovskij sbornik. T. 9 [Materials and researches on the Ryazan study of local lore. Klepikovsky collection. Volume 9], Ryazan, 2006, Electronic resource: http://textarchive.ru/c-1294086-pall.html (Date of access – 11.11.2017) [in Russian].

Fajfert 2016 - *Fajfert A.V.* O repinskoj kul'ture Srednego Podon'ja [About Repinsky culture of Shores of the Middle Don], in: Izvestija VGPU. Pedagogicheskie nauki [Tidings of VGPU. Pedagogical sciences], 2016, № 2 (271), Electronic resource: http://vuzirossii.ru/publ/o_repinskoj_kulture_srednego_podonja/43-1-0-4559 (Date of access – 11.11.2017) [in Russian].

Gordova 2014 - *Gordova Ju.Ju.* Toponimicheskaja stratigrafija Srednego (rjazanskogo) Pooch'ja: rezul'taty sovmeshhenija arealov substratnoj toponimii s arealami arheologicheskih kul'tur [Toponymic stratigraphy of the Mean Oka Current (Ryazan): results of combination of areas of substrate toponyms with areas of archaeological cultures], in: Voprosy onomastiki [Onomastics questions], 2014, № 2 (17), pp. 35-53 [in Russian].

Hrustaljov 1997 - *Hrustaljov I.N.* Nazvanija ozjor i bolot Rjazanskoj oblasti. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskih nauk [Names of lakes and swamps of the Ryazan region. The abstract of the thesis for a degree of Candidate of Philology], Moscow, 1997 [in Russian].

Hrustaljov 2016 - *Hrustaljov I.N.* Semantiko-jetimologicheskij analiz substratnyh toponimov Pooch'ja (na primere nekotoryh gidronimov na -aga/-oga/ega) [The Semantiko-etimologichesky analysis of substratny toponyms of Poochya (on the example of some gidronim on -aga/-oga/ega)], in: Slovo. Slovesnost'. Slovesnik. Materialy mezhregional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii prepodavatelej i studentov [Word. Literature. Language and literature teacher. Materials of an interregional scientific and practical conference of teachers and students], Ryazan, 2016, pp. 91-95 [in Russian].

Kazarnickij 2017 - *Kazarnickij A.A.* Novye kraniologicheskie materialy iz shagarskogo mogil'nika, 2017 [New craniological materials from a Shagarsky burial ground], Electronic resource: http://neolitica.ru/files/NOVIE-KRANIOLOGICHESKIE-MATERIALI-IZ-SHAGARSKOGO-MOGILNIKA-_neolitica.ru_.pdf (Date of access – 11.11.2017) [in Russian].

Koroljov 2013 - *Koroljov A.I.* O prepozdnjakovskom substrate pozdnjakovskoj kul'tury [About a prepozdnyakovsky substratum of Pozdnyakovsky culture], in: Samarskij nauchnyj vestnik [Samara scientific bulletin], 2013, № 4 (5), pp. 92-95 [in Russian].

Kupcov 2009 - *Kupcov I.V.* K voprosu ob osobennostjah doslavjanskoj gidronimii Balahninskoj niziny [To a question of features of a pre-Slavonian hydronymy of the Balakhna lowland], in: Pozharskij jubilejnyj al'manah. Vyp. 5 [Pozharsky anniversary almanac. Release 5], Ivanovo-Juzha, 2009, pp. 15-20 [in Russian].

Loginov 2015 - *Loginov D.S.* Paleoevropejcy, indoevropejcy i finno-ugry v Rjazanskom Pooch'e v dosrednevekovuju jepohu (Opyt mezhdisciplinarnogo sinteza) [«Paleo-European», Indo-European and Finno-Ugric peoples in the Ryazan part of the Oka River basin in the pre-medieval period (an attempt at interdiscipl inary synthesis)], in: Istoricheskij format [Historical format], 2015, № 4, pp. 274-287 [in Russian].

Massovoe zahoronenie 2008 - Massovoe zahoronenie na ozere Shagara [Mass burial on the lake Shagara], 2008, Electronic resource: http://neolitica.ru/article.php?id=2 (Date of access – 11.11.2017) [in Russian].

Matveev 1962a - *Matveev A.K.* K probleme dofinnougorskogo substrata v Severnorusskoj toponimike [To a problem of a pre- Finno-Ugrians substratum in the North Russian toponymics], in: Voprosy toponomastiki. Vyp. 1 [Toponomastics questions. Release 1], Sverdlovsk, 1962, pp. 3-9 [in Russian].

Matveev 1962b - *Matveev A.K.* O proishozhdenii severnorusskoj toponimiki na **as** i **us** [About an origin of the North Russian toponymics on **as** and **us**], in: Voprosy toponomastiki. Vyp. 1 [Toponomastics questions. Release 1], Sverdlovsk, 1962, pp. 10-18 [in Russian].

Napol'skih 2007 - *Napol'skih V.V.* K rekonstrukcii lingvisticheskoj karty Centra Evropejskoj Rossii v rannem zheleznom veke [To reconstruction of the linguistic card of the Center of the European Russia in the early Iron Age], in: Art [Art], № 4, Syktyvkar, 2007 [in Russian].

Nikol'skij, Kononenko, Hrustaljov 2009 - *Nikol'skij A.A., Kononenko L.A., Hrustaljov I.N.* Toponimy Rjazanskoj oblasti. Uchebnoe posobie [Toponyms of the Ryazan region. Textbook], Ryazan, Rjazanskij gosudarstvennyj universitet im. S.A. Esenina Publ., 2009 [in Russian].

Nikonov 1960 - *Nikonov V.A.* Neizvestnye jazyki Pooch'ja [Unknown languages of coast of the Oka River], in: Voprosy jazykoznanija [Linguistics questions], 1960, № 5, pp. 89-95 [in Russian].

Sedov 1974 - *Sedov V.V.* Gidronimicheskie plasty i arheologicheskie kul'tury centra [Hydronomic beds and archaeological cultures of the center], in: Voprosy geografii. Vyp. 94. Toponimija Central'noj Rossii [Geography questions. Release 94. Toponymy of the Central Russia], Moscow, Mysl' Publ., 1974, pp. 20-33 [in Russian].

Smolickaja 2002 - *Smolickaja G.P.* Toponimicheskij slovar' Central'noj Rossii [Toponymic dictionary of the Central Russia], Moscow, 2002 [in Russian].

Stavickij 2006 - *Stavickij V.V.* Neolit, jeneolit i rannij bronzovyj vek Sursko-Okskogo mezhdurech'ja i Verhnego Prihopjor'ja: dinamika vzaimodejstvija kul'tur severa i juga v lesostepnoj zone. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchjonoj stepeni doktora istoricheskih nauk [The Neolithic, eneolit also an early bronze age of Sursko-Oksky Entre Rios and Top Prikhopyorya: dynamics of interaction of cultures of the North and South in a forest-steppe zone. The abstract of the thesis for a degree of the doctor of historical sciences], Izhevsk, 2006 [in Russian].

Stavickij 2014 - *Stavickij V.V.* Processy vzaimodejstvija kul'tur pozdnego jeneolita v lesostepnoj zone Volgo-Donskogo bassejna [Processes of interaction of cultures of a late eneolit in a forest-steppe zone of the Volga-Don pool], in: Jelektronnyj nauchno-prakticheskij zhurnal «Gumanitarnye nauchnye issledovanija» [Online scientific and practical magazine «Humanitarian research»], 2014, Electronic resource: http://human.snauka.ru/2014/12/8504 (Date of access – 11.11.2017) [in Russian].

Vinnikov, Sinjuk 2003 - *Vinnikov A.Z., Sinjuk A.T.* Dorogami tysjacheletij. Arheologi o drevnej istorii Voronezhskogo kraja [Roads of the millennia. Archeologists about ancient history of the Voronezh region], Voronezh, 2003, Electronic resource: http://vantit.ru/roads-millenia/688-raskopki-kurganov.html (Date of access – 11.11.2017) [in Russian].

Логинов Дмитрий Сергеевич **–** Кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории Рязанского государственного медицинского университета (Рязань, Россия).
Dmitry Loginov – Candidate of historical sciences, associate professor of departments of philosophy and history Ryazan state medical university (Ryazan, Russia).
E-mail: dimok_star@mail.ru

УДК 929.732

ДРЕВНЕЙШИЕ ТРАДИЦИИ ПЕРЕДАЧИ ВЛАСТИ В РУССКОЙ ИСТОРИИ

Л.П. Грот

Общество «Русский салон» (Лулео, Швеция)
e-mail: mail@histformat.com
ResearcherID: D-1052-2016
http://orcid.org/0000-0003-0184-1023
SPIN-код: 1768-1727

Авторское резюме

В статье рассмотрены некоторые древнерусские архаичные традиции, использовавшиеся для поддержания преемственности власти вплоть до Смутного времени. Среди традиций передачи власти по праву родства известна такая архаичная традиция как «вторичное рождение» или своеобразный ритуал удочерения/усыновления. Сама по себе эта традиция хорошо известна как в истории стран Европы, так и за её пределами, начиная с самого раннего периода, прослеживается она и в древнеиндийской традиции, восходя к ведийскому периоду. Сохранность в русской политической культуре традиций, истоки которых восходят к индоевропейскому времени, и параллели которым обнаруживаются, в частности, в древнеарийской культуре, свидетельствует о древних истоках русской культуры, о длительном периоде накоплении исторического опыта русским народом и его предками.

Ключевые слова: древнерусские традиции, преемственность власти, Смутное время, «второе рождение», усыновление, древнеарийская культура, типология, политические институты.

ANCIENT TRADITIONS OF TRANSFER OF POWER IN RUSSIAN HISTORY

Lidia Groth

The Russian Salon society (Luleå, Sweden)
e-mail: mail@histformat.com

Abstract

The paper draws attention to some archaic Russian traditions used to maintain the continuity of power up to the Time of Troubles. Among the traditions of the transfer of power through kinship there is such an archaic one as a «second birth» or a kind of an adoption ritual. In itself, this tradition has been well known in European countries and beyond, beginning from the earliest times; it can be traced down to the ancient Indian tradition of the Vedic Age. Preservation in Russian political culture of the traditions that originate in the Indo-European times and have parallels in the ancient Aryan culture evidences an ancient origin of the Russian culture and a lengthy accumulation of historical experience by the Russian people and their ancestors.

Keywords: Old Russian traditions, succession of power, Time of Troubles, «second birth», adoption, ancient Aryan culture, typology, political institutions.

* * *

Изучение такой проблемы как традиционализм применительно к русской истории имеет свою сложность, которая, на мой взгляд, определяется двумя моментами.

Первый момент можно охарактеризовать как хронологический ограничитель. Начало русской истории ныне связывается с расселением славянских племен в Восточной Европе, в среде финно-угорского субстрата. Начало этого процесса относят к V в., т.е. это та стартовая черта, от которой ведут отсчет русской истории.

Продолжительная исследовательская работа в Швеции позволила ознакомиться с оригинальными произведениями скандинавских авторов XVI-XVIII вв. и малоизвестными советскому и российскому обществу историческими источниками. Изучение этих материалов выявило, в частности, что данный хронологический ограничитель, также, как и идея о финно-угорском субстрате на севере и в центре Восточной Европы – прямое тиражирование шведского политического мифа, т.е. порождение не науки, а политики шведской короны в период XVI-XVIII вв., преследовавшей свои геополитические цели в русских землях. Конкретно, это постулаты из «диссертации» шведа Альгота Скарина «De originibus priscæ gentis Varegorum» (1734), в которой он стал делить историю России (или Восточной Европы) на период «до расселения славян» и «после расселения славян». «Методологической базой» «диссертации» служило историческое мифотворчество шведского литератора Олофа Рудбека (1630-1702), т.е. сугубо ненаучный источник. Шведский исследователь готицизма и рудбекианизма Ю. Свеннунг (1895-1985) охарактеризовал «Атлантиду» Рудбека как произведение, где шовинистические причуды фантазии шведов были доведены до пика абсурда.

Следуя Рудбеку, Скарин утверждал, что до V в. юг Восточной Европы, подвластный Швеции, населяли гунны, но потом они покинули эти места, и в опустевших областях стали распространяться славяне и венды, ища нового места жительства.

Эту версию шведского политического мифа по истории Восточной Европы, из которой русские изгонялись вплоть до V в., стали активно распространять Г.-З. Байер, Г.-Ф. Миллер и А.-Л. Шлецер, уверяя на все лады, что русские в Восточной Европе «за пришельцев почитаемы быть должны». Концентрат этого мифа перешел к Н.М. Карамзину, труд которого впитал и Русь из шведского Рослагена, и чудь как финские народы.

С начала XIX в. в российском обществе подобные идеи шведского политического мифа стали восприниматься как отражение передовых западных взглядов в исторической науке, они пришлись под стать взглядам оппозиционных, так называемых прогрессивно-демократических кругов российского общества. Далее рудбекианистские взгляды о финно-угорском субстрате и о позднем появлении восточноевропейского славянства, т.е. русских в Восточной Европе, и соответственно,

о позднем старте русской истории прочно укоренились в советской науке без особых дискуссий, чем и был определен вышеназванный хронологический ограничитель для исследований древнерусской истории. Но обнаружение ненаучного источника означает, как минимум, необходимость перепроверить привычные концепции, на что научное сообщество пока идет очень неохотно (Грот 2016: 93-100; 2016а: 115-138).

Второй момент сугубо исторического плана: при изучении русской истории приходится сталкиваться с немалым количеством весьма архаичных традиций, которые сложно объяснить, отталкиваясь только от заданного в науке позднего старта русской истории. Древнерусский материал уводит в глубокую древность, но методика для анализа этой глубины в современной исторической науке отсутствует.

В данной статье я собираюсь рассмотреть несколько примеров древнерусской архаики в потестарной культуре, исторически сопоставимой с древнеарийской культурой.

На эти примеры я обратила внимание, занимаясь, в частности, проблематикой матрилатеральной и матрилинейной традиций и их использованием в поддержании преемственности власти.

1. Среди традиций передачи власти по праву родства известна такая архаичная традиция как «вторичное рождение» или своеобразный ритуал удочерения/усыновления. Сама по себе эта традиция хорошо известна как в истории стран Европы, так и за её пределами, начиная с самого раннего периода, и хорошо отражена, например, в материалах, собранных Д.Д. Фрэзером в его труде «Фольклор в Ветхом Завете» (Фрэзер 1985: 227-246). Интересующий нас феномен Фрэзер как раз и назвал обрядом или фикцией «вторичного рождения», заимствуя термин из обычного права восточноафриканских племён. Этот обряд, который Фрэзер прослеживал у самых разных народов, в том числе и у индоевропейских, заключался в проведении определённой церемонии, имевшей целью превращение постороннего лица в члена кровнородственного коллектива, а также и в ряде других случаев, например, для изменения статуса члена рода (замены старшего сына младшим), если требовалось отстранить от наследования неподходящего родственника и пр.

Обращает на себя внимание тот факт, что усыновление могло осуществляться как женщиной, так и мужчиной, причём усыновление женщиной имело свою специфику. Д.Д. Фрэзер подчёркивал, что «…к фикции вторичного рождения прибегали естественным образом в случаях усыновления с целью превратить усыновленного в кровного ребёнка усыновляющей матери». Среди приведённых им примеров интересны ссылки на Диодора Сицилийского, ссылающегося, в свою очередь, на сведения более древних авторов. Так, Диодор рассказывал, что, когда Геркулес был возведён в ранг богов, его божественный отец Зевс уговорил свою супругу Геру усыновить незаконнорождённого Геркулеса и признать его своим родным сыном. Гера согласилась. Она легла в постель, прижала Геркулеса к своему телу и уронила его на пол из-под своей одежды, имитируя тем наступившие роды.

После чего, добавим от себя, будущий герой и стал, вероятно, называться Геркулесом, унаследовав имя своей приёмной матери Геры и изменив своё настоящее имя Алкид, в котором угадывается имя его родной матери Алкмены (Фрэзер 1985: 239). Диодор Сицилийский же отмечал, что в его время варвары (т.е. европейцы – Л.Г.) применяли аналогичную процедуру при усыновлении мальчика.

Прослеживалось материнское усыновление и в средние века, где обязательной частью ритуала было прижатие усыновляемого к груди, т.е. в форме имитации «молочного усыновления». Осуществление данного обряда материнского усыновления проявляется, по моему убеждению, в событиях Смутного времени, отразившегося, конкретно, в сцене встречи вдовы Ивана Грозного Марии Нагой (в иночестве Марфы) и Лжедмитрия.

Встреча Лжедмитрия и Марии Нагой, которая предшествовала венчанию Лжедмитрия на царство, сохранилась в памяти современников с большими подробностями. На мой взгляд, описания ее содержат достаточно выразительные косвенные данные о том, что встреча между вдовой Ивана Грозного и Лжедмитрием отражала церемонию соглашения, направленного на установление правоотношения в форме усыновления Лжедмитрия вдовствующей царицей, заключённого посредством древнего обряда и на основе обычного права.

Во-первых, мы знаем, что встрече Лжедмитрия и Марии Нагой предшествовала изрядная подготовка: Лжедмитрий вступил в Москву 20 июня 1605 г., а встреча с Марией Нагой состоялась только 18 июля. Все исследователи отмечают наличие каких-то тайных сношений, которые происходили в течение этого месяца между Лжедмитрием и Марией Нагой. Историк Р.Г.Скрынников нашёл даже предание о том, что Лжедмитрий посылал в монастырь к Марии «постельничего своего Семёна Шапкина, штоб его **назвала** (выделено мной – Л.Г.) сыном своим царевичем Дмитрием…» (Скрынников 1990: 164). Совершенно очевидно, что обсуждался вопрос о том, чтобы вдовствующая царица провозгласила Лжедмитрия названным сыном.

Во-вторых, не менее таинственной, с точки зрения современного сознания, выглядит и сама встреча, как она запечатлелась в источниках, привлеченных Н.М. Карамзиным и С.М. Соловьевым, описавших ее наиболее полно. За несколько верст от Москвы, в селе Тайнинском вблизи дороги был раскинут большой шатёр, куда ввели прибывшую из пустыни царицу, и где Лжедмитрий говорил с нею наедине («…не знали, о чём», подчёркивает Н.М. Карамзин). По выходе из шатра Мария прижала Лжедмитрия к своей груди на глазах у многочисленной толпы. «Говорят, – отмечал С.М. Соловьёв, – Марфа очень искусно представляла нежную мать». Через три дня после этой встречи состоялась коронация Лжедмитрия (Карамзин 1997: 251-252; Соловьев 1960: 429).

В исторической литературе встреча Марии/Марфы и Лжедмитрия воспринимается как непонятная комедия. Никто не увидел в ней архаичного ритуала, а ведь исполнение древнего обряда как раз и должно было носить форму

представления, в лицах изображавшего содержание того юридического акта, который заключался, поскольку подобные ритуалы восходили к дописьменной эпохе. Не исключал обряд и наличия таинства, совершение которого должно было быть скрыто от посторонних глаз.

То, что встреча вдовы Ивана Грозного, царицы Марии (Марфы), являла собой обряд, имевший смысл юридического акта, понятный русским людям периода Смутного времени, доказывается последующими событиями. Только после этой встречи состоялась коронация Лжедмитрия. Произошло это, как известно, с составлением присяжной записи особой формы: присяга на имя царственной матери и её сына. Данный документ свидетельствует о том, что законным членом правящего рода можно было сделаться не только по рождению, но и при осуществлении определённых ритуалов, на основе обычая и права. Это право допускало также отказ от акта усыновления, что, как известно, и было сделано Марией Нагой несколько позднее: 17 мая 1606 г. она заявила, что не считает Лжедмитрия своим сыном, т.е. отреклась от усыновления.

Сама по себе традиция усыновления/удочерения существовала во все времена, существует она и в наши дни. Но обряд усыновления, отразившийся во встрече царицы Марии и Лжедмитрия, отличается глубокой архаикой, сопоставимой с архаикой древнегреческих мифов о Геркулесе. Если не заметить данного древнерусского ритуала введения в члены царского рода, то невозможно правильно оценить не только встречу Марии Нагой с Лжедмитрием, но и весь период Смутного времени, где древнерусские архаичные традиции, восходившие к дописьменной эпохе, были движущими стимулами поведения различных представителей русского общества XVII в.

Стоит обратить внимание, например, на такой атрибут встречи Марии и Лжедмитрия, как шатер. Согласно исследованиям известного монголоведа Т.Д. Скрынниковой, в традиционной культуре бурят юрта (аналог шатра) в определенном контексте воспринимается и как символ материнского лона. Существует обряд, по которому при переходе члена одного рода в другой род (например, при свадебных обрядах) вхождение в юрту олицетворяет новое рождение, получение новой жизни. Бесспорная логика в этом есть, поскольку ритуалы обязательно сопровождаются и определенными атрибутами, наделявшимися магией сакрального. Аналогичные примеры находим и в древнеиндийской традиции. Церемонии вторичного рождения подвергали, например, человека, вернувшегося домой после долгих странствий по чужим странам и рассматривавшегося нечистым или мнимо умершим. Такой человек проходил вторичное рождение, проведя ночь в кадке, наполненной жиром и водой. Над ним совершались необходимые религиозные обряды, предназначенные для беременных женщин, т.е. кадка в этом ритуале символизировала чрево беременной женщины. На утро он выходил из кадки через дно, имитируя появление на свет из материнской утробы.

Обряд вторичного рождения в древнеиндийской традиции мог совершаться, например, с целью возвести обыкновенного смертного в ранг божества, если речь шла об ученике брахмана при наделении его статусом полноправного члена варны. Чтобы осуществить этот переход, ученику необходимо было переродиться. Для этого его окропляли водой – символом семени. Ученик ассоциировался с зародышем, его запирали в специально для этого предназначенной хижине, считавшейся материнским чревом. По исполнении всех назначенных обрядов брахман наряду с его прежним естественным и смертным телом, обретал новое, одаренное сверхчеловеческими способностями лучезарное тело. Таким образом, посредством вторичного рождения человеческая плоть подвергалась преображению, и человек получал название «дважды рожденный».

Далее, фикция повторного рождения использовалась в Индии, когда требовалось возвести человека низшей касты на такую общественную ступень, на которую он по своему действительному рождению не имел права. Например, махараджи Траванкора принадлежали по рождению к шудрам, но неизменно возводили себя в ранг брахманов при помощи обряда вторичного рождения от большой золотой коровы или большого цветка лотоса, сделанного также из золота в виде чаши. Войдя в чашу, махараджа оставался там положенное по церемониалу время, в течение которого жрецы отправляли богослужение и читали установленные на сей случай молитвы.

Приведенный материал хорошо известен. Изучен аналогичный материал и в рамках традиционной культуры многих народов России, но за явным исключением традиционной культуры русского народа. Хотя без особого труда на примере встречи царицы и Лжедмитрия можно понять, что воздвигнутый при дороге шатер играл роль ритуального атрибута. Шатер по форме обнаруживает сходство с упомянутой выше чашей – олицетворением цветка лотоса как материнского лона, наделяющего низкорожденного более высокородным статусом, а сам шатер как временное пристанище легко сравним с хижиной в церемонии вторичного рождения брахмана. Но подобным образом русские традиции периода Смутного времени ещё не рассматривались.

Однако сравнение встречи Марии Нагой и Лжедмитрия с ритуалами вторичного рождения в древнеиндийской традиции вызывает к жизни следующий вопрос: раз потребовался акт усыновления Лжедмитрия для введения его в члены царского рода, то значит, окружение знало, что по рождению он к царскому роду не принадлежал? Тогда зачем вообще потребовалось узаконивать его домогательства? Вопрос справедливый, и ответ на него в статье будет дан, но немного позже.

А прежде хотелось бы дополнить приведенные рассуждения о ритуалах материнского удочерения в древнерусской традиции еще одним примером для того, чтобы показать, что эта традиция была глубоко укоренена в русском сознании и восходила к самым древним истокам русской культуры в Восточной Европе и память о ней сохранялась в широких кругах общества на протяжении всей русской истории.

Речь пойдет о традиции, которая фиксировала не просто передачу властных полномочий в человеческом обществе, но передачу власти над людьми и природой, т.е. власти божественной.

Феномен вторичного рождения через удочерение для передачи сверхъестественной силы встречается в «Уральских сказах» П.П. Бажова. В «Малахитовой шкатулке» повелительница подземного мира Хозяйка Медной горы назвала своей дочерью дочку горного мастера Степана. В русском фольклоре носители сверхъестественных сил часто являлись в виде странников. Как бедная странница пришла в дом вдовы Степана Настасьи Хозяйка Медной горы и попросилась отдохнуть у них в доме. Младшую дочь Танюшку она сразу стала называть то дитятком, то доченькой, а «крещеное имя ни разочку не помянула». Сам ритуал удочерения описан иносказательно. Как-то, когда дома никого не было, девочка показала постоялице малахитовую шкатулку, которую когда-то Хозяйка дарила Степану. «*После этого женщина и говорит: "Встань, доченька, пряменько". Танюшка встала, а женщина давай ее потихоньку гладить по волосам, по спине. Всю огладила*» (Бажов 1987: 34-35).

Возложение рук на макушку/затылок человека для передачи ему сверхъестественной силы описано во многих религиозных системах. Посредством этого и Танюшке, как следует из сказа, был передан дар ясновидения, возможность увидеть будущее, власть над природой и людьми. Специфичность описанного в «Малахитовой шкатулке» ритуала русской традиции заключается в том, что властный статус передавался согласно матрилинейной традиции: от матери к дочери и с использованием механизма удочерения. Благодаря ритуалу девочка из семьи горного мастера стала названной дочерью Хозяйки и обрела ее сверхъестественную сущность. С этим обретением закончилась обычная жизнь Танюшки: «*С этим словом прислонилась к стенке малахитовой и растаяла. Только и осталось, что на стенке камни сверкают… Про Танюшку с той поры в нашем заводе ни слуху, ни духу… Да еще после этого случаю заметочка вышла. Сказывали, будто Хозяйка Медной горы двоиться стала: сразу двух девиц в малахитовых платьях люди видели*» (Бажов 1987: 48).

История о двух Хозяйках повторяется и в сказе «О двух ящерках». Зеленая ящерка с человеческой головой являлась, как известно, зооморфным воплощением Хозяйки Медной горы. Две Хозяйки уральских сказов – мать и дочь, причем дочь, «рожденная» даже без имитации акта рождения. Образы матери и дочери как двух хозяек Вселенной относятся к самому древнейшему слою космогонической мифологии у многих народов, в том числе, и в русской традиции.

В приведенном уральском сказе о девочке, сделавшейся названной дочерью Хозяйки Медной горы, остались следы, которые помогают измерить глубину архаики этих древнерусских сказов. Герои преданий и мифов, которым предопределена особая, сверхъестественная судьба, уже при рождении наделяются особыми приметами, как бы намеками на их особую природу. Такие намеки внесены

и в рассказ о будущей дочери Хозяйки Медной горы: «*От Степана, вишь, осталось трое ребятишек-то. Двое парнишечки. Робята как робята, а эта как говорится, ни в мать, ни в отца. Еще при Степановой бытности, как вовсе маленькая была, на эту девчоночку люди дивовались. Не то что девки-бабы, а и мужики Степану говорили: "Не иначе эта у тебя, Степан, из кистей выпала". Одна мать повздыхивала: "Красота-то красота, да не наша. Ровно кто подменил мне девчонку"*» (Бажов 1987: 30).

Казалось бы, странный образ: дочь родилась как из кистей выпала, при чем, из отцовских кистей. Тем не менее этот образ перекликается с ведическим космогоническим мифом о сотворении вселенной из частей тела первочеловека/первобожества Пуруши. В гимне РВ (X. 90) говорится о том, как из тела космического гиганта Пуруши были созданы разные элементы вселенной, живого и неживого мира, а также – социального мира:

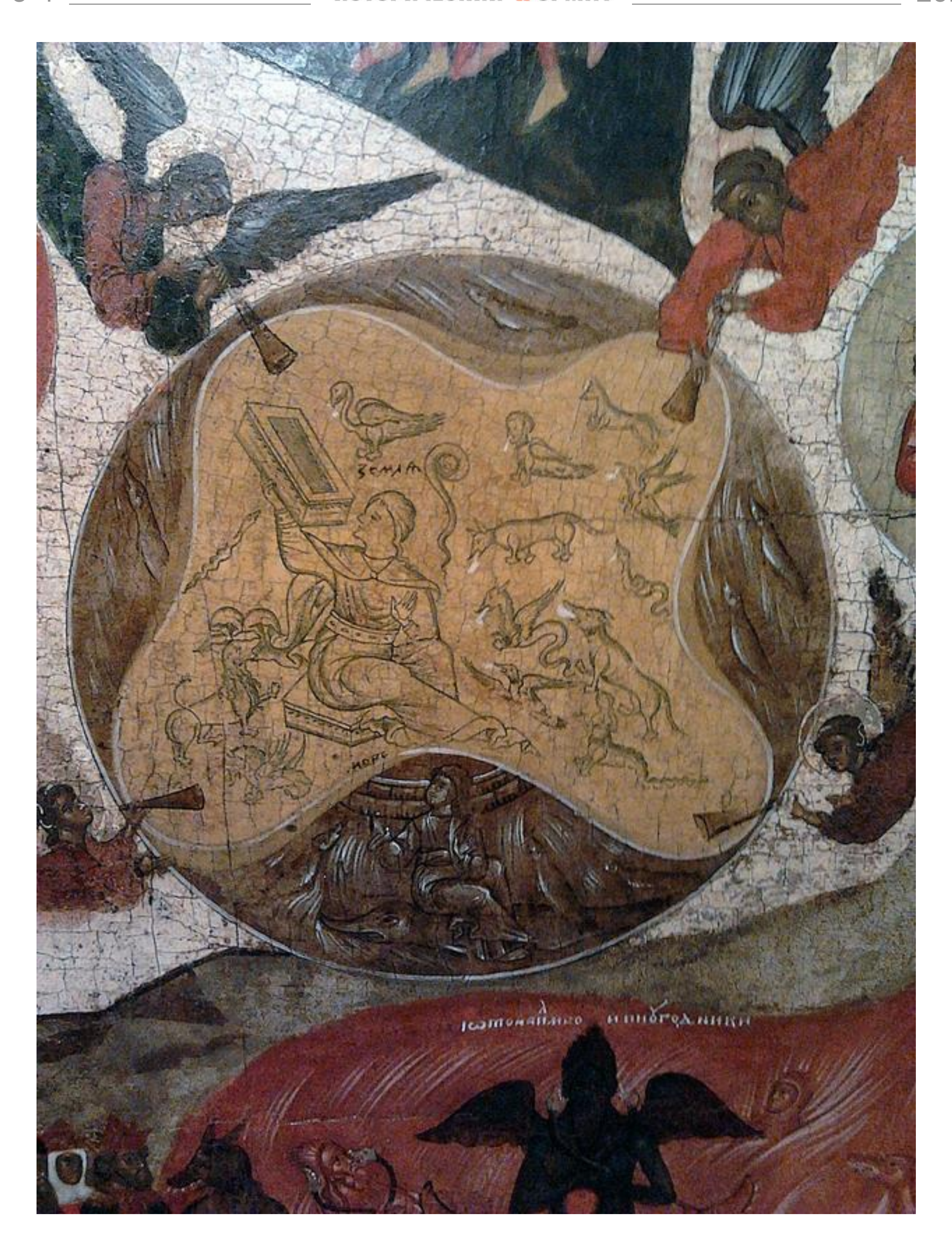
«*Когда Пурушу расчленили,*
На сколько частей разделил его?
Что его рот, что руки,
Что бедра, что ноги называется?
Его рот стал брахманом,
(Его) руки сделались раджанья
(То), что бедра его, – эта вайшья,
Из ног родился шудра» (Ригведа 1999: 236).

По представлениям ведического общества, из рук первосущества/первобожества были рождены раджанья или кшатрии, т.е. представители второго по значимости высокого класса воинов и правителей. С этим образом и перекликается замечание о рождении будущей наследницы Хозяйки Медной горы как «выпавшей из кистей», т.е. родившейся из рук.

Каким путем ведический образ рождения существа с высоким статусом проник в древнерусский фольклор? В древнерусской традиции есть свой космогонический миф, сохраненный в стихах Голубиной книги и передаваемый в образах, закамуфлированных под христианские, когда образ языческого первочеловека выступает под именем Адама:

Оттого у нас в земле цари пошли
От святой главы от Адамовой
Оттого зачались князья-бояре
От святых мощей от Адамовых
От того крестьяны православные –
От свята колена от Адамова (Безсонов 1861: 285-286).

Князья-бояре (воины/правители) древнерусского космогонического мифа происходят от мощей, в данном контексте, от рук первочеловека. На мой взгляд, родство древнерусской и ведической образной систем социальной космогонии достаточно очевидно.

Икона «Страшный суд» из собрания Ярославского художественного музея, сер. XVI в. На фрагменте, изображающем землю: в правом верхнем углу - русалка, в нижнем правом – Хозяйка медной горы (ящерица с женским телом). Это прекрасный визуальный источник, который подтверждает, что Хозяйка медной горы – древний персонаж русских теогонических мифов, знания о которых веками хранились в древнерусской устной традиции, пока не были письменно зафиксированы П.П. Бажовым.

Но может возникнуть вопрос о том, что в «Малахитовой шкатулке» будущая наследница Хозяйки Медной горы «выпала из кистей» горного мастера Степана, и, следовательно, он, принадлежавший по рождению к «крестьянам православным» (по ведической системе, к вайшья или к трудовым членам племени, выступавшим сначала и как воины, а затем только как скотоводы, земледельцы и ремесленники), т.е. к классу земледельцев и ремесленников, замещает в сказе «первочеловека», принесенного в жертву богам. Можно только предположить, что, сделавшись избранником Хозяйки Медной горы, горный мастер Степан был выделен тем самым из среды обычных смертных. Ведь согласно матрилатеральной традиции, супруг правительницы наделялся её властными полномочиями.

Природу родства древнерусской и ведической образной систем для социальной космогонии необходимо глубоко анализировать, но для этого необходимо убрать вышеозначенный хронологический ограничитель и исследовать русскую историю от той исходной глубины, куда ведет ее традиция, т.е. от периода расселения в восточной Европе носителей индоевропейских языков. Это имеет наиважнейшее значение, поскольку названные образы социальной космогонии были понятны русскому обществу на протяжении длительнейших периодов, включая и Смутное время, но с XVIII в. нить этих знаний была оборвана.

Все приведенные примеры заключают в себе традиционные представления русского общества о том, как могли поддерживаться преемственность власти, передача властных полномочий и сохранение легитимности власти до того, как она стала наследственной, регулируемой династийной традицией. Идя от истоков русской традиции, мы видим, что согласно этим представлениям, легитимная власть обладает сверхъестественной силой, поскольку получена из рук первобожества и наделяется силой, идущей от рук первобожества. Поэтому власть могла передаваться и посредством физического соприкосновения с представителем или представительницей царского рода.

Теперь стоит вернуться к вопросу, зачем политическим и церковным деятелям русского общества периода Смуты понадобилось организовывать «физическое соприкосновение с представительницей царского рода» для наделения Лжедмитрия легитимной властью? Для этого необходимо рассмотреть еще одну древнюю традицию передачи власти, а именно – представления о переселении душ или реинкарнацию.

2. Представлениями о переселениях душ (реинкарнацией) умерших правителей или представлениями о перерожденчестве, на мой взгляд, объясняется такой феномен, как самозванцы Смутного времени. Представления о переселении душ, среди других архаичных представлений о сверхъестественной природе власти, были укоренены в русском обществе, что и сделало, как представляется, возможным появление «самозванцев», начиная с Лжедмитрия I и кончая Пугачевым.

Событийная сторона Смутного времени, в частности, события, связанные с деятельностью Лжедмитрия, достаточно подробно изучены историками. Так,

согласно Р.Г. Скрынникову, по поводу выяснения личности самозванца, появившегося в пределах Речи Посполитой в 1602-1603 гг. и называвшего себя царевичем Дмитрием, Посольским приказом было проведено самое тщательное расследование, после которого объявили, что имя царевича принял беглый чернец Чудова монастыря Гришка, в миру – Юрий Отрепьев. Московским властям было нетрудно установить его историю. В Галиче жила его мать Варвара Отрепьева. Современник Отрепьева троицкий монах Авраамий Палицин определенно знал, что Гришку обличали его мать, родные брат и дядя, наконец, «род его галичане вси».

В силу этого факты и даты жизни Отрепьева сделались хорошо известными. Он родился в небогатой дворянской семье. Отец его Богдан Отрепьев в 1577 г. получил поместье, служил в стрелецких войсках. На рубеже 70-80-х годов у Богдана Отрепьева родился сын Юрий. Богдан рано умер. Юрий Отрепьев поступил на службу к Романовым. В 1600 году здоровье царя Бориса ухудшилось. Ввиду его возможной кончины возобновление борьбы за престол было неизбежным. Романовых постигла опала, Отрепьев спасся в монастыре, постригшись в монахи. Был в нескольких обителях, под конец оказался в аристократическом Чудовом монастыре в Кремле. Поступление в такие монастыри сопровождалось крупными денежными вкладами. Но в данном монастыре был его дед Елизарий Замятня. К нему на попечение и поступил Григорий «для бедности и сиротства». Архимандрит Пафнутий отличил Григория и перевел в свою келью, дал чин дьякона. Затем его взял патриарх Иов на патриарший двор «для книжного письма». На царскую думу патриарх являлся со штатом писцов, Отрепьев был в их числе. Патриарх в письмах утверждал, что чернеца Отрепьева знают и он сам, святейший патриарх, и епископы, и весь собор.

Зарождение всей истории с будущим Лжедмитрием, как логично предполагает Скрынников, произошло в стенах Чудова монастыря. Монахи, знавшие Отрепьева, рассказывали, будто в Чудове монастыре «окаянный Гришка многих людей вопрошаше о убиении царевича Дмитрия и проведаша накрепко». Однако можно догадаться, писал Скрынников, что Отрепьев знал об угличских событиях не только со слов чудовских монахов. В Угличе жили его близкие родственники.

Р.Г. Скрынников полагает, что Григорий Отрепьев не сам по себе дерзнул выступить с претензиями на царскую корону, а действовал по подсказке людей, остававшихся в тени. Один из сообщников Отрепьева известен – это монах Варлаам Яцкий из бродячих монахов. Варлаам в «Извете» царю Василию Шуйскому называл одним из своих покровителей князя Ивана Шуйского, из чего ясно, считает Скрынников, что враждебная Борису знать готова была использовать любые средства, чтобы покончить с выборной земской династией. Современный российский историк совершенно справедливо видит в событиях, вызвавших появление Лжедмитрия, конкретную политическую интригу, но явно не понимает природы, обеспечившей взрывоопасное развитие этой интриги. Р.Г. Скрынников со

ссылкой на источники показывает, что молва о спасении истинного царевича Дмитрия проникла в народные массы и получила в народе самое широкое распространение, хотя сам же историк сообщает, что никаких сомнений в смерти царевича Дмитрия, страдавшего «черным недугом» или жестокой эпилепсией, не могло быть, и современникам это было достаточно хорошо известно (Скрынников 1990: 18-48).

На мой взгляд, все видимые противоречия в истории Лжедмитрия устраняются, если рассматривать их в русле традиции перерожденчества. Социально-политическим фоном для поисков перерожденцев служили, как правило, периоды междуцарствий. Хорошо известно, что отыскание перерожденца всегда было миссией религиозных деятелей, и в этих поисках они руководствовались, в том числе, наличием каких-то физических особенностей у предполагаемого кандидата (в древнеиндийской или в буддийской традициях это могли быть необычные родинки, удлиненные мочки и прочие «знаки»). В источниках и литературе осталось немало сведений о том, что все русские самозванцы также демонстрировали особые «царские знаки» в подтверждение своих прав на царское звание. Это же мы наблюдаем и в случае с Григорием Отрепьевым.

Например, в Польше Отрепьев рассказывал, что некий монах узнал в нем царского сына по осанке и по «героическому виду». Современники записали слухи о том, что монах, подучивший Отрепьева, бежал с ним в Литву и оставался там при нем. Беглый холоп из Москвы Петрушка признал в Литве Отрепьева за царского сына, указав на знаки, «которые на челе видел». Донские казаки, оказавшие поддержку Отрепьеву, делали это: «По воле и благословению бога дарованному государю царевичу, воскресшему как Лазарь из мертвых».

Для всякого, кто знаком с традицией перерожденчества, в частности, из истории индуизма, а также истории буддийской или ламаистской церквей, очевидно, что пружиной, запустившей в действие триумфальное шествие Григория Отрепьева, должна была быть также традиция перерожденчества, явно хорошо укорененная в русском обществе, благодаря чему близкая и понятная самым широким слоям населения. Опознанный как воскресший царевич Дмитрий, иначе говоря, как перерожденец царевича Дмитрия бродячими монахами и старцами, т.е. религиозными деятелями, Григорий Отрепьев становился в глазах русского общества легитимным носителем царской власти. При продвижении по Украинской Северщине в 1604 г. Отрепьева встречали возгласами: «Встает наше красное солнышко, ворочается к нам Дмитрий Иванович!» Именно поддержка служилых и посадских людей, казаков и крестьян, отмечает Скрынников, обеспечила продвижение войск Лжедмитрия.

Но у легитимного правителя кроме прав на престол, есть и обязанности перед своими подданными: правитель обязан исповедовать ту веру, которой живет общество. Русский царь в XVII в. должен был быть православным царем – и это требование вполне уживалось с наследием древнерусского традиционализма,

поскольку православие ощущалось русским обществом такой же своей верой, как и традиции, восходившие к древнейшим временам культа Солнца, исповедовавшегося древними русами и ариями. И испытание православием Григорий Отрепьев не выдержал, показав себя более авантюристом, чем политиком.

Еще во время своих скитаний Отрепьев, не находя нужной поддержки у православного духовенства и православных князей, примкнул к польской католической знати. Вот после этого он и стал представлять настоящую угрозу русскому государству и обществу: с одной стороны, он обладал в глазах народа статусом перерожденца царевича Дмитрия и выступал легитимным кандидатом на царский престол, а с другой стороны – тянул за собой шлейф разрушителей русской государственности и православной традиции в лице польской знати и ее приспешников.

Можно предположить, что идея проведения церемонии «молочного усыновления» Григория Отрепьева царицей Марией Нагой должна была возникнуть именно у московских политических и церковных деятелей в ходе почти триумфального шествия Отрепьева к Москве, а не у самого Григория. И идея, надо сказать, была блестящей. Как и когда она была доведена до Отрепьева, пока можно только гадать, но если провести тщательное исследование исторических памятников и документов, освещающих те события, то след, наверняка, отыщется.

Пока можно привести один косвенный аргумент, напомнив, что незадолго перед описываемыми событиями, а именно, при исчислении прав Бориса Годунова на царство на соборе сообщили, что Иван Грозный ещё при жизни величал Ирину как «Богом данную мне дочь царицу Ирину», а также говорил о Борисе, что «какова мне дочь Ирина, таков мне ты, Борис, в нашей милости ты всё равно, как сын» (Соловьев 1994: 370).

Следовательно, Ирина и Борис Годуновы при жизни Ивана Грозного были провозглашены названными детьми царя Ивана или, говоря современным языком, являлись удочерёнными/усыновлёнными особами законного правителя и, следовательно, имели бесспорное право первоочерёдности на престол перед другими кандидатами в довольно обширной генеалогической системе Рюриковичей. Таким образом, опыт использования «модели» названного сына был совсем свежим, а для Григория Отрепьева – очень привлекательным.

Признание Григория Отрепьева названным сыном со стороны вдовы Ивана Грозного практически ставило бы его наравне с покойным царем Борисом Годуновым, что было более чем лестной перспективой для Отрепьева. Но он, видимо, недопонял, что этим самым актом он становился и заложником православного духовенства и московской знати. Как замечено выше, любой юридический акт может быть и ликвидирован при необходимости. Судьба Отрепьева была решена, когда венчанием и свадьбой с Мариной Мнишек он глубоко возмутил чувства русских людей тем, что попрал православные традиции и показал, что его царствование принесет иноземщину и бедствия. Венчание и свадьба

состоялась 8 и 9 мая 1606, а 17 мая Мария Нагая отказалась от Григория как от своего сына или иными словами говоря, отказалась от акта усыновления, т.е. лишила его сакральности легитимного правителя. И в тот же день началось избиение Лжедмитрия и его польского окружения.

В данной статье я постаралась продемонстрировать, что такие феномены как переселение душ или реинкарнация и «второе рождение» для получения властного статуса – архаичные формы, прослеживаемые в древнеиндийской традиции вплоть до ведийского периода, имели место и в русской традиции, дополняя традицию передачи власти по праву родства (а возможно, и предшествовали ей). Поэтому исследование этих форм важно как для исследования русского традиционализма, так и для исследования многотысячелетней глубины русской истории.

Но на пути такого исследования стоит хронологический ограничитель, пришедший в русскую историю в ходе утверждения в ней «концепций» шведского политического мифа, оформившихся как норманизм. И пока эта ситуация сохраняется, развитию российской исторической науки будут противодействовать деструктивные процессы и явления самого разнородного характера.

ЛИТЕРАТУРА

Бажов 1987 - *Бажов П.П.* Уральские сказы. М., 1987. 352 с.

Безсонов 1861 - *Безсонов П.* Калики перехожие. Вып. 2. М., 1861.

Грот 2016 - *Грот Л.П.* Как летописная чудь превратилась в «эстонские племена» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Общественные и гуманитарные науки. Научный журнал. Петрозаводск, 2016. № 1 (154). С. 93-100.

Грот 2016а - *Грот Л.П.* Шведский политический миф о финно-угорском субстрате в Восточной Европе и начальный период русской истории // Международный научный журнал «Исторический формат». 2016. № 3. С. 115-138.

Карамзин 1997 - *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. Т. X. Ростов-на-Дону, 1997.

Ригведа 1999 - *Ригведа. Мандалы IX-X* / Издание подготовила Т.Я. Елизаренкова. М., 1999. 562 с.

Скрынников 1990 - *Скрынников Р.Г.* Самозванцы в России в начале XVII в. Григорий Отрепьев. Новосибирск, 1990. 236 с.

Соловьев 1960 - *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Соч. в 18 книгах. Кн. 4. Т. 8. М., 1960. 778 с.

Фрэзер 1985 - *Фрэзер Д.Д.* Фольклор в Ветхом завете. М., 1985. 511 с.

REFERENCES

Bazhov 1987 - *Bazhov P.P.* Uralskije skazy [Uralian tales], Moscow, 1987, 352 p. [in Russian].

Bezsonov 1861 - *Bezsonov P.* Kaliki perehozhije. Vyp. 2 [Wandering minstrels. Release 2], Moscow, 1961 [in Russian].

Frazer 1985 - *Frazer J.G.* Folklor v Vethom Zavete [Folk-lore in the Old Testament], Moscow, 1985, 511 p. [in Russian].

Groth 2016 - *Groth L.P.* Kak letopisnaya chud' prevratilas' v «estonskie plemena» [How annalistic chud became «estonian tribe»], in: Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Obschestvennye i gumanitarnye nauki [Academic notes of Petrozavodsk state university. Social and humanitarian sciences], 2016, № 1 (154), pp. 93-100 [in Russian].

Groth 2016a - *Groth L.P.* Schwedsky politichesky mif o finno-ugorskom substrate v Vostochnoy Evrope i nachalny period russkoy istorii [Swedish political myth of Finno-Ugric substratum in Eastern Europe and the initial period of russian history], in: Istoricheskij format [Historical format]. 2016. № 3, pp. 115-138 [in Russian].

Karamzin 1997 - *Karamzin N.M.* Istorija Gosudarstva Rossijskogo. T. X [History of the Russian State.Volume 10], Rostov-on-Don, 1997 [In Russian].

Rigveda 1999 - Rigveda. Mandaly IX-X / Izdanie podgotovila T.Ja. Elizarenkova [Rigverda. Mandalas IX-X / Edition preprared by T.Ja. Elizarenkova], Moscow, 1999, 562 p. [in Russian].

Skrynnikov 1990 - *Skrynnikov R.G.* Samozvantsy v Rossii v nachale XVII v. Grigory Otrepjev [Impostors in Russia in the beginning of XVII century. Grigory Otrepjev], Novosibirsk, 1990, 236 p. [in Russian].

Solovjev 1960 - *Solovjev S.M.* Istorija Rossii s drevnejshih vremjen. Soch. v 18 knigah. Kn. 4. T. 8 [History of Russia from the ancient times. Compilation of works in 18 books. Book 4. Volume 8], Moscow, 1960, 778 p. [in Russian].

Грот *Лидия* Павловна – Кандидат исторических наук, заместитель председателя общества «Русский салон», историограф общества (Лулео, Швеция).
Lidia Groth – candidate of historical sciences, vice-chairman and historiographer of the Russian Salon society (Luleå, Sweden).
E-mail: mail@histformat.com

УДК 94(430).012

БАЛТЫ В МИГРАЦИЯХ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

И.М. Тарасов
Независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия)
e-mail: tarasowilya@yandex.ru
Researcher ID: B-5780-2018
http://orcid.org/0000-0002-0831-2813
SPIN-код: 1877-7287

Авторское резюме
В статье рассматривается участие в военных походах эпохи Великого переселения народов и предшествующего ей периода балтских племён (галиндов, велетов, ятвягов и некоторых других).
Ключевые слова: Великое переселение народов, балты, готы, галинды, голядь, ятвяги, велеты, вильцы, лютичи, славяне.

THE BALTS IN THE MIGRATION PERIOD

Ilya Tarasov
Independent researcher (St. Petersburg, Russia)
e-mail: tarasowilya@yandex.ru

Abstract
The paper is about military campaigns of the Baltic tribes (Galindians, Veleti, Yotvingians and some others) during the Migration Period of Europe.
Keywords: Migration Period of Europe, Balts, Goths, Galindians, Goliads, Yotvingians, Veleti, Wilzi, Lutici, Slavs.

* * *

Великое переселение народов (далее – ВПН) – важная эпоха в истории европейской цивилизации. Она отделяет античность от раннего средневековья, мир *Pax Romana* от Европы раннесредневековых «варварских» королевств. Именно ВПН заложило по сути наследие для образования и развития на европейском континенте новых государств в средневековую эпоху. Европа вошла в эпоху ВПН, поделённая между умирающей Римской империей и протогосударственными образованиями Барбарикума, а вышла – разделённая на множество христианских королевств.

В историографии принято по-разному подходить к проблеме хронологических рамок Великого переселения народов. По одной из версий ВПН «удревняется», т.е. начинается с Маркоманнскими войнами, на рубеже 2 и 3 четвертей II в. (Буданова

и др. 2011: 7, примеч. 5). По другим, наоборот, «продлевается» аж до II тыс. н.э., включая в себя миграции скандинавских народов, венгров, печенегов, куманов. Однако, миграции – неотвратимый фон исторических событий, и в случае «широких рамок» эпохи не учтены миграции кимвров, тевтонов и их союзников в к. II в. до н.э., миграции кельтов, военные походы даков и гетов (на востоке вплоть до Днепра) Буревисты, «смещение» сарматов на запад в I в. н.э. и т.д. Равно как и миграции викингов, венгров и ряда тюркских племён (печенеги, куманы и др.) – это уже не ВПН, а отдельные исторические процессы, связанные с историческими явлениями уже не поздней античности, а средневековья.

Перемены, приведшие к кардинальным цивилизационным изменениям, всё же начались в последней четверти IV в. с разгрома гуннов и их союзников огромного гревтунгского королевства, контролировавшего значительную часть восточно-европейского Барбарикума, и продолжались вплоть до осады Константинополя аварами, а их славянских союзников – балканских городов (1-я треть VII в.), что сопровождалось значительными расселениями непосредственно на территории Восточной Римской империи. Поэтому в рамках данной статьи ВПН начинается именно в 375 г., предшествующая ей эпоха не относится к ВПН, а определена как «предшествующий период».

Великое переселение народов – это длительный и чрезвычайно важный для становления европейской цивилизации период. Однако, он отдаётся целиком на откуп германцам. Незначительню роль отводят ирано- и тюркоязычным народам. Изредка упоминают какие-то обезличенные «группы праславян» (главным образом, в составе германских племён или гуннской «кочевой империи»). А вот балтские племена полностью игнорируются. Однако, их вклад в войны ВПН весма существенен, и даже в предшествующий ей период они уже принимали участие в войнах с римлянами. Именно участию балтских племён в ВПН посвящена данная статья. Значительную часть материала будет занимать история галиндов в эпоху предшествующую ВПН и в ВПН. Причиная этому следующая: галинды – одно из тех племён, что участвовало в войнах III – V вв. и перекройке карты тогдашней Европы, а их часть продвинулась от районов юго-восточной Пруссии до северных подступов Карпат и Судетов, а позднее – с везиготами[1] – вплоть до Пиренейского п-ова. Другая часть галиндов ушла на восток, в Поочье, где позднее стала известна, как колды и голядь[2]. Два других племени, упоминаемых в этой статье, это велеты и ятвяги,

[1] В рамках данной статьи я, согласно сложившейся традиции, именую предков вестготов тервингами и везиготами. Термин тервинги применим до битвы при Адрианополе, после которого народ везиготов буквально «сшивался» из различных племён и местного населения, по землям которых проходил «народ-войско» королей Балтов. Термин вестготы сменяет прежний (везиготы) только с момента обретения готами своего королевства (не ранее 418 г.). Именно при королевском дворе везиготских монархов и распространилась идея что везиготы – это западное (*vest*) «колено» единого народа готов.

[2] *Голядь* – форма множественного числа, аналогичное летописным *водь*, *чудь*, *серпь*, *русь*. (ед. ч. *голядин*, по аналогии с *русь* – *русин*).

которые также принимали участие в завоевательных походах эпохи ВПН, однако, не на таких громадых расстояниях, как галинды.

Балты на рубеже эр.

На рубеже эр балтские археологические культуры раскинулись от юго-восточной Прибалтики до междуречья Оки и Волги и верховий Десны и Сейма. Им отводится так называемый «четвёртый» мир античной Европы в классификации отечественного археолога М.Б. Щукина. Среди них основные – это культура западнобалтских курганов (позднее – западнобалтская культура), культура штрихованной керамики, милоградская, днепро-двинская (затем она перетекает в средне- и далее – верхнетушемлинскую культуру), юхновская. Четвёртый «мир» не отличается ни изощрённостью форм, ни богатством ассортимента. Это исключительно различные варианты грубо вылепленных вручную слабопрофилированных банковидных горшков. Все названные культуры – «горшечные» (Щукин 1994: 21). Все эти культуры располагались в зоне балтской топонимики, откуда делается вывод о том, что говорили их носители на балтских языках: носители западнобалтских курганов – на западнобалтских языках, остальные – восточнобалтских (Щукин 1994: 22).

Сарматское вторжение.

Ранее сарматская экспансия и уничтожение сарматами классической зарубинецкой культуры привели к миграциям зарубинецкого населения на север и северо-восток, в результате его сложился ряд локальных культур. Зарубинецкое население в основной своей массе бежало на восток — население растекается в разные стороны, спасаясь в Подсенье, на Брянщине, в Посеймье, в верховьях Сулы и Псла, достигает верховьев Дона и, возможно, даже Самарского Поволжья (Щукин 2005: 68).

Именно разгром сарматами зарубинецкой культуры (сер. I в. н.э.) и «взрыв» последней на огромном расстоянии от Верх. Поднестровья до Подесенья, верховий Псла и Северского Донца послужил толчком к миграции балтских племён юхновской и днепро-двинской культур на север и северо-восток, к верховьям Днепра и Волги, в басс. Зап. Двины, на верхнюю Оку и в зап. часть Волго-Окского междуречья (Щукин 1994: 237).

М. Гимбутас отмечает, что носители зарубинецких древностей нарушили спокойную жизнь восточных балтов в басс. Днепра и заняли земли милоградских племён (невры Геродота), расположенные вдоль Припяти, в верховьях Днепра и его притоков, а также заселённые носителями культуры гладкой керамики южные территории (Гимбутас 2004: 111).

В результате смешения постзарубинецких групп населения (и, возможно, каких-то сарматов) с местными древнеевропейскими и балтскими племенами, родилась основа части будущих восточнославянских племён, говоривших на языках, весьма похожих на среднеевропейские говоры праславян, мигрировавших на лесную зону Европейской равнины в сер. – 2-й пол. I тыс. н.э.

Однако, не успела лесная часть Восточно-Еропейской равнины насладиться спокойствием после разгрома зарубинецкой культуры, как вскоре началось новое движение с южного побережья Балтийского моря.

«Готский взрыв».

Население западной части культуры западнобалтских курганов, пограничной с Поморьем, ранее уже тяготевшее к поморской культуре, вошло в состав новых группировок оксывской культуры на нижней Висле. Подобное происходит и в ареале нидицкой группы пшеворской культуры которая могла включить в себя и население верхнего течения Вкры и Ожицы. Другие группы в бассейнах Лыны и Пасленки распались, частично отойдя на запад и юг, а частично создав новую группу в Мронговском поозерье (Щукин 1994: 192).

М.Б. Щукин не исключал, что говорили носители оксывской культуры (как и и носители древностей Поянешты-Лукашевки, пшеворской и зарубинецкой культур) на неких исчезнувших диалектах индоевропейских или даже доиндоевропеских (т.е. палеоевропейских) языков (Щукин 1994: 20). Именно их я называю в дальнейшем «древнеевропейцами», и к этим племенам я отношу изначальных ругов, лемовиев, герулов, скиров, бастарнов, боранов, осов и др.

Именно из смешения носителей оксывской культуры с мигрировавшими готскими племенами, и выросла «готская» вельбарская культура. Примечательно, что готы были в ней меньшинством – но меньшинством, занимавшим главенствующие позиции и составлявшим, по всей вероятности, управленческо-дружинный слой населения, его воинскую элиту. Сама культура была гетерогенным и многокомпонентным образование (Щукин 1999: 68; 2005: 160).

Виновниками волнений в Нижнем Повисленье на рубеже эр иногда называт *готов*. Отмечена связь готов, проживавших в устье Вислы и родственных им племён (гепидов и др.), с западными балтами (Топоров 1982а: 245). Имела место миграция балтов-галиндов с северо-запада либо в первые века н.э. совместно с готами, либо немногим ранее (Топоров 1982: 129-133). Можно предполагать (но пока только предполагать), что существовал некий единый импульс, заставивший галиндов мигрировать в двух направлениях – западном и восточном (Топоров 1982: 131).

Я согласен в целом со второй версией (готской). Миграции готов в I-II вв. н.э. привели к перемещению племён пшеворского ареала (лугии и др.), а также к падению «буферного» царства Ванния. Именно тогда затронуты были и зарубинцы (предки будущих восточных славян), и галинды, которые разделились, как и многие племена той эпохи, на части, которые оказались разбросанными по карте чередой миграционных волн. Одна часть галиндов двинулась на бурный юго-запад, другая на относительно спокойный, лесистый юго-восток, где и осела в верховьях Оки (гидроним, производный от балтийского корня **Ak*[1]), где примерно в это время начинает отсчёт мощинская культура. Эхо миграций докатилось даже до Поволжья.

[1] Ср. лит. *akà,* лтш. *aka* ‘прорубь, колодец’, лит. *ãkas* ‘заводь’, лтш. *acis* ‘незамерзающее место в реке, озере, болоте’, ‘прорубь’, ‘бьющий из глубины ключ’.

Так, первая немногочисленная группа переселенцев с территории Волыни и Верхнего Поднестровья появилась в Среднем Поволжье ещё во II в. (Седов 2002: 245). Можно назвать их ещё не славянами, а древнеевропейцами, говорившими на каких-то ныне исчезнувших диалектах, относящихся к и.-е. языковой семье. Следы проживания этих переселенцев находят в Самарской области. После себя они оставили памятники так называемого славкинского типа (назван так по имени села Славкино, Сергиевского района Самарской области). Археологи считают, что у этой керамики нет местных корней (Седов 2002: 246). По всей вероятности, эти группы пшеворцев были выдавлены первой волной вельбарского нашествия.

Как уже было предположено в науке, именно готы были катализатором Маркоманнской войны, именно они стали основой той лавины народов, что во время Маркоманнской войны (166-180) прорвала римскую оборону на Дунае и привела к насильственному изменению ситуации в сармато-понтийском регионе (Вольфрам 2003: 27). Участие в маркоманнских войнах готов предполагают и отечественные археологи (Щукин 2005: 92). Наличие готов среди упомянутых в источниках участников Маркоманнской войны «superiores barbari» (верхних, северных варваров) я считаю вполне обоснованным.

Примечательно, что по источнику Иордана готы ещё тех времен, когда не пришли в припонтийские области (т.е. до первых десятилетий III в. н.э.), победили маркоманнов и квадов (Get., 89). Вероятно, под этим следует понимать какие-то «подвижки» в Барбарикуме, которые и привели к Маркоманнской войне.

Археолог М.Б. Щукин отмечал участие групп вельбарского населения (т.е. готов) в создании киевской культуры (Щукин 1997: 30). И именно угроза же вельбарско-черняховской колонизации заставила местное население консолидироваться в рамках киевской археологической культуры (возникающей примерно во 2-й пол. II – нач. III в. н.э. на основе различных «постзарубинецких» групп) (Щукин 2005: 132).

Современные данные археологии вполне могут определить примерно время миграций галиндов. Во II-III вв. в Верхнеокском регионе наблюдается инфильтрация новых групп населения, пришедшего из Подесенья. Она замечена в появлении на территории верхнеокской культуры древностей почепской культуры, распространённой вбассейне Десны в I-III вв. н.э и сложилась в условиях взаимодействия местных племён юхновской культуры с пришлыми носителями зарубинецких древностей (Седов 2000: 75-76). Как видим, можно увязать миграцию голяди с началом похода готов и Скифской войной, в которой принимали какое-то участие и галинды.

Напомним, что миграция могла быть и раньше. Т.к. вполне очевидно, что именно балтов упоминал географ II в. Птолемей под именем *борусков* (греч. Βοϱουσκοί, лат. *Boruscі*, откуда *Borussia* – латинское название Пруссии) на значительной территории лесной части Восточно-Европейской равнины. Птолемей отводил им и ираноязычным савирам территорию примерно от Волго-Донского

междуречья до Урала (Рипейские горы (Ῥιπαίων ὀρέων), от вед. Rep – священных гор ариев) (*Птолемей*, Руководство по географии, III, 5, 22). Впрочем, в то время Рипейскими горами называли какие-то северные горные цепи, а за Уралом это название закрепилось много позже. К примеру, Плиний писал, что из Рипейских гор берёт начало Танаис (Дон) (*Плиний*, Естественная история, IV, 78), т.о. здесь Рипейские горы – это предположительно Среднерусская возвышенность, где находятся истоки Дона, т.е. территория нынешней Тульской области. Тем не менее, балты по Птолемею, скорее всего, – приживающие до крайних северных возвышенностей. Т.е. они уже к середине II столетия населяли лесные территории к северу от занимавших евразийские степи аорсов, савиров и неких пагиритов (вероятно, сарматского племени) до крайних северных пределов, окаймлённых по поверью древних горами.

«Западные» галинды.

Традиционно этноним галинды (греч. Γαλίνδαι, прусск. *Galindi*, др.-рус. *Голѧдь*) применяется к двум различным балтским союзам племён I – нач. II тысячелетий н.э.: западным галиндам (юго-восток Пруссии) и восточным галиндам, называемым также голядью (бассейн верхней Оки).

Лингвистами восстанавливается этноним **galind* (др.-прус.), который восходит к балт. **gal* ‘конец, край’ (ср. литовск. *galas*, лтш. gals ‘конец’ < балт. **gal-as* ‘конец, край’)[1]. Таким образом этноним *галинды*, как и *голядь* (др.-рус. *Голѧдь*), обозначает ‘жителей окраины’ (в данном случае — окраины балтийского расселения). Известны и гидронимы типа *Galinde* – приток Наревы и название одного озера.

Американский археолог литовского происхождения, сотрудник Гарвардского и Калифорнийского университетов, М. Гимбутас (1921-1994) писала: «Лингвистически славянская форма “голядь” происходит от древнепрусского “галиндо”. Этимология слова может быть объяснена и с помощью литовского слова *galas* – “конец”.

В древнепрусском *галиндо* также обозначало территорию, расположенную в южной части балтийской Пруссии. Как мы уже отмечали, прусские галиндяне упоминаются Птолемеем в его “Географии”. Вероятно, жившие на территории России галиндяне были названы так, потому что они располагались восточнее всех балтийских племен. В XI и XII веках со всех сторон их окружали русские» (Гимбутас 2004: 31).

Этноним галинды (греч. Γαλίνδαι) впервые фиксируется уже упомянутым географом II в. н.э. Клавдием Птолемеем (*Птолемей*, Руководство по географии, III, 5, 21) среди восточноевропейских племен. Позже галинды упоминаются Петром из Дусбурга: он пишет об одной из земель Пруссии – Galindia, а её население называет *Galindi*. Вероятно, в промежутке между этими упоминаниями они были известны позднеантичным авторам (Аммиану Марцеллину, Клавдию Клавдиану и др.) под созвучным именем *гелонов*.

---

[1] Возможно, также родство с лит. *galingas* ‘мощный’, *galia* ‘мощь’.

Галинды – одно из немногих балтских племён, принявших участие в ВПН. Причём, миграции со своей прародины они начали за несколько веков до общеизвестных событий, давших официальный старт эпохе ВПН в 375 г. Миграции галиндов имели два вектора направления: 1) к юго-востоку, как бы огибая нынешние южные границы Беларуси; 2) на юг (или юго-запад). Как результат – следы галиндов обнаруживаются на огромной территории – от берегов Атлантического океана до покрытого густыми лесами Подмосковья (Топоров 1982: 129).

О миграции каких-то групп галиндов свидетельствует топонимика. Так, ещё О.Н. Трубачёв обратил внимание, на определенную концентрацию топонимов с корнем *-galind* в разных уголках Европы, в частности, что особенно интересно, и в Северо-Западной Испании.

Одним из свидетельств миграций галиндов ещё до эпохи ВПН служит титул императора Волусиана (251-253) на монетах – Γαλίνδιχος ‘галиндский’. Это может свидетельствовать в пользу того, что галинды принимали участие в так называемой Скифской войне III в., и скорее всего, были разгромлены римскими легионами где-то на Балканах или даже за Дунаем. Возможно, это сохранилось в народной памяти балтских народов, ср. у Литвина Михалона, где от римлян производят балтские народы: «Ведь пришли в эти края наши предки, воины и граждане римские, посланные некогда в колонии (in colonias), чтобы отогнать прочь от своих границ скифские народы (gentes Scythicas)» (*Литвин Михалон*, О нравах татар, литовцев и москвитян, V).

С миграцией галиндов (и, кажется, других балтских племён, в частности, судинов) совпало и продвижение на восток в конце II в. и пшеворских (древнеевропейских) племён, теснимых готами. «С конца II в. н.э. отмечается вторая волна расселения пшеворских племён, в результате которой группы этого населения проникали в Закарпатье и Среднее Поднестровье, а некоторые, вероятно, ещё дальше на восток – в отдельные районы юга лесной полосы Восточной Европы. Это передвижение пшеворцев было частично вызвано давлением на них с севера со стороны племён вельбарской культуры (I – начало V в.)» (Янин 2006: 399).

Не исключают отечественные археологи миграции западных балтов в составе племён-участников второй волны вельбарского переселения середины III в. С середины III в. н.э. (т.е. к началу Скифской войны) вельбарские памятники становятся известны на широкой территории – от Нижнего Дуная до Поднепровья. «В это движение могли быть вовлечены различные группы населения, в том числе и некоторые группы ранних славян в составе пшеворской культуры, западные балты и др.» (Янин 2006: 400).

Отмечено присутствие галиндов далеко к югу от исторической Галиндии, где-то на границе польских и чешских земель, на северных подступах Карпат и Судет (Топоров 1982: 129-130). Это *первый путь* миграции галиндов. *Второй путь* миграции галиндов будет в Поочье и Москворечье. Русские летописи крайне скупы на

сообщения о местной голяди и преимущественно о балтской истории этих краёв можно судить только по топонимике и поздним преданиям.

Оба пути миграции галиндов подтверждается топоономастическими следами – ср. многочисленные чешские названия, к примеру, *Holedecˇ* (т.е. **Golęd-ьcь*, Adj. **Golęd-ьcь-jь*, ср. **Holedcův* (*dvůr*)), *Holedeček*, *Holesǐce*, нем. *Groß-Holetitz*, *Klein-Holetitz*, *Holeditz* и т.д. (Топоров 1982: 130).

В конечном счёте к галиндам восходит имя славянского племени, проживавшего в Моравии, – *голенсичей* (*Holasici*, стар. *Golensici*), что соответствует «наблюдениям над балтийскими следами в диалектной лексике восточной Чехии» (Трубачёв 1974: 65). Баварский географ в промежутке между 829 и 850 гг. упоминает голенсичей, у которых было 5 городов. *Golensizi civitates* упоминаются также и во Вроцлавской булле 1155 г.: *gradice Golensiczeshe*; ср. данные польской ономастики (ср. *Serv(us)… Golandin* (1065?) / =*Golędzin*/, *Andeam Golanda*, 1458 / =**Golęda*/, *Iohannes Golczino(w)sky* (1443) и др.) и топонимики (ср. *Golendzin*, ок. Радома, *Golądkowo*, ок. Пултуска, ср. *Golentkowo*, ок. 1240 г., *de Golanthkowo*, 1426, *Golątkowo*, 1576, *Golędkowo* и др.).

По всей вероятности, голенсичи (голендичи) – это потомки балтов, которые осели в Опавской котловине на самом юге Силезии и быстро смешались с жившими здесь славянами пражской культуры (Алексеев 2005: 214), сохранив, однако, своё название, пускай и в славянизированной форме (как минимум, до XII в. включительно).

Вероятнее всего, именно землю этих мигрировавших галиндов имел в виду Павел Диакон под *Golanda* где-то в этих местах. В этой *Голанде*, как пишет Павел Диакон, лангобарды «пребывали долгое время» во время своей миграции с левобережья Нижней Эльбы в Северную Италию (*Павел Диакон*, История лангобардов, I, 13).

Очевидно, что голенсичи это – славянизированные балты, как и черезпеняне, и смельдинги (которые вовсе никакие не смоляне, а жители местности *Smeld*). Относительно последних уже довольно давно высказывались, что этимология *smeldingi* от *смоляне* выглядит весьма натянуто. Без суффикса *-ing* остаётся основа *smeld-*, а не *smel-*/*smol-*. В корне присутствует одна согласная, которая известна в не менее, чем трёх источниках, так что обойти эту согласную нельзя. И тут вспоминаются слова крупного современного исследователя топонимии Северной Германии Ю. Удольфа и исследователя К. Каземир и о том, что в соседней с ободритами Нижней Саксонии невозможно объяснить десятки топонимов только из германского или славянского языка, и такое объяснение можно предоставить, только используя балтский язык. В славянских языках не было суффикса *-ing*, и не вполне понятно зачем германцам потребовалось фиксировать этноним **smoljani* через него, в то время как десятки других славянских племён записывались германцами без суффикса *-ing*, но с суффиксами *-ani*, *-ini*. Логичнее предположить, что так они звали жителей некой земли *Smeld* (по аналогии *silingi* – жители Силезии). Однако, из

германских и славянских языков название **Smeld* вывести нельзя. А вот балтский язык даёт весьма точную этимологию (см.: Пауль 2014а). Этимологию А. Пауль приводит следующую – лит. *smelis*, лтш. *smiltis* 'песок', и возводит название *Smeld* к песчаным дюнам на севере современной Германии. Предположительно, какую-то часть этих песчаных дюн местные жители называли балтским словом Smeld. Можно предположить, что в дальнейшем смельдинги, сохранив, однако, своё имя, мигрировли с тех земель.

Балтская основа была, по-видимому, и у череспенян (*Circipani*, нем. *Zirzipanen*), входивших в племенной союз лютичей (вильцев, велетов). По всей верояности, череспеняне мигрировали вместе с предками лютичей – велетами из Прибалтики и сохранили своё племенное название. Сам этноним также можно отнести к балтским. Известно, что ни у одного из известных письменным источникам славянских племён не встречается больше названия «через + место». А вот в землях с балтоязычным населением подобных названий – немало. В форме Zirzipani (Circipani) на латвийском побережье находится прямое соответствие в топониме Cirspene (см.: Пауль 2014а).

Но вернёмся к галиндам. Скорее всего, какие-то группы галиндов принимали участие в войнах везиготов, сопровождая их на долгом пути в Испанию. Когда они появились в окружении везиготов – неизвестно. Возможно, они вошли в зону притяжения племён вокруг знамён готского рода Балтов, которые позднее стали тервингским племенным союзом на территории Нижнего Подунавья и Поднестровья. Возможно, галинды вместе с готами и аланами уходили от гуннов после разгрома королевства Эрманариха в последней четверти IV столетия. Возможно, они примкнули к везиготам Алариха после разгрома полчище «скифа» Радагайса, осенью 404 г. вторгшегося через Верхний Дунай в Италию. Возможно, они двинулись на Запад в 406 г. в составе вандальского «народа-войска», а позднее примкнули к готам, после того, как король Валлия нанёс в Испании сокрушительное поражение королю силингов.

Полагаю всё же, что какие-то группы центральноевропейских галиндов, мигрировавших ранее со своей балтской прародины («Baltica»), были увлечены по пути полчищами Радагайса и вместе с ними вторглись в Италию, спасаясь от гуннского вторжения. И уже потом, после разгрома Радагайса, они присоединились в конечном счёте к армии Алариха.

Поэт Клавдий Клавдиан отмечает гелонов в составе «рати» варваров, собранной для префекта претория Востока Флавия Руфина, убитого в 395 г.: «*…смешавшись с даками (Dacis), спускается сармат (Sarmata), и смелый массагет (Massagetes), который ранит скакуна, чтобы наполнить чашу [его кровью], и алан (Alanus), изрубленную пьющий Меотиду, и гелон (Gelonus), которому любо расписывать своё тело железом, рать, собранная для Руфина…*». Упоминает он и о каком-то столкновении с «гелонами» римских воинов Стилихона. Клавдиан особо отмечает, что полководец Стилихон не испугался «кривого клинка» гелона. По всей

вероятности, речь идёт о каком-то отряде галиндов, присоединившихся к варварскому войску, с которым сразился Стилихон.

Топонимика в источниках, повествующих об эпохе ВПН, упоминает названия с корнем, восходящим к названию этого балтского племени. Так, готский историк VI в. Иордан упоминает город *Гальтис* (oppidum *Galtis*) близ реки Ауха (Get., 99). Неподалёку от него произошло сражение между готами и гепидами. Предположительно селение *Гальт* (*Gait*) на верх. течении реки Олта в южной части Трансильвании (Семиградья).

Вероятно, галинды, соединившиеся с везиготами, сохранили некую автономию и какое-то время ещё обладали собственным этническим самосознанием. Вообще, в эпоху ВПН многие негерманские племена (помимо балтов, это ещё и древнеевропейцы, и ираноязычные кочевники) входили в конгломерат готских племён, что в итоге их считали готами. Здесь, конечно же, нельзя не вспомнить тех же аланов. Прокопий Кесарийский называет алан одним из «готских племён» (Γοτθικὸν ἔθνος). Он писал: «*Несколько раньше римляне (ромеи – И.Т.) приняли в качестве союзников скиров, аланов и другие готские племена…*» (Прокопий Кесарийский, Война с готами, I 1, 1). Писатель Сидоний Аполлинарий (ок. 400-470) в Панегерике императору Флавию Антемию, прочитанному в Риме 1 января 468 г., называет алан «единокровниками» вандалов («*…разграбил вандальский враг, пока его аланский единокровник (consanguineo… Halano) опустошал…*»). Вполне вероятно, такими же сарматами, позднее германизированными, были и тайфалы с тацитовыми бастарнами второй половины I в. н.э.

Более дюжины галиндов известны в Тулузском королевстве (418-507) (Вольфрам 2003: 337). Ономастикон поздней античности и раннего средневековья также видетельствует о миграции в Западную Европу «западной» части галиндов (вероятно, вместе с везиготами). Так, известен некий *Galindo* (имя воина в вестготском войске), *Predentius Galindo* (в записи 835-861 гг.), один из составителей Бертинских анналов. Один из героев «Песни о моём Сиде» *Галинд Гарсиас*, ударный копейщик. Существенно, что он был из Арагона (*Galín Garçíaz, el bueno de Aragón*; *e Galind Garçiez, el bueno d`Aragón*), чья территория когда-то была составной частью Вестготского королевства.

В Испании отмечено немало вестготских имён с элементом *Galind-* и шестнадцатикратное появление имён типа *Galindus, Galin* в Картуларии аббатства Сен-Сернэн между 844 и 1200 гг., т.е. спустя, по меньшей мере, три с лишним века после падения Тулузского королевства вестготов. Кстати, имена с элементом *Galind-* появляются в испанских источниках именно после падения Вестготского королевства (711) (Топоров 1982: 133-135).

Особое внимание надо обратить на топонимы с элементом **Galind-*; ср. леонск. *Galende* (927), португ. *Gainde*, *Gaindo*, *Guindo*, *Guindães*, v(illa) *Gaindanes* (1258), *Gaindos*, арагонск. *Galindonis* (1093). В качестве топонимов иногда употребляются патронимические формы имени, ср. исп. *Galindo* (*Castel de Galindo*), кастильск. *Galindo*

(*Tor de Galindo*), катал. *Castellgalí*, *Galí* (*Joan de Galí*), *Galinni* (*colloGalinni*) (1149), баск. *Garindein*/*Garindain*, исп. *Galindos* (*Los Galindos*), *Galindillos*. Существуют и сложные формы типа *Galindibéjar*, *Galinduste*, *Galisancho* (Топоров 1982: 136).

«Пиренейская» коллекция несравненно богаче, чем западнобалтийская. Ср.: *Galinda* (913), *Galina* (*Galini*) (1240), *Galindo*(*ne*) (812, 865, 875, 936, 948, 970, 987 и т.д.), *Galindo* (924), *Galinno*(*ne*) (898, 985, 1036, 1045, 1080), *~Galindo* (986), *Gallino* (961), *Galino*(si) (1036, 1040, 1098), *Galindus* (887, 910, 975), *Galind* (1066), *Galingo* (937), *Gallinius* (942), *Galinz* (1055), *Galin* (963, 973) (Топоров 1982: 137).

Особое внимание можно уделить патронимическим обозначениям с элементом **Galind-*, ср.: *Galindez* (943, 1048, 1068 и др.), *Galindoz* (950, 973, 1085 и др.), *Galindiz* (964, 1018, 1019 и др.), *Galindici* (1026, 1036), *Galindizi* (1078), *Galindiç* (1059, 1065, 1066, 1117), *Galindeç* (1117), *Galendiz* (952, 965, 1027, 1080), *Galinez* (1100), *Galíndez* (1063, 1086), *Gaindiz* (1258), *Gaaendiz* (1298), *Galinz* (1035, 1076), *Gayndiz* (1258), *Galindonis* (898, 922, 988 и др.), *Galindones* (922, 1036, 1065), Galinnonis (1055), Galinnones (1045, 1065), Galindonis/Galindone (927), Galindone (1102), Galindi (1069, 1111, 1167), Galin (1096, 1111), Caindi (1258), Galindi (1069, 1111, 1167), Galin (1096, 1111), Gaindi (1258), Cainde (611), Galindo (932, 1040, 1090 и др.).

На фоне весь редкой встречаемости топонимов с элементами *Galind-* в других частях Пиренейского полуострова, поражает высокая частота появления этого элементам в северо-западной части полуострова. Прежде всего, в Галисии, где до вестготов уже обосновались свевы (ср. топонимы *Suegos*, *Puerte de Sueve* и т.п.). Топонимы *Galind-* и подобные оным отмечены в районах Оренсе, Браги, Порто, Визеу, Саморы, Саламанки, Бийскайи, Авилы, Сеговии, Касерес и проч. «В этом смысле Галисия и смежные области выступают как своего рода “пиренейская Галиндия”, которая вписывается в этнотопографический контекст Испании…» (Топоров 1982: 138).

Упоминания галиндов в топонимике Пиренейского п-ова и ономастике его населения напоминает многочисленные упоминания других племён. Ср. многочисленные топонимы с элементами **God-* (*Godos* и т.п.), **Alan-* (*Villalán*, *Puerto del Alano* и др.), **Vandal-* (*Bandaliés*), *Sueb-*/*Suev-* и т.п. на Пиренейском полуострове (Топоров 1982: 138). Все эти племена проживали на территории полуострова, что оставило существенный след в топонимике. Материал топонимии и ономастики позволил Э. Гамильшегу реконструировать гот. **Galinds* в значении ‘галинд’.

Когда галинды утратили свой язык в Зап. Европе? В любом случае не позднее прекращения функционирования вестготского языка, который вряд ли дожил до начала II тыс. н.э. Возможно, галиндский язык был «забыт» ещё во время пути на Пиренейский полуостров, хотя заметная обособленность галиндов от вестготов, кажется, продолжала существовать.

Особняком здесь предстаёт позиция археолога М.Б. Щукина, который придерживался версии о «вандальском следе». Носителями «галиндской» топонимики, по его мнению, выступали вандалы: «…вандалы изначально были

обитателями нынешней Польши, близкими соседями галиндов. Топонимы концентрируются в Северо-Западной Испании, где вандалы и размешались, пока хромой Гензерих не увел их в Северную Африку в 430 г.» (Щукин 2005: 419). Однако, «гелоны», в имени которых угадываетя имя галиндов, известны источникам, повествующим о периоде ВПН как отдельное племя, принимавшее участие в военных конфликтах эпохи ВПН. И не совсем ясно почему их не могло быть в составе везиготского «народа-войска». Так что версия о «вандалском следе», согласно которой топонимика и ономастика с корнем *galind-* относится к вандалам, выглядит несостоятельной.

«Восточные» галинды (голядь).

Подобно другим племенам, разделённым в эпоху ВПН на части (готы, герулы, бургунд и др.), галинды вели экспансию в разных направлениях. И если западные в составе армий королей-чужеземцев дошли в конечном итоге до Пиренейского полуострова, то история восточных галиндов развораивалась в менее освещённой источниками части[1]. Однако восточные галинды смогли «пережить» западных на несколько столетий, прежде чем стали одной из составных частей западных популяций русского народа.

Как уже было сказано выше, часть балтов была вовлечена в миграции первых столетий новой эры, катализатором которых были предположительно, готы. Именно с ними галинды двинулись от берегов Вислы к Чёрному морю. Хронология проникновения элемента **Galind* на Волынь неразрывно связана с готским вторжением (вельбарская культура), т.е. с концом II-III вв. н.э., а возможно частично и IV в. (Топоров 1982: 132). А движение галиндов к Поднепровью могло происходить уже без готов. Отмечены на Западной Украине и названия с элементом **Prus-* (Топоров 1982a: 235), которые также могут быть свидетелями подвижек балтского населения в указанную эпоху.

Стоит отметить, что какое-то балтское племя, проживавшее по соседству с голядью, скорее всего, носило название **Судины*. У Топорова показано, что повсюду, где отмечен элемент **Galind-*, рядом с ним выступает этнонимический элемент **Sud(-in-)* – от Птолемея (Γαλίνδαι καὶ Σουδινοὶ) до днепровского *Голядин – Судинка*, *Судость* и т.п. (Топоров 1983: 45-46). Судинов (судовов, судвов) традиционно относят к ятвяжским племенам. Об их миграциях я расскажу во второй части данной статьи.

Помимо галиндов в Пруссии, на границе Польши и Чехии (страна *Golanda* Павла Диакона), известны «галиндские» топонимы и к югу от Припяти, непосредственно перед северной границей Волыни. О них пишет В.Н. Топоров (*Голядин*, Любомльский р-н Волынской области Украины; *Голяда*, Сарненский р-н

[1] Археолог М.М. Казанский датировал эту миграцию позднее на несколько столетий. Учёный предполагал, что появление голяди (а равно и кривичей) в лесной зоне Западной России могло быть связано с миграциями германо-славяно-балтского населения из Подунавья в V – 1-й п. VI вв.) (Казанский 1999: 415). Известно об инфильтрации этих немногочисленных, но воинственных групп в ареалы местных зон расселений (культуры псковских длинных курганов, рязанско-окских могильников, тушемлинская, мощинская и позднедьяковская).

Ровенской области Украины) (Топоров 1983: 45). Вероятно, эти «следы» оставили галинды во время своей миграции в бассейне Оки.

Миграция галиндов с территории юго-восточной Пруссии (исторической *Galindia* у Петра Дюрсбургского, *Galindo* у Симона Грунау) прослеживается по данным топонимики – элемент *Galind-* тянется через правобережье Припяти, перед северной границей Волынской возвышенности (*Голядин*, *Голяда*), далее на северо-восток через брянско-орловский ареал (*Голяжье*, *Взголяжье*)[1], в Поочье и бассейне Москвы (*Голядь*, *Голяди*, *Голядинка*, *Голяданка*, *Голениньа*, *Голядины отверишки*, *Доголяды* и т.д.), ср. *Голяцькие земли* в грамоте 1474-1478 гг., летописные упоминания голяди в 1058 и 1147 гг. – на Протве, а также прозвание *Голядов* (Москва, 1570). Известно и село *Голядин* в Волынской области Украины (самый северо-запад страны).

Следы мигрировавших групп балтского населения в эпоху ВПН известны не только в лесной зоне Восточной Европы, но и в лесостепи и даже степи. На сегодня археологами установлено, что балты в эпоху ВПН заходили «далеко» в лесостепь (Буданова 2011: 216). Археолог М.М. Казанский отмечает балтские фибулы с лопатковидной ножкой периода Д (вторая половина – последняя треть IV в. – первая половина V в.). Они встречаются не только в Беларуси, на тушемлинском селище Гуры, но и в лесостепи, на поселении киевского типа Каменево 2, а также на территории бывших Каневского или Переяславского уездов (север нынешней Черкасской и юго-восток Киевской областей Украины). Известны находки западнобалтской фибулы V в. типа Шонварлинг из Бабиной горы и западно-балтский поясной наконечник периода Д, найденный в постройке 26 на черняховском поселнии Рипнев. Известна и западнобалтская фибула, происходящая «откуда-то из Поднепровья» (Казанский 1999: 411-412).

В районе города Москвы источники упоминают реку Голедянку, поблизости от Первопрестольной – реки Голядь и Голядинка, Голяди – название деревень в Дмитровском и Клинском районах Подмосковья (северо-запад) (Топоров 1972: 270, примеч. 47). Всё это можно соотнести с миграциями галиндов в этот край. Само название Москва по наиболее обоснованной версии также балтское – **Mask-*(*u*)*va* (**Mask-ava, *Mazg-(u)va, *Mazg-ava*) и напоминает балтские гидронимы *Maskalis*, *Mozgawka*, *Mozgawa* (она же *Muscawa* в старой записи) в бассейне Ниды (по Висле) (Топоров 1972: 227-230).

Судя по данным топонимики, ареал подмосковной *Baltica* находился в районе бассейнов Москвы, Оки, Клязьмы и верховий Волги (Топоров 1972). Учёными отмечены совпадения гидронимики окско-днепровского региона и «исторической» Галиндии (*Galindia*). Примеры: Кубрь – Kubra, Вызынка, Визенка – Wuyse, Скородинка – Skarde, Метелка – Mete, Нидалька – Nida, Малшинка – Malso, Нара – ряд гидронимов с корнем Nar- (например, Nareva), Лама – Lama(sila), Иночка – Inacus, Рус(с)а – Russe, Радуча – Raducken и др.

[1] А также село *Глядино* в Брянской области.

К следам балтской (голядской) топонимики можно отнести и село Голяди в западной части Дмитровского уезда, на р. Бунятке, левом притоке Яхромы; Голяди, дер. в Клинском (по левую сторону шоссе и Николаевской железной дороги), р. Голяду, впадающую в Москву с левой стороны несколько ниже столицы под селом Люблиным (берет свое начало с Белого озера у Косина), село Голяжье в Брянском уезде на р. Десне, значущееся еще в брянских писцовых книгах начала XVII века. Нельзя не заметить также, что в области Западной Двины, Немана и Западного Буга встречается множество населенных мест и урочищ с названиями, по-видимому, близких к имени Голядей, каковые Головс, Гольс, Голоды и т.д. «Но имеют ли они какое-нибудь отношение к Голяди летописной определить пока невозможно» (цит. по: Куковенко 2012).

Когда же появилось это племя на территории бассейна Оки? Готский историк Иордан упоминает голядь в составе империи гревтунгского короля Эрманариха уже в середине IV в.: «Покорил же он (Эрманарих – И.Т.) племена: гольтескифов, тиудов, инаунксов, васинабронков, меренс, морденс, имнискаров, рогов, тадзанс, атаул, навего, бубегенов, колдов» (Get., 116). В.В. Седов предполагал, что гольтескифами называли носителей киевской культуры II-V вв. (Седов 2002: 141). Седов писал, что гольтескифы – родственные голяди Верхней Оки племена, даже сохранили название в своём этнониме. Правда, они обитали на древней Скифской земле, откуда и этноним. Он же предположил участие в этногенезе носителей киевских древностей и ираноязычных потомков скифов (Седов 2002: 141).

Coldas – голядь, носители мощинской культуры (Седов 1994: 217; 2002: 140). Мощинская культура, в основном совпадающая с ареалом балтской топонимики, чётко квалифицируется как голядская (Топоров 1982: 131). *Coldas* < *Galindi* (Γαλίνδαι, *Голядь*) вполне объяснимо. Так, во всех ареалах раннего расселения галиндов этнонимы с элементом *-d-* чередуются с названиями с *-t-* (ср. прусск. *Galteynen*, 1405, *Galtengrab*, 1515; лит. *Galtų*, лтш. *Gal̃tene*, *Galtes-pļava*; куршск. *Galtenbeke*, 1390; также прусск. ИС *Goltenne*, *Golte*, 1289, 1438, *Golthe*, 1347, в точности совпадающие с первым элементом в названии *Golthescytha* у Иордана; лит. *Galtỹs* и др.).

Гольтескифы – население киевской археологической культуры (Седов 2002: 141). Отмечается, что они были родственны верхнеокской голяди, правда, жили в Скифии и включали в себя потомков ираноязычного скифского (Седов 2002: 141). Именно поэтому, вероятно, и сложилось их имя у готов – Гольты (Колды, т.е. голядь) + скифы, по аналогии с венедами-сарматами (Venadisarmatae) позднеантичной *Tabula Peutingeriana* (Тарасов, в печати).

На то, что гольтескифы – это балто-иранский союз племён («голядо-скифы») указывали в разное время такие исследователи славянских древностей, как П. Шафарик, В.Б. Вилинбахов и др.

Итак, историк Иордан упоминает где-то к северу от Чёрного моря племя голяди – *Coldas* в рассказе о завоеваниях гревтунгского короля Эрманариха (вторая

треть IV в.) (Get., 116). Т.е. уже к середине IV в. голядь проживала где-то в северо-восточной части бассейна Днепра. Следовательно, для миграции предков голяди на восток *terminus ante quem* является вторая треть IV в. н.э.

Племя голядь не упоминается в недатированной части ПВЛ в повествовании о расселении племён. Летописец игнорирует её, по всей вероятности, потому, что об этом зажатом густыми лесами племени были лишь скудные данные, да и сами они, оставаясь язычниками, были мало интересны христианскому летописцу (как, к примеру, вятичи). Вполне возможно с русскими голядцы контактировали мало. Впервые голядь отмечена только во второй половине XI в., в связи с походом русского князя Изяслава Ярославича. Первое упоминание относится к 1058 г., и состоит всего из трёх слов: «*Победи Изяслав голядь*»[1]. Второе упоминание голяди относится к периоду ок. 1147 г., когда черниговский князь Святослав Ольгович ходил на голядь войной. («*В лѣто 6655 Иде Гюрги воевати Новгорочкои волости. и пришедъ взѧ Новъıи Торгъ. и Мьстоу всю взѧ а ко Ст҃ославоу присла Юрьи повелѣ емоу Смоленьскоую волостъ воевати. и шедъ Ст҃ославъ. и взѧ люди Голѧдь верхъ въ Поротве. и тако ѡполонишасѧ дроужина Ст҃ославлѧ*»).

Примечательно, что согласно археологически данным Подмосковье голядь держалась обособленно очень долго, не пуская более-менее значительные группы вятичей и других славянских колонистов в свою землю, как считается, аж до XV столетия (Седов 2000: 82).

Есть основания полагать, что местные среднерусские говоры (территория Подмосковья) не только усвоили целый ряд балтских слов, но и усвоили основные модели словообразования экспрессивных лексем (Топоров 1972: 278). Возможно, то, что балты верили в похожих богов Перкунаса и Вялинса, как-то смягчило процесс их ассимиляции. Возможно, какие-то мифологические персонажи известны стали у русских именно от балтов Верх. Волги и Оки – ср. прус. злой дух *Kurke*, вредивший запасённому зерну (лтш. *kurke*, обозначавшее мелкое, съёжившееся сухое зерно, *kur̃kt* 'высыхать, делаться полым'). Примечательно, что в русских заговорах упоминается *Коркуша*, злой дух, вредящий зерну, известный из русского заговора против лихорадки.

Полагаю, упоминание Дива в «Задонщине» связано с местными балтами, жившими в междуречье Волги и Оки (ср. лит. прозвание Перкуна *Dievo rykštė* 'Божий бич', а также ср. лит. *dievas*, лтш. *dievs*, др.-прус. *deiws* 'бог, божество'). Автор «Задонщины», писавший своё произведение по лекалам Слова о полку Игореве, объяснить имя Дива уже не мог и попытался объяснить этот теоним из того материала, что знал. Ср. в «Задонщине». Он упоминает *Диво*. 1) «*И рече князь великий Дмитрей Ивановичь: "Брате, князь Владимеръ Андреевичь, пойдем тамо, укупим животу своему славы, учиним землям диво, а старым повесть, а молодым память! А храбрых своих испытаем, а реку Дон кровью прольем за землю за Рускую и за вѣру крестьяньскую!"*»; 2) «*Кликнуло Диво в Руской земли, велит послушати грозъным*

[1] Речь идёт об Изяславе Ярославиче (1024-1078), сыне Ярослава Мудрого и Ингигерды.

землям»; 3) «*А уже Диво кличет под саблями татарьскими, а тѣм рускымъ богатырем под ранами*»; 4) «*Уже бо по Руской земле простреся веселие и буйство. Вознесеся слава руская на поганых хулу. Уже бо вержено Диво на землю, и уже грозы великаго князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимера Андрѣевича по всем землям текут*».

Соседство окских угро-финнов с голиндами легко объясняет тот факт, что в языке мерян и их потомков черемисов оказались весьма обширные балтские заимствования, перешедшие и в некоторые другие финские наречия, напр., в эрзянское. Известно и о существовании у финно-угров балтских божеств. Так, у мордвы антропоморфный бог грома, молнии и дождя носил имя *Purĝińe* (-pas), и его имя указываетна заимствование именно балтской версии теонима (*Перкун*/*Перкон*(*с*)), а не славянской. С известными из балтийской мифологии могут быть сопоставлены мордовский миф о женитьбе *Purĝińe-pas* на дочери бога Неба *Niške-pas*, причём в мифе присутствуют две дочери этого последнего. Примечательно, что в отличие от ИЕ божеств, Пургине-пас не является одновременно с этим богом небеного свода (им является Нишке). В морд. (эрз.) *pur'gin'e* 'гром', *Pur'gin'e paz* 'бог грома' < балт. бог-громовержец *Perkūnas*.

Память о голяди в отдельных местностях сохранялась ещё в XIX в. Так, калужский краевед В.М. Кашкаров (см.: Кашкаров 1901: 12) сообщал, что в Мещовском уезде Калужской губернии недалеко от деревни Чертовой имеется гора, на которой «по преданиям, в очень стародавние времена жил разбойник Голяга, по другим – Голяда. Обладал он силой непомерною, на 30 верст бросал свой топор». В том же уезде близ деревень Свинухово и Сабельникова местные житетели указывали две горы, на которых жили два брата-разбойника Голяги, перебрасывавшиеся друг с другом топором (Седов 2000: 75). По одному из вариантов сказания, Голяда жил на Мордасовой горе (Топоров 1983: 47, примеч. 31).

Согласно данным топонимики, область верхнеокского бассейна, где локализована голядь, соответствуют неразрывную часть древнего балтского ареала. При этом, водных названий балтского происхождения здесь не меньше, чем в других регионах древнего расселения этого этноса (Седов 2000: 75). Славянские переселенцы начинают осваивать земли бассейна верхней Оки относительно поздно, лишь ок. VIII в. Однако, как уже указывалось выше, вплоть до XV в. галинды крепко держали свои земли, не пуская туда русских колонистов.

Потомками галиндов, ассимилировавших местное балтское (и возможно древнеевропейское) население верхнего Поочья, а на востоке совего ареала – финноязычное население, была голядь. Именно с нашествием галиндов и родственных им племён можно связать балтские «волны», которые «накатывались» на западную часть ареала дьяковской культуры, по сути превратив эту культуру в полиэтничную. Так, археологи давно указывают на то, что в западном ареале дьяковской культуры (II-V/VI вв. н.э.) был значителен и балтский компонент (Янин 2006: 361). «В этноязыковом отношении население этой культуры было изначально финно-угорским, а затем на этот субстрат наслаивается балтский элемент в

результате продвижения балтских племён с запада на восток» (Янин 2006: 365). Археологи признают, что на третьем, заключительном, этапе существования дьяковской культуры уж точно «изменяется этнический состав населения» дьяковских городищ. На материалах Щербинского и Троицкого городищ – одних из самых значимых и хорошо изученных городищ культуры «прослежены две волны прилива балтского населения» (Авдусин 1989: 173).

В.В. Седов датировал инфильтрацию балтского населения в дьяковское Верхневолжье примерно концом III – IV вв. (Седов 2002: 389). Притом балтская иинфильтрация была такой мощной, что существенно трансформируется культурное развитие – вплоть до смены керамики. Позднедьяковские древности (V-VI вв.) уже в некоторой степени родственны балтским древностям днепро-двинской культуры (Седов 1999: 145).

Главной причиной, которая побудила днепровских балтов мигрировать на восток, тесня месцтое древнеевропейское (пост-фатьяновское) и финское население можно связать с активностью народов «Готского ареала» и формированию в Северном Причерноморье мощного королевства гревтунгов, которое соотносится с черняховской археологической культурой. Это государство считается мощнейшим в европейском Барбарикуме того времени, и часть исторических событий того периода, предположительно, сохранилась в русском былинном эпосе (Тарасов, в печати).

Традиционно голядь соотносят с носителями мощинской культуры, которая сформировалась на основе смешения днепровских балтов и пришлого почепского[1] населения из Подесенья (Седов 1994: 217; 2002: 140). В целом её локализация совпадает с ареалом балтской топонимики, что даёт право считать её культурой голяди (Топоров 1982: 131). Полагаю, что какие-то ИЕ топонимы на территории Волго-Окского междуречья не только были принесены пришлыми галиндами, но и сохранились с древнейших фатьяновских времён.

Голядь сконцентрировалась преимущественно по берегам Протвы и Нары. Оба этих гидронима – балтские и имеют множество «тёзок» в балтском языковом мире. К примеру, *Нерская*, *л*. приток Москвы, сюда же оз. *Нерское* в басс. Яхромы, вероятно, оз. *Нерпское* в басс. Оки, и также – *Нара*, *л*. приток Оки, *Понар*, п. приток Нерской (вероятно, также *Понора*, *л*. приток Ушмы, п. притока Клязьмы[2]) – прус. *Nerey* и *Narus*, *Narussa*, *Narasow*, *Nereyten*, *Narge* (**Nar-ij-*); лит. *Nerìs*, *Nerỹs*, *Nẽrotas*, *Nerìnis*, *Neretà*, *Neretel̃ė*, *Nérka*, *Narùtis*, *Narùpis*, *Narõtis*, *Narìnis*, *Narasà*, *Narañtis*, *Narakỹs* и др.; лтш. *Neriņš*, *Nęruļi*, *Nęręta* и др.; ср. в бассейне Днепра *Нератовка*, *Нересна*, *Неропля*, *Нертка*, *Неруса* (?) и *Наровля*; *Neretwa*, *Narew*, *Narewka*, *Naritze* в басс. Нарева; оз. *Неро* далеко на северо-востоке, у Ростова Великого. *Протва* (<**Prat-uva*, **Prat-(a)va*)),

---

[1] Сама почепская культура (памятники типа Почеп) возникает на базе юхновской под воздействием пришлых групп населения из ареала зарубинецкой культуры (бастарны? праславяне? «окраинные» балты?) (Дробушевский 1996: 18-19).

[2] Ср. также прус. *Panargen*, лит. *Panaros km*., *Panarų km*.

л. приток Оки – ср. прус. *Prathewo* (*Prothowyn*); лит. *Prãt-valkas*; лтш. *Prātiņi*, *Prattel* (личные имена).

Из скудных исторических источников известно и о существовании некой деремелы (племя, проживавшее, вероятно, где-то в районе Тверской области, близ Валдайской возвышенности) и загадочной «литвы на Поротве».

Гапакс *деремела* упоминается в дошедших источниках всего один раз – в «Слове о полку Игореве». «*Тъм и тресну земля, и многи страны — Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела и Половци — сулици своя повръгоша*, а главы своя *подклониша подъ тыи мечи харалужныи*». Эти слова обращены к воинам князей Романа Мстиславича Галицкого и Мстислава. Правда, неясно какого именно князя имеет в виду автор – Мстислава Ярославича Пересопницкого или Мстислава Всеволодовича Городенского. Известно, что Роман Галицкий в бытность своего княжения в Новгороде (1268-1270) совершил поход против Торопецкого княжества союзного Андрею Боголюбскому. Незначительное по размерам княжество это располагалось между рекой Торопа и верхним течением Западной Двины, на отрогах Валдайской возвышенности, доходя почти до озера Селигер.

Сам этноним деремела – балтский. Автор «Слова» упоминает деремелу в списке племён, которые побросали свои копья и преклонили свои головы под мечи воинов русского князя. В списке они помещаются между ятвягами и половцами, что вполне можно соотносить и с берегами реки Торопы (самый запад нынешней Тверской области).

По Г. Ильинскому, деримела (деремела) сближается с прусским или ятвяжским местным названием *Dernme* или *Derne*, *Dernen* + *-ela* (балт. уменьшительный суффикс). Археолог-славист и исследователь «Слова» А.В. Соловьев считал деремелу «несомненно, литовским племенем». «...земля Денове» в 1259 г. включала в себя южную часть Судавии (т.е. земля ятвягов). В ней была область (и племя) Дернен (Дермне); от этой формы могло легко образоваться местное название Дермне-ле, а в русской огласовке оно произносилось (с соблюдением закона полногласия) как «Деремела». Соловьёв продолжает: «Можно установить, что область (и племя) Деремела находилась в пределах позднейшей Пруссии, в том ее юго-восточному углу, который подступал к Ломжинской и Сувалкской областям, именно к северу-востоку от линии городов Лык – Райгород. По всей вероятности, Деремела (Dernmele) – это название одной из южныхволостей Ятвяжской земли, с которою столько воевали и Роман Мстиславич и его сын Даниил Галицкий». Полагаю, можно говорить о том, что какие-то группы деремелы из Прибалтики в древности переселились на Валдай (вероятно, в составе каких-то более мощных миграционных потоков, например, галиндского).

Другое интригующее нас название – это «литва на Поротве», о которой уже упоминалось выше. По крайней мере, два обстоятельства указывают на то, что балтоязычное население не исчезло после похода Святослава Ольговича на голядь, а продолжало проживать на прежней территории и позже, в XIII-XIV вв. Это, во-

первых, события 1248 г., когда в сражении с «*Литвой на Поротве*» был убит владимирский князь Михаил Хоробрит, брат Александра Невского («*И Михаиле Ярославичъ московский убьенъ бысть от Литвы на Поротве*»: ПСРЛ. V: 38). Литва на р. Протве в середине XIII века – это, вероятно, потомки голяди. Во-вторых, обширный балтоязычный топонимический субстрат, содержащийся в духовных и договорных грамотах Ивана Калиты и его сыновей XIV в., позволяет утверждать, что балты не исчезли даже позднее, во время сосуществования Руси с Золотой Ордой.

Летописный регион голяди, как уже было сказано, оставался в целом недоступным для славянской колонизации до XV в., когда московские князья стали основывать города, что и привело к окончательной славянизации остатков балтского племени.

В.В. Сидоров, участвовавший в археологических экспедициях в Калужскую область, рассказывал о плотном заселении в древности этого края, население которого, судя по находкам, отличалось высоким уровнем материальной культуры и благосостояния. В качестве примера он приводил раскопки Огубского селища на обширной пойме Протвы. Находки археологов были так богаты, что поначалу было даже такое предположение, что это княжеская резиденция, где он проживал с дружиной. Однако отсутствие значительных построек и в то же время отсутствие стен и валов вокруг него отвергало эту версию. На селище обнаружены материалы металлургии II-VI вв. (Куковенко 2012).

Н.А. Кренке, руководитель Московской археологической экспедиции Института археологии РАН, работавший в Московской и Калужской областях, подтверждал, что на этой территории в течение длительного времени жил один и тот же народ (который археолог отождествлял с голядью), сохранявший свою традиционную культуру. При продвижении племён славян, голядь удерживала свою территорию и попросту не пускала на свою землю пришельцев. Отсюда следует, что голядь была сильным и довольно крупным народом. Точно так же вятичи, жившие южнее голяди, в течение нескольких веков боролись за свою обособленность с киевскими, черниговскими и рязанскими князьями (Куковенко 2012).

Эту точку зрения Куковенко обосновывает тем, что город Ржев на севере земли голяди впервые упоминается в исторических документах в 1019 г. Потом Ржев исчезает на длительное время из письменных источников и упоминается лишь в 1150 г., однако уже как город Смоленского княжества. Торжок упоминается как основанный в 1139 г. Юрием Долгоруким. Потом он упоминается только в 1216 г. Эти и некоторые другие примеры двойных дат основания городов, по мнению Куковенко, показывают, что восточные славяне основывали здесь города, но голядь прогоняла их каждый раз (Куковенко 2012).

Необходимо отметить и тот факт, что после похода Святослава Ольговича в 1147 г. археологами не отмечено исчезновения местного населения (Куковенко 2012). Почему молчали летописи? Потому что, как и вятичи X – начала XII вв., голядь была обособлена от русских княжеств. И если в летописях упоминается о покорении

вятичей и восстании их против князей, то упоминания неподконтрольной киеву и удельным князьям голяди ещё более скупы. Это свидетельствует и о том, что голядь, по всей видимости, была достаточно сильным племенем.

Скорее всего, балтом-галиндом был и знаменитый боярин *Кучко*, владевший сёлами и деревнями по реке Москве и будто бы убитый Юрием Долгоруким. Весьма необычный антропоним можно соотнести с прус. *Kuczke*, *Kuczithen*, ИС *Kutcze*, литовским ИС *Kucaitis*. Ср. также др., лит. *Kùkis*, *Kukỹs*, *Kukùtis* и др., возм., *Kučkelių vk.*, *Kučkų km.*, *Kučių km.*, *Kučiškės km.*, лтш. *Kuķi*, *Kuķeni*, *Kukuļi*, *Kukuti*, *Kukuči*, *Kuces*, Ku*čas*, *Kučenieki* и др., курш. *Kucken*, *Kucks*, *Kukoll*, *Kukelite* и др. Примечательно, что иногда упомянуто имя Кучки – *Стефан* (при более частом *Стефан Иванович*), указывающее на зап. источники (ср. прус. *Steffan Cruteyne*) (Топоров 1972).

Как уже было сказано, в сражении с «литвой на Поротве» в 1248 г. свою смерть нашёл владимирский князь Михаил Хоробрит, брат Александра Невского («*И Михаиле Ярославичъ московский убьенъ бысть от Литвы на Поротве*»: ПСРЛ. V: 38). Убиение брата Невского Михаила Хоробрита связано, скорее всего, не с вторжение крупного литовского отряда, как обычно считают историки, а с вторжением самого Михаила в голядские земли подмосковной «Балтики». От земель тогдашних литовцев до Протвы примерно 600 км (по прямой!). Прямых дорог не было, приходилось искать обходные, маршрут увеличивался. На пути у литовцев должны были встать дружины Смоленского и Черниговского князей, которые явно не были рады набегам враждебных литовцев. Как растянуть такой путь по лесистой местности, населённой не вполне дружелюбным народом, да ещё и везти добычу и гнать толпы пленных? Зачем совершать набег на земли, которые десятилетие назад разорили воины Батыя? Логичнее напасть на более благодатные северные или западные территории Руси, которые нашествие Батыя не затронуло.

В связи с этим возникает предположение, что Михаила Хоробрита встречала *другая* литва. К тому же, речь идёт о Протве, где ранее была замечена голядь, а топонимика в районе оной – сплошь балтская.

Если принять эту версию, то, возможно, некоторые летописные упоминания о набегах литвы в русских землях могли информатировать о родственном голяди балтоязычном населении Поочья и Верх. Поволжья. Ср. свидетельства летописи, указанные В.Н. Топоровым из Первой Новгородской летописи: «*Воеваша Литва на Шелонѣ*» (1217); «*Воеваша Литва около Торопця*» (1223); «*Придоша Литва, повоеваша около Торожку бещисла*» (1225); «*Придоша Литва и воеваше Любне и Мореву и Серегеръ*» (1229); «*Изгониша Литва Русу оли до търгу… и отступила на Клинъ… князь же… постиже я на Дубровнѣ на селищи въ Торопьчьской волости*» (1234); «*Воеваша Литва около Торжку и Бѣжици*» (1245) и т.д. (Топоров 1972: 270). Вероятно, какие-то из этих набегов совершали литовцы из Прибалтики, какие-то – «литва на Поротве».

Немного странным выглядит то, что литва нападает на смоленские (1204, 1225, 1239, 1248) и черниговские (1220) земли. Если подразумевать под этой литвой литву из Прибалтики, то сие выглядит крайне фантастически, учитывая отсутствие общих

границ. Более логично предположить, что и какие-то из этих набегов совершили литовцы, чья «колония» в течение очень длительного времени существовала на Поротве.

Упоминается подмосковная литва и в ряде средневековых источников, где упоминается ряд названий, исчезнувших впоследствии. Ср.: «*…а от Будина поперекъ* ***Литовского*** *пути*» (Духовная грамота князя серпуховского и боровского Владимира Андреевича, ок. 1401-1402); «*…а поидутъ на нас* ***Литва*** *или на смоленского на князя на великого…*» (Духовная грамота великого князя Дмитрия Ивановича, 1375); «*…а к Литвѣ князю великому Олгу целованье сложити*. А будет князь великий Дмитрий Иванович и брать, князь Володимеръ, с Литвою в любви, ино и князь великий Олег с Литвою в любви» (грамота великого князя Дмитрия Ивановича, 1382); «*…прямо на поперечный мостъ к* ***Литовскоі*** *дорозе*» (Жалованная грамота князя Ивана Васильевича, 1483). То, что историки раньше понимали, как свидетельство о военных походах литовцев с территории Прибалтики и нынешней Беларуси, могло относиться к местной, *подмосковной* литве, сохранившейся ещё в XIII-XIV вв.

Литва активно принимала участие в событиях Русской истории XIV-XV вв. Так, известно, что на пути к Дону, в урочище Березуй, к войску московского князя Дмитрия Ивановича присоединились полки литовских князей Андрея и Дмитрия Ольгердовичей. Андрей был наместником Дмитрия в вольном Пскове, Дмитрий – в Переяславле-Залесском. Но по некоторым версиям, они привели и войска из своих прежних уделов, бывших в составе Великого княжества Литовского. Речь идёт о соответственно Полоцке, Стародубе и Трубчевске. В той же «Задонщине» упоминается «храбрая литва» в войске московского князя Дмитрия Ивановича («Выедем, брате, в чистое полѣ и посмотрим своих полковъ, колько, брате, с нами храбрые литвы. А храбрые литвы с нами 70 000 окованые рати»). Согласно источникам на Куликовом поле погибло 30 литовских «бояр». Позднее именно «литвин» Остей руководил обороной Москвы во время вероломного нападения хана Тохтамыша в 1382 г. Вероятно, в его назначении сыграло свою роль местное неславянское балтоязычное население, роль которого в XIII-XIV вв. была существенно занижена поздними историками. Остей, скорее всего, мог быть представителем местных балтов. Связи русских князей с литовцами XIV-XV вв. также могли зиждиться на традиции добрососедства русских и местных подмосковных «литвинов» (потомков голяди и «литвы на Поротве»).

Возможно, какие-то голядские корни были и у первого известного представителя знатного боярского рода Романовых – Андрея Кобылы (сер. XIV в.). Именно этим можно объяснить «прусское» происхождение Романовых и даже родословие от легендарного кимврского короля Видевута (первая половина VI в.-?), повелителя иордановых видивариев (‘воинов/людей Видьи’), будто бы изгнанного из своих владений готами (*Тарасов*, в печати).

Как видим, галинды, совершившие огромные военные походы самостоятельно или в составе более крупного войска, прошли от своей прародины до Пиренеев и

бассейна Оки. И всюду они вступали в союз с какими-то племенами (везиготами и возможно велетами в походах на запад и с судовами и возможно деримелой в походах на восток). Конечно же, в рамках данной статьи мы коснулись истории миграции галиндов на запад и восток лишь в общих чертах. Эти процессы ещё ждут глубоких исследований.

ЛИТЕРАТУРА

Авдусин 1989 - *Авдусин Д.А.* Основы археологии: Учебник для вузов. М.: Высшая школа, 1989.

Авторы 2017 - *Авторы жизнеописаний Августов* (Scriptores Historiae Augustae). 2017 / Электронный ресурс: http://ancientrome.ru/antlitr/sha/index.htm (дата обращения – 27.12.2017).

Алексеев 2005 - *Алексеев С.В.* Славянская Европа V-VI веков. М.: Вече, 2005.

Алемань 2003 - *Агусти Алемань.* Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М.: Менеджер, 2003.

Аммиан Марцеллин 2005 - *Аммиан Марцеллин*. Римская история. М.: АСТ; Ладомир, 2005.

Археология СССР 1987 - Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Отв. ред. В.В. Седов. М., 1987.

Бодрухин 2007 - *Бодрухин В.Н.* О роли языческих жрецов у лютичей // Вестник Удмуртского университета. 2007. № 7. С. 99-108.

Буданова 2011 - *Буданова В.П. и др.* Великое переселение народов: Этнополитические и социальные аспекты. СПб.: Алетейя, 2011.

Васильев 2005 - *Васильев В.Л.* Архаическая топонимия Новгородской земли. Древнеславянские деантропонимные образования. Великий Новгород, 2005.

Васильев 2009 - *Васильев В.Л.* Древнеевропейская гидронимия на Русском Северо-Западе // Балто-славянские исследования. XVIII. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 262-278.

Васильев 2017 - *Васильев В.Л.* Древнебалтийская топонимия в регионе Новгородской земли. 2017 / Электронный ресурс: http://www.bibliotekar.ru/rusNovgorod/169.htm (дата обращения – 27.12.2017).

Вольфрам 2003 - *Вольфрам Х.* Готы. СПб.: Ювента, 2003.

Гедеонов 1876 - *Гедеонов С.А.* Варяги и Русь. Ч. 2. СПб., 1876.

Генрих Латвийский 1996 - *Генрих Латвийский*. Хроника Ливонии (Chronicon Livoniae) // Славянские хроники. СПб.: Глагол, 1996.

Гильфердинг 1855 - *Гильфердинг А.Ф.* История балтийских славян. М., 1855.

Гимбутас 2004 - *Гимбутас М.* Балты. Люди янтарного моря. М.: Центрполиграф, 2004.

Грот 2016 - *Грот Л.П.* Об имени Хельги (вторая часть) // Исторический формат. 2016. № 1. С. 233-275.

Древности 1985 - Балто-славянские этнокультурные и археологические древности. М., 1985.

Дробушевский 1996 - *Дробушевский А.И.* Зарубинецкая культура и днепровские балты // Тэзісы дакладаў і паведамленняў беларуская дэлегацыі на VI міжнародным кангрэсе славянскай археалогіі. Ноўгарад, 1996. С. 18-19.

Дробушевский 2008 - *Дробушевский А.И.* О верхней дате юхновской культуры // Деснинские древности: материалы межгосударственной научной конференции, посвященной памяти Ф.М. Заверняева. Брянск: Издательство Клинцовской городской типографии, 2008. С. 96-104.

Дробушевский, Нечаева 2008 - *Дробушевский А.И., Нечаева Г.Г.* «Иранский компонент» у северян и особенности этнографических тканей междуречья Сожа-Ипути // Российско-Белорусское-Украинское пограничье: проблемы формирования единого социокультурного пространства – история и перспективы. Брянск: Ладомир, 2008. С. 57-62.

Духовные грамоты 2017 - Духовные грамоты великих князей московских XIV-XVI вв. 2017 / Электронный ресурс: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DG/index.html (дата обращения – 27.12.2017).

Задонщина 2017 - Задонщина. 2017 / Электронный ресурс: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4980 (дата обращения – 27.12.2017).

Иоганн Полиандер 2017 - Письмо Иоганна Полиандера Каспару Бернеру о янтаре и судовах. 2017 / Электронный ресурс: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Germany/XVI/1520-1540/Poliander_Johannes/text.phtml?id=9206 (дата обращения – 27.12.2017).

Иордан 1960 - *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов. Getica / пер. с латинского Е.Ч. Скржинской. М.: Издательство восточной литературы, 1960.

Казанский 1999 - *Казанский М.М.* О балтах в лесной зоне России в эпоху Великого переселения народов // Археологические вести. СПб., 1999. С. 404-417.

Кашкаров 1901 - *Кашкаров В.М.* К вопросу о древнейшем населении Калужской губернии // Калужская старина. Т. I. Кн. 2. Калуга, 1901.

Кибинь 2008 - *Кибинь А.С.* Ятвяги в X-XI вв.: «Балтское племя» или «Береговое братство»? // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2008. № 2. С. 117-132.

Корнелий Тацит 1993 - *Корнелий Тацит*. Сочинения в двух томах. Т. 1. Анналы. Малые произведения. М.: Ладомир, 1993.

Кузьменко 2011 - *Кузьменко Ю.К.* Ранние германцы и их соседи: Лингвистика, археология, генетика. СПб.: Нестор-История, 2011.

Куковенко 2012 - *Куковенко В.* Голядь и литва на Протве. Загадки исчезнувшего этноса. 2012 / Электронный ресурс: https://www.kukovenko.ru/gipotezy-i-versii/golyad-i-litva-na-protve-zagadki-ischeznuvshego-etnosa (дата обращения – 27.12.2017).

Кулаков 1992 - *Кулаков В.И.* Забытая история пруссов. Калининград, 1992.

Кулаков 2015 - *Кулаков В.И.* Король без дружины или дружина без короля. Археологический комментарий к феномену потестарноти у древних германцев // Исторический формат. 2015. № 3. С. 6 - 13.

Лаврентий Блюменау 2017 - *Лаврентий Блюменау*. История ордена тевтонских крестоносцев. 2017 / Электронный ресурс: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Blumenau/frametext.htm (дата обращения – 27.12.2017).

Лызлов 1990 - *Лызлов Андрей.* Скифская история. М.: Наука, 1990.

Матвей Меховский 1936 - *Матвей Меховский*. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1936.

Михалон Литвин 1994 - *Михалон Литвин*. О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994.

Мячикова 2012 - *Мячикова И.И.* Венедская проблема и этногенез славян // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 1-2. С. 147-150.

Напольских 2006 - *Напольских В.В.* Балто-славянский языковой компонент в Нижнем Прикамье в середине I тыс. н.э. 2006 / Электронный ресурс: http://www.archaeology.ru/Download/Napolskich/Napolskich_2006_BS_component.pdf (дата обращения – 27.12.2017).

Павел Диакон 2017 - *Павел Диакон*. История лангобардов. 2017 / Электронный ресурс: http://www.fictionbook.ru/autor/diakon_pavel/istoriya_langobardov/read_online.html (дата обращения – 27.12.2017).

Пауль 2014 - *Пауль А.* На каком языке говорили на юге Балтики до славян. 2014 / Электронный ресурс: http://pereformat.ru/2014/10/balto-slavica/ (дата обращения – 27.12.2017).

Пауль 2014а - *Пауль А.* Балто-славянские реликты на южном берегу Балтики. 2014 / Электронный ресурс: http://pereformat.ru/2014/10/balto-slavyanskie-relikty/ (дата обращения – 27.12.2017).

ПЛДР. XII - Памятники литературы Древней Руси. XII век. М.: Художественная литература, 1980.

ПЛДР. XIII - Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М.: Художественная литература, 1981.

ПЛДР. XIV - Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. М.: Художественная литература, 1981.

Плиний Старший 2017 - *Плиний Старший.* Естественная история (фрагменты). 2017 / Электронный ресурс: http://hbar.phys.msu.ru/gorm/ahist/pliny.htm (дата обращения – 27.12.2017).

Прокопий Кесарийский 2017 - *Прокопий Кесарийский*. Война с готами. О постройках. 2017 / Электронный ресурс: http://lib.rus.ec (дата обращения – 27.12.2017).

ПСРЛ. I - Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 1997.

ПСРЛ. II - Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 1998.

ПСРЛ. IV - Полное собрание русских летописей. Т. IV. Новгородские и Псковские летописи. СПб., 1848.

ПСРЛ. V - Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 1. Софийская первая летопись. Л., 1925.

ПСРЛ. IX - Полное собрание русских летописей. Т. IX. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб., 1862.

ПСРЛ. X - Полное собрание русских летописей. Т. X. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб., 1885.

ПСРЛ. XXI - Полное собрание русских летописей. Т. XXI. Первая половина. Книга Степенная Царского родословия. Ч. 1. СПб., 1908.

ПСРЛ. XXXII - Полное собрание русских летописей. Т. XXXII. Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного. М.: Наука, 1975.

ПСРЛ. XL - Полное собрание русских летописей. Т. XL. Густынская летопись. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.

Седов 1964 - *Седов В.В.* Курганы ятвягов // Советская археология. 1964. № 4. С. 36-51.

Седов 1994 - *Седов В.В.* Славяне в древности. М., 1994.

Седов 1999 - *Седов В.В.* Древнерусская народность: Историко-археологическое исследование. М.: Языки славянской культуры, 1999.

Седов 2000 - *Седов В.В.* Голядь // Iš baltų kultūros istorijos. Вильнюс: Diemedis, 2000. С. 75-84.

Седов 2002 - *Седов В.В.* Славяне: Историко-археологическое исследование. М.: Языки славянской культуры, 2002.

Слово 2017 - Слово о полку Игореве / Подготовка текста, перевод и комментарии О.В. Творогова. 2017 / Электронный ресурс: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4941 (дата обращения – 27.12.2017).

Тарасов (в печати) - *Тарасов И.М.* Открытие былинных героев (в печати).

Татищев 2003 - *Татищев В.Н.* История Российская в трёх томах. Т. 2. М.: АСТ, 2003.

Татищев 2005 - *Татищев В.Н.* История Российская в трёх томах. Т. 1. М.: АСТ, 2005.

Тидрек 2017 - Из саги о Тидреке Бернском. 2017 / Электронный ресурс: http://norse.ulver.com/src/forn/thidrek/ru2.html (дата обращения – 27.12.2017).

Топоров 1972 - *Топоров В.Н.* «Baltica» Подмосковья // Балто-славянский сборник. М.: Наука, 1972. С. 217-281.

Топоров 1982 - *Топоров В.Н.* Галинды в Западной Европе // Балто-славянские исследования. М.: Наука, 1982. С. 129-139.

Топоров 1982а - *Топоров В.Н.* Древние германцы в Причерноморье: результаты и перспективы // Балто-славянские исследования. М.: Наука, 1982. С. 227-261.

Топоров 1982б - *Топоров В.Н.* Новые работы о следах пребывания пруссов к западу от Вислы // Балто-славянские исследования. М.: Наука, 1982. С. 263-272.

Топоров 1983 - *Топоров В.Н.* Ещё раз о Golthescytha у Иордана (Getica, 116): к вопросу северо-западных границ древнеиранского ареала // Славянское и балканское языкознание. Проблемы языковых контактов. М.: Наука, 1983. С. 38-48.

Третьяков 2017 - *Третьяков П.Н.* Славяне и Балты в Верхнем Поднепровье в середине и третьей четверти I тыс. н.э. 2017 / Электронный ресурс: http://sinsam.kirsoft.com.ru/KSNews_731.htm (дата обращения – 27.12.2017).

Трубачёв 1974 - *Трубачёв О.Н.* Ранние славянские этнонимы – свидетели миграции славян // Вопросы языкознания. 1974. № 6. С. 48-67.

Трубачёв 1999 - *Трубачёв О.Н.* Indoarica в Северном Причерноморье: Реконструкция реликтов языка. Этимологический словарь. М.: Наука, 1999.

Трубачев 2017 - *Трубачев О.Н.* Этногенез славян и индоевропейская проблема. 2017 / Электронный ресурс: http://bg-znanie.ru/article.php?nid=32721 (дата обращения – 27.12.2017).

Федченко 2017 - *Федченко О.Д.* Днепр, «росские» и «славянские» пороги (этимология названий) // Актуальные вопросы филологических наук. Казань: Бук, 2017.

Федченко 2017а - *Федченко О.Д.* Рюрик и его команда (этимология антропонимов) // Вопросы исторической науки. Казань: Бук, 2017.

Черных 2011 - *Черных А.В.* Полабо-прибалтийские славяне в творчестве А.Ф. Гильфердинга // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 6-3. С. 193-196.

Щукин 1994 - *Щукин М.Б.* На рубеже эр. СПб.: Фарн, 1994.

Щукин 1997 - *Щукин М.Б.* Рождение славян. 1997 / Электронный ресурс: http://www.archaeology.ru/Download/Shchukin/Shchukin_1997_Rozhdenie_slavyan.pdf (дата обращения – 27.12.2017).

Щукин 1999 - *Щукин М.Б.* Феномен черняховской культуры эпохи Константина – Констанция, или Что такое черняховская культура? // Stratum plus. 1999. № 4. С. 66-101.

Щукин 2005 - *Щукин М.Б.* Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005.

Янин 2006 - *Янин В.Л. и др.* Археология: Учебник / Под редакцией академика РАН В.Л. Янина. М.: Издательствво МГУ, 2006.

REFERENCES

Alekseev 2005 - *Alekseev S.V.* Slavjanskaja Evropa V-VI vekov [Slavic Europe of the 5-6th centuries], Moscow, Veche Publ., 2005 [in Russian].

Aleman' 2003 - *Agusti Aleman'.* Alany v drevnih i srednevekovyh pis'mennyh istochnikah [Alans in ancient and medieval written sources], Moscow, Menedzher Publ., 2003 [in Russian].

Ammian Marcellin 2005 - *Ammian Marcellin.* Rimskaja istorija [Roman history], Moscow, AST Publ.; Ladomir Publ., 2005 [in Russian].

Arheologija SSSR 1987 - Arheologija SSSR. Finno-ugry i balty v jepohu srednevekov'ja / Otv. red. V.V. Sedov [Archeology of the USSR. Finno-Ugra and Balts during an era Middle Ages / Editor-in-chief V.V. Sedov], Moscow, 1987 [in Russian].

Avdusin 1989 - *Avdusin D.A.* Osnovy arheologii: Uchebnik dlja vuzov [Fundamentals of archeology: The textbook for higher education institutions], Moscow, Vysshaja shkola Publ., 1989 [in Russian].

Avtory 2017 - *Avtory zhizneopisanij Avgustov* (Scriptores Historiae Augustae) [Authors of biographies of Augusts], 2017, Electronic resource: http://ancientrome.ru/antlitr/sha/index.htm (Date of access – 27.12.2017) [in Russian].

Bodruhin 2007 - *Bodruhin V.N.* O roli jazycheskih zhrecov u ljutichej [About a role of pagan priests at Lutici], in: Vestnik Udmurtskogo universiteta [Bulletin of the Udmurt university], 2007, № 7, pp. 99-108 [in Russian].

Budanova 2011 - *Budanova V.P. i dr.* Velikoe pereselenie narodov: Jetnopoliticheskie i social'nye aspekty [Great resettlement of the people: Ethnopolitical and social aspects], St. Petersburg, Aletejja Publ., 2011 [in Russian].

Chernyh 2011 - *Chernyh A.V.* Polabo-pribaltijskie slavjane v tvorchestve A.F. Gil'ferdinga [Polabian Slavs in creativity A.F. Gilferding], in: Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, philosophical, political and jurisprudence, cultural science and art criticism. Questions of the theory and practice], 2011, № 6-3, pp. 193-196 [in Russian].

Drevnosti 1985 - Balto-slavjanskie jetnokul'turnye i arheologicheskie drevnosti [Balto-Slavic ethnocultural and archaeological antiquities], Moscow, 1985 [in Russian].

Drobushevskij 1996 - *Drobushevskij A.I.* Zarubineckaja kul'tura i dneprovskie balty [Zarubintsy culture and Dnieper Balts], in: Tjezisy dakladaў i pavedamlennjaў belaruskaja djelegacyi na VI mizhnarodnym kangrjese slavjanskaj arhealogii [Theses of reports and messages of the Belarusian delegation on the VI International congress of Slavic archeology], Veliky Novgorod, 1996, pp. 18-19 [in Russian].

Drobushevskij 2008 - *Drobushevskij A.I.* O verhnej date juhnovskoj kul'tury [About the top date of Yukhnovsky culture], in: Desninskie drevnosti: materialy mezhgosudarstvennoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj pamjati F.M. Zavernjaeva [Desninsky antiquities: materials of the interstate scientific conference devoted to F.M. Zavernyaev's memory], Bryansk, Izdatel'stvo Klincovskoj gorodskoj tipografii Publ., 2008, pp. 96-104 [in Russian].

Drobushevskij, Nechaeva 2008 - *Drobushevskij A.I., Nechaeva G.G.* «Iranskij komponent» u severjan i osobennosti jetnograficheskih tkanej mezhdurech'ja Sozha-Iputi [«The Iranian component» at northerners and feature of ethnographic fabrics of Entre Rios of Sozh-Iput], in: Rossijsko-Belorusskoe-Ukrainskoe pogranich'e: problemy formirovanija edinogo sociokul'turnogo prostranstva – istorija i perspektivy [Russian-Belarusian-Ukrainian border zone: problems of formation of uniform sociocultural space – history and prospects], Bryansk, Ladomir Publ., 2008, pp. 57-62 [in Russian].

Duhovnye gramoty 2017 - Duhovnye gramoty velikih knjazej moskovskih XIV-XVI vv. [Spiritual testaments of grand dukes of the Moscow 14-16th centuries], 2017, Electronic resource: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DG/index.html (Date of access – 27.12.2017) [in Russian].

Fedchenko 2017 - *Fedchenko O.D.* Dnepr, «rosskie» i «slavjanskie» porogi (jetimologija nazvanij) [Dnieper, «rossky» and «Slavic» thresholds (etymology of names)], in: Aktual'nye voprosy filologicheskih nauk [Topical issues of philological sciences], Kazan, Buk Publ., 2017 [in Russian].

Fedchenko 2017a - *Fedchenko O.D.* Rjurik i ego komanda (jetimologija antroponimov) [Rurik and his team (etymology of anthroponyms)], in: Voprosy istoricheskoj nauki [Questions of historical science], Kazan, Buk Publ., 2017 [in Russian].

Gedeonov 1876 - *Gedeonov S.A.* Varjagi i Rus'. Ch. 2 [Varangians and Russia. Part 2], St. Petersburg, 1876 [in Russian].

Genrih Latvijskij 1996 - *Genrih Latvijskij.* Hronika Livonii (Chronicon Livoniae) [Chronicle of Livonia], in: Slavjanskie hroniki [Slavic chronicles], St. Petersburg, Glagol Publ., 1996 [in Russian].

Gil'ferding 1855 - *Gil'ferding A.F.* Istorija baltijskih slavjan [History of the Baltic Slavs], Moscow, 1855 [in Russian].

Gimbutas 2004 - *Gimbutas M.* Balty. Ljudi jantarnogo morja [Balts. People of the amber sea], Moscow, Centrpoligraf Publ., 2004 [in Russian].

Grot 2016 - *Grot L.P.* Ob imeni Hel'gi (vtoraja chast') [Regarding the name Helgi (part two)], in: Istoricheskij format [Historical format], 2016, № 1, pp. 233-275 [in Russian].

Iogann Poliander 2017 - Pis'mo Ioganna Poliandera Kasparu Berneru o jantare i sudovah [Johann Poliander's letter to Caspar Berner about amber and Sudovia], 2017, Electronic resource: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Germany/XVI/1520-1540/Poliander_Johannes/text.phtml?id=9206 (Date of access – 27.12.2017) [in Russian].

Iordan 1960 - *Iordan.* O proishozhdenii i dejanijah getov. Getica / per. s latinskogo E.Ch. Skrzhinskoj [The Origin and Deeds of the Goths. Getica / translation with Latin E.Ch. Skrzhinskaya], Moscow, Izdatel'stvo vostochnoj literatury Publ., 1960 [in Russian].

Janin 2006 - *Janin V.L. i dr.* Arheologija: Uchebnik / Pod redakciej akademika RAN V.L. Janina [Archeology: The textbook / Under edition of the academician of RAS V.L. Yanin], Moscow, Izdatel'stvvo MGU Publ., 2006 [in Russian].

Kashkarov 1901 - *Kashkarov V.M.* K voprosu o drevnejshem naselenii Kaluzhskoj gubernii [To a question of the most ancient population of the Kaluga province], in: Kaluzhskaja starina. T. I. Kn. 2 [Kaluga old times. Volume I. Book 2], Kaluga, 1901 [in Russian].

Kazanskij 1999 - *Kazanskij M.M.* O baltah v lesnoj zone Rossii v jepohu Velikogo pereselenija narodov [About Balts in a forest zone of Russia during an era of Great resettlement of the people], in: Arheologicheskie vesti [Archaeological messages], St. Petersburg, 1999, pp. 404-417 [in Russian].

Kibin' 2008 - *Kibin' A.S.* Jatvjagi v X-XI vv.: «Baltskoe plemja» ili «Beregovoe bratstvo»? [Jatviags in the 10-11th centuries: «The Baltsky tribe» or «A coastal brotherhood»?], in: Studia Slavica et Balcanica Petropolitana, 2008, № 2, pp. 117-132 [in Russian].

Kornelij Tacit 1993 - *Kornelij Tacit.* Sochinenija v dvuh tomah. T. 1. Annaly. Malye proizvedenija [Compositions in two volumes. Volume 1. Annals. Small works], Moscow, Ladomir Publ., 1993 [in Russian].

Kukovenko 2012 - *Kukovenko V.* Goljad' i litva na Protve. Zagadki ischeznuvshego jetnosa [Galindians and Lithuania on Protva. Riddles of the disappeared ethnos], 2012, Electronic resource: https://www.kukovenko.ru/gipotezy-i-versii/golyad-i-litva-na-protve-zagadki-ischeznuvshego-etnosa (Date of access – 27.12.2017) [in Russian].

Kulakov 1992 - *Kulakov V.I.* Zabytaja istorija prussov [The forgotten history of Old Prussians], Kaliningrad, 1992 [in Russian].

Kulakov 2015 - *Kulakov V.I.* Korol' bez druzhiny ili druzhina bez korolja. Arheologicheskij kommentarij k fenomenu potestarnoti u drevnih germancev [A king without retainers or retainers without a king. Archaeological comments on symbol ism of early germanic kingship], in: Istoricheskij format [Historical format], 2015, № 3, pp. 6-13 [in Russian].

Kuz'menko 2011 - *Kuz'menko Ju.K.* Rannie germancy i ih sosedi: Lingvistika, arheologija, genetika [Early Germans and their neighbors: Linguistics, archeology, genetics], St. Petersburg, Nestor-Istorija Publ., 2011 [in Russian].

Lavrentij Bljumenau 2017 - *Lavrentij Bljumenau.* Istorija ordena tevtonskih krestonoscev [History of an award of Teutonic crusaders], 2017, Electronic resource: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Blumenau/frametext.htm (Date of access – 27.12.2017) [in Russian].

Lyzlov 1990 - *Lyzlov Andrej.* Skifskaja istorija [Scythian history], Moscow, Nauka Publ., 1990 [in Russian].

Matvej Mehovskij 1936 - *Matvej Mehovskij.* Traktat o dvuh Sarmatijah [The treatise about two Sarmatiyas], Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1936 [in Russian].

Mihalon Litvin 1994 - *Mihalon Litvin.* O nravah tatar, litovcev i moskvitjan [About customs of Tatars, Lithuanians and Muscovites], Moscow, 1994 [in Russian].

Mjachikova 2012 - *Mjachikova I.I.* Venedskaja problema i jetnogenez slavjan [Venedsky problem and ethnogenesis of Slavs], in: Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, philosophical, political and jurisprudence, cultural science and art criticism. Questions of the theory and practice], 2012, № 1-2, pp. 147-150 [in Russian].

Napol'skih 2006 - *Napol'skih V.V.* Balto-slavjanskij jazykovoj komponent v Nizhnem Prikam'e v seredine I tys. n.je. [Balto-Slavic language component in Nizhny Novgorod Prikamye in the middle of I thousand AD], 2006, Electronic resource: http://www.archaeology.ru/Download/Napolskich/Napolskich_2006_BS_component.pdf (Date of access – 27.12.2017) [in Russian].

Paul' 2014 - *Paul' A.* Na kakom jazyke govorili na juge Baltiki do slavjan [What language spoke in the south of Baltic to Slavs], 2014, Electronic resource: http://pereformat.ru/2014/10/balto-slavica/ (Date of access – 27.12.2017) [in Russian].

Paul' 2014a - *Paul' A.* Balto-slavjanskie relikty na juzhnom beregu Baltiki [Balto-Slavic relicts on the southern coast of Baltic], 2014, Electronic resource: http://pereformat.ru/2014/10/balto-slavyanskie-relikty/ (Date of access – 27.12.2017) [in Russian].

Pavel Diakon 2017 - *Pavel Diakon.* Istorija langobardov [History of Lombards], 2017, Electronic resource: http://www.fictionbook.ru/autor/diakon_pavel/istoriya_langobardov/read_online.html (Date of access – 27.12.2017) [in Russian].

PLDR. XII - Pamjatniki literatury Drevnej Rusi. XII vek [Monuments of literature of Ancient Russia. 12th century], Moscow, Hudozhestvennaja literatura Publ., 1980 [in Russian].

PLDR. XIII - Pamjatniki literatury Drevnej Rusi. XIII vek [Monuments of literature of Ancient Russia. 13th century], Moscow, Hudozhestvennaja literatura Publ., 1981 [in Russian].

PLDR. XIV - Pamjatniki literatury Drevnej Rusi. XIV – seredina XV veka [Monuments of literature of Ancient Russia. 14 – the middle of the 15th century], Moscow, Hudozhestvennaja literatura Publ., 1981 [in Russian].

Plinij Starshij 2017 - *Plinij Starshij.* Estestvennaja istorija (fragmenty) [Natural history (fragments)], 2017, Electronic resource: http://hbar.phys.msu.ru/gorm/ahist/pliny.htm (Date of access – 27.12.2017) [in Russian].

Prokopij Kesarijskij 2017 - *Prokopij Kesarijskij.* Vojna s gotami. O postrojkah [War with Goths. About constructions], 2017, Jelektronnyj resurs: http://lib.rus.ec (data obrashhenija – 27.12.2017) [in Russian].

PSRL. I - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. I. Lavrent'evskaja letopis' [Complete collection of the Russian chronicles. Volume I. Laurentian Chronicle], Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 1997 [in Russian].

PSRL. II - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. II. Ipat'evskaja letopis' [Complete collection of the Russian chronicles. Volume II. Hypatian Chronicle], Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 1998 [in Russian].

PSRL. IV - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. IV. Novgorodskie i Pskovskie letopisi [Complete collection of the Russian chronicles. Volume IV. Novgorod and Pskov chronicles], St. Petersburg, 1848 [in Russian].

PSRL. V - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. V. Vyp. 1. Sofijskaja pervaja letopis' [Complete collection of the Russian chronicles. Volume V. Release 1. Sofia First Chronicle], Leninrgrad, 1925 [in Russian].

PSRL. IX - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. IX. Letopisnyj sbornik, imenuemyj Patriarshej ili Nikonovskoj letopis'ju [Complete collection of the Russian chronicles. Volume IX. Nikon Chronicle], St. Petersburg, 1862 [in Russian].

PSRL. X - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. X. Letopisnyj sbornik, imenuemyj Patriarshej ili Nikonovskoj letopis'ju [Complete collection of the Russian chronicles. Volume X. Nikon Chronicle], St. Petersburg, 1885 [in Russian].

PSRL. XXI - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. XXI. Pervaja polovina. Kniga Stepennaja Carskogo rodoslovija. Ch. 1 [Complete collection of the Russian chronicles. Volume XXI. First half. The Book of Degrees of the Royal Genealogy. Part 1], St. Petersburg, 1908 [in Russian].

PSRL. XXXII - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. XXXII. Hroniki: Litovskaja i Zhmojtskaja, i Byhovca. Letopisi: Barkulabovskaja, Averki i Pancyrnogo [Complete collection of the Russian chronicles. Volume XXXII. Chronicles: Lithuanian and Zhmoytsky, and Bykhovtsa. Chronicles: Barkulabovskaya, Averki and Pantsyrny], Moscow, Nauka Publ., 1975 [in Russian].

PSRL. XL - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. XL. Gustynskaja letopis' [Complete collection of the Russian chronicles. Volume XL. Gustynsky chronicle], St. Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2003 [in Russian].

Sedov 1964 - *Sedov V.V.* Kurgany jatvjagov [Barrows of Jatviags], in: Sovetskaja arheologija [Soviet archeology], 1964, № 4, pp. 36-51 [in Russian].

Sedov 1994 - *Sedov V.V.* Slavjane v drevnosti [Slavs in the ancient time], Moscow, 1994 [in Russian].

Sedov 1999 - *Sedov V.V.* Drevnerusskaja narodnost': Istoriko-arheologicheskoe issledovanie [Old Russian nationality: Historical and archaeological research], Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 1999 [in Russian].

Sedov 2000 - *Sedov V.V.* Goljad' [Galindians], in: Iš baltų kultūros istorijos [From history of culture of Balts], Vilnius, Diemedis Publ., 2000, pp. 75-84 [in Russian].

Sedov 2002 - *Sedov V.V.* Slavjane: Istoriko-arheologicheskoe issledovanie [Slavs: Historical and archaeological research], Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2002 [in Russian].

Shhukin 1994 - *Shhukin M.B.* Na rubezhe jer [At a boundary Ayr], St. Petersburg, Farn Publ., 1994 [in Russian].

Shhukin 1997 - *Shhukin M.B.* Rozhdenie slavjan [Birth of Slavs], 1997, Electronic resource: http://www.archaeology.ru/Download/Shchukin/Shchukin_1997_Rozhdenie_slavyan.pdf (Date of access – 27.12.2017) [in Russian].

Shhukin 1999 - *Shhukin M.B.* Fenomen chernjahovskoj kul'tury jepohi Konstantina – Konstancija, ili Chto takoe chernjahovskaja kul'tura? [Phenomenon of the Chernyakhov culture of an era of Konstantin – Constantius or What is the Chernyakhov culture?], in: Stratum plus, 1999, № 4, pp. 66-101 [in Russian].

Shhukin 2005 - *Shhukin M.B.* Gotskij put' (goty, Rim i chernjahovskaja kul'tura) [Gothic way (Goths, Rome and Chernyakhov culture)], St. Petersburg, Filologicheskij fakul'tet SPbGU Publ., 2005 [in Russian].

Slovo 2017 - Slovo o polku Igoreve / Podgotovka teksta, perevod i kommentarii O.V. Tvorogova [The Tale of Igor's Campaign / Preparation of the text, translation and comments O.V. Tvorogov], 2017, Electronic resource: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4941 (Date of access – 27.12.2017) [in Russian].

Tarasov (v pechati) - *Tarasov I.M.* Otkrytie bylinnyh geroev (v pechati) [Opening of epic heroes (in the press)] [in Russian].

Tatishhev 2003 - *Tatishhev V.N.* Istorija Rossijskaja v trjoh tomah. T. 2 [The history Russian in three volumes. Volume 2], Moscow, AST Publ., 2003 [in Russian].

Tatishhev 2005 - *Tatishhev V.N.* Istorija Rossijskaja v trjoh tomah. T. 1 [The history Russian in three volumes. Volume 1], Moscow, AST Publ., 2005 [in Russian].

Tidrek 2017 - Iz sagi o Tidreke Bernskom [Þiðreks saga], 2017, Electronic resource: http://norse.ulver.com/src/forn/thidrek/ru2.html (Date of access – 27.12.2017) [in Russian].

Toporov 1972 - *Toporov V.N.* «Baltica» Podmoskov'ja [«Baltica» of Moscow area], in: Balto-slavjanskij sbornik [Balto-Slavic collection], Moscow, Nauka Publ., 1972, pp. 217-281 [in Russian].

Toporov 1982 - *Toporov V.N.* Galindy v Zapadnoj Evrope [Galindians in Western Europe], in: Balto-slavjanskie issledovanija [Balto-Slavic researches], Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 129-139 [in Russian].

Toporov 1982a - *Toporov V.N.* Drevnie germancy v Prichernomor'e: rezul'taty i perspektivy [Ancient Germans in Black Sea Coast: results and prospects], in: Balto-slavjanskie issledovanija [Balto-Slavic researches], Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 227-261 [in Russian].

Toporov 1982b - *Toporov V.N.* Novye raboty o sledah prebyvanija prussov k zapadu ot Visly [New works about traces of stay of Prussians to the West from Vistula], in: Balto-slavjanskie issledovanija [Balto-Slavic researches], Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 263-272 [in Russian].

Toporov 1983 - *Toporov V.N.* Eshhjo raz o Golthescytha u Iordana (Getica, 116): k voprosu severo-zapadnyh granic drevneiranskogo areala [Once again about Golthescytha at Jordan: to a question of northwest borders of a Old Iranian area], in: Slavjanskoe i balkanskoe jazykoznanie. Problemy jazykovyh kontaktov [Slavic and Balkan linguistics. Problems of language contacts], Moscow, Nauka Publ., 1983, pp. 38-48 [in Russian].

Tret'jakov 2017 - *Tret'jakov P.N.* Slavjane i Balty v Verhnem Podneprov'e v seredine i tret'ej chetverti I tys. n.je. [Slavs and Balts in the Top Dnieper Bank in the middle and the third quarter of I thousand AD], 2017, Electronic resource: http://sinsam.kirsoft.com.ru/KSNews_731.htm (Date of access – 27.12.2017) [in Russian].

Trubachev 2017 - *Trubachev O.N.* Jetnogenez slavjan i indoevropejskaja problema [Ethnogenesis of Slavs and Indo-European problem], 2017, Electronic resource: http://bg-znanie.ru/article.php?nid=32721 (Date of access – 27.12.2017) [in Russian].

Trubachjov 1974 - *Trubachjov O.N.* Rannie slavjanskie jetnonimy – svideteli migracii slavjan [Early Slavic ethnonyms – witnesses of migration of Slavs], in: Voprosy jazykoznanija [Linguistics questions], 1974, № 6, pp. 48-67 [in Russian].

Trubachjov 1999 - *Trubachjov O.N.* Indoarica v Severnom Prichernomor'e: Rekonstrukcija reliktov jazyka. Jetimologicheskij slovar' [Indoarica in Northern Black Sea Coast: Reconstruction of relicts of language. Etymological dictionary], Moscow, Nauka Publ., 1999 [in Russian].

Vasil'ev 2005 - *Vasil'ev V.L.* Arhaicheskaja toponimija Novgorodskoj zemli. Drevneslavjanskie deantroponimnye obrazovanija [Archaic toponymy of the Novgorod earth. Old Slavic toponyms derivative of antroponims], Velikij Novgorod, 2005 [in Russian].

Vasil'ev 2009 - *Vasil'ev V.L.* Drevneevropejskaja gidronimija na Russkom Severo-Zapade [Ancient european hydronymy in the Russian Northwest], in: Balto-slavjanskie issledovanija. XVIII [Balto-Slavic researches. 18], Moscow, Jazyki slavjanskih kul'tur Publ., 2009, pp. 262-278 [in Russian].

Vasil'ev 2017 - *Vasil'ev V.L.* Drevnebaltijskaja toponimija v regione Novgorodskoj zemli [Old-Baltic toponyms in the region of the Novgorod earth], 2017, Electronic resource: http://www.bibliotekar.ru/rusNovgorod/169.htm (Date of access – 27.12.2017) [in Russian].

Vol'fram 2003 - *Vol'fram H.* Goty [Goths], St. Petersburg, Juventa Publ., 2003 [in Russian].

Zadonshhina 2017 - Zadonshchina, 2017, Electronic resource: http://lib.pushkinskijdom.ru/ Default.aspx?tabid=4980 (Date of access – 27.12.2017) [in Russian].

Тарасов Илья Михайлович – Независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия).
Ilya Tarasov – Independent researcher (St. Petersburg, Russia).
E-mail: tarasowilya@yandex.ru

УДК 904

LINKUHNEN/РЖЕВСКОЕ: МУЖСКИЕ И ЖЕНСКИЕ КОМПЛЕКСЫ В РАСКОПКАХ КАРЛА ЭНГЕЛЯ (1929, 1932 гг.)

В.И. Кулаков
Институт археологии Российской академии наук
Россия, 117036, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19
e-mail: drkulakov@mail.ru
Scopus Author ID: 26038228300
SPIN-код: 3764-2260

Авторское резюме

Работа в берлинском архиве позволила вернуть в научный оборот уникальные материалы предвоенных раскопок в ареале скальвов, позволившие сделать следующие выводы о древностях этого племени: (1) Ещё до эпохи викингов у скальвов складывается форма трупосожжения в виде помещения в могилу группы остатков погребального костра; (2) До начала эпохи викингов трупоположения на исследованном К. Энгелем могильнике соседствовали с традиционными для скальвов трупосожжениями. В эпоху викингов они вытесняют трупоположения. Наличие в трупосожжениях Linkuhnen/Ржевского признаков принадлежности погребённых к дружине (обилие высококачественных, вполне профессиональных предметов вооружения) позволяет полагать существование этой организации у скальвов уже в X в.; (3) Традиция помещать в могилу воину-скальву два меча появилась, как показывают результаты раскопок в Linkuhnen/Ржевском, очевидно, ещё до эпохи викингов. Представленные в статье данные о девяти женских погребальных комплексах, изученных К. Энгелем в предвоенное время на могильнике Linkuhnen/Ржевское, показывают исключительную уникальность этого памятника археологии для всей Балтии.

Ключевые слова: археология, скальвы, эпоха викингов, раскопки могильников, богатые погребения, мужские погребальные комплексы, женские погребальные комплексы, раскопки грунтового могильника.

LINKUHNEN/RZHEVSKOYE: MALE AND FEMALE BURIAL COMPLEXES IN THE EXCAVATIONS BY KARL ENGEL (1929, 1932)

Vladimir Kulakov
Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences
19 The Dmitry Ulyanov Street, Moscow, 117036, Russia
e-mail: drkulakov@mail.ru

Abstract

Findings in the Berlin archives made it possible to bring back to the scientific circulation unique materials about the prewar excavations on the territory of the now extinct Scalovians and allowed the

following conclusions about the burial rituals of this tribe: (1) Even before the Viking Age, the Scalovians developed a form of cremation by placing remains of a funeral pyre in the grave; (2) Inhumations were found adjacent to the traditional Scalovian cremation burials on the cemetery excavated by K. Engel and dated prior to the beginning of the Viking Age. In the era of the Vikings, the cremations displaced the inhumations. The presence in the Linkuhnen/Rzhevskoye cremations of a military retinue's belongings (abundance of high-quality, professional armament) let the author to believe that the Scalovians already had such military units in the 10th century; (3) The tradition of placing two swords in the grave of a Scalovian warrior apparently emerged before the Vikings, as it follows from the results of the excavations at Linkuhnen / Rzhevskoye ground. The paper also presents information on the nine female funerary complexes studied by K. Engel at the Linkuhnen/Rzhevskoye burial ground in the pre-war time and points to the uniqueness of this archaeological site for the entire Baltic region.

Keywords: archaeology, Scalovians, the Viking Age, excavations of burial ground, richly furnished graves, male burial complexes, female burial complexes.

* * *

Часть I. LINKUHNEN/РЖЕВСКОЕ: МУЖСКИЕ КОМПЛЕКСЫ В РАСКОПКАХ КАРЛА ЭНГЕЛЯ (1929, 1932 гг.)

Рис. 1. Космосъёмка Калининградской обл. и местоположение грунтового могильника Linkuhnen/Ржевское.

Важнейший для изучения материальной культуры скальвов, западнобалтского племени, обитавшего в I тысячелетия н.э. на обоих берегах р. Неман (Кулаков 2003: 42), памятник археологии – грунтовой могильник Linkuhnen/Ржевское (Славский р-н Калининградской обл.) начал раскапываться в 1928 г. (Кулаков 2017а). По своему географическому положению этот могильник является фактически самым северным памятником археологии в Калининградской обл. (**рис. 1**).

Рис. 2. План части раскопанных на могильнике Linkuhnen/Ржевское погребений (Prussia-Archiv, Signatur PM-A).

В Пруссия-архиве Музея пред- и ранней истории сохранился перепечатанный на пишущей машинке текст полевого отчёта Карла Энгеля за 1929 г. По его данным удалось воссоздать несколько комплексов, обнаруженных на могильнике в указанном сезоне (Кулаков 2017а). Представляемые в данной статье комплексы были обнаружены К. Энгелем как в 1929 г., так и позже. Сохранившийся фрагмент раскопа на могильнике (**рис. 2**) относится к полевому сезону 1929 г. Последним погребальным комплексом, как показывают сохранившиеся бирки Музея «Пруссия»

на находках (Magazine, Museum für Vor- und Frühgeschichte), изученным в указанном сезоне, было погр. Li-69. Правда, незначительный объём статьи не позволил включить часть сохранившихся комплексов 1929 г. (они не сопровождались дневниковыми записями) в соответствующую статью (Кулаков 2017а). В связи с этим я принял решение комплексы, известные лишь по вещевым находкам или же по их изображениям, свести в две статьи по гендерному принципу.

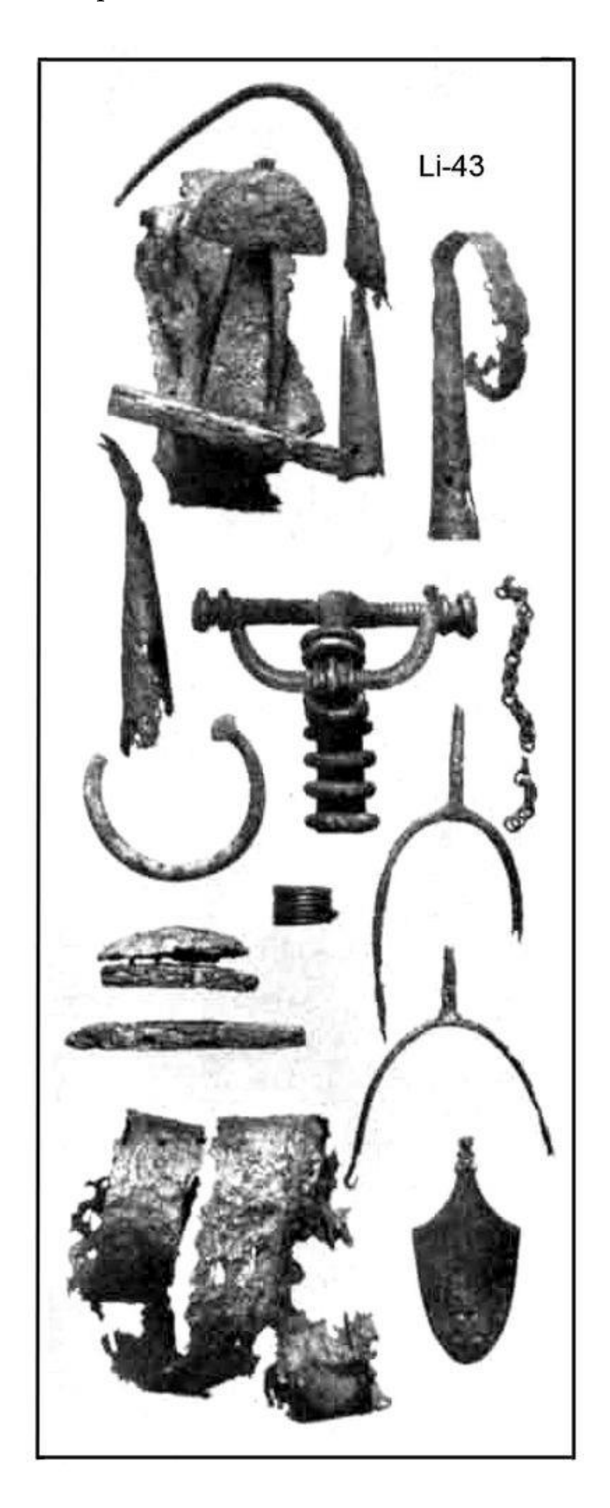

Рис. 3. Инвентарь погребения Li-43 (Engel 1932, fig. 87).

Погребение Li-37 (1929 г.) – трупосожжение (далее – КРМ), обнаруженное на глубине 0,4-0,45 м в виде скопления остатков погребального костра (далее – ОПК) с остатками несожжённого дерева (свидетельство расположения ОПК в деревянной коробке). Инвентарь: обломки сильно обожжённого однолезвийного меча, однолезвийный меч с обломанной рукоятью, наконечник копья с узким пером, кольчатые удила, обломки крупной арбалетовидной фибулы с кольцевой гарнитурой и железной дугой типа Åberg 4, генетически восходящая к мазурским древностям VII в. (Кулаков 2009: 70), обломки гривны, свитой из трёх бронзовых дротов, фрагменты тонкой бронзовой тордированной гривны, бронзовая спиральная подвеска, фрагменты бронзовой цепи от нагрудного украшения, обломки бронзового браслета с треугольным сечением, фрагмент бронзовой булавки для причёски диаметром 0,95 мм, обломки бронзовой оковки устья и острого конца питьевого рога, несожжённый зуб (Handschriftliche Bericht von Dr. C. Engel, Archiv R. Grenz). Погребение Li-37 содержит останки мужчины-воина, возможно, сопровождается женскими заупокойными приношениями, дата комплекса не ясна.

Погребение Li-43 (1929 г.) – КРМ, судя по следам воздействия огня на предметах инвентаря, который включал: свёрнутый рулоном двулезвийный меч типа J.P. X (первая пол. X в. – Петерсен 2005: 192), аналогично свёрнутый меч типа J.P. E. (Петерсен 2005: 113, 114), фибула с кольцевой гарнитурой типа Åberg 4, бронзовый орнаментированный наконечник ножен меча подтипа Kazakevičius IIIB (XI в. – Kazakevičius 1998: 73), три ланцетовидных (?) согнутых наконечников копий, бронзовая подковообразная фибула с навершием неясной формы, обрывок бронзовой цепочки, бронзовый спиральный перстень, пара шпор с завёрнутыми внутрь концами дуги (**рис. 3**). Судя по набору инвентаря, погребение Li-49 содержит останки одного (?) мужчины-воина и сопровождалось женскими заупокойными дарами. Дата комплекса по мечу – XI в.

Погребение Li-49 (1929 г.) – КРМ (судя по упоминанию найденных в могиле кальцинированных костей черепа), найденное на глубине 0,3-0,4 м в виде скопления остатков ОПК диаметром 0,3 м. Инвентарь: кольчатые трёхчастные удила с витым грызлом и обоймицами для крепления ремней повода, многочисленные бронзовые накладки оголовья коня. Костяк коня, согласно предположения К. Энгеля, не сохранился (Handschriftliche Bericht von Dr. C. Engel, Archiv R. Grenz). Дата погребения Li-49 не ясна.

Погребение Li-53 (1929 г.) – КРМ (судя по обожжённому клинку меча), содержавшее: меч типа J.P. T (X в. – Петерсен 2005: 180), украшенный по перекрестию и по навершию рукояти плакированным декором в стиле Маммен (**рис. 4**). На фрагменте согнутого и сломанного клинка читается остаток надписи ULFBERHT (Kazakevičius 1996: 47), фрагмент кольчатых удил с витым грызлом. Погребение Li-53 содержит останки мужчины-воина и датируется по мечу X в.

Погребение Li-59 (1929 г.) – ингумация (далее – ИНГ), обнаруженная на глубине 0,9-1,0 м. Костяк лежит на спине, своим теменем был ориентирован на север,

череп лежал на левой щеке (**рис. 5**). На правом виске на эскизе погребения обозначен неопределимый дугообразный предмет. Над правым плечом костяка выявлены два наконечника копий, направленные остриями на север. От грудины вниз к тазу на костяке лежал однолезвийный меч. На правом плече найдена бронзовая фибула типа Sproßenfibel (под)типа Bliujienė I (VIII-IX вв. – Bliujienė 1999: 93). На бёдрах отмечены остатки широкого пояса с бронзовыми (?) круглыми (сфероидными-?) накладками и с большой пряжкой с полукруглой рамкой. Под бёдрами видны остатки двух досок гроба. На двух пальцах каждой из рук костяка были надеты по 2-3 спиральных бронзовых перстня. Ножные кости костяка повреждены более поздними КРМ: Li-43, Li-43a, Li-43b (**рис. 2**). По фибуле погребение Li-53, содержащее остатки мужчины-воина, датируется VIII-IX вв.

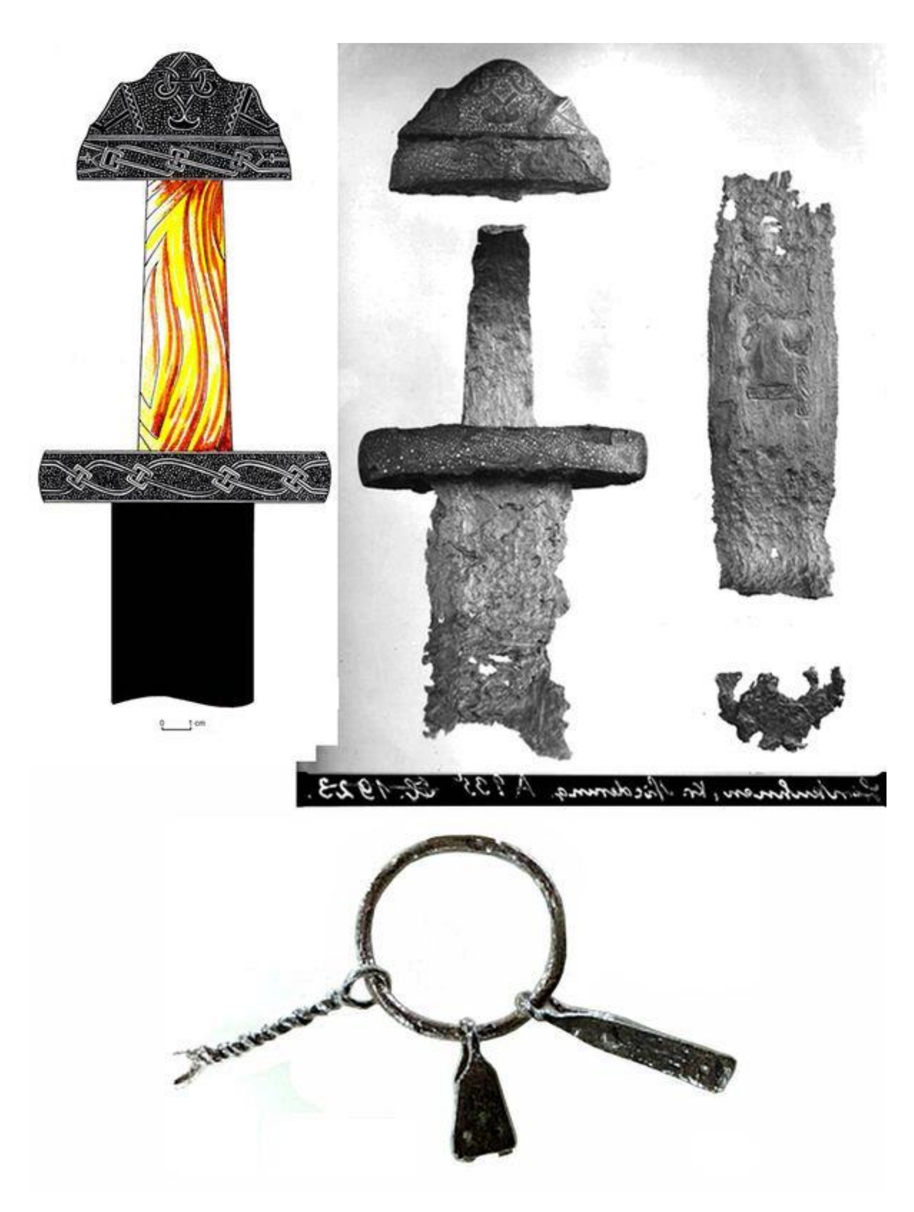

Рис. 4. Часть инвентаря погребения Li-53 (справа) и реконструкция рукояти меча из этого комплекса (слева) (Prussia-Archiv, Signatur PM-A 1923; Кулаков 2013, рис. 89).

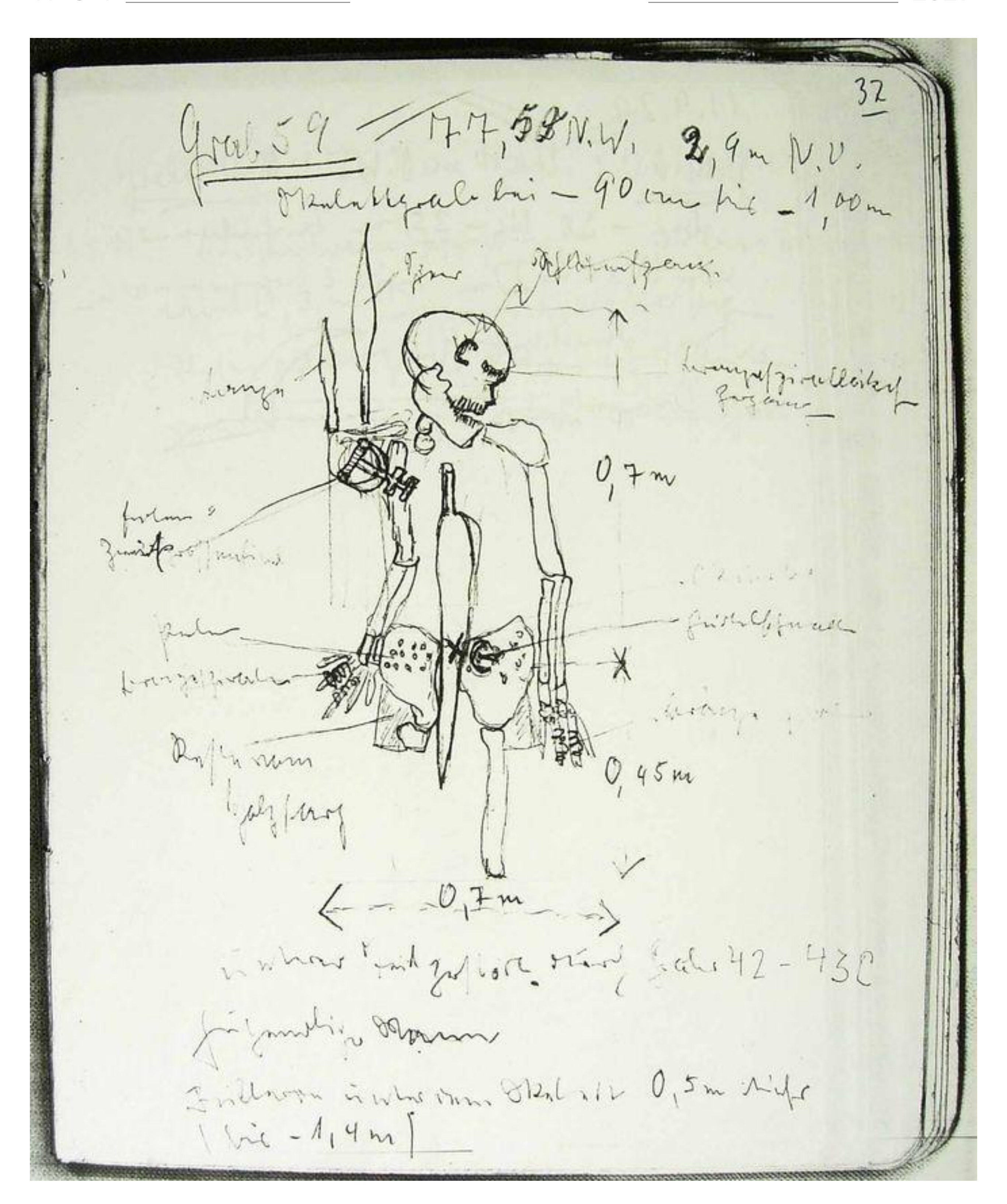

Рис. 5. Страница полевого дневника К. Энгеля
с эскизом плана погребения Li-59 (Prussia-Archiv, Signatur PM-A).

Погребение Li-73 (1931 г.?) – КРМ, обнаруженная на глубине 0,75-0,85 м в виде скопления ОПК диаметром ок. 0,5 м. Инвентарь: однолезвийный меч дл. 0,68 м, нож дл. 13 см, два наконечника копий дл. 40 см, трёхчастные кольчатые удила, остатки повреждённой на погребальном костре арбалетовидной фибулы с железной дугой, фрагменты бронзовой накладки (Handschriftliche Bericht von Dr. C. Engel, Archiv Rudolf Grenz). Погребение Li-73 содержит останки мужчины-воина, дата комплекса не ясна.

Погребение Li-104 (1932 г.) – ИНГ с северной (?) ориентировкой. Костяк лежит на спине. Правая рука согнута в локте и лучевая кость с кистью подняты вверх. Вдоль упомянутой кости лежал нож. В районе кисти этой руки обнаружены наконечники четырёх (?) копий типа Казакявичюс VI (V-VIII вв. – Казакявичюс 1988: 53, 54). Под правым локтём костяка выявлен боевой нож, лежавший остриём на север. Среди костей кисти левой руки костяка лежал второй боевой нож (его покойный держал за рукоять-?). Под нижними рёбрами поперёк позвоночника лежит бронзовая фибула типа Sproßenfibel (под)типа Bliujienė I. От таза остриём к ногам лежал однолезвийный меч. На бёдрах отмечены круглые (сфероидные-?) накладки от широкого пояса. На пальцах правой руки были надеты два бронзовых спиральных перстня (**рис. 6**). Судя по наконечникам копий и по фибуле погребение Li-104, содержащее останки мужчины-воина, датируется (как и близкое по инвентарю погребение Li-59) VIII в.

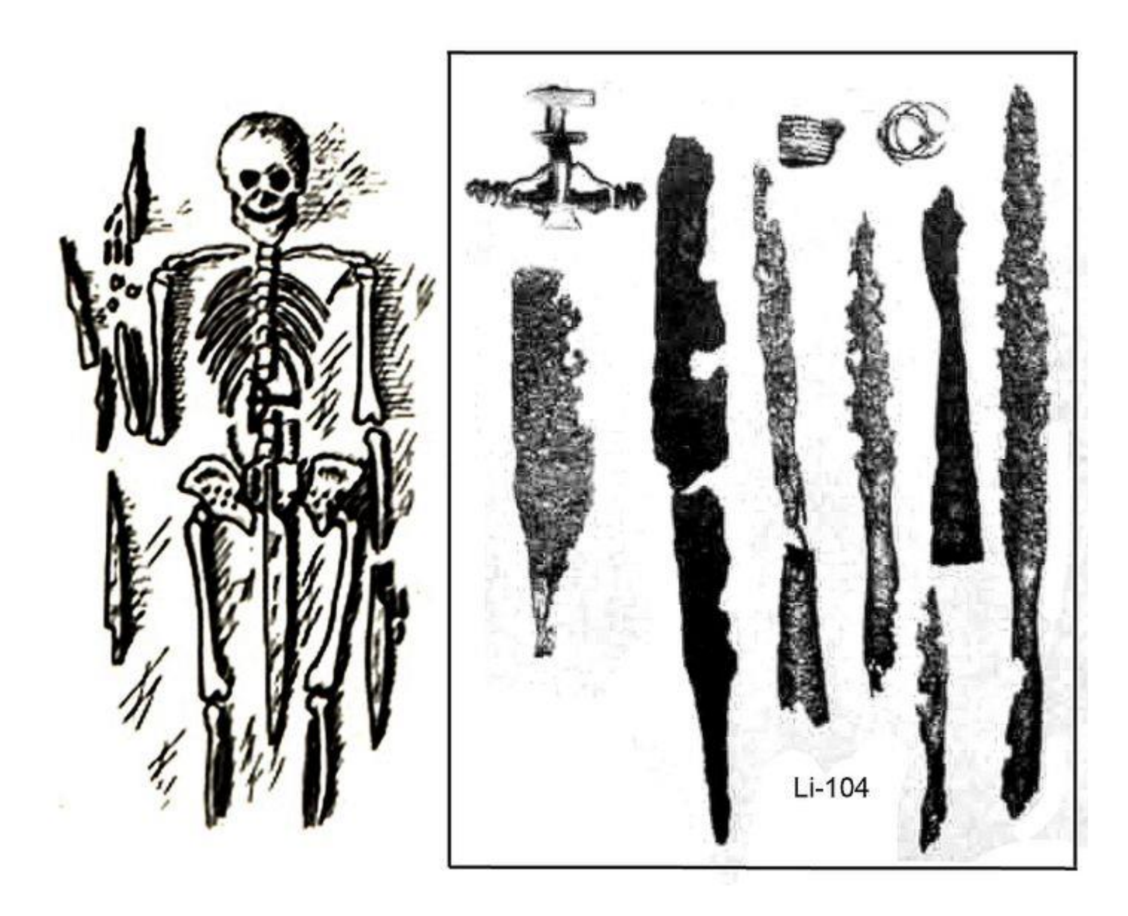

Рис. 6. План (слева) и инвентарь погребения Li-104 (Engel 1931, Abb. 2; 1932, fig. 86).

Погребение Li-171 (1932 г.). КРМ или ИНГ. Инвентарь: однолезвийный меч типа J.P. M, характерный для юго-западной части Скандинавии и в ареале куршей в IX в. (Kazakevičius 1996: 37), свёрнутый в виде рулона двулезвийный меч с отсутствующим навершием рукояти (тип неопределим), обрывки бронзового цепевого нагрудного украшения с центральной разделительной пластиной (**рис. 7**). Согласно датировке одного из найденных здесь мечей, погребение Li-171, содержащее останки мужчины-воина и, возможно, женщины, датируется IX в.

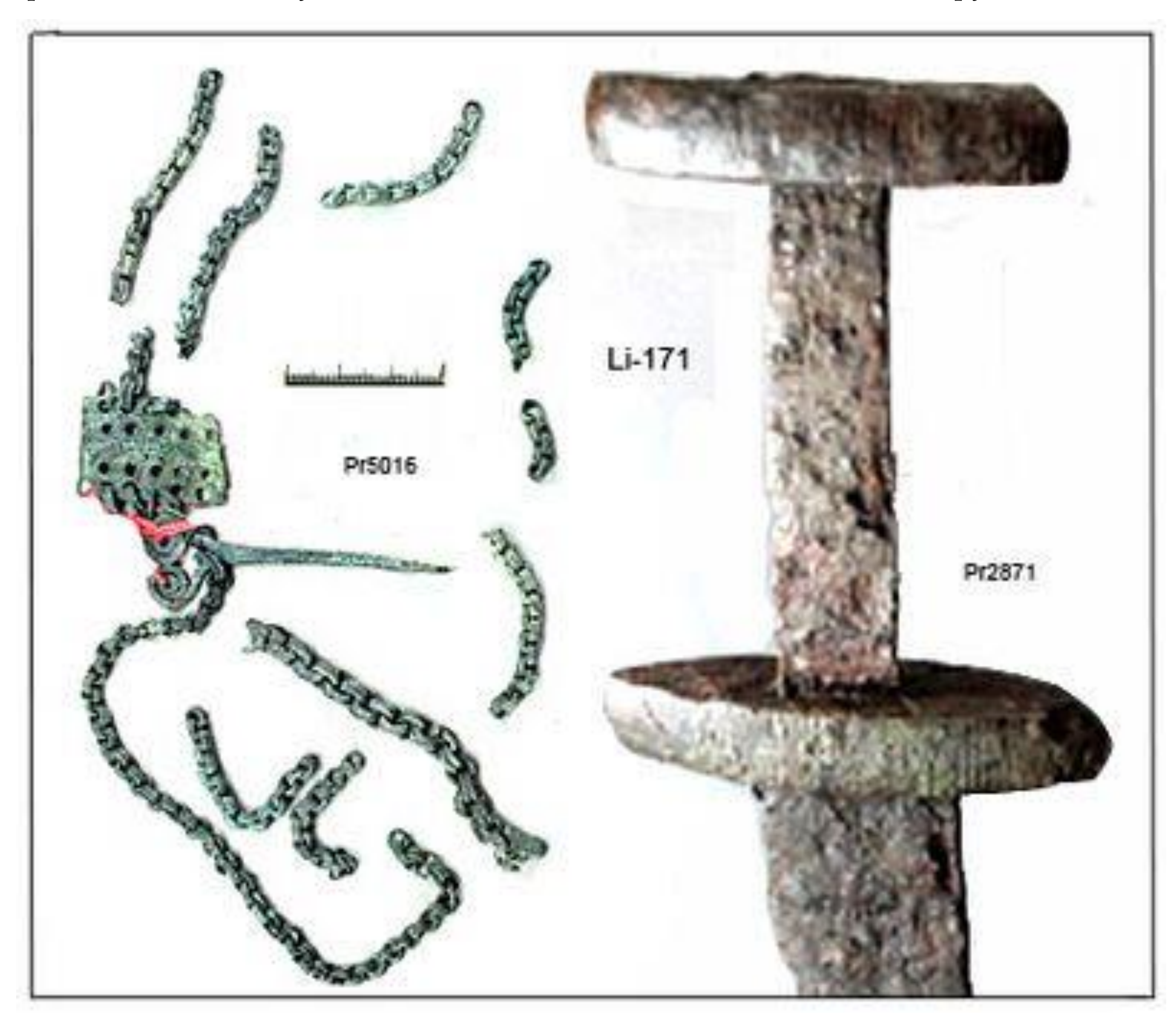

Рис. 7. Находки из погребения Li-171 (Museum für Vor- und Frühgeschichte, Magazine).

Погребение Li-314 – ИНГ (судя по отсутствию следов костра на деталях инвентаря) содержало: бронзовую гривну с расширяющимися концами группы Tautavičius I (раннеримское время – Tautavičius 1977: 10, 11), бронзовую арбалетовидную фибулу с подвязным иглоприёмником – дериват типа AII,341 (фазы B_{1b}-B_2 – Кулаков 2005: 39, рис. 2), бронзовый четверик с 8-лучевой прорезной композицией (снабжён четырьмя обоймицами), две бронзовые ременные накладки (**рис. 8**). По фибуле это, очевидно, содержащее останки мужчины захоронение датируется фазами B_{1b}-B_2.

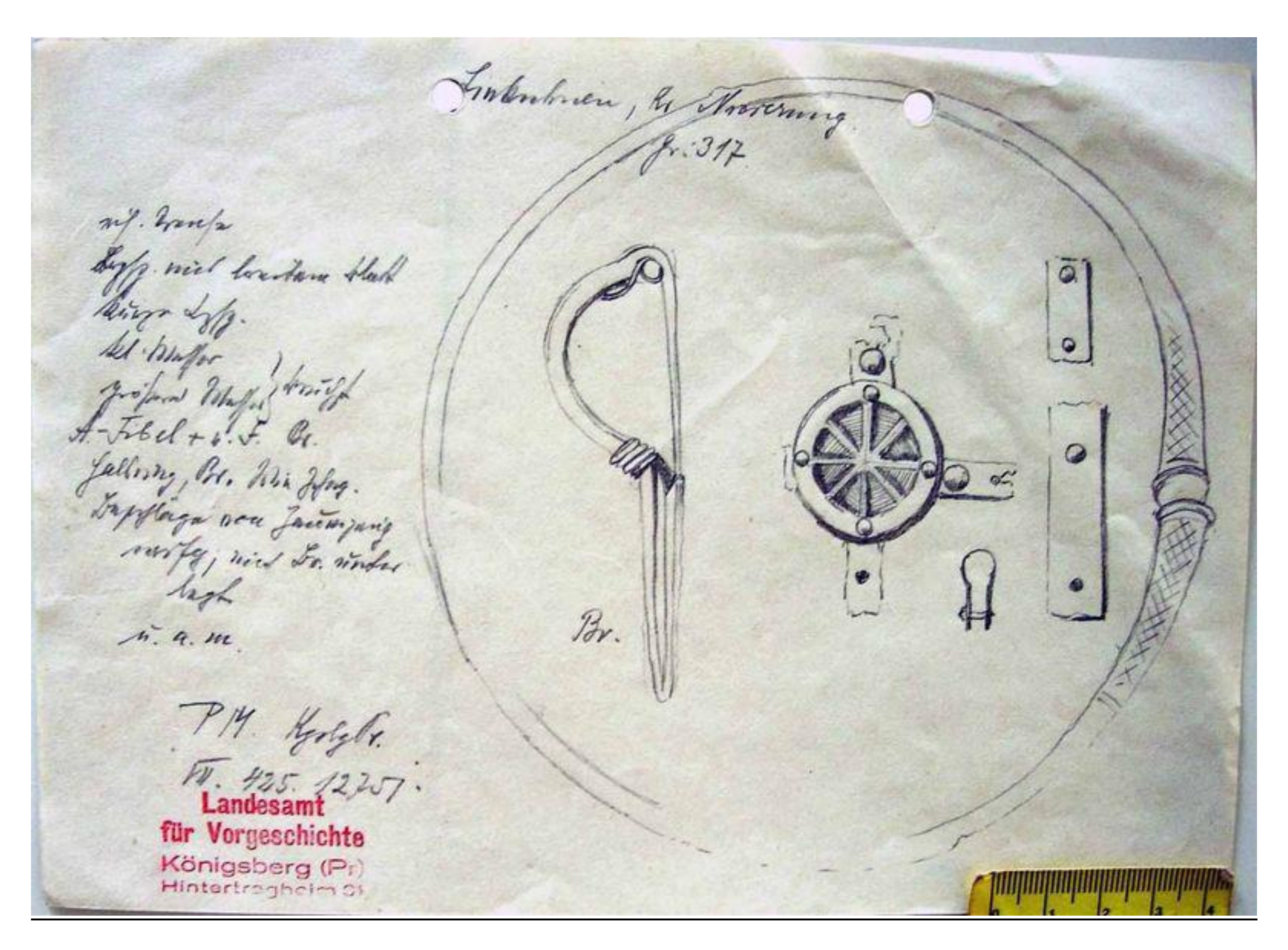

Рис. 8. Находки из погребения Li-317
(Kurt Voigtmann Kartei, SMB-PK/Museum für Vor- und Frühgeschichte, PM-IXc1).

Погребение Li-б/№ - захоронение коня, совершённое в нижнем ярусе могилы, перекрытое слоем ОПК. Конь лежит на брюхе, ноги подогнуты, голова стоит вертикально, упираясь передними зубами в дно могилы. Между зубов находились кольчатые удила (**рис. 9**). Дата погребения Li-б/№ не ясна. Судя по дате публикации, данный комплекс был обнаружен К. Энгелем в 1929 г. В этом полевом сезоне конское захоронение со сходным расположением костей (правда, хребет и рёбра на чертеже не отмечены) показан к югу от погребения Li-24 (**рис. 2**). Данное захоронение коня полностью соответствует погребальным традициям пруссов эпохи раннего средневековья вплоть до конца эпохи викингов (Кулаков 2016а: рис. 93, 119).

Собранные в статье о девяти погребениях мужчин-воинов, изученных Карлом Энгелем на грунтовом могильнике Linkuhnen/Ржевское, позволяют сделать следующие выводы:

1. Ещё до эпохи викингов у скальвов складывается форма трупосожжения в виде помещения в могилу на глубине не более 1,0 м группы остатков погребального костра.

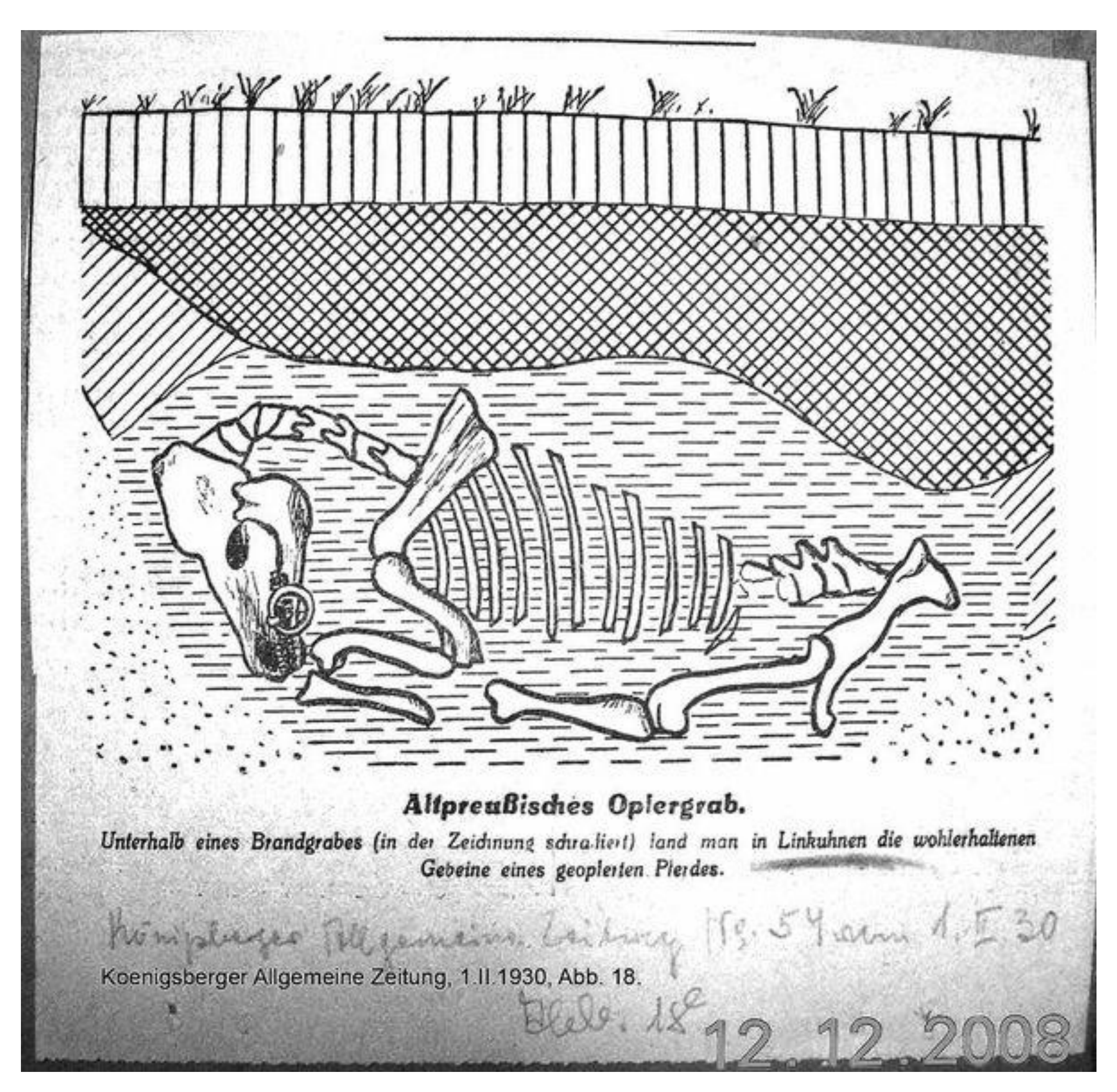

Рис. 9. Сечение погребения Li-б/№ (Königsberger Allgemeine Zeitung, Abb. 18).

2. До начала эпохи викингов трупоположения на исследованном К. Энгелем могильнике соседствовали с традиционными для скальвов трупосожжениями. В эпоху викингов они вытесняют трупоположения. В. Жулкус этот процесс, начавшийся у южных куршей в X в., связывает с формированием дружинной структуры и, возможно, с прусским влиянием (Жулкус 2004: 160-162). Наличие в трупосожжениях Linkuhnen/Ржевского признаков принадлежности погребённых к дружине (обилие высококачественных, вполне профессиональных предметов вооружения) позволяет расширить вывод В. Жулкуса и на ареал скальвов.

3. Традиция помещать в могилу воину-скальву два меча появилась, как показывают результаты раскопок в Linkuhnen/Ржевском, очевидно, ещё до эпохи викингов.

Таким образом, работа в берлинском архиве позволила вернуть в научный оборот уникальные материалы предвоенных раскопок в ареале скальвов, считавшихся навеки утраченными для науки.

* * *

Часть II. LINKUHNEN/РЖЕВСКОЕ: ЖЕНСКИЕ КОМПЛЕКСЫ В РАСКОПКАХ КАРЛА ЭНГЕЛЯ (1929, 1932 гг.)

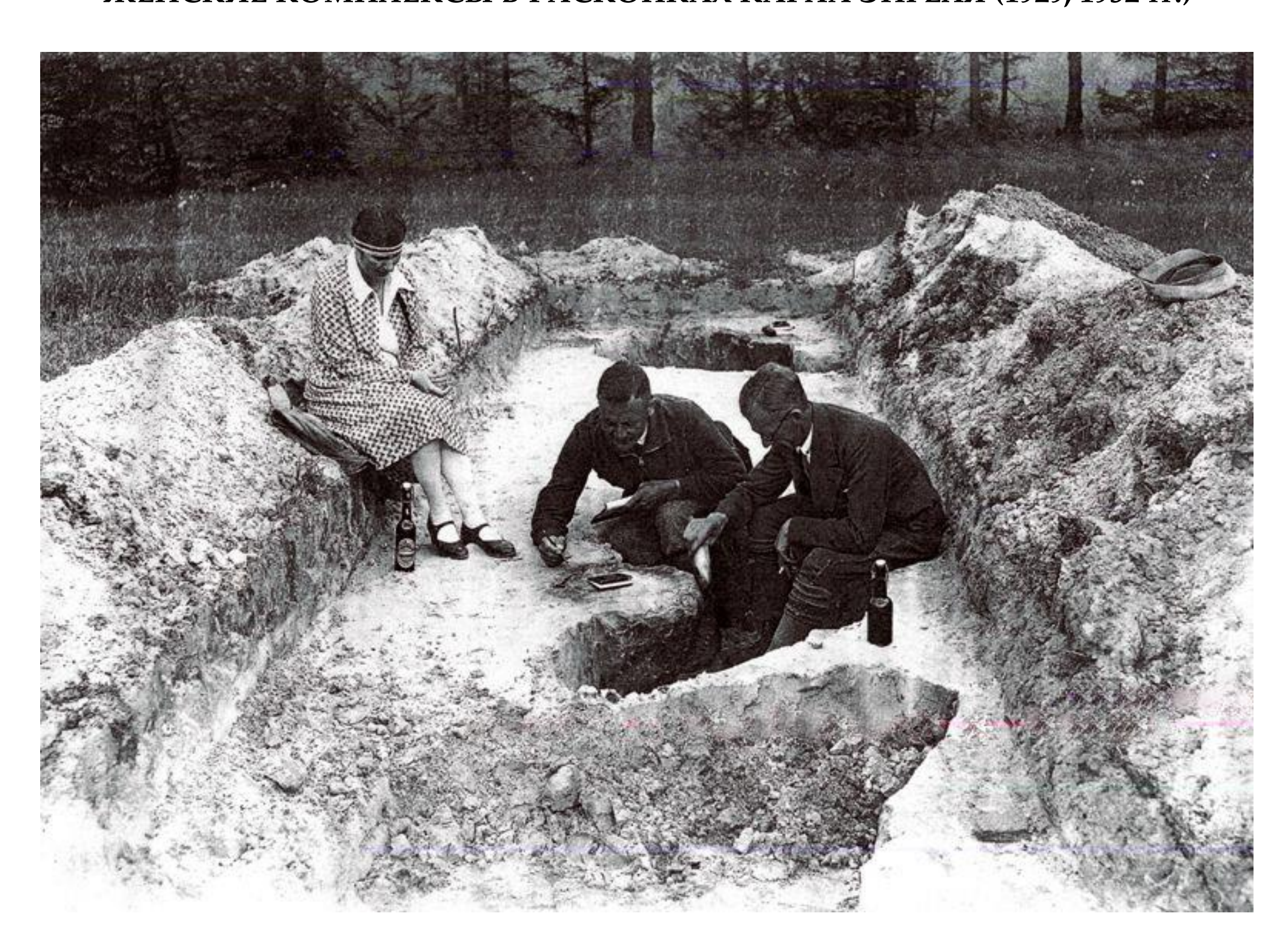
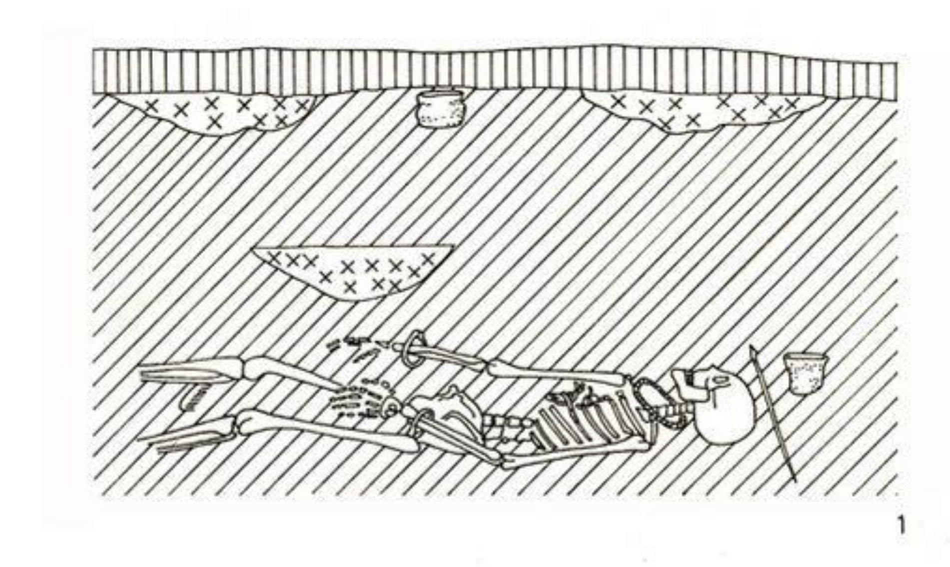

Рис. 1. Карл Энгель (в центре) и Фридрих (Фритц) Йенш, реставратор и художник Музея «Пруссия» (справа) – на одном из раскопов могильника Linkuhnen/Ржевское. Слева – неустановленная гостья на раскопе (лаборантка Музея «Пруссия»?) (Archiv Rudolf Grenz).

Грунтовой могильник Linkuhnen/Ржевское (западная окраина Славского р-на) является для Калининградской области наиболее полно изученным памятником археологии I тысячелетия н.э. Раскопки его погребений производились немецкими

археологами с 1929 г. по 1939 г. За указанный период на могильнике было вскрыто почти 500 захоронений (Hilberg 2009: 430). В первой части статьи, посвящённой мужским комплексам, изученным на этом могильнике, представлена история изучения могильника Linkuhnen/Ржевское. Работы велись в 1929 и 1932 гг. (годы раскопок установлены по архивным записям и по динамике роста нумерации комплексов) весьма ограниченным количеством раскопщиков (**рис. 1**), чертёжные работы на уровне эскизов погребений выполнялись К. Энгелем, автором чертежей и реконструкций (?) являлся Фр. Йенш (**рис. 2**).

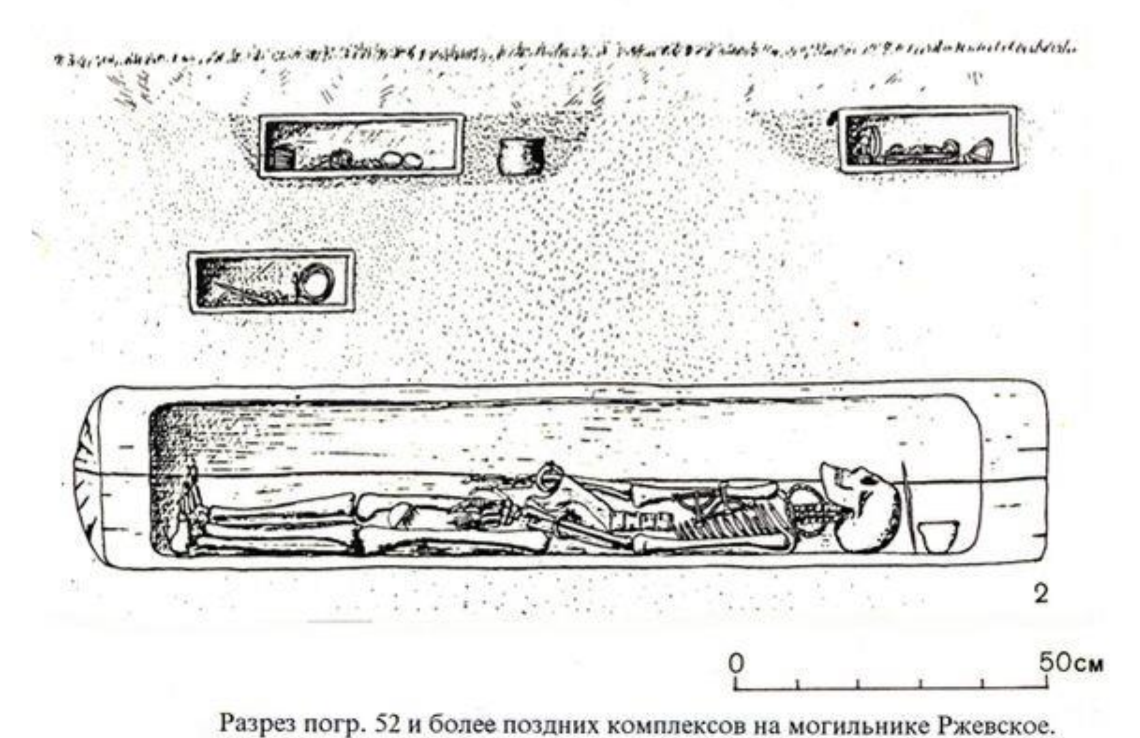

Рис. 2. Сечение погребения Li-52 и более поздних трупосожжений в полевой документации К. Энгеля (1) и в его реконструкции (2) (Кулаков 1994, рис. 12).

Работа в архивных хранениях немецких музеев (Берлин, Шлезвиг) позволяет собрать достаточно комплектные данные о женских комплексах, раскопанных К. Энгелем на упомянутом могильнике.

Погребение Li-4 (1929 г.) – трупосожжение (далее – КРМ), судя по следам обжига предметов инвентаря, представленных: фрагментом бронзовой булавки (**рис. 3**) с плоским крестовидным навершием типа Bliujienė III, характерного для куршей XI-XII вв. (Bliujienė 1999: 149-156), бронзовой подковообразной фибулой с ромбическими навершиями дуги вар. Carlsson TRA:JK/R (XI – сер. XII вв.: Carlsson 1988: 75). Погребение Li-4 содержит останки женщины, датируется по украшениям XI-XII вв.

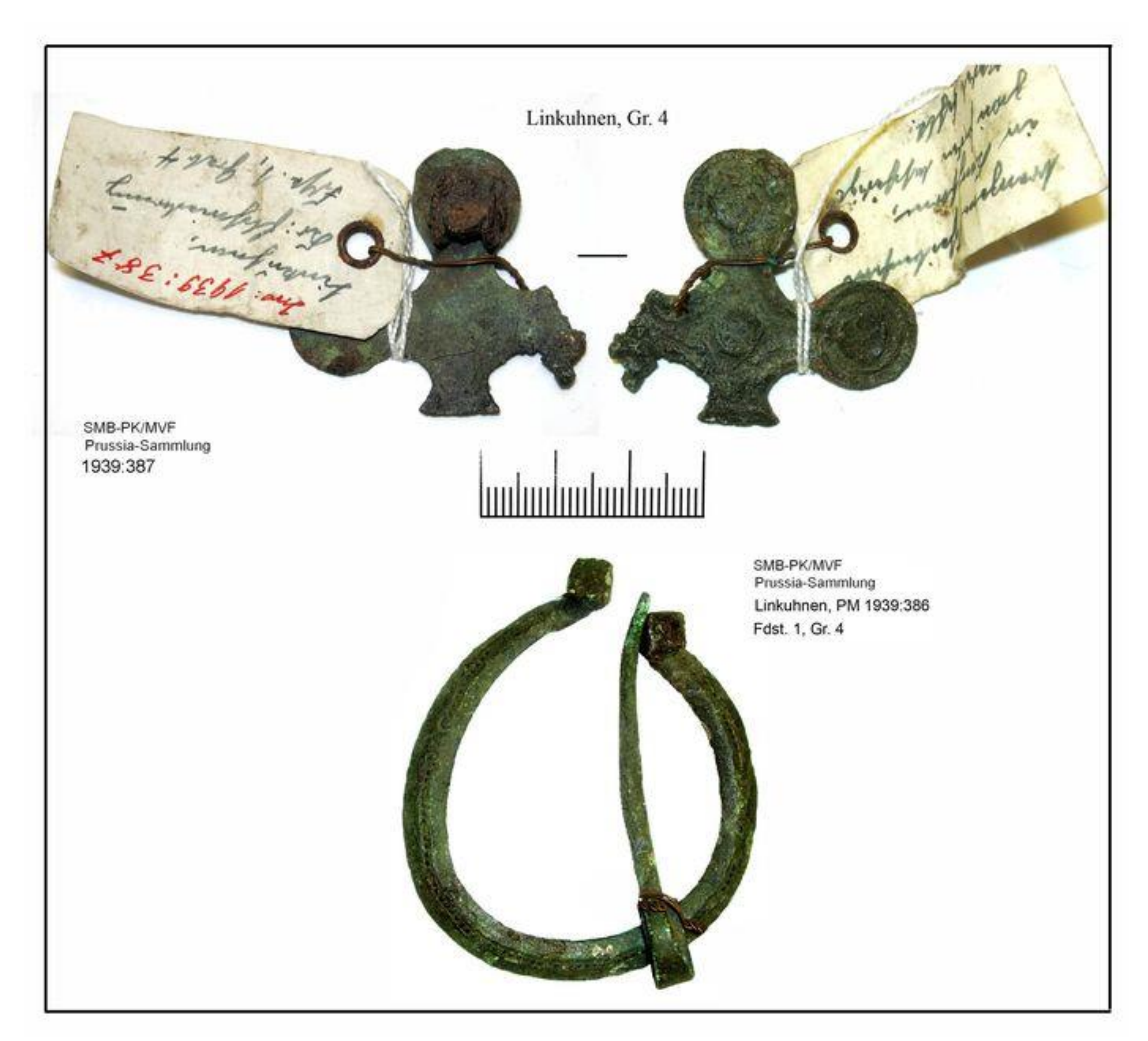

Рис. 3. Инвентарь погребения Li-4 (SMB-PK/MVF, Prussia-Sammlung).

Погребение Li-5 (Fndst. 1) (1929 г.) – КРМ, судя по следам обжига предметов инвентаря. Его состав: обломок бронзовой пальчатой фибулы, фрагмент подковообразной фибулы с навершием в виде головки дракона, крестообразную пластинчатую застёжку со следами чеканного орнамента, цепедержатель для крепления 5 цепочек и пара спиралевидных браслетов (Reich 2009: Abb. 7) с орнаментом в виде насечек на лицевой стороне дрота сегментовидного сечения (**рис. 4**).

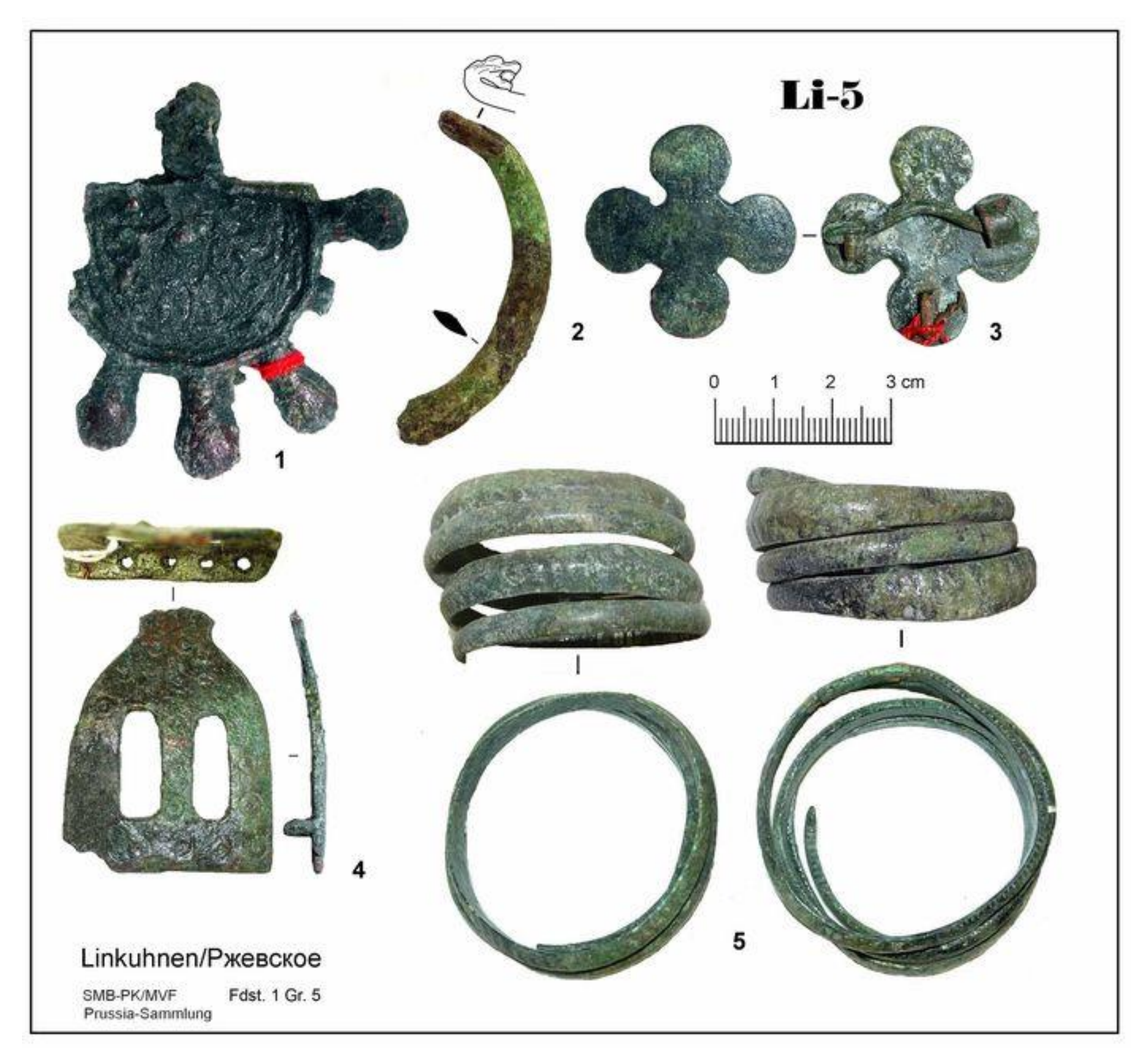

Рис. 4. Инвентарь погребения Li-5 (SMB-PK/MVF, Prussia-Sammlung).

По подковообразной фибуле погребение Li-5 датируется второй половиной X в. (Кулаков 1999: 249). В картотеке К. Фойтгманна, хранящейся в Музее прото- и ранней истории (Берлин) (Inv. Nr PM-Ixc 1), в инвентаре, сопровождавшем обломок пальчатой фибулы в погребении Li-5, упомянуты «четырёхконечная» фибула

(Vierpassfibel) и арбалетовидная фибула с кольцевой гарнитурой (Hilberg 2009: 434), в фондах указанного музея мною не обнаруженная. Как показывают находки на грунтовом могильнике Bledau/Сосновка (Зеленоградский р-н), такие застёжки встречаются в куршских захоронениях эпохи викингов (Mühlen 1975: Taf. 55,1). Финалом этого исторического периода датируется погребение Li-5, содержавшее останки женщины.

Особый интерес в описанном комплексе представляет фрагмент пальчатой фибулы (хранится в фондах Музея прото- и ранней истории Шарлоттенбург, Берлин, Inv. Nr PM 1939:357/1). Это – обломок застёжки отдела Bügelfibeln с целыми 4-мя «пальцами», сохранившими остатки рифления, и следами ещё 3-х таких же выступов на полукруглой головке. На полукруглой пластине фибулы из погребения Li-5 слабо видны следы орнамента, составленного из спиралевидных фигур, или очень плохо прорезанных в форме, или повреждённых в пламени погребального костра (что скорее всего). Наличие на внутренней стороне фибулы из Li-5 иглодержателя и иглоприёмника (с внутренней стороны дужки) со следами железной иглы свидетельствует об использовании этого предмета как полноценной застёжки. Не исключено то, что форма, в которой она была отлита, стала оттиском обломка пальчатой фибулы, превращённого мастером в полноценную застёжку.

Несмотря на свою далеко не идеальную сохранность, типология фибулы из погребения Li-5 вполне определима. Этому способствуют наличие у полукруглых головок фибул семи «пальцев» с пучкообразным рифлением и присутствие на этой головке спирального орнамента. В соответствии с этими признаками данная застёжка входит в класс Werner IB (Typ Sparta-Linkuhnen), который Йоахим Вернер вместе с остальными пальчатыми фибулами небольших размеров считал славянскими (Werner 1950: 172). Позднее интересующие нас фибулы из племенного ареала пруссов были типологизированы Е.Н. Симоновой как тип Вецел, отличающийся среди остальных фибул класса Werner IB довольно крупными параметрами (длина – ок. 11 см) (Симонова 1970: 75-79, рис. 2). Эти фибулы, как считается, были распространены в VII в. на территории нынешних Венгрии, Болгарии, Греции и Турции (Кулаков 2011a: 57, 58).

Следующим шагом в типологизации пальчатых фибул малых размеров стала работа Христины Катсугианнопулу. Их происхождения она связала не со славянами, а с обитателями Византии (Katsougiannopoulou 1997: 319).

Таким образом, вторично использованный фрагмент фибулы класса Werner IB (Typ Sparta-Linkuhnen), обнаруженный в погребении Li-5, является самым поздним примером использования пальчатой застёжки в истории народов Европы.

Погребение Li-52 (1929 г.) – трупоположение (далее – ИНГ), обнаруженное на глубине от современной дневной поверхности 0,9 м. Ориентация костяка теменем черепа на восток-юго-восток (**рис. 5, вверху**). Череп лежит на левой щеке (в итоговом чертеже погребения Li-52 показано иное положение черепа – **рис. 5**, снизу), кости рук перекрещены в районе запястий и лежат над тазом. На шее

костяка находится бронзовая (?) гривна, чуть ниже ключицы – две арбалетовидные фибулы, на запястьях – по одному бронзовому массивному браслету, между колен – костяной (?) гребень. Над теменем найдена бронзовая булавки для волос с навершием в виде вытянутого ромба (характерный признак древностей скальвов). В своей западной части могильная яма погребения Li-52 повреждена двумя более поздними ямами (KPM) (Archiv R. Grenz). К. Энгель отнёс женское погребение Li-52 к группе ранних комплексов, открытых им на могильнике Linkuhnen/Ржевское и датировал эпохой Великого переселения народов (Engel 1931: 312).

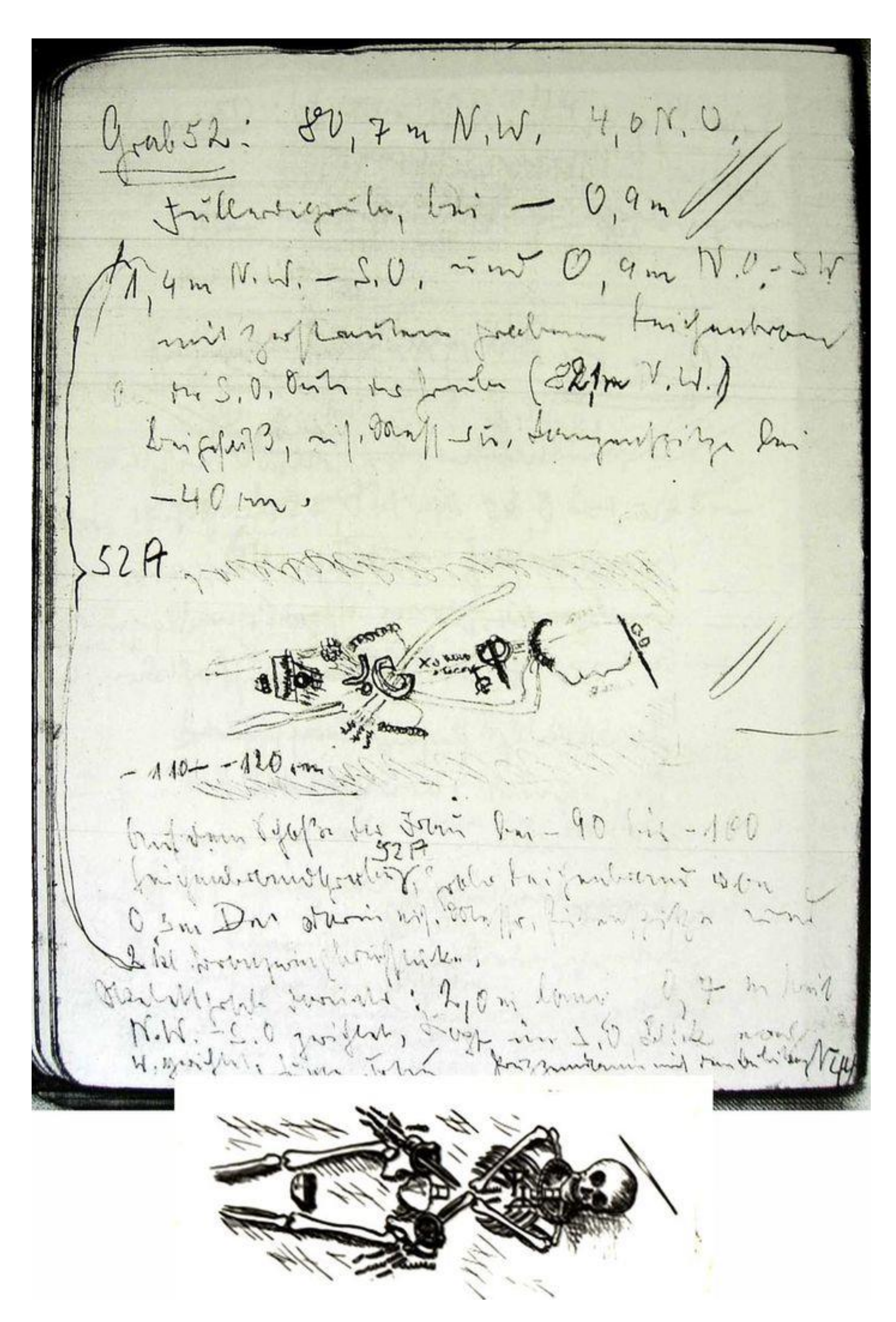

Рис. 5. Описание и схема костяка в погребении Li-52 (вверху) и чертёж костяка, выполненный Фр. Йеншем (снизу) (Archiv Rudolf Grenz; Engel 1931, Abb. 2,b).

Погребение Li-63 (1929 г.) – КРМ, в яме, планиграфически имеющей форму ромба разм. 1,1 х 1,4 м, длинной осью, вытянутой по линии север-восток, выбранной в пределах материка примерно в 0,2 м от современной дневной поверхности (т.е. – обнаружены сразу после снятия пахотного слоя), глубина могилы – 0,9 м, заполнение – перемешанный грунт. На дне могилы найдено скопление кальцинированных костей, размещённый в группе ОПК (?), подстилаемой остатками деревянной пластины. Это – показатель размещения кремации в деревянной (берестяной-?) коробке, что является эксклюзивным признаком древностей скальвов эпохи раннего средневековья (Engel 1931: 315). Инвентарь: пара арбалетовидных фибул с кольцевой гарнитурой (**рис. 6**), бронзовый пластинчатый (?) браслет и прочие предметы (Handschriftliche Bericht von Dr. C. Engel, Archiv R. Grenz). Погребение Li-63 содержит останки женщины, дата комплекса не ясна.

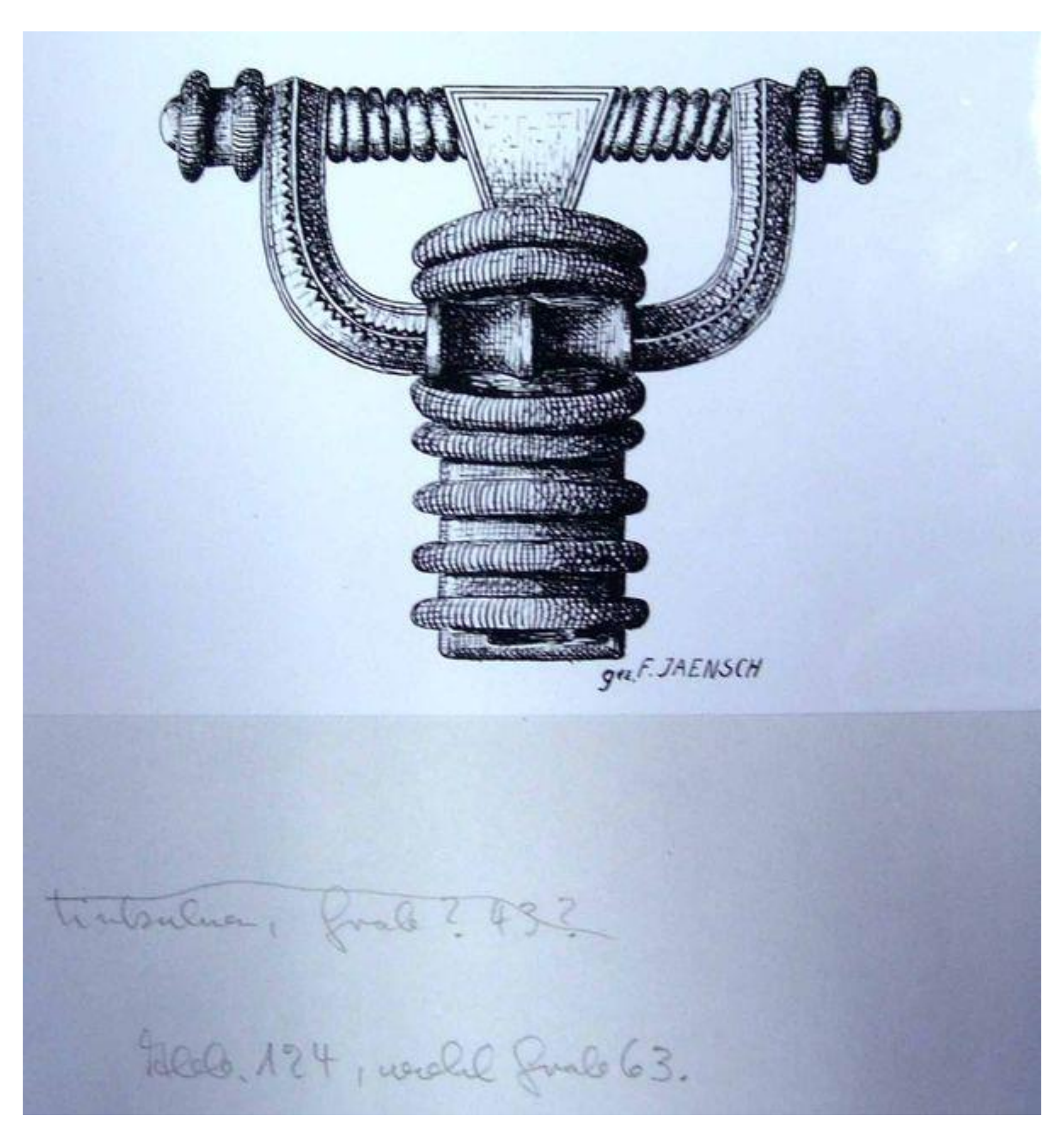

Рис. 6. Фибула из состава инвентаря погребения Li-63 (Archiv Rudolf Grenz).

Погребение Li-77 – КРМ, содержащее следующий инвентарь, повреждённый на погребальном костре: подковообразная фибула вар. Carlsson TRA:JRA, (X в.: Carlsson 1988: 23, 70), пластинчатая перекладчатая фибула типа Bliujienė V (Bliujienė 1999: 99), обломок арбалетовидной фибулы (?), пять булавок с различными по своей форме навершиями (одна из них, с биэсовидным навершием, восходит к западнолитовским древностям фазы С – Juga-Szymańska 2014: 121) , обломки не менее девяти браслетов (из них два – с рифлёной внешней поверхностью), спирально свитая гривна, состоящая из двух дротов, перстень (?), мелкие обломки нагрудного украшения, состоявшего из цепочек, прямоугольная накладка, два обломка пластинчатого украшения (Engel 1932: Fig. 87).

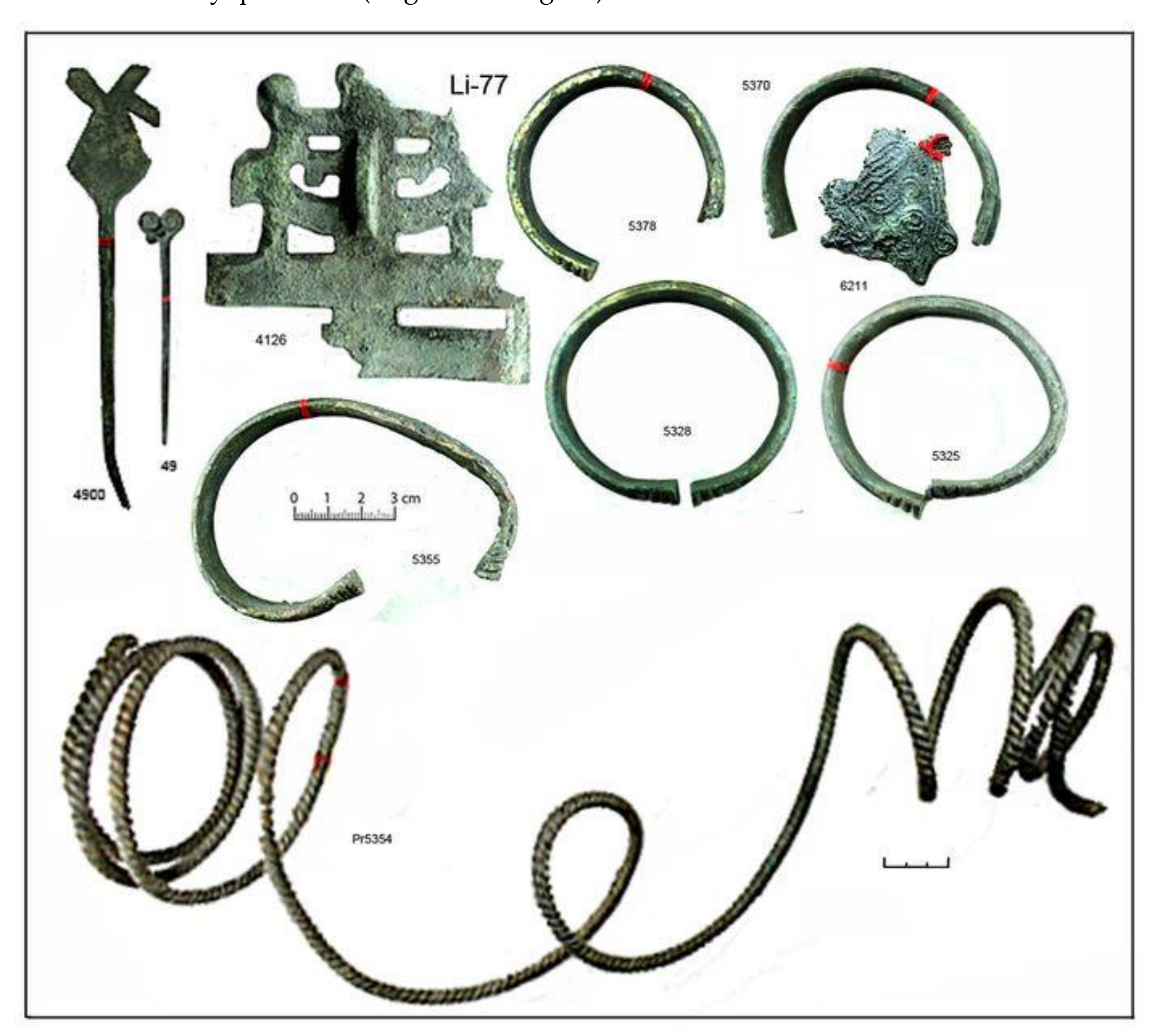

Рис. 7. Инвентарь погребения Li-77 (SMB-PK/MVF, Prussia-Sammlung).

В части инвентаря из данного комплекса, сохранившегося в фондах Музея прото- и ранней истории (Берлин) представлены две бронзовые булавки, бронзовая пластинчатая фибула, пять браслетов с полукруглым сечением, обломок свитой в спираль бронзовой гривны и часть бронзового украшения, выполненного в виде уплощённой сферы (**рис. 7**, № 6211). Псевдо-жемчужный орнамент, выполненный в восковой модели этого украшения, в центре композиции содержит плетёный триплет, аналогичный фигуре на крестообразной фибуле, случайно найденной в окрестностях Tapiau/Гвардейск (Кулаков 2017б: рис. 5,6). По своим деталям указанная декоративная композиция может восходить к скандинавскому стилю Еллинг. Погребение Li-77, судя по составу своего инвентаря, содержит останки женщины и датируется по подковообразной фибуле X в.

Погребение Li-178 – КРМ, инвентарь которого включал: пластинчатую фибулу с овальной нижней пластиной, два бронзовых прорезных цепедержателя с циркульным орнаментом, поясную (?) накладку, булавку с продетой круглой пластиной, восемь бронзовых браслетов (**рис. 8**). Судя по фибуле, являющейся дериватом пальчатых застёжек, женское погребение Li-178 можно предварительно отнести к VII в.

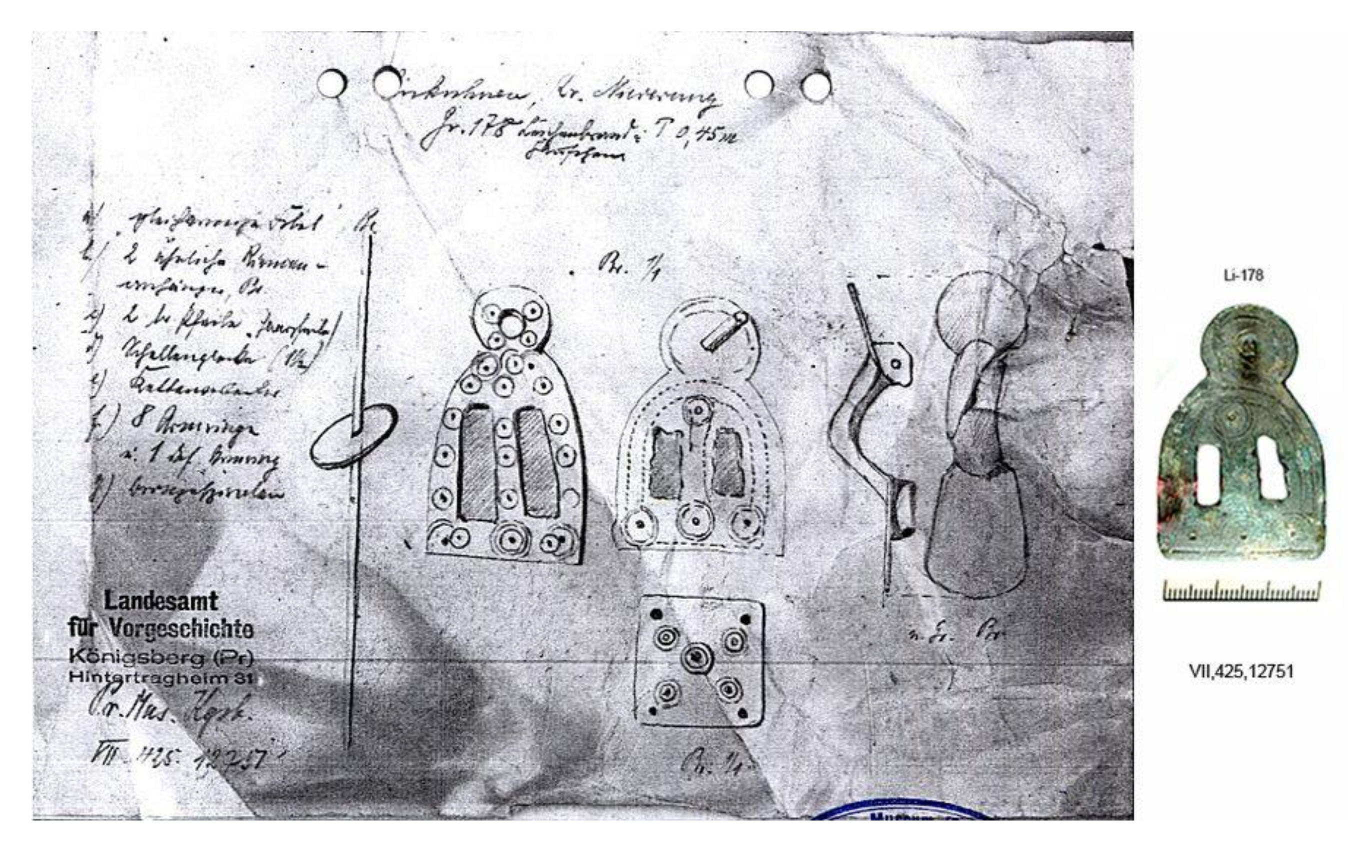

Рис. 8. Инвентарь погребения Li-178.
Слева – сохранившийся в музейном хранении цепедержатель из этого комплекса (Kurt Voigtmann Kartei, SMB-PK/MVF, Prussia-Sammlung).

Погребение Li-267 – в подпрямоугольной в плане могиле – ИНГ с восточной (?) ориентировкой. Судя по плану захоронения (**рис. 9**), череп захороненной женщины (пол определён по специфическому набору погребального инвентаря) и основной массив костей её скелета не сохранились ввиду особенностей почв могильника Linkuhnen/Ржевское. В районе головы погребённой выявлена, судя по плану комплекса, снизка из 11 бронзовых (?) ведёрковидных подвесок, являвшихся, не исключено, деталью головного венчика. Ввиду отсутствия масштаба типологизация этих предметов затруднительна. Восточнее упомянутой снизки были выявлены две янтарные (?) бусины. Над правой частью груди обнаружена пара фибул со звёздчатой ножкой типа Bitner-Wróblewska III. Такие застёжки характерны в первую очередь для древностей скальвов и, в меньшей степени, куршей фазы D_3 (Кулаков 2011а: 26, рис. 40). Запястье правой руки костяка украшал бронзовый (?) браслет с расширенными концами, на пальце этой руки находился перстень. Между браслетом и фибулами острием на юго-восток лежал нож (Wießoldt 1939: Abb. 5). По фибулам погребение Li-267 датируется фазой D_3.

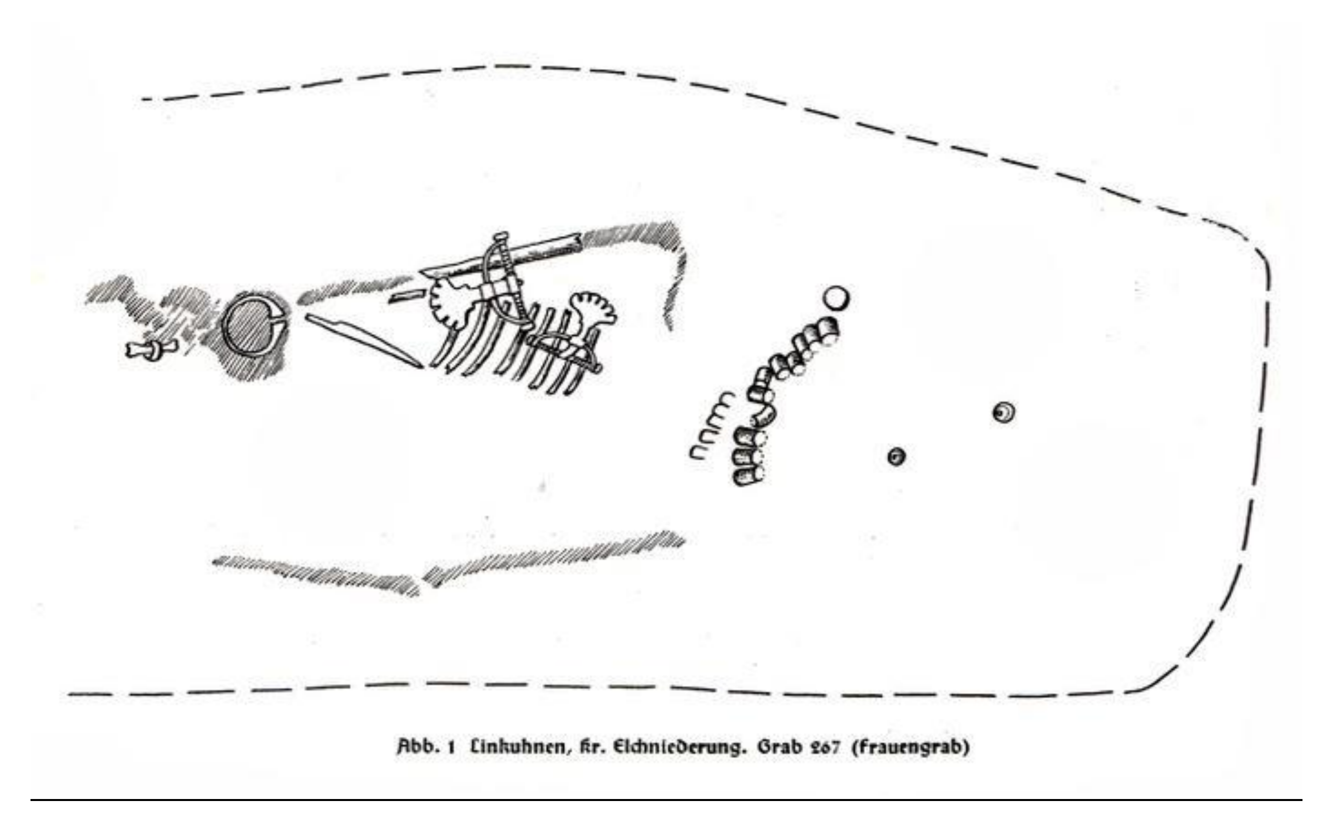

Рис. 9. План погребения Li-267 (Wießoldt 1939, Abb. 1).

Погребение Li-272 – ИНГ, о котором свидетельствует отсутствие следов воздействия погребального костра на деталях инвентаря, которые включают в свой состав погребальную (?) шапочку, каркас которой состоял из проходящей через темя бронзовой ленты с пуансонным жемчужным декором и кожаной (?) полосы вокруг головы. На эту полосу были помещены бронзовые ведёрковидные подвески (**рис. 10**).

Стенки последних имеют гладкую или гофрированную поверхность. Согласно декору и пропорциям тулова этих подвесок 1:2, они относятся к вар. Kaczanowski III/1 (Kaczanowski 1987: 67). По мнению Кажимежа Годловски, подвески подобного варианта доживают у западных балтов до фазы D_1 (Godłowski 1970: tab. IX,17). Ведёрковидные подвески на фазах C_1-D_1 поступают на Самбию из вельбарского ареала, затем в восточном с остальными товарами Янтарного берега направлении вверх по течению р. Преголи. Самые поздние подвески относятся к вар. Kaczanowski III/1 и встречены в ареале скальвов. Здесь они представлены уже не в виде подвесок к ожерелью, а в качестве деталей погребальной женской шапочки. Как и их более ранние предшественницы в дельте р. Висды, ведёрковидные детали головных шапочек у скальвов также были вместилищем ароматных веществ (Кулаков 2016а: 85, 86).

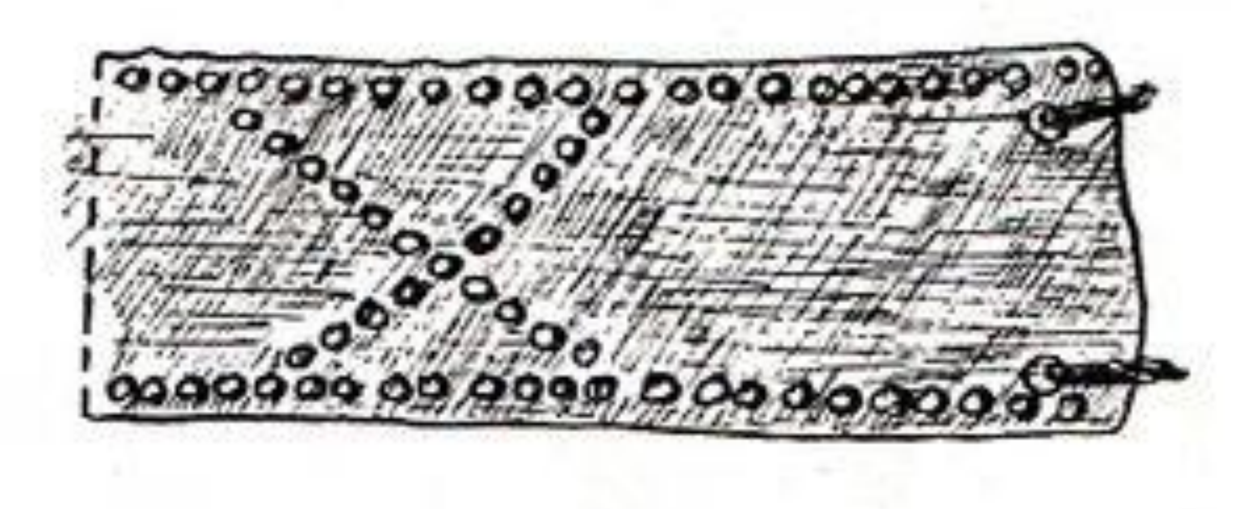

Рис. 10. Часть инвентаря погребения Li-272 (Wießoldt 1939, Abb. 5).

По свидетельству В.Г. Шименаса, нашитые на полотно шапочки серебряные «бочёнки» из погребения 16 грунтового могильника Vidgiriai были наполнены душистым воском (Šimėnas 2006: 56). Не исключено то, что такое же (или сходное по результату применения) содержимое было и у ведёрковидных деталей шапочки в уборе женщины, захороненной в погребении Li-272. Подобные элементы шапочек известны в погребении Li-201 и Li-267, в предвоенное время датированных концом V – началом VI вв. н.э. (Waeßoldt 1939: 119). Ведёрковидные миниатюрные вместилища являлись у носительниц вельбарской и скальвской культур первыми в истории Балтии сосудиками для парфюмерных веществ. Кроме сугубо эстетических функций они выполняли (возможно – в первую очередь) роль ловушек для насекомых, наличие которых вполне допустимо при крайне низком уровне европейской гигиены в I тысячелетия н.э. Опираясь на приведённое выше мнение К. Годловски, женское погребение Li-272 следует отнести ко времени не позднее фазы D_1.

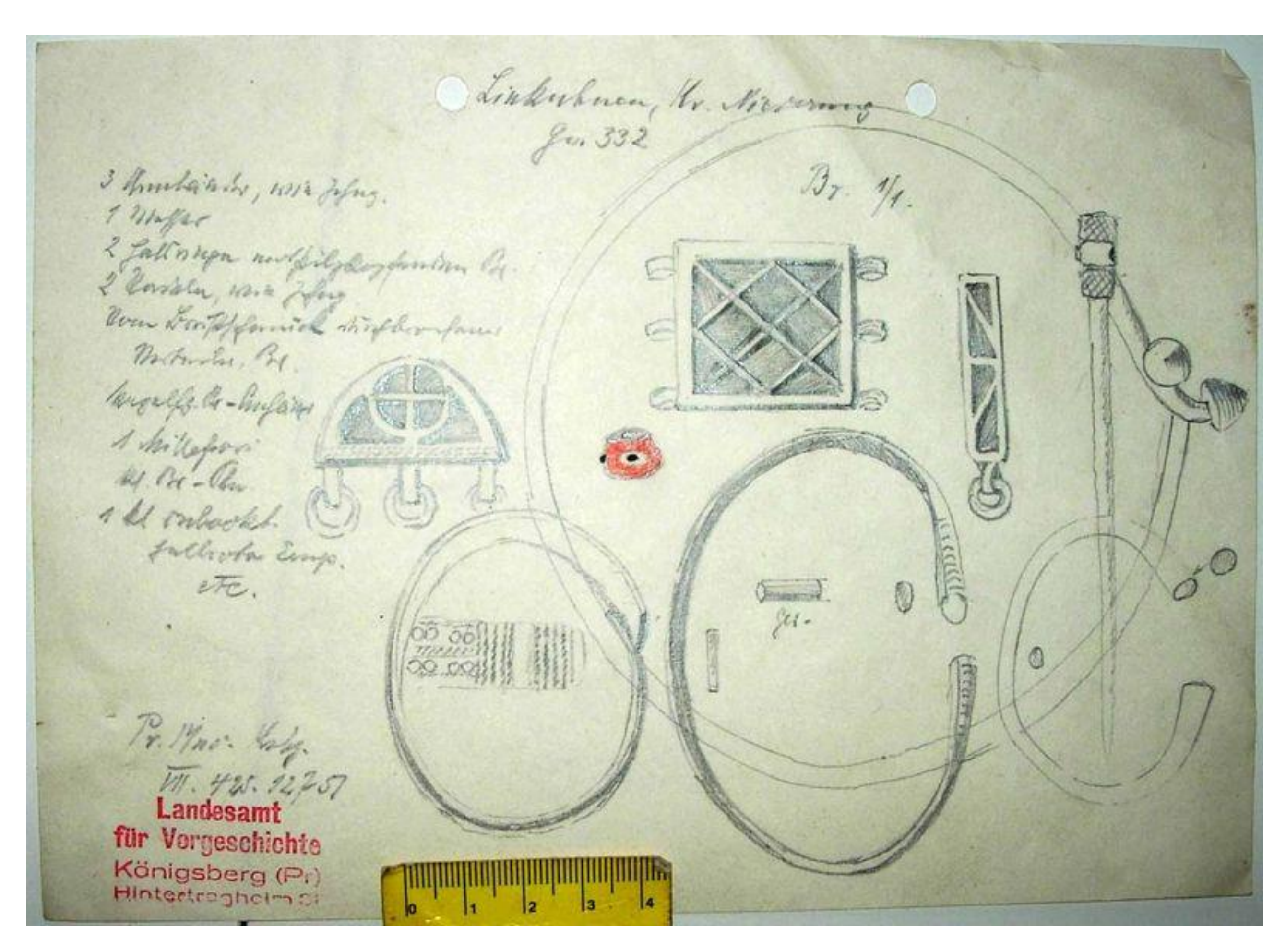

Рис. 11. Инвентарь погребения Li-332 (Kurt Voigtmann Kartei).

Погребение Li-332 – ИНГ, о котором свидетельствует отсутствие следов воздействия погребального костра на деталях инвентаря, которые включают в свой состав следующие бронзовые изделия: два браслета с расширяющимися концами,

пластинчатый браслет, нож, две гривны (одна из них – с коническими навершиями застёжки, по А.З. Таутавичюсу – «дополнительная группа»: Tautavičius 1977: žem. 7), перстень, прорезные детали нагрудного (?) украшения, стеклянная бусина с декором типа millefiori, булавка (Kurt Voigtmann Kartei) типа Juga-Szymańska Szwajcaria подтипа I (фаза C_{1a} – Juga-Szymańska 2014: 90-93). Погребение Li-332, судя по набору украшений (**рис. 11**), является женским и предварительно датируется по гривне и булавке позднеримским временем.

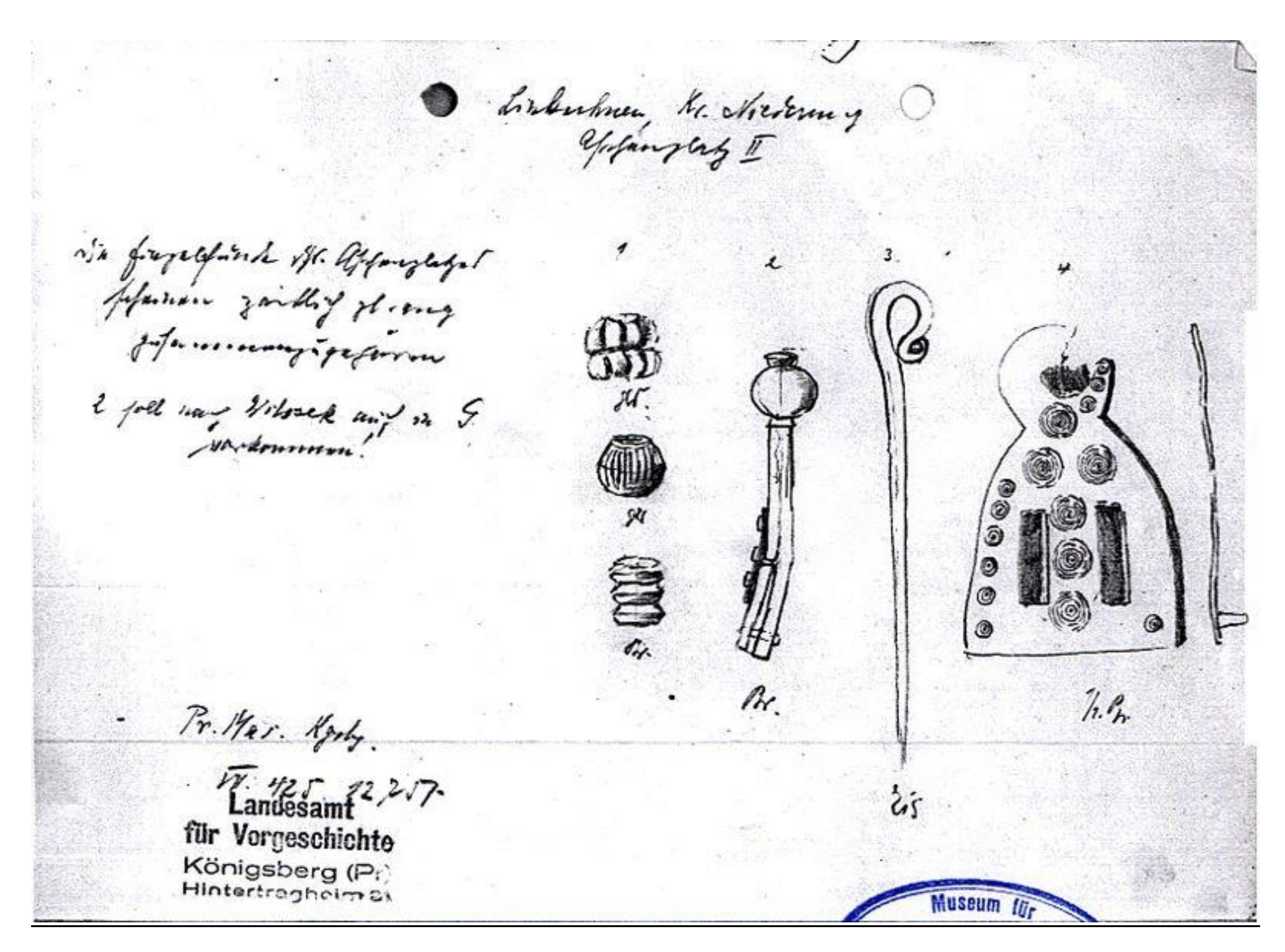

Рис. 12. Находки из местонахождения Aschenplatz II (Kurt Voigtmann Kartei).

Зольник (нем. Aschenplatz) II – данные о времени раскопок и специфике этого археологического объекта пока отсутствуют. Среди берлинских архивалий (Kurt Voigtmann Kartei) сохранились рисунки деталей женских уборов: трех разнотипных бусин, бронзового наконечника ремня (?), железной булавки с посоховидным навершием вар. II типа Hackman B (фаза C_1 – Juga-Szymańska 2014: 147-149) и бронзового цепедержателя (**рис. 12**). Последний предмет находит аналогии в комплексах, вскрытых на могильнике Linkuhnen/Ржевское, в том числе – в погребении Li-178, датируемом VII в. (см. выше). Из краткой информации о месте находки вышеупомянутых предметов не ясно, какого рода «зольник» имел в виду

автор данной информации Курт Фойгтманн. Это или место сожжения (Aschenplatz I) I тысячелетия н.э., или генетически восходящая к куршским традиция X-XI вв. форма захоронений, перекрытых мощным слоем остатков погребального костра (Aschenplatz II) (Кулаков 2011б: 66, 67). Отсутствие на рисунках К. Фойгтманна свидетельств пребывания изображённых там находок на погребальном костре ставит под сомнение связь этих предметов с «зольниками» указанных типов.

Итак, архивная информация даже о небольшой части женских захоронений, изученных в предвоенное время на могильнике Linkuhnen/Ржевское, указывает на уникальность этого памятника археологии для всей Балтии.

ЛИТЕРАТУРА

Жулкус 2004 - *Жулкус В.* Изменения в мировоззрении куршей в раннем средневековье // Восточная Европа в Средневековье. К 80-летию Валентина Васильевича Седова. М.: Наука, 2004. С. 153-163.

Казакявичюс 1988 - *Казакявичюс В.* Оружие балтских племён II-VIII веков на территории Литвы. Вильнюс: Мокслас, 1988. 159 с.

Кулаков 1994 - *Кулаков В.И.* Пруссы (V-XIII вв.). М.: Геоэко, 1994. 214 с.

Кулаков 1999 - *Кулаков В.И.* Ирзекапинис // STRATUM plus. № 5. СПб.; Кишинёв; Одесса: Бизнес-Элита, 1999. С. 211-273.

Кулаков 2003 - *Кулаков В.И.* История Пруссии до 1283 г. М.: Индрик, 2003. 364 с.

Кулаков 2005 - *Кулаков В.И.* Подвязные фибулы в юго-восточной Балтии // Российская археология. 2005. № 1. С. 37-49.

Кулаков 2009 - *Кулаков В.И.* Находки из ареалов куршей и скальвов в описи копий Центрального Римско-Германского Музея (г. Майнц) // Archaeologia Lituana. Vol. 10. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2009. С. 65-83.

Кулаков 2011а - *Кулаков В.И.* Декоративное искусство Янтарного края. Орнамент фибул V-VII вв. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. 150 с.

Кулаков 2011б - *Кулаков В.И.* Куршский погребальный обряд на Каупе (полуостров Самбия) // Pruthenia. T. VI. Olsztyn: Wydawnictwo przygotowała Delegatura IPN, 2011б. С. 61-79.

Кулаков 2013 - *Кулаков В.И.* Реконструкция убора обитателей Янтарного берега в I-V вв. н.э. Киев: Відавець Олег Філюк, 2013. 167 с.

Кулаков 2016а - *Кулаков В.И.* Пруссы эпохи викингов. Жизнь и быт общины Каупа. М.: Книжный мир, 2016. 350 с.

Кулаков 2016б - *Кулаков В.И.* Сокровища Янтарного края. Показатели инокультурных влияний на древности Самбии и Натангии в I-IV вв. н.э. Калининград: Калининградская книга, 2016. 359 с.

Кулаков 2017а - *Кулаков В.И.* Linkuhnen/Ржевское: раскопки К. Энгеля в 1929 г. // Komunikaty mazursko-warmińskie. Olsztyn, 2017 (в печати).

Кулаков 2017б - *Кулаков В.И.* Куршские фибулы предорденского времени в ареале пруссов // Res humanitariae. Klaipėda, 2017 (в печати).

Петерсен 2005 - *Петерсен Я.* Норвежские мечи эпохи викингов. Типохронологическое изучение оружия эпохи викингов. СПб.: Альфарет, 2005. 331 с.

Симонова 1977 - *Симонова Е.Н.* Пальчатая фибула Венгерского Национального музея // Древние славяне и их соседи. М.: Наука, 1977. С. 75-79.

Archiv Rudolf Grenz, Archäologisches Landesmuseum in Schloss Gottorf, Schleswig.

Bericht von Dr. Engel, Prussia-Archiv, Signatur PM-A 1472/1.

Bliujienė 1999 - *Bliujienė A.* Vikingų epochos kuršių papuošalų ornamentika. Vilnius: Diemedžio leidykla, 1999. 299 s.

Carlsson 1988 - *Carlsson A.* Vikingatida ringspannen fran Gotland. Text och catalog. Stockholm: Stockholms universitet, 1988. 275 s.

Engel 1931 - *Engel C.* Beiträge zur Gliederung des jüngsten heidnischen Zeitalters in Ostpreussen // Congressus Secundus Archaeologorum Balticorum Rigae. 19-23.VIII.1930. Acta Universitatis Latviensis Philologorum et Philosophorum Ordinis Series. Tomus I. Supplementum I. Rigae: Rigaer Universität, 1931. S. 313-336.

Engel 1932 - *Engel C.* Das vierstöckige Gräbelfeld von Linkuhnen // Vornvännen. 1932. Vol. 12. S. 168-176.

Godłowski 1970 - *Godłowski K.* The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. Kraków: Nakladem Uniwersytetu Jagellońskiego, 1970. 126 s.

Hilberg 2009 - *Hilberg V.* Masurische Bügelfibeln. Studien zu den Fernbeziehungen der völkerwanderungszeitlichen Brandgräberfelder von Daumen und Kellaren. Daumen und Kellaren – Tumiany i Kelary. Bd. 2. Neumünster: Wachholtz Verlag, 2009. 615 s.

Juga-Szymańska 2014 - *Juga-Szymańska A.* Kontakty Pojezieria Mazurskiego ze wschodnią strefą Bałtyku w okresie wpływów rzymskich na przykladzie szpil. Warszawa: Drukarnia Janusz Bieszczad, 2014. 504 s.

Kaczanowski 1987 - *Kaczanowski P.* Drochlin. Ciałopalne cmentarzysko kultury przeworskiej z okresu wpływów tzymskich // Prace archeologiczne. Vol. 40. Kraków: Wydawnictwo Uniwersyteta Jagiellońskiego, 1987.

Katsougiannopoulou 1997 - *Katsougiannopoulou Chr.* Ein frühmittelalterlichee Fibelfund aus Nordgriecheland // Archäologisches Korrespondenzblatt. Bd. 27. S. 315-321.

Kazakevičius 1996 - *Kazakevičius V.* IX-XIII a. baltu kalavijai. Vilnius: Alma littera, 1996. 173 s.

Kazakevičius 1998 - *Kazakevičius V.* Iš vėlyvojo geležies amžiaus baltų ginklų istorijos (kalavių makstų galų apkalai) // Lietuvos archeologija. T. 15. Vilnius: Žara, 1998. S. 287-332.

Königsberger Allgemeine Zeitung. 1.II.1930.

Kurt Voigtmann Kartei, SMB-PK/Museum für Vor- und Frühgeschichte Museum für Vor- und Frühgeschichte, Magazine, Museum für Vor- und Frühgeschichte, Berlin.

Mühlen 1975 - *Mühlen B.* Die Kultur der Wikinger in Ostpreussen // Bonner Hefte zur Vorgreschichte. Nr 9. Bonn, 1975. 287 s.

Prussia-Archiv, Museum für Vor- und Frühgeschichte, Berlin.

Reich 2009 - *Reich Chr.* Verloren geglaubte Geschichte. Die Prussia-Sammlung in Berliner Museum für Vor- und Frühgeschichte // Jakobson F. Die Brandgraberfelder von Daumen und Kellaren im Kreise Allenstein, Ostpr. Daumen und Kellaren – Tumiany i Kelary. Bd. 1. Neumünster: Wachholtz Verlag, 2009. S. 347-362.

Šimėnas 2006 - *Šimėnas V.* Etnokultūrinai procesai Vakarų Lietuvoje pirmojo mūsų eros tūkstantmečio vidurije. Vilnius: Universyteto Leidykla, 2006. 138 s.

Taitavičius 1977 - *Taitavičius A.* Lietuvos TSR archeologijos atlasas. T. IV. I-XIII a, radiniai. Vilnius: Mokslas, 1977. 207 s.

Waeßoldt 1939 - *Waeßoldt D.* Zur Tracht der Bewohner des Memelgebiets in der Eisenzeit // Alt-Preußen. 3. Jg. H. 4. 1939. S. 116-119.

REFERENCES

Archiv Rudolf Grenz, Archäologisches Landesmuseum in Schloss Gottorf [Archive Rudolf Grents, the Archaeological state museum in the lock Gottorf], Schleswig [in German].

Bericht von Dr. Engel, Prussia-Archiv [Report of doctor Engel, Prussia Archive], Signatur PM-A 1472/1 [in German].

Bliujienė 1999 - *Bliujienė A.* Vikingų epochos kuršių papuošalų ornamentika [Decoration of a Curonians ornament during an era of Vikings], Vilnius, Diemedžio leidykla Publ., 1999, 299 p. [in Lithuanian].

Carlsson 1988 - *Carlsson A.* Vikingatida ringspannen fran Gotland. Text och catalog [Rings of eras of Vikings from Gotland. Text and catalog], Stockholm, Stockholms universitet Publ., 1988, 275 p. [in Swedish].

Engel 1931 - *Engel C.* Beiträge zur Gliederung des jüngsten heidnischen Zeitalters in Ostpreussen [Contribution to structure of a recent pagan era in East Prussia], in: Congressus Secundus Archaeologorum Balticorum Rigae. 19-23.VIII.1930. Acta Universitatis Latviensis Philologorum et Philosophorum Ordinis Series. Tomus I. Supplementum I [The second archaeological congress in Riga. 19-23.VIII.1930. Works of the Latvian philologists and philosophers. Volume I. Addition 1], Rigae, Rigaer Universität Publ., 1931, pp. 313-336 [in German].

Engel 1932 - *Engel C.* Das vierstöckige Gräbelfeld von Linkuhnen [Funeral field Linkuhnen], in: Vornvännen, 1932, Volume 12, pp. 168-176 [in German].

Godłowski 1970 - *Godłowski K.* The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe, Kraków, Nakladem Uniwersytetu Jagellońskiego Publ., 1970, 126 p. [in English].

Hilberg 2009 - *Hilberg V.* Masurische Bügelfibeln. Studien zu den Fernbeziehungen der völkerwanderungszeitlichen Brandgräberfelder von Daumen und Kellaren. Daumen und Kellaren – Tumiany i Kelary. Bd. 2 [Mazursky belts. Researches on the relations of the periods of migration of burial grounds Daumen and Kellaren. Release 2], Neumünster, Wachholtz Verlag Publ., 2009, 615 p. [in German].

Juga-Szymańska 2014 - *Juga-Szymańska A.* Kontakty Pojezieria Mazurskiego ze wschodnią strefą Bałtyku w okresie wpływów rzymskich na przykladzie szpil [Contacts of the Mazursky lake area with east zone of the Baltic Sea during the Roman influence on the example of pins], Warszawa, Drukarnia Janusz Bieszczad Publ., 2014, 504 p. [in Polish].

Kaczanowski 1987 - *Kaczanowski P.* Drochlin. Ciałopalne cmentarzysko kultury przeworskiej z okresu wpływów tzymskich [Drochlin. Burial of Przeworsk culture], in: Prace archeologiczne. Vol. 40 [Archaeological researches. Volume 40], Kraków, Wydawnictwo Uniwersyteta Jagiellońskiego Publ., 1987 [in Polish].

Katsougiannopoulou 1997 - *Katsougiannopoulou Chr.* Ein frühmittelalterlichee Fibelfund aus Nordgriecheland [Early medieval fibulas from Northern Greece], in: Archäologisches Korrespondenzblatt. Bd. 27 [Archaeological bulletin. Release 27], pp. 315-321 [in German].

Kazakevičius 1996 - *Kazakevičius V.* IX-XIII a. baltu kalavijai [Swords of Balts of the 9-13th centuries], Vilnius, Alma littera Publ., 1996, 173 p. [in Lithuanian].

Kazakevičius 1998 - *Kazakevičius V.* Iš vėlyvojo geležies amžiaus baltų ginklų istorijos (kalavių makstų galų apkalai) [History of weapon of Balts since the late Iron Age (finishing of swords)], in: Lietuvos archeologija. T. 15 [Lithuanian archeology. Volume 15], Vilnius, Žara Publ., 1998, pp. 287-332 [in Lithuanian].

Kazakjavichjus 1988 - *Kazakjavichjus V.* Oruzhie baltskih plemjon II-VIII vekov na territorii Litvy [Weapon of the Baltic tribes of the 2-8th centuries in the territory of Lithuania], Vilnius, Mokslas Publ., 1988, 159 p. [in Russian].

Königsberger Allgemeine Zeitung [Konigsberg newspaper], 1.II.1930 [in German].

Kulakov 1994 - *Kulakov V.I.* Prussy (V-XIII vv.) [Old Prussians (the 5-13th centuries)], Moscow, Geojeko Publ., 1994, 214 p. [in Russian].

Kulakov 1999 - *Kulakov V.I.* Irzekapinis, in: STRATUM plus, № 5, St. Petersburg; Chisinau; Odessa, Biznes-Jelita Publ., 1999, pp. 211-273 [in Russian].

Kulakov 2003 - *Kulakov V.I.* Istorija Prussii do 1283 g. [History of Prussia till 1283], Moscow, Indrik Publ., 2003, 364 p. [in Russian].

Kulakov 2005 - *Kulakov V.I.* Podvjaznye fibuly v jugo-vostochnoj Baltii [Garter brooches in the southeast Baltic], in: Rossijskaja arheologija [Russian archeology], 2005, № 1, pp. 37-49 [in Russian].

Kulakov 2009 - *Kulakov V.I.* Nahodki iz arealov kurshej i skal'vov v opisi kopij Central'nogo Rimsko-Germanskogo Muzeja (g. Majnc) [Finds from areas of Curonians and Skalvians in the inventory of copies of the Central Roman-German Museum (Mainz)], in: Archaeologia Lituana. Vol. 10 [Lithuanian archeology. Volume 10], Vilnius, Vilniaus universiteto leidykla Publ., 2009, pp. 65-83 [in Russian].

Kulakov 2011a - *Kulakov V.I.* Dekorativnoe iskusstvo Jantarnogo kraja. Ornament fibul V-VII vv. [Decorative art of the Amber land. Ornament of fibulas 5-7th centuries], Saarbrücken, Lambert Academic Publishing Publ., 2011, 150 p. [in Russian].

Kulakov 2011b - *Kulakov V.I.* Kurshskij pogrebal'nyj obrjad na Kaupe (poluostrov Sambija) [Funeral ceremony of Curonians on Kaup (peninsula Sambiya)], in: Pruthenia. T. VI [Prussia. Volume 6], Olsztyn, Wydawnictwo przygotowała Delegatura IPN Publ., 2011, pp. 61-79 [in Russian].

Kulakov 2013 - *Kulakov V.I.* Rekonstrukcija ubora obitatelej Jantarnogo berega v I-V vv. n.je. [Reconstruction of an attire of inhabitants of the Amber coast in the 1-5th centuries AD], Kiev, Vidavec' Oleg Filjuk Publ., 2013, 167 p. [in Russian].

Kulakov 2016a - *Kulakov V.I.* Prussy jepohi vikingov. Zhizn' i byt obshhiny Kaupa [Prussia on eras of Vikings. Life and life of a community of Kaup], Moscow, Knizhnyj mir Publ., 2016, 350 p. [in Russian].

Kulakov 2016b - *Kulakov V.I.* Sokrovishha Jantarnogo kraja. Pokazateli inokul'turnyh vlijanij na drevnosti Sambii i Natangii v I-IV vv. n.je. [Treasures of the Amber land. Indicators of foreign culture influences on Sambiya and Natangiya antiquities in the 1-4th centuries AD], Kaliningrad, Kaliningradskaja kniga Publ., 2016, 359 p. [in Russian].

Kulakov 2017a - *Kulakov V.I.* Linkuhnen/Rzhevskoe: raskopki K. Jengelja v 1929 g. [Linkuhnen: K. Engel's excavation in 1929], in: Komunikaty mazursko-warmińskie [Mazury-Warmian messages], Olsztyn, 2017 (v pechati) [in Russian].

Kulakov 2017b - *Kulakov V.I.* Kurshskie fibuly predordenskogo vremeni v areale prussov [The fibulas of Curonians in time before emergence of the Award in an area of Old Prussians], in: Res humanitariae [Humanitarian researches], Klaipėda, 2017 (v pechati) [in Russian].

Kurt Voigtmann Kartei, SMB-PK/Museum für Vor- und Frühgeschichte Museum für Vor- und Frühgeschichte, Magazine, Museum für Vor- und Frühgeschichte [Archive of Kurt Voigtmann, SMB-PK/Museum of the preliminary and protohistorical museum pre-and protostories, magazines, Museum pre-and protostories], Berlin [in German].

Mühlen 1975 - *Mühlen B.* Die Kultur der Wikinger in Ostpreussen [Viking culture in East Prussia], in: Bonner Hefte zur Vorgreschichte. Nr 9 [Bonn researches on archeology. № 9], Bonn, 1975, 287 p. [in German].

Petersen 2005 - *Petersen Ja.* Norvezhskie mechi jepohi vikingov. Tipohronologicheskoe izuchenie oruzhija jepohi vikingov [Norwegian swords of an era of Vikings. Typochronological study of weapon of an era of Vikings], St. Petersburg, Al'faret Publ., 2005, 331 p. [in Russian].

Prussia-Archiv, Museum für Vor- und Frühgeschichte [Prussian archive, Museum of background and early history], Berlin [in German].

Reich 2009 - *Reich Chr.* Verloren geglaubte Geschichte. Die Prussia-Sammlung in Berliner Museum für Vor- und Frühgeschichte [The lost history. A collection of Prussia in the Berlin museum of background and early history], in: Jakobson F. Die Brandgraberfelder von Daumen und Kellaren im Kreise Allenstein, Ostpr. Daumen und Kellaren – Tumiany i Kelary. Bd. 1 [Large fields of burials in the area Olsztyn, East Prussia. Daumen and Kellaren. Release 1], Neumünster, Wachholtz Verlag Publ., 2009, pp. 347-362 [in German].

Šimėnas 2006 - *Šimėnas V.* Etnokultūrinai procesai Vakarų Lietuvoje pirmojo mūsų eros tūkstantmečio vidurije [Ethno-cultural processes in Western Lithuania in the middle of the first millennium AD], Vilnius, Universyteto Leidykla Publ., 2006, 138 p. [in Lithuanian].

Simonova 1977 - *Simonova E.N.* Pal'chataja fibula Vengerskogo Nacional'nogo muzeja [Pectoral fibula of the Hungarian National museum], in: Drevnie slavjane i ih sosedi [Ancient Slavs and their neighbors], Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 75-79 [in Russian].

Taitavičius 1977 - *Taitavičius A.* Lietuvos TSR archeologijos atlasas. T. IV. I-XIII a, radiniai [Atlas of archeology of the Lithuanian SSR. T. IV. I-XIII a., conclusions], Vilnius, Mokslas Publ., 1977, 207 p. [in Lithuanian].

Waeßoldt 1939 - *Waeßoldt D.* Zur Tracht der Bewohner des Memelgebiets in der Eisenzeit [Suit of residents of the area Memel in the Iron Age], in: Alt-Preußen [Ancient Prussia], 3. Jg., H. 4, 1939, pp. 116-119 [in German].

Zhulkus 2004 - *Zhulkus V.* Izmenenija v mirovozzrenii kurshej v rannem srednevekov'e [Changes in outlook Curonians in the early Middle Ages], in: Vostochnaja Evropa v Srednevekov'e. K 80-letiju Valentina Vasil'evicha Sedova [Eastern Europe in the Middle Ages. To 80 anniversary of Valentin Vasilyevich Sedov], Moscow, Nauka Publ., 2004, pp. 153-163 [in Russian].

Кулаков Владимир Иванович – Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела археологии эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья Института археологии РАН (Москва, Россия).
Vladimir Kulakov – Doctor of Historical Sciences, Leading researcher of Department of Archeology of an Migration Period and early Middle Ages of Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).
E-mail: drkulakov@mail.ru

УДК 930

ЧЕГО И СЛЕДОВАЛО ОЖИДАТЬ: СНОВА О ТОМ ЖЕ (ПО ПОВОДУ ЛЕНИНГРАДСКОГО НЕОНОРМАНИЗМА И СТАТЬИ Н.И. ПЛАТОНОВОЙ)

С.В. Томсинский
Государственный Эрмитаж
Россия, 190000, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, д. 34
e-mail: s.tomsinsky@yandex.ru

Авторское резюме

В статье продолжается начатое в предыдущих работах автора изучение ленинградского/петербургского неонорманизма как особого идеологического и историографического феномена в археологии позднесоветской и постсоветской эпохи на широком фоне процессов, происходивших в обществе. Даётся ответ на возражения со стороны представительницы данного направления Н.И. Платоновой, защищающей неонорманизм от критического научного анализа.

Ключевые слова: Древняя Русь, варяги, историография, археология, неонорманизм, антинорманизм.

IT WAS TO BE EXPECTED: MORE OF THE SAME (LENINGRAD'S NEO-NORMANIST THEORY AND N.I. PLATONOVA'S PUBLICATIONS)

Serghei Tomsinsky
The State Hermitage
Russia, 190000, St. Petersburg, Dvortsovaya Embankment, 34
e-mail: s.tomsinsky@yandex.ru

Abstract

The Leningrad/Petersburg's Neo-Normanist theory is the focus of this paper where the author continues the study he started in his previous works. He views the Neo-Normanist theory as a special ideological and historiographical phenomenon of the late Soviet and post-Soviet archaeology and performs its analysis on the broad background of contemporaneous social processes. The author argues with N.I. Platonova, a representative of the neo-normanism who defends this theory from a critical scientific review.

Keywords: Ancient Rus, Varangians, historiography, archaeology, neo-normanism, anti-normanism.

* * *

Реакция глубокоуважаемой Надежды Игоревны Платоновой на полемику об «истоках и итогах» ленинградского неонорманизма была и вполне ожидаемой и, в общем, вполне предсказуемой, по крайней мере, по тональности – и по амплуа

историографа отечественной науки о древностях, и как преданной ученицы тех ленинградских исследователей, которые принадлежали к этому направлению в советской археологии, наконец, по статусу доктора наук. Положение – обязывает. Правда, Надежда Игоревна поместила свою статью не в Stratum+, на страницах которого и началась полемика, а в юбилейный сборник Л.С. Клейна под громким названием *Ex Ungue Leonem*, но заявила о желании «продолжить разговор» на эту тему, ибо, как выяснилось, «многие коллеги» представляют себе эти самые «итоги» развития направления, которое ей удобней именовать «ленинградской школой» – «слабо и неадекватно», а не ради полемики со мной (Платонова 2017: 220). Относительно бесперспективности полемики Надежда Игоревна абсолютно права: полемика может длиться сколь угодно долго, как правило, доводя участников до непозволительных срывов и взаимных оскорблений и безусловно развлекая аудиторию, а вот дискуссия – бесконечной и даже длительной быть не может: dixi et animam levavi. Посему краткой дискуссии нам не избежать.

Лейтмотив статьи Н.И. Платоновой – раздражение, местами с менторскими интонациями, впрочем, вполне извинительными и тривиальными. И все же я еще раз пересмотрел свой текст, хотя, разумеется, не собирался соглашаться с оппонентом: неужели я в самом деле написал такую глупость?! Слава Богу – нашел только один пункт, по которому могу полностью принять возражения Н.И. Платоновой, а именно, некорректное представление выводов М.И. Артамонова о пресловутом «каганате росов» и Гнездове. Отпираться бессмысленно – здесь небрежность, причем сугубая, и за заслуженное публичное сечение остается только поблагодарить Надежду Игоревну; впрочем, и у нее есть основания поблагодарить меня за эту ошибку, доставившую ей, надо полагать, некоторое удовольствие – приятно ведь «позвенеть золотом о медяк» (Томсинский 2014: 360; Платонова 2017: 214; Клейн 2010: 627)! Однако по остальным пунктам – у меня нет никаких оснований менять свою позицию, а стало быть, я имею право ответить. Правда, читатели этой моей статьи лишены возможности быстро соотнести два текста – но это не первый и не последний случай полемики в разных изданиях. Кое-что придется повторить из моего ответа на критику О.Л. Губарева и Л.С. Клейна, кое-что заострить и конкретизировать, коль скоро Н.И. Платоновой кажется, что «пафос критики ''ленинградского неонорманизма'' – как целостного явления, взятого в социальном контексте эпохи – по большей части, ''уходит в гудок''» (Платонова 2017: 213).

Начнем с ***жанра.*** Моя статья 2014 г. показалась Н.И. Платоновой никак не «научным рассуждением о проблеме», а чем-то «напоминающем эссе», причем «хлесткое, ядовитое и… бесконечно субъективное» (Платонова 2017: 203) Мне, разумеется, так не кажется, ибо по структуре, изложению, стилистике статья 2014 г. никак не соответствует такому определению – но, вероятно, у нас разные критерии «научности». Немного смешно, конечно – но вполне извинительно, по ситуации. Со своей стороны, позволю себе признать опус Надежды Игоревны, который сама она представляет как «*заметки на полях*» (Платонова 2017: 204), *филиппикой*, т.е., в

отличие от возражений Л.С. Клейна и О.Л. Губарева, на которые мне уже пришлось отвечать, именно обличительным полемическим выступлением – разумеется, без всякого негативного подтекста даже в намеке. Каждый, кто познакомится с этим текстом, полагаю, со мной согласиться. Соответственно, и мой ответ на это выступление должен по стилистике максимально приблизиться к тому жанру, в котором выступил оппонент, хотя я вполне владею тем «языком науки», который наш выдающийся историк Н.С. Борисов с полным основанием называет «иностранным языком» и на одном из диалектов которого и написана статья 2014 г. (Борисов 2004: 455). При этом, отвечая Н.И. Платоновой, я, должен признаться, не испытал ни полемического задора, ни тем паче поэтических восторгов: текст оппонента откровенно не вдохновляет ни на то, ни на другое: ничего нового, никаких «убийственных» контраргументов in essentia это выступление, слава Богу, не содержит.

Итак, поддавшись раздражению, Надежда Игоревна уже не заглянула в другую мою статью, опубликованную в 2016 г. в ответ на возражения Л.С. Клейна и О.Л. Губарева, в которой статья 2014 г. представлена как *конспект* книги, посвященной этой же проблеме, т.е. sui generis «заявление о намерениях» (Томсинский 2016: 369). Соответственно, некоторые замечания оппонентов – Л.С. Клейна, О.Л. Губарева, Н.И. Платоновой относительно недостаточной аргументации некоторых положений в статье 2014 г. нельзя не признать справедливыми: конспект есть конспект. Со статьей пришлось поспешить по ряду причин, а вот книгу пришлось придержать, отчасти потому, что текст еще нуждается в доработке (в том числе и после критики Н.И. Платоновой), отчасти потому, что такой презент к юбилею Л.С. Клейна был бы, что называется, перебором: все же и он – среди моих учителей, и ему я многим обязан. Что касается «*ядовитости*»… возможно, в статье 2014 г. различим некоторый привкус яда (хотя скорее – горечи), но уж явно не в той концентрации, как например, в том же «Споре о варягах» или тем более мемуарах самого Л.С. Клейна, которые, не будучи «научным рассуждением», тем не менее, весьма выразительно характеризуют нашу науку советского периода, а стало быть, и являются фактом науки. Так что, если уж на то пошло – не я начал первый. Тем не менее, я очень старался в тексте статьи избежать – и, как показал повторный просмотр этого текста, избежал – жестких характеристик и острых формулировок. А вот в книге, которая, если обстоятельства сложатся благоприятно, дойдет до читателя, а если неблагоприятно – должна дойти тоже, этого избежать, разумеется, не удалось, так что, Надежда Игоревна, обличительный пафос и негодование лучше поберечь для ограждения аудитории от «неадекватного» понимания «истоков и итогов». Кстати, и сносок в книге на поживу – гораздо больше, чем в статье.

После этих необходимых уточнений перейдем к сути тех «крутых расхождений», между нами по вопросу «истоков и итогов», которые декларировала Надежда Игоревна. Сосредоточимся на трех самых важных пунктах расхождений.

Идеология и идеологемы. Особое негодование Н.И. Платоновой вызывает мой вывод о том, что «проблема ленинградского неонорманизма, как и любого другого направления в познании отдаленного прошлого состоит в том, почему, когда и как именно те или иные интерпретации результатов исследований тех или иных памятников утвердились в науке» (Томсинский 2014: 358). Как такое возможно?! «Таким образом, научный процесс предстает перед нами как всецело обусловленный ненаучными факторами. Процесс построения моделей приобретает доминирующее значение, степень их соответствия реалиям полностью остается за скобками. Не знаю даже, вполне ли С.В. Томсинский отдает себе отчет в том, что написал?» (Платонова 2017: 207). Я – отдаю себе отчет в том, что написал, ибо «ненаучные факторы» по Н.И. Плтоновой – это идеология. А идеология – это мировоззрение субъектов, объединенных в разные социальные группы с весьма различными, порой полярно противоположными интересами. Отрицать *решающее* значение мировоззрения исследователей на развитие тех или иных концепций – нонсенс. Мировоззрение, в том числе и его эстетическая компонента, и порождает формулы-идеологемы, вот и все. Если это не так, если мировоззрение во всей его сложности или кажущейся простоте – не важнейшая составляющая науки, в том числе и на уровне интерпретаций, то почему же тогда Л.С. Клейн начинает каждый раздел «Истории археологической мысли» с «ненаучных факторов» – например, рассуждения о постмодерне в археологии предваряются характеристикой о трансформации капитализма, предполагающих серьезнейшие идеологические метаморфозы? (Клейн 2011: 341-342). И зачем вы сами, Надежда Игоревна, пишете пространные историографические обзоры? Чтобы услышать, кто первым что сказал? Или все же чтобы понять, почему он сказал именно это и именно тогда, когда сказал? Исследователь не просто «живет не в безвоздушном пространстве» (Платонова 2017: 208) – он дышит тем воздухом, который «надышал» вокруг него социум, к которому исследователь принадлежит, ибо ни воздухом отдаленного прошлого, ни воздухом будущего дышать, увы, невозможно. Так что – идеологемы остаются идеологемами, а парадигмы – парадигмами. Это, конечно, отнюдь не означает, что в моделях-реконструкциях исторической действительности «степень их соответствия реальности остается полностью за скобками» (Платонова 2017: 207). Никоим образом! Коль скоро *предметом исследования* как раз и являются источники, сохранившие информацию об исторической действительности, но эти источники в подавляющем большинстве – неоднозначны и допускают различные истолкования.

Ну а как, собственно, самой Н.И. Платоновой представляется процесс возникновения того «ленинградского направления», которое она отказывается признавать неонорманизмом?

А вот как. Н.И. Платонова полагает, что представленные мной в статье 2014 г. факторы актуальности возникающего направления – «в лучшем случае сопутствующие обстоятельства, которые не способны объяснить: а) бьющего в глаза гиперкритицизма данной концепции в решении всех вопросов, связанных с

проблемой славянизации Восточной Европы (и Северо-Запада в особенности); б) особой привлекательности этого гиперектицизма для ''шестидесятников''. На мой взгляд, основой, его породившей, послужил общий разоблачительный настрой эпохи – не только молодежи, но и части старшего поколения. После разоблачения сталинщины пошло повсеместное низвержение идолов. Его отражением в археологии явилось создание концепций, стремящихся ревизовать старые материалы с позиций строгого подхода… Вот только в арсенале доказательств, по сути, не было ничего, кроме преемственности, прослеживаемой ретроспективно. Представления о культурных трансформациях без смены населения, о возможности рождения новых традиций на основе взаимодействия старых вообще не рассматривались. Они были скомпрометированы недавним господством марризма. Да, это было очищение. Новый подход был весь проникнут пафосом поисков абсолютно достоверного. Он целенаправленно выявлял лакуны в материале, заострял внимание на сложностях, которые ранее могли затушевываться или замалчиваться. И в этом заключалась его актуальность для своего времени. Однако, как часто бывает, в пылу полемики не обошлось без двойных стандартов. Только на сей раз во всех спорных случаях доминировало утверждение неславянского происхождения раннесредневековых древностей» (Платонова 2017: 215-216).

Отрадно, что мои характеристики предпосылок возникновения ленинградского неонорманизма удостоены замечания «*в лучшем случае*» – а в «худшем»? Вообще – нечто не имеющее отношения к делу? Спасибо и на этом. *Прежде всего* «гиперкритицизм»? Пусть так – *вы* это сказали!

Ну и что в итоге? Оказывается, направление породило *тектонические сдвиги в идеологии социума* («разоблачение сталинщины» – вообще-то, если уж на то пошло, *сталинизма*), затем началось вдохновенное самоутверждение дождавшихся своего часа «ниспровергателей идолов» – а на третье – собственно, остается «строгий подход»? Насколько этот подход оказался «строгим» – разговор особый, не здесь и длинный. Могу лишь заметить, что «*строгий подход*» должен был бы привести исследователей к осознанию неоднозначной информативности археологических источников – а не к перелицовке этих источников «из славянского в неславянское» и уж тем более не к самозабвенным подсчетам численности скандинавов в Восточной Европе: «*больше-меньше*». Но время «строгих подходов», т.е. время скепсиса – еще не пришло. Посему в самом деле «перелицовка» была неизбежна. Нельзя не отметить, с какой легкой снисходительностью констатируется Н.И. Платоновой очевидная несостоятельность «перелицовки» мол, причина всему «марризм, скомпрометировавший некоторые интерпретации источников» и «пыл полемики».

Тем не менее, здесь между нами как будто не должно возникнуть никаких «крутых расхождений», именно так я и представляю себе истоки ленинградского неонорманизма из концепции И.И. Ляпушкина – М.И. Артамонова. Более того, в статье 2014 г. как раз и констатируется, что ленинградский неонорманизм – «или

ленинградское направление» по Н.И. Платоновой – есть одно из ярких и вполне типичных sui generis демонстраций «шестидесятничества» (Томсинский 2014: 356).

И однако – расхождения налицо. Во-первых, расхождение именно *идеологическое*. Ибо для меня «мифология шестидесятников», достаточно богатая и интересная sui generis, закончилась в 1990-е. И никакой «высоты времени» в этой мифологии эпохи «свержения идолов» я, в отличие от Н.И. Платоновой, не вижу (Платонова 2017: 218). А вижу – в полном согласии с А.И. Фурсовым, позаимствовавшим этот образ у Ю.В. Тынянова, «*винное брожение*» советской интеллигенции, которое в самом скором времени перейдет в «*уксусное*» и «*гнилостное*» (Фурсов 2006: 68). А для Надежды Игоревны, судя по всему, эта мифология остается не только доселе актуальной, но и достойной продолжения в реалиях постсоветской России. Как и для В.А. Назаренко, который – хоть и вне России – спустя десятилетия все не может забыть «идиотов из парткома истфака ЛГУ» и «гэбистские традиции» (Платонова 2017: 218). Актуальной и как противоядие от всего ныне происходящего, и просто потому, что этому самому «ленинградскому направлению», сиречь ленинградскому неонорманизму наша генерация действительно обязана всем. Увы – не поможет! Времена не те!

Посему и кажется Н.И. Платоновой, что «пафос критики ‘’ленинградского неонорманизма’’ – как целостного явления, взятого в социальном контексте эпохи – по большей части, ‘’уходит в гудок’’»: мы просто по-разному видим и оцениваем этот самый «контекст эпохи», только и всего.

Во-вторых, что не менее важно, расхождение присутствует в представлениях о том, что такое «наука» – «если она наука» (Платонова 2017: 208). Рассуждения Н.И. Платоновой о «сухих остатках» научных концепций, которые используются «в совершенно иных социальных контекстах» вполне соотносится с позицией Л.С. Клейна: «Дело-то в том, что пьяные и ханжески настроенные ученые (даже будь то преступники) действительно не дискредитируют науку и даже могут что-то полезное в ней сделать. Наука ведь не зависит от личностей, которые ее делают. Их нравственность лежит в другой сфере. Вот использование их результатов – оно зависит от личностей» (Платонова 2017: 208; Клейн 2010: 559-560). В точных и естественных науках проблема «полезного» и «сухих остатков» куда острее, чем в науках общественных. Вспоминается разговор с одним физиком, пресерьёзно утверждающим, что команда Р. Оппенгеймера – не несет ответственности за испарившихся детей Хиросимы и Нагасаки – ведь «использовал-то» результаты титанического научного поиска генерал К. Лемэй со товарищи! Можно вспомнить и другие имена ученых мужей, подвизавшихся на поприще естественных наук – результатами их активной деятельности активно пользуются до сих пор, притом, что сами они – как побежденные в той войне – признаны военными преступниками. Более того – и деятельность их объявили «вне науки», а как же! А «полезными сухими остатками» дорожат до сих пор – под грифами «секретно»! Можно вспомнить респектабельных докторов викторианской Англии, в интересах науки

отнюдь не в неведении анатомировавших не только тела, похищенные из могил ушлыми гробокопателями, но и тела убитых «поставщиками науки» детей и взрослых из трущобных районов английских городов. И т.д. и т.п.

Для меня наука как один из видов познания прошлого и настоящего, т.е. адаптации человека в окружающем его мире, не существует вне сознания, нравственности и ответственности тех, кто ее создает под воздействием самых разных факторов жизни общества и соей личной жизни. И не важно, ведают что творят или не ведают – как правило, кстати, ведают! Но даже если «логика обстоятельств пересиливает логику намерений» – это ничего не меняет. Именно поэтому историография не деловито «оценивает сухие остатки», которыми можно потом пользоваться в совершенно иных контекстах, а представляет деятельность исследователя именно в контексте того времени, которому он принадлежит – и объясняет нам, почему мы готовы воспользоваться именно тем или иным «сухим остатком» и каковы могут быть последствия, а без последствий никогда не обходится. Потому что *«сухих остатков» – быть не может* ни в точных науках, ни тем более – в естественных, ни в общественных, как бы нам того ни хотелось. Иначе историография просто не нужна: зачем вам их биографии, характеристики той или иной эпохи, в которой они подвизались, просто читайте труды самих исследователей, фильтруйте «осадки» по собственному разумению – этого вполне достаточно: о! это мне подходит! этот инструмент я могу использовать! это, наконец – красиво! И этого – вполне достаточно? Но то, что Н.И. Платонова называет «сухим остатком», а Л.С. Клейн дипломатично признает «*полезным*» – на самом деле не инструмент, которым мы пользуемся, а некое химическое соединение, которое мы принимаем и которое, будучи принятым, будет воздействовать на наше сознание с той или иной интенсивностью. И не надо бравировать иммунитетом, «здравого смысла» и «иного контекста»: нет у нас такого иммунитета и быть не может, воздействие будет!

Так что остаюсь при своем: и при безусловном уважении к нашим учителям, и при своей характеристике ленинградского неонорманизма, рассматривая это направление в отечественной науке о древностях в едином векторе, без оговорок о «состояниях психики». И никакого противоречий в таком подходе здесь не вижу.

«***Состояния психики***». Кстати, о «состояниях психики». Дважды в тексте Н.И. Платоновой возникает эта любопытная тема. В одном случае – «состояниями психики» с милой небрежностью объясняются «исключения из ряда» ленинградских археологов, придерживавшихся «деловой и взвешенной» позиции «по отношению к скандинавским материалам в древнерусском культурном контексте» (Платонова 2017: 209). В другом случае – Надежда Игоревна вспоминает Н.Я. Марра, которого «подмена системы логических доказательств озарением… в сочетании с некритическим отношением к себе и большой силой эмоционального убеждения» довела до безумия, а «российскую науку загнала в тупик» (Платонова 2017: 204). В обоих случаях намеки понятны, но – воля ваша, тенденция усматривается

небезопасная, ибо хотим мы того или нет, а точные диагнозы могут выставлять все же не оппоненты и рецензенты, а психоневрологи и психиатры. В противном случае можно зайти далеко, ибо, как заметил еще Сенека – *non est magnum ingenium sine mixturae dementiae*. Добавим от себя – *eheu! et tamen parvum ingenium*. Что довело Н.Я. Марра до психического расстройства и вообще имело ли место таковое, в какой степени – дело специалистов – что, конечно, никак не меняет характеристику марризма. Вообще-то не все здесь так просто, как кажется на первый взгляд: ведь «состояния психики» меняются все на той же почве: на шведской… на датской… на *критицизме*, который в редчайших случаях себе отмеряют той же мерой, что и другому, или вовсе не отмеряют. И меняются – если уж меняются! – не спонтанно, а с разной степенью постепенности. И кто определит, когда это «состояние» уже определенно наступило? И как мы будем в такой заманчивой перспективе полемизировать и дискутировать? На каком этапе полемики начнем крутить пальцем у виска?

«Неонорманизм» или недоразумение? – вопрошает Н.И. Платонова, в который раз доказывая, что именно «недоразумение» здесь имеет место быть. Тем более, что, оказывается, «сейчас» (sic!) «этот ярлык могут приклеить всякому, кто посмеет признать хоть незначительную скандинавскую примесь в составе элиты Древней Руси» (Платонова 2017: 208). Idem per idem! Принятие основных положений «норманнской теории» и ожесточенное отрицание норманизма – credo тех исследователей, которые образовали «ленинградское направление» (по Н.И. Платоновой) с 1970-х гг. В конце концов, договорились и до полного отрицания норманизма как такового. Норманистов и норманизма – «не было», это был всего лишь «жупел», изобретенный советской наукой, «как прочие -измы». А вот антинорманизм – был и есть, хотя «как научная концепция давно мертв, но как позиция будет возрождаться не однажды» (Клейн 1999: 100). Правда, в том же номере Stratum+ Е.Н. Носов публикует цитату из письма В.О. Ключевского, в которой представляются «норманисты и роксоланисты» (Носов 1999: 113). Стало быть, хотя бы термин «норманист», который должен же определять некое понятие по объему и содержанию, был в обороте задолго до пришествия советской идеологии и советской науки. И если не «норманизм», то уж «норманиста» – как и «*кулака*», кстати – придумала не советская власть. Впрочем – бывают ведь и понятия с ложными или неопределенными объемами и содержаниями, бывают понятия-маски. И что тогда? Какой, однако хороший пример *строгого подхода* к терминологии, характерного, если верить Надежде Игоревне, для «ленинградского направления» изначально! Е.Н. Носов в той же статье 1999 г. предлагает: «Что же касается определений ''норманизм'' или ''антинорманизм'', то, стремясь избегать недопонимания иди двусмысленности, я бы старался их избегать, поскольку они отягощены ''богатым'' наследием и, строго говоря, к академической науке (*sic!*) отношения не имеют» (Носов 1999: 117). То есть – может быть, оно и есть, может быть, нет – но лучше… не обострять.

Не обострять – что? Что пытаются скрыть под гримом «академической науки»? Явно не родословную «ленинградского направления», сиречь ленинградского неонорманизма, коль скоро и Л.С. Клейн, и Г.С. Лебедев, и сама Н.И. Платонова эту самую родословную, идущую от «оттепели» первой половины 1960-х гг. и не думают скрывать. Тогда – в чем дело?

В поисках ответа на этот вопрос заглянем в тот же номер 5 Stratum+ за 1999 год, в котором опубликованы цитированные выше статьи Л.С. Клейна и Е.Н. Носова, и обратимся к статье Г.С. Лебедева, в которой признанный лидер «ленинградского направления», «генератор идей» представляет свою ретпроспективу и перспективу этого самого направления. Статья начинается чеканной формулой: «Варяжский вопрос – начальный, а потому ключевой вопрос российской истории, следовательно, отечественного самосознания. Археология – средство объективации этого самосознания, основанного на историческом знании» (Лебедев 1999: 102). Ни убавить, ни прибавить! Ибо из этой формулы уже следует, что «варяжский вопрос» не сводится к «присутствию и количеству» скандинавов в Восточной Европе – эти сюжеты национальному сознанию вполне безразличны. Причем именно *начальность* варяжского вопроса для истории России в формуле Г.С. Лебедева определяет его значимость. Это – не норманизм, а просто *честность исследователя*, основывающего свои построения на фактах? Допустим. Идем дальше по тексту обзора Г.С. Лебедева и узнаем, что главным результатом деятельности «ленинградского направления» в эпоху «брежневской разрядки (детанта)» была концепция особой северно-европейской полиэтничной и мультикультурной общности, «балтийской цивилизации раннего средневековья». При этом Глеб Сергеевич искренне полагал, что эта концепция «снимает жесткую альтернативность норманизма и антинорманизма» (Лебедев 1999: 106). Здесь не место погружаться в критику этих построений и уточнять, что имели в виду их авторы, и правомерно ли, даже констатировав неизбежное взаимопроникновение разных культурных традиций соседних этносоциумов, уверенно и пафосно рассуждать об *общности*. Достаточно признать, что Г.С. Лебедев полагал: «внутрикультурный диалог, начатый русскими археологами середины 1970-х, десятилетие спустя позволил дать адекватный ответ на вопрос о ''месте России в Европе'', начиная с эпохи становления Европы как историко-культурного целого. Суть этого ответа – констатация Балтийской историко-культурной общности, продуктивной до наших дней, оказалась весьма актуальной в условиях горбачевской ''перестройки'' 1986-91 гг.» (Лебедев 1999: 106). И здесь абсолютно понятно, в каком «небезвоздушном пространстве», действует «ленинградское направление» – впрочем, уже не «ленинградское», а гордо «петербургское»! Однако обратим внимание на нечеткость определения обнаруженного феномена: то это «общность», или даже «цивилизация» (конечно, в кавычках), хотя представлена даже графическая модель «общности» – «цивилизации» (Лебедев 1999: 105). Снова *строгий подход*. Во всяком случае, Верхняя Русь, или «Русь Рюрика», т.е. некое образование, *заявившее о себе с появлением варягов-*

скандинавов в Восточной Европе еще в VIII в., есть часть этой «общности» – «цивилизации» (Лебедев 1999: 104). Но «силовой центр» реконструируемой «общности» – «цивилизации» – «единства» находился, конечно, на юге Скандинавии и «лидировал в региональных процессах» со времен петроглифов эпохи поздней бронзы (Лебедев 1999: 109). Ну а дальше – автор статьи задается главным для него вопросом: «произойдет ли необходимое преобразование «РР' – РР''», т.е. «Руси Рюрика» в «Реформируемую Россию» 1990-х гг. (Лебедев 1999: 109). Что и требовалось доказать – Г.С. Лебедев, мало озабоченный чистотой «академической науки», вполне откровенен: вектор «ленинградского направления», или *Warangici* по Г.С. Лебедеву – сиречь ленинградского неонорманизма, проложенный от исходной точки – дискуссии 1965 г., упирается в «горбачевскую перестройку» и короткий постперестроечный период интеллигентских упований на «европейский дом», к 1999 г., впрочем, уже вполне изжитых.

Наконец, напомним еще один источник – некрологи трагически погибшему Г.С. Лебедеву. Это, конечно, особый жанр, но весьма выразительный, хотя, конечно, и не «научное рассуждение». Предоставим читателю судить, может *ли не быть* норманистом тот, кого, провожая в последний путь, называют «*конунгом, скальдом и викингом*»? (Мачинский 2004: 12). Разумеется, в реальности Глеб Сергеевич не был ни тем, ни другим – но ведь его *таким* видели! И не только Д.А. Мачинский и С.Л. Кузмин! Кстати – в одном из некрологов есть и упоминание о «европейском доме», в который, как полагал Глеб Сергеевич, Россия должна вот-вот попасть: «Тогда, в 1980-91 гг., он глубоко и наивно верил в то, что года через два-три мы будем жить в едином Европейском доме, в единой новой Европе, а балтийская цивилизация и балтийское единство станут политической реальностью. Не раз на мои осторожные замечания о том, как осуществить те или иные контакты, Глеб Сергеевич так мне говорил: ''Ну, к тому времени мы уже будем в едином Европейском доме''» (Герд 2004: 18).

А вот еще картинка с натуры, проясняющая многое. Предоставим снова слово С.Л. Кузьмину: «Летом 2003 года, в год 300-летия Санкт-Петербурга, родного города Г.С. Лебедева, без которого он себя не мыслил и не жил в нем, а ощущал себя частью его плоти, в Неву вошли корабли викингов. Их живописный лагерь раскинулся у стен Петропавловской крепости, а на песке пляжа встали копии рунических камней. Как на торжищах тысячелетней давности, зазвучала норвежская, шведская и русская речь. Среди всего этого расхаживал Глеб. Круг времен замкнулся, мечта сбылась, а земная жизнь, увы, скоро закончилась» (Кузьмин 2004: 25).

Потому и неонорманизм, что старое вино разливают в новые мехи. Потому и *нео*норманизм, что старое, в сущности, вино пытались влить в новые мехи. Чтобы опровергнуть «устаревший норманизм» с его «экспортом государства» вовсе не обязательно доказывать славянство Рюрика со товарищи, как это делают антинорманисты, сильно обогатившие историографию по этой теме. Достаточно просто усомниться в существовании самой «основанной варягами» древнерусской

государственности. Разумеется, в XVIII-XX вв. такая концепция звучала бы куда оскорбительней норманизма – но сейчас-то она, оставаясь по-прежнему крамольной для разнокалиберных «имперцев» набирает силу, привлекая еще и тем, между прочим, что снимает и отнюдь уже не смешные украинские претензии на «первородство» и «культуртрегерство». Стоит перелистать толстый том монографии А.Ю. Дворниченко, чтобы представить себе и ретроспективу, и перспективу этой проблематики (Дворниченко 2014). А вот раннесредневековый «европейский дом» той или иной площади – циркумбалтийский он там или даже попросторней – конструкция, представлявшаяся во второй половине XX в. и пока более устойчивой и по мере, ибо в этой конструкции чья-то государственность – вообще не главный элемент. Потому и «суровая героика» исландских саг характеризуют менталитет не только норманнов, но и всего «северного средневековья» (Платонова 2017: 206).

Вот этот вектор ленинградского неонорманизма, направленный к вожделенному «европейскому дому», в самом деле имеет смысл «не заострять». Во-первых – по старой традиции отрицания идеологической ответственности. А во-вторых, и в 1999 г. это уже становилось вполне очевидно, в «европейский дом», как выяснилось, не пустят (и не обещали!), да и «дом»-то – не очень уже *тот*, не очень и «европейский», этакое qui pro quo, хотя фасады еще держатся.

Впрочем, поскольку представители «ленинградского направления» иногда все же – при благоприятном стечении обстоятельств – представляют себя «норманистами», Надежда Игоревна приводит довольно странный аргумент: оказывается, «периодическое проскакивание» самохарактеристики как «*норманистов в кавычках*» вызвано необходимостью отличать себя от оппонентов, «раз более тонких отличий терминологии не выработано». Снова «*строгий подход*», что и говорить (Платонова 2017: 209). И к терминологии, определяющей объемы и содержания понятий, и к дефинициям.

Тем не менее, Надежда Игоревна полагает, что относительно наших учителей подозрения в неонорманизме не просто безосновательны, а чуть ли не оскорбительны и «песенное творчество В.П. Петренко» – «не доказательство» (Платонова 2017: 210). И даже цитирует мои собственные рассуждения относительно присутствия скандинавов в раннесредневековом Угличе, представляя меня «закоренелым норманистом», коль скоро я это самое присутствие вполне признаю. И констатирует: «Именно такая, деловая и взвешенная, позиция по отношению к скандинавским материалам в древнерусском культурном контексте, была характерна для подавляющего большинства работ ленинградских (петербургских) археологов-медиевистов второй половины XX в.» (Платонова 2017: 209). Да, для меня присутствие скандинавов в раннесредневековой Восточной Европе с VIII в. – факт доказанный. Но, во-первых, необходимо максимально четко определить масштабы этого присутствия – не в стилистике саг или летописей, коль скоро вы ратуете за *строгий подход*. Во-вторых, признание присутствия скандинавов в Восточной Европе, и рассуждения о численности скандинавских популяций на этой огромной

территории, и даже цитаты из скандинавских саг могут включаться в совершенно различные гипотезы и концепции, не только в норманизм или антинорманизм. Для меня варяжский вопрос – *не ключевой* и, соответственно, *не определяющий отечественное самосознание*, независимо от этнической принадлежности летописных варягов. И еще – я полагаю, что место исследователя науке не «редут – позиция, которая позиция пока её атакуют и защищают» (Клейн 2010: 626), а всего лишь ниша, в которой мы оказываемся по самым разным объективным и субъективным причинам. Ниша может быть просторной или тесной, но она – твоя и рано или поздно она, увы, просто опустеет и… перечитывайте почаще Екклезиаста, дамы и господа, и взвешивайте свои потенциалы. А то глядь – недавние задорные защитники редутов куда-то «*тащат тяжелый воз*» (Платонова 2017: 207) – кстати, *что* и *куда* тащат?

Разумеется, никаких «*ярлыков*», там паче «*обвинений*» в норманизме или антинорманизме быть не может. Это – отголоски мифологии «героических времен», отзвуки «звона тимпанов» приснопамятной «дискуссии 1965 г.» Никто ни в чем ни перед кем ни виноват, коль скоро нельзя *обвинять* в мировоззрении – что, разумеется, никак не исключает полемики и дискуссий, в которых каждая сторона не убеждает и не «громит» оппонентов, но проверяет свою аргументацию, чтобы еще более увериться в своей правоте. Для меня тема ленинградского неонорманизма важна именно в том контексте, который я обозначил.

Об эстетическом начале, фольклоре и постмодерне. Процитировав мой вывод о нарастании эстетической компоненты в ленинградском неонорманизме, ведущем, в конечном счете, к явному перевесу интуиции и мистики (Томсинский 2014: 363-364), Н.И. Платонова пускается в цитирование известного эпизода из «Саги о Ньяле»: «Ну что, дома ли Гуннар?» – «Сами узнаете. Я знаю только, что копье его дома». Уж не намек ли на то, что «*копье Гуннара дома*», что есть кому сбросить «*поднявшегося на крышу*»? (Платонова 2017: 206). Разумеется, тогда эти образы – увлекали. Но в статье 2014 г. речь шла и не в первую очередь обобщениях в стиле «монументального историзма», по сути своей сугубо эстетической «внемасштабности» этих построений, порожденных не сагами, а стремлением к достоверности и как раз тем самым «гиперкртицизмом». И вот этой внемасштабности отдали дань все представители направления. Этот «монументальный историзм» присутствует во всех обобщающих работах ленинградских неонорманистов и восходит, надо полагать, к обобщениям учителей – представителей старшего поколения ленинградских археологов: к той самой концепции М.И. Артамонова, в которой представлена широкая экспозиция раннесредневековой Восточной Европы, к лекциям П.Н. Третьякова. Эта же внемасштабность, вдохновившая некогда первых питомцев М.И. Артамонова и Л.С. Клейна, как я отметил в конце статьи 2014 г., сделала, в конечном счете, их реконструкции исторической действительности уязвимыми.

Что касается «*копья, которое дома*»… так где тот *дом*, на крышу которого стоит забираться? Тот дом, когда-то «длинный» – давно… даже не сгорел, да никто его не поджигал, а просто рассыпался. Под воздействием крайне неблагоприятных внешних факторов.

«Фольклорная тема» в характеристике ленинградского неонорманизма также раздражает Н.И. Платонову (Платонова 2017: 211-212). Вообще-то Надежда Игоревна сама признавала особую роль в формировании научной школы «чувства цеховой солидарности, общности коллективной памяти – «научного фольклора», формирующего образ данной школы» (Платонова 2010: 18). Но дело даже не в этом: определение «научного фольклора» в приведенной выше цитате достаточно расплывчато, чтобы понять, о чем конкретно идет речь – дело просто в том, что «в каждой шутке есть доля шутки». Песенный фольклор, который как застольная беседа – всегда нетрезв, и, именно по этой причине может характеризовать истинные настроения носителей куда выразительней, чем любые нефольклорные жанры. Посему к фольклору традиционно относятся всерьез не только спецслужбы всех времен и народов – но и вполне серьезные исследователи: этнографы, историки, да и археологи. Тем более, если речь идет о периоде, когда те же археологи, по авторитетному заключению Л.С. Клейна, так конспирировали свои истинные взгляды, что читать их опусы нужно было исключительно между строк (Клейн 1993: 81-89). Полагаю, что вопрос о «Гимне оголтелого норманизма», каковы бы ни были обстоятельства его сочинения и прочих стихотворных и песенных опусах на норманнские темы можно закрыть – они возникли не на пустом месте. Это, если хотите – *косвенные* улики, но улики вполне конкретные, отмахиваться от которых бессмысленно и бесполезно.

Следует отметить, что и «шестидесятникам» XIX в. было свойственно утвержденное авторитетом и обаянием любимых наставников эстетическое восприятие прошлого, правда, несколько с иными результатами. Н.И. Платонова вспомнила о лекциях Н.И. Костомарова, собиравшего огромные аудитории. Так и было. И вот 12 апреля 1861 г. цензор и профессор А.В. Никитенко, сам выходец из крепостных, хорошо понимавший, как говорится, «что почем» и называвшей все царствование Николая I «*ошибкой*», отправился на экзамен в Императорский Университет. И констатировал в своем дневнике: «*Они совсем не знают – и чего не знают? – историю своего отечества. В какое время? Когда толкуют и умствуют о разных государственных реформах. У какого профессора не знают? – у наиболее популярного, которого они награждают одобрительными криками и аплодисментами. Кто не знает? – Историко-филологи, у которых наука считается все-таки в наибольшем почете и которые слывут лучшими студентами*» (Никитенко 1956: 184). На том же экзамене один из этих «лучших студентов потряс» и позабавил экзаменаторов незнанием существования в Московском царстве патриархов и места погребения московских царей (!). Впрочем – этим балбесом был приснопамятный Д.И. Писарев. Случай особый. Но – критицизма и у этих было хоть отбавляй!

Конечно, А.В. Никитенко – предубежден, как представитель старшего поколения, но все же не настолько, чтобы кардинально исказить картину. Конечно, советские студенты по вполне объективным причинам учились много прилежнее и к нашей теме этот эпизод непосредственного отношения не имеет. Однако, как один из вариантов результата доминирования эстетической компоненты в учебном процессе представляет несомненный интерес – бывает и так.

Насколько можно понять из текста Н.И. Платоновой, значительно большее возмущение, чем даже констатация преимущественно эстетического восприятия древностей в ленинградском неонорманизме, у нее вызвало отнесение завершающего этапа развития этого направления к постмодерну (Платонова 2107: 205-207). Оно и понятно: ведь ленинградские археологи, по ее мнению, изначально были ориентированы на поиски «абсолютно достоверного», а отклонения от этого поиска Надежда Игоревна легко объясняет индивидуальностью того или иного исследователя, вплоть до «состояний психики». Более того, по доброй древнерусской традиции («*сам еси таков*!») Н.И. Платонова и меня уличает в постмодернизме, а именно, в «представлении мира и культуры как совокупности текстов» (Платонова 2017: 207). Но у Надежды Игоревны не было возможности выяснить мое представление о «мире и культуре» – эти вопросы в статье 2014 г. не рассматривались. А вот то или иное направление в науке «на выходе», на уровне интерпретаций, действительно представляет собой тексты, причем, как правило, насыщенные цитатами из других текстов самого разного содержания, в том числе и более ранних текстов того же автора. Эти тексты – в нашем случае тексты отчетов о раскопках и разнокалиберных публикаций – разумеется, не появляются «ниоткуда» хотя бы по той простой причине, что текст не может породить сам себя – ничего подобного в статье 2014 г. я не утверждал. Тексты ленинградских неонорманистов, как и тексты представителей других направлений в археологии, разумеется, отражают развитие представлений авторов об отдаленном прошлом, порожденных совокупностью исходных данных, а именно, материалами исследований в охарактеризованном выше социально-личностном контексте – тем они и интересны.

Относительно времени и обстоятельств неизбежного появления постмодернистских тенденций в общественном сознании, в т.ч. и в науке позднесоветского социума можно рассуждать долго и много, чем давно и занимаются философы и культурологи. Не стоит утяжелять текст и библиографию ссылками на эти работы, чтобы не уходить далеко от темы. Полагаем, здесь вполне достаточно сослаться на блестящий анализ постмодерна в европейской археологии у Л.С. Клейна, к которому практически нечего добавить. Определяя предпосылки этого феномена, Л.С. Клейн с полным основанием констатирует: «Утеряна вера в идеологию, обещавшую нам контроль над силами, которые формировали обстановку и жизнь, которые превращали мир в систему, подчиняли жизнь познаваемым законам и правилам. Утеряна вера в серьезную науку, все это обосновывавшую» (Клейн 2011: 342). Все верно! Но ведь смертельные удары по идеологии советского социума –

каковой был не «марксизм-ленинизм», а вполне традиционный для России государственный патриотизм, были нанесены хрущёвщиной именно в 1960-е, буквально накануне явления ленинградского неонорманизма: XX съезд, «соревнование с Америкой», которую надо было «догнать и перегнать», наконец, назначение календарной даты наступления коммунизма. Могла ли наука о древностях остаться в стороне от этих процессов? Ex officio не могла, и сам Л.С. Клейн в цитированном курсе истории археологической мысли приводит эпизод с уличением диссертантом его самого, уже давно увлеченного иными проблемами археологии, в постмодернистских положениях, от которых Лев Самойлович не отказывается (Клейн 2011: 380). В этом контексте мог ли и ленинградский неонорманизм, зародившийся как раз после первого удара по идеологии советского социума, удержаться на стезе поисков «абсолютно достоверного», независимо от «состояний психики» отдельных исследователей? Очевидно, не мог – увы, вектор «европейского дома» просто должен был совпасть с вектором постмодерна – хотя бы потому, что сам образ «Европейского дома» принадлежит постмодерну.

Дискуссия 1965 г., по мнению Н.И. Платоновой, представлена мной в статье 2014 г. совершенно пристрастно, как «миф из ямы кризиса» (Платонова 2017: 216-218). Разумеется, в статье я не мог подробно анализировать главный на сегодняшний день источник по этому сюжету- воспоминания Л.С. Клейна и опубликованный текст его выступления, что и дало отчасти повод для столь резкого вывода уважаемого оппонента. Отчасти – потому что в данном случае раздражение явно вызвал сам факт покушения не только на переосмысление одной из самых значимых мифологем ленинградского неонорманизма, но и на нашу общую память о невозвратных лучших годах. «Помню, как Л.С. Клейн и Г.С. Лебедев в середине 1970-х гг. зачитывали нам, студентам, большие фрагменты своих старых записей. Это немало способствовало тому, что вся атмосфера семинара первой половины – середины 1970-х гг. была пропитана духом победы. И еще – уверенностью в том, что нам предстоит своими руками делать ''настоящую науку''. Конечно, жизнь многократно вносила коррективы в наши юношеские оценки и самооценки. Ну и что? Разве могло быть иначе? Разве когда-нибудь бывало иначе?» (Платонова 2017: 217). Все верно! Так оно и было! И впору, и в пору! Однако мы, как-никак, давно уже не студенты, которым можно «зачитывать фрагменты», поддерживая «критицизм» и «дух победы» и уповать на «настоящую науку». И поскольку подробный анализ введенных в научный оборот источников на сей счет мной все же проделан, вопреки уверенности Н.И. Платоновой, хотя и не мог быть помещен в статью 2014 года (Платонова 2017: 218) – могу вполне спокойно возразить Надежде Игоревне.

Никакого «выворачивания» в моей характеристике «дискуссии» нет – есть лишь правильное масштабирование события и вполне рутинная критика источников. Никакие «новые факты» здесь просто не нужны – фактов достаточно. Начнем с того, что во всех трех версиях – версии Л.С. Клейна в двух редакциях, в мемуарной и в «Споре о варягах», версии Г.С. Лебедева и, наконец, представленной

Н.И. Платоновой версии В.А. Назаренко – обнаруживается и недосказанность, частично, вероятно, обусловленная недопониманием или нежеланием понять, что же произошло, и элементы мистификации. Недосказанность, впрочем, можно объяснить и тем, что вспоминали postfactum. А вот мистификация… В изложении Л.С.Клейна – все начинается со «*слухов*»: «слухи» о семинаре дошли до партбюро, «по слухам» был уже готов приказ об увольнении Л.С. Клейна с санкции парткома (Клейн 2010: 140). Слухи, слухи… *строгий подход* – на веру… Н.И. Платонова пытается сама конкретизировать версию Л.С. Клейна – но в том же стиле: «А до этого было одно: детальный аналитический разбор ''норманнской проблемы'', написанный Л.С. Клейном ''в стол'' и периодическое использование этих материалов на лекциях. Возможно, направленность обзора кого-то начала беспокоить…» (Платонова 2107: 219). «Возможно», «кого-то»… опять «*строгий подход*»? Сошлемся на 11 заповедь «участникам археологического семинара 1964-95 гг. чеканки» от Л.С. Клейна: «Берегись допущений. Вероятность – это лестница со скользящими ступенями, эскалатор. Не заметишь, как очутился на другом этаже. Очевидно – значит, вероятно, вероятно – значит, возможно, возможно – значит, может быть, а может не быть. А раз то ли было, то ли не было, то исходи из того, что скорее не было, чем было» (Клейн 2010: 625-626). О том, насколько вообще реализуемы и как реализуются 25 клейновских «заповедей» в археологии и конкретно в работах его учеников – разговор особый. А пока – *medice cura te ipso*! Если под «подробным разбором норманнской проблемы» подразумевается Неизданная книга Л.С. Клейна, то, паки повторю, судя по публикации 2009 г., самый придирчивый антинорманист не мог бы найти в этом тексте никакой крамолы, как не обнаружил оную В.В. Мавродин. Судя по приведенной цитате, Н.И. Платонова сама не уверена, что же в действительности вызвало дискуссию – главное, что она состоялась и состоялась именно так и с таким результатом, как представлено в традиции семинара. Но в чем все-таки дело? И кто вообще такой этот злокозненный профессор И.В. Степанов, судя по всему, главный недоброжелатель Л.С. Клейна и его учеников? Судя по всему, в тех фрагментах, которые зачитывались в 1970-е гг., на эту тему не было сказано ничего, либо сказано очень мало и невразумительно. В публикации материалов дискуссии 2009 г. Л.С. Клейн также не откровенничает на эту тему. Г.С. Лебедев в своей версии событий гораздо сдержаннее – в его изложении М.И. Артамонов и В.В. Мавродин – не статисты, ожидающие результата, а активные участники подготовки и проведения дискуссии, причем на стороне Л.С. Клейна (Лебедев 1999: 102).

В.А. Назаренко, судя по приведенным Н.И. Платоновой цитатам из его письма, имел и имеет столь же смутное представление о подоплеке конфликта, как и читатели Л.С. Клейна: во всеми виноваты «идиоты из парткома» (Платонова 2017: 218). Почему *идиоты*? Все ли там идиоты? «Другая сторона» не выслушана во всех трех версиях, что не может не сказаться на правильном понимании ситуации. Причем не просто не выслушана – сознательно окарикатурена, что придает источникам особый привкус. Перед нами, по сути, типичная для традиции

«шестидесятников» картина: с одной стороны – пламенные борцы за истину, с другой – мрачные ретрограды. Одержана «феерическая победа» (Платонова 2017: 19). Как одержана, над кем – коль скоро оппонент Л.С. Клейна, И.П. Шаскольский, *вообще не собирался всерьез выступать против*? (Клейн 2009: 99-100). Что получается? Эти двое, собственно, *публично морочат* «идиотов из парткома» и почтенных профессоров-историков: В.В. Мавродина (который – то ли «ведет дискуссию» по Г.С. Лебедеву, то ли «поручает ведение» М.И. Артамонову по Л.С. Клейну), А.Л. Шапиро, И.Я. Фроянова, С.Л. Пештича?

Пожалуй, да – феерия… как факт биографии Л.С. Клейна. Как факт науки (коль скоро семинар «продолжал работать») – все же событие сугубо факультетского масштаба, с не совсем ясной для нас подоплекой. Кстати, сам Л.С. Клейн откровенно раскрывает секрет «феерической победы»: «В своем выступлении я сделал упор на изменении в политической ориентации норманистов и антинорманистов, в расстановке сил они не раз менялись местами. Изменилась и ситуация в зарубежной науке – наши доморощенные блюстители догм этого не знали. Там антинорманисты оказались врагами советской науки, а норманисты как раз дружественно настроенными. Поскольку это был неожиданный поворот для наших противников, действовавших под прикрытием Шасколького, они растерялись» (Клейн 2010: 140). То есть – вся научная аргументация могла не произвести впечатления, победа одержана совсем на другом поле!

Примечательно, что перед дискуссией подопечные Л.С. Клейна собираются «закидать их фактами» (Клейн 2009: 98; 2010: 140). Интересно – какими? Старая Ладога и Рюриково городище еще не стали их «базовыми памятниками», раскопки Гнездовского поселения еще не начались, Тимеревское поселение еще не открыто и не исследовано. Правда, есть материалы раскопок В.И. Равдоникаса и уже опубликованы материалы раскопок могильников Ярославского Поволжья, но всего за два года до затевающейся дискуссии, да и этих материалов как-то маловато, чтобы кого-то ими «закидывать». Л.С. Клейн, несомненно, должен был понимать, что они могут оперировать только уже *давно известными фактами*, которых явно недостаточно, а значит шансов на успех на этом пути практически никаких. Правда, «факты» все же были «выложены» – при активном участии Г.Ф. Корзухиной, ибо ни сам Л.С. Клейн, ни тем более участники семинара в этот период явно не дерзают так свободно оперировать скандинавскими материалами (Клейн 2009: 98; 2010: 141). Как могла аудитория всерьез принять как аргументы не только предложенную Л.С. Клейном «лестницу норманизма», но и, например, подсчеты численности «скандинавов в Ярославском Поволжье» по материалам раскопок одного Тимеревского могильника (Клейн 2009: 127), причем вся скандинавская популяция, если исходить из этих материалов, состояла из одной-двух семей?! Поиски ответов на этот и другие вопросы, возникающие при знакомстве с источниками, приводят к очень простому ответу: историки, в т.ч. и факультетские, ощущая исчерпанность письменных источников для изучения Древней Руси, с надеждой, но и с ревностью, с

опаской возможной потери позиций, смотрят на археологов – а археологи всеми силами убеждают историков и самих себя в том, что они – смогут, что новый фонд источников обещает невиданное расширение горизонтов (Клейн 2009: 124-129). Потому и попадают под обаяние полемического задора видимо, лично несимпатичного кому-то из них (да хоть всем!) Л.С. Клейна, обещающего, тем не менее, «*настоящую науку*». Полагаю, что это и есть реальный контекст «дискуссии», в котором в самом деле решалась судьба Л.С. Клейна и его подопечных. А поводы… это, право, несущественно, коль скоро Л.С. Клейн, при всех своих несомненных талантах, принадлежит к людям, которые мира вокруг себя не прибавляют.

В общем, предоставим читателю поверить – и в слухи о серьезных намерениях партбюро – и в то, что декан истфака, маститый историк В.В. Мавродин, автор многих научных трудов, орденоносец, заслуженный деятель науки РСФСР – под угрозой страшных санкций парткома (!) «*примкнул к победителям*», (как это им представлялось) – неостепененному ассистенту кафедры археологии и его команде первокурсников и даже еще не студентов (Клейн 2010: 142). Кто и что здесь «выворачивает» и «выворачивал»?!

Об итогах. В заключение своей филиппики Надежда Игоревна обличает «глухоту к прошлому» «уныние, в котором пребывает наша наука с 1990-х гг. и которое навязывает ей стабильно низкую самооценку». Мол, «периферия осознала себя периферией и уже поэтому остается ей на долгое время» (Платонова 2017: 221). Полагаю, и здесь нужно уточнить объем и содержание понятие, определенного этим термином. Если ориентироваться на количество публикаций на археологические темы – от тезисов до тяжелых в прямом смысле слова монографий и представительных сборников – то никакого «*уныния*» в общероссийском масштабе определенно не просматривается: успевай только уследить, кто и что где раскопал, кто и что по этому поводу сказал! Если судить по той активности, которую в том же масштабе проявляют коллеги в борьбе за источники финансирования, причем на самом высоком, государственном уровне – тоже трудно увидеть «*уныние*»: глаза горят, договоры шелестят, средства осваиваются, соответственно – номера открытых листов четырехзначные, отвалы растут и множатся, техническое оснащение раскопок совершенствуется день ото дня. Разумеется, как и в былые времена, есть «успешные», и есть «лузеры» – но уж «успешные» точно не унывают!

Если же рассуждать конкретно о петербургской археологии, если «*уныние*» просматривается именно здесь... да, есть поводы для пессимизма. Но разве тот же Л.С. Клейн не наставлял аудиторию в *неизбежности* «периферийности», в необходимости изучения английского языка, без которого тебя «не прочитают», а значит, ты останешься не на периферии, а вообще вне ареала центров «археологической мысли»? (Клейн 2011: 389). Если таковы реалии – какие претензии? В вожделенном «европейском доме», в европейском контексте периферийное положение Древней Руси – России предопределено и географически, и культурно, и исторически – какой бы «режим» в России ни утверждался: цари,

генеральные секретари, президенты… И доблестная российская интеллигенция, и «западники», и «почвенники», *всегда* признавала эту свою периферийность, хотя всегда претендовали на «мысль». Не мешало! А в постсоветской России, в петербургской археологии, путь на эту периферию – увы, прошел и через те «общности» которые с таким упоением реконструировали – или конструировали – наши учителя, хотим мы того или нет. Вот об этом, собственно, я писал – а вовсе не о том, что ленинградские неонорманисты в чем-то там «*ошибались*» – с моей стороны это было бы по меньшей мере невежливо. Ошибаются все, а чужими ошибками ни славен, ни счастлив не будешь! Отрицать реальное научное наследие ленинградских неонорманистов никто не собирается. Опасения, что новая генерация петербургских археологов «неадекватно» поймет недавнее прошлое с моей подачи безосновательны. Во-первых, они уже понимают и без меня, сообразно своему восприятию *настоящего*: они умеют читать, умеют думать, а констатация ошибок предшественников – непременное условие самоутверждения новых генераций, и никакими сентиментальными воспоминаниями их не остановить, только смешными покажетесь. А вот объяснить им, идущим за нами, почему путь в науке этих ярких, талантливых, во всех отношениях замечательных людей не мог быть иным, почему от увлеченных поисков «абсолютно достоверного» пришли к мистическим озарениям – надо.

Во-вторых, никому нельзя запретить «*понадеяться на себя одну*» в «изучении процессов сложения идентичностей (?!) в эпоху Великого переселения народов» или в «разработки исторической регионалистики» северо-запада Восточной Европы (Платонова 2017: 221) – и продолжить славную традицию ленинградского неонорманизма в статусе общепризнанного преемника. Правда, учитывая сложность задач, которые поставят такие исследования, есть основания полагать, что «надежда на себя одну» в данном случае – не более, чем кокетство: наука уже давно движется не одиночками и даже не «единомышленниками», не «соавторами», а сплоченными коллективами, в которых каждый знает свое дело и свое место. Так что никому нельзя запретить и собрать новую «дружину», буде таковая соберется, и снова, воззвав к суровой героике саг, попытаться отправиться по звездам Млечного Пути. Благо и старые спарринг-партнеры в лице антинорманистов всегда готовы выйти на ринг. Правда – обстановка явно не благоприятствует, ни – *там*, ни – *здесь*.

ЛИТЕРАТУРА

Борисов 2004 - *Борисов Н.С.* Повседневная жизнь средневековой Руси накануне конца света. М.: Молодая гвардия, 2004. 530 с.

Герд 2004 - *Герд А.С.* Навстречу ветру // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2004. С. 16-21.

Губарев 2015 - *Губарев О.Л.* «Неонорманизм» или «неоантинорманизм» // Stratum+. 2015. № 5. С. 351-355.

Дворниченко 2015 - *Дворниченко А.Ю.* Зеркала и химеры о возникновении древнерусского государства. СПб.: Евразия; М.: Клио, 2015. 560 с.

Клейн 1993 - *Клейн Л.С.* Феномен советской археологии. СПб.: Фарн, 1993. 128 с.

Клейн 1999 - *Клейн Л.С.* Норманизм – антинорманизм: конец дискуссии // Stratum plus. 1999. № 5. С. 91-101.

Клейн 2009 - *Клейн Л.С.* Спор о варягах. СПб.: Евразия, 2009. 399 с.

Клейн 2010 - *Клейн Л.С.* Трудно быть Клейном. СПб.: Нестор-История, 2010. 730 с.

Клейн 2011 - *Клейн Л.С.* История археологической мысли. Т. II / Отв. ред. Л.Б. Вишняцкий. СПб.: Издательство СПбГУ, 2011. 621 с.

Клейн 2015 - *Клейн Л.С.* Ленинградский неонорманизм – в самом деле? // Stratum+. 2015. № 5. С. 345-349.

Кузьмин 2004 - *Кузьмин С.Л.* Г.С. Лебедев. Ученый. Учитель. Личность // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2004. С. 22-25.

Лебедев 1985 - *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л.: Издательство ЛГУ, 1985. 286 с.

Лебедев 1999 - *Лебедев Г.С.* Varangica Проблемного семинара Л.С. Клейна // Stratum plus. 1999. № 5. С. 102-111.

Мачинский 1998 - *Мачинский Д.А.* Эпоха викингов в «Скандинавском средиземноморье» и «русо-варяжский период» на «восточных путях» (Austrvegir) // Ладога и эпоха викингов. IV чтения памяти Анны Мачинской. 21-23 декабря 1998 г. Материалы к чтениям. СПб., 1998. С. 130-139.

Мачинский 2004 - *Мачинский Д.А.* Глеб Лебедев и Ладога // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2004. С. 3-15.

Никитенко 1956 - *Никитенко А.В.* Дневник. В 3-х т. Т. 2. Л.: ГИХЛ, 1955-1956.

Платонова 2017 - *Платонова Н.И.* «Неонорманизм», постмодернизм и Славяно-варяжский семинар: размышления археолога // Ex ungve leonem. Сборник к 90-летию Льва Самуиловича Клейна. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 203-223.

Платонова 2010 - *Платонова Н.И.* История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX в. СПб., 2010. 316 с.

Томсинский 2014 - *Томсинский С.В.* Ленинградский неонорманизм: истоки и итоги // Stratum+. 2014. № 5. С. 257-370.

Томсинский 2016 - *Томсинский С.В.* Позвольте кое-что уточнить // Stratum+. 2016. № 5. С. 369-374.

Фурсов 2006 - *Фурсов А.И.* Интеллигенты и интеллектуалы // Кустарев А.И. Нервные люди. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2006. С. 48-86.

REFERENCES

Borisov 2004 - *Borisov N.S.* Povsednevnaja zhizn' srednevekovoj Rusi nakanune konca sveta [Everyday life of medieval Russia on the eve of doomsday], Moscow, Molodaja gvardija Publ., 2004, 530 p. [in Russian].

Dvornichenko 2015 - *Dvornichenko A.Ju.* Zerkala i himery o vozniknovenii drevnerusskogo gosudarstva [Mirrors and chimeras about emergence of the Old Russian state], St. Petersburg, Evrazija Publ.; Moscow, Klio Publ., 2015, 560 p. [in Russian].

Fursov 2006 - *Fursov A.I.* Intelligenty i intellektualy [Intellectuals and intellectuals], in: Kustarev A.I. Nervnye ljudi [Kustarev A.I. Nervous people], Moscow, Tovarishhestvo nauchnyh izdanij KMK Publ., 2006, pp. 48-86 [in Russian].

Gerd 2004 - *Gerd A.S.* Navstrechu vetru [Towards to wind], in: Ladoga i Gleb Lebedev. Vos'mye chtenija pamjati Anny Machinskoj [Ladoga and Gleb Lebedev. Eighth readings memory of Anna Machinskaya], St. Petersburg, 2004, pp. 16-21 [in Russian].

Gubarev 2015 - *Gubarev O.L.* «Neonormanizm» ili «neoantinormanizm» [Neonormanizm or «neoantinormanizm»], in: Stratum+, 2015, № 5, pp. 351-355 [in Russian].

Klejn 1993 - *Klejn L.S.* Fenomen sovetskoj arheologii [Phenomenon of the Soviet archeology], St. Petersburg, Farn Publ., 1993, 128 p. [in Russian].

Klejn 1999 - *Klejn L.S.* Normanizm – antinormanizm: konec diskussii [Normanizm – antinormanizm: end of a discussion], in: Stratum plus, 1999, № 5, pp. 91-101 [in Russian].

Klejn 2009 - *Klejn L.S.* Spor o varjagah [Dispute on Varangians], St. Petersburg, Evrazija Publ., 2009, 399 p. [in Russian].

Klejn 2010 - *Klejn L.S.* Trudno byt' Klejnom [It is difficult to be Klein], St. Petersburg, Nestor-Istorija Publ., 2010, 730 p. [in Russian].

Klejn 2011 - *Klejn L.S.* Istorija arheologicheskoj mysli. T. II / Otv. red. L.B. Vishnjackij [History of an archaeological thought. Volume II / Editor-in-chief L.B. Vishnyatsky], St. Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU Publ., 2011, 621 p. [in Russian].

Klejn 2015 - *Klejn L.S.* Leningradskij neonormanizm – v samom dele? [The Leningrad neonormanizm – really?], in: Stratum+, 2015, № 5, pp. 345-349 [in Russian].

Kuz'min 2004 - *Kuz'min S.L.* G.S. Lebedev. Uchenyj. Uchitel'. Lichnost' [G.S. Lebedev. Scientist. Teacher. Personality], in: Ladoga i Gleb Lebedev. Vos'mye chtenija pamjati Anny Machinskoj [Ladoga and Gleb Lebedev. Eighth readings memory of Anna Machinskaya], St. Petersburg, 2004, pp. 22-25 [in Russian].

Lebedev 1985 - *Lebedev G.S.* Jepoha vikingov v Severnoj Evrope. Istoriko-arheologicheskie ocherki [Era of Vikings in Northern Europe. Historical and archaeological sketches], Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1985, 286 p. [in Russian].

Lebedev 1999 - *Lebedev G.S.* Varangica Problemnogo seminara L.S. Klejna [Varangica of the Problem seminar of L.S. Klein], in: Stratum plus, 1999, № 5, pp. 102-111 [in Russian].

Machinskij 1998 - *Machinskij D.A.* Jepoha vikingov v «Ckandinavskom sredizemnomor'e» i «ruso-varjazhskij period» na «vostochnyh putjah» (Austrvegir) [Era of Vikings in «The Scandinavian Mediterranean» and «the fair-haired-Varangian period» on «east ways» (Austrvegir)], in: Ladoga i jepoha vikingov. IV chtenija pamjati Anny Machinskoj. 21-23 dekabrja 1998 g. Materialy k chtenijam [Ladoga and era of Vikings. Fourth readings memory of Anna Machinskaya], St. Petersburg, 1998, pp. 130-139 [in Russian].

Machinskij 2004 - *Machinskij D.A.* Gleb Lebedev i Ladoga [Gleb Lebedev and Ladoga], in: Ladoga i Gleb Lebedev. Vos'mye chtenija pamjati Anny Machinskoj [Ladoga and Gleb Lebedev. Eighth readings memory of Anna Machinskaya], St. Petersburg, 2004, pp. 3-15 [in Russian].

Nikitenko 1956 - *Nikitenko A.V.* Dnevnik. V 3-h t. T. 2 [Diary. In three volumes. Volume 2], Leningrad, GIHL Publ., 1955-1956 [in Russian].

Platonova 2010 - *Platonova N.I.* Istorija arheologicheskoj mysli v Rossii. Vtoraja polovina XIX – pervaja tret' XX v. [History of an archaeological thought in Russia. The second half of XIX – the first third of the 20th century], St. Petersburg, 2010, 316 p. [in Russian].

Platonova 2017 - *Platonova N.I.* «Neonormanizm», postmodernizm i Slavjano-varjazhskij seminar: razmyshlenija arheologa [Neonormanizm, postmodernism and Slavyano-varyazhsky seminar: reflections of the archeologist], in: Ex ungve leonem. Sbornik k 90-letiju L'va Samuilovicha Klejna [The collection to Lev Samuilovich Klein's 90 anniversary], St. Petersburg, Nestor-Istorija Publ., 2017, pp. 203-223 [in Russian].

Tomsinskij 2014 - *Tomsinskij S.V.* Leningradskij neonormanizm: istoki i itogi [Leningrad neonormanizm: sources and results], in: Stratum+, 2014, № 5, pp. 257-370 [in Russian].

Tomsinskij 2016 - *Tomsinskij S.V.* Pozvol'te koe-chto utochnit' [Allow to specify something], in: Stratum+, 2016, № 5, pp. 369-374 [in Russian].

Томсинский Сергей Владимирович – Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории русской культуры Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург, Россия).
Serghei Tomsinsky – Candidate of historical sciences, Leading Researcher of Department of history of the Russian culture of the State Hermitage (St. Petersburg, Russia).
E-mail: s.tomsinsky@yandex.ru

УДК 94(47).024

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЙ ПОЛИТОГЕНЕЗ И РЕФОРМЫ КНЯГИНИ ОЛЬГИ

М.И. Жих

Российско-немецкий исторический семинар
(Санкт-Петербург, Россия)
e-mail: max-mors@mail.ru
Scopus Author ID: 55358941500
Researcher ID: F-3154-2014
http://orcid.org/0000-0003-2212-6416
SPIN-код: 6149-3974

Авторское резюме

В статье рассматриваются процессы восточнославянского политогенеза VI-X вв., кульминацией которых станут проведённые в середине X века княгиней Ольгой административные и социально-политические реформы. Расселившиеся на Восточно-Европейской равнине славяне в своём общественно-политическом развитии последовательно прошли несколько стадий, для каждой из которых был характерен больший территориальный размах и более сложный уровень интеграции: (1) Формирование этнополитических союзов или славиний (древляне, кривичи, словене и т.д.); (2) Формирование таких политий, которые объединяли в своём составе несколько этнополитических союзов во главе с одной лидирующей славинией (подобные «суперсоюзы» были созданы, в частности, волынянами, древлянами и словенами); (3) Формирование в Среднем Поднепровье поляно-варяжской политии и создание ею путём завоеваний в конце IX – первой половине X в. «конфедерации» славиний, охватившей большую часть восточнославянских этнополитических союзов. Противоречивый характер данной «конфедерации» или «суперсоюза» (стремление Киева к усилению контроля с одной стороны и стремление славиний к восстановлению полной независимости с другой) вылился в серьёзный кризис: древляне убивают киевского князя Игоря и заявляют о собственных претензиях на лидерство в Восточной Европе. После победы над древлянами вдова Игоря, Ольга, осуществляет масштабную реформу формирующегося Древнерусского государства, направленную на его централизацию, создавая в качестве противовеса древним местным политическим центрам сеть киевских опорных пунктов (становищ и погостов). Начатое Ольгой наступление на самостоятельность славиний заложило базу для формирования политически единого (пусть и относительно) Древнерусского государства и сложения древнерусской народности.

Ключевые слова: реформы, княгиня Ольга, политогенез, восточные славяне, Древняя Русь, погосты, централизация, политическое развитие, князья.

EASTERN SLAV'S POLITY'S GENESIS AND REFORMS BY PRINCESS OLGA

Maksim Zhikh

The Public and Scientific Project «Russian-German Historical Seminar»

(Saint Petersburg, Russia)
e-mail: max-mors@mail.ru

Abstract

The author analyzes political processes which took place in the lands of the Eastern Slavs in the 6th-10th centuries AD and culminated in the administrative and socio-political reforms undertaken by Princess Olga in the mid-10th century. Having settled in the East European Plain, the Slavs have gone through several successive stages in their socio-political development, each of which was characterized by a larger territorial scope and a more complex level of integration: (1) Formation of ethno-political alliances or Sclavenias (Drevlyans, Krivichs, Slovenes, etc.); (2) Formation of the polities, which united several ethno-political alliances headed by one leading alliance (such "super-unions" were created, in particular, by the Volhynians, the Drevlyans and the Slovenes); (3) Formation of the Polish-Varangian polity in the Middle Dnieper region which, in turn, created through conquest a "confederation" that at the end of the 9th - first half of the 10th century embraced most of the East Slavic ethno-political unions. The contradictory nature of this "confederation" or the "super union" (Kiev's desire to strengthen control on the one hand and the desire of the Sclavenias to restore full independence on the other) resulted in a serious crisis: the Drevlyans killed the Kievan Prince Igor and declared their own claims to leadership in Eastern Europe. After the victory over the Drevlyans, the widow of Igor, Princess Olga, undertook a large-scale reform of the emerging Old Russian state, aimed at its centralization, and set up a network of Kievan strongholds (stanovishches and pogosts) as a counterweight to the then-current local political centers. The offensive launched by Olga on the independence of the Sclavenias laid foundation for the formation of the politically united (albeit relatively) Old Russian state and Old Russian nation.

Keywords: reforms, Princess Olga, polity's genesis, Eastern Slavs, Ancient Rus, pogosts, centralization, political development, princes.

* * *

I. Первый этап восточнославянского политогенеза. Формирование этнополитических союзов

В VI-IX вв. славяне в ходе своей земледельческой колонизации осваивают обширные пространства Восточно-Европейской равнины, расселяясь от Чёрного моря до Ладожского озера и от Карпатских гор до Волго-Окского междуречья (Седов 1982; 1999; Тимощук 1990; 1995; Восточные славяне 2002).

В своём политическом развитии восточнославянское общество прошло несколько последовательных этапов.

Первым этапом восточнославянского политогенеза стало формирование этнополитических союзов, названных в Повести временных лет (далее – ПВЛ), где они не маркируются никаким обобщающим термином, у Константина Багрянородного, который именует их *славиниями*[1], а также в некоторых других источниках.

[1] Обычно этим термином (Σκλαβηνία, Σκλαβυνία) византийские авторы именовали этнополитические союзы южных славян, с которыми преимущественно имела дело Византия (Литаврин 2001), но император Константин Багрянородный (945-959) в своём трактате «Об управлении империей» (948-952) называет славиниями и восточнославянские этнополитии: кривичей, древлян, северян, дреговичей и т.д. (Константин

(1) Волыняне (этноним означает «обитатели Волыни», то есть «земли низин/долин/равнин», от слав. *volynъ/ь – «долина/равнина/низина»: Трубачёв 1994: 13-14), их предшественники в регионе дулебы, а также бужане («обитатели Побужья»). Политический центр волынян – город Волынь. Столица бужан – город Бужск.

(2) Вятичи (этноним означает *либо* «потомки Вятко»: Трубачев 2000: 6; *либо* имя восходит к индоевропейскому *wenət-, *wonət-, праслав. *vęt- «большой» (Николаев 2011: 419-420) и означает «большой народ»), жившие на берегах Оки. Политический центр точно не известен. Возможно, им был упоминаемый в «Поучении» Владимира Мономаха город Корьдно («в Вятичи ходихомъ по две зиме на Ходоту и на сына его и ко Корьдну ходихъ»: ПСРЛ. I: 248)[1].

(3) Древляне (у Константина Багрянородного Δερβλενίνοι/Βερβιάνοι; этноним означает «обитатели лесной страны»), жившие в украинском Полесье. Политический центр – Искоростень.

(4) Дреговичи (у Константина Багрянородного Δρουγουβῖται; этноним означает *либо* «обитатели страны, изобилующей болотами», *либо* «потомки Драга/Дрега»: Нидерле 1956: 160), жившие на север от Припяти по направлению к Двине. Политический центр – Туров.

(5) Кривичи (у Константина Багрянородного Κριβηταιηνοί; этноним означает «потомки Крива»), археологически представленные культурами псковских и смоленско-полоцких длинных курганов, и расселившиеся на огромной территории от Чудского озера и реки Великой до района современной Твери.

В силу широты своего расселения кривичи разделились на ряд локальных политических групп:

- Псковские кривичи (о них см.: Жих 2017: 87-106), жившие в бассейне Великой, Псковского и Чудского озер. Политический центр – Изборск, позднее на первое место выдвигается Псков;

- Полоцкие кривичи, имевшие также имя *полочане* (о них см. Жих 2015: 31-52). Политический центр – Полоцк;

- Смоленские кривичи, бывшие судя по пассажу из этногеографического введения к ПВЛ («*Кривичи же сѣдять на верхъ Волги, а на верхъ Двины, и на верхъ Днѣпра, ихже градъ есть Смоленскъ, туда бо сѣдять кривичи*»: ПСРЛ. I: 10; ПСРЛ. II: 8), кривичами в «узком» смысле. Политический центр – Смоленск.

Багрянородный 1991: 44-45, 50-51), а также славян, соседствовавших с франками («у этого Пипина были три брата, которые господствовали над всеми Франгиями и Славиниями»: Константин Багрянородный 1991: 107-109). Данное название является единственным оригинальным аутентичным обобщённым наименованием славянских этнополитических объединений в источниках (в латиноязычных источниках они обозначаются общими терминами такими как gentes или populus), в связи с чем А.А. Горский предложил использовать его вместо «кабинетного» понятия «племя», применимость которого к славянским этнополитическим общностям находится под вопросом (Горский 2011: 150-154).

[1] Он же, возможно, Хордаб/Джерваб, город славян, упоминаемый в восточных источниках (Рыбаков 1982: 261).

Также по сопоставлению археологических и лингвистических данных можно предполагать существование групп мстинских и верхневолжских (тверских) кривичей (Николаев 1990: 55; 2011а; Жих 2017: 97-98).

(6) Поляне (этноним означает «обитатели страны полей, освоенной окультуренной земли»), жившие в Среднем Поднепровье. Политический центр – Киев.

(7) Радимичи (этноним означает «потомки Радима») жившие в поречье Сожа. У Константина Багрянородного радимичи, происходящие согласно ПВЛ «от ляхов», названы вариантом этого этнонима, «лендзянами», Λενζανῆνοι/Λενζανῆνοι (от общеславянского *lęd-; ср: lęda – «необработанное поле»). Лендзяне – «жители необработанной (целинной) земли» (Lehr-Spławiński 1959; о тождественности летописных радимичей и Λενζανῆνοι/Λενζανῆνοι Константина Багрянородного см.: Жих 2017а: 47-51). Политический центр радимичей, видимо, находился в центре их земли, в районе современного Славгорода (Пропойск, древнерусский Прапошаск, впервые упоминается в 1136 году в грамоте Ростислава Мстиславича), где на высоком правом берегу Сожа, около устья реки Прони расположено городище (Куза 1996: 87; Жих 2017а: 26).

(8) Северяне (у Константина Багрянородного Σεβέρϱιοι; этноним означает «обитатели страны *sěver, север»: Трубачев 2002: 386; либо связан с иранским *seu – «черный»: Иванов, Топоров 2000: 428-430), жившие на Правобережье Днепра на берегах Десны и Сейма. Политический центр – Чернигов.

(9) Словене «ильменские», археологически представленные культурой сопок и предшествующими ей памятниками, жившие на берегах Ильменя, Волхова и рек и ильменского бассейна. Политический центр – Новгород (ранее Новгородское городище и его гипотетический предшественник «Холмгород»: Носов 2017: 28-33).

(10) Тиверцы (видимо, данное имя связано с древним названием Днестра, зафиксированным у Геродота в форме др.-греч. Τύϱας. Тиверцы, таким образом, «обитатели Поднестровья»: Седов 1982: 129), жившие на берегах Нижнего Днестра. Политический центр неизвестен.

(11) Уличи (у Константина Багрянородного Οὐλτῖνοι; имя происходит либо от излучины, «угла»: Трубачёв 1961: 186-190; либо представляет собой вариант этнонима «лютичи»: Рабинович 1997: 178-199). Политический центр – Пересечен.

(12) Хорваты (этноним представляет собой вероятный иранизм: Иванов, Топоров 2000: 430-431; ЭССЯ 1981: 151), жившие в Прикарпатье. Политический центр неизвестен.

Каждый из названных этнополитических союзов представлял собой объединение небольших славянских группировок. Летописцы называют кривичей, вятичей, радимичей, полян, древлян и прочие восточнославянские этнополитические объединения в одном ряду с лютичами, а про них по источникам хорошо известно, что они представляли собой союз ряда небольших «племён»: брежан, стодорян, чрезпенян, доленчан и т.д. Аналогична ситуация с ободритами,

включавшими в себя древан, глинян, вагров и т.д. и лужицкими сербами, делившимися на сусельцев, жирмунтов, галомачей и т.д. Одним словом, там, где у нас есть источники, описывающие более детально внутреннюю жизнь славян, мы видим, что большие славянские этнополитические объединения, уровня тех, что попали на страницы древнерусских летописей, делились на ряд небольших общностей.

В анонимном «Баварском географе» (памятнике, созданном в швабском монастыре Райхенау в 70-е гг. IX в.: Назаренко 2001: 51-70) перечислено множество славянских «племён», не известных по другим источникам и, соответственно, с трудом поддающихся идентификации или не поддающихся ей вовсе. По всей видимости, это именно те небольшие «племена», из которых состояли крупные славянские этнополитические союза типа вислян, мазовшан, лютичей, кривичей и т.д.

А.П. Новосельцев совершенно справедливо, на наш взгляд, считал, что «древляне, поляне и т.д., по-видимому, идентичны таким германским ''племенам'', как франки, саксы, бавары и т.д. которые на деле представляли уже союзы племён, хотя и сохранили наименование одного (господствующего) племени» (Новосельцев 2000: 49).

Названия восточнославянских локальных объединений в источниках почти не отразились (исключение – упомянутая в ПВЛ полоцкая группа кривичей, полочане), но здесь на помощь приходит археология, позволяющая выделять такие объединения в разных частях восточнославянского мира (Соловьёва 1956: 138-170; Алексеев 1978: 23-30; Рыбаков 1982: 264; Тимощук 1990: 72-111; 1995: 5-59; Фроянов 1992: 21-74; Звіздецкий 2008: 76-77; Еремеев, Дзюба 2010: 394-417).

Данные о социально-политической организации славиний в источниках, к сожалению, носят разрозненный спорадический характер. Однако, если свести все соответствующие упоминания начального летописания – Новгородской первой летописи (далее – НПЛ) и ПВЛ – в таблицу (Таблица 1), можно сделать определённые выводы.

Таблица 1. Социально-политическая организация восточнославянских этнополитических объединений по данным начального летописания

Восточнославянские этнополитические союзы	**Указано существование князей (или первопредков)**	**Указано существование знати**	**Указано существование народных собраний**	**Указано существование городов**
Волыняне	-	-	-	+ (ПСРЛ. I: 143; II: 130)[1]

[1] Напрямую Волынь городом волынян не назван, но из совпадения его названия с именем славинии можно заключить, что он был её центром или одним из центров.

Вятичи	+ (ПСРЛ. I: 12; 248; II: 9)	+ (ПСРЛ. I: 121; II: 106; III: 159)	+ (ПСРЛ. II: 338)	+ (ПСРЛ. II: 697)
Древляне	+ (ПСРЛ. I: 10; 54-60; II: 8; 42-48; III: 110-113)	+ (ПСРЛ. I: 54-60; II: 42-48; III: 110-113)	+ (ПСРЛ. I: 54-60; II: 42-48; III: 110-113)	+ (ПСРЛ. I: 58; II: 47)
Дреговичи	+ (ПСРЛ. I: 10; II: 8)	-	-	+ (ПСРЛ. II: 282, 384)
Кривичи	-	+ (ПСРЛ. I: 121; II: 106; III: 159)	+ (ПСРЛ. I: 19-20; II: 13-14; III: 106)	+ (ПСРЛ. I: 10; II: 8; III: 106)
Полочане (полоцкие кривичи)	+ (ПСРЛ. I: 10; II: 8)	-	-	+ (ПСРЛ. I: 20; II: 14)
Поляне	+ (ПСРЛ. I: 10; II: 8)	+ (ПСРЛ. I: 82, 106-108, 124-127; II: 69, 93-94, 109-112; III: 130, 148-149, 166-167)	+ (ПСРЛ. I: 17; II: 12; III: 105)	+ (ПСРЛ. I: 9; II: 7; III: 104-105)
Радимичи	+ (ПСРЛ. II: 9)	-	-	-
Северяне	-	-	-	-
Словене	+ (ПСРЛ. I: 10; II: 8)	+ (ПСРЛ. I: 121; II: 106; III: 159)	+ (ПСРЛ. I: 19-20; II: 13-14; III: 106)	+ (ПСРЛ. I: 6, 10; II: 5, 8; III: 106)
Тиверцы	-	-	-	+ (ПСРЛ. I: 13, II: 9-10)
Уличи	-	-	-	+ (ПСРЛ. I: 13; II: 9-10; ПСРЛ. III: 109)
Хорваты	-	-	-	-

Все восточноевропейские славинии имели сходную социально-политическую структуру, включавшую:

(1) Князей, осуществлявших оперативное управление, командовавших войском, состоявшим из дружины и собираемого по мере необходимости народного ополчения, выполнявших общественно-полезные функции (защита своей земли, суд, охрана безопасности торговых путей, строительство городов и крепостей и т.д. О восточнославянских князьях см.: Фроянов 2001: 723-743; Свердлов 2003: 55-91).

(2) Знать (лучшие мужи, нарочитые мужи, старцы градские и т.д.)/совет знати, помогавшие князю в управлении (о восточнославянской знати см.: Фроянов 1999: 89-195; Жих 2015а: 7-28).

(3) Народное собрание, решавшее ключевые общественно-значимые и важные для всей славинии вопросы (война и мир, избрание князя и должностных лиц и т.д. О восточнославянских народных собраниях см.: Фроянов 1980: 159-160; Лукин 2004: 71-88; Жих 2012: 151-158).

(4) Города – укреплённые поселения (летописные «грады»), бывшие политико-административными, военными и культовыми центрами славиний. В городе пребывал князь, здесь концентрировалась знать, здесь собиралось народное собрание, здесь размещались центральные святилища и проводились праздники и

т.д. (о восточнославянских общинных и «племенных» центрах разного уровня см.: Тимощук 1995: 5-59).

Крупнейший или наиболее удачно стратегически расположенный город был столицей всей славинии, прочие «племенные» грады (летописи упоминают их именно во множественном числе: ПСРЛ. I: 58; ПСРЛ. II: 47; 697; ПСРЛ. III: 106) – центрами небольших составляющих её славянских группировок.

В славянских этнополитических союзах формируется такой интересный социальный институт как полюдье – ежегодный объезд князем подвластной территории, в ходе которого он, получая корм для себя и дружины, исполнял необходимые общественно-полезные функции.

Рассказ о восточнославянском полюдье сохранился в составе т.н. «Анонимной записки», повествования неизвестного автора, отразившегося в трудах ряда арабо-персидских писателей, о народах степной полосы Евразии и юго-востока Европы, датируемого, судя по локализации кочевых этносов, первой половиной IX в. (об «Анонимной записке» см.: Галкина 2010: 54-98). Славяне, о которых говорится в «Анонимной записке» – это, скорее всего, либо вятичи (Рыбаков 1982: 225-234, 258-284), либо жившие южнее славяне Днепровского Правобережья.

Вот, что говорится в «Анонимной записке» (в передаче Ибн Русте, автора первой половины X в.) о полюдье у восточных славян: «*Глава их коронуется, они ему повинуются и от слов его не отступают. Местопребывание его находится в середине страны славян… И упомянутый глава, которого они называют ''главой глав'' (ра'ис ар-руаса), зовется у них свиет-малик, и он выше супанеджа (видимо, воеводы – М.Ж.), а супанедж является его заместителем (наместником)… Есть у него прекрасные, прочные и драгоценные кольчуги. Город, в котором он живет, называется Джарваб, и в этом городе ежемесячно в течении трех дней проводится торг, покупают и продают. Царь ежегодно объезжает их. И если у кого из них есть дочь, то царь берет себе по одному из ее платьев в год, а если сын, то также берет по одному из платьев в год. У кого же нет ни сына, ни дочери, тот дает по одному из платьев жены или рабыни в год. И если поймает царь в своей стране вора, то либо приказывает его удушить, либо отдает под надзор одного из правителей на окраинах своих владений*» (Новосельцев 1965: 388-389).

Б.Н. Заходер обратил внимание на то, что «термин, которым обозначается подать, взимаемая славянским царём с дочерей, сыновей или же наложниц славян, может означать не только ''платье'', но вообще ''подарок'', ''подношение''» (Заходер 1967: 124). По мнению Б.А. Рыбакова здесь имеется в виду «некое количество выделанного меха, потребное для изготовления какого-то условного вида одежды», причём, вероятно, князь «во время своего полюдья имел дело не с каждым крестьянским дымом в отдельности, а со старостами ''сотен'', главами родовых или соседских общин, плативших дань в 100 вевериц или кун за всё ''сто''» (Рыбаков 1982: 278).

В древнерусских источниках наиболее подробно, в связи с их антикиевским выступлением, описано внутреннее устройство древлян (ПСРЛ. I: 54-60; ПСРЛ. II: 42-

48; ПСРЛ. III: 110-113), у которых мы видим классическую тернарную структуру управления (Фроянов 1980: 126-127; Свердлов 2003: 88-91; Жих 2012: 155-156; 2015а: 13-14): (1) княжеская власть, (2) знать/совет знати (старейшины города, лучшие мужи, мужи нарочитые); (3) народное собрание, представлявшее собой фактически вооруженный народ (древляне совещаются со своим князем Малом и тут же выступают в поход на Игоря).

Обращают на себя внимание параллели между летописными рассказами о древлянах и сообщением «Анонимной записки» о славянах Днепровского Правобережья (вятичах-?): летописи говорят о древлянских князьях, видимо подчинённых Малу, во множественном числе («наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьскую землю»: ПСРЛ. I: 56; ПСРЛ. II: 44; ПСРЛ. III: 111), а у Ибн Русте правитель славян именуется «главою глав». В обоих случаях, видимо, речь идёт о князьях/главах «малых племён», из совокупности которых состояли и древляне, и вятичи, и другие славинии.

* * *

II. Второй этап восточнославянского политогенеза. Формирование объединений из нескольких славиний

Со временем в разных регионах восточнославянского мира разгорается борьба за лидерство между разными славиниями (ср. сообщение летописей о древлянах, «обижавших» полян: ПСРЛ. I: 16-17; ПСРЛ. II: 12; ПСРЛ. III: 105. О славянских «племенных» конфликтах см.: Фроянов 1995: 22-96), в ходе которой одни из них, «примучивая» другие, создают большие «межплеменные» объединения трёхступенчатого уровня («малое племя» → славиния → союз нескольких славиний, возглавляемый одной из них).

Волыняне/червяне. Древнейшая известная нам полития, включавшая в свой состав несколько славиний, имела центр на Волыни. Арабский автор Ал-Мас‘уди (ум. ок. 956/957 г.) в своих «Золотых копях и россыпях самоцветов» (ок. 947 г.) сообщает о существовавшем на Волыни и в сопредельных землях возглавляемом князем Маджком (ماجك) славянском этнополитическом союзе В.линана (подробнее о Маджке и В.линана см.: Жих 2016: 67-78. Там же см. историографию вопроса[1]).

[1] Недавно вышла статья А.С. Кибиня (Кибинь 2017: 44-58), предпринявшего попытку обосновать старое предположение Ф. Вестберга согласно которому под «баснословным общим царем славян и немцев» Маджком следует понимать библейского Мешеха (Вестберг 1903: 60). Данное предположение, на наш взгляд, не выдерживает критики: в сообщении ал-Мас‘уди о Маджке и В.линана нет никаких библейских отсылок, отсутствуют намёки на контекст, в котором в Библии упоминается Мешех. Не смотря на все старания, А.С. Кибинь не смог привести ни примеров наименования Мешеха в арабской литературе формой близкой к ماجك/Маджк, ни примеров того, чтобы кто-то из восточных авторов считал Мешеха прародителем славян. Более того, сам ал-Мас‘уди прямо считает славян потомками отнюдь не Мешеха, а другого сына Иафета, Мадая: «Ас-сакалиба: Из потомков Мара (Бара) бин Йафета бин Нуха. И к нему восходят все роды ас-сакалиба, к нему они себя возводят – это подтверждают многие специалисты в этой области» (Галкина 2016; см. также: Гаркави 1870: 135). Убеждённость А.С. Кибиня в том, что «поиск прототипа в литературных источниках представляется более

«*И эти <язычники> (славяне – М.Ж.) разделяются на разные роды: из них род, у которого с глубокой древности была государственность. Был у них царь, которого называли Маджк (Маджл). И этот род называется в.линана. В древности за этим родом следовали остальные роды ас-сакалиба (славян – М.Ж.) <по смыслу: этот род наиболее знатен из ас-сакалиба, т.к. у них впервые появилась государственность>, так как именно у них <в.линана> был царь, и другие их цари подчинялись ему*».

И далее: «*И ас-сакалиба много родов и разновидностей. Эта наша книга не подходит для описания всех их разновидностей и различных их разветвлений. Ранее мы упомянули известие о царе, которому подчинялись все их цари в древности, и это Маджк <царь> в.линана. И этот род один корень из корней <т.е. одна из главных династий> ас-сакалиба, почитаемый в их родах. И это идет у них с древности. Затем появились разногласия между их родами, и исчез их порядок <иерархия>. И их роды стали враждебны друг другу. Царь каждого их рода является царем, как мы упомянули, из их царей, по причине, о которой долго рассказывать*» (Галкина 2016; см. также: Гаркави 1870: 135-138; Lewicki 1940/1950: 355-360).

Параллель к рассказу ал-Масʻуди о В.линана находим в «Баварском географе», где говорится: «*Сериваны – это королевство столь [велико], что из него произошли все славянские народы и ведут, по их словам, [своё] начало*» (Назаренко 2001: 54-55).

Наиболее убедительным является объяснение названия сериваны (Zerivani) от слав. *Čьrvjane (Lehr-Spławiński 1961: 265) – червяне, что говорит о том, что это «королевство» (regnum) следует помещать в районе летописных Червенских градов, то есть на Волыни. Рядом с Zerivani/червянами в «Баварском географе» названы и собственно волыняне – Velunzani (Назаренко 2001: 54-55), что объясняется сложным характером структуры памятника, в котором зачастую вперемешку названы славянские этнополитические объединения разного уровня без какого бы то ни было их разграничения.

Червенские грады упоминаются в летописи в связи с событиями конца X – начала XI вв. (ПСРЛ. I: 81, 150; ПСРЛ. II: 69, 137). Позднее в этом регионе существовала Червенская земля (ПСРЛ. II: 746), жители которой звались червянами (ПСРЛ. II: 487). Возникновение соответствующих понятий и названий следует относить к существенно более раннему времени. Город Червень был, очевидно, центром червян, подобно тому, как город Волынь был центром волынян.

Смысловая параллель рассказов ал-Масʻуди с одной стороны и «Баварского географа» – с другой, является полной: и там и там говорится о существовании у славян в прошлом некоего значительного этнополитического объединения, от которого происходят другие славянские народы. Расположение этих двух «народов-прародителей», хоть и названных немного по-разному в одном регионе, делает тождество полным. Червяне – это, по всей видимости, часть волынян, возможно

оправданным, нежели реконструкции аутентичной славянской устной традиции» (Кибинь 2017: 55) велика, но фактических аргументов в её пользу нет.

господствовавшая в течение некоторого времени в их этнополитическом объединении.

Датировать время существования этнополитического союза возглавляемого волынянами/червянами, о котором говорят ал-Мас'уди и «Баварский географ» исходя только из их данных сложно. Ал-Мас'уди говорит о нём, как о существовавшем «в глубокой древности». Не содержит датирующих признаков известие «Баварского географа» (за исключением верхней даты – даты составления самого источника – 70-е гг. IX в.).

Тут на помощь приходит археология. В VIII-IX вв. из ареала луки-райковецкой культуры выделяется ряд локальных археологических групп, что отражает процесс становления летописных волынян (группа памятников в верховьях Буга, Стыри и Горыни), древлян (группа памятников в бассейнах Тетерева и Упы), дреговичей (группа памятников в среднем течении Припяти в районе Турова), полян (группа памятников в киевском поречье Днепра, на Ирпени и в устье Десны) (Седов 1999: 46-50). Эта археологическая картина, по всей видимости, отразила процесс распада этнополитического союза, возглавляемого волынянами/червянами, описанный нашими источниками.

О причинах образования союза славиний во главе с волынянами мы можем лишь догадываться. В историографии отмечалось, что привести к объединению ряда славянских «племён» в одно целое под главенством волынян могла борьба с Византией или с кочевниками (Ключевский 1987: 124; Фроянов 2001: 726). Не оспаривая важности ни того, ни другого, следует отметить, что к образованию подобных союзов вели в первую очередь закономерности внутреннего социально-политического развития славянского общества.

Отождествить князя Маджка с каким-либо лицом, известным по другим источникам пока не представляется возможным. Время его жизни условно можно датировать второй половиной VIII – началом IX в.

Древляне. После распада возглавляемого Маджком славянского объединения, первенство в регионе Днепровского Левобережья переходит к древлянам, которые начинают «обижать» и подчинять своих соседей.

М.Б. Свердлов, обобщая наблюдения своих предшественников, заключил: «древляне, действительно, преуспевали в правление своих независимых от Киева князей. Судя по распространению древлянских археологических памятников, они ограничили расселение полян в IX-X вв. на запад узкой полосой, 25-30 км, ''гор'' по берегу Днепра. К концу IX в. древляне подчинили, вероятно, дреговичей и волынян. После подчинения власти киевских князей они неоднократно пытались от неё освободиться. Да и в составе Русского государства Древлянская земля (позднее в составе Туровского княжества) имела большое значение в качестве обширного

западного княжения в правление Олега Святославича, Святополка Ярополковича и Святослава Владимировича» (Свердлов 2003: 88. См. также: Толочко 2013: 80-86)[1].

В Древлянской земле развивались процессы урбанизации (Звіздецкий 2008), знаменитые каменные пряслица из овручского шифера, производившиеся с середины X в. древлянскими мастерами, расходились по всей Руси и соседним странам. В.Л. Янин высказал вполне убедительную гипотезу, что помимо утилитарных функций овручские пряслица, которые нередко находят в городах в количествах, явно превышающих хозяйственные потребности в них (иногда пряслица находят в кладах вместе с серебряными слитками; при раскопках в Пскове пряслица были найдены в кошельке рядом с западноевропейскими монетами), с момента своего появления выполняли также роль платёжного средства, т.е. были своеобразными деньгами («товаро-деньгами») для мелких платежей у восточных славян (Янин 2009: 212-213).

Союз северных восточных славян. На севере Восточной Европы процесс интеграции возглавили словене (о северной восточнославянской «конфедерации» см.: Фроянов 1992: 21-74; 2001а: 759-762; 2015: 98-103; Седов 1999а: 111-137; 2000: 240-249; Мельникова 2011: 101-102). О высоком уровне социально-политической организации словен и демонстрации ими своего единства и силы говорят погребальные памятники (которые могли выполнять также и культовые функции) представителей их социальной элиты – сопки VIII-X вв., представлявшие собой огромные курганы высотой от 2-3 до 10 м, для возведения которых были необходимы серьёзные трудовые затраты (о сопках ильменских словен см.: Седов 1970; 1982: 58-66; 1999: 158-165. О социокультурном значении сопок см.: Конецкий 1989: 140-150; 1993: 3-26. О культовом значении сопок см.: Свирин 2006: 231-251).

Словене объединили:

- часть кривичей (псковских, и, возможно, полоцких);
- чудь;
- славянское «племя», расселившееся в Волго-Окском междуречье, имя которого летописи не сохранили, и существование которого выводится из сопоставления лингвистических и археологических данных, его археологическим маркером являются браслетообразные сомкнутые височные кольца. В летописях эта славянская группировка, вероятно, фигурирует под именем *мери* (Дыбо, Замятина, Николаев 1990: 156-159; Седов 1999: 145-158). Возможно, славяне переняли этноним ассимилированных финнов, как считает В.В. Седов, но, на наш взгляд, логичнее полагать, что мерей это славянское «племя», дальше всего продвинувшееся на восток, в земли финнов (мери), стали называть его западные соседи, то есть это экзоэтноним, а настоящее имя этой славянской группировки нам неизвестно.

[1] Аналогичны суждения Д.А. Мачинского: «в последние десятилетия археологические раскопки выявляют довольно высокий уровень социально-политического и культурного развития, достигнутого населением Древлянской земли в конце IX-X вв.» (Мачинский 2009: 519).

Союз северных славиний обладал и серьёзной военной силой. Около середины VIII в. в устье Волхова появляются варяги, выходцы из балтийского региона, где формируется полиэтничное торговое поселение в Ладоге (Кирпичников 1988: 39), связанное с Балтийско-Волжским путём, но дальше вглубь Восточной Европы около ста лет они не продвигаются по сути ни на шаг: до середины IX в. ни на одном поселении кроме Ладоги не выявлено надёжных признаков проживания варягов, носителей циркумбалтийской дружинной культуры (находки отдельных вещей не в счёт, так как они свидетельствуют не о проживании выходцев из балтийского региона, но только о контактах с ними словен, кривичей и т.д.). В.В. Седов констатировал: «Полное отсутствие до середины IX в. характерных скандинавских находок на других поселениях северо-запада свидетельствует о том, что торговая активность варягов ограничивалась Ладогой, они ещё не решались широко проникать вглубь словенско-кривичских территорий. Очевидно, торговая деятельность, а на её развитие указывают находки восточных момент, находилась в этих землях в руках представителей местного населения. Кроме Ладоги единичные находки (кресало и топор) скандинавских типов, определяемые концом VIII – первой половиной IX в., найдены ещё на Сарском городище, в области проживания мери, но говорить о проникновении сюда скандинавов на основе их явно преждевременно» (Седов 2003: 7). Признаков проживания варягов нет в ранних материалах Новгородского городища, в материалах Холопьего городка, городища на Сяси, Новых Дубовиков, материалах Изборска или ранних материалах Псковского городища и т.д. (Седов 1999а: 100-111; 2003: 4-6).

Из этого следует, что словене и их союзники вполне успешно «блокировали» варягов в Ладоге и не давали им в течение примерно ста лет никуда продвигаться иначе как в качестве купцов.

Более того, рядом с неукреплённой Ладогой существовала славянская крепость Любша (где укрепления были возведены ещё в конце VII – начале VIII в. О Любшанском городище см.: Рябинин, Дубашинский 2002: 196-203; Рябинин 2003: 16-19), при том, что поселение в Ладоге до последней четверти IX в. не имело укреплений[1]. Очевидно, что укреплённое поселение политически господствовало над неукреплённым. Это даёт нам ключ к пониманию того, что представляло собой с историко-социологической точки зрения раннее поселение в Ладоге (об итогах археологического изучения древней Ладоги см.: Кирпичников 1984: 20-42; 1985: 3-27; 1988: 38-79; Кузьмин 2008: 69-94): оно было полиэтничным международным торговым

[1] «Не менее ста лет (с середины VIII до середины IX вв.) архаическое раннегородское поселение в Ладоге не имело укреплений и располагалось вокруг гавани, первоначально образованной несколькими (ныне исчезнувшими подземляными напластованиями и фортификацией ладожских оборонительных сооружений) речными рукавами Ладожки/Елены» (Лебедев 2005: 450). Укрепления, причём каменные, в Ладоге возводятся только в эпоху Вещего Олега (Кирпичников 1984: 23-42), т.е. в совершенно другом историческом контексте, когда Любшанская крепость уже не функционировала (была разрушена в результате нападения со стороны Балтики-?), а Древнерусскому государству требовался защитный рубеж на севере.

эмпорием, находившимся под политическим контролем словен и их крепости Любши.

Поэтому периодически возникающие историографические спекуляции о Ладоге как о центре некой скандинаво-славяно-финской политии, как о «столице», откуда варяги-скандинавы будто бы управляли славянами и т.п.,[1] должны быть решительно отвергнуты как противоречащие фактам. Торговое поселение в Ладоге не имело и в силу самой своей социальной природы не могло иметь значения политико-организационного центра, не могло быть «столицей» севера Восточной Европы.

Историческая ситуация в Ладожско-Ильменском регионе и соседних землях существенно меняется в середине IX в.: с этого времени варяжская дружинная культура появляется на Новгородском (Рюриковом) городище, признаки проживания варягов появляются в Верхнем Поволжье и в некоторых других пунктах (Седов 1999а: 125-127), что вполне согласуется с рассказом ПВЛ о призвании Рюрика и его варягов[2]. Учитывая, что в предшествующие сто лет словене вполне успешно блокировали продвижение варягов, то их успешное перемещение на юг и восток около середины IX в., очевидно, явилось результатом союза со словенами. И именно как союзники словен варяги получили возможность такого продвижения.

Соответственно, можно, на наш взгляд, говорить о том, что легенда, зафиксированная в НПЛ и в ПВЛ, в общем, вполне исторично передаёт суть произошедших событий. Появление Рюрика в землях словен, главенствовавших в северной восточнославянской политии, стало результатом определённого соглашения – «ряда» между ним и словенами, а также их союзниками (кривичами, мерей и чудью).

Избрание князя из числа выдающихся по своим личным качествам мужей – традиционное для славян и других народов периода «военной демократии» явление. Память о подобной практике сохранилась в былинах: «по былинам, спасённый Ильёй город предлагает ему быть воеводой (или князем) и ʹʹсуды судить да ряды рядитьʹʹ (или суды ʹʹсудить все правильноʹʹ)» (Рыдзевская 1978: 166).

При этом решающее значение имеет не этническая принадлежность или происхождение, а личные качества человека как политика, дипломата и военачальника[3]. Ближайшей типологической аналогией «призвания» Рюрика

---

[1] Относительно новые примеры подобных построений: Цукерман 2001: 59-69; Мачинский 2009: 492-501. Ср. основанный на реальных фактах вывод В.В. Седова: «Набеги норманнов (во второй половине VIII – первых десятилетиях IX в. – М.Ж.) вглубь лесных земель славянских племён, грабежи и сборы дани представляются нереальными» (Седов 1999а: 112).

[2] Что касается летописного рассказа о дани, взимаемой варягами со словен, кривичей, чуди и мери, то отражённая в нём ситуация сложилась, видимо, лишь непосредственно накануне «призвания» Рюрика (Седов 1999а: 116-117). Отметим также, что само варяжское сказание построено по принципу литературной антитезы: «хороший» варяг Рюрик, обеспечивающий мир и правду противопоставляется «плохим» варягам, творившим насилие в землях словен и их союзников.

[3] Существует основанная на сопоставлении летописной традиции о новгородском старейшине Гостомысле, франкских источников, сообщающих об ободритском правителе Gostomuizli (Gestimulus,

является избрание среднедунайскими славянами VII в. своим правителем галло-римского или франкского купца Само, завоевавшего их расположение благодаря своей доблести в битвах с аварами (Ронин 1995: 364-397). Рюрик (или его исторический прототип), вероятно, подобно Само, был храбрым воином и выдающимся политиком, заслужившим уважение и признание со стороны словен.

Вполне историчны описанные в летописях примерные границы политии Рюрика (Свердлов 2003: 112-115), а фиксируемый археологически факт резкого увеличения в этот период потока дирхемов, поступающих в пределы этих границ (обобщение соответствующих данных см.: Серяков 2016: 183-193), говорит о том, что Рюрик вполне успешно решал ключевые экономические задачи своего «государства».

Поскольку Рюрику удалось укрепиться у власти и именно его потомки (или люди, по каким-то причинам ставшие возводить к нему своё происхождение) стали правящей династией, в исторической памяти довольно стандартный эпизод политической практики словен периода «военной демократии» трансформировался в то, что мы называем Сказанием о призвании варягов.

Получая от словен, псковских и полоцких кривичей, чуди и мери «корм» для себя и своей дружины, Рюрик так же, как некогда Само, выполнял традиционные для славянских князей общественно-полезные функции (защита своей земли, суд, текущее административное управление, охрана безопасности торговых путей, строительство городов и крепостей, сбор дани с подвластных племён и т.д.).

Резиденция Рюрика, очевидно, размещалась в сердце словенской земли в районе интенсивного земледельческого освоения на Новгородском (краеведы XIX века прозвали его «Рюриковым») городище (о Новгородском городище см.: Носов 1990; Носов, Горюнова, Плохов 2005; Носов, Плохов, Хвощинская 2017), возникшем, вероятно, ещё в первой половине IX в. как укреплённый посёлок словен (Седов 1999а: 102-103; 2003: 4-5; Носов 2017: 23-24, 28-33), и ставшем с середины IX в. политико-административным, редистрибутивным, военным, организационным и религиозным (напротив Городища находился главный культовый объект словен – Перынь) центром северной восточнославянской политии словен и их союзников.

Городище, как предшественник Новгорода, видимо, и фигурирует под соответствующим именем в летописных известиях, описывающих события второй половины IX в. Сам же Новгород в качестве городского центра формируется, по современным данным, примерно в середине X века (Янин 2004: 127-129; 2008: 27-28). Именно Новгородское городище с его крепостью и выразительной варяжской дружинной культурой и было тем историческим «Новгородом», в котором вокняжился прибывший в словенскую землю Рюрик.

Gostomuizli), и известной по выпискам В.Н. Татищева Иоакимовской летописи гипотеза, согласно которой Рюрик получил власть в Новгороде согласно матрилатеральной традиции, будучи по женской линии потомком местного княжеского рода: Азбелев 2007: 61-86; Грот 2009: 132-154.

Юго-восток славянского мира. Своеобразные политические процессы шли на юго-востоке славянского мира, где впервые фиксируется источниками этноним «русь». Существует целый ряд взаимоисключающих гипотез о его происхождении (иранская/индоарийская: Трубачев 2005: 131-188; славянская: Otrębski 1960: 219-227; Роспонд 1979: 43-47; Максимович 2006: 14-56; скандинавская: Мельникова, Петрухин 1989: 24-38; Кулешов 2009: 441-459; Николаев 2011: 411-418; ругская: Кузьмин 1970: 28-55; 2003: 268-293 и т.д.), в связи с чем довольно перспективным представляется вывод, сделанный В.А. Бримом о возможности существования соответствующих омонимичных имён как на юго-востоке Европы, так и в балтийском регионе, которые впоследствии контаминировались (Брим 1923). Данная гипотеза, с теми или иными вариациями, встретила в разное время поддержку ряда учёных (Е.А. Рыдзевская, Б.Д. Греков, М.Я. Сюзюмов, А.П. Новосельцев) и была принята М.Б. Свердловым (Свердлов 2003: 92-95; 2011: 578-584. Там же см. историографию вопроса) и А.А. Горским (Горский 2004: 43-46). Основательно развил её в своих работах А.Г. Кузьмин (Кузьмин 2003: 242-313).

Сказанное выше о варягах и словенах решительно не позволяет связывать с варягами русов ранних восточных, византийских и западноевропейских источников, действующих на юго-востоке Европы, которыми правит каган. В то время как варяги ещё не продвинулись никуда дальше Ладоги или в лучшем случае, только появились на Новгородском городище и в Верхнем Поволжье, источники надёжно локализуют русов с каганом во главе в Юго-Восточной Европе (Березовец 1970: 59-74; Рыбаков 1982: 172-234; Седов 1999: 50-82; 1999а: 27-70; 2003: 3-14; Поляк 2001: 87-91; Галкина 2002: 63-138; 2006: 202-270; 2012: 42-155, 256-313; Свердлов 1970: 363-369; 2003: 92-99; Толочко 2013: 38-59; Фроянов 2015: 93-98).

Корни этнонима и/или хоронима *рус/рос* с исходным значением «светлый»/ «белый» на юге Восточной Европы, скорее всего, уходят корнями в иранскую/ индоарийскую среду и лишь впоследствии он был усвоен частью восточных славян (Березовец 1970: 59-74; Седов 1982: 111-112; 1999: 63-67; 1999а: 27-54; Галкина 2002: 237-284, 309-328; 353-407; 2012: 294-300; 314-333; Свердлов 2003: 94-95; 2011: 578-582; Трубачев 2005: 131-188). Только в данном регионе возможно помещать политию, правитель которой именует себя «каганом», титулом, считавшимся наивысшим у народов евразийских степей, ибо только здесь были понятны его смысл и значение. Локализации Русского каганата где-то на севере (на о. Рюген, в Ладоге, на Городище, в Верхнем Поволжье и т.д.), безосновательны – титул «кагана» просто не мог там появиться, так как не имел в этом регионе никакого смысла, будучи чем-то вроде «герцога» в Китае.

При этом нет достаточных оснований помещать Русский каганат и на Среднем Днепре в Киеве, как делают многие исследователи (см. например: Рыбаков 1982: 284-316; Горский 2004: 54-58; Толочко 2013: 46-59; Фроянов 2015: 97-98), т.к. для первой половины IX в. здесь нет такого уровня материальной культуры, который позволял бы говорить о существовании столь мощной политической единицы.

Ближе всего к решению проблемы Русского каганата, на наш взгляд, подошёл с одного конца В.В. Седов, и Д.Т. Березовец с Е.С. Галкиной – с другого, сомкнувшие тему с двух сторон. В.В. Седов связал Русский каганат со славянской волынцевской культурой, существовавшей в VIII – начале IX в. на Правобережье Днепра с захватом небольшого участка Левобережья в районе Киева, территория которой совпадает с ареалом Русской земли «в узком смысле» (Седов 1999: 50-82; 1999а: 27-70; 2003: 3-14). Но в «Анонимной записке» в качестве характерного для русов типа погребения названо захоронение по обряду ингумации в «могиле в виде большого дома» (Новосельцев 1965: 398), в то время как «волынцевцы» практиковали стандартное для славян трупосожжение, также большинство восточных авторов различает русов и славян как разные этносы.

Учитывая, что описанная в источнике погребальная обрядность русов полностью соответствует катакомбным погребениям салтовской культуры, а сами «волынцевцы» испытали существенное влияние её носителей, аланов, наиболее перспективной является позиция украинского археолога Д.Т. Березовца и развившей его идеи Е.С. Галкиной, отождествивших Русский каганат с салтово-маяцкой археологической культурой верховьев Северского Донца, Оскола и Дона, а русов древнейших источников с ее носителями – североиранским этносом, близким аланам (Березовец 1970: 59-74; 1999: 321-350; Галкина 2002; 2006: 385-441; 2012: 256-313; Кузьмин 2003: 243-267; Жих 2009: 147-157; 2015б: 138-140). По мнению Е.С. Галкиной в состав Русского каганата входили и славяне-«волынцевцы» (ареал которых и стал *Русской землёй* в «узком» смысле[1]), чем объясняются их мирные и весьма тесные взаимоотношения с «салтовцами», фиксируемые по археологическим данным (Березовец 1965: 47-67; Галкина 2002: 309-328; 2006: 427-434; 2012: 294-300).

Аланская салтовская культура с её белокаменными крепостями, чеканкой собственной монеты («подражаний» дирхемам), развитым земледелием и военным делом (об аланской салтовской культуре см.: Ляпушкин 1958: 85-150; 1961: 187-214; Афанасьев 1987; 1993; Галкина 2006: 385-441; 2012: 256-313) хорошо соответствует той политии русов, которую знают восточные авторы на юго-востоке Европы. Салтовские аланы-русы серьёзно повлияли и в культурном, и, видимо, в политическом отношении на своих славянских соседей (северян, полян, донских славян и вятичей), также входивших в состав каганата.

Русский каганат был разгромлен около середины IX в. в результате венгерской и хазарской агрессии и потерял свой статус, в результате чего часть славиний

[1] Ср. вывод В.А. Кучкина о *Русской земле* на юго-востоке славянского мира, появление которой «можно относить к IX в.» как о территориально-политическом государственном образовании, на территории которого «расселялись поляне, волыняне, частично древляне и северяне» (Кучкин 2003: 72). Связывать формирование «Русской земли» с варягами как делают некоторые авторы (см. например: Петрухин 1995: 98-101; 2014: 121, 268; Пузанов 2107: 267-268) невозможно, поскольку ни в одном другом регионе Восточной Европы, где присутствуют варяги, причём присутствуют существенно раньше, чем в Среднем Поднепровье (Ладога, Городище, Верхнее Поволжье, Гнездово), никакой «руси» или «Русской земли» источникам не известно.

днепровского Правобережья оказывается на какое-то время в даннической зависимости от Хазарии (Седов 1999: 77; 1999а: 70).

По источникам неизвестно о том, чтобы какая-то из правобережных славиний подчинила себе своих соседей, но и у радимичей, и у вятичей[1] сложились мощные политии, выдержавшие длительную борьбу с экспансией Киева (радимичи – до конца X – первой половины XI в., вятичи – до второй половины XII в.: Жих 2017а: 13-26).

* * *

III. Третий этап восточнославянского политогенеза. Формирование в Среднем Поднепровье поляно-варяжской политии и объединение славиний Восточной Европы вокруг Киева

Согласно условной дате ПВЛ в 6390 (882) году в Киев из Новгорода приходит войско Вещего Олега, наследника Рюрика. Захватив Киев, князь именно сюда переносит свою ставку (ПСРЛ. I: 23; ПСРЛ. II: 16-17). Отношения между киевской полянской общиной и новой княжеской династией, очевидно, вскоре были урегулированы на взаимовыгодной договорной основе. Когда в летописях применительно к концу X века впервые появляются развёрнутые сведения о внутриполитической жизни Киева, мы видим, что все важные решения Владимир обсуждает со старцами градскими – полянской знатью (ПСРЛ. I: 82, 106-108, 124-127; II: 69, 93-94, 109-112; III: 130, 148-149, 166-167. Анализ данных летописных сообщений см.: Жих 2015а: 14-16). Очевидно, что сложился такой порядок гораздо раньше.

Варяги принесли в Киев передовую военную технику циркумбалтийского региона, а полянская община дала князьям людские контингенты для формирования войск и проведения активной завоевательной политики.

И.Я. Фроянов справедливо констатировал: «В своей политике подчинения восточнославянских племён Рюриковичи опирались в первую очередь на воев… Для покорения и обложения данью древлян, северян, радимичей и прочих князья нуждались в более мощных военных соединениях, нежели дружина» (Фроянов 1980: 190).

Никакая княжеская дружина не смогла бы завоевать и держать в подчинении славинии. Только массовое народное войско Киевщины было способно решить задачу покорения Восточной Европы. Завоевания киевских князей – это результат действий не только князей и их дружин, а и рядовых полян, объединённых в ополчение. Соответственно, и дани с покорённых славиний шли не только князю и его дружине, но всей киевской полянской общине. Вспомним сообщения летописей о дани, выплачиваемой Византией не только князю с дружинниками, но и целым русским городам (ПСРЛ. I: 31, 49; ПСРЛ. II: 22, 37), о распределении древлянской

[1] Также возможно и у северян, но об их борьбе с Киевом в письменных источниках данных почти нет.

дани между Киевом и Вышгородом (ПСРЛ. I: 60; ПСРЛ. II: 48) и т.д., а также слова Константина Багрянородного о том, что в полюдье «архонты выходят *со всеми росами*» (Константин Багрянородный 1991: 51). Под росами император, очевидно, понимает всю киевскую общину как таковую, выступающую коллективным экзоэксплуататором покорённых восточно-европейских славиний, объединившую как пришедших с севера варягов, так и полян – не случайно последние не упомянуты в списке подвластных росам «племён».

Новая среднеднепровская полития, усвоившая имя «русь»[1], в конце IX – первой половине X в. постепенно объединяет вокруг себя большинство восточноевропейских славиний (древлян, дреговичей, кривичей, радимичей, северян, уличей, словен), так создаётся восточнославянская «конфедерация», или по терминологии Б.А. Рыбакова и И.Я. Фроянова «суперсоюз»/«союз союзов»/ «федерация союзов» (Рыбаков 1958: 857; 1982: 284-286; Фроянов 1980: 13-14; 2001: 735; 2015: 147). Славянские Земли, попадавшие под власть Киева, сохраняли огромную автономию (своих князей, знать, народные собрания, политическую и военную организацию и т.д.) и нередко стремились восстановить полную независимость, хотя активно участвовали в организуемых киевскими князьями военно-торговых экспедициях (ср. перечни участников походов на Византию в 907 и 944 гг.: ПСРЛ. I: 29, 45; ПСРЛ. II: 21, 34), получая свою долю даней и выхода на международные рынки.

Главной формой зависимости восточнославянских Земель от Киева была выплата дани. Здесь та система полюдья, которую мы уже рассматривали на уровне отдельных славиний, вышла на новый, более высокий уровень: если полюдье в рамках конкретной славянской этнополитии представляло собой обеспечение князя социумом за выполнение им общественно-полезных функций (Фроянов 1996: 448-484), то теперь оно превращается в форму сбора дани киевской общиной с покорённых славиний, в отношении которых она выступает коллективным завоевателем.

О том, как происходил первоначально сбор дани с покоренных Киевом этнополитических объединений восточных славян, рассказывает византийский император Константин Багрянородный в своем сочинении «Об управлении империей»: «*Зимний же и суровый образ жизни тех самых росов таков. Когда наступит ноябрь месяц, тотчас их архонты выходят со всеми росами из Киава (Киева – М.Ж.) и отправляются в полюдия, что именуется ''кружением'', а именно – в Славинии вервианов (древлян – М.Ж.), другувитов (дреговичей – М.Ж.), кривичей, севериев (северян – М.Ж.) и прочих славян, которые являются пактиотами (данниками – М.Ж.) росов. Кормясь там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепр,*

[1] Ср. слова ПВЛ о том, что воины Олега «прозвались» *русью*, только попав в Киев: «[И] бѣша оу него (у Олега – М.Ж.) варязи и словѣни и прочи прозвашася русью» (ПСРЛ. I: 23; ПСРЛ. II: 17); в НПЛ (Начальном своде-?): «и бѣша у него (у Игоря – М.Ж.) варязи мужи Словенѣ и оттолѣ прочии прозвашася Русью» (ПСРЛ. III: 107, 434, 514).

возвращаются в Киав. Потом так же, как было рассказано, взяв свои моноксилы (ладьи – М.Ж.), они оснащают их и отправляются в Романию (Византию – М.Ж.)» (Константин Багрянородный 1991: 51).

Из текста источника следует, что дань представляет собой натуральное обеспечение – ʻʻкормʼʼ. Даннические отношения в Восточной Европе первой половины X века ещё довольно архаичны, сводясь, преимущественно, к простому натуральному обеспечению победителей побеждёнными.

Характерно, что из другого места сочинения византийского императора мы узнаём, что даже такие важные для русов вещи как ладьи, отнюдь не являлись частью дани, а покупались русами у представителей славиний: «*Славяне же, их (русов – М.Ж.) пактиоты, а именно: кривитеины (кривичи – М.Ж.), лендзанины (радимичи – М.Ж.) и прочие Славинии – рубят в своих горах моноксилы во время зимы и, снарядив их, с наступлением весны, когда растает лед, вводят в находящиеся по соседству водоемы. Так как эти [водоемы] впадают в реку Днепр, то и они из тамошних [мест] входят в эту самую реку и отправляются в Киову (Киев – М.Ж.). Их вытаскивают для [оснастки] и продают росам*» (Константин Багрянородный 1991: 44-45).

Подробный анализ древнерусского полюдья как важной части политической системы формирующегося государства был произведен Б.А. Рыбаковым (Рыбаков 1982: 316-342. Об аналогах славянского института полюдья в других странах см.: Полюдье 2009), по мнению которого оно представляло собой последовательный круговой объезд названных Константином славиний (Рыбаков 1982: 317. Рисунок с маршрутом полюдья).

Иначе интерпретировал организацию полюдья М.Б. Свердлов. Обратив внимание на то, что в рассказе о полюдье Константин не только перечисляет несколько славиний, но говорит и о «прочих славянах», а в другом месте называет данниками Руси также лендзян и уличей, учёный заключил: «полюдье является не последовательным объездом только древлян, дреговичей, кривичей и северян, а разъездом ʻʻархонтовʼʼ из Киева по ʻʻСлавиниямʼʼ, названным ʻʻи прочих славянʼʼ. Там они совершали круговой объезд»; «великий князь, члены великокняжеской семьи, знатные княжие мужи с дружинами (ʻʻсо всеми росамиʼʼ) ежегодно выходили из Киева с ноября по апрель *кормиться*» (Свердлов 2003: 167-168, 169).

В поддержку гипотезы М.Б. Свердлова можно привести летописное сообщение, согласно которому Игорь передал дань с уличей и древлян своему воеводе Свенельду, в результате чего собственные дружинники стали жаловаться Игорю: «отроци Свѣньлъжи изодѣлися суть оружьемъ и порты, а мы нази» (ПСРЛ. I: 54; ПСРЛ. II: 42; ПСРЛ. III: 110). Получается, что Игорь и его дружина не принимали участия в сборе дани Свенельдом с двух названных «племён»; Свенельд собирал дань в одних славиниях, Игорь – в других.

Отношения данничества всегда обращены «во вне». Это отличает основанные на них политические объединения от собственно государства, где отношения эксплуатации обращены «внутрь» самого общества.

Итак, политическая организация формирующегося Русского государства предстаёт перед нами в качестве двухуровневой:

(1) Уровень отдельных славиний с их социально-политической организаций (князья, знать, народные собрания, войска, города, принцип взаимных обязательств между народом и властью и т.д.);

(2) Общерусский уровень, на котором киевская община (с её князьями, знатью, народными собраниями, войсками, городами, принципом взаимных обязательств между народом и властью и т.д.) выступает в качестве коллективного завоевателя и правителя.

Такая система с неизбежностью вела к столкновению между двумя названными уровнями. Цели славиний с одной стороны и цели Киева с другой были противоположны. Первые стремились к восстановлению полной независимости, второй – к усилению своего контроля и в перспективе к началу прямого управления завоеванными областями (ср.: Пузанов 2017: 180-181). Летописи пестрят указаниями на войны Киева со славиниями (ПВЛ 2007: 11, 14, 21, 26-29, 31, 35, 38-39).

Наиболее острые формы приняла борьба киевского и древлянского обществ. Древляне не только не хотели мириться со своим статусом киевских данников, но и сами претендовали на лидирующее положение в Восточной Европе.

Кульминацией противостояния древлян и киевских русов стал в 6453 (945) году разгром древлянами дружины киевского князя Игоря и его жестокое убийство: «*Игорь иде в Дерева в дань, и примышляше къ первои да[н]и [и] насиляше имъ и мужи его. Возьемавъ дань, поиде въ градъ свои. Идуще же ему въспять, размысливъ рече дружинѣ своеи: ''Идѣте съ данью домови, а я възъвращюся, похожю и еще''. Пусти дружину свою домови, съ маломъ же дружины възъвратися, желая больша имѣнья. Слышавше же деревляне яко опять идеть, сдумавше со княземъ своимъ Маломъ: ''Аще ся въвадить волкъ в овцѣ, то выносить все стадо, аще не оубьють его, тако и се. Аще не оубьемъ его, то все ны погубить''. [И] послаша к нему глаголюще: ''Почто идеши опять? Поималъ еси всю дань''. И не послуша ихъ Игорь. И вышедше изъ града Изъкоръстѣня деревлене, оубиша Игоря и дружину его, бѣ бо ихъ мало*» (ПСРЛ. I: 54-55: ПСРЛ. II: 43; ПСРЛ. III: 110).

Византийский историк Лев Диакон сообщает об ужасном способе казни, которому подвергли древляне ненавистного им завоевателя Игоря: «*отправившись в поход на германцев (Γερμανοι – очевидно ошибочная форма из Βερβιανοι, как называет древлян Константин Багрянородный – М.Ж.), он был взят ими в плен, привязан к стволам деревьев и разорван надвое*» (Лев Диакон 1988: 57).

После убийства Игоря у древлянского князя Мала были далеко идущие планы по женитьбе на Ольге, подчинении Киева и переходу власти в Восточной Европе к древлянам («Се князя оубихомъ рускаго, поимемъ жену его Вольгу за князь свои Малъ, и Святослава и створимъ ему якоже хощемъ»: ПСРЛ. I: 55; ПСРЛ. II: 43; ПСРЛ. III: 110), причём по представлениям того времени он был полностью в своём праве: убив своего противника победитель перенимал его власть, получал его жену и его владения. Вспомним летописные эпизоды о том, как князь Мстислав Тмутаракан-

ский убив в бою касожского князя Редедю завладел его женой и землями (ПСРЛ. I: 146-147; ПСРЛ. II: 134), или как Владимир, убив Ярополка получил не только принадлежавший ему киевский стол, но и его жену с сыном (ПСРЛ. I: 78; ПСРЛ. II: 66; ПСРЛ. III: 127).

Ольга в сложившейся ситуации проявила себя волевым решительным политиком (об Ольге, ее происхождении и о том, как она оказалась во главе киевской общины после гибели Игоря см.: Королев 2000: 128-150; 2002: 118-147; Карпов 2009). Отправившись в поход на Древлянскую землю, она разбила древлянские войска, и взяла её столицу Искоростень. После победы Ольга «взя градъ и пожьже и, старейшины же града изънима[1], и прочая люди овыхъ изби, а другия работе предасть мужемъ своимъ, а прокъ их остави платити дань. И възложиша на ня дань тяжьку» (ПСРЛ. I: 59-60).

Древлянская знать в качестве политического субъекта и оплота древлянской независимости была в первую очередь устранена Ольгой с политической сцены. Именно знать была оплотом политической субъектности древлян. Ликвидировав элиту древлянского социума, Ольга, очевидно, разрушила всю систему вертикальных связей древлянского общества, его привычную структуру, которая поддерживала целостность всего их этнополитического союза, что стало толчком к началу утратой древлянами своего самосознания и к их растворению в составе формирующейся древнерусской народности (об убийстве древлянами Игоря, о последовавшем за этим покорении Древлянской земли, а также о смысловых нагрузках летописного рассказа об этих событиях см.: Соловьев 1959: 150, 153-156; Мавродин 1945: 246-250; Рыдзевская 1978: 193-202; Рыбаков 1982: 325-328, 360-363; 1987: 365-378; Демин 1993: 47-49; Петрухин 1995: 143-153; 2014: 277-284; Фроянов 1995: 49-77; 1996: 381-393; 2015: 167-172; Королев 2000: 102-150; 2002: 74-91, 118-141; Свердлов 2003: 86-91, 180-183; ПВЛ 2007: 434-439 (комментарии Д.С. Лихачева); Карпов 2009: 81-112).

Война киевских русов и древлян носила очень жестокий характер. Археология свидетельствует о значительном погроме в Древлянской земле в середине X века, вызвавшем её архаизацию и некоторое запустение. Из известных археологам на конец 2000-х гг. двадцати укреплённых древлянских поселений («градов») только пять демонстрируют непрерывность развития на протяжении всего древнерусского периода, остальные победу Ольги не пережили, причём вплоть до XII в. новые фортификации в регионе не возводились (Звiздецкий 2008: 78-79; 97).

Сила древлян оказалась подорвана и их претензии на лидерство в Восточной Европе были уничтожены навсегда.

* * *

[1] Любопытное разночтение относительно судьбы древлянских старейшин дает Ипатьевская летопись, согласно которой Ольга «старейшины же города ижьже» (ПСРЛ. II: 48), что, по мнению И.Я. Фроянова, может свидетельствовать о ритуальном сожжении (Фроянов 1995: 80).

IV. Реформы княгини Ольги. Создание системы погостов[1]

Масштабная война с древлянами стала рубежом в истории взаимоотношений Киева и подчиненных ему славиний, положив начало новому этапу в процессе становления и консолидации Русского государства как политического организма.

Понимая, что двухступенчатая организация формирующегося Русского государства, ведущая к острым конфликтам, зашла в тупик и изжила себя, Ольга начинает проведение важных политико-административных реформ, направленных на централизацию подвластного Киеву восточнославянского мира. Реформы Ольги разграничивают два периода истории Руси и поворачивают её на новую траекторию развитию.

Под 6454 (946)/6455 (947) гг. в ПВЛ и НПЛ содержатся рассказы об устроительных мероприятиях Ольги, которые можно разбить на четыре условных блока[2] (Таблица 2).

Таблица 2. Устроительная деятельность княгини Ольги по данным начального летописания

Лаврентьевская летопись (ПСРЛ. I: 60)	**Ипатьевская летопись (ПСРЛ. II: 48-49)**	**Новгородская первая летопись (ПСРЛ. III: 113)**
(1) Иде Вольга по Дерьвьстѣи земли съ сынъмъ своимъ и съ дружиною, оуставляющи оуставы и оуроки; [и] суть становища еѣ и ловища.	(1) Иде Олга по Деревьскои земли съ сыномъ своимъ и дружиною своею, оуставляющи оуставы и оурокы; и суть становища ея и ловища ея.	(1) Иде Олга по Деревостѣи землѣ съ сыномъ своимъ и с дружиною своею, уставляющи уставы и урокы; и суть становища ея и ловища.
(2) Иде Вольга Новугороду и оустави по Мьстѣ повосты и дани, и по Лузѣ оброки и дани;	(2) Иде Олга к Новугороду и оустави по Мьстѣ погосты и дань, и по Лузѣ погосты и дань и оброкы;	(2) Иде Олга к Новугороду, и устави по Мьстѣ погосты и дань;
(3) [и] ловища ея суть по всеи земли, знаменья, и мѣста, и повосты, и сани ее стоять въ Плесковѣ и до сего дьне;	(3) и ловища ея суть по всеи земли, и знамения, и мѣста, и погосты, и сани ея стоять въ Плесъковѣ и до сего дни;	(3) и ловища ея суть по всеи земли, и знамение, и мѣста по всеи земли, и погосты, а санки ея стоять во Пьсковѣ и до сего дни;
(4) и по Днѣпру перевѣсища, и по Деснѣ, и есть село ее Ольжичи и доселе; и изрядивши, възратися къ сыну своему Киеву.	(4) и по Днѣпру перевѣсища, и по Деснѣ, и есть село ея Ольжичи и до сего дни; изрядивши, възвратися къ сыну своему в Киевъ.	(4) по Днѣпру перевѣсища и села, и по Деснѣ, есть село ея и доселѣ; и възвратися къ сыну своему Кыеву.

[1] В основу данного параграфа положен существенно переработанный, исправленный и дополненный текст нашего доклада: Жих 2013: 33-50.

[2] Их выделил М.Б. Свердлов (Свердлов 2003: 183-184). Мы принимаем это разделение и используем его в дальнейшем анализе.

Все три летописи (Лаврентьевская, Ипатьевская и Новгородская первая) содержат, с определёнными отличиями, близкий в текстуальном отношении рассказ, состоящий из одних и тех же четырёх смысловых блоков. В ПВЛ имеется лишь одно существенное расширение – пассаж о погостах, данях (плюс оброках по ИЛ) на Луге. Этот непростой для интерпретации летописный текст давно уже находится в центре внимания исследователей[1].

А.А. Шахматов считал, что второй и третий блоки (о деятельности Ольги в районе Новгорода и Пскова) имеют новгородское происхождение, восходя к Новгородскому своду 1050-х гг., и являются вставкой, сделанной в текст киевского Начального свода середины 1090-х гг. В предшествующем киевском летописании (Древнейшем своде времён Ярослава Мудрого) присутствовали только первый и четвёртый блоки, составляющие изначально единый рассказ не разделённый «новгородской» вставкой (Шахматов 2002: 91, 129-130).

При этом учёный предположил, что рассказ о деятельности Ольги на Новгородчине является искусственным, созданным автором Новгородского свода середины XI в. под влиянием рассказа Древнейшего киевского свода о мероприятиях княгини в Древлянской земле. Связанно это было с существованием на новгородском севере своей собственной Деревской земли (пятины), наличие которой и позволило будто бы новгородскому летописцу 1050-х гг. приурочить рассказ Древнейшего свода о деятельности Ольги у древлян к Новгородчне. Позднейший киевский летописец, автор Начального свода конца XI в. просто соединил эти два рассказа (Шахматов 2002: 129-130).

В современной историографии мнения о недостоверности летописного рассказа о деятельности Ольги в Новгородской земле придерживается Н.Ф. Котляр. Вслед за А.А. Шахматовым историк отмечает, что «возле Новгорода в древнерусское время существовала своя Деревская земля, деревский погост. В начале XI в. Деревской землей называлась область Новоторжская, возле Торжка, а сам город Торжок звался в древности… Искоростенем» (Котляр 1986: 100).

Не все, однако, так просто. Если и признать, что рассказ о деятельности Ольги в Новгородской земле – вставка, основанная на новгородских источниках XI в., то это отнюдь не отменяет того, что в Новгороде, также как и в Киеве, могла сохраняться собственная память о деятельности Ольги.

Возникает и следующий естественный вопрос: а откуда, собственно, на севере Руси взялась Деревская земля, да еще и со своим собственным Искоростенем? Н.Ф. Котляр считает, что она была заселена колонистами с юга, выходцами из Древлянской земли (Котляр 1986: 100), но не конкретизирует это положение. По

[1] Подробный историографический обзор до середины 90-х гг. см.: Фроянов 1996: 394-406, 412-421. Наличие это обзора делает излишним полное рассмотрение в данной статье историографии всех аспектов проблемы реформаторской деятельности Ольги, поэтому мы останавливаемся лишь на нескольких узловых для нашей темы моментах. Другие историографические обзоры см.: Свердлов 1983: 62-64; 2003: 182-195; Платонова 2012: 329-340.

мнению А.С. Королева речь тут может идти о древлянах, бежавших из своей земли на север после подавления их восстания Ольгой (Королев 2002: 120).

На наш взгляд, вполне уместно предположить, что, разгромив древлян, именно Ольга целенаправленно переселяет часть их в Новгородскую землю[1]. Осуществляет, так сказать, первую известную нам в отечественной истории депортацию непокорных (вспомним длительную историю борьбы Киева с древлянами, сообщениями о которой летопись просто пестрит: ПВЛ 2007: 11, 14, 21, 35) в другую часть страны, чтобы оторвать их от родной земли и навсегда покончить с традиционной для Киева «древлянской проблемой». Масштаб столкновения (борьба между древлянами и киевскими русами за лидерство в Восточной Европе) диктовал и необходимость принятия радикальных мер. Переселение части древлян в Новгородскую землю и могло стать именно такой мерой.

Связь Ольги с Новгородской-Псковской словенско-кривичской землей несомненна (Королев 2000: 128-132; 2002: 120-121 и сл.). Сама она происходила именно оттуда (Королев 2000: 128-132; 2002: 118-120; Карпов 2009: 11-36. См. также: Свердлов 2003: 182-183) и именно там княжил впоследствии ее сын Святослав, как о том сообщает Константин Багрянородный (Константин Багрянородный 1991: 45).

Важно, что в дальнейшем система погостов получит наибольшее развитие именно в Новгородской земле[2], в то время как в остальных регионах Руси постепенно исчезнет, а летописи особо отмечают создание их там Ольгой. Поэтому подвергать сомнению рассказ о деятельности княгини Ольги в Новгородской земле, на наш взгляд, нет оснований, хотя идея о восхождении его к Новгородской летописи XI в. вполне правомерна.

Присутствие рассказов о реформах Ольги в древнейших летописных сводах Киева и Новгорода указывает на то, что в целом они в качестве исторического заслуживают серьёзного доверия. Во времена составления древнейших летописей созданные Ольгой погосты могли ещё существовать. Так, по словам Н.И. Платоновой «например, на Мсте в XI в., действительно, существовали старинные погосты, основание которых связывалось современниками с деятельностью княгини Ольги. Сходным образом обстоит дело и с летописным упоминанием Луги» (Платонова 2012: 136).

Н.М. Карамзин справедливо назвал проведенные Ольгой реформы делом «великой законодательной мудрости» и важным этапом в развитии «внутреннего порядка государства» (Карамзин 1989: 270).

Что касается связи «вотчинно-домениальной» (*села*, *перевесища*, *ловища*) и «государственно-административной» (*погосты*, *становища*, *уставы*, *уроки*)

[1] Впоследствии киевское правительство часто практиковало подобные переселения, преследовавшие его организационно-политические цели (Шинаков 2006: 122-146).

[2] О погостах в Новгородской земле см.: Насонов 2002: 85-105. Проблема дальнейшей эволюции погостной системы остаётся за рамками нашей статьи (о ней см.: Платонова 2012: 328-388). Мы рассматриваем только их появление и начальный этап развития (середина X – начало XI в.).

составляющих в деятельность княгини Ольги, то *села*[1], *перевесища, ловища* и т.д. могли быть не столько неким «доменом Ольги», о котором часто писали в советской историографии, сколько предназначаться для хозяйственно-бытового обеспечения *погостов*. Не случайно летописец помещает все эти понятия в единый смысловой ряд.

Комплекс известий о *селах*, *знаменьях*, *ловищах*, *перевесищах* и т.д. в историографии традиционно принято связывать в первую очередь с созданием (или реформой) Ольгой домениального землевладения киевских князей. Особенно принято было подчеркивать этот момент в советской историографии, стремившейся во что бы то ни стало найти на Руси уже с IX-X вв. крупное феодальное землевладение. Так Б.А. Рыбаков полагал, что «время княгини Ольги… было временем усложнения феодальных отношений, временем ряда запомнившихся реформ, укреплявших и юридически оформлявших обширный, чересполосный княжеский домен от окрестностей Киева до… Луги и… Мсты» (Рыбаков 1982: 367).

Л.В. Черепнин считал, что летопись рассказывает об «организации хозяйства на землях, принадлежащих князьям-вотчинникам, пользовавшимся трудом феодально-зависимых людей… Вероятно, часть земельной площади была изъята Ольгой у пользовавшихся ей общинников в личную собственность» (Черепнин 1965: 150). Аналогично и мнение О.М. Рапова (Рапов 1977: 27).

Эти положения оспорил И.Я. Фроянов, который полагает, что села Ольги были немногочисленны и заводились преимущественно с промысловыми целями (Фроянов 1999: 136-138). Что же касается *ловищ*, *перевесищ* и *становищ* Ольги, то их ученый определяет как места ловли жертвенных животных и птиц (*ловища* и *перевесища*) и их ритуальных жертвоприношений, которые совершала Ольга в специальных местах (*становищах*), чтобы таким сакральным путем обеспечить себе победу над древлянами (Фроянов 1996: 406-412).

Построения И.Я. Фроянова подверг критике М.Б. Свердлов (Свердлов 2003: 190-191 и сл.), который считает, что «известия исторических источников свидетельствуют о существовании в середине X в. комплексного княжеского хозяйства, включавшего села» (Свердлов 2003: 195).

Существование во времена Ольги княжеского хозяйства мы считаем вполне реальным, но не стоит преувеличивать его масштабы и удельный вес в экономике, как это имело место в советской историографии. По отношению к землевладению свободного населения оно составляло крайне незначительную величину, а его основной функцией, скорее всего было именно хозяйственное обслуживание погостов (ср.: Рыбаков 1982: 363-365 и сл.).

---

[1] Кроме Ольжичей у Ольги были и другие владения. Так, например, есть известие о принадлежности ей Вышгорода (ПСРЛ. I: 60; ПСРЛ. II: 48; ПСРЛ. III: 113), информация и о владении Ольгой селом Будутиным (ПСРЛ. IX: 35). Сомневаться в достоверности этих известий, равно как и отрицать связь Ольги с Ольжичами нет оснований (Свердлов 2003: 194-195).

Однако нас в первую очередь интересует другой аспект деятельности Ольги, связанный с установлением *уставов* и *уроков* и созданием *становищ* и *погостов*. Что касается *уставов* и *уроков*, то они представляли собой, очевидно, чётко прописанные нормы взимаемой Киевом дани, что было в то время особенно актуально, ведь именно из-за нарушения установленных размеров дани погиб князь Игорь. О том, что дань и ранее была тарифицирована, свидетельствуют слова древлян Игорю: «Почто идеши опять? Поимал еси всю дань» (ПСРЛ. I: 55: ПСРЛ. II: 43; ПСРЛ. III: 110). Именно нарушение Игорем установленных норм сбора дани и послужило причиной конфликта с древлянами.

Поэтому задача четкого определения размеров дани, взимаемой с подвластного населения, была очень актуальна для киевского правительства. Ольга тарифицирует дань и определяет ее точные размеры (Насонов 2002: 53; Фроянов 1996: 412; 2015: 172-173). Однако, реформа Ольги состояла в первую очередь в том, что княгиня *изменяет сам порядок сбора дани*, отказываясь от полюдья – объезда всех подчиненных славиний и переходит к стационарному сбору дани, так сказать, децентрализует процесс ее сбора, поручая его своей новой администрации на местах (Юшков 1939: 88), создавая для этого особые опорные пункты в подвластных землях – *становища* и *погосты*. Что же скрывается за этими названиями и какие изменения в организации социально-политического устройства Киевской Руси отражало их создание?

Попробуем проникнуть в смысл произошедших в середине X в. перемен. Определение того, как следует определять сущность и функции созданных Ольгой погостов и становищ вызвало значительные разногласия в историографии. Можно выделить несколько общих подходов, которых, так или иначе, придерживались учёные, касавшиеся темы возникновения погостов и их функций на раннем этапе существования.

Понимание учёными погостов как центров торговли и административного управления

Лингвистически выделяется несколько хронологически последовательных этапов изменения значения слова «погост» в древнерусском языке: (1) Место гощения купцов (постоялый двор) → (2) Место пребывания князя и его подчиненных, выезжающих за данью → (3) Главное поселение округа → (4) Церковь в нем → (5) Кладбище при церкви → (6) Кладбище (Шанский, Иванов, Шанская 1971: 346; ср.: Преображенский 1959: 85; Фасмер 1987: 295).

Очевидно, что временам Ольги и ее ближайших преемников (середина X – начало XI в.) соответствуют второе, а затем и третье значение. Так считал ряд дореволюционных ученых (Лешков 1858: 225; Сергеевич 1903: 246; Дьяконов 2005: 136; Пресняков 1993: 310), а также советских и современных исследователей.

По мнению С.М. Соловьёва, погосты, изначально бывшими местами княжеских остановок во время полюдья, постепенно превращались в пункты стационарного административно-территориального управления: «для большего удобства эти места княжеской стоянки могли быть определены навсегда, могли быть построены небольшие дворы, где могли быть оставлены княжеские приказчики (тиуны), и, таким образом, эти погосты могли получить значение небольших правительственных центров и передать своё имя округам; впоследствии здесь могли быть построены церкви, около церквей собирались торги и т.д.» (Соловьев 1959: 157).

В.О. Ключевский считал, что слово «погост» происходит от «гостить» – 'торговать' и понимал под погостами поселения, предназначенные для торговли, со временем развившиеся в центры округ (Ключевский 1987: 141).

М.Ф. Владимирский-Буданов особо отмечал сакральное значение погостов, как «мест сходбищ для общественного богослужения», что и предопределило развитие в них торговли (Владимирский-Буданов 2005: 102).

Согласно Б.Д. Грекову, Ольга «внедряется в толщу местного общества, старается в разных пунктах Древлянской и Новгородской земли создать особые хозяйственно-административные пункты, поручаемые в управление своим людям, долженствующим выполнять в то же время и задачи политические – укрепление власти киевского князя на местах» (Греков 1953: 301).

Сходным образом рассуждал и В.В. Мавродин, при этом ученый пытался проследить генезис данных пунктов и связать их с местными центрами более ранней поры, которые он понимал близко к В.О. Ключевскому: «''Уставляя'' землю, Ольга вводила погосты. Погосты из селищ и мест для торговли, ''гостьбы'', превращаются в административные центры княжеского финансового управления. Понятно, почему именно погосты Ольга делает ячейками своего княжеского управления. Это были места, объединяющие население целого района, где оно торговало и общалось друг с другом. Здесь и следовало основывать княжеские опорные пункты, дабы использовать исторически сложившиеся условия, в результате которых погост являлся объединяющим центром всех тянувших к нему поселений… В погостах постоянно проживали княжеские ''мужи'', систематически собиравшие дань, ''творившие'' именем князя, на основе обычного права, ''закона русского'', суд и расправу и взимавшие судебные пошлины. При такой системе существование самостоятельных племенных князей было немыслимым» (Мавродин 1945: 251).

В рассуждениях учёного существенный научный интерес представляют мысли ученого о создании Ольгой своих новых административных пунктов на основе древних местных центров и о постепенной замене администрацией, назначаемой из Киева, местных органов власти.

Близка к этому и точка зрения А.А. Зимина. По мнению историка первоначально погосты были «какими-то старыми племенными центрами», которые Ольга превратила «не только в сборные пункты дани, но и в центры судебно-административной деятельности» (Зимин 1965: 241).

А.Н. Насонов считал, что «первоначально все погосты имели значение ''становищ'', как можно заключить из летописного текста под 946-947 гг., откуда распространялась во время объездов деятельность административно-финансовая и судебная на окружные места» (Насонов 2002: 87-88). С их помощью «притянутая Киевом территория, населённая древлянами, закреплялась как киевская», на которой «устанавливались более или менее определённые размеры сбора дани». При этом историк считает погосты лишь «постоянными определенными местами объезда» во время полюдья (Насонов 2002: 53), с чем нельзя согласиться. Прав, на наш взгляд, С.В. Юшков, который указывал на несовместимость объезда, известного как *полюдье* с *погостами* как стационарными пунктами сбора дани и административно-судебного управления, в которых сидели «постоянные княжеские агенты» (Юшков 1949: 114).

Н.И. Платонова, в своей диссертации, специально посвящённой погостам Новгородской земли, привлекая к решению проблемы археологические данные, сделала вывод, что формирование на Руси системы погостов связано с «успехами окняжения земель во второй половине X в. Возникновение сети погостов-центров соответствует этапу развития государственности, на котором грабеж ''примученных'' племен и архаичное полюдье уступали место регулярному сбору даней по округам. Сбор проводился верхушкой местного населения, активно включившейся в процесс раннеклассовой эксплуатации соплеменников. Подоснова, на которой возникали погосты X-XI вв., могла быть различной. В частности, такую роль принимали на себя и более ранние территориальные центры. Однако путать само явление с его подосновой не следует» (Платонова 1988: 16).

Интересны мысли исследовательницы о связи созданных центральной киевской властью погостов с древними местными центрами, а также о том, что к управлению в них могла привлекаться и местная знать, а не только посланцы из Киева.

В своей более поздней работе Н.И. Платонова, отметив, что археологически, действительно, фиксируется, начиная с середины X века расцвет поселений, предположительно представлявших собой погосты на р. Луге (в качестве примера приводится Передольский погост: Платонова 2012: 347-348), исследовательница сделала вывод, что «древнейшие погосты X-XI вв. предстают перед нами, в первую очередь, как населённые пункты, центры округи. Нет прямых сведений, что округа таких центров-погостов в указанный период тоже называлась ''погостом''» (Платонова 2012: 377). Касаясь вопроса о подоснове погостной системы, Н.И. Платонова повторила свой старый вывод, приведённый выше (Платонова 2012: 377-378).

«Чаще всего погосты X-XI вв. возникали как податные и судебные центры определённых волостей, сложившихся гораздо ранее… Судя по письменным источникам погосты на раннем этапе не представляли собой системы территориального деления, отличной от волостной» (Платонова 2012: 378). На

большей части территории Руси система погостов по разным причинам исчезает, сохраняясь и трансформируясь только в Новгородской земле (Платонова 2012: 378-379).

А.Ю. Карпов считает, что целью действий Ольги было «создание таких условий, при которых личное присутствие князя для взимания дани уже не требовалось… Реформа княгини Ольги… освобождала княжескую власть от колоссальной нагрузки ежегодного объезда огромных территорий… Создание сети ''погостов''… было по существу первым шагом в деле реального огосударствления всей территории Древней Руси» (Карпов 2009: 120).

Понимание учёными погостов как центров феодального властвования и финансово-административных округов

Иной ход рассуждений задал С.В. Юшков, по мнению которого погосты «не были просто финансово-административными центрами: они были центрами феодального властвования, основными очагами феодальной эксплуатации» (Юшков 1936: 137).

Данную идею активно развивал впоследствии Б.А. Рыбаков, который считал, что «киевская княгиня… организует сеть погостов-острогов, придающую устойчивость ее домениальным владениям», а сам погост «представлял собой микроскопический феодальный организм, внедренный княжеской властью в гущу крестьянских ''весей'' и ''вервей''» (Рыбаков 1982: 364-365) и был в то же время административным центром определенного района (Рыбаков 1982: 365-367).

Подобные суждения основаны на преобладающей в советской историографии, но не находящей подтверждения (Фроянов 1999) концепции об утверждении феодальных отношений в сфере землевладения на Руси уже в IX-X вв., хотя отдельные представляющие интерес и ныне детали в них имеются.

А.К. Неволин считал погосты «отдельными географическими и правительственными округами». В тоже время, он понимал под погостами и центры таких округов, которые имели сакральную функцию центров общественного богослужения (Неволин 1853: 69-90).

Этот подход был продолжен в советской историографии С.В. Юшковым, который заключил, что погосты – это созданные Ольгой «финансово-административные округа» (Юшков 1939: 87).

Аналогично мнение Б.А. Романова, который считал погост территориальной единицей, созданной князьями в административных и податных целях (Романов 1960: 341-375), и Б.А. Тимощука (Тимощук 1990: 106; 1995: 186-187).

На наш взгляд, данная позиция не противоречит принципиально выделенному нами выше первому взгляду на погосты Ольги в историографии. Район, центром которого был погост вполне мог носить тоже название, что и сам погост (ср.: Тимощук 1995: 186-187). Не случайно, что большинство сторонников

этого подхода понимали погост и как некий административный центр и как весь подвластный ему район. Второе значение, на наш взгляд, явно вторично и в дальнейшем получило на Руси лишь локальное распространение в рамках сложения и эволюции ее административной системы. Основное значение термина «погост» в рассматриваемые нами времена – это, безусловно, «место пребывания князя и его подчиненных, выезжающих за данью», а затем и «главное поселение округа».

Совсем иначе представлял себе генезис погостов Н.Н. Воронин, по мнению которого погост – это вовсе не «результат деятельности ''мудрой Ольги''», а «сложная система общественных отношений, в которой на еще доклассовую основу наслаивались позднейшие процессы. Одним из основных моментов нужно считать превращение этих погостских общин в податные общины; не обложение данью создавало погосты, а дань, собиравшаяся в частности Ольгой, легла на исторически сложившиеся территории общин, усвоив имя погоста-дани; не приезд князя или купца создавал погост, как поселение, а князь и купец собирали дань и торговали в старых центрах архаической сельской общины». Погостом, по мнению ученого, «называлась, с одной стороны, определенная система поселения, а именно – сельская община, и, с другой стороны, ''погостом'' же называется определенный вид дани», взимавшийся с отдаленных сельских районов (Воронин 1935: 24-27).

Мнение Н.Н. Воронина убедительно оспорил Б.А. Романов, показавший, что именно «от Ольги… остались какие-то территориальные пункты – погосты. Что они были удобно расположены или установлены для сбора дани не в отдалении от населенных мест, а, скорее всего в исторически сложившихся центрах населенных районов, это довольно правдоподобно» (Романов 1960: 342), но Н.Н. Воронину «не удалось привести ни одной черточки в источниках в пользу того, что территориальная община всюду и везде носила на дофеодальном этапе название ''погост''» (Романов 1960: 415), а так как Н.Н. Воронин не предложил никакого нового объяснения происхождения самого этого термина, «простое отрицание его связи с гостьбой и остановками князей в полюдье не продвигает, а тормозит отнесение этого термина в дофеодальную древность» (Романов 1960: 415). К этому еще можно добавить, что понимание термина *погост*, как некоего вида дани ни из каких источников вывести невозможно.

Л.В. Черепнин, также понимая погосты как некие административно-фискальные округа, попытался наметить динамику их развития. На первом этапе, по мнению ученого, погост – это община, социальная организация, которая в Русской правде фигурирует как «вервь». Здесь, как видим, Л.В. Черепнин сближается с Н.Н. Ворониным. Затем погосты из поселений соседских общин трансформируются в административно-фискальные округа, каковые и создавала Ольга в ходе своих реформ (Черепнин 1972: 150-153), что близко к идее Б.А. Романова («промежуточную позицию» Л.В. Черепнина «в споре Б.А. Романова с Н.Н. Ворониным» отметил ранее И.Я. Фроянов: Фроянов 1996: 216).

В.Я. Петрухин считает, что при Ольге происходит «становление общегосударственной системы налогообложения и сети поселений, обеспечивающих сбор податей», создаётся «общегосударственная сеть пунктов, связанных с княжеской властью, – от городов и сёл до охотничьих угодий» и считает подобными пунктами связанные с пребыванием дружины поселения типа Гнездова, Тимирева, Городища и т.д., долженствующие противостоять местным «племенным» центрам, неподвластным Киеву (Петрухин 1995: 154-169; 2014: 232-253)[1].

Идеи историка о погостах как киевских опорных пунктах, внедряемых в славинии и противостоящих существующим в них политическим центрам весьма плодотворны, но согласиться с предложенной их атрибуцией невозможно. Во-первых, большинство указанных В.Я. Петрухином поселений возникает задолго до реформаторской деятельности Ольги. Во-вторых, они отнюдь не однотипны, напротив, формируются в разное время и по разным причинам, имеют совершенно разные экономические и социально-политические функции (Городище – полититко-административный центр словен и всей северной «конфедерации», Шестовица – военный лагерь, Гнездово – торговый город с возможным «экстерриториальным» статусом аналогичным статусу ранней Ладоги, о которой говорилось выше[2] и т.д.). В-третьих, большинство из них угасает в конце X – начале XI в., когда киевское правительство продолжает свои централизаторские мероприятия.

Дискуссия И.Я. Фроянова и М.Б. Свердлова о реформах Ольги, погостах и становищах

Важным событием на современном этапе изучения реформ Ольги стала полемика двух известных специалистов по социальной истории Руси, И.Я. Фроянова и М.Б. Свердлова.

Значительным своеобразием отличается трактовка созданных Ольгой *погостов и становищ*, предложенная И.Я. Фрояновым. В целом историк, справедливо критикуя распространённые в советской историографии идеи о направленности действий Ольги на утверждение феодальных отношений в сфере княжеского землевладения и данничества, решительно отверг проведение княгиней какой-либо «судьбоносной» «административно-финансовой реформы» как таковой (Фроянов 1996: 420-436).

---

[1] Впервые отождествление погостов с поселениями «гнездовского типа» было предложено В.Я. Петрухиным в совместной статье с Т.А. Пушкиной (Петрухин, Пушкина 1979: 100-112), но в дальнейшем Т.А. Пушкина изменила свою позицию и ныне рассматривает Гнёздово не как погост, а в качестве раннегородского центра (Ениосова, Пушкина 2016: 264), поскольку «рассматривать Гнёздово в качестве военного лагеря, а гнёздовские курганы в качестве дружинного кладбища невозможно. Этому противоречат не только подсчеты, сделанные на основе гендерных соотношений популяции, оставившей гнёздовский некрополь, в которой примерно равным количеством представлены мужчины, женщины, дети, но и общий характер материалов, полученных в результате раскопок поселения» (Ениосова, Пушкина 2016: 262).

[2] Для Гнёздова была характерна оторванность от кривичской округи (Нефёдов 2012: 271, 281-284; Ениосова, Пушкина 2016: 264).

Думается, учёный вслед за большинством советских историков неправомерно смешал два разных вопроса: мероприятия Ольги как комплекс административных, финансовых и т.д. реформ и вопрос о развитии феодальных отношений. Справедливо протестуя против удревнения последних, историк в некотором роде с водой выплеснул и ребёнка, отвергнув проведение Ольгой каких-либо реформ вообще. Но ведь комплекс проведённых Ольгой мероприятий можно рассматривать и вне «феодального» контекста советской историографии.

По мнению И.Я. Фроянова «киевская княгиня вводила не новые порядки и правила, а восстанавливала старые традиции, неосмотрительно нарушенные ее супругом Игорем. Она вернулась к нормированной дани… Земельной собственностью… Ольга не обзаводилась… ‘’общегосударственных’’ законов… не издавала. Нет оснований, чтобы говорить об изменении порядка сбора дани… в деятельности Ольги отсутствует то, что можно было бы назвать реформой» (Фроянов 1996: 412).

Становища княгини в Древлянской земле учёный определяет как особые сакральные пункты (святилища), отделённые от окружающей территории, в которых осуществлялись ритуальные жертвоприношения полянским богам для обеспечения победы над древлянами, а в *ловищах* добывались для них жертвенные животные. Таким образом, «‘’становища’’ и ‘’ловища’’ составляли некое сакральное единство» (Фроянов 1996: 406-412).

Что касается созданных Ольгой погостов, то И.Я. Фроянов считает, что «поначалу погосты – это специально отведенные места, предназначенные для встреч и контактов местных финно-угорских племен с чужеземцами» (Фроянов 1996: 412). Ученый исходит из значения слова «гость», однокоренного «погосту», как «чужеземец» (Фроянов 1996: 421) и, опираясь на этнографические параллели (Фроянов 1996: 422-424), делает вывод, что славяне общались с «чужеземцами», в данном случае угро-финнами, в специальных сакральных пунктах – погостах. Затем, «по мере развития данничества и в результате обложения данью северо-западных финно-угров расширяются функции погостов: они становятся еще и пунктами, куда приезжают сборщики дани». Ольга «опираясь на существующие традиции финно-угорских племен, обозначила сакрально защищенные места сбора дани» (Фроянов 1996: 426-427. См. также: Фроянов 1999: 235-236).

Эти построения И.Я. Фроянова, на наш взгляд, не имеют под собой достаточных оснований[1], и были убедительно оспорены М.Б. Свердловым (Свердлов 2003: 191-192). И дело не только в том, что погосты на раннем этапе были распространены не только в Новгородской земле, но и в других регионах Древней Руси (Свердлов 2003: 192; Платонова 2012: 328-388), не только в том, что финно-

[1] Нельзя исключать, что изначальное значение понятия *погост* могло быть именно таковым как считает И.Я. Фроянов, однако, в таком случае, его следует существенно сдвинуть вниз – в праславянскую эпоху, так как слово *гость*, от которого вероятно происходит *погост*, является общеславянским (Шанский, Иванов, Шанская 1971: 112).

угорское население на Мсте и Луге было в основном ассимилировано и к середине X в. там уже давно проживали славяне[1], в то время как о финно-уграх можно *для этого* времени можно говорить *только* на Нижней Луге и Верхней Мсте (Финно-угры 1987: 34-42, 52-64), а главным образом в том, что принимая объяснение И.Я. Фрояновым характера общения славян с угро-финнами совершенно невозможно объяснить этнокультурный синтез и ассимиляцию последних первыми (о ней см.: Седов 1999а: 82-100; Макаров, Захаров, Бужилова 2001: 188-198), которая, естественно, предполагала непосредственное общение между ними, вовсе не требовавшее неких «сакральных пунктов»[2].

В недавней работе учёный скорректировал свои выводы. Теперь позиция И.Я. Фроянова выглядит, с одной стороны более взвешенно, но с другой – несколько противоречиво.

С одной стороны, по-прежнему отрицая проведение Ольгой «крупной реформы, осуществлённой якобы чуть ли не по всей стране» и обратив внимание на то, что причиной убийства Игоря стало нарушение им установленных ранее норм сбора дани, учёный считает, что «Ольга восстанавливала порядок, определяющий сбор дани с древлян. Ольга точно определила её норму, вернувшись к прежней практике сбора дани… нарушенной ‘’несытовством’’ её мужа. Судя по всему, аналогичный порядок был установлен в Новгородской земле, и, по-видимому, в других областях, где побывала Ольга»; «перед нами не нововведения, а возвращение к существовавшей ранее фиксированной дани, т.е. возрождение традиции. Назвать это реформой… невозможно» (Фроянов 2015: 172-173).

С другой стороны, И.Я. Фроянов констатирует, что «для укрепления старого порядка положено было начало применению нового средства – системы погостов. Если прежде сбор дани производился способом объезда поселений данников, то теперь определялись места (погосты), куда свозилась нормированная дань для последующей передачи даньщикам» (Фроянов 2015: 173)[3].

Здесь позиция И.Я. Фроянова до некоторой степени сближается с мнением его традиционного оппонента, М.Б. Свердлова: «определяющим первоначальным значением погоста было место временной остановки князя и княжого мужа с дружинниками во время сбора дани. Очевидно, во время их пребывания погосты превращались в центры административного управления, княжеского суда, взимания податей» (Свердлов 1983: 64).

---

[1] А не финно-угры, как утверждает, опираясь на «заведомо устаревшие мнения» (Свердлов 2003: 191) И.Я. Фроянов (см.: Фроянов 1996: 424. Примеч. 578; 1999: 236. Примеч. 1, 2).

[2] Археологические материалы фиксируют совместное проживание славян и финно-угров в ряде населенных пунктов, в частности, в самом Новгороде (см.: Носов 1990а: 47-57). Славяне и финно-угры севера Восточной Европы неоднократно действовали совместно, видимо, входя в состав единого политического объединения, что мы хорошо знаем из летописи (ПВЛ 2007: 12, 13, 14, 16). Все это свидетельствует о наличии непосредственных активных контактов между славянами и финнами (см. также: Седов 1999а: 111-137).

[3] При этом взгляд учёного на становища и ловища как на сакральные объекты остался неизменным (Фроянов 2015: 173-174).

Последовательное отрицание И.Я. Фрояновым проведения Ольгой серьёзного комплекса административных реформ мы находим неубедительным, ведь кардинальное изменение порядка сбора дани и создание в покорённых землях сети киевских опорных пунктов-погостов – это и есть серьёзная административно-организационная реформа, ведущая к изменениям во всей жизни восточнославянского общества. Масштабный военный погром в Древлянской земле и ликвидация большинства её укреплённых пунктов никак не позволяют согласиться с тем, что Ольга просто восстанавливала «старину», нет, речь должна идти о серьёзной перестройке всего устройства древлянского общества.

Характерно, что далее И.Я. Фроянов де-факто признаёт это и пишет: «Набрасывая на земли Восточной Европы сеть погостов-крепостиц, являвшихся точками опоры публичной власти, находящейся в Киеве, Ольга пыталась создать предпосылки административного политического объединения этих земель в общее государственно-территориальное образование с центром в Днепровской столице», что вело к эволюции дани (внешнего побора) «в некое подобие налога, что содействовало укреплению публичной власти» (Фроянов 2015: 174).

М.Б. Свердлов, напротив, полагает, что «Ольга осуществила в середине X в. значительную реформу Русского государства. Погосты – места временных остановок князя или княжих мужей с дружинами во время полюдья – она реорганизовала в центры постоянного княжеского административно-судебного управления в сельской местности. Такое ''уставление'' погостов наряду с уже формирующейся системой городов с волостями во главе с княжескими посадниками имело следствие замену на Руси древнего племенного деления территориальным… Эти изменения… способствовали… дальнейшему развитию социальных и государственных структур, формированию политически единого государства» (Свердлов 2003: 188. См. также: Свердлов 1983: 63-64).

По мнению ученого «*Становище*, по письменным памятникам XI-XII вв. и в данном контексте, – 'стоянка, стан'. Последующее развитие термина А.Н. Потебня определил как 'стан, станция для князей, княжих мужей и тиунов, приезжавших для дани'… Они представляли собой станы, где останавливалась княгиня и княжие мужи с дружинами. Как давно отмечено, они могли совмещаться с *ловищами* – 'местами для звериной и рыбной ловли', но их сакральных функций, в отличие от мнения И.Я. Фроянова, ни в исторических источниках, ни в лексическом и историческом анализе не прослеживается. При таком понимании этих терминов *ловища* представляли собой княжеские территории, где останавливающиеся в становищах княжие мужи и дружинники охотились и ловили рыбу, что придавало им статус княжеской земельной собственности в древлянской земле (курсив М.Б. Свердлова. – *М.Ж.*)» (Свердлов 2003: 190-191. Там же см. указания соответствующей лингвистической литературы).

Мы также определяем становища как пункты, предназначенные для стационарного сбора дани с подвластного населения, причем, видимо, они в этом

качестве предшествовали погостам. Согласно другой позиции, погост и становище – это просто два разных названия, в сущности одинаковых по своим функциям центров, различающиеся по географическому принципу: становища создавались на юге – в Древлянской земле, а погосты – на севере, в Новгородских пределах (Рыбаков 1982: 364-365. См. также: Свердлов 2003: 191).

Территориальный охват реформ Ольги

Уместно задать вопрос: только ли на Древлянскую и Новгородскую земли распространялись реформы Ольги или они охватывали всю территорию формирующегося Древнерусского государства? Еще С.М. Соловьев отмечал, что «хотя летописец упоминает о распоряжении Ольги только в земле Древлянской и в отдельных пределах Новгородской области, однако как видно, путешествие ее с хозяйственной, распорядительной целью обнимало все тогдашние русские владения; по всей Земле оставила она следы свои, повсюду виднелись учрежденные ею погосты» (Соловьев 1959: 157).

О том, что реформы Ольги охватывали всю подвластную Киеву территорию, писал С.В. Юшков (Юшков 1936: 135; 1939: 87-88 и сл.; 1949: 113-114), о том же говорили Л.В. Черепнин (Черепнин 1965: 149) и А.А. Зимин (Зимин 1965: 240-242). В.Я. Петрухин считает, что при Ольге происходит «установление государственных правовых норм от Среднего Поднепровья до Новгорода» (Петрухин 1995: 151).

Как общедревнерусские рассматривает реформы Ольги и М.Б. Свердлов (Свердлов 1983: 63-64), повторяя ход рассуждений С.М. Соловьёва: условно выделенный третий блок информации о деятельности Ольги говорит о том, что «по всей земле есть её ловища, знаменья, места, погосты», под «всей землей» здесь, по мысли историка, следует понимать территорию всей Руси (Свердлов 2003: 186-187).

По словам И.Я. Фроянова «судя по всему аналогичный (установленному в Древлянской земле – М.Ж.) порядок был установлен в Новгородской земле, и, по-видимому, в других областях, где побывала Ольга» (Фроянов 2015: 173).

Выводы

Сложение текста о реформах Ольги рисуется в следующем виде: первоначальный киевский рассказ содержал два блока информации:

(1) Об «уставлении» Ольгой Древлянской земли после одержанной победы, о четкой тарификации дани (определение её норм – *уставов* и *уроков*, ср. летописное сообщение о сыне Владимира Ярославе, сидящем в Новгороде и посылающем оттуда регулярные *уроки* в Киев: ПСРЛ. I: 130; ПСРЛ. II: 114; ПСРЛ. III: 159) с организацией *становищ* – пунктов для стационарного сбора дани и административно-судебного управления подвластными землями, а также *перевесищ* и *ловищ* для их хозяйственного обеспечения. Созданная Ольгой новая

администрация замещала уничтоженные киевской завоевательницей социально-политические структуры древлян.

(2) О распространении «древлянского опыта» на другие подвластные Киеву территории – «всю землю».

В Новгородской летописи XI в. внимание в первую очередь было обращено на деятельность княгини в Новгородской земле и помещен соответствующий рассказ. В Киевском своде конца XI в. произошло соединение киевской и новгородской версий деятельности Ольги в результате чего в первоначально целостный киевский текст был вставлен «новгородский» блок информации.

Созданные Ольгой становища и погосты представляли собой:

(1) Пункты стационарного сбора тарифицированной дани. Их создание знаменовало собой постепенный отказ от полюдья – кругового объезда киевской администрацией подчиненных восточнославянских этнополитических объединений, описанного Константином Багрянородным. Теперь сбор дани осуществлялся из постоянно существующих пунктов – погостов, куда местные жители сами свозили дань. Эта форма взимания дани называлась, очевидно, *повоз* (ср.: «радимичи… платять дань Руси, повоз везуть и до сего дне»: ПСРЛ. I: 83-84; ПСРЛ. II: 71; ПСРЛ. III: 131).

(2) Пункты административного управления, которыми киевское правительство заменяло местные власти отдельных славиний. Причем часто создавались эти пункты рядом или непосредственно на месте существующих центров восточнославянских этнополитических объединений (ср. ситуацию у древлян, где пять «градов» были превращены Ольгой в такие пункты: Звіздецкий 2008: 78-79). Управление там могли осуществлять не только представители Киева, но и прокиевские представители местной знати и местного населения.

Мы считаем, что Ольга и последующие киевские князья неуклонно по мере возможности старались распространить систему прямого управления через создаваемые опорные пункты на все подчинённые Киеву славинии, постепенно ликвидируя их собственные социально-политические институты.

Первыми сполна с этой политикой столкнулись древляне, у которых Ольга ликвидировала княжескую династию, знать и большую часть городов. Сохранившиеся в Древлянской земле укреплённые поселения, видимо, были превращены Ольгой в опорные пункты киевской власти (Звіздецкий 2008: 78-79).

Характерно, что Древлянская земля первой из славиний получила князя-Рюриковича: Святослав посадил в ней своего сына Олега (ПСРЛ. I: 69; ПСРЛ. II: 57; ПСРЛ. III: 121), из чего И.Я. Фроянов резонно заключил, что «к моменту посажения Олега в Древлянской земле своего князя не было» (Фроянов 1995: 78), династия древлянских князей была уничтожена Ольгой. Вслед за древлянами постепенно утрачивали свою социально-политическую субъектность и остальные славянские этнополитии (дольше всего продержались радимичи и вятичи).

Интересно предание, записанное на Псковщине, родине Ольги, в XIX в. П.И. Якушкиным, где говорится о том, что Ольга «много князей перевела: которого загубит, которого посадит в такое место» (Якушкин 1986: 114). В легенде это «погубление» Ольгой князей облачено в форму неудачного сватовства, однако, общее направление деятельности княгини она сохранила верно. Прав В.В. Пузанов, который говорит о том, что «Рюриковичи, в прямом смысле слова, утверждались на костях ''племенных князей''» (Пузанов 2017: 263)[1].

Создание Ольгой системы становищ и погостов знаменовало собой постепенный переход от описанного Константином Багрянородным объезда-полюдья к стационарному сбору дани по всей территории формирующегося Древнерусского государства (полюдье при этом сохранялось как локальное явление, известное по источникам до XII в.: Фроянов 1996: 457-464). Когда после победы на реке Пищане в 6492 (984) году Владимир возложил дань на радимичей, они должны были «везти повоз» (ПСРЛ. I: 83-84; ПСРЛ. II: 71; ПСРЛ. III: 131), то есть свозить дань в установленные для этого пункты. Так постепенно расширялась территория, на которую распространялись заведённые княгиней Ольгой порядки.

Если Святослав посадил сыновей только в Киеве, Новгороде и Древлянской земле, то при Владимире количество таких городов существенно расширяется: «Вышеслава в Новѣгородѣ, а Изяслава Полотьскѣ, а Святополка Туровѣ, а Ярослава Ростовѣ. Умершю же старѣйшему Вышеславу Новѣгородѣ, посадиша Ярослава Новѣгородѣ, а Бориса Ростовѣ, а Глѣба Муромѣ, Святослава Деревѣхъ, Всеволода Володимери, Мстислава Тмуторокани» (ПСРЛ. I: 121; ПСРЛ. II: 105-106; ПСРЛ. III: 159).

Следовательно, местных князей к тому времени в соответствующих названным городам восточнославянских областях уже не имелось или они были полностью подчинены. И есть все основания полагать, что это было следствием централизаторских реформ княгини Ольги, продолженных её наследниками. Именно деятельность Ольги, направленная на создание единой политико-административной системы Руси, создала ту внутреннюю базу, на которой основывались масштабные внешнеполитические акции её сына Святослава.

* * *

[1] Не только славянские «племенные» элиты громились Ольгой в рамках предпринятых ей централизаторских мер. Если договор Руси с Византией 944 г. был заключён от имени киевского князя и прочей «княжии», представлявшей собой представителей правящего рода (Назаренко 2009), то в договоре 971 г. никаких упоминаний о них нет (на это обратил внимание ещё С.В. Бахрушин: Бахрушин 1937: 93). Летописи XI-XIII вв. решительно не знают никаких представителей боковых ветвей Рюриковичей. Весь разветвлённый в середине X века род за исключением «центральной» ветви как в воду канул. Куда же делись все эти люди? Практически несомненным представляется вывод, что они были уничтожены между 944 и 971 гг., то есть при Ольге и Святославе. Возможно, спусковым крючком произошедшей «зачистки» был отказ мужчин, родственников Игоря, признавать верховную власть женщины. Что-то подобное происходило почти везде на этапе консолидации «варварских» государств, вспомним хотя бы хрестоматийный пример с королём франков Хлодвигом, методично истреблявшим свою родню (Григорий Турский 1987: 59).

V. Реформы Ольги и древнерусское градообразование[1]

Период сосуществования и жестокой борьбы между князьями, знатью и народом славиний с одной стороны, и Киевом с его представителями-наместниками – с другой, не мог не отразиться на процессах древнерусского градообразования. Выше уже были приведены данные по Древлянской земле, обобщённые Б.А. Звиздецким (Звіздецкий 2008: 78-79): в середине X в. в результате действий Ольги большинство древлянских укреплённых поселений («градов») прекратили своё существование; непрерывность развития демонстрируют только пять из них, превращённые, очевидно, в опорные пункты киевской власти (в одном из них, Овруче, впоследствии княжил сын Святослава Олег: ПСРЛ. I: 74; ПСРЛ. II: 62; ПСРЛ. III: 124).

Есть основания полгать, что определённое число древнерусских городов выросло не непосредственно из древних местных центров, а либо из опорных пунктов, создававшихся центральной киевской властью для борьбы с местными верхушками славиний и их центрами, либо в результате «окняжения» (ликвидация местного князя → создание стола Рюриковичей) последних (Куза 1996: 35-36; Горский 2004: 87-94; Жих 2008: 224-237).

Процесс ликвидации общественно-политических структур славиний приводит к их дезинтеграции и ускоряет процесс перестройки общества на территориальных началах, ведущий к формированию городских вечевых общин и городских округ (волостей) на основе единства города и местных сельских территорий. В результате этого процесса сформировался тот общественный организм, который древнерусские источники называют *волостью*, а Л.В. Данилова, И.Я. Фроянов, Ю.Г. Алексеев и ряд других современных историков, на наш взгляд, справедливо определяют как «город-государство» (Фроянов 1980: 216-243; 1992; 1995; 2015: 262-1044; Фроянов, Дворниченко 1988; Алексеев 1980; Данилова 1994). По мнению Ю.Г. Алексеева «древнерусский город представлял собой в сущности территориальную общину с чертами дофеодальной демократии. К числу таких черт относится прежде всего вечевое устройство города и ''тянущей'' к нему земли» (Алексеев 1980: 25).

Проведенные княгиней Ольгой административно-организационные реформы оказали судьбоносное влияние на все последующее развитие древнерусского общества. Попадая под все большую власть Киева, старые славянские этнополитические объединения распадаются, и общество переживает грандиозную перестройку. Развивающиеся из становищ/погостов Ольги и её преемников города структурируют собственные волости. Так со страниц летописи постепенно исчезают *поляне*, *кривичи*, *словене* и вместо них появляются *кияне*, *смоляне*, *новгородцы* и т.д. Но по мере этой трансформации, происходившей на местах, по мере структурирования

[1] В основу данного параграфа положен исправленный и дополненный текст нашего доклада: Жих 2010: 320-326.

городовых волостей, сепаратистские настроения, придавленные на время Киевом, переходят на новый виток, что в дальнейшем приведет к распаду Киевской Руси на отдельные земли, «города-государства» (Фроянов, Дворниченко 1988).

В качестве примера рассмотрим начало истории Новгорода. Есть основания считать, что этот город был создан Ольгой в качестве опорного пункта на севере Руси[1] и противовеса местным политическим центрам, в частности, Городищу. Постепенно Новгород утверждается в качестве столицы всей Северной Руси, оттесняя на задний план своих соперников. Городище превращается в резиденцию новгородских князей, Ладога – в пригород Новгорода, куда Волховская столица назначала посадников (ПСРЛ. III: 20, 204). Другие «протогородские» центры региона также либо постепенно затухают, либо превращаются в «младшие города» новгородской волости. Что же обеспечило Новгороду такое возвышение и выдвижение его на первый план?

Очевидно, то, что он изначально создавался Ольгой в качестве центра Северной Руси и главной опорной базы Киева в регионе и выдвигался на смену местным политическим центрам[2]. Первые признаки зависимости Северной Руси от Киева фиксируются в середине X в. (Фроянов 1992: 126) и их можно связывать с деятельностью княгини. А.А. Амальрик высказывал гипотезу, что поход Ольги на север мог носить военный характер (Амальрик 2018: 91-92).

Ольга, происходившая из новгородско-псковского региона[3], своей поездкой и устроительными мероприятиями закрепила зависимость Новгородчины от Киева. Собственно, в этом и состоял, по-видимому, основной смысл ее деятельности в Новгородской земле. В этой связи любопытно известие Константина Багрянородного, впервые упоминающего о Новгороде в «Об управлении империей»[4]: «*Немогард (Новгород – М.Ж.), в котором сидел Сфендослав (Святослав –*

---

[1] Основание Новгорода киевскими князьями в качестве своего опорного пункта на севере Руси предполагал Б.А. Рыбаков (Рыбаков 1982: 293, 309), но ученый связывал его основание с необходимостью защиты Северной Руси от атак со стороны Балтики и считал крепостью-заставой, а создание его датировал IX в. – временем более ранним, чем то, которое ныне установлено археологами (середина X века).

[2] Также с деятельностью Ольги на Новгородчине можно связывать создание таких опорных киевских центров как Передольский погост («Городок на Луге») и погост в районе современного села Любытино при впадении реки Белой в Мсту (Карпов 2009: 116-117).

[3] По всей видимости, она принадлежала к «знатному кривичскому, словенскому, варяжскому, или даже финно-угорскому роду, влияние которого распространялось на Новгород и Псков, то есть вообще на русский Северо-Запад» (Королев 2000: 132; 2002: 123). Не исключено, что ее брак с Игорем носил политический характер и был направлен на закрепление союзных отношений между севером и югом Руси. Вероятно, именно эти обстоятельства и привели к тому, что Ольга заметно выделялась среди «других жен Игоря, которые, вероятно, в традициях того времени, у него были» (Королев 2000: 132; 2002: 123) и после его смерти возглавила страну, а наследником власти Игоря стал именно её сын.

[4] Версия о том, что под именем «Немогарда» здесь следует понимать не Новгород, а какой-то другой город Северной Руси, например, Ладогу – «Невогород»/«город на озере Нево» (Кирпичников 1988: 55) лишена оснований. Во-первых, ни в каких древнерусских источниках Ладога не называется «Невогородом». Само существование подобного названия является, таким образом, сугубо гипотетическим. Во-вторых, никогда впоследствии князья-Рюриковичи не имели особого «стола» в Ладоге, которая всегда считалась частью новгородской волости, где, соответственно, правил новгородский князь. В-третьих, по всей видимости, такая иерархия политических центров Северной Руси стала складываться еще в предшествующие времена – уже при

М.Ж.), сын Ингора (Игоря – М.Ж.), архонта (правителя – М.Ж.) Росии» (Константин Багрянородный 1991: 45). Как видим, здесь уже закладывается традиция, согласно которой в Новгороде княжит старший сын и наследник киевского князя. Это говорит о том, что Новгород изначально создавался киевским правительством в качестве своего главного центра и опорного пункта на севере Руси[1].

Быстрый рост и возвышение Новгорода были обеспечены тем, что Ольга превратила его в главный пункт сбора дани со всего Севера Руси, откуда затем часть её транспортировалась в Киев (ср. слова Константина Багрянородного о «моноксилах из Немогарда», идущих в Киев: Константин Багрянородный 1991: 45).

В.Л. Янин отмечает, что в результате мероприятий Ольги «податная территория Новгородского государства… была расширена не менее чем вдвое или втрое, что и создало необходимую материальную базу структурного преобразования Новгорода», выразившегося в преобразовании «рыхлого образования» в «городскую структуру» и создании Детинца (Янин 2004: 129; 2008: 28). Именно со второй полвины X в. археологам известны в Новгороде специальные деревянные пломбы – «замки», которыми опечатывали мешки с собранной данью (Янин 2001: 31-65), что свидетельствует о том, что уже в это время сбор дани со всего Севера Руси оказывался постепенно в руках новгородской общины и ее лидеров, бояр, что и предопределило стремительный подъем Новгорода во второй половине X – начале XI в.

По мере развития и укрепления Новгорода, по мере упадка конкурирующих с ним центров, по мере структурирования новгородской волости он из опорного пункта киевских князей на севере Руси превращается в главный центр сепаратизма в регионе[2].

Первые признаки структурирования новгородской вечевой общины проявляются в 970-980-х гг. В 970 г. к Святославу «*придоша людье нооугородьстии, просящее князя собѣ: ‘’Аще не поидете к нам, то налѣзем князя собе’’*» (ПСРЛ. I: 69;

Рюрике и Олеге Вещем, «столицей» которых было, по всей видимости, именно Городище (см. второй параграф данной статьи), по отношению к которому Ладога занимала подчиненное положение. Новгород унаследовал столичные функции своего предшественника, в т.ч. и его «старейшинство» относительно Ладоги.

[1] Из того, что Константин Багрянородный ничего не говорит о гибели Игоря, нельзя автоматически заключать, что данный фрагмент отражает ту ситуацию, которая существовала еще при жизни князя, а не после его смерти, о которой император мог просто не упомянуть или не знать. Посадить сына на Новгородский стол вполне могла сама Ольга в ходе своей поездки в Новгородскую землю. Судя по летописной легенде о символическом участии малолетнего Святослава в битве с древлянами, на момент гибели отца он находился в Киеве. Если всё же допустить, что этот пассаж отражает ситуацию, сложившуюся еще при жизни Игоря, это никак не противоречит нашей гипотезе, так как централизаторская политика Киева могла начаться при Игоре. Возможно и то, что уже при нем был создан и новый центр политической власти на севере Руси (или Святослав мог сидеть на Городище-?). Деятельность Ольги, в таком случае, закрепляла и развивала достигнутые её мужем результаты.

[2] Такой же была судьба и остальных созданных Киевом в землях восточнославянских этнополитических объединений опорных пунктов. По мере их роста и развития, по мере упадка тех центров в противовес которым они создавались, по мере складывания городских общин и структурирования вокруг них городовых волостей, все они начинают проявлять сепаратистские тенденции, которые в итоге погубят единство Киевской Руси и приведут к ее распаду на отдельные Земли.

ПСРЛ. II: 57; ПСРЛ. III: 121), иначе говоря, найдем себе князя вне рода Рюриковичей. Даже, если этот летописный пассаж и носит на себе черты эпического повествования, то в целом он верно передает возросшее значение Новгорода и его общины, стремящейся обрести собственного князя и тем самым ослабить свою зависимость от Киева, а в перспективе и ликвидировать ее вовсе.

Старшие сыновья Святослава уклонились («отпреся») от поездки в далекий северный город, получив соответственно Киев и Древлянскую землю, и туда поехал младший сын Святослава, *робичич*, Владимир. В дальнейшем опираясь на новгородскую общину Владимир выиграл борьбу за власть у своего брата Ярополка и захватил Киев, а также завоевал Полоцк, однако, став киевским князем, он «в силу обстоятельств должен был вести политику, отвечающую интересам полянской общины и, следовательно, ущемляющую подчиненные» земли (Фроянов 1992: 137), в частности, и Новгородскую. В городе был посажен в качестве правителя-посадника Добрыня – дядя («уй») Владимира (ПСРЛ. I: 79; ПСРЛ. II: 67; ПСРЛ. III: 128)[1], который некогда и посоветовал новгородцам просить своего племянника на княжение в Волховскую столицу.

Зависимость Новгорода от Киева при Владимире усилилась[2], что выразилось, сначала в распространении на город предпринятой в Киеве языческой «религиозной реформы» (ПСРЛ. I: 79; ПСРЛ. II: 67; ПСРЛ. III: 128), которая, по всей видимости, рассматривалась киевской общиной в качестве действенного средства унификации религиозной жизни Киевской Руси и, как следствие, укрепления ее политического единства под властью Киева (Фроянов 1992: 137-143; 2003: 72-75), а затем и в насильственном крещении города «огнем и мечем» (Рапов 1998: 238-258; Фроянов 2003: 94-98; Янин 2004: 130-143). Введение Христианства, по замыслам киевского правительства, должно было ещё эффективнее, чем любая реформа язычества, унифицировать религиозную жизнь Древней Руси и, тем самым ослабить сепаратистские тенденции в формирующихся городах-государствах, проявившиеся к этому времени уже сполна (Фроянов 1992: 143; 1995: 84 и сл.; 2003: 75 и сл.). Однако, сдержать процесс формирования самостоятельных земель и распад Киевской Руси не могло уже ничто.

Когда Владимир сажает своих сыновей по всем основным городам Руси, в Новгороде князем[3] оказывается сначала Вышеслав, а затем и Ярослав (ПСРЛ. I: 121; ПСРЛ. II: 105-106; ПСРЛ. III: 159), с временами которого есть основания связывать

---

[1] Прямо Добрыня не назван «посадником», но из того, что в период киевского княжения Ярополка город управлялся именно посадниками (ПСРЛ. I: 75; ПСРЛ. II: 63; ПСРЛ. III: 125), можно сделать вывод, что и Добрыня, управлявший городом в период киевского княжения Владимира (по крайней мере, на первом его этапе – до того, как Владимир стал сажать в Новгород своих сыновей) был именно посадником.

[2] Парадокс в том, что Новгород, не раз завоевывавший Киев все время оказывался в зависимости от последнего.

[3] Точнее – посадником – наместником Киева и его князя. Для этого времени князья, сажаемые в Новгород из Киева фактически и были его посадниками. Нам неизвестно для времени до 80-х гг. XI в. того, чтобы князь управлял Новгородом одновременно с посадником (Янин 2003: 65-78).

начало «вечевого Новгорода как территориально-общинного образования» (Петров 2006: 262), то есть, фактически, рождение новгородской вечевой государственности.

Новгород на рубеже X-XI вв. из опорного пункта киевской власти на берегах Волхова превратился в столицу всей Северной Руси, начавшую активную борьбу с Киевом за независимость своей формирующейся волости.

ЛИТЕРАТУРА

Азбелев 2007 - *Азбелев С.Н.* Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. 296 с.

Алексеев 1978 - *Алексеев Л.В.* Некоторые вопросы заселенности и развитие Западнорусских земель в IX-XIII вв. // Древняя Русь и славяне. Сборник к 70-летию академика Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 1978. С. 23-30.

Алексеев 1980 - Алексеев Ю.Г. Псковская Судная грамота и ее время: Развитие феодальных отношений на Руси XIV-XV вв. Л.: Наука, 1980. 244 с.

Амальрик 2018 - *Амальрик А.А.* Норманны и Киевская Русь. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 232 с.

Афанасьев 1987 - *Афанасьев Г.Е.* Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII-X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры). М.: Наука, 1987. 197 с.

Афанасьев 1993 - *Афанасьев Г.Е.* Донские аланы: Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. М.: Наука, 1993. 184 с.

Бахрушин 1937 - *Бахрушин С.В.* «Держава Рюриковичей» // Вестник древней истории. 1937. № 2 (3). С. 88-98.

Березовец 1965 - *Березовец Д.Т.* Слов'яни й племена салтівської культури // Археологія. 1965. 19. С. 47-67.

Березовец 1970 - *Березовец Д.Т.* Про ім'я носиів салтивьскоі культури // Археологія. 1970. 24. С. 59-74.

Березовец 1999 - *Березовец Д.Т.* Русы в Поднепровье (доклад на XIV конференции Института археологии АН УССР) // Полтавский археологічний збірник. Полтава, 1999. С. 321-350.

Брим 1923 - *Брим В.А.* Происхождение термина «Русь» // Россия и Запад. Т. 1. Пг., 1923.

Вестберг 1903 - *Вестберг Ф.* Комментарий на записку Ибрагима Ибн-Якуба о славянах. СПб., 1903. 156 с.

Владимирский-Буданов 2005 - *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. М.: Территория будущего, 2005. 800 с.

Воронин 1935 - *Воронин Н.Н.* К истории сельского поселения феодальной Руси. Погост, слобода, село, деревня. Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1935. 76 с.

Восточные славяне 2002 - Восточные славяне. Антропология и этническая история. М.: Научный мир, 2002. 342 с.

Галкина 2002 - *Галкина Е.С.* Тайны Русского каганата. М.: Вече, 2002. 428 с.

Галкина 2006 - *Галкина Е.С.* Номады Восточной Европы: этносы, социум, власть (I тыс. н.э.). М.: Прометей, 2006. 548 с.

Галкина 2010 - *Галкина Е.С.* Этносы Восточной Европы в цикле «О тюрках» арабской географической литературы // Rossica antiqua. 2010. № 1. С. 54-98.

Галкина 2012 - *Галкина Е.С.* Русский каганат. Без хазар и норманнов. М.: Алгоритм, 2012. 336 с.

Галкина 2016 - *Галкина Е.С.* Перевод известий ал-Масуди о Восточной Европе. Перевод пока не опубликован и любезно предоставлен мне автором, за что выражаю ей свою глубокую благодарность.

Гаркави 1870 - *Гаркави А.Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870. 315 с.

Горский 2004 - *Горский А.А.* Русь: От славянского расселения до Московского царства. М.: Языки славянской культуры, 2004. 392 с.

Горский 2011 - *Горский А.А.* Славянское расселение и эволюция общественного строя славян // Великое переселение народов: Этнополитические и социальные аспекты. СПб.: Алетейя, 2011. С. 129-180.

Греков 1953 - *Греков Б.Д.* Киевская Русь. М.: Государственное издательство политической литературы, 1953. 567 с.

Григорий Турский 1987 - *Григорий Турский.* История франков / Издание подготовила В.Д. Савукова. М.: Наука, 1987. 472 с.

Грот 2009 - *Грот Л.П.* Генезис древнерусского института княжеской власти, западноевропейские утопии эпохи Просвещения и их предтечи // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 49. СПб.: Издательство государственного Эрмитажа, 2009. С. 132-154.

Данилова 1994 - *Данилова Л.В.* Сельская община в средневековой Руси. М.: Наука, 1994. 318 с.

Демин 1993 - *Демин А.С.* Художественные миры древнерусской литературы. М.: Наследие, 1993. 224 с.

Дыбо, Замятина, Николаев 1990 - *Дыбо В.А., Замятина Г.И., Николаев С.Л.* Основы славянской акцентологии. М.: Наука, 1990. 284 с.

Дьяконов 2005 - *Дьяконов М.А.* Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб.: Наука, 2005. 384 с.

Ениосова, Пушкина 2016 - *Ениосова Н.В., Пушкина Т.А.* Гнёздово как раннегородской центр эпохи формирования Древнерусского государства и некоторые вопросы его интерпретации // Древнейшие государства Восточной Европы. 2014. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. С. 258-303.

Еремеев, Дзюба 2010 - *Еремеев И.И., Дзюба О.Ф.* Очерки исторической географии лесной части пути из варяг в греки. СПб.: Нестор-История, 2010. 670 с.

Жих 2008 - *Жих М.И.* Проблема переноса древнерусского города и вопрос о возникновении городов-государств Киевской Руси // Историческая наука и российское образование (актуальные проблемы): Сборник статей. Ч. 1. М., 2008. С. 224-237.

Жих 2009 - *Жих М.И.* К проблеме «Русского каганата»: Древняя Русь и её степные соседи // Русин. 2009. № 3 (17). С. 147-157.

Жих 2010 - *Жих М.И.* К проблеме возникновения Новгорода в контексте централизаторской политики киевских князей середины X – начала XI веков // Российский город в исторической ретроспективе: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 250-летию г. Ижевска. Ижевск: Удмуртский университет, 2010. С. 320-326.

Жих 2012 - *Жих М.И.* Народ и власть в Киевской Руси (до конца XI века) // Вопросы национализма. 2012. № 10. С. 151-169.

Жих 2013 - *Жих М.И.* «Реформа» княгини Ольги как попытка централизации Руси // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: материалы научной конференции 17-18 ноября 2011 г. / Сост. В.Ф. Андреев. Великий Новгород, 2013. С. 33-50.

Жих 2015 - *Жих М.И.* О соотношении летописных «кривичей» и «полочан» // Исторический формат. 2015. № 1. С. 31-52.

Жих 2015а - *Жих М.И.* Славянская знать догосударственной эпохи по данным начального летописания // Исторический формат. 2015. № 2. С. 7-28.

Жих 2015б - *Жих М.И.* Заметки о раннеславянской этнонимии (славяне в Среднем Поволжье в первой половине I тыс. н.э.) // Исторический формат. 2015. № 4. С. 129-150.

Жих 2017 - *Жих М.И.* Псковские кривичи // Вояджер: мир и человек. 2017. № 8. С. 87-106.

Жих 2017а - *Жих М.И.* Радимичи (локализация, происхождение, социально-политическая история) // Исторический формат. 2017. № 1-2. С. 12-63.

Заходер 1967 - *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Том II. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. М.: Наука, 1967. 212 с.

Звіздецкий 2008 - *Звіздецкий Б.А.* Городища IX-XIII вв. на території літописних древлян. Київ, 2008. 176 с.

Зимин 1965 - *Зимин А.А.* Феодальная государственность и Русская правда // Исторические записки. 1965. № 76. С. 230-275.

Иванов, Топоров 2000 - *Иванов В.В., Топоров В.Н.* О древних славянских этнонимах. Основные проблемы и перспективы // Из истории русской культуры. Т. 1 (Древняя Русь). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 413-440.

Карамзин 1989 - *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. Т. I. М.: Наука, 1989. 640 с.

Карпов 2009 - *Карпов А.Ю.* Княгиня Ольга. М.: Молодая гвардия, 2009. 376 с.

Кибинь 2017 - *Кибинь А.С.* Маджак, древний герой раннеславянской истории // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2017. № 7. С. 44-58.

Кирпичников 1984 - *Кирпичников А.Н.* Каменные крепости Новгородской земли. Л.: Наука, 1984. 278 с.

Кирпичников 1985 - *Кирпичников А.Н.* Раннесредневековая Ладога: Итоги археологических исследований // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л.: Наука, 1985. С. 3-27.

Кирпичников 1988 - *Кирпичников А.Н.* Ладога и Ладожская земля VIII-XIII вв. // Историко-археологическое изучение Древней Руси: Итоги и основные проблемы. Л.: Издательство ЛГУ, 1988. С. 38-79.

Ключевский 1987 - *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Часть 1 // Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. I. М.: Мысль, 1987. 432 с.

Конецкий 1989 - *Конецкий В.Я.* Новгородские сопки и проблема этносоциального развития Приильменья в VIII-X вв. // Славяне. Этногенез и этническая история. Л.: Издательство ЛГУ, 1989. С. 140-150.

Конецкий 1993 - *Конецкий В.Я.* Новгородские сопки в контексте этносоциальных процессов конца I – начала II тысячелетия н.э. // Новгородский исторический сборник. Вып. 4 (14). СПб.; Новгород, 1993. С. 3-26.

Константин Багрянородный 1991 - *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. Тексты, перевод, комментарий. М.: Наука, 1991. 496 с.

Королев 2000 - *Королев А.С.* История междукняжеских отношений на Руси в 40-е – 70-е годы X века. М.: Прометей, 2000. 296 с.

Королев 2002 - *Королев А.С.* Загадки первых русских князей. М.: Вече, 2002. 480 с.

Котляр 1986 - *Котляр Н.Ф.* Древняя Русь и Киев в летописных преданиях и легендах. Киев: Наукова думка, 1986. 160 с.

Куза 1996 - *Куза А.В.* Древнерусские городища X-XIII вв. Свод археологических памятников. М., 1996. 256 с.

Кузьмин 1970 - *Кузьмин А.Г.* «Варяги» и «Русь» на Балтийском море // Вопросы истории. 1970. № 10. С. 28-55.

Кузьмин 2003 - *Кузьмин А.Г.* Начало Руси. М.: Вече, 2003. 432 с.

Кузьмин 2008 - *Кузьмин С.Л.* Ладога в эпоху раннего средневековья (середина VIII – начало XII вв.) // Исследование археологических памятников эпохи средневековья. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 69-94.

Кулешов 2009 - *Кулешов В.С.* К оценке достоверности этимологий слова русь // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 49. СПб.: Издательство государственного Эрмитажа, 2009. С. 441-459.

Кучкин 2003 - *Кучкин В.А.* Формирование и развитие государственной территории восточных славян в IX-XIII вв. // Отечественная история. 2003. № 3. С. 71-80.

Лебедев 2005 - *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005. 640 с.

Лев Диакон 1988 - *Лев Диакон.* История / Перевод М.М. Копыленко, комментарии М.Я. Сюзюмова, С.А. Иванова. М.: Наука, 1988. 222 с.

Лешков 1858 - *Лешков В.Н.* Русский народ и государство. М., 1858. 623 с.

Литаврин 2001 - *Литаврин Г.Г.* Славинии VII-IX вв. – социально-политические организации славян // Литаврин Г.Г. Византия и славяне (сборник статей). СПб.: Алетейя, 2001. С. 568-578.

Лукин 2004 - *Лукин П.В.* Вече, «племенные» собрания и «люди градские» в начальном русском летописании // Средневековая Русь. Вып. 4. М.: Индрик, 2004. С. 70-130.

Ляпушкин 1958 - *Ляпушкин И.И.* Памятники салтовской культуры в бассейне р. Дона // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 62. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1958. С. 85-150.

Ляпушкин 1961 - *Ляпушкин И.И.* Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1961. 384 с.

Мавродин 1945 - *Мавродин В.В.* Образование древнерусского государства. Л.: Издательство ЛГУ, 1945. 427 с.

Макаров, Захаров, Бужилова 2001 - *Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П.* Средневековое расселение на Белом озере. М.: Языки русской культуры, 2001. 496 с.

Максимович 2006 - *Максимович К.А.* Происхождение этнонима «Русь» в свете исторической лингвистики и древнейших письменных источников // KANISKION: Юбилейный сборник в честь 60-летия проф. И.С. Чичурова. М.: Издательство ПСТГУ, 2006. С. 14-56.

Мачинский 2009 - *Мачинский Д.А.* Некоторые предпосылки, движущие силы и исторический контекст сложения русского государства в середине VIII – середине XI в. // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 49. СПб.: Издательство государственного Эрмитажа, 2009. С. 460-538.

Мельникова 2011 - *Мельникова Е.А.* Предпосылки возникновения и характер «северной конфедерации племен» // Мельникова Е.А. Древняя Русь и Скандинавия: Избранные труды. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2011. С. 101-102.

Мельникова, Петрухин 1989 - *Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* Название «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства (IX-X вв.) // Вопросы истории. 1989. № 8. С. 24-38.

Назаренко 2001 - *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX-XII вв. М.: Языки русской культуры, 2001. 784 с.

Назаренко 2009 - *Назаренко А.В.* Территориально-политическая структура Древней Руси в первой половине X века: Киев и «Внешняя Русь» Константина Багрянородного // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 49. СПб.: Издательство государственного Эрмитажа, 2009. С. 411-440.

Насонов 2002 - *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. Историко-географическое исследование // Насонов А.Н. Избранные труды. СПб.: Наука, 2002. С. 5-211.

Неволин 1853 - *Неволин К.А.* О пятинах и погостах новгородских в XVI в. // Записки Русского географического общества. Кн. VIII. 1853. С. 69-90.

Нефёдов 2012 - *Нефёдов В.С.* Смоленское Поднепровье и Подвинье в период формирования Древнерусского государства по археологическим данным // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. С. 270-299.

Нидерле 1956 - *Нидерле Л.* Славянские древности / Перевод с чешского Т. Ковалевой и М. Хазанова. М.: Издательство иностранной литературы, 1956. 452 с.

Николаев 1990 - *Николаев С.Л.* К истории племенного диалекта кривичей // Советское славяноведение. 1990. № 4. С. 54-63.

Николаев 2011 - *Николаев С.Л.* Семь ответов на варяжский вопрос // Повесть временных лет / Перевод с древнерусского Д.С. Лихачева, О.В. Творогова. Комментарии А.Г. Боброва, С.Л. Николаева, А.Ю. Чернова при участии А.М. Введенского и Л.В. Войтовича. СПб.: Вита Нова, 2012. С. 398-430.

Николаев 2011а - *Николаев С.Л.* Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. Верхневолжские (тверские) кривичи // Славяноведение. 2011. № 6. С. 3-19.

Новосельцев 1965 - *Новосельцев А.П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI-IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М.: Наука, 1965. С. 355-419.

Новосельцев 2000 - *Новосельцев А.П.* Восточные славяне и образование древнерусского государства // История России с древнейших времен до конца XVII в. М.: АСТ, 2000. С. 39-85.

Носов 1990 - *Носов Е.Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л.: Наука, 1990. 214 с.

Носов 1990а - *Носов Е.Н.* Финно-угры и Новгород // Финны в Европе VI-XV вв. Вып. 2. М., 1990. С. 47-57.

Носов 2017 - *Носов Е.Н.* Рюриково городище – резиденция новгородских князей и его роль в становлении Новгорода // Рюриково городище. Новые этапы исследований. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. С. 18-33.

Носов, Горюнова, Плохов 2005 - *Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В.* Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья (новые материалы и исследования). СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 404 с.

Носов, Плохов, Хвощинская 2017 - *Носов Е.Н., Плохов А.В., Хвощинская Н.В.* Рюриково городище. Новые этапы исследований. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 288 с.

ПВЛ 2007 - Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачёва; Под редакцией В.П. Адриановой -Перетц. Третье издание (подготовил М.Б. Свердлов). СПб.: Наука, 2007. 670 с.

Петров 2006 - *Петров А.В.* К обсуждению проблем истории вечевого Новгорода // Rossica antiqua. 2006. СПб.: Издательство СПбГУ, 2006. С. 260-269.

Петрухин 1995 - *Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX-XI веков. Смоленск: Русич; М.: Гнозис, 1995. 320 с.

Петрухин 2014 - *Петрухин В.Я.* Русь в IX-X веках. От призвания варягов до выбора веры. Второе издание, исправленное и дополненное. М.: ФОРУМ; НЕОЛИТ, 2014. 464 с.

Петрухин, Пушкина 1970 - *Петрухин В.Я., Пушкина Т.А.* К предыстории древнерусского города // История СССР. 1979. № 4. С. 100-112.

Платонова 1988 - *Платонова Н.И.* Погосты и формирование системы расселения на северо-западе Новгородской земли (по археологическим данным). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1988.

Платонова 2012 - *Платонова Н.И.* Древнерусские погосты – новая старая проблема // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. С. 328-388.

Полюдье 2009 - Полюдье: всемирно-историческое явление / Под общей редакцией Ю.М. Кобищанова. М.: РОССПЭН, 2009. 791 с.

Поляк 2001 - *Поляк А.Н.* Восточная Европа IX-X веков в представлении Востока // Славяне и их соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. М.: Наука, 2001. С. 79-107.

Преображенский 1959 - *Преображенский А.Г.* Этимологический словарь русского языка. Т. II. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1959. 552 с.

Пресняков 1993 - *Пресняков А.Е.* Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М.: Наука, 1993. 635 с.

ПСРЛ. I - Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 1997. 496 с.

ПСРЛ. II - Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 1998. 648 с.

ПСРЛ. III - Полное собрание русских летописей. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (репринт издания 1950 г., подготовленного А.Н. Насоновым). М.: Языки славянской культуры, 2000. 720 с.

ПСРЛ. IX - Полное собрание русских летописей. Т. IX. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб., 1862. 278 с.

Пузанов 2017 - *Пузанов В.В.* От праславян к Руси: становление Древнерусского государства (факторы и образы политогенеза). СПб.: Издательство Олега Абышко, 2017. 752 с.

Рабинович 1997 - *Рабинович Р.А.* Волки русской летописи (о тотемическом происхождении этнонима уличи) // Стратум: Структуры и катастрофы. Кишинев, 1997. С. 178-199.

Рапов 1977 - *Рапов О.М.* Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М.: Издательство МГУ, 1977. 264 с.

Рапов 1998 - *Рапов О.М.* Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие Христианства. Второе издание, исправленное и дополненное. М.: Русская панорама, 1998. 416 с.

Романов 1960 - *Романов Б.А.* Изыскания о русском сельском поселении эпохи феодализма // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII-XVII вв. М.; Л.: Наука, 1960. С. 341-375.

Ронин 1995 - *Ронин В.К.* Так называемая Хроника Фредегара // Свод древнейших письменных известий о славянах Т. II. М.: Восточная литература, 1995. С. 364-397.

Роспонд 1979 - *Роспонд С.* Несколько замечаний о названии «Русь» // Восточнославянская ономастика: исследования и материалы. М., 1979. С. 43-47.

Рыбаков 1958 - *Рыбаков Б.А.* Предпосылки образования Древнерусского государства // Очерки истории СССР. Т. I. III-IX вв. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1958. С. 733-878.

Рыбаков 1982 - *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М.: Наука, 1982. 598 с.

Рыбаков 1987 - *Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1987. 788 с.

Рыдзевская 1978 - *Рыдзевская Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия в IX-XIV вв. М.: Наука, 1978. 238 с.

Рябинин 2003 - *Рябинин Е.А.* У истоков Северной Руси. Новые открытия. СПб.: БЛИЦ, 2003. 224 с.

Рябинин, Дубашинский 2002 - *Рябинин Е.А., Дубашинский А.В.* Любшанское городище в Нижнем Поволховье (предварительное сообщение) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб.: Институт истории материальной культуры РАН, 2002. С. 196-203.

Свердлов 1970 - *Свердлов М.Б.* Локализация русов в арабской географической литературе IX-X вв. // Известия Всесоюзного географического общества. 1970. Т. 102. Вып. 4. С. 363-369.

Свердлов 1983 - *Свердлов М.Б.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л.: Наука, 1983. 240 с.

Свердлов 2003 - *Свердлов М.Б.* Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб.: Академический проект, 2003. 736 с.

Свердлов 2011 - *Свердлов М.Б.* М.В. Ломоносов и становление исторической науки в России. СПб.: Нестор-История, 2011. 916 с.

Свирин 2006 - *Свирин К.М.* Языческие святилища северо-запада Древней Руси в VIII – начале XI в. // Новгород и Новгородская Земля. История и археология. Вып. 20. Великий Новгород, 2006. С. 231-251.

Седов 1970 - *Седов В.В.* Новгородские сопки. М.: Наука, 1970. 80 с.

Седов 1982 - *Седов В.В.* Восточные славяне в VI-XIII вв. М.: Наука, 1982. 328 с.

Седов 1999 - *Седов В.В.* Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры, 1999. 312 с.

Седов 1999а - *Седов В.В.* У истоков восточнославянской государственности. М.: УРСС, 1999. 144 с.

Седов 2000 - *Седов В.В.* Конфедерация северно-русских племен в середине IX в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М.: Восточная литература, 2000. С. 240-249.

Седов 2003 - *Седов В.В.* О русах и русском каганате IX века // Славяноведение. 2003. № 2. С. 3-14.

Сергеевич 1903 - *Сергеевич В.И.* Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1903. 664 с.

Серяков 2016 - *Серяков М.Л.* Рюрик и Волжско-Балтийский торговый путь // Исторический формат. 2016. № 4. С. 169-199.

Соловьев 1959 - *Соловьев С.М.* История Росси с древнейших времён. Кн. I. Т. 1-2. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959. 812 с.

Соловьёва 1956 - *Соловьёва Г.Ф.* Славянские союзы племён по археологическим материалам VIII-XIV вв. н.э. (вятичи, радимичи, северяне) // Советская археология. 1956. Вып. XXV. С. 138-170.

Тимощук 1990 - *Тимощук Б.А.* Восточнославянская община VI-X вв. М.: Наука, 1990. 192 с.

Тимощук 1995 - *Тимощук Б.А.* Восточные славяне: от общины к городам. М.: Издательство МГУ, 1995. 261 с.

Толочко 2013 - *Толочко П.П.* Ранняя Русь: история и археология. СПб.: БЛИЦ, 2013. 208 с.

Трубачёв 1961 - *Трубачёв О.Н.* О племенном названии уличи // Вопросы славянского языкознания. 1961. Вып. 5. С. 186-190.

Трубачёв 1994 - *Трубачёв О.Н.* Мысли о дохристианской религии славян в свете славянского языкознания // Вопросы языкознания. 1994. № 6. С. 3-15.

Трубачёв 2000 - *Трубачёв О.Н.* Из истории и лингвистической географии восточнославянского освоения // Вопросы языкознания. 2000. № 5. С. 4-27.

Трубачёв 2002 - *Трубачёв О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. Издание второе, дополненное. М.: Наука, 2002. 489 с.

Трубачёв 2005 - *Трубачёв О.Н.* В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси. М.: Наука, 2005. 286 с.

Фасмер 1987 - *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка в четырёх томах / Перевод с немецкого и дополнения О.Н. Трубачёва. Т. III. М.: Прогресс, 1987. 832 с.

Финно-угры 1987 - Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Ответственный редактор В.В. Седов. М.: Наука, 1987. 522 с.

Фроянов 1980 - *Фроянов И.Я.* Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л.: Издательство ЛГУ, 1980. 256 с.

Фроянов 1992 - *Фроянов И.Я.* Мятежный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия. СПб.: издательство СПбГУ, 1992. 280 с.

Фроянов 1995 - *Фроянов И.Я.* Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб.: Златоуст, 1995. 703 с.

Фроянов 1996 - *Фроянов И.Я.* Рабство и данничество у восточных славян (VI-X вв.). СПб.: Издательство СПбГУ, 1996. 512 с.

Фроянов 1999 - *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: Главные черты социально-экономического строя. СПб.: Издательство СПбГУ, 1999. 372 с.

Фроянов 2001 - *Фроянов И.Я.* К истории зарождения Русского государства // Фроянов И.Я. Начала русской истории. Избранное. М.: Парад, 2001. С. 717-751.

Фроянов 2001а - *Фроянов И.Я.* Два центра зарождения русской государственности // Фроянов И.Я. Начала русской истории. Избранное. М.: Парад, 2001. С. 752-762.

Фроянов 2003 - *Фроянов И.Я.* Начало христианства на Руси. Ижевск: Удмуртский университет, 2003. 276 с.

Фроянов 2015 - *Фроянов И.Я.* Лекции по русской истории. Киевская Русь. СПб.: Русская коллекция, 2015. 1048 с.

Фроянов, Дворниченко 1988 - *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси. Л.: Издательство ЛГУ, 1988. 269 с.

Цукерман 2001 - *Цукерман К.* Два этапа формирования Древнерусского государства // Славяноведение. 2001. № 4. С. 59-69.

Черепнин 1965 - *Черепнин Л.В.* Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская правда // Древнерусское государство и его международное значение. М.: Наука, 1965. С. 128-278.

Черепнин 1972 - *Черепнин Л.В.* Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX-XV вв. // Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М.: Наука, 1972. С. 126-251.

Шанский, Иванов, Шанская 1971 - *Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В.* Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1971. 542 с.

Шахматов 2002 - *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах // Шахматов А.А. История русского летописания Т. I. Кн. 1. СПб.: Наука, 2002. 486 с.

Шинаков 2006 - *Шинаков Е.А.* Переселенческая политика киевских князей в контексте государствогенеза // Исследования по русской истории и культуре. Сборник статей к 70-летию профессора И.Я. Фроянова. М.: Парад, 2006. С. 122-146.

ЭССЯ 8 - Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачёва. Вып. 8. М.: Наука, 1981. 252 с.

Юшков 1936 - *Юшков С.В.* Эволюция дани в феодальную ренту в Киевском государстве в X-XI вв. // Историк-марксист. 1936. № 5. С. 134-138.

Юшков 1939 - *Юшков С.В.* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1939. 254 с.

Юшков 1949 - *Юшков С.В.* Общественно-политический строй и право Киевского государства. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1949. 544 с.

Якушкин 1986 - *Якушкин П.И.* Сочинения. М.: Современник, 1986. 591 с.

Янин 2001 - *Янин В.Л.* У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001. 151 с.

Янин 2003 - *Янин В.Л.* Новгородские посадники. Второе издание, переработанное и дополненное. М.: Языки славянской культуры, 2003. 512 с.

Янин 2004 - *Янин В.Л.* Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М.: Наука, 2004. 416 с.

Янин 2008 - *Янин В.Л.* Очерки истории средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур, 2008. 400 с.

Янин 2009 - *Янин В.Л.* Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур, 2009. 416 с.

Lehr-Spławiński 1959 - *Lehr-Spławiński T.* Lędzice – Lędzanie – Lachowie // Opuscula Casimiro Tymieniecki septuagenario dedicate. Poznań, 1959.

Lehr-Spławiński 1961 - Lehr-Spławiński T. Najstrsze nazwy plemion polskich w obych źródłach // Język Polski. T. 41. Kraków, 1961.

Lewicki 1940/1950 - *Lewicki T.* Swiat słowiański w oczach pisarzy arabskich // Slavia Antiqua. T. 2. Poznań, 1940/1950.

Otrębski 1960 - *Otrębski J.* Rusь // Lingua Posnaniensis. 1960. 8. P. 219-227.

REFERENCES

Afanas'ev 1987 - *Afanas'ev G.E.* Naselenie lesostepnoj zony bassejna Srednego Dona v VIII-X vv. (alanskij variant saltovo-majackoj kul'tury) [The population of a forest-steppe zone of the basin of Central Don in the 8-10th centuries (Alania option of Saltovo-Mayaki culture)], Moscow, Nauka Publ., 1987, 197 p. [in Russian].

Afanas'ev 1993 - *Afanas'ev G.E.* Donskie alany: Social'nye struktury alano-asso-burtasskogo naselenija bassejna Srednego Dona [Donskoy Alans: Social structures of Alans-Jasz-Burtas population of the basin of Central Don], Moscow, Nauka Publ., 1993, 184 p. [in Russian].

Alekseev 1978 - *Alekseev L.V.* Nekotorye voprosy zaselennosti i razvitie Zapadnorusskih zemel' v IXXIII vv. [Some questions of population and development of Zapadnorussky lands in the 9 -13th centuries], in: Drevnjaja Rus' i slavjane. Sbornik k 70-letiju akademika B.A. Rybakova [Ancient Russia and Slavs. The

collection to the seventieth anniversary of the academician B.A. Rybakov], Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 23-30 [in Russian].

Alekseev 1980 - *Alekseev Ju.G.* Pskovskaja Sudnaja gramota i ee vremja: Razvitie feodal'nyh otnoshenij na Rusi XIV-XV vv. [Pskov Judgment diploma and its time: Development of the feudal relations in Russia the 14-15th centuries], Leningrad, Nauka Publ., 1980, 244 p. [in Russian].

Amal'rik 2018 - *Amal'rik A.A.* Normanny i Kievskaja Rus' [Normans and Kievan Rus'], Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2018, 232 p. [in Russian].

Azbelev 2007 - *Azbelev S.N.* Ustnaja istorija v pamjatnikah Novgoroda i Novgorodskoj zemli [Oral history in monuments of Novgorod and the Novgorod earth], St. Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2007, 296 p. [in Russian].

Bahrushin 1937 - *Bahrushin S.V.* «Derzhava Rjurikovichej» [«Power of Ryurik dynasty»], in: Vestnik drevnej istorii [Messenger of ancient history], 1937, № 2 (3), pp. 88-98 [in Russian].

Berezovec 1965 - *Berezovec D.T.* Slov'jani j plemena saltivs'koï kul'turi [Slavs and tribes of Saltovo culture], in: Arheologija [Archeology], 1965, 19, pp. 47-67 [in Ukrainian].

Berezovec 1970 - *Berezovec D.T.* Pro im'ja nosiiv saltiv'skoi kul'turi [About a name of carriers of saltovsky culture], in: Arheologija. T. XXIV [Archeology. Volume XXIV], Kiev, 1970, pp. 59-74 [in Ukrainian].

Berezovec 1999 - *Berezovec D.T.* Rusy v Podneprov'e (doklad na XIV konferencii Instituta arheologii AN USSR) [Russia in the Dnieper Bank (the report at the XIV conference of Institute of archeology of AN of USSR)], in: Poltavskij arheologichnij zbirnik [Poltava archaeological collection], Poltava, 1999, pp. 321-350 [in Ukrainian].

Brim 1923 - *Brim V.A.* Proishozhdenie termina «Rus'» [Origin of the term «Russia»], in: Rossija i Zapad. T. 1 [Russia and West. Volume 1], Petrograd, 1923 [in Russian].

Cherepnin 1965 - *Cherepnin L.V.* Obshhestvenno-politicheskie otnoshenija v Drevnej Rusi i Russkaja pravda [The social and political relations in Ancient Russia and the Russian truth], in: Drevnerusskoe gosudarstvo i ego mezhdunarodnoe znachenie [Old Russian state and its international value], Moscow, Nauka Publ., 1965, pp. 128-278 [in Russian].

Cherepnin 1972 - *Cherepnin L.V.* Rus'. Spornye voprosy istorii feodal'noj zemel'noj sobstvennosti v IX-XV vv. [Russia. Controversial issues of history of the feudal landed property in the 9-15th centuries], in: Puti razvitija feodalizma (Zakavkaz'e, Srednjaja Azija, Rus', Pribaltika) [Ways of development of feudalism (Transcaucasia, Central Asia, Russia, Baltics)], Moscow, Nauka Publ., 1972, pp. 126-251 [in Russian].

Cukerman 2001 - *Cukerman K.* Dva jetapa formirovanija Drevnerusskogo gosudarstva [Two stages of formation of the Old Russian state], in: Slavjanovedenie [Slavic studies], 2001, № 4, pp. 59-69 [in Russian].

Danilova 1994 - *Danilova L.V.* Sel'skaja obshhina v srednevekovoj Rusi [Rural community in medieval Russia], Moscow, Nauka Publ., 1994, 318 p. [in Russian].

Demin 1993 - *Demin A.S.* Hudozhestvennye miry drevnerusskoj literatury [Art worlds of Old Russian literature], Moscow, Nasledie Publ., 1993, 224 p. [in Russian].

D'jakonov 2005 - *D'jakonov M.A.* Ocherki obshhestvennogo i gosudarstvennogo stroja Drevnej Rusi [Sketches of the social and political system of Ancient Russia], St. Petersburg, Nauka Publ., 2005, 384 p. [in Russian].

Dybo, Zamjatina, Nikolaev 1990 - *Dybo V.A., Zamjatina G.I., Nikolaev S.L.* Osnovy slavjanskoj akcentologii [Fundamentals of Slavic accentology], Moscow, Nauka Publ., 1990, 284 p. [in Russian].

Eniosova, Pushkina 2016 - *Eniosova N.V., Pushkina T.A.* Gnjozdovo kak rannegorodskoj centr jepohi formirovanija Drevnerusskogo gosudarstva i nekotorye voprosy ego interpretacii [Gnezdovo as early city center of an era of formation of the Old Russian state and some questions of its interpretation], in: Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 2014 [The most ancient states of Eastern Europe. 2014], Moscow, Russkij fond sodejstvija obrazovaniju i nauke Publ., 2016, pp. 258-303 [in Russian].

Eremeev, Dzjuba 2010 - *Eremeev I.I., Dzjuba O.F.* Ocherki istoricheskoj geografii lesnoj chasti puti iz varjag v greki [Sketches of historical geography of a forest part of a way from the Varangian in Greeks], St. Petersburg, Nestor-Istorija Publ., 2010, 670 p. [in Russian].

Fasmer 1987 - *Fasmer M.* Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka v chetyrjoh tomah / Perevod s nemeckogo i dopolnenija O.N. Trubachjova. T. III [The etymological dictionary of Russian in four volumes / the Translation from German and O.N. Trubachyov's addition. Volume III], Moscow, Progress Publ., 1987, 832 p. [in Russian].

Finno-ugry 1987 - Finno-ugry i balty v jepohu srednevekov'ja / Otvetstvennyj redaktor V.V. Sedov [Finno-Ugric peoples and Balts during an era Middle Ages / Editor-in-chief V.V. Sedov], Moscow, Nauka Publ., 1987, 522 p. [in Russian].

Frojanov 1980 - *Frojanov I.Ja.* Kievskaja Rus'. Ocherki social'no-politicheskoj istorii [Kievan Rus'. Sketches of socio-political history], Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1980, 256 p. [in Russian].

Frojanov 1992 - *Frojanov I.Ja.* Mjatezhnyj Novgorod. Ocherki istorii gosudarstvennosti, social'noj i politicheskoj bor'by konca IX – nachala XIII stoletija [Rebellious Novgorod. Sketches of history of statehood, social and political struggle of the end of IX – the beginning of the XIII century], St. Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta Publ., 1992, 280 p. [in Russian].

Frojanov 1995 - *Frojanov I.Ja.* Drevnjaja Rus'. Opyt issledovanija istorii social'noj i politicheskoj bor'by [Ancient Russia. Experience of research of history of social and political struggle], Moscow, Saint Petersburg, Zlatoust Publ., 1995, 703 p. [in Russian].

Frojanov 1996 - *Frojanov I.Ja.* Rabstvo i dannichestvo u vostochnyh slavjan (VI-X vv.) [Slavery and dannichestvo at east Slavs (the 6-10th centuries)], St. Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta Publ., 1996, 512 p. [in Russian].

Frojanov 1999 - *Frojanov I.Ja.* Kievskaja Rus': Glavnye cherty social'no-jekonomicheskogo stroja [Kievan Rus': Main lines of a social and economic system], Saint Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta Publ., 1999, 372 p. [in Russian].

Frojanov 2001 - *Frojanov I.Ja.* K istorii zarozhdenija Russkogo gosudarstva [To history of origin of the Russian state], in: Frojanov I.Ja. Nachala russkoj istorii. Izbrannoe [Froyanov I.Ya. Beginnings of the Russian history. Favourites], Moscow, Parad Publ., 2001, pp. 717-751 [in Russian].

Frojanov 2001a - *Frojanov I.Ja.* Dva centra zarozhdenija russkoj gosudarstvennosti [Two centers of origin of the Russian statehood], in: Frojanov I.Ja. Nachala russkoj istorii. Izbrannoe [Froyanov I.Ya. Beginnings of the Russian history. Favourites], Moscow, Parad Publ., 2001, pp. 752-762 [in Russian].

Frojanov 2003 - *Frojanov I.Ja.* Nachalo hristianstva na Rusi [The beginning of Christianity in Russia], Izhevsk, Udmurtskij universitet Publ., 2003, 276 p. [in Russian].

Frojanov 2015 - *Frojanov I.Ja.* Lekcii po russkoj istorii. Kievskaja Rus' [Lectures on the Russian history. Kievan Rus'], St. Petersburg, Russkaja kollekcija Publ., 2015, 1048 p. [in Russian].

Frojanov, Dvornichenko 1988 - *Frojanov I.Ja., Dvornichenko A.Ju.* Goroda-gosudarstva Drevnej Rusi [City-states of Ancient Russia], Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1988, 269 p. [in Russian].

Galkina 2002 - *Galkina E.S.* Tajny Russkogo kaganata [Secrets of the Russian khaganate], Moscow, Veche Publ., 2002, 428 p. [in Russian].

Galkina 2006 - *Galkina E.S.* Nomady Vostochnoj Evropy: jetnosy, socium, vlast' (I tys. n.je.) [Nomada of Eastern Europe: ethnoses, society, power (I thousand AD)], Moscow, Prometej Publ., 2006a, 548 p. [in Russian].

Galkina 2010 - *Galkina E.S.* Jetnosy Vostochnoj Evropy v cikle «O tjurkah» arabskoj geograficheskoj literatury [Ethnoses of Eastern Europe in the cycle «About Turkic Peoples» of the Arab geographical literature], in: Rossica antiqua, 2010, № 1, pp. 54-98 [in Russian].

Galkina 2012 - *Galkina E.S.* Russkij kaganat. Bez hazar i normannov [Russian khaganate. Without Khazar and Normans], Moscow, Algoritm Publ., 2012, 336 p. [in Russian].

Galkina 2016 - *Galkina E.S.* The translation of news al-Masudi about Eastern Europe. The translation is not published and kindly provided yet to me by the author for what I express her the profound gratitude [in Russian].

Garkavi 1870 - *Garkavi A.Ja.* Skazanija musul'manskih pisatelej o slavjanah i russkih [Legends of Muslim writers on Slavs and Russians], St. Petersburg, 1870, 315 p. [in Russian].

Gorskij 2004 - *Gorskij A.A.* Rus': Ot slavjanskogo rasselenija do Moskovskogo carstva [Russia: From Slavic resettlement to the Moscow kingdom], Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2004, 392 p. [in Russian].

Gorskij 2011 - *Gorskij A.A.* Slavjanskoe rasselenie i jevoljucija obshhestvennogo stroja slavjan [Slavic resettlement and evolution of a social order of Slavs], in: Velikoe pereselenie narodov: Jetnopoliticheskie i social'nye aspekty [Great resettlement of the people: Ethnopolitical and social aspects], St. Petersburg, Aletejja Publ., 2011, pp. 129-180 [in Russian].

Grekov 1953 - *Grekov B.D.* Kievskaja Rus' [Kievan Rus'], Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoj literatury Publ., 1953, 567 p. [in Russian].

Grigorij Turskij 1987 - *Grigorij Turskij.* Istorija frankov / Izdanie podgotovila V.D. Savukova [History of the Franks / Edition prepared V.D. Savukova], Moscow, Nauka Publ., 1987, 472 p. [in Russian].

Grot 2009 - *Grot L.P.* Genezis drevnerusskogo instituta knjazheskoj vlasti, zapadnoevropejskie utopii jepohi Prosveshhenija i ih predtechi [Genesis of Old Russian institute of the princely power, Western European utopias of the age of Enlightenment and their forerunner], in: Trudy Gosudarstvennogo Jermitazha. T. 49 [Works of the State Hermitage. Volume 49], St. Petersburg, Izdatel'stvo gosudarstvennogo Jermitazha Publ., 2009, pp. 132-154 [in Russian].

Ivanov, Toporov 2000 - *Ivanov V.V., Toporov V.N.* O drevnih slavjanskih jetnonimah. Osnovnye problemy i perspektivy [About ancient Slavic ethnonyms. Main problems and prospects], in: Iz istorii russkoj kul'tury. T. 1 (Drevnjaja Rus') [From history of the Russian culture. Volume 1 (Ancient Russia)], Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 2000, pp. 413-440 [in Russian].

Jakushkin 1986 - *Jakushkin P.I.* Sochinenija [Compositions], Moscow, Sovremennik Publ., 1986, 591 p. [in Russian].

Janin 2001 - Janin V.L. U istokov novgorodskoj gosudarstvennosti [At sources of the Novgorod statehood], Velikij Novgorod, 2001, 151 p. [in Russian].

Janin 2003 - *Janin V.L.* Novgorodskie posadniki. Vtoroe izdanie, pererabotannoe i dopolnennoe [The Posadniks of Novgorod. The second edition processed and added], Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2003, 512 p. [in Russian].

Janin 2004 - *Janin V.L.* Srednevekovyj Novgorod: Ocherki arheologii i istorii [Medieval Novgorod: Sketches of archeology and history], Moscow, Nauka Publ., 2004, 416 p. [in Russian].

Janin 2008 - *Janin V.L.* Ocherki istorii srednevekovogo Novgoroda [Sketches of history of medieval Novgorod], Moscow, Jazyki slavjanskih kul'tur Publ., 2008, 400 p. [in Russian].

Janin 2009 - *Janin V.L.* Denezhno-vesovye sistemy domongol'skoj Rusi i ocherki istorii denezhnoj sistemy srednevekovogo Novgoroda [Monetary and weight systems of domongolsky Russia and sketches of history of monetary system of medieval Novgorod], Moscow, Jazyki slavjanskih kul'tur Publ., 2009, 416 p. [in Russian].

JeSSJa 8 - Jetimologicheskij slovar' slavjanskih jazykov. Praslavjanskij leksicheskij fond / Pod red. O.N. Trubachjova. Vyp. 8 [Etymological dictionary of Slavic languages. Praslavyansky lexical fund / Under the editorship of O.N. Trubachyov. Release 8], Moscow, Nauka Publ., 1981, 252 p. [in Russian].

Jushkov 1936 - *Jushkov S.V.* Jevoljucija dani v feodal'nuju rentu v Kievskom gosudarstve v X-XI vv. [Evolution of a tribute in a feudal rent in the Kiev state in the 10-11th centuries], in: Istorik-marksist [Historian-Marxist], 1936, № 5, pp. 134-138 [in Russian].

Jushkov 1939 - *Jushkov S.V.* Ocherki po istorii feodalizma v Kievskoj Rusi [Sketches on feudalism stories in Kievan Rus'], Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1939, 254 p. [in Russian].

Jushkov 1949 - *Jushkov S.V.* Obshhestvenno-politicheskij stroj i pravo Kievskogo gosudarstva [Social and political system and right of the Kiev state], Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo juridicheskoj literatury Publ., 1949, 544 p. [in Russian].

Karamzin 1989 - *Karamzin N.M.* Istorija gosudarstva Rossijskogo. T. I [History of the state Russian. Volume I], Moscow, Nauka Publ., 1989, 640 p. [in Russian].

Karpov 2009 - *Karpov A.Ju.* Knjaginja Ol'ga [Princess Olga], Moscow, Molodaja gvardija Publ., 2009, 376 p. [in Russian].

Kibin' 2017 - *Kibin' A.S.* Madzhak, drevnij geroj ranneslavjanskoj istorii [Madzhak, ancient hero of early Slavic history], in: Drevnjaja Rus': vo vremeni, v lichnostjah, v idejah [Ancient Russia: in time, in persons, in the ideas], 2017, № 7, pp. 44-58 [in Russian].

Kirpichnikov 1984 - *Kirpichnikov A.N.* Kamennye kreposti Novgorodskoj zemli [Stone fortresses of the Novgorod earth], Leningrad, Nauka Publ., 1984, 278 p. [in Russian].

Kirpichnikov 1985 - *Kirpichnikov A.N.* Rannesrednevekovaja Ladoga: Itogi arheologicheskih issledovanij [Early medieval Ladoga: Results of archaeological researches], in: Srednevekovaja Ladoga. Novye arheologicheskie otkrytija i issledovanija [Medieval Ladoga. New archaeological opening and researches], Leningrad, Nauka Publ., 1985, pp. 3-27 [in Russian].

Kirpichnikov 1988 - *Kirpichnikov A.N.* Ladoga i Ladozhskaja zemlja VIII-XIII vv. [Ladoga and Ladoga earth of the 8-13th centuries], in: Istoriko-arheologicheskoe izuchenie Drevnej Rusi: Itogi i osnovnye problemy [Historical and archaeological studying of Ancient Russia: Results and main problems], Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1988, pp. 38-79 [in Russian].

Kljuchevskij 1987 - *Kljuchevskij V.O.* Kurs russkoj istorii. Chast' I [Course of the Russian history. Part I], in: Kljuchevskij V.O. Sochinenija v devjati tomah. T. I [Compositions in nine volumes. Volume I], Moscow: Mysl' Publ., 1987, 432 p. [in Russian].

Koneckij 1989 - *Koneckij V.Ja.* Novgorodskie sopki i problema jetnosocial'nogo razvitija Priil'men'ja v VIII-X vv. [The Novgorod hills and problem of ethnosocial development of the Ilmen region in the 8-10th centuries], in: Slavjane. Jetnogenez i jetnicheskaja istorija [Slavs. Ethnogenesis and ethnic history], Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1989, pp. 140-150 [in Russian].

Koneckij 1993 - *Koneckij V.Ja.* Novgorodskie sopki v kontekste jetnosocial'nyh processov konca I – nachala II tysjacheletija n.je. [The Novgorod hills in the context of ethnosocial processes of the end of I – the beginning of the II millennium AD], in: Novgorodskij istoricheskij sbornik. Vyp. 4 (14) [Novgorod historical collection. Release 4 (14)], St. Petersburg; Novgorod, 1993, pp. 3-26 [in Russian].

Konstantin Bagrjanorodnyj 1991 - *Konstantin Bagrjanorodnyj.* Ob upravlenii imperiej / Teksty, perevod, kommentarij; pod redakciej G.G. Litavrina i A.P. Novosel'ceva [De Administrando Imperio / Texts, translation, comment; Editor-in-chief G.G. Litavrin and A.P. Novoseltsev], Moscow, Nauka Publ., 1991, 496 p. [in Russian].

Korolev 2000 - *Korolev A.S.* Istorija mezhduknjazheskih otnoshenij na Rusi v 40-e – 70-e gody X veka [History of the relations between the princes in Russia in the 40th – the 70th years of the X century], Moscow, Prometej Publ., 2000, 296 p. [in Russian].

Korolev 2002 - *Korolev A.S.* Zagadki pervyh russkih knjazej [Riddles of the first Russian princes], Moscow, Veche Publ., 2002, 480 p. [in Russian].

Kotljar 1986 - *Kotljar N.F.* Drevnjaja Rus' i Kiev v letopisnyh predanijah i legendah [Ancient Russia and Kiev in annalistic legends and legends], Kiev, Naukova dumka Publ., 1986, 160 p. [in Russian].

Kuchkin 2003 - *Kuchkin V.A.* Formirovanie i razvitie gosudarstvennoj territorii vostochnyh slavjan v IX-XIII vv. [Formation and development of the state territory of east Slavs in the 9-13th centuries], in: Otechestvennaja istorija [National history], 2003, № 3, pp. 71-80 [in Russian].

Kuleshov 2009 - *Kuleshov V.S.* K ocenke dostovernosti jetimologij slova rus' [To assessment of reliability of etymologies of the word Russia], in: Trudy Gosudarstvennogo Jermitazha. T. 49 [Works of the State Hermitage. Volume 49], St. Petersburg, Izdatel'stvo gosudarstvennogo Jermitazha Publ., 2009, pp. 441-459 [in Russian].

Kuza 1996 - *Kuza A.V.* Drevnerusskie gorodishha X-XIII vv. Svod arheologicheskih pamjatnikov [Old Russian ancient settlements of the 10-13th centuries. Arch of archaeological monuments], Moscow, 1996, 256 p. [in Russian].

Kuz'min 1970 - *Kuz'min A.G.* «Varjagi» i «Rus'» na Baltijskom more [«Varangians» and «Russia» on the Baltic Sea], in: Voprosy istorii [History questions], 1970, № 10, pp. 28-55 [in Russian].

Kuz'min 2003 - *Kuz'min A.G.* Nachalo Rusi [Beginning of Russia], Moscow, Veche Publ., 2003, 432 p. [in Russian].

Kuz'min 2008 - *Kuz'min S.L.* Ladoga v jepohu rannego srednevekov'ja (seredina VIII – nachalo XII vv.) [Ladoga during an era of the early Middle Ages (the middle of VIII – the beginning of the 12th centuries)], in: Issledovanie arheologicheskih pamjatnikov jepohi srednevekov'ja [Research of archaeological monuments of an era of the Middle Ages], St. Petersburg, Nestor-Istorija Publ., 2008, pp. 69-94 [in Russian].

Lebedev 2005 - *Lebedev G.S.* Jepoha vikingov v Severnoj Evrope i na Rusi [Era of Vikings in Northern Europe and in Russia], St. Petersburg, Evrazija Publ., 2005, 640 p. [in Russian].

Lehr-Spławiński 1959 - *Lehr-Spławiński T.* Lędzice – Lędzanie – Lachowie [Lendizi – Lendians – Poles], in: Opuscula Casimiro Tymieniecki septuagenario dedicate [The collection to seventieth anniversary of Kazimir Tymenitsky], Poznań, 1959 [in Polish].

Lehr-Spławiński 1961 - *Lehr-Spławiński T.* Najstrsze nazwy plemion polskich w obych źródłach [Names of the Polish tribes in historical sources], in: Język Polski. T. 41 [Polish. Volume 41], Kraków, 1961 [in Polish].

Leshkov 1858 - *Leshkov V.N.* Russkij narod i gosudarstvo [Russian people and state], Moscow, 1858, 623 p. [in Russian].

Lev Diakon 1988 - *Lev Diakon.* Istorija / Perevod M.M. Kopylenko, kommentarii M.Ja. Sjuzjumova, S.A. Ivanova [History / Translation of M.M. Kopylenko; comments of M.Ya. Syuzyumov, S.A. Ivanov], Moscow, Nauka Publ., 1988, 222 p. [in Russian].

Lewicki 1940/1950 - *Lewicki T.* Swiat słowiański w oczach pisarzy arabskich [The Slavic world in the opinion of the Arab writers], in: Slavia Antiqua. T. 2 [Slavia Antiqua. Volume 2], Poznań, 1940/1950 [in Polish].

Litavrin 2001 - *Litavrin G.G.* Slavinii VII-IX vv. – social'no-politicheskie organizacii slavjan [Slaviniya the 7-9th centuries – the socio-political organizations of Slavs], in: Litavrin G.G. Vizantija i slavjane (sbornik statej) [Byzantium and Slavs (collection of articles)], St. Petersburg, Aletejja Publ., 2001, pp. 568 -578 [in Russian].

Ljapushkin 1958 - *Ljapushkin I.I.* Pamjatniki saltovskoj kul'tury v bassejne r. Dona [Monuments of Saltovo culture in a river basin of Don], in: Materialy i issledovanija po arheologii SSSR. Vyp. 62 [Materials and researches on archeology of the USSR. Release 62], Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1958, pp. 85-150 [in Russian].

Ljapushkin 1961 - *Ljapushkin I.I.* Dneprovskoe lesostepnoe Levoberezh'e v jepohu zheleza [The Dnieper forest-steppe Left bank during an iron era], Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1961, 384 p. [in Russian].

Lukin 2004 - *Lukin P.V.* Veche, «plemennye» sobranija i «ljudi gradskie» v nachal'nom russkom letopisanii [Veche, «breeding» meetings and «town people» in initial Russian annals], in: Srednevekovaja Rus'. Vyp. 4 [Medieval Russia. Release 4], Moscow, Indrik Publ., 2004, pp. 70-130 [in Russian].

Machinskij 2009 - *Machinskij D.A.* Nekotorye predposylki, dvizhushhie sily i istoricheskij kontekst slozhenija russkogo gosudarstva v seredine VIII – seredine XI v. [Some prerequisites, driving forces and historical context of addition of the Russian state in the middle of VIII – the middle of the 11th century], in: Trudy Gosudarstvennogo Jermitazha. T. 49 [Works of the State Hermitage. Volume 49], St. Petersburg, Izdatel'stvo gosudarstvennogo Jermitazha Publ., 2009, pp. 460-538 [in Russian].

Makarov, Zaharov, Buzhilova 2001 - *Makarov N.A., Zaharov S.D., Buzhilova A.P.* Srednevekovoe rasselenie na Belom ozere [Medieval resettlement on lake Beloye], Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 2001, 496 p. [in Russian].

Maksimovich 2006 - *Maksimovich K.A.* Proishozhdenie jetnonima «Rus'» v svete istoricheskoj lingvistiki i drevnejshih pis'mennyh istochnikov [Ethnonym origin Russia in the light of historical linguistics and the most ancient written sources], in: KANISKION: Jubilejnyj sbornik v chest' 60-letija prof. I.S. Chichurova [KANISKION: The anniversary collection in honor of the 60 anniversary of professor I.S. Chichurov], Moscow, Izdatel'stvo PSTGU Publ., 2006, pp. 14-56 [in Russian].

Mavrodin 1945 - *Mavrodin V.V.* Obrazovanie Drevnerusskogo gosudarstva [Formation of the Old Russian state], Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1945, 428 p. [in Russian].

Mel'nikova 2011 - *Mel'nikova E.A.* Predposylki vozniknovenija i harakter «severnoj konfederacii plemen» [Prerequisites of emergence and nature of «northern confederation of tribes»], in: Mel'nikova E.A. Drevnjaja Rus' i Skandinavija: Izbrannye trudy [Ancient Russia and Scandinavia: Chosen works], Moscow, Russkij fond sodejstvija obrazovaniju i nauke Publ., 2011, pp. 101-102 [in Russian].

Mel'nikova, Petruhin 1989 - *Mel'nikova E.A., Petruhin V.Ja.* Nazvanie «Rus'» v jetnokul'turnoj istorii Drevnerusskogo gosudarstva (IX-X vv.) [The name «Russia» in ethnocultural history of the Old Russian state (the 9-10th centuries)], in: Voprosy istorii [History questions], 1989, № 8, pp. 24-38 [in Russian].

Nasonov 2002 - *Nasonov A.N.* «Russkaja zemlja» i obrazovanie territorii drevnerusskogo gosudarstva [«Russian land» and formation of the territory of the Old Russian state], in: Nasonov A.N. Izbrannye Trudy [Nasonov A.N. Chosen works], St. Petersburg, Nauka Publ., 2002, pp. 5-211 [in Russian].

Nazarenko 2001 - *Nazarenko A.V.* Drevnjaja Rus' na mezhdunarodnyh putjah: Mezhdisciplinarnye ocherki kul'turnyh, torgovyh, politicheskih svjazej IX-XII vv. [Ancient Russia on the international ways: Cross-disciplinary sketches of cultural, commercial, political connections of the 9-12th centuries], Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 2001, 784 p. [in Russian].

Nazarenko 2009 - *Nazarenko A.V.* Territorial'no-politicheskaja struktura Drevnej Rusi v pervoj polovine X veka: Kiev i «Vneshnjaja Rus'» Konstantina Bagrjanorodnogo [Territorial and political structure of Ancient Russia in the first half of the X century: Kiev and «External Russia» of Constantine VII Porphyrogennetos], in: Trudy Gosudarstvennogo Jermitazha. T. 49 [Works of the State Hermitage. Volume 49], St. Petersburg, Izdatel'stvo gosudarstvennogo Jermitazha Publ., 2009, pp. 411-440 [in Russian].

Nefjodov 2012 - *Nefjodov V.S.* Smolenskoe Podneprov'e i Podvin'e v period formirovanija Drevnerusskogo gosudarstva po arheologicheskim dannym [The Smolensk Dnieper Bank and Podvinye during formation of the Old Russian state according to archaeological data], in: Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 2010 [The most ancient states of Eastern Europe. 2010], Moscow, Russkij fond sodejstvija obrazovaniju i nauke Publ., 2012, pp. 270-299 [in Russian].

Nevolin 1853 - *Nevolin K.A.* O pjatinah i pogostah novgorodskih v XVI v. [About Pyatina and churchyards Novgorod in the 16th century], in: Zapiski Russkogo geograficheskogo obshhestva. Kn. VIII [Notes of the Russian Geographical Society. Book VIII], 1853, pp. 69-90 [in Russian].

Niderle 1956 - *Niderle L.* Slavjanskie drevnosti / Perevod s cheshskogo T. Kovalevoj i M. Hazanova [Slavic antiquities / Translation from Czech of T. Kovalyova and M. Hazanov], Moscow, Izdatel'stvo inostrannoj literatury Publ., 1956, 452 p. [in Russian].

Nikolaev 1990 - *Nikolaev S.L.* K istorii plemennogo dialekta krivichej [To history of a breeding dialect of Kriviches], in: Sovetskoe slavjanovedenie [Soviet Slavic studies], 1990, № 4, pp. 54-63 [in Russian].

Nikolaev 2011 - *Nikolaev S.L.* Sem' otvetov na varjazhskij vopros [Seven answers to a Varangian question], in: Povest' vremennyh let / Perevod s drevnerusskogo D.S. Lihacheva, O.V. Tvorogova. Kommentarii A.G. Bobrova, S.L. Nikolaeva, A.Ju. Chernova pri uchastii A.M. Vvedenskogo i L.V. Vojtovicha [The Tale of Past Years / the Translation with Old Russian of D.S. Likhachev; comments of O.V. Tvorogov. A.G. Bobrov, S.L. Nikolaev, A.Yu. Chernov with the assistance of A.M. Vvedensky and L.V. Voytovich], St. Petersburg, Vita Nova Publ., 2012, pp. 398-430 [in Russian].

Nikolaev 2011a - *Nikolaev S.L.* Sledy osobennostej vostochnoslavjanskih plemennyh dialektov v sovremennyh velikorusskih govorah. Verhnevolzhskie (tverskie) krivichi [Traces of features of East Slavic breeding dialects in modern great Russian dialects. Upper Volga (Tver) Kriviches], in: Slavjanovedenie [Slavic studies], 2011, № 6, pp. 3-19 [in Russian].

Nosov 1990 - *Nosov E.N.* Novgorodskoe (Rjurikovo) gorodishhe [Rurikovo Gorodische], Leningrad, Nauka Publ., 1990, 214 p. [in Russian].

Nosov 1990a - *Nosov E.N.* Finno-ugry i Novgorod [Finno-Ugric peoples and Novgorod], in: Finny v Evrope VI-XV vv. Vyp. 2 [Finns in Europe the 6-15th centuries. Release 2], Moscow, 1990, pp. 47-57 [in Russian].

Nosov 2017 - *Nosov E.N.* Rjurikovo gorodishhe – rezidencija novgorodskih knjazej i ego rol' v stanovlenii Novgoroda [Rurikovo Gorodische the ancient settlement – the residence of the Novgorod princes and its role in formation of Novgorod], in: Rjurikovo gorodishhe. Novye jetapy issledovanij [Rurikovo

Gorodische ancient settlement. New stages of researches], St. Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2017, pp. 18-33 [in Russian].

Nosov, Gorjunova, Plohov 2005 - *Nosov E.N., Gorjunova V.M., Plohov A.V.* Gorodishhe pod Novgorodom i poselenija Severnogo Priil'men'ja (novye materialy i issledovanija) [The ancient settlement near Novgorod and settlements of Northern Ilmen region (new materials and researches)], St. Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2005, 404 p. [in Russian].

Nosov, Plohov, Hvoshhinskaja 2017 - *Nosov E.N., Plohov A.V., Hvoshhinskaja N.V.* Rjurikovo gorodishhe. Novye jetapy issledovanij [Rurikovo Gorodische ancient settlement. New stages of researches], St. Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2017, 288 p. [in Russian].

Novosel'cev 1965 - *Novosel'cev A.P.* Vostochnye istochniki o vostochnyh slavjanah i Rusi VI-IX vv. [East sources about east Slavs and Russia the 6-9th centuries], in: Drevnerusskoe gosudarstvo i ego mezhdunarodnoe znachenie [Old Russian state and its international value], Moscow, Nauka Publ., 1965, pp. 355-419 [in Russian].

Novosel'cev 2000 - *Novosel'cev A.P.* Vostochnye slavjane i obrazovanie drevnerusskogo gosudarstva [East Slavs and formation of the Old Russian state], in: Istorija Rossii s drevnejshih vremen do konca XVII v. [History of Russia since the most ancient times until the end of the 17th century], Moscow, AST Publ., 2000, pp. 39-85 [in Russian].

Otrębski 1960 - *Otrębski J.* Rusь [Russia], in: Lingua Posnaniensis [Poznan linguistic researches], 1960, 8, pp. 219-227 [in Polish].

Petrov 2006 - *Petrov A.V.* K obsuzhdeniju problem istorii vechevogo Novgoroda [To discussion of problems of history of veche of Novgorod], in: Rossica antiqua, 2006, St. Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta Publ., 2006, pp. 260-269 [in Russian].

Petruhin 1995 - *Petruhin V.Ja.* Nachalo jetnokul'turnoj istorii Rusi IX-XI vekov [Beginning of ethnocultural history IX-XI of Russia of centuries], Smolensk, Rusich Publ.; Moscow, Gnozis Publ., 1995, 320 p. [in Russian].

Petruhin 2014 - *Petruhin V.Ja.* Rus' v IX-X vekah. Ot prizvanija varjagov do vybora very. Vtoroe izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe [Russia in the 9-10th centuries. From calling of Varangians before the choice of belief. The second edition corrected and added], Moscow, FORUM; NEOLIT Publ., 2014, 464 p. [in Russian].

Petruhin, Pushkina 1970 - *Petruhin V.Ja., Pushkina T.A.* K predystorii drevnerusskogo goroda [To background of the Old Russian city], in: Istorija SSSR [History USSR], 1979, № 4, pp. 100-112 [in Russian].

Platonova 1988 - *Platonova N.I.* Pogosty i formirovanie sistemy rasselenija na severo-zapade Novgorodskoj zemli (po arheologicheskim dannym). Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskih nauk [Churchyards and formation of system of resettlement in the northwest of the Novgorod earth (according to archaeological data). The abstract of the thesis for a degree of the candidate of historical sciences], Leningrad, 1988 [in Russian].

Platonova 2012 - *Platonova N.I.* Drevnerusskie pogosty – novaja staraja problema [Old Russian pogosts – a new old problem], in: Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 2010 [The most ancient states of Eastern Europe. 2010], Moscow, Russkij fond sodejstvija obrazovaniju i nauke Publ., 2012, pp. 328-388 [in Russian].

Poljak 2001 - *Poljak A.N.* Vostochnaja Evropa IX-X vekov v predstavlenii Vostoka [Eastern Europe of the 9-10th centuries in representation of the East], in: Slavjane i ih sosedi. Vyp. 10. Slavjane i kochevoj mir [Slavs and their neighbors. Release 10. Slavs and nomadic world], Moscow, Nauka Publ., 2001, pp. 79-107 [in Russian].

Poljud'e 2009 - Poljud'e: vsemirno-istoricheskoe javlenie / Pod obshhej redakciej Ju.M. Kobishhanova [Poliudie: the world-wide and historical phenomenon / Under the general editorial office Yu.M. Kobishchanov], Moscow, ROSSPJeN Publ., 2009, 791 p. [in Russian].

Preobrazhenskij 1959 - *Preobrazhenskij A.G.* Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka. T. II [Etymological dictionary of Russian. Volume II], Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nyh slovarej Publ., 1959, 552 p. [in Russian].

Presnjakov 1993 - *Presnjakov A.E.* Knjazhoe pravo v Drevnej Rusi. Lekcii po russkoj istorii. Kievskaja Rus' [The Knyazhy right in Ancient Russia. Lectures on the Russian history. Kievan Rus'], Moscow, Nauka Publ., 1993, 635 p. [in Russian].

PSRL. I - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. I. Lavrent'evskaja letopis' [Complete collection of the Russian chronicles. Volume I. Laurentian Chronicle], Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 1997, 496 p. [in Russian].

PSRL. II - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. II. Ipat'evskaja letopis' [Complete collection of the Russian chronicles. Volume II. Hypatian Chronicle], Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 1998, 648 p. [in Russian].

PSRL. III - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. III. Novgorodskaja pervaja letopis' starshego i mladshego izvodov (reprint izdanija 1950 g., podgotovlennogo A.N. Nasonovym) [Complete collection of the Russian chronicles. Volume III. The Novgorod First Chronicle (reprint of the edition of 1950 prepared by A.N. Nasonov)], Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2000, 720 p. [in Russian].

PSRL. IX - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. IX. Letopisnyj sbornik, imenuemyj Patriarshej ili Nikonovskoj letopis'ju [Complete collection of the Russian chronicles. Volume IX. Nikon Chronicle], St. Petersburg, 1862, 278 p. [in Russian].

Puzanov 2017 - *Puzanov V.V.* Ot praslavjan k Rusi: stanovlenie Drevnerusskogo gosudarstva (faktory i obrazy politogeneza) [From the ancient Slavs to Russia: formation of the Old Russian state (factors and images of a politogenez)], St. Petersburg, Izdatel'stvo Olega Abyshko Publ., 2017, 752 p. [in Russian].

PVL 2007 - Povest' vremennyh let / Podgotovka teksta, perevod, stat'i i kommentarii D.S. Lihachjova; Pod redakciej V.P. Adrianovoj-Peretc. Tret'e izdanie (podgotovil M.B. Sverdlov) [Primary Chronicle / Preparation of the text, translation, articles and comments of D.S. Likhachyov; Editor-in-chief V.P. Adrianova-Peretts. The third edition (prepared of M.B. Sverdlov)], St. Petersburg, Nauka Publ., 2007, 670 p. [in Russian].

Rabinovich 1997 - *Rabinovich R.A.* Volki russkoj letopisi (o totemicheskom proishozhdenii jetnonima ulichi) [«Wolves» of Russian chronicles (about totemic origin of the ethnic name «Ulichi»)], in: Stratum: Struktury i katastrofy [Stratum: Structures and accidents], Kishinev, 1997, pp. 178-199 [in Russian].

Rapov 1977 - *Rapov O.M.* Knjazheskie vladenija na Rusi v X – pervoj polovine XIII v. [Princely possession in Russia in X – the first half of the 13th century], Moscow, Izdatel'stvo MGU Publ., 1977, 264 p. [in Russian].

Rapov 1998 - *Rapov O.M.* Russkaja cerkov' v IX – pervoj treti XII v. Prinjatie Hristianstva. Vtoroe izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe [The Russian church in IX – the first third of the 12th century. Adoption of Christianity. The second edition corrected and added], Moscow, Russkaja panorama Publ., 1998, 416 p. [in Russian].

Rjabinin 2003 - *Rjabinin E.A.* U istokov Severnoj Rusi. Novye otkrytija [At sources of Northern Russia. New opening], St. Petersburg, BLIC Publ., 2003, 224 p. [in Russian].

Rjabinin, Dubashinskij 2002 - *Rjabinin E.A., Dubashinskij A.V.* Ljubshanskoe gorodishhe v Nizhnem Povolhov'e (predvaritel'noe soobshhenie) [The Lyubsha ancient settlement in the lower reaches of the Volkhov River (the preliminary message)], in: Ladoga i ee sosedi v jepohu srednevekov'ja [Ladoga and its neighbors during a Middle Ages era], St. Petersburg, Institut istorii material'noj kul'tury RAN Publ., 2002, pp. 196-203 [in Russian].

Romanov 1960 - *Romanov B.A.* Izyskanija o russkom sel'skom poselenii jepohi feodalizma [Researches about the Russian rural settlement of an era of feudalism], in: Voprosy jekonomiki i klassovyh otnoshenij v Russkom gosudarstve XII-XVII vv. [Questions of economy and the class relations in the Russian state of the 12-17th centuries], Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1960, pp. 341-375 [in Russian].

Ronin 1995 - *Ronin V.K.* Tak nazyvaemaja Hronika Fredegara [Chronicle of Fredegar], in: Svod drevnejshih pis'mennyh izvestij o slavjanah T. II [Arch of the most ancient written news of Slavs Volume II], Moscow, Vostochnaja literatura Publ., 1995, pp. 364-397 [in Russian].

Rospond 1979 - *Rospond S.* Neskol'ko zamechanij o nazvanii «Rus'» [Several remarks on the name «Russia»], in: Vostochnoslavjanskaja onomastika: issledovanija i materialy [East Slavic onomastics: researches and materials], Moscow, 1979, pp. 43-47 [in Russian].

Rybakov 1958 - *Rybakov B.A.* Predposylki obrazovanija Drevnerusskogo gosudarstva [Prerequisites of formation of the Old Russian state], in: Ocherki istorii SSSR. T. I. III-IX vv. Krizis rabovladel'cheskoj sistemy i zarozhdenie feodalizma na territorii SSSR [History USSR sketches. Volume I. 3-9th centuries. Crisis of slaveholding system and origin of feudalism in the territory of the USSR], Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1958, pp. 733-878 [in Russian].

Rybakov 1982 - *Rybakov B.A.* Kievskaja Rus' i russkie knjazhestva XII-XIII vv. [Kievan Rus' and Russian principalities of the 12-13th centuries], Moscow, Nauka Publ., 1982, 598 p. [in Russian].

Rybakov 1987 - *Rybakov B.A.* Jazychestvo Drevnej Rusi [Paganism of Ancient Russia], Moscow, Nauka Publ., 1987, 788 p. [in Russian].

Rydzevskaja 1978 - *Rydzevskaja E.A.* Drevnjaja Rus' i Skandinavija v IX-XIV vv. [Ancient Russia and Scandinavia in the 9-14th centuries], Moscow, Nauka Publ., 1978, 238 p. [in Russian].

Sedov 1970 - *Sedov V.V.* Novgorodskie sopki [Novgorod hills], Moscow, Nauka Publ., 1970, 80 p. [in Russian].

Sedov 1982 - *Sedov V.V.* Vostochnye slavjane v VI-XIII vv. [East Slavs in the 6-13th centuries], Moscow, Nauka Publ., 1982, 328 p. [in Russian].

Sedov 1999 - *Sedov V.V.* Drevnerusskaja narodnost'. Istoriko-arheologicheskoe issledovanie [Old Russian nationality. Historical and archaeological research], Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 1999, 312 p. [in Russian].

Sedov 1999a - *Sedov V.V.* U istokov vostochnoslavjanskoj gosudarstvennosti [At sources of East Slavic statehood], Moscow, URSS Publ., 1999, 144 p. [in Russian].

Sedov 2000 - *Sedov V.V.* Konfederacija severno-russkih plemen v seredine IX v. [Confederation of the North Russian tribes in the middle of the 9th century], in: Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 1998 [The most ancient states of Eastern Europe. 1998], Moscow, Vostochnaja literatura Publ., 2000, pp. 240-249 [in Russian].

Sedov 2003 - *Sedov V.V.* O rusah i russkom kaganate IX veka [About Russians and the Russian khaganate of the 9th century], in: Slavjanovedenie [Slavic studies], 2003, № 2, pp. 3-14 [in Russian].

Sergeevich 1903 - *Sergeevich V.I.* Lekcii i issledovanija po drevnej istorii russkogo prava [Lectures and researches on ancient history of the Russian right], St. Petersburg, 1903, 664 p. [in Russian].

Serjakov 2016 - *Serjakov M.L.* Rjurik i Volzhsko-Baltijskij torgovyj put' [Rurik and the Volga-Balt ic trade route], in: Istoricheskij format [Historical format], 2016, № 4, pp. 169-199 [in Russian].

Shahmatov 2002 - *Shahmatov A.A.* Razyskanija o drevnejshih russkih letopisnyh svodah [Investigations about the most ancient Russian annalistic arches], in: Shahmatov A.A. Istorija russkogo letopisanija T. I. Kn. 1 [Shakhmatov A. A. History of the Russian annals Volume I. Book 1], St. Petersburg, Nauka Publ., 2002, 486 p. [in Russian].

Shanskij, Ivanov, Shanskaja 1971 - *Shanskij N.M., Ivanov V.V., Shanskaja T.V.* Kratkij jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka [Short etymological dictionary of Russian], Moscow, Prosveshhenie Publ., 1971, 542 p. [in Russian].

Shinakov 2006 - *Shinakov E.A.* Pereselencheskaja politika kievskih knjazej v kontekste gosudarstvogeneza [Resettlement policy of the Kiev princes in the context of a formation of the state], in: Issledovanija po russkoj istorii i kul'ture. Sbornik statej k 70-letiju professora I.Ja. Frojanova [Researches on the Russian history and culture. The collection of articles to the 70 anniversary of professor I.Ya. Froyanov], Moscow, Parad Publ., 2006, pp. 122-146 [in Russian].

Solov'ev 1959 - *Solov'ev S.M.* Istorija Rossii s drevnejshih vremen. Kniga pervaja. Toma 1-2 [History of Russia since the most ancient times. Book the first. Volumes 1-2], Moscow, Izdatel'stvo social'no-jekonomicheskoj literatury Publ., 1959, 812 p. [in Russian].

Solov'jova 1956 - *Solov'jova G.F.* Slavjanskie sojuzy plemjon po arheologicheskim materialam VIIIXIV vv. n.je. (vjatichi, radimichi, severjane) [The Slavic unions of tribes on archaeological materials of the 8-14th

centuries AD (Vyatichi, Radimichs, Severians)], in: Sovetskaja arheologija. Vyp. XXV [Soviet archeology. Release of XXV], 1956, pp. 138-170 [in Russian].

Sverdlov 1970 - *Sverdlov M.B.* Lokalizacija rusov v arabskoj geograficheskoj literature IX-X vv. [Localization of Russians in the Arab geographical literature of the 9-10th centuries], in: Izvestija Vsesojuznogo geograficheskogo obshhestva. 1970. T. 102. Vyp. 4 [News of All-Union geographical society. 1970. Volume 102. Release 4], pp. 363-369 [in Russian].

Sverdlov 1983 - *Sverdlov M.B.* Genezis i struktura feodal'nogo obshhestva v Drevnej Rusi [Genesis and structure of feudal society in Ancient Russia], Leningrad, Nauka Publ., 1983, 240 p. [in Russian].

Sverdlov 2003 - *Sverdlov M.B.* Domongol'skaja Rus'. Knjaz' i knjazheskaja vlast' na Rusi VI – pervoj treti XIII v. [Domongolsky Russia. The prince and the princely power in Russia VI – the first third of the 13th century], St. Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 2003, 736 p. [in Russian].

Sverdlov 2011 - *Sverdlov M.B.* M.V. Lomonosov i stanovlenie istoricheskoj nauki v Rossii [M.V. Lomonosov and formation of historical science in Russia], St. Petersburg, Nestor-Istorija Publ., 2011, 916 p. [in Russian].

Svirin 2006 - *Svirin K.M.* Jazycheskie svjatilishha severo-zapada Drevnej Rusi v VIII – nachale XI v. [Pagan sanctuaries of the northwest of Ancient Russia in VIII – the beginning of the 11th century], in: Novgorod i Novgorodskaja Zemlja. Istorija i arheologija. Vyp. 20 [Novgorod and Novgorod Earth. History and archeology. Release 20], Velikij Novgorod, 2006, pp. 231-251 [in Russian].

Timoshhuk 1990 - *Timoshhuk B.A.* Vostochnoslavjanskaja obshhina VI-X vv. [East Slavic community of the 6-10th centuries], Moscow, Nauka Publ., 1990, 192 p. [in Russian].

Timoshhuk 1995 - *Timoshhuk B.A.* Vostochnye slavjane: ot obshhiny k gorodam [East Slavs: from a community to the cities], Moscow, Izdatel'stvo MGU Publ., 1995, 261 p. [in Russian].

Tolochko 2013 - *Tolochko P.P.* Rannjaja Rus': istorija i arheologija [Early Russia: history and archeology], St. Petersburg, BLIC Publ., 2013, 208 p. [in Russian].

Trubachev 1994 - *Trubachev O.N.* Mysli o dohristianskoj religii slavjan v svete slavjanskogo jazykoznanija [Thoughts of pre-Christian religion of Slavs in the light of Slavic linguistics], in: Voprosy jazykoznanija [Linguistics questions], 1994, № 6, pp. 3-15 [in Russian].

Trubachev 2000 - *Trubachev O.N.* Iz istorii i lingvisticheskoj geografii vostochnoslavjanskogo osvoenija [From history and linguistic geography of East Slavic development], in: Voprosy jazykoznanija [Linguistics questions], 2000, № 5, pp. 4-27 [in Russian].

Trubachev 2002 - *Trubachev O.N.* Jetnogenez i kul'tura drevnejshih slavjan. Lingvisticheskie issledovanija. Izdanie vtoroe, dopolnennoe [Ethnogenesis and culture of the most ancient Slavs. Linguistic researches. The edition second added], Moscow, Nauka Publ., 2002, 489 p. [in Russian].

Trubachjov 1961 - *Trubachjov O.N.* O plemennom nazvanii ulichi [About the breeding name «Ulichi»], in: Voprosy slavjanskogo jazykoznanija. 1961. Vyp. 5 [Questions of Slavic linguistics. 1961. Release 5], pp. 186-190 [in Russian].

Trubachjov 2005 - *Trubachjov O.N.* V poiskah edinstva: vzgljad filologa na problemu istokov Rusi [In search of unity: philologist's view of a problem of sources of Russia], Moscow, Nauka Publ., 2005, 286 p. [in Russian].

Vestberg 1903 - *Vestberg F.* Kommentarij na zapisku Ibragima Ibn-Jakuba o slavjanah [The comment on Ibrahim Ibn-Yaqub's note on Slavs], St. Petersburg, 1903, 156 p. [in Russian].

Vladimirskij-Budanov 2005 - *Vladimirskij-Budanov M.F.* Obzor istorii russkogo prava [Review of history of the Russian right], Moscow, Territorija budushhego Publ., 2005, 800 p. [in Russian].

Voronin 1935 - *Voronin N.N.* K istorii sel'skogo poselenija feodal'noj Rusi. Pogost, sloboda, selo, derevnja [To history of the rural settlement of feudal Russia. Churchyard, settlement, village], Leningrad: Gosudarstvennoe social'no-jekonomicheskoe izdatel'stvo Publ., 1935, 76 p. [in Russian].

Vostochnye slavjane 2002 - Vostochnye slavjane. Antropologija i jetnicheskaja istorija [East Slavs. Anthropology and ethnic history], Moscow, Nauchnyj mir Publ., 2002, 342 p. [in Russian].

Zahoder 1967 - *Zahoder B.N.* Kaspijskij svod svedenij o Vostochnoj Evrope. Tom II. Bulgary, mad'jary, narody Severa, pechenegi, rusy, slavjane [Caspian set of data on Eastern Europe. Volume II.

Bulgars, Magyars, peoples of the North, Pechenegs, Russians, Slavs], Moscow, Nauka Publ., 1967, 212 p. [in Russian].

Zhih 2008 - *Zhih M.I.* Problema perenosa drevnerusskogo goroda i vopros o vozniknovenii gorodov-gosudarstv Kievskoj Rusi [Problem of transfer of the Old Russian city and question of emergence of city-states of Kievan Rus'], in: Istoricheskaja nauka i rossijskoe obrazovanie (aktual'nye problemy): Sbornik statej. Ch. 1 [Historical science and Russian education (urgent problems): Collection of articles. Part 1], Moscow, 2008, pp. 224-237 [in Russian].

Zhih 2009 - *Zhih M.I.* Drevnjaja Rus' i ee stepnye sosedi: K probleme Russkogo kaganata [Ancient Russia and its steppe neighbors: To a problem of the Russian khaganate], in: Mezhdunarodnyj istoricheskij zhurnal «Rusin» [International historical magazine «Rusin»], 2009, № 3 (17), pp. 147-157 [in Russian].

Zhih 2010 - *Zhih M.I.* K probleme vozniknovenija Novgoroda v kontekste centralizatorskoj politiki kievskih knjazej serediny X – nachala XI vekov [To a problem of emergence of Novgorod in the context of centralizing policy of the Kiev princes of the middle of X – the beginning of the 11th centuries], in: Rossijskij gorod v istoricheskoj retrospektive: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 250-letiju g. Izhevska [The Russian city in a historical retrospective: materials of the All-Russian scientific conference devoted to the 250 anniversary of the city of Izhevsk], Izhevsk, Udmurtskij universitet Publ., 2010, pp. 320-326 [in Russian].

Zhih 2012 - *Zhih M.I.* Narod i vlast' v Kievskoj Rusi (do konca XI veka) [The people and the power in Kievan Rus' (until the end of the 11th century)], in: Voprosy nacionalizma [Nationalism questions], 2012, № 10, pp. 151-169 [in Russian].

Zhih 2013 - *Zhih M.I.* «Reforma» knjagini Ol'gi kak popytka centralizacii Rusi [«Reform» of the princess Olga as attempt of centralization of Russia], in: Proshloe Novgoroda i Novgorodskoj zemli: materialy nauchnoj konferencii 17-18 nojabrja 2011 g. / Sost. V.F. Andreev [Past of Novgorod and Novgorod earth: materials of a scientific conference on November 17-18, 2011 / Originator V.F. Andreyev], Veliky Novgorod, 2013, pp. 33-50 [in Russian].

Zhih 2015 - *Zhih M.I.* O sootnoshenii letopisnyh «krivichej» i «polochan» [Relations between Krivichians and Polochans from annalistic chronicles], in: Istoricheskij format [Historical format], 2015, № 1, pp. 31-52 [in Russian].

Zhih 2015a - *Zhih M.I.* Slavjanskaja znat' dogosudarstvennoj jepohi po dannym nachal'nogo letopisanija [Slavs' upper class in the pre-state epoch (from the earliest medieval annals)], in: Istoricheskij format [Historical format], 2015, № 2, pp. 7-28 [in Russian].

Zhih 2015b - *Zhih M.I.* Zametki o ranneslavjanskoj jetnonimii (slavjane v Srednem Povolzh'e v pervoj polovine I tys. n.je.) [Notes about an early Slavic etnonimiya (Slavs on average the Volga region in the first half of I thousand AD)], in: Istoricheskij format [Historical format], 2015, № 4, pp. 129-150 [in Russian].

Zhih 2017 - *Zhih M.I.* Pskovskie krivichi [Pskov Kriviches], in: Vojadzher: mir i chelovek [Voyager: world and person], 2017, № 8, pp. 87-106 [in Russian].

Zhih 2017a - *Zhih M.I.* Radimichi (lokalizacija, proishozhdenie, social'no-politicheskaja istorija) [The Radimichi: their habitat, origin, and socio-political history], in: Istoricheskij format [Historical format], 2017, № 1-2, pp. 12-63 [in Russian].

Zimin 1965 - *Zimin A.A.* Feodal'naja gosudarstvennost' i Russkaja pravda [Feudal statehood and Russian truth], in: Istoricheskie zapiski [Historical notes], 1965, № 76, pp. 230-275 [in Russian].

Zvizdeckij 2008 - *Zvizdeckij B.A.* Gorodishha IX-XIII vv. na teritorії litopisnih drevljan [Ancient settlements of the 9-13th centuries in the territory of annalistic Drevlians], Kiev, 2008, 176 p. [in Ukrainian].

Жих Максим Иванович – Общественно-научный проект
«Российско-немецкий исторический семинар» (Санкт-Петербург, Россия).
Maksim Zhikh – The Public and Scientific Project
«Russian-German Historical Seminar» (Saint Petersburg, Russia).
E-mail: max-mors@mail.ru

УДК 930

БУНТ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ПРОТИВ ИСТОРИИ

А.В. Журавель
Независимый исследователь (Тула, Россия)
e-mail: ravell@yandex.ru
SPIN-код: 4531-2481

Авторское резюме
В XX веке в исторической науке произошло явление, которое А.Г. Кузьмин удачно назвал бунтом вспомогательных исторических дисциплин (ВИД) против своей метрополии. В статье показано, что такой путь ведёт науку в тупик. Обычный текстологический анализ следует дополнять анализом хронологическим, а значит, восстановить в своих правах историю как таковую. История не должна подминаться своими ВИДами. Необходимо восстановление нормального соотношения между ними.

Ключевые слова: источниковедение, история, вспомогательные исторические дисциплины, Куликовская битва, текстология, Древняя Русь.

A RIOT AGAINST HISTORY

Alexander Zhuravel
Independent researcher (Tula, Russia)
e-mail: ravell@yandex.ru

Abstract
In the twentieth century, historical science encountered a phenomenon which A.G. Kuzmin aptly named a riot of auxiliary historical disciplines against their parent. The author shows that this path leads history as a science to a deadlock. Common textual analysis must be supplemented with a chronological analysis, restoring the science of history to its rightful place. History must not be overruled by its auxiliary disciplines; their subordination to the parent science has to be reinstated.

Keywords: study of sources, history, auxiliary historical disciplines, Battle of Kulikovo, textology, Ancient Rus.

* * *

Прежде чем говорить об историографии сражения на Дону, следует коснуться явления, которое произошло в исторической науке в XX в. А.Г. Кузьмин удачно назвал его бунтом вспомогательных исторических дисциплин против своей метрополии. Он в связи с этим привел слова В.Л. Янина, также заметившего это: сложившаяся ныне традиция «охотно отдает нумизматике историю денежного обращения, сфрагистике — историю государственных институтов, эпиграфике — проблему возникновения русской письменности, искусствоведению — комплекс эстетических проблем, генеалогии — историю целых сословий, геодезии и истории

архитектуры — историю градостроительства. Взаймы или насовсем? И до каких пределов? И не превращается ли уже сейчас нерозданный остаток в новую вспомогательную науку истории?» (Янин 1973: 77; Кузьмин 2002: 14-15).

Берем один из учебников по вспомогательным историческим дисциплинам и читаем о «методах научной критики, разрабатываемых источниковедением» следующее: «первый этап научной критики связан с получением информации о происхождении источника. Для письменного источника это означает установление времени и места его составления, авторства, условий написания и подлинности, восстановления утраченных мест и первоначального текста, установления редакций, копий, списков… Условно этот этап анализа исторического источника называется этапом *внешней критики*. Решив задачи внешней критики, имеющей целью определение степень правомерности использования в научном исследовании, историк переходит к следующему этапу, условно называемому *внутренней критикой* источника. Внутренняя критика основана на изучении содержания источника и имеет целью установление его достоверности, т.е. выяснение степени соответствия жизненных явлений их отражению в источнике» (Леонтьева и др. 1994: 3).

Итак, здесь и внутренняя, и внешняя критика источника отдана источниковедению. А что тогда остается на долю собственно историков — не источниковедов? Получается, что им не остается ничего другого, как читать труды специалистов по вспомогательным историческим дисциплинам (ВИДам) и обобщать их исследования, становиться тем самым теоретиками.

Суть в том, что такое расширительное толкование отражает реально сложившуюся ныне в исторической науке ситуацию, очень похожую на так называемую феодальную раздробленность, когда королевский удел сжимался, а король был реально слабее и беднее своих вассалов, и только его более высокий статус — короля, а не графа; историка, а не какого-нибудь нумизмата — позволял ему держать высоко голову и надеяться на восстановление со временем исходных позиций.

Характерно, что по ходу автор этих слов (Г.А. Леонтьева) незаметно подменила слово «источниковед» словом «историк», поставив при этом рядом степень правомерности использования источника и степень его достоверности. Действительно, на практике и то, и другое часто соединяются в одном лице: историк выполняет работу источниковеда, а источниковед вторгается в сферу собственно истории. Но это вовсе не одно и то же: определить степень правомерности использования источника — это значит, определить, относится ли данный документ к изучаемой эпохе или нет; имеет ли он с нею непосредственную связь; определить его достоверность — значит, определить, насколько его информация отражает реальные события. Пример первого: «Влесова книга» — новодел XX в., который некоторые пытаются выдать за подлинный документ, повествующий о древнейшей истории славян. Пример второго: мемуары политика, стремящегося скрыть собственные неблаговидные поступки и обличить своего политического противника;

подделка земельного акта столетней давности или собственного родословия с тем, чтобы захватить некое владение или выиграть местнический спор. Первый случай — всецело вотчина источниковеда, и после его вывода — это фальшивка! — никакой уважающий себя историк работать с таким документом не будет. Второй случай находится в компетенции собственно историка: установление фальсификации или лжи в источнике часто позволяют получить новую информацию: если что-то яростно опровергается, значит, оно скорее всего было реальным фактом. Очень часто факт такой фальсификации устанавливают именно источниковеды, однако последнее слово все равно должно принадлежать историкам.

Можно привести такую аналогию, показывающую разницу в работе источниковеда и историка. Для упрощения условно отождествим архивиста с источниковедом, благо главной задачей их обоих является обработка внешней информации о тексте. Возьмем архив, хранилище документов — там работают и архивисты, и историки. Но где работают? Историки — в читальном зале, архивисты — в фондах. Архивисты соприкасаются с историками, когда приносят им описи и заказанные ими дела. Но основная их работа — в другом: архивисты просматривают документы, дают им внешнее описание и составляют описи. Прочитывать все документы и разбирать их содержание архивистам просто не по силам — и это не их дело. Но из составленных ими описей историк узнает, что подлинник такого-то документа хранится в фонде А, а его копии — в фондах Б, В, Г и Д. Историк сличает их и обнаруживает, что в подлиннике — подчистки, а тексты копий — не одинаковы, причем в трех случаях — текст совпадает с подлинником, а в одном — нет. Можно, несмотря на подчистки, поверить подлиннику, доверясь трем сходным копиям, но можно обратиться за помощью к архивисту. И старый опытный архивист вдруг вспоминает, что он видел такой документ где-то еще и приносит опись фонда Х, где по правилам такого документа быть не должно. Но историк все же находит там — вопреки правилам — второй подлинник, который подтверждает версию «одинокой» и потому вроде бы сомнительной копии.

Из этой притчи можно вывести несколько заключений: 1) при проведении исторического исследования роль архивиста-источниковеда весьма и весьма существенна, но все же вспомогательна; источниковед готовит почву, но исторические факты устанавливает не он, а историк. 2) Количество копий — не главный критерий подлинности: единичный, не имеющий с ними непосредственной связи источник может оказаться точнее, чем последовательность связанных между собой текстологически документов. 3) Истину можно выяснить, прибегая к нестандартным способам поиска, к фонду Х, а по сути — к методам других наук, которые применяют к тем же документам иную логику.

Применительно к изучению средневековой эпохи — а значит, и ко времени Куликовской битвы — особенность состоит в том, что в распоряжении историков крайне мало подлинников. Почти всегда они вынуждены работать со вторичными, третичными и т.д. копиями. Точнее сказать, источниковеды чаще всего просто не

имеют возможности четко определить через сколько рук прошла информация, представленная в источнике, который на 50, 100, 200, 300 и т.д. лет отстоит от изучаемой эпохи. И что такое эти самые «руки»? Одни «руки» могут исказить первоисточник больше, чем 100 «рук», бережно их передающих его информацию.

Чтобы было нагляднее, приведу пример из XX в. Какие бы выводы сделали историки XXX в. о сталинском периоде, если бы в их распоряжении был только «Краткий курс истории ВКП(б)» и школьный учебник, написанный на волне перестройки? Источниковеды установили бы бóльшую древность первого источника, признали бы его документом изучаемой эпохи, в то время как второй источник был бы признан более поздним. Но какой из них более достоверен? Наверняка найдутся историки, которые поверят «Краткому курсу», а не более позднему, тоже тенденциозному, тексту.

Этот пример не характерен? Как раз, напротив: применительно к древним эпохам он в высшей степени характерен! Об очень многих переломных эпохах прошлого мы узнаем из часто очень пристрастных и однобоких источников, сплошь и рядом лишены возможности их проверить и потому неизбежно идем у них на поводу. И потому очень важно не совершать такую невольную подмену и не путать информацию об источнике с информацией об исторических фактах, в нем изложенных.

В самом общем виде их соотношение таково. Факт — это то, что действительно произошло в прошлом. Любой исторический факт имеет свой материальный носитель — источник, из которого историк извлекает сам исторический факт. Сам по себе исторический факт имеет «идеальный», т.е. вещественно не фиксируемый облик — информацию, которую историки воплощают в слова и пишут на ее основе свои научные работы, т.е. перерабатывают исходную информацию (собственно факт), переводят ее на язык своего времени и своего народа. Если исходить из привычного и абсолютно преобладавшего в XIX в. противопоставления материального и идеального, «первичного» и «вторичного», вполне естественным кажется отдать первенство именно источниковедению, которое собственно и изучает источники, т.е. материальные носители информации.

Действительно, при первичном обращении к тексту или иному носителю информации он и содержащаяся в нем информация выглядят единым целым или во всяком случае явлениями однопорядковыми, и кажется естественным, что прежде судить об историческом факте, надо составить хотя бы элементарное представление о тексте (носителе информации), т.е. дать его внешнее описание, найти аналогичные явления и классифицировать их, и только после этого начинать собственно историческое исследование. *Характеристика источника оказывается при таком подходе одновременно и характеристикой исторических фактов, в нем содержащихся*.

Но в реальности факт, т.е. информация, содержащаяся в источнике, самостоятелен по отношению к источнику: он может быть по-разному отражен в разных источниках; корректный перенос его, т.е. переписывание текста, перенесение

информации на иной носитель, не сказывается на его содержании. Беда однако в том, что на практике каждая копия обычно хуже, чем предыдущая: при переписке или пересказе информация вольно или невольно искажается посредником — в письменной копии путаются слова и буквы, делаются механические сокращения, утрачиваются страницы и т.п.; при устном пересказе часто происходит замена слов и оборотов речи, возникает «отсебятина», т.е. вольно или невольно передается собственное отношение к содержанию рассказа.

В таких случаях естественно возрастает роль источниковедческого, точнее, текстологического анализа, который разбирает все разночтения текстов и пытается восстановить их взаимосвязь и воссоздать протограф, т.е. древний текст, лежащий в их основе — в идеале первоисточник, подлинник. И те несомненные успехи, которых добилась в XX в. текстология, стали основой для ее бунта против истории: так Д.С. Лихачев в своем огромном труде под названием «Текстология» назвал ее «самостоятельной наукой, изучающей историю текстов произведений» (Лихачев 1962: 538), а протест С.Н. Азбелева, в статье «Текстология как вспомогательная историческая дисциплина» указавшего текстологии ее действительное место[1], так и не возымел действия.

Впрочем, в другом месте Д.С. Лихачев признал текстологию вспомогательной дисциплиной — но не истории, а филологии (Лихачев 1964: 6), и это тоже весьма характерно: его взгляд отражает вчерашний день науки. В эпоху становления науки как таковой филология и история еще четко не различали свои предметы исследования и, работая с одними и теми же текстами, часто входили в сферу компетенции друг друга. В XIX в. размежевание самих наук произошло вполне отчетливо, однако методологическая «недосказанность» сохранилась, что в XX веке привело к тому, что бурно развивающиеся ВИДы, которые изначально ставили перед собой изучение именно источников, т.е. материальных носителей информации, стали осваивать свои собственные ниши в «идеальном», т.е. явочным порядком забирать у истории часть ее полномочий в оценке собственно исторических фактов. Но такое положение дел, на первый взгляд естественное, *некорректно* по сути: при таком подходе совершается *подмена понятий*, смешивается предмет и объект исследования, исторический факт и его материальный носитель.

Иначе говоря, надо не путать внешнюю и внутреннюю критику источника: первым занимается источниковед, вторым — историк и только историк[2]. При этом

[1] Определение С.Н. Азбелева: «текстология – вспомогательная историческая дисциплина, устанавливающая генетические взаимоотношения текстов путем их сравнительно-исторического изучения» (Азбелев 1966: 91).

[2] Речь идет не о внешнем признаке – наличии диплома об окончании исторического факультета, а о подходе исследователя: историк – это тот, кто мыслит исторически. В этом отношении образцово-показательной является полемика между текстологом М.А. Салминой, с одной стороны, и С.Н. Азбелевым и И.Б. Грековым, с другой. Отмечу главное: кругозор М.А. Салминой целиком и полностью ограничивается текстами, словами, но не их содержанием; и потому она и не задается теми вопросами, который интересует историков: что стоит за текстами? откуда в данных текстах взялась эта конкретная информация? Она просто подыскивает в дошедших

последний, разумеется, должен использовать все наработки источниковедов — в том числе и свои собственные, когда он работал как источниковед, однако вовсе не смешивать два этих разных ремесла.

Такое смешение применительно к изучению древних эпох легко объяснимо. Источников зачастую слишком мало, чтобы дать точную, однозначную характеристику исторического явления: формальный анализ в рамках только одной какой-то дисциплины сплошь и рядом допускает несколько возможных решений или просто требует оставить вопрос открытым. Но тогда «белых пятен» будет слишком много, тогда почти вся древняя и средневековая история предстанет сплошной белой «простыней». А этого историкам очень не хочется! Поэтому они — это, впрочем, в XIX в. было характерным явлением не только истории, но и науки вообще — совершали многочисленные экстраполяции, т.е. расширения, перенос информации с изученного явления на неизученное. Поэтому естественным является стремление привлечь к решению возникающих научных проблем все возможные средства, т.е. суммировать доказательства, полученные в рамках разных дисциплин; сделать так, чтобы сами по себе не однозначные в рамках одной науки доводы при соединении с доводами других наук давали однозначный или по крайней мере существенно более вероятный результат.

Именно поэтому В.Л. Янин выступает за комплексное источниковедение, за интеграцию ВИДов и в своих конкретно-исторических исследованиях не раз наглядно демонстрировал, как, используя методики разных дисциплин, можно извлечь доселе не известные исторические факты. Однако этого мало: ВИДы, будучи на самом деле не целью, а средством исторического исследования, должны знать свое место и вернуть собственно истории то, что они самовольно растащили у нее. А растащили они по «кусочкам» как раз исторический факт как таковой, оставив собственно истории некий «огрызок». И самое главное: они должны перестать командовать историей, определяя ей ее собственные пределы компетенции, указывая, чем именно она должна и чем не должна пользоваться.

А именно такое положение ныне сложилось при изучении средневековой истории. Ныне текстология диктует свою волю историкам, определив для них круг источников «доброкачественных» и «сомнительных»: пользоваться вторыми солидный историк просто не вправе; этим он лишь подставит под удар собственную репутацию.

Все бы хорошо, но сами текстологи — далеко не безгрешны. Слишком часто они исходят в своих выводах из двух совершенно некорректных предпосылок, одна из которых возникла еще в эпоху становления науки как таковой, а вторая сложилась стихийно, по ходу текстологических исследований. Суть первой можно выразить в формуле «чем источник древнее, тем он достовернее»; суть второй — «дошедшие до

текстах подходящие аналогии и, видимо, считает, что этого достаточно: мол, чего нет в текстах – не было и могло быть никогда вообще (Салмина 1977; Азбелев 1976; Греков 1975: 443-448).

нас источники достаточно представительны, чтобы полно и верно воссоздать картину древнерусского летописания».

Эти слова могу вызвать протест, однако я говорю не о том, что исследователи провозглашают, а о том, как они действуют. Не на словах, а на деле подавляющее большинство текстологов и историков исходит именно из этого: они реально смешивают протограф с первоисточником, а слова «поздний» и «недостоверный» звучат в их устах как синонимы.

Самое печальное состоит в том, что эти предпосылки открыто источниковедами обычно не постулируются, а выступают как неявные презумпции, как нечто само собой разумеющееся, как дважды два — четыре. Эти предпосылки могли бы стать доказанными фактами, если бы в распоряжении историков были весь «комплект» древнерусских книг, который существовал на протяжении веков — начиная с X в. по XVIII. Однако этого нет и не может быть: книги постоянно гибли от обычного износа, от пожаров, от войн, и до нас дошла очень небольшая часть — буквально крохи — того книжного богатства, которым располагала древняя Русь. Но и из этих крох исследователями реально освоена и введена в научный оборот лишь небольшая часть текстов: например, ныне найдено более 150 списков «Сказания о Мамаевом побоище», но опубликована от силы десятая часть. При этом в распоряжении историков, как уже отмечалось выше, крайне мало первоисточников — а первоисточников летописных нет совсем.

Строить на этом основании широкие обобщения — значит, выдавать желаемое за действительное. Это означает, что первая формула — неверна: поздний источник может более точно передать исходную информацию, чем источник более ранний — именно потому, что тот — тоже всего лишь копия, а не оригинал. Общих правил тут быть не может, все должно решаться в каждом отдельном случае конкретно: верен может быть и тот, и другой вариант, а также и третий — когда оба источника содержат недостоверную информацию.

Типичное в текстологии явление: при сравнении близких по содержанию текстов в одном из них обнаруживается некая дополнительная вставка. Как такой факт толковать? В подавляющем большинстве случаев это толкуется как позднейшая, а значит, недостоверная (или малодостоверная) вставка. Однако почему? Возможен ведь и противоположный вариант: уникальный текст сохранил более раннюю и более полную информацию, чем все прочие. Но если это и действительно вставка — что из того? Возможно, был использован другой источник, который может быть не менее достоверным, что и основной. Возможно, это позднее обращение к оригиналу, восполняющее пробелы более раннего, сокращенного копирования. Поэтому его информацию надо проверять точно так же, как и «основную», а не отметать с порога, как это чаще всего делается.

Очень часто ранняя информация сохраняется в поздней передаче. Применительно к текстам «Сказания о Мамаевом побоище» это означает, что подлинные сведения, восходящие к информатору XIV в., адаптируются

переписчиками XVI—XVIII вв. применительно к представлениям своего времени. Кроме того, в XVI—XVII вв. происходила ломка мировоззрения, что приводило к изменению в отношении к летописным текстам: если раньше переписчики, если у них не было идеологических причин исказить текст, стремились прежде всего просто воспроизвести его как есть, так что подмены, схожие с вышеназванными, происходили неосознанно, то в XVI, а особенно в XVII вв. тексты начали сознательно искажаться из чисто литературных соображений — с целью сделать текст более занимательным для читателя. Списки «Сказания» — нагляднейшая иллюстрация этому. Однако формальное определение старейшинства той или иной группы списков над другой (так называемый редакций и вариантов) само по себе не дает основания считать, что все сведения именно древнейшей редакции ценнее и достовернее, чем сведения редакции поздней. Позднейшая редакция, адаптируя древний текст, порой все же сохраняет, хотя бы отчасти, его информацию в то время, как редакция более ранняя зачастую ее утрачивает вовсе. Чаще всего ценная для историка информация располагается в текстах «чересполосицей».

Здесь особо следует сказать о летописях, которые по сути являются огромными копийными книгами, в которых собрана информация, порой за сотни лет отстоящая от времени создания летописных книг. Это верно даже применительно к древнейшим летописям — Лаврентьевской, Ипатьевской и Новгородской I, которые, однако, с начала XIX в., с легкой (или тяжелой?) руки немецкого филолога А.Л. Шлецера стали восприниматься как образец достоверности, так что именно они послужили точкой отсчета для А. А. Шахматова, который в начале XX в. провел новаторское исследование — попытался методами текстологии воссоздать генетическую схему русского летописания, охватив основной круг известных исследователям летописных текстов.

Масштаб его работы и мощь самой поставленной им исследовательской задачи впечатляли, что создало сильную группу его приверженцев как среди филологов, так и историков, которые продолжили его исследование и во многом уточнили предложенную им схему. Однако далеко не все летописные тексты вписались в нее, и невозможность возвести их к каким-либо более ранним текстам стала причиной того, что их стали считать сомнительными и с точки зрения их содержания. Такой участи подвергся прежде всего ряд поздних текстов, содержащихся в летописях XVI-XVIII вв., а также в труде В.Н. Татищева «История Российская», в котором приводятся немало выдержек из не дошедших до нас летописей.

Применительно к нашей теме это особенно существенно в связи с тем, что в книге В.Н. Татищева и в не менее «сомнительной» Никоновской летописи (XVI в.) имеются обширные и оригинальные повествования о Куликовской битве, которые почти не используются историками в исследованиях (о тексте В.Н. Татищева см.: Журавель 2008; 2017). То же самое касается и «Сказания о Мамаевом побоище»,

которое своими «поздними чертами» заставляет их крайне осторожно относиться к содержащейся в его многочисленных списках информации.

Однако чисто филологический критерий подлинности — текстологическая близость и связь с самыми ранними летописными текстами — есть на самом деле подмена понятий, все то же смешение предмета и объекта исследований: применительно к эпохе древней Руси тексты XIV в. (именно таковыми являются вышеназванные летописи) никак не могут быть более достоверными, чем летописи XV-XVI вв., поскольку удалены от нее на несколько веков[1], и потому лишнее столетие не играет принципиальной роли. Если текстологи были бы последовательны, то они должны были отсекать как недостоверные все уникальные в ранних летописях тексты — например, «Поучение» Владимира Мономаха, которое было вставлено монахом Лаврентием в свою летопись только в XIV в.: Лаврентьевская летопись никогда не копировалась, и больше нигде текста «Поучения» исследователи так и не нашли. Однако применение двойных стандартов — не редкость в текстологии!

Еще одна характерная в текстологии ситуация: схемы текстологов часто очень существенно расходятся друг с другом. Так при анализе взаимоотношений трех летописей новгородского происхождения — Новгородской IV, Карамзинской и Софийской I — выявилось 5 (!) разных точек зрения (Я.С. Лурье, Г.М. Прохорова, А.Г. Боброва, М.А. Шибаева, Дж. Линда. Подробнее об этом см.: Бобров 2001). Получается, что исследователи, исходящие из общих методологических предпосылок, работающие с одним и тем материалом, приходят к совершенно разным выводам. А что прикажете в такой обстановке делать историкам — ведь пространная Летописная повесть о Куликовской битве содержится именно в этих летописях? Видимо, то же самое, что и прежде — до формулирования названными исследователями своих точек зрения: брать фактический материал этих летописей во всей их полноте и сопоставлять с данными прочих источников.

Словом, расширительное толкование итогов текстологических исследований не корректно: невозможность установить однозначную взаимосвязь данного текста со всеми прочими сама по себе еще не говорит о его недостоверности; она говорит лишь о неполноте информации, о необходимости оставить вопрос открытым и поискать другие — нетекстологические — способы исследования.

А такие методы исследования существуют — и один из них, между прочим, является филологическим. Речь идет об исследовании фольклора. Дело в том, что исходным в подавляющем большинстве случаев является рассказ очевидца о происшедшем событии, и рассказ этот мог достаточно долго существовать во времени не только в письменной, но и в устной передаче. Изучение того, как информация о прошлом передавалась в устной форме от поколения к поколению, началось еще в XIX в. В частности, было замечено, что летописи — это особенно касается летописи Начальной — зачастую используют источники фольклорного

[1] На гораздо больший срок, чем Куликовская битва от дошедших до нас списков «Сказания о Мамаевом побоище» – по почти общепринятой ныне точке зрения!

происхождения. Это означает, что сообщения были записаны много лет спустя после описываемого события.

Так можно ли им доверять? Первоначально — Н.М. Карамзиным и прочими историками начала XIX в. — они однозначно относились к разряду баснословных, однако постепенно историки начинали отыскивать в этих поздних легендах зерна достоверной исторической информации. В фольклористике возникло историческое направление, наиболее яркими представителями которого были В.Ф. Миллер и А.Н. Веселовский (Миллер 1897-1924; Веселовский 1940); оно высоко оценивало степень достоверности исторических сказаний, указывало, что даже в былинах, которые зачастую утрачивали непосредственную связь с конкретными фактами истории, обычно точно передавалась суть исторического явления. Примером же того, насколько «живучими» могут быть устные исторические сказания, служат исландские саги: записанные лишь в XIII в., они оказываются весьма достоверными и являются основными источниками по истории Норвегии IX-XI вв.

Применительно к теме Куликовской битвы это весьма существенно потому, что в рассказывающих о битве «Задонщине» и «Сказании о Мамаевом побоище» явно использованы источники фольклорного происхождения. Более того, в XIX в. историк С.М. Соловьев и филолог И.И. Срезневский высказали мнение о том, что «Слово и полку Игореве» и «Задонщина», которая испытала явное влияние «Слова», передавались из поколения в поколение в устной форме. Именно поэтому сохранилось так мало их записей; именно поэтому в этих записях столь много искажений: они были записаны очень поздно — и с голоса. Такой подход впоследствии приняли такие исследователи, как А.И. Никифоров, В.Ф. Ржига, В.Н. Адрианова-Перетц, С.Н. Азбелев, однако в целом возобладало иное направление: обычно признается — чаще чисто ритуально — только вторичное фольклорное влияние на эти памятники, однако изучаются они в основном в рамках письменной традиции, а значит, в рамках обычных литературоведческого и текстологического подходов. А это автоматически означает, что все, с текстологической точки зрения, «излишества» этих памятников попадают в разряд сомнительных и малодостоверных, что в восприятии многих историков равнозначно наложению на них табу.

А между тем, недооценивать устную традицию не следует, и исследования С.Н. Азбелева (Азбелев 1982), работающего на стыке классической текстологии и фольклористики, прекрасно это показывают.

Кроме того, есть еще календарно-хронологические методы исследования текстов, которые очень наглядно показывают ограниченность текстологического подхода. Вот простейший пример, касающийся сведения подозрительной для текстологов Никоновской летописи. В ней имеется ряд уникальных сведений, относящихся к концу X — началу XI в., которые обычно признаются недостоверными. Есть среди них — под 6510 г. — и такое: «того же лета бысть течение звездам». Оно — как бы ни хотелось обратного текстологам — абсолютно

достоверно: в нем речь идет о метеорном потоке — Леонидах, который наблюдали не только на Руси: в октябре 1002 г. «течение звездам» видели также жители Китая и Японии. Точно так же находится соответствие и летописному сообщению «того же лета знамение бысть в солнци, и в луне и в звездах» под 6512 г. (ПСРЛ. IX: 68; Святский 2007: 256. Примечания М.Л. Городецкого). А это означает, что и смежные с этими сообщениями данные не выдуманы создателем Никоновской летописи, а взяты из некоего, не дошедшего до нас источника; что отсутствие аналогий в «надежных» источниках — еще не основание, чтобы отрицать достоверность источника.

К сожалению, хронологические исследования на протяжении XIX-XX вв. почти не проводились и мало интересовали историков, хотя хронология куда ближе, чем текстология, способна прикоснуться к собственно историческому факту — ведь в его структуру обязательно входит его датировка: без определения времени и места факт теряет свое познавательную значимость и превращается в миф. Датирование факта тем самым относится к сфере внутренней критики источника, и потому изучение хронологических разночтений может быть важным средством как собственно исторического, так и текстологического анализов. Между тем, отношение к хронологии в науке остается довольно пренебрежительным, и это можно наглядно показать на примере того, как издаются и комментируются памятники Куликовского цикла.

Так, отмечая мелкие, не имеющие смыслового значения разночтения, издатели не просто не комментируют хронологию источников всерьез, но вообще опускают многие важные для хронологов подробности. Например, в изданиях 1959 и 1982 гг. опубликованы два разных списка так называемой Распространенной редакции «Сказания», однако ни словом ни в текстологических, ни в общих комментариях не оговорены существенные хронологические отличия списков. Игнорируются в издании 1982 г. указания на общие датировки битвы, имеющиеся в списках, хотя из опубликованного Л.А. Дмитриевым еще в 1959 г. их описания следует, что из 54 списков Основной редакции в 10-ти Мамаево побоище датируется 6888 г., а в 12-ти — 6889 г., а из 28 списков Распространенной редакции девять датирует это событие 6889 г. и лишь три — 6888 г. (Сказания 1982: 482-501).

Однако зачем это делать, если все и так знают, что случилось это в 1380 г.? Так, видимо, рассуждал Л.А. Дмитриев, предпочитавший не вникать в темные вопросы хронологии. Это в общем-то естественно и простительно для литературоведа, однако такого же рода погрешностями страдает и последнее издание источников (1998 г.), которое подготовили историки. Чего стоит, например, такое толкование упомянутого в тексте «мясопуста»: «в праздник разрешалось есть все, а потому он мог быть назван мясопустом, т.е. допущением в пищу скоромного» (Памятники 1998: 204)! Если историк (Б.М. Клосс), всю жизнь профессионально занимающийся средневековой историей, пишет такое (верно обратное: мясопуст — пуст на мясо!), то трудно от него ожидать чего-то большего.

Между тем, хронология требует более серьезного к себе отношения. Важно то, что хронологические разночтения достаточно нейтральны с точки зрения содержательной: легко можно понять, из-за чего меняется толкование исторических фактов, но зачем, исходя из каких идеологических соображений нужно искажать дату события? Зачем, к примеру, менять 30 мая на 16 июня — так в разных источниках датирована состоявшаяся в 1223 г. битва на Калке (см.: Журавель 2006: 54-56)?

До сих пор такого рода разночтения либо игнорировались, либо «объяснялись» палеографически: мол, во всем виноват переписчик, неточно или нечетко прописавший одну, две или три буквы-цифры и получивший таким образом иной результат. Мол, шел в комнату — попал в другую. Однако огромное число хронологических разночтений, которыми заполнены средневековые тексты, в том числе и памятники Куликовского цикла, на самом деле вполне подчиняется четкой закономерности: они свидетельствуют о том, что в ту эпоху в повседневной жизни преобладало лунное, а не солнечное датирование событий, что юлианский календарь был календарем «книжным», официальным, что вызывало необходимость вторичных пересчетов исходных лунных датировок в юлианские. Подробнее об этом будет рассказано ниже, в отдельном очерке (Журавель 2010. Кн. 1: 135-170), а пока же отмечу главное «источниковедческое» следствие обозначенного мной подхода в хронологии: оказалось, что в хронологическом отношении между так называемыми ранними («достоверными») и поздними («недостоверными») текстами нет ровно никакой разницы: тексты ранней Лаврентьевской летописи так же, как и тексты «никоновские» и «татищевские», полны хронологических разночтений и подчиняются тем же закономерностям. Тем самым, нет никаких оснований считать, что целый пласт уникальной летописной информации выдуман задним числом: в противном случае требуется допустить, что поздние «выдумщики», произвольно дописывающие ранние тексты, умудрялись каким-то мистическим образом вставлять именно такие датировки, которые хорошо вписываются в неведомые им правила, и никогда не делать ошибок. Словом, хронологический «бредень» оказывается способным выловить ту «рыбку», которая ускользала из сетей классической текстологии.

А это означает, что обычный текстологический анализ следует дополнять анализом хронологическим, а значит, восстановить в своих правах историю как таковую: как сказал некогда князь Мстислав Мстиславич, «да не будеть Новыи Търг Новгородом, ни Новгород Търьжком, нъ где святая София, ту Новгород». Точно так же и история не должна подминаться своими ВИДами. И я важной задачей своего исследования вижу именно восстановление нормального соотношения между ними и реабилитацию тех источников, к которым ныне принято относиться с подозрением.

* * *

Вместо послесловия.
С.Н. Азбелев: «Я против плохой текстологической работы, но отнюдь не против текстологии вообще»

Я познакомился с Сергеем Николаевичем Азбелевым 4 ноября 2003 г. на конференции «Комплексный подход в изучении древней Руси» в Москве, где он выступил с очень интересной для меня темой — «Устное повествование о Куликовской битве и его обработки в летописях». В то время я намеревался подготовить большую статью о Куликовской битве, и вопрос о выборе критериев для оценки информации, содержащейся в памятниках Куликовского цикла, был для меня в тот момент крайне существенным. То, что озвучил тогда Азбелев, вполне совпадало с тем, что я в тот момент сформулировал для себя и что в корне противоречило тому подходу, что продолжает, увы, главенствовать в историографии.

Мы поговорили и начали обмен мнениями по интересующим нас темам — сначала обычной почтой, а затем с февраля 2004 г., когда Сергей Николаевич обзавелся компьютером, — общение продолжилось по интернету.

Уважаемый Александр!
(к сожалению, у меня пока нет Вашего отчества)
Огромное спасибо за присылку Ваших статей. Читаю их с большим интересом. Жаль, что пока не имею компьютера, поэтому интернетовский текст пока мне недоступен. Рад буду получить тульские сборники по истории за прошлый год.
Спасибо за координаты И.А. Настенко.
Надеюсь поучаствовать в конференции в Туле в 2004 году. Ваш С. Азбелев

В течение 2004 г. работа с источниками по теме Куликовской битвы и переписка с Азбелевым привели к тому, что в начале 2005 г. пришло осознание, что надо готовить не статью, а большую книгу, и мой собеседник, живо интересовавшийся моей работой, выразил готовность быть ее научным рецензентом. В дальнейшем новонаписанные главы книги «Аки молниа в день дождя» (Журавель 2010) отсылались в Петербург, так что Сергей Николаевич был их первым читателем.

Много разных чудес в закромах у Зимы…
И она поделиться не прочь.
Дарит веру, надежду, любовь и добро
На весь год в Новогоднюю Ночь!

Счастье дарит и зимнего неба звезду –
На удачу в грядущем году!

Новых Вам творческих удач в 2004-м году и новых публикаций!
Будьте здоровы! С.А.

Далеко не все Азбелеву в ней нравилось. Разумеется, ему импонировало то, что в ней я фактически применил на практике разработанные им, Азбелевым, методологические принципы, согласно которым при анализе списков «Сказания о Мамаевом побоище» и Летописной повести не следует выискивать чисто текстологическими методами некий «древний протограф» (аналог абстрактного «очищенного Нестора», который некогда стремились обнаружить А.Л. Шлецер и его последователи), поскольку первоисточников было несколько, поскольку они передавались из поколения в поколения изустно, так что подлинные сведения могли сохраняться обрывочно и в весьма поздних записях. Поэтому стандартный текстологический разбор неизбежно приведет к серьезнейшим утратам: единичные, нигде больше не повторяющиеся сведения неизбежно попадают в разряд подозрительных и даже недостоверных.

На эту тему мной была подготовлена отдельная статья, которая должна была по первоначальному замыслу должна войти составной частью в «триединое» введение. Сергею Николаевичу она показалась слишком радикальной, и он предложил ее вообще опустить. И его вынесенные в заголовок данной заметки слова содержатся в письме от 4 февраля 2005 г. и касаются моих первых — весьма жестких — формулировок.

Я тоже был не против *хорошей* текстологии, то есть такой, которая берет во главу угла содержательные, исторические, а не сугубо языковые и филологические особенности разбираемых текстов. Но, принимая во внимание слова Азбелева, я существенно смягчил первоначальные формулировки и всячески учел его конкретные замечания, но сначала не намеревался убирать статью вовсе.

Однако судьба распорядилась по-своему: по предложению редакции книгу пришлось разделить на два тома, а потому две части Введения естественно

разошлись по отдельным томам, а третья часть — «Бунт источниковедения против истории» — оказалась не у дел. Ее я ныне и предлагаю внимания читателя как некий промежуточный итог нашего с Сергеем Николаевичем общения.

На этом, собственно, можно было бы и откланяться, но «пару слов прибавлю я» — поскольку статья эта если и была итогом, то лишь промежуточным. Вместе с тем она обозначила и те расхождения, которые привели в конечном счете к тому, что переписка наша не просто стала постепенно сходить на нет, но именно Азбелев фактически первым выступил в роли критика моей книги.

Прежде всего, непонимание с его стороны вызвало мое «требование» сделать хронологический материал неотъемлемой частью текстологического анализа. Именно такой подход привел меня к заключению, что сражение на Дону произошло не в 1380, а в 1379 г., с чем Сергей Николаевич категорически не хотел соглашаться. Осенью 2006 г., во время работы V Чтений памяти Н.И. Троицкого, в автобусе, который вез участников конференции от Куликова поля до Тулы, Азбелев сказал мне буквально следующее: «Я не имею никаких аргументов против Вашего обоснования датировки Куликовской битвы, но мне привычнее думать, что она произошла именно в 1380 году».

После этого наше общение продолжалось как ни в чем ни бывало; Азбелев аккуратно присылал мне свои новые статьи и книги, летом 2010 г. торопил меня с присылкой только что вышедшей моей книги — пусть еще без суперобложки! Но прочитав ее в целом виде, не в виде отдельных очерков, как доселе, он обнаружил, что мои выводы в ряде существенных моментов значительно расходятся с его представлениями о ходе сражении и истории «куликовских» текстов.

После этого он неожиданно для меня принял фигуру умолчания — то есть в своих работах по теме не упоминал о моем существовании вообще, хотя историографически это следовало бы делать.

Окончательно все прояснилось в 2013 г., когда он мне прислал статью, в которой утверждал, что Куликовская битва происходила в районе Волова озера. Разумеется, я отстаивал собственную точку зрения, и после неудачной попытки меня переубедить Сергей Николаевич больше не стал мне писать.

Через год я узнал, что Азбелев вступил в прямую полемику со мной, и сначала хотел отвечать, но, узнав о его тяжелой болезни, предпочел воздержаться от ответных реплик.

По всей видимости, сделать это со временем придется, однако, это ни в коем случае не изменит моего общего отношения к нему. Чувство глубокого уважения к Сергею Николаевичу останется главным несмотря на все наши разногласия.

Статья «Бунт источниковедения против истории» публикуется с небольшими стилистическими поправками и с добавлением — в квадратных скобках — ссылок на работы, которые вышли совсем недавно.

ЛИТЕРАТУРА

Азбелев 1966 - *Азбелев С.Н.* Текстология как вспомогательная историческая дисциплина // История СССР. 1966. № 4.

Азбелев 1976 - *Азбелев С.Н.* Об устных источниках летописных текстов (на материале Куликовского цикла) // Летописи и хроники. 1976. М., 1976.

Азбелев 1982 - *Азбелев С.Н.* Историзм былин и специфика фольклора. Л., 1982.

Бобров 2001 - *Бобров А.Г.* Новгородские летописи XV в. СПб., 2001.

Веселовский 1940 - *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика. Л., 1940.

Греков 1975 - *Греков И.Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975.

Журавель 2006 - *Журавель А.В*. Еще раз о календаре в псковских рукописях XV-XVI веков // Историко-астрономические исследования. Вып. 31. М., 2006.

Журавель 2008 - *Журавель А.В*. Об источниковедении «татищевских известий» // Вспомогательные исторические дисциплины — источниковедение — методология истории в системе гуманитарного знания. Ч. 1. М., 2008.

Журавель 2010 - *Журавель А.В*. «Аки молниа в день дождя». Кн. 1-2. М., 2010.

Журавель 2017 - *Журавель А.В*. В.Н. Татищев о Куликовской битве // Астраханские Петровские чтения. Астрахань, 2017.

Кузьмин 2002 - *Кузьмин А.Г.* Источниковедение истории России: с древнейших времен до монгольского завоевания. М., 2002.

Леонтьева и др. 1994 - *Леонтьева Г.А., Шорин П.А., Кобрин В.Б.* Ключи к тайнам Клио. М., 1994.

Лихачев 1962 - *Лихачев Д.С.* Текстология. На материале русской литературы X-XVII вв. М.; Л., 1962.

Лихачев 1964 - *Лихачев Д.С.* Текстология. Краткий очерк. М.; Л., 1964.

Миллер 1987-1924 - *Миллер В.Ф.* Очерки русской народной словесности. Т. 1-3. М.; Л., 1897-1924.

Памятники 1998 - Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998.

ПСРЛ. IX - Полное собрание русских летописей. Т. IX. Никоновская летопись. М., 2000.

Салмина 1977 - *Салмина М.А.* Еще раз о датировке «Летописной повести» о Куликовской битве // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 32. Л., 1977.

Святский 2007 - *Святский Д.О*. Астрономия Древней Руси. М., 2007.

Сказания 1982 - Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982.

Янин 1973 - *Янин В.Л.* К проблеме интеграции в изучении вещественных и письменных памятников по истории русского средневековья // История СССР. 1973. № 3.

REFERENCES

Azbelev 1966 - *Azbelev S.N.* Tekstologija kak vspomogatel'naja istoricheskaja disciplina [Textual criticism as auxiliary historical discipline], in: Istorija SSSR [History USSR], 1966, № 4 [in Russian].

Azbelev 1976 - *Azbelev S.N.* Ob ustnyh istochnikah letopisnyh tekstov (na materiale Kulikovskogo cikla) [About oral sources of annalistic texts (on material of the Kulikovsky cycle)], in: Letopisi i hroniki. 1976 [Letopisi and chronicles. 1976], Moscow, 1976 [in Russian].

Azbelev 1982 - *Azbelev S.N.* Istorizm bylin i specifika fol'klora [Historicism of bylinas and specifics of folklore], Leningrad, 1982 [in Russian].

Bobrov 2001 - *Bobrov A.G.* Novgorodskie letopisi XV v. [Novgorod chronicles of the 15th century], St. Petersburg, 2001 [in Russian].

Grekov 1975 - *Grekov I.B.* Vostochnaja Evropa i upadok Zolotoj Ordy [Eastern Europe and decline of the Golden Horde], Moscow, 1975 [in Russian].

Janin 1973 - *Janin V.L.* K probleme integracii v izuchenii veshhestvennyh i pis'mennyh pamjatnikov po istorii russkogo srednevekov'ja [To an integration problem in studying of material and written monuments on stories of the Russian Middle Ages], in: Istorija SSSR [History USSR], 1973, № 3 [in Russian].

Kuz'min 2002 - *Kuz'min A.G.* Istochnikovedenie istorii Rossii: s drevnejshih vremen do mongol'skogo zavoevanija [Source study of history of Russia: since the most ancient times to the Mongolian gain], Moscow, 2002 [in Russian].

Leont'eva i dr. 1994 - *Leont'eva G.A., Shorin P.A., Kobrin V.B.* Kljuchi k tajnam Klio [Keys to Clio's secrets], Moscow, 1994 [in Russian].

Lihachev 1962 - *Lihachev D.S.* Tekstologija. Na materiale russkoj literatury X-XVII vv. [Textual criticism. On material of the Russian literature of the 10-17th centuries], Moscow; Leningrad, 1962 [in Russian].

Lihachev 1964 - *Lihachev D.S.* Tekstologija. Kratkij ocherk [Textual criticism], Moscow; Leningrad, 1964 [in Russian].

Miller 1987-1924 - *Miller V.F.* Ocherki russkoj narodnoj slovesnosti. T. 1-3 [Sketches of the Russian national literature. Volume 1-3], Moscow; Leningrad, 1897-1924 [in Russian].

Pamjatniki 1998 - Pamjatniki Kulikovskogo cikla [Monuments of the Kulikovsky cycle], St. Petersburg, 1998 [in Russian].

PSRL. IX - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. IX. Nikonovskaja letopis' [Complete collection of the Russian chronicles. Volume IX. Nikonovsky chronicle], Moscow, 2000 [in Russian].

Salmina 1977 - *Salmina M.A.* Eshhe raz o datirovke «Letopisnoj povesti» o Kulikovskoj bitve [Once again about dating of «The annalistic story» about Battle of Kulikovo], in: Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. T. 32 [Works of Department of Old Russian literature. Volume 32], Leningrad, 1977 [in Russian].

Skazanija 1982 - Skazanija i povesti o Kulikovskoj bitve [Legends and stories about Battle of Kulikovo], Leningrad, 1982 [in Russian].

Svjatskij 2007 - *Svjatskij D.O.* Astronomija Drevnej Rusi [Astronomy of Ancient Russia], Moscow, 2007 [in Russian].

Veselovskij 1940 - *Veselovskij A.N.* Istoricheskaja pojetika [Historical poetics], Leningrad, 1940 [in Russian].

Zhuravel' 2006 - *Zhuravel' A.V.* Eshhe raz o kalendare v pskovskih rukopisjah XV-XVI vekov [Once again about a calendar in the Pskov manuscripts of the 15-16th centuries], in: Istoriko-astronomicheskie issledovanija. Vyp. 31 [Historical and astronomical researches. Release 31], Moscow, 2006 [in Russian].

Zhuravel' 2008 - *Zhuravel' A.V.* Ob istochnikovedenii «tatishhevskih izvestij» [About a source study of «tatishchevsky news»], in: Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny — istochnikovedenie — metodologija istorii v sisteme gumanitarnogo znanija. Ch. 1 [Auxiliary historical disciplines — a source study — history methodology in system of humanitarian knowledge. Part 1], Moscow, 2008 [in Russian].

Zhuravel' 2010 - *Zhuravel' A.V.* «Aki molnia v den' dozhdja». Kn. 1-2 [«Like a molnia in day of a rain». Books 1-2], Moscow, 2010 [in Russian].

Zhuravel' 2017 - *Zhuravel' A.V.* V.N. Tatishhev o Kulikovskoj bitve [V.N. Tatishchev about Battle of Kulikovo], in: Astrahanskie Petrovskie chtenija [Astrakhan Petrovsky readings], Astrakhan, 2017 [in Russian].

Журавель Александр Васильевич – Независимый исследователь (Тула, Россия).
Alexander Zhuravel – Independent researcher (Tula, Russia).
E-mail: ravell@yandex.ru

УДК 929.53

О ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДАНИЯХ ИОАКИМОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ В.Н. ТАТИЩЕВА

А.А. Карпенко

Институт переподготовки и повышения квалификации МГУ им. М.В. Ломоносова

Россия, 119991, г. Москва, Ленинские горы, 1

e-mail: alnikar1953@mail.ru

Researcher ID: F-1250-2018

http://orcid.org/0000-0001-5905-2313

SPIN-код: 1459-5673

Авторское резюме

В статье рассматриваются генеалогические предания о первых русских князьях, сохранившиеся в известной по выпискам В.Н. Татищева Иоакимовской летописи, которые сопоставляются с данными других летописей и прочих источников.

Ключевые слова: Иоакимовская летопись, Рюриковичи, генеалогия, В.Н. Татищев, русские князья.

IOACHIM CHRONICLE'S GENEALOGICAL TALES ACCORDING TO V.N. TATISHCHEV

Andrey Karpenko

Institute of retraining and professional development of Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory, 1

e-mail: alnikar1953@mail.ru

Abstract

The paper focuses on genealogical tales about the first Russian princes from Ioachim Chronicle - now-lost but known from citations by V.N. Tatishchev; the tales are cross-referenced with other chronicles and other sources.

Keywords: Ioachim Chronicle, Rurikids, genealogy, V.N. Tatishchev, Russian princes.

* * *

Трудно найти более сложный для изучения источник, на долгие годы практически выпавший из обоймы российской и советской историографии, подобный так называемой Иоакимовской летописи (далее – ИЛ). Сложность состоит

в том, что оригинал её не сохранился, и она уже до своей публикации В.Н. Татищевым (Татищев 1768: 29-51) подверглась определёной переработке.

Во-первых, монах Вениамин прислал В.Н. Татищеву не саму летопись, а три тетради с выписками из неё, которые были четвёртой, пятой и шестой в списке его тетрадей из подготовленных для публикации конспектов. Выписки из ИЛ, по сути, представляют собой пересказ монахом некоего более древнего текста, с упором на раннюю довладимирову и Владимирову церковную историю Руси. Как видно из окончания варианта текста, представленного Вениамином, данная летопись продолжалась и после смерти Иоакима. Это видно из того факта, что она обрывается событиями, не предшествовавшими смерти Иоакима (например, деятельность Владимира по принятии христианства, междоусобица его сыновей, организация православной церкви после крещения и т.д.), а обрывается на расстановке Владимиром сыновей по различным городам.

Сама летопись, судя по её источникам, продолжалась, чуть ли не во времена самого В.Н. Татищева и Вениамина, но последний выбрал для своей «Истории», именно ту её часть, которая приписывалась собственно Иоакиму, полностью опустив тексты её продолжателей. Мало того, и этот, по-видимому, уже современный и достаточно скорректированный текст он не переписал, а переложил или пересказал, систематизировав его, да так, что они составляли три тетради из явно более значительного их количества.

При этом уже Вениамин, по-видимому, акцентировал внимание на различиях «Иоакимовской» и «Несторовой» летописей, тем самым, выбив текст из временного и исторического контекста, сосредоточив внимание своих читателей на особенном, а не на общем, упуская тот контекст, в который данные события происходили и которые перекликались с сообщениями «Несторовой летописи».

Сам В.Н. Татищев ещё более осовременил язык этой летописи и сократил, даже имеющиеся пока что в тексте «общие места» с Нестором. В результате получилось не публикация источника, а его сокращение до текста, приписываемого некоему одному автору, затем второй пересказ с полной потерей особенностей языка, приписываемого оригиналу. Плюс двойное сокращение этого текста с упором на его отличие от всех летописей. Вот признание самого В.Н. Татищева по этому поводу: «По окончании же описания народов и их поступков, начал то писать, чего у Нестора нет; из которых я выбрал только то, чего у Нестора не находится, или здесь иначе положено как следует» (Татищев 1768: 31).

Таким образом, ИЛ потеряла свой контекст, и её события оказались уникальными и очень слабо связанными с событиями, указанными Нестором и его продолжателями, другими летописцами. В результате её использование оказалось довольно проблематичным.

Н.М. Карамзин (Карамзин 1989: 82-83), сравнивая данные ИЛ с данными Лаврентьевской и других известных ему летописей и полностью им доверяя,

приходил к выводу о невозможности столь кардинальных различий, а, следовательно, и о её подлоге.

С.М. Соловьёв (Соловьёв 1993) и Д.И. Иловайский признавали сведения ИЛ уникальными и заслуживающими определённого доверия. Д.И. Иловайский, в частности, писал: «По справедливому замечанию профессора С.М. Соловьёва, ''нет сомнения, что составитель её (*ИЛ – А.К.*) пользовался начальной Новгородской летописью''. А в каком виде находим мы здесь легенду о призвании? Она украшена разными подробностями, преимущественно Гостомыслом с его тремя дочерьми и вещим сном» (Иловайский 2004: 131).

Д.И. Иловайский делал положительный вывод о качестве и достоверности данных ИЛ также на основе того факта, что «в ней не смешиваются Русь с Варягами», а «в призвании Варягов участвует помимо других народов и Русь». Он писал: «сравним его с произведением гораздо более древним, именно с летописцем патриарха цареградского Никифора, составленным в Новгороде в конце XIII века. Там сказано: ''Придоша Русь, Чудь, Словене, Кривичи, к Варягам, реша'' и пр.». По его мнению, «несомненно, что ещё в XIII веке наши летописцы различали Русь и Варягов», а, следовательно, и данные ИЛ не моложе XIII века.

В.Л. Янин (Янин 1984: 40-56), О.М. Рапов (Рапов 1988: 118-119, 135-137, 150, 159, 174, 187 и т.д.) и С.Э. Цветков (Цветков 2003: 206) используют ИЛ лишь для прояснения отдельных событий, связанных с ней или в ней упоминаемых, не анализируя источник в целом.

А.Г. Кузьмин в своём обширном обобщающем труде (Кузьмин 2003), посвящённом началу Руси, в котором он использует разнообразные малоизвестные источники, в том числе различные генеалогии, «Богемские хроники» Х. Фризе и т.д., места для рассмотрения сведений ИЛ вовсе не отыскал.

Другие учёные зачастую также в своих работах избегают ссылок на ИЛ даже в тех случаях, когда этого, казалось бы, и сделать невозможно. Так А.Н. Сахаров в своём специальном труде о дипломатии Святослава (Сахаров 1982: 21; 1991: 19) проявляет себя великолепным знатоком сочинения В.Н. Татищева, постоянно ссылается на него (Сахаров 1982: 22, 24, 27, 53, 55, 56, 58, 100, 101, 109, 124, 130, 140, 142, 144, 145, 147-149, 165, 169, 183; 1991: 19, 20, 24, 49-52, 54, 67, 96, 97, 105, 119, 125, 135-137, 139, 140, 142-144, 160, 161, 164, 178), но игнорирует сообщения ИЛ для своей темы. И это несмотря на то, что сообщения ИЛ о Святославе и его войнах с болгарами, хазарами и византийцами поистине уникальны (Татищев 1768: 36-37) и по крайней мере достойны тщательнейшего разбора, перед тем как отклонить их.

Ещё один момент характерный для историографии ИЛ – это избирательное использование одних сообщений ИЛ, согласных с построениями авторов, и сознательное умолчание, отклонение или критика a-priori тех частей ИЛ, которые являются для построений авторов «неудобными».

Особое внимание в этом плане представляет применение ИЛ нашим знаменитым историком-эмигрантом Г.В. Вернадским. Так, например, туманное на

первый взгляд сообщение ИЛ о том, что «*Рюрик по отпуске Осколда бе вельми боля, и начат изнемогати; видев же сына Ингоря вельми юна, предаде княжение и сына своего шурину своему Олгу, Варягу сущу Князю Урманскому*» (Татищев 1768: 35) он использует сразу дважды и оба раза не совсем оправданно.

Во-первых, для того чтобы объяснить постоянное участие Рорика Ютландского-Фрисландского в делах Западной Европы, когда тот, если он Рюрик Новгородский, вроде бы должен был, согласно нашим летописям, править на Руси. Фразу «придаде княжение», то есть, передал княжение Олегу, он понимает так, что Рюрик передал княжение Олегу, будучи ещё живым и здоровым, а не при смерти (Вернадский 2004: 367). И это несмотря на то, что Рюрик это сделал, согласно той же ИЛ, лишь тогда, когда «бе вельми боля, и начат изнемогати».

В то же время внимание Г.В. Вернадского привлекает утверждение ИЛ, касающееся организации Северной Руси под властью Рюрика, известное нам в резюме В.Н. Татищева. Согласно «переводу» кусочка труда В.Н. Татищева, сделанного Г.В. Вернадским (до научного перевода, сделанного советскими учёными было ещё почти два десятилетия), Рюрик насадил («посажа» – *у В.Н. Татищева*) во («по» - *у В.Н. Татищева*) всех («всем» - *у В.Н. Татищева*) градах («градом» - *у В.Н. Татищева*) князей («Князи» - *у В.Н. Татищева*) либо варяжского («от Варяг» - *у В.Н. Татищева*), либо славянского происхождения («и Славян» - *у В.Н. Татищева*), а сам был известен, как («сам же проименовася Князь великий» - *у В.Н. Татищева*) князь великий, что равнозначно греческим титулам («ежи Греческий Архикратор» - *у В.Н. Татищева*) «архикратор» или «басилевс» («или Василевс» - *у В.Н. Татищева*), а те князья были его вассалами» («а онии Князи подручны» (Татищев 1768: 34) - *у В.Н. Татищева*) и т.д.

Из всёго текста, на который сам автор перевода (если конечно это не фокусы перевода на английский язык и обратно) ссылается, как на источник, и выделяет со ссылкой на самого В.Н. Татищева в кавычках, дословно точно передана только пара фраз – это Рюрик и великий. Остальное же мы исправили в скобках согласно самому В.Н. Татищеву и его источнику, а не вольному его переводу, сделанному Г.В. Вернадским.

Во-вторых, Г.В. Вернадский пишет о том, что «Олег… в Иоакимовской летописи назван ‘‘урманином’’, то есть норвежцем» (Вернадский 2004: 368) и потому «его можно идентифицировать с Оддом норвежских саг» (Вернадский 2004: 368). Данных для таких громких утверждений на поверку оказывается недостаточно. Дело в том, что Олег в ИЛ не назван напрямую «урманином», а назван «Князем Урманским» (Татищев 1768: 35), то есть князем, правившим урманами, но не обязательно (хотя и вероятно) сам им являющимся.

Конкретного материала, позволяющего отождествить Олега и Одда, за исключением совпадения смерти обеих героев от коня, так же не имеется. Причём Олег, вероятно, действительно, некоторое время участвовал в предприятиях варяжских братств, что могло позволить и самому автору ИЛ внести корректировку

в его биографию и говорить о нём как о «Варяге сусчем» (Татищев 1768: 35). Ведь если «О князех Руских Старoботных, Нестор монах добре сведом бе, что ся деяло у нас Славяне во Новегроде, а святитель Иоаким добре сведомый, написа» (Татищев 1768: 31), то вероятно, новгородские летописцы, наоборот, уже не были настолько «добре сведомы» о князьях южнорусских раннего времени. Поэтому князь Олег легко мог превратиться из князя северянского в князя «урманского», как самого близкого по созвучию. Тем более что автор ИЛ, возможно, уже был знаком с совпадением биографии скандинавского эпического героя Одда и русского князя Вещего Олега (смерть от коня). Если придание об Одде к моменту составления ИЛ уже существовало, то оно наверняка уже было известно их недалёким соседям – новгородцам. К тому времени уже, вероятно, существовал новгородский вариант легенды о смерти Вещего Олега не в Киеве, а в Ладоге или в варяжском «заморье».

Г.В. Вернадский, во многом благодаря ИЛ и на её основе делает вывод о доказанности «урманства» Олега, а потому безапелляционно принимает скандинавскую версию происхождения его имени (Вернадский 2004: 368, 425). При этом он игнорирует тот факт, что иранская версия происхождения имени Вещего Олега (правда, во времена написания Г.В. Вернадским книги ещё не выдвинутая и не распространённая), по крайней мере, не менее основательна, чем скандинавская. А это имеет решающее значение при учёте, безусловно, иранского, вероятно, южнорусского, происхождения имени сестры Олега, жены Рюрика и матери Игоря – Ефанды (Кузьмин 2003: 319). Поэтому особенно показательны иранское происхождение имён Олега и его сестры Ефанды.

Имя «урманки» Ефанды, вероятно, иранское и происходит от названия двенадцатого месяца в иранском календаре – «Эсфанд». Образовано оно наподобие женских имён римского календаря, совпадающих с названиями месяцев (Марта, Майя, Юлия или Августа) (Бзаев 1995: 87; Галкина 2002: 369). Сложнее дело обстоит с именем брата Ефанды – Олега. Но и здесь из всех остальных иранская версия происхождения его имени выглядит наиболее приемлемой. Имя «Олег» образовано от иранского «Халегу» - «творец», «создатель» (Галкина 2002: 385). Если это так, то оно стало пророческим в отношении его носителя Олега, так и в отношении его женской тёски – Ольги, являющихся создателями Древнерусского государства, объединителями восточнославянских земель.

Таким образом, вырывая из контекста ИЛ отдельные её сведения, Г.В. Вернадский часто не соотносит их с общей исторической канвой этого исторического источника. Особенно наглядно эта тенденция и проявилось в постулате об «урманстве» Вещего Олега. Г.В. Вернадский не обратил внимания на то, что в той же ИЛ первая жена Владимира Святого – Олова «княжна варяжская», как бы это не показалось странным, «урманкой» почему-то не зовётся. Калька явно норвежского мужского имени Олав скорее указывает на то, что так она была названа уже на Руси и по имени её отца «варяжского» князя, подобно тому, как на Руси жену Новгород-Северского князя Игоря в Слове о полку Игореве по отцу именовали

Ярославной, жену Владимира Святого – дочь Полоцкого князя Рогволода – Рогнедой, а его мать – дочь Малко Любчанина – Малушей. Характерным для норвежцев скандинавским именем Олав звали: Олава – конунга Бирки (середина IX века), крестителя Норвегии Олава Харальдссона Толстого Святого (1014/15 – 1028/1030 гг.; Цветков 2003: 177, 252), норвежского короля Олава Трюггвасона (995-1000 гг.; Цветков 2003: 181), побывавшего на Руси в период Новгородского княжения там Владимира Святого, норвежского конунга Олава Тихого (1067-1093 гг.) и т.д.

Также выходцами из Норвегии был род исландского учёного и скальда Олава Тордарсона Хвитаскальда. Единственный исторический носитель этого имени – Олав Эйриксон Шётконунг (умер в 1024 году), являвшийся шведским конунгом (около 995 – около 1020 гг.), не мог быть отцом жены Владимира, поскольку, кроме того, что явно не подходил по возрасту, был отцом Ингигерды – жены Ярослава Мудрого (ДРЗИ 2003: 335, 588). Ярослав Мудрый явно не мог жениться на сестре первой жены своего отца. Таким образом, абсолютное большинство носителей имени «Олав», многие из которых являлись современниками Владимира Святого, были норвежцами. Поэтому-то «урманкой», вероятно, и была первая жена Владимира Святого. Вопрос о том, почему же в ИЛ не уточняется, что Олова была не просто «княжна варяжская», а именно «урманская», и такое уточнение вдруг понадобилось при рассказе о Вещем Олеге и его сестре, Г.В. Вернадский оставляет без внимания.

С тех пор версия о норвежском происхождении Вещего Олега прочно вошла в отечественную историографию Древней Руси. Не избежал её историографической инерции даже Б.А. Рыбаков, которого трудно обвинить в приверженности «норманизму» и в подражании идеям эмигрантских историков. «Древняя Русь» Г.В. Вернадского вышла в свет в 1943 году. Спустя три года в журнале «Вопросы истории» вышла рецензия на его работу С.П. Толстова, в которой он ругал Г.В. Вернадского за то, что тот часто сочувственно цитируя те или иные работы советских учёных (Б.Д. Грекова, Б.А. Рыбакова и др.), развивает в своей книге взгляды прямо противоположные концепциям этих исследователей (Толстов 1946: 115).

Тем не менее, сам Б.А. Рыбаков явно под влиянием работ Г.В. Вернадского в своём разделе вышедшего спустя пятнадцать лет пособия по истории СССР выделял «норманнский период в истории Руси», охватывавший как раз три десятилетия правления в Киеве Вещего Олега, когда власть в Киеве захватил норманнский конунг Олег, ставший на время Киевским князем (Очерки 1958: 784).

Спустя более чем три с половиной десятилетия, Б.А. Рыбаков по-прежнему считал, что одному только конунгу Олегу удалось обмануть бдительность горожан и, выдав свой отряд за купеческий караван, захватить власть в Киеве, истребив династию Киевичей. Якобы варяжская сага проглядывает и в рассказе об обмане киевлян. Из саги якобы взят и рассказ о предречённой смерти Вещего Олега – «но примешь ты смерть от коня своего» (Рыбаков 1984: 57-59). Спустя три страницы всё того же сочинения Б.А. Рыбаков уже предпологает, правда, со знаком вопроса, что Вещий Олег базировался в Ладоге. Там же академик пишет и о том, что Вещий Олег

на короткий срок завладел Киевским столом и даже в скобочках спорит сам с собой о том, кем он был шведом или норвежцем.

Помимо Первой Новгородской летописи, о какой-либо возможной связи Вещего Олега с Ладогой нам даёт намёк только ИЛ. Лишь там Олег называется «урманским князем». И Г.В. Вернадский первым за всю историографию «норманнского вопроса» сделал на её основе вывод не о шведском или датском (как всей династии), а о норвежском происхождении Вещего Олега.

Как известно, утверждение древнерусской княжеской династии в большинстве летописей друг от друга мало чем отличается: везде есть место призванию Рюрика, упоминанию двух его братьев, так же с ним призванных, – Синеуса и Трувора, с указанием городов в которые они «сели» – Белоозера и Изборска, правда без уточнения кто из братьев средний, а кто младший; отмечен факт отправки Рюриком двух своих «мужей» – Аскольда и Дира в Киев; везде говорится о смерти Синеуса и Трувора через два года по призванию. Затем по сюжету летописей умирает и сам Рюрик.

«От рода его суща» Олег, правя страной по малолетству сына Рюрика – Игоря, захватывает Киев, убивая Аскольда и Дира. После чего он же женит Игоря на Ольге. Отцом Владимира и сыном Игоря является Святослав, имевший сына от Малуши – дочери Малко Любчанина. А сын Святослава – Владимир имеет сына Ярослава от дочери Полоцкого князя Рогволда – Рогнеды.

При этом получается поразительная картина: у Синеуса и Трувора детей вроде бы нет так же, как и у Олега, Аскольда и Дира. У Рюрика один сын. У его сына Игоря с Ольгой вроде бы тоже всего один сын. У Святослава три сына, но непонятно кто из них средний, а кто младший, а также кто были матерями Ярополка с Олегом. О матерях большинства детей Владимира сведений в летописях тоже нет, так как кроме Рогнеды и Анны другие его жёны и наложницы по именам не упомянуты. Вопрос о том, кем были и как звались жёны Рюрика, Олега, Аскольда или Дира в такой ситуации выглядит излишним.

ИЛ в этом плане неисчерпаемый кладезь новых данных о генеалогии и происхождении древнерусских князей. Попытаемся хотя бы перечислить новые действующие лица, неизвестные почти всем остальным древнерусским летописцам, исключая совсем уж легендарных правителей от Славена до Буривоя, а именно Скифа, Бастарна, Вандала, Гардорика, Гунигарда, Избора, Владимира, его не то жены, не то матери – Адвинды, Столпосвята и т.д. (Татищев 1768: 31-33):

1. Прародитель словенской династии – Буривой (Татищев 1768: 32-33), отец Гостомысла.

2. Четыре сына и три дочери Гостомысла, две из которых, – старшая и средняя родили ему внука, причём последняя названа по имени – Умила (Татищев 1768: 33-34).

3. В других летописях и вовсе неупомянутые дети и отец Рюрика (Татищев 1768: 34). Правда о том, как их звали, не говорится и здесь. Но об этом, очевидно,

было известно, так как здесь не называются по именам братья Рюрика, в Повести временных лет (далее – ПВЛ) названные Синеусом и Трувором.

4. Ефанда (Татищев 1768: 34) – жена Рюрика и мать Игоря, единственно здесь называемого Ингорем (Татищев 1768: 34-36).

5. Сын Ингоря или Ольги или их обоих – «единый брат» Святослава – Глеб или Улеб (Татищев 1768: 36).

6. Жена Владимира, мать Вышеслава – Олова (Татищев 1768: 40).

7. Жена Владимира, мать Святополка – Предслава (Татищев 1768: 40).

8. Жена Владимира, мать Святослава – Малфредь (Татищев 1768: 40), хотя и упомянутая в ПВЛ, но без указания, чьей матерью она являлась.

9. Мать Мстислава Владимировича – Адиль (Татищев 1768: 40), вероятно, степного происхождения, так как её имя повторяет тюркское название Волги.

Итого не менее пятнадцать новых лиц по сравнению с ПВЛ. Плюс одно уточнение статуса лица, у которого в ПВЛ упоминается лишь имя. Из этих пятнадцати новых людей семь названы по именам: Буривой, Умила, Ефанда, Глеб, Олова, Предслава, Адиль. Плюс узнаются новые имена известных князей, нигде более не упомянутые: Игоря – Ингорь, Ольги – Прекраса, Рогнеды – Горислава.

Ещё больше в ИЛ фактов более нигде не упомянутых.

1. Это и призвание «Осколда» «полянами и горянами», и его победа по прибытии в Киев над хазарами (Татищев 1768: 35), о которой более нигде в иных источниках упоминаний нет. Причём там, где в ИЛ «утрачено в летописце два листа» их пересказ аналогичен так называемой «Осколдовой летописи», выделенной Б.А. Рыбаковым из состава Никоновской. Однако это указывает лишь на то, что ИЛ, по крайней мере, не моложе Никоновской летописи, считающееся дотоле более древним и оригинальным источником, чем она.

Весьма примечательно, что в Никоновской летописи среди народов, к которым могут обратиться словене и кривичи за князем на первом месте стоят «казары», а на втором поляне: «*Насъ князь былъ и владелъ нами; поищемъ и уставимъ таковаго или отъ насъ, или отъ Казаръ, или отъ Полянъ, или отъ Дунайчевъ, или отъ Варягъ. И бысть о семь молва… и послаша въ Варяги*» (ПСРЛ. IX: 9). То есть, южные князья (хазар и полян) рассматриваются выше северных князей (варягов) и западных князей (дунайских славян).

Этот пассаж предшествует, по мнению Б.А. Рыбакова, «Летописи Осколда» в составе Никоновской летописи (Рыбаков 1963: 169-173; 1984: 57-59). Вот её полный текст:

«*Въ лето 6372. Убиенъ бысть отъ Болгаръ Осколдовъ сынъ.*

Того же лета оскорбишася Новгородци, глаголюще: «яко быти намъ рабомъ, и много зла всячески пострадати отъ Рюрика и отъ рода его».

Того же лета уби Рюрикъ Вадима Храбраго, и ныхъ многихъ изби Новогородцевъ съвътниковъ его.

Въ лето 6373. Преставися Синеусъ и Триворъ. Синеусъ и Триворъ умроша бездетна (?), и приа власть Рюрикъ обою брату, и нача владети единъ, и раздаде грады племенемъ своимъ и мужемь: овому Полтескъ, иному Ростовъ, иному же Белоозеро.

Того же лета родися Рюрику сынъ, и нарече имя ему Игорь.

Того же лета воеваша Асколдъ и Диръ Полочань и много зла сътвориша.

Въ лето 6374. Иде Асколдъ и Диръ на Греки. Царемъ же Михаилу и Василию отшедшнмъ на Агаряны воевати, и дошедшимъ имъ Черныа реки, посла къ нимъ епархъ, глаголя, яко Русь идетъ на Царьградъ въ двоюсту и множае кораблей. Они же възвратишася, и едва воидоша въ градъ, и съ патриархомъ Фотиемъ приходяще къ церькви святой Богородици Влахерну, и изнесше ризу пречистые Богородици съ плачемъ и съ слезами многими и край еа въ море омочивше. И бо тогда море тихо велми, и егда омочиша ризу, и абие въста буря силна, и разби множество кораблей, и потопи безбожную Русь.

Въ лето 6375. Възвратишася Асколдъ и Диръ отъ Царяграда въ мале дружине, и бысть въ Киеве плачь велик.

Того же лета бысть въ Киеве гладъ велий» (ПСРЛ. IX: 9).

Интересно сообщение Никоновской летописи о войне Аскольда и Дира с печенегами, более чем на полвека предвосхитившее первое о них упоминание в других летописях:

«*Того же лета избиша множество Печенегъ Осколдъ и Диръ.*

Того же лета избижаша отъ Рюрика изъ Новагорода въ Киев много Новогородцкыхъ мужей» (ПСРЛ. IX: 9).

Б.А. Рыбаков, правда, не включил в состав «Осколдовой летописи» все северные сообщения, в том числе о гибели Вадима Храброго от руки Рюрика и о рождении у Рюрика сына – Игоря. Хотя все северные сообщения стоят в тексте рядом с южными сообщениями и к тому же ещё и помещены под одним годом. Он также по непонятным причинам не включил в состав «Осколдовой летописи» сообщение под 6377 годом о походе Аскольда и Дира на кривичей (Рыбаков 1963: 169-173; 1984: 57-59).

2. Среди детей Святослава в ИЛ Олег назван «юнейшим» (Татищев 1768: 37), то есть, младшим братом Владимира. Авторы ПВЛ, очевидно, не зная этого факта, и считая, исходя из перечислений в ней детей Святослава «юнейшим» Владимира, сочинили историю о том, как новгородцы, будучи в рамках единого государства с Киевом, в 970 году, фактически призвали к себе сына Киевского князя. Этот ошибочный вывод, вероятно, сделан был на основе того, что Новгородское княжение и в конце IX века, и в конце X века было на Руси «старше» древлянского и отказ от него среднего сына Святослава – Олега выглядел слабо мотивированным.

Авторы ИЛ знали о том, что Трувор был старше Синеуса, поскольку Изборско-Псковское княжение во все времена считалось «старше» Белозерского. Ведь от Трувора и средней дочери Гостомысла – Умилы ИЛ выводила Ольгу – мать всех древнерусских князей (Татищев 1768: 35). Да и сына Олега Святославу только из-за его малолетства желательно было сажать поближе к Киеву. Причём Святослав

сажает всех своих сыновей (Татищев 1768: 37) не после смерти матери Ольги, а только после смерти «единаго брата своего Глеба», очевидно, следующего после Святослава наследника Киевского стола.

3. Третий факт, лишь мельком упомянутый в летописях, – это крещение «вуем» Владимира – Добрыней и тысяцким Владимира – Путятой Новгорода (Татищев 1768: 38-40). Детали этого крещения ныне подтверждаются, как показал В.Л. Янин (Янин 1984: 40-56), археологически. Причём полторы страницы ИЛ замещают полторы строки в иных летописных источниках.

Интересно и красочно описана в ИЛ история Рогнеды «дщери Рохволда», «Полацкого Князя» (Татищев 1768: 37). Причём указано, что Владимир «преименова ю Гориславою» (Татищев 1768: 37). Далее она так и зовётся по тексту, причём всё время. «Горислава», «Гориславич» – прозвище, встречаемое лишь в двух источниках – в Слове о полку Игореве и в ИЛ. В этой связи не лишним будет упомянуть о том, что Слово о полку Игореве будет найдено почти через полвека после смерти самого В.Н. Татищева, и поэтому все попытки обвинить его в сочинительстве ИЛ, на наш взгляд, безосновательны. Так же и Олег в Слове о полку Игореве называется всё время «Гориславичем», а это источник, по мнению большинства учёных, конца XII века.

ИЛ сходится в этом плане со Словом о полку Игореве, но не с ним одним. Исследователи пытались увидеть отголоски «Полоцкой летописи», в записи Лаврентьевской летописи под 1128 годом, где ещё подробнее, чем в ИЛ описана история о Рогволоде, Рогнеде и Владимире. Очевидно, эти кусочки якобы «Полоцкой летописи» на деле оказываются отколотыми от ИЛ, подобно знаменитой «Оскольдовой летописи», перекочевавшей из ИЛ в Никоновскую летопись.

Древнерусским летописям, имеющим в своей основе единый протограф с ПВЛ, неизвестна фигура Гостомысла, лишь мелькнувшего в списке посадников Новгорода. Только в поздних летописных списках упоминается о том, что Гостомысл являлся инициатором призвания варягов во главе с Рюриком (Параллель к сведениям ИЛ о происхождении Рюрика можно видеть в Мекленбургской генеалогической традиции: Меркулов 2003; 2005; 2008: 8-28; 2012: 64-67; 2015: 54-74; Жих 2016: 9-61), но без подробностей этого события. Возможно, из ИЛ в Никоновскую летопись вместе с «Оскольдовой летописью» перекочевала и история о восстании новгородца Вадима против Рюрика, не имеющая других о себе источников.

Лишь поздние летописи и «Богемские хроники» повествуют, помимо ИЛ, о том, что Вещий Олег был дядей по крови Игоря «Рюриковича». Не из полного ли варианта ИЛ были вырваны и вставлены в Первую Новгороскую летопись данные о событиях 922 года, о походе сына Вещего Олега – тоже Олега, совмещённого со своим отцом в одну фигуру, на Царьград, а также данные «Богемских хроник» Х. Фризе о дальнейшей судьбе этого Олега (в крещении Александра)?

4. У историков давно возникли сомнения насчёт того, с кем воевал Владимир за Червенские города и Перемышль в 981 году. Очень краткое сообщение ПВЛ о том, что Владимир из-за этих земель воевал с «ляхами» (поляками) зачастую оспаривалось, поскольку предполагалось, что ими в то время владели чехи, а не «ляхи». Именно с чехами, по мнению А.П. Новосельцева и А.Н. Сахарова (История России 2001), из-за Червенских городов и Перемышля и воевал Владимир.

Лишь в ИЛ об этих событиях есть информация, нигде более не упомянутая, но полностью разрешающая вопрос о том, с кем именно воевал Владимир. В ИЛ сказано, что «Владимир имея с Мещем (Мешком) князем Ляхов и Ленчан войну, и аще воеводы Владимиры двакрат победита их, но он не престая воюя земли даже до Горыни. Сего ради Владимир поиде сам, и при реце Висе (мню Висле) тако победи, что Мещ все воинство погуби, едва сам спасеся, а предние его мужи все пленены быша, и Владимир вся грады Ляцкия заят. Мещ же испроси мир у Владимира, отдая ему пять градов; Владимир же даде ему мир, и дань погодную на Ляхи возложи» (Татищев 1768: 38).

5. Сомнительной и противоречащей всем источникам ИЛ, во-многом, считают из-за фразы о том, что «царь же болгарский Симион присла (Владимиру – *А.К.*) Иереи учёны и книги довольны» (Татищев 1768: 38; Карамзин 1989: 83). Ведь болгарский царь Симеон правил в Болгарии почти за век до Владимира, с 889 по 927 гг.

Вероятно, Симеона сюда «приплели» из-за того, что некоторые церковные книги на Русь попадали из Болгарии с надписью или подписью крупнейшего болгарского царя и книжника Симеона, как, например, знаменитый «Изборник Святослава». А книги из Болгарии Владимиру, вероятно, поставлял другой болгарский князь, современник Владимира, Самуил, чьё имя было созвучным имени Симеона. Здесь, по-видимому, случилось то же, что с Олегом, ставшим князем «урманским» из князя северянского, из-за знакомства одного из переписчиков с позднейшим пассажем ПВЛ о его смерти в «заморье». Неизвестный на Руси по другим источникам царь Самуил, по-видимому, таким же образом превратился в Симеона.

То, что в ИЛ говорится о Борисе и Глебе Владимировичах, как о детях Анны, вопреки ПВЛ, считающей их сыновьями «болгарыни», говорится скорее о подлинности ИЛ, чем о её поддельности. Но не стоит на этом основании считать Анну именно «болгарыней», как это делал В.Н. Татищев.

Вопрос о понимании ИЛ очень сложен. Мы при интерпретации её сообщений часто уповаем на её первого издателя В.Н. Татищева, а он выдаёт следующую генеалогию князей Рюриковичей.

У князя словен Гостомысла было четыре сына и три дочери; сыновья погибли бездетными, а дочери были выданы замуж за князей соседних государств. Гостомысл видит во сне, что от его средней дочери Умилы родится княжеское потомство. И Гостомысл посылает посольство к варягам, чтобы после смерти князьями в стране

стали его внуки – Рюрик с братьями, понимаемые В.Н. Татищевым, как сыновья Умилы и внуки Гостомысла. Рюрик женится на Ефандре, и его шурин, то есть брат Ефандры, Олег присматривает за его сыном Ингорем после смерти самого Рюрика. Ещё раньше Рюрика умирают призванные с ним его братья. Олег женит Игоря на Прекрасе «из рода Гостомысла» и переименовывает её в честь себя в Ольгу. Остальное близко к ПВЛ. Сложность, однако, заключается в том: можно ли понимать Рюрика, не говоря уже об его братьях, подобно В.Н. Татищеву и остальным историкам, сыном Умилы и внуком Гостомысла?

Сам В.Н. Татищев высказывался по этому поводу намного более аккуратно, чем его последователи: «Дочери Гостомысловы за кого были отданы, точно не показано, но ниже видимо, что большая была за Изборским, от которой Олга Княгиня, другая мать Рюрикова, а о третией не известно» (Татищев 1768: 45). Правда ниже он вроде бы противоречит сам себе, говоря о том, что «сновидение сие точно показует на мать Рюрикову» (Татищев 1768: 46), за что его последователи, в общем-то, и уцепились. Правда В.Н. Татищев не объясняет, почему именно на мать, а не скажем на его жену или на жену одного из его братьев. Проблема здесь заключается в том, что о других кривичских княжеских родах, помимо рода Гостомысла, ни в ИЛ, ни в других источниках не сказано ни слова. А примирить версию ПВЛ и других источников о варяжском и одновременно княжеском (пусть и болгарском) происхождении Ольги может только предположение, что именно средняя дочь Гостомысла, выданная за среднего из братьев Трувора, родила потомка, дочерью которого и была Ольга. Только таким образом она могла являться одновременно и варяжкой и княгиней.

Предсказание Гостомыслу даётся перед его смертью, а, следовательно, его внуку и сыну Умилы только ещё предстоит родиться. В тексте упоминается древо, что даёт возможность понимать весь этот отрывок в том смысле, что от неё родится большое количество княжеских потомков. Но странно: ещё двое призванных князей даже не называются по именам и потомства, вроде бы, не оставляют. Следовательно, большое потомство здесь понимается не относительно настоящего времени, а в некой отдалённой перспективе, то есть, в далёком будущем – в века XI и XII, а Умила не была матерью ещё двум неназванным братьям. Но если все варяжские братья были родными, а не сводными, то есть, были рождены не только от одного отца, но и от одной матери, что можно предположить по контексту ПВЛ, то, следовательно, Умила не могла быть им матерью, а, следовательно, не могла быть матерью и самому Рюрику.

А ведь вопрос изначально можно было бы поставить и по-другому: может ли быть так, что Умила являлась Рюрику не матерью, а женой? Этот выход или решение выглядит наиболее логичным. Действительно, у Гостомысла три сестры, а у Рюрика ещё два брата (согласно ПВЛ – Синеус и Трувор), неизвестно на ком женившихся. А так получается, что сохраняется логика изложения. Та спешка, в которой, судя по рассказу летописи, все делается, говорит о том, что три дочери Гостомысла были

выданы за трёх братьев. Рюрик, судя по логике изложения рассказа, являясь старшим братом, должен был взять в жёны старшую из дочерей Гостомысла. Но Умила почему-то называется средней сестрой, а старшая сестра как раз-таки и оказалась той, что, судя по тексту, не смогла принести здорового мужского потомства. Именно поэтому главной, но не единственной, женой Рюрика – матерью Ингоря стала Ефанда. Следовательно, Умила должна была приходиться женой не самому Рюрику, а одному из его братьев. Таким образом, Ингорь не являлся ни по мужской, ни по женской линии потомком знаменитого рода Гостомысла, историю которого автор летописи только что перед этим красочно описывал.

Поэтому впоследствии Олег и подыскивают Ингорю жену именно из рода Гостомысла. На эту роль подходит – Прекраса/Ольга, которая, судя по своему родовому месторасположению (согласно ПВЛ, а также позднейшим преданиям, она была родом из района Пскова/Изборска/села Выбутова, что под Псковом, то ли простой варяжкой, то ли знатной болгаркой, то ли внучкой самого Гостомысла), должна была быть не просто из рода Гостомысла, то есть, одной из его внучек или правнучек и дочерью или внучкой Умилы, но и потомком Изборского князя Трувора – брата Рюрика.

Трувор и средняя дочь Гостомысла Умила, вероятно, всё-таки успели оставить по себе ребёнка, а именно отца или мать Ольги, а потому не являлись совсем бездетными, и не остались, подобно Гостомыслу, без потомков мужского пола. Внимание и самого В.Н. Татищева (Татищев 1768: 49) и интерес других исследователей давно привлекал в договоре Игоря с греками человек стоящий в иерархии княжеской русской верхушки выше детей и племянников Игоря и Ольги, помимо Святослава, по имени Владислав.

Из всего этого следует, что Умила была выдана замуж не за Рюрика, а за Трувора, а их дочь или, скорее всего, внучка, по праву славянства матери или, все-таки, бабушки, была названа славянским именем – Прекраса.

Проблема вроде бы заключается в том, что Умила мыслится в ИЛ средней дочерью Гостомысла, а Трувор, судя по перечислению варяжских братьев в ПВЛ, был младшим из них, а не средним. Правда и эта проблема решается, во-первых, особой хронологией, месторасположением и порядком рождения князей в ИЛ.

Во-вторых, в ПВЛ конкретно не оговаривается о том, кто из братьев был старше – Трувор или Синеус. Да и Изборск в политическом плане, как предшественник Пскова, мыслился на Руси явно «старше», то есть, выше, Белоозера, причём как в IX веке, так ещё и в XI веке.

В-третьих, в тексте ИЛ Рюрик ни разу напрямую не назван ни внуком Гостомысла, ни сыном дочери Гостомысла – Умилы. В ИЛ говорится о том, что «Гостомысл… имел три дщери» (Татищев 1768: 33), что эти «дщери выданы быша суседним Князем в жены» (Татищев 1768: 33) (почему бы это не Рюрик с братьями?). Причём сделано это было ещё при жизни самого Гостомысла. В вещем сне Гостомысла «из чрева средния дщере его Умилы произрасте древо велико,

плодовито, и покры весь град великий, от плод же ево насыщахуся людие всея земли…» (Татищев 1768: 34), то есть это могло означать, что именно «от сынов ея имать наследити ему и землю, земля угобзится княжением его», поскольку «…еже не имать наследиши сын большия дщери, зане негож бе» (Татищев 1768: 33), то есть, сын жены Рюрика. Именно это и «яви им сновидение» (Татищев 1768: 33). После чего из «вся старейшины земли от Славян, Руси, Чуди, Веси, Мери, Кривич и Дрягович» (Татищев 1768: 33) «послал избраннейшие в Варяги, просити Князя» (Татищев 1768: 33) (одного! – *А.К.*), но «приидоша по смерти Гостомысла Рурик со двумя браты и роды ею» (Татищев 1768: 33). По-видимому, Рюрик и решил сам стать «призванным» князем, хотя по предсказанию призывался не он, а муж средней дочери Гостомысла – Трувор.

Ошибочный вывод о том, что Рюрик был внуком Гостомысла, обычно, делается на основании неверного перевода отрывка о том, что Рюрик «прилежа о росправе земли и правосудии, яко и дед его». Но при подобном понимании текста здесь явно подразумевается дед по мужской линии. Это вытекает из того, что тамже в тексте ИЛ говорится о том, что Рюрик «по смерти же отца своего облада варягами» (Татищев 1768: 33). То есть, весьма вероятно, что этот «дед» был именно отцом его отца, а не отцом его матери. Если Рюрик и его братья были женаты на дочерях Гостомысла, то, следовательно, они были старше их, но младше самого Гостомысла. Отец братьев, следовательно, был старше самого Гостомысла, но младше отца Гостомысла, согласно ИЛ, – Буривоя, который им «побежден бысть, вся свои вои погуби, едва сам спасеся» (Татищев 1768: 33).

Сравним справедливость сопоставления Рюрика с его, не названным по имени, но, по смыслу подобного видения ИЛ, уже ранее упомянутым «варяжским дедом» Рюрика. Гипотетический дед Рюрика воевал с Буривоем. В ИЛ рассказывается о том, как при оной реце (Кумени – *А.К.*) побежден бысть (Буривой – *А.К.*), вся свои вои погуби, едва сам спасеся… Варяги же абие пришедше, град великий (столицу словен, руси и чуди – *А.К.*) и прочии обладаша и дань тяжку возложиши на Славяны, Русь и Чудь». А вот уже внук того победителя Буривоя – Рюрик «прилежа о расправе земли и правосудии, яко и дети его. Дабы ему всюду расправа и суд не оскудел, посажа по всем градом Князи от Варяг и Славян» (Татищев 1768: 33-34).

То есть, Рюрик, при подобном понимании ИЛ, в некоторых моментах повторяет, а в иных дополнят то, что ранее сделал его «варяжский дед», а уже «*по смерти отца своего (Рюрик – А.К.) облада (ещё и – А.К.) варягами, емля дань от них*», но уже в качестве первого Новгородского князя. Правда стоит обратить внимание, что в оригинальном издании В.Н. Татищева стоит не слово «дед», а слово «дети».

Применение летописцем термина «дети» или «отцы» в иносказательном смысле зафиксировано нашей летописью под 986 годом, когда Владимир отказал католикам в выборе вер на том основании, что «*рече же Володимер Немцамъ идете опять яко отци наши сего не прияли суть*» (ПСРЛ. I: 85). Термин «отци наши» в данном случае применён абстрактно, вероятно, для сравнения с тем фактом, что

бабка Владимира Ольга приняла восточный вариант крещения, а западный до Владимира, из княжеской династии, судя псообщениям летописей, не принял никто. И это несмотря на то, что миссионерская активность Запада на Руси была, вероятно, не слабее, чем миссионерская активность самой Византии.

Если это действительно так, то тогда становится ясно, почему ранние русские летописцы в отличие от ряда более поздних – Никоновской, Воскресенской, сведений Н.В. Татищева и т.д., согласовывавших даты деятельности и жизни первых русских князей (например, Игорь оказывается рождённым уже в 865-870-е гг. (ПСРЛ. IX: 9) с указанием «точных» дат, рождение Святослава отсылается к 920 году (В.Н. Татищев со ссылками на Ростовскую и Новгородскую летописи), Владимира – к 942 году (Летописец Переяславля-Суздальского в сообщении под 1015 годом, а Ярослава – к 978 году, что есть и в ПВЛ в сообщении под 1054 годом), переписывая и редактируя текст, не замечали этих противоречий. При этом встаёт вопрос: почему первые русские летописцы не редактировали именно в данных фрагментах свои тексты, в полной мере обнажив перед современными и даже позднесредневековыми исследователями все свои противоречия? Не потому ли, что эпитеты «сын»/«отец» имели в древнерусское время часто символический, а не реальный характер?

При этом не стоит акцентировать и заострять внимание на том обстоятельстве, что, согласно ИЛ, варяги времён Буривоя на словен «дань тяжку возложиша», а Рюрик заботился лишь о «росправе земли и правосудии». В Никоновской лепописи под 864 годом говорится: «*оскорбишася Новгородци, глаголющее: ''Яко бытии нам рабом, и много зла всячески пострадати от Рюрика и от рода его''. Того же лета уби Рюрик Вадима храброго, и иных многих изби Новгородцев съветников его*». В 867 году «*избежаша от Рюрика из Новагорода в Киев много Новгородцкых мужей*» (ПСРЛ. IX: 9). С полным вниманием к известиям Никоновской летописи относился В.В. Мавродин: «Вокняжение Рюрика в Новгороде, – замечал он, – произошло в результате переворота, помимо воли и желания новгородских ''мужей'' и даже вопреки им, а это, естественно, породило борьбу между узурпаторами-варягами и новгородцами» (Мавродин 1945: 212). Вот какими были «росправа» и «правосудие», как у Рюрика, так и у его гтиотетического «деда».

Однако, как пишет И.Я. Фроянов, «отношение к оригинальным известиям Никоновской летописи IX-XI вв. у исследователей далеко не однозначное» (Фроянов 1991: 15). У В.Н. Татищева Вадим даже назван князем: «Рюрик убил Славенскаго Князя Водима» (Татищев 1768: 45). Н.М. Карамзин считал сообщение о Вадиме «догадкой и вымыслом» (Карамзин 1989: 141). И.Е. Забелин полагал, что известия Никоновской летописи содержат «столько достоверности, что нет ни малейших оснований отвергать их глубокую древность» (Забелин 1876: 475). Д.И. Иловайский не использовал для своих построений известия о Вадиме, зато привлекал «Никоновский свод относительно Оскольда и Дира» (Иловайский 2004: 131). Подобно тому, как впоследствии делал Б.А. Рыбаков (Рыбаков 1963: 169-173; 1984: 57-

59), он доверял сообщению о том, что Никоновский свод, как и Степенная книга «ничего не знает о пришествии Оскольда и Дира с севера» (Иловайский 2004: 130).

«Касательно определения отношений между призванным князем и призвавшими племенами, рассуждал С.М. Соловьёв, – сохранилось предание о смуте в Новгороде, о недовольных, которые жаловались на поведение Рюрика и его родичей или единоземцев и во главе которых был какой-то Вадим; этот Вадим был убит Рюриком вместе с новгородцами, его советниками» (Соловьёв 1988: 128-129). О несомненном использовании Никоновской летописью каких-то древних источников писал В.В. Мавродин (Мавродин 1945: 212). По мнению Б.А. Рыбакова «Никоновский свод воспроизводит записи летописи Осколда», начатой в Киеве «в год крещения руссов в 867 году и законченной гибелью князя от руки норманна» (Рыбаков 1963: 169-173).

Согласно Б.М. Клоссу, древнейшие сведения Никоновской летописи «носят отчётливо легендарный характер» (Клосс 1980: 187). И.Я. Фроянов считает, что «косвенные данные позволяют отнестись к известиям Никоновской летописи о Вадиме Храбром с определённой долей доверия» (Фроянов 1991: 15). «Можем… предположить, что перед нами словенский военный предводитель, вождь или князь. В лице же советников Вадима мы сталкиваемся, по всей видимости, с новгородскими старейшинами. Рюрик, убив Вадима и соправительствующих с ним старейшин, сам становится князем» (Фроянов 1991: 12).

Таким образом, происхождение Ольги от древнесловенского княжеского рода, обрываемого на Гостомысле, – вот основной лейтмотив всех генеалогических построений автора ИЛ.

Сложнее понять кто же такие варяги, от которых пошёл княжеский род Рюриковичей? Генеалогия ИЛ до Буривоя весьма туманна. Имена восьми его предшественников ИЛ не знает, вероятно, по причине того, что все они являлись потомками не то жены, не то матери Владимира Вандаловича (далёкого потомка легендарного князя Словена), которая была «от Варяг» (Татищев 1768: 32) и звалась Адвиндой. Причём, сперва говорится о том, что «Владимир… имел жену от Варяг Адвинду» (Татищев 1768: 32), но в том же тексте, но уже тремя строчками ниже говорится о смерти уже не жены Владимира Адвинды, а «матери ево Адвинды» (Татищев 1768: 32).

Получается, что восемь легендарных потомков не самого Владимира Вандаловича, а именно варяжки Адвинды, предшествовавших Буривою, ИЛ отмечает, но по именам не знает. Она также не упоминает имени деда Рюрика, имени его отца, имён двух братьев, которые, согласно ей же, все были «варягами». Совпадение здесь на лицо: никто из варягов не упоминается, по именам, за исключением в первом случае Адвинды, а во втором – самого Рюрика.

ИЛ упоминает среди варягов жену Рюрика – Ефанду – «дочерь Князя Урманскаго; и егда та роди сына Ингоря» (Татищев 1768: 34), брата Ефанды, «шурина» Рюрика – Олега – «Варяга суща, Князя Урманского» (Татищев 1768: 34),

Аскольда, Олову – «жену Варяжскую» (Татищев 1768: 40) Владимира, мать Вышеслава Владимировича. Всех их сразу можно было бы причислить к «варягам», если бы не следующее обстоятельство: «Ефанда» и «Осколд» ни разу напрямую «варягами» не зовутся, возможно, по причине того, что перед своим появлением на восточнославянской политической сцене они уже успели какое-то время пожить на Руси. Также варягами не зовутся Полоцкий князь «Рохволд со двема сыны» и «дщерь его Рогнед» (Татищев 1768: 37), а также мать Владимира – «Малуша» (Татищев 1768: 34). Поэтому думается, что вопрос о принадлежности каждого из данных князей к варягам должен решаться индивидуально.

Интересно, что «Олова, жена Варяжская», судя по имени, «урманка», то есть норвежка, в отличие от Ефанды, имени у норвежцев неизвестного или очень редкого, не называется в ИЛ «урманской княжной». Следовательно, в отличие от других древнерусских летописей, этноним «урманы» не обозначает в ИЛ норвежцев, как это ошибочно понимали Б.А. Рыбаков, Г.В. Вернадский и др. в отношении Вещего Олега. Выстраивается следующая картина: если Олег – шурин Рюрика, то, следовательно, он брат Ефанды. Ефанда во время женитьбы на Рюрике «дочерь Князя Урманского». Следовательно, Олег в тот период сын Князя Урманского и наследник трона. Но в период смерти Рюрика Олег уже сам «Князь Урманский». Где ж это «урманское княжество», где принцы, становясь князьями, навсегда покидают свою Родину?

Ошибочный вывод об урманстве Олега, понимаемом, как норвежство, вероятно, сделан на основе того, что по ИЛ Рюрик дал «ей (Ефанде – *А.К.*) обещанный град с Ижорою в вено» (Татищев 1768: 34), то есть, вероятно, «град» Ладогу. Но это явно анахронизм из другого времени, на что обратил внимание ещё сам В.Н. Татищев: «Сей предел Ярослав 1 после княгине своей Ингегирдисе в вено отдал» (Татищев 1768: 47). Почему? Вероятно, в этом виновато следующее созвучие, позволившее В.Н. Татищеву сделать вывод о том, что «может от Ингоря Ингрией прозван» (Татищев 1768: 34), созвучие Ингрии, имени сына Ефанды – Ингоря и жены Ярослава Мудрого – Ингегирдисы (Ингигерды).

Но весьма существенно, что Ладогой и приладожскими землями «урманы», то есть, норвежцы никогда не владели. Ей владели шведы, да, быть может ещё и датчане. А основной вектор походов урманских, то есть, норвежских, викингов был западноевропейский. Брат Ефанды Олег действительно установил фиксированную плату варягам за оборону севера Руси, но сделал это уже после того, как объединил Русь и сделал её центром Киев.

Где же располагалось это «урманское княжество», в которое Олег вернулся уже «Новгородским князем»? Ответ на этот вопрос дают его последующие действия и конечный вектор его устремлений. Олег захватывает северянский город Любеч, а затем Киев (до того Рюриком в него был отослан Оскольд), на которые, судя по контексту ПВЛ, у него были некие права, как у местного князя. После чего Олег громит, ещё оставшуюся свободной часть северян, поскольку она до того сбросила его власть, вероятно, воспользовавшись его временным отсутствием на Родине. Но в

итоге Олег после победы над северянами и вопреки логике облагает их меньшей данью, чем остальные окрестные восточнославянские племена, поскольку, вероятно, видит именно в своих сородичах и земляках основу для укрепеления собственной власти на Руси. Поэтому княжество «урманское», вероятно, следует рассматривать, как искаженное название княжества «северянского».

В пользу этой версии говорят, во-первых, действия Рюрика после его вокняжения у словен. Во-вторых, об этом же говорит происхождение имён Олега и его сестры Ефанды.

Рюрик, будучи «варяжским», то есть, чуждым для Руси князем, и не получив наследника от дочери Гостомысла, должен был каким-то образом легитимизировать свою власть на Руси. Лучшим выходом, по крайней мере, в первое время, могла стать его женитьба. Но свадьба Рюрика должна была произойти не с подобной ему самому северной «варяжской» или «урманской» княжной, а с дочерью представителя социальной верхушки восточных славян. А ещё лучше с представительницей княжеской династии одного из крупных восточнославянских племенных союзов. И здесь замечательно то, что крупнейшим племенным союзом у восточных славян в IX веке был именно северянский.

Во-вторых, в VIII-IX вв. северяне долгое время были в орбите политики донских алан – представителей лесостепного варианта салтово-маяцкой археологической культуры, поэтому переняли у них некоторые особенности культуры, элементы языка, даже некоторые антропологические характеристики. Исследователь этой культуры Е.С. Галкина пишет о том, что «влияние двух племён друг на друга было достаточно сильным. Оно выявилось даже антропологически: самые близкие аналогии черепным характеристикам» алан салтово-маяцкой культуры IX века «обнаруживаются среди соседних племён, в частности северян» (Галкина 2002: 323).

Поэтому особенно показательны иранское происхождение имён Олега и его сестры Ефанды. Имя «урманки» Ефанды, вероятно, иранское и происходит от названия двенадцатого месяца в иранском календаре – «Эсфанд». Образовано оно наподобие женских имён римского календаря, совпадающих с названиями месяцев (Марта, Майя, Юлия или Августа) (Бзаев 1995: 87; Галкина 2002: 369). Сложнее дело обстоит с именем брата Ефанды – Олега. Но и здесь из всех остальных иранская версия происхождения его имени выглядит наиболее приемлемой. Имя «Олег» образовано от иранского «Халегу» – «творец», «создатель» (Галкина 2002: 385). Если это так, то оно стало пророческим в отношении его носителя Олега, так и в отношении его женской тёски – Ольги, являющихся создателями Древнерусского государства и объединителями восточнославянских земель.

Есть и весьма правдоподобная версия «дщерью» или, по крайней мере, с определённой долей вероятности, родственницей, какого «урманского» (как мы в итоге выяснили на деле северянского) князя Ефанда и чьим сыном являлся Олег, в будущем прозванный «вещим». Уже долгие годы учёные спорят на счёт неразлучной

летописной парочки Киевских «варягов-сопровителей» – Аскольда и Дира. Почти во всех списках древнерусских летописей они всегда вместе и рядом, даже, несмотря на то, что они часто прописаны вдвоём, а обращение идёт в единственном числе. Везде о них сказано коротко и лишь в трёх источниках сказано более или менее развёрнуто. Об Аскольде подробно рассказано в ИЛ, а также в Никоновской летописи. Причём первая совсем не упоминает Дира, а вторая почти не упоминает о нем, вплоть до взятия Олегом Киева.

Третий источник сведений об Аскольде или Дире – это ал-Масуди, который описывает Дира, как Киевского правителя («ал-Дир»). Причём прямым наследником «ал-Дира», «следовавшим за ним» по времени, как нам думается, был Олег, названный «ал-Олвангом». Поскольку источник сложный рассмотрим его подробнее. Ещё А.П. Новосельцев заметил, что «в мусульманских (арабских и персидских) источниках – у ал-Масуди – есть имя одного из славянских князей, которое можно по некоторым рукописям воспроизвести как искажённое Олег» (История России 2001: 13). Он обратился к рассказу ал-Масуди, именно к сведениям о двух славянских царях, которые были современниками источникам ал-Масуди. Имя первого из них у него читалось как «ал-Дир»; «ал» здесь арабский определённый артикль, и А.П. Новосельцев считал вполне возможным, как это давно сделано, видеть в этом царе нашего летописного Дира. Речь здесь, – по его мнению, – идёт не о западных славянах, и это доказывается тем, что в столицу его с различными товарами приезжают мусульманские купцы: «Первый из славянских царей есть царь Дира, он имеет обширные города и многие обитаемые страны; мусульманские купцы прибывают в столицу его государства с разного рода товарами».

А.П. Новосельцев считал, что «следует обратить внимание и на другого упомянутого ал-Масуди, славянского царя. Имя его в рукописях искажено, но по одному из вариантов может быть прочтено как ал-Олванг, что очень напоминает имя Олег. Ал-Масуди пишет, что ''вслед за ним (Диром) следует царь ал-Олванг, у которого много владений, обширные строения, большое войско и обильное снаряжение. Он воюет с Румом, франками, лангобардами и другими народами. Войны между ним ведутся с переменным успехом. За этим царём следует царь турок''. Под турками, очевидно, надо понимать венгров, которые были восточными и южными соседями восточных славян», а позже западных.

А.П. Новоселецьев считал, что известие ал-Масуди можно датировать 40-80-ми годами IX века, а фразу «вслед за ним (Диром) следует царь Олег» следует понимать не во временном, а в географическом отношении, то есть Олег – это северный князь в смысле близости к источнику информации, то есть, к Византии. На это предположение автора вывел исходный посыл ПВЛ о двух восточнославянских княжествах – южном (Дира) и северном (Олега) накануне их столкновения. Но ведь речь здесь может идти и о двух последовательно сменивших друг друга во временном отношении двух киевских восточнославянских князьях – Дире и Олеге (История России 2001: 14). На это указывает перечень народов, с которыми воевал

Олег: Рум (Византия), франки, лангобарды. Союз между Русью и Византией 911 года, вероятно, предполагал и участие наёмных русских контингентов на стороне Византии в войнах последней в Европе, в землях, где ранее действительно действовали франки и лангобарды, бывшие владения которых по привычке и могли именоваться их старыми названиями. Это тем более вероятно при допущении предположения о византийском источнике информации ал-Масуди.

Но важнее другое. Во-первых, у Олега «много владений», то есть значительная часть славянских племён уже была им покорена. Во-вторых, первой страной, с которой воевал Олег, назван – Рум, то есть Византия. Следовательно, сведения ал-Масуди касаются времени непосредственно после удачного похода Олега на Константинополь, а «переменный успех» означает, что последовавшая за ним помощь Византии была не всегда эффективной. Возможно и иное толкование фразы «переменного успеха» войн, всегда побеждавшего, если следовать ПВЛ, Олега. Согласно версии Первой Новгородской летописи, Олег ушёл за море и там погиб от укуса змеи.

ИЛ рассказывает о том, что Рюрик послал для управления полянами и Киевом «Осколда», но не упоминает в этой связи Дира. При этом безымянным остаётся отец Олега, чьей «дщерью» была и его сестра Ефанда. Судя по обилию роменской керамики в Киеве, принадлежащей северянам середины – второй половины IX века, то есть, времени его фактического превращения в город, Дир являлся северянским князем – управителем Киева.

Возможность искажения имени северян на урман можно подтвердить тем, что ИЛ знает почти все основные союзы славянских племён Среднего Поднепровья – и полян, и древлян, и подобно составителям ПВЛ не смешивает их друг с другом и с северянами, но Аскольда призывают с севера Руси поляне с горянами, причём жителями Киева второй половины IX века являются не поляне, а неизвестное другим летописцам, по-видимому, северянское племя горян. Из ПВЛ известно, что на Днепровском Правобережье в IX веке жили древляне, на Днепровском Левобережье – северяне, а в районе Киева – поляне.

Олег и его сестра, как ранее уже было отмечено, по всей видимости, являлись ославяненными иранцами, вероятно представителями восточнославянского племени северян. «Племя» северян чуть ли не единственное в германо-славянской Европе в конце IX века, по мнению антропологов, историков, археологов сохранило в какой-то степени двуязычие на иранской основе (История России 2001), хотя уже имело славянское самосознание. Именно северяне включили в себя основную массу потомков ираноязычных племён южнорусских степей, которые жили здесь на протяжении почти двух тысячелетий. Это, возможно, отразилось даже в их имени, которое, может объясняться от иранского «сев», то есть, «чёрный». Сам себя назвать «северянами» один из самых южных союзов племён славянского мира естественно не мог.

Почему же тогда ИЛ именует северян Олега и Ефанду «урманским князем» и «дщерью урманского князя»?

Во-первых, если здесь указан урманский князь, то это ещё не значит, что и сам носитель этого имени обязательно урманин. Скандинавы в своих генеалогиях производили своих князей от Одина, который в их мифологии именовался асом. А асы – одно из древних названий ираноязычного племени алан, которое и было частью ассимилировано северянами. Потомками асов являются так же осетины – «осы», в ПВЛ поименованные «ясами». Известно, что корень «ас» входил в состав наименований многих сарматских племенных имён и названий. «Асы», например, это одновременно самоназвание донских алан и скандинавских богов, уходящих ещё в арийскую древность.

Во-вторых, по той же причине, «северянский князь» и «дщерь северянского князя», по-древнерусски читаемые соответственно, как «князь севера» и «дщерь князя севера», могли быть ошибочно восприняты, как северные, то есть как географическое указание на север Европы, поскольку северяне рано исчезают из ПВЛ и после событий 1024 года там далее не упоминаются. За то, что их имя ко времени переписки ИЛ В.Н. Татищевым было прочно забыто говорит тот факт, что она северянского восточнославянского племени вообще не знает. В событиях на Юге Руси того периода рядом с древлянами и полянами упоминаются неизвестное, возможно, не просто северянское, а также, как и урмане, образованное от неверного прочтения названия северян племя. Это загадочные горяне, незнакомые ПВЛ.

Одновременно со свадьбой Ефанды и Рюрика, в качестве помощи для борьбы с врагами, Рюриком, как зятем, были посланы «варяги», возглавляемые воеводой («мужем», а возможно и сыном Рюрика) «Оскольдом». После похода на Византию воевода принимает христианство, убивает Дира для подчинения варягам всей Руси и вынуждает Олега бежать на север. Одновременно с этим на севере Руси умирает последний из варяжских братьев – Рюрик, что делает фактическим правителем северной Руси – Олега, управляющего от имени Ингоря – сына Рюрика и своей сестры Ефанды. Для юга Руси Олег, вероятно, являлся «своим правителем», но для варягов, как севера, так и юга Руси важным обстоятельством было иметь правителем «варяга». У Олега был собственный сын – тёзка, что следует из «Богемских хроник Х. Фризе (Фризе 1895: 33-47). Причём Олег Олегович был ровесником Игоря, и некоторое время после смерти своего отца – Олега Вещего, возможно, был даже фактическим правителем Руси, правда, лишь до того момента пока не был изгнан своим двоюродным братом, до того являвшимся правителем лишь формально.

Первым из современных авторов обратил внимание на то обстоятельство, что «в спорах о начале Руси до сих пор практически не используются богемские хроники» А.Г. Кузьмин. Он писал о том, что «ещё в конце XVIII в. Хр. Фризе в ''Истории польской церкви'' воспроизвёл приводимые в них факты». Х. Фризе «привёл сказания богемских хроник о деяниях сына Олега вещего тоже Олега (или Александра в христианстве), бежавшего от двоюродного брата Игоря в Моравию, где

он, благодаря успехам в борьбе против венгров, был провозглашён королём Моравии, пытался создать союз Моравии, Польши и Руси, но, в конечном счете, потерпел поражение и вернулся (уже после смерти Игоря) на Русь, где служил Ольге и скончался в 967 г.» (Кузьмин 2003: 343-344).

Олег, являясь вуем Ингоря, то есть дядей по материнской линии, для того чтобы быть признанным князем и на юге и на севере Руси, и у варягов и у восточных славян, должен был фактически его усыновить.

Некоторые моменты генеалогии ИЛ выглядят на первый беглый взгляд сказочными или, по крайней мере, надуманными, но, тем не менее, ни один из них не является фантастическим. Вот, например, у Гостомысла три дочери и нет ни одного живого сына, то есть, наследника, а у варягов три брата и не упомянуто сестёр. Это выглядит пусть как довольно редкий случай, но, тем не менее, вероятный. И сейчас встречаются семьи, в которых одни только братья или одни только сёстры. А у Гостомысла, согласно ИЛ, изначально были и сыновья, и их даже было больше, чем дочерей, но они все, как в ней сообщается, погибли, как, например, и сын у Аскольда, судя по Никоновской летописи, погибший в битве с болгарами. Поскольку сыновья Гостомысла погибли в битвах, то уже и не было надобности подыскивать им жён. Возможно, по этой причине и не упомянуты сёстры «варяжских братьев», которые тоже, возможно, существовали.

Маловероятной кажется ранняя собственная смерть самого Рюрика, а также ещё более ранняя (через два года по призванию и прибытию на Русь) одномоментная смерть двух его братьев. Но, если мы считаем Рюрика и его братьев не легендарными, а историческими личностями, мы должны учитывать тот фат, что два его наиболее приемлемых прототипа – Рорик Фрисландский-Ютландский и Рорик Ободритский (если оба они, конечно, не одно и то же лицо) родились около 800 года. Поскольку последний уже к 808 году имел как раз двух братьев то к 860-870-м гг., следовательно, все они должны уже были являться глубокими стариками.

Все династии окончательно сошлись только в сыне Игоря и Ольги – Святославе, но продолжали укрепляться в древе и дальше. Кроме Ефанды, возможно, Дировны – сестры Олега, северянской крови влила в династию Малуша – дочь Малко Любчанина, то есть, дочь как минимум жителя северянского города Любеча, возможно, из знатного или княжеского рода, потомка самого Дира, или, что вероятнее, одного из его многочисленных родственников, этот город в своё время захватывавшего. Она стала матерью Владимира Святославича – будущего крестителя Руси.

Кроме словенки Умилы Гостомысловны – жены Трувора, бабушки княгини Ольги словеном, по-видимому, был Рогволд – отец Рогнеды, – жены князя Владимира и матери князя Ярослава Мудрого. Об этом говорит то обстоятельство, что в ИЛ «Рохволд со двемя сыны» зовётся «полоцким князем», но никак по тексту не обнаруживает своего «варяжства». Хотя, судя по ПВЛ, Рогволд для киевлян был именно «варягом», прибывшим «из заморья». Но для новгородцев, судя по ИЛ, он

был своим, то есть, не варяжским, а, вероятно, словенским князем, возможно, потомком самого Буривоя, или одной из дочерей Гостомысла, например, младшей его дочери – жены Синеуса (от того-то, возможно, в ПВЛ, и указано, что Рогволд, или его род, прибыл «из заморья»).

Вероятно, Дир был объединён с «Оскольдом» по примеру другой варяжской пары ПВЛ – Рогволда и Тура. Возможно, что схема «оваряживания» русских князей была следующей: из того, что Тур якобы был варягом, сначала делается вывод и о «варяжстве» Рогволда. Вывод о «варяжстве» самого Тура делался лишь исходя из созвучия его имени с именем «Туры» одного из договоров первых русских князей с греками. Туры, по мнению летописцев, был так же, как и другие упомянутые в договорах послы, уж точно варяжского происхождения. Но, Тур, судя, например, по упоминанию в Слове о полку Игореве, имя-прозвище восточнославянское и языческое, а не варяжское.

Так что и все вышеперечисленные князья, за исключением Аскольда, вероятно, варягами не были. В ИЛ даже «Оскольд», согласно ПВЛ, «муж Рюриков», варягом не зовётся. Да и какой резон киевлянам, не участвовавшим в призвании варягов, принимать князя-варяга, если он всего лишь «муж Рюриков». Они скорее могли принять опального князя южного происхождения (?), занесённого судьбой на север и после поддержанного Рюриком, и даже усыновлённым им. Сперва в ИЛ в одном из пассажей вроде бы имеется намёк на то, что Ингорь у Рюрика не был единственный сыном, когда по прибытии с братьями «*Рюрик… прилежа о расправе земли и правосудии, яко и дети его*» (Татищев 1768: 34). А далее: «*Славяне, живущие по Днепру, зовомии Поляне и Горяне, утесняемы бывше от Козар, иже град их Киев и прочии обладаша, емлюще дани тяжки и поделиями изнуряюще, тии прислаша к Рюрику предниии мужи просити, да послет к ним сына или ина Князя княжити. Он же дал им Оскольда, и воин с ним отпусти. Осколд же шед облада Киевом*» (Татищев 1768: 35).

Сам В.Н. Татищев по этому поводу резонно замечает, что Осколд: хотя Иоаким точно сыном Рюриковым его не именовал, но обстоятельство утверждает, ибо Киевляне не просили бы сына, естьли бы его не было: Ингор же тогда или не родился, или был в пеленках, и как Осколд был Княгине Рюрикове пасынок…» (Татищев 1768: 47). В этом плане значение примечания В.Н. Татищева под № 29 до сих пор должным образом в историографии не оценено.

Интересен вариант имени Аскольда, представленный в Никоновской летописи – «Осколд» («О князе Рустем Осколде»). Его отличию от летописного Б.А. Рыбаков уделял особое внимание (Рыбаков 1984: 59). Исследователь не обратил внимания на то, что этот вариант максимально близок к варианту того же имени, представленному в ИЛ – «Оскольд».

Б.А. Рыбаков, ссылаясь на А.А. Шахматова, считал, что последним было давно доказано, что «версия о варяжском происхождении Аскольда и Дира неверна и что этих киевских князей IX века следует считать потомками Кия, последнего представителя местной киевской династии». Особое место он выделял сообщению

польского хрониста Яна Длугоша о том, что «после смерти Кия, Щека и Хорива, наследуя по прямой линии, их сыновья и племянники много лет господствовали у русских, пока наследование не перешло к двум родным братьям Аскольду и Диру» (Рыбаков 1984: 59). Вероятно, под рукой Яна Длугоша были лишь южнорусские летописи и не было источника, подобного ИЛ, иначе он сделал бы вывод о позднейшем приходе Аскольда с севера и невозможности его братства с Диром.

Всё это вытекает из комплекса данных ИЛ об Аскольде, а это, помимо вышеперечисленных сообщений: «*и, собрав вои, повоева первее Козар, потом иде в лодиах к Царю граду, но буря разби намори корабли его, и возратяся посла в Цареград ко Царю… Здесь на стране подписано: утрачены в летописце два листа, а зачато: Михаил же возблагодари Бога, иде в Болгары… Но сему дознаюсь, что о кресчении Оскольда утрачено, и Михаил сей Кир Михаил Митрополит, показавшей чудо незгоревшим Евангелием, гл. 3, н. 10.*

Рюрик по отпуске Осколда…

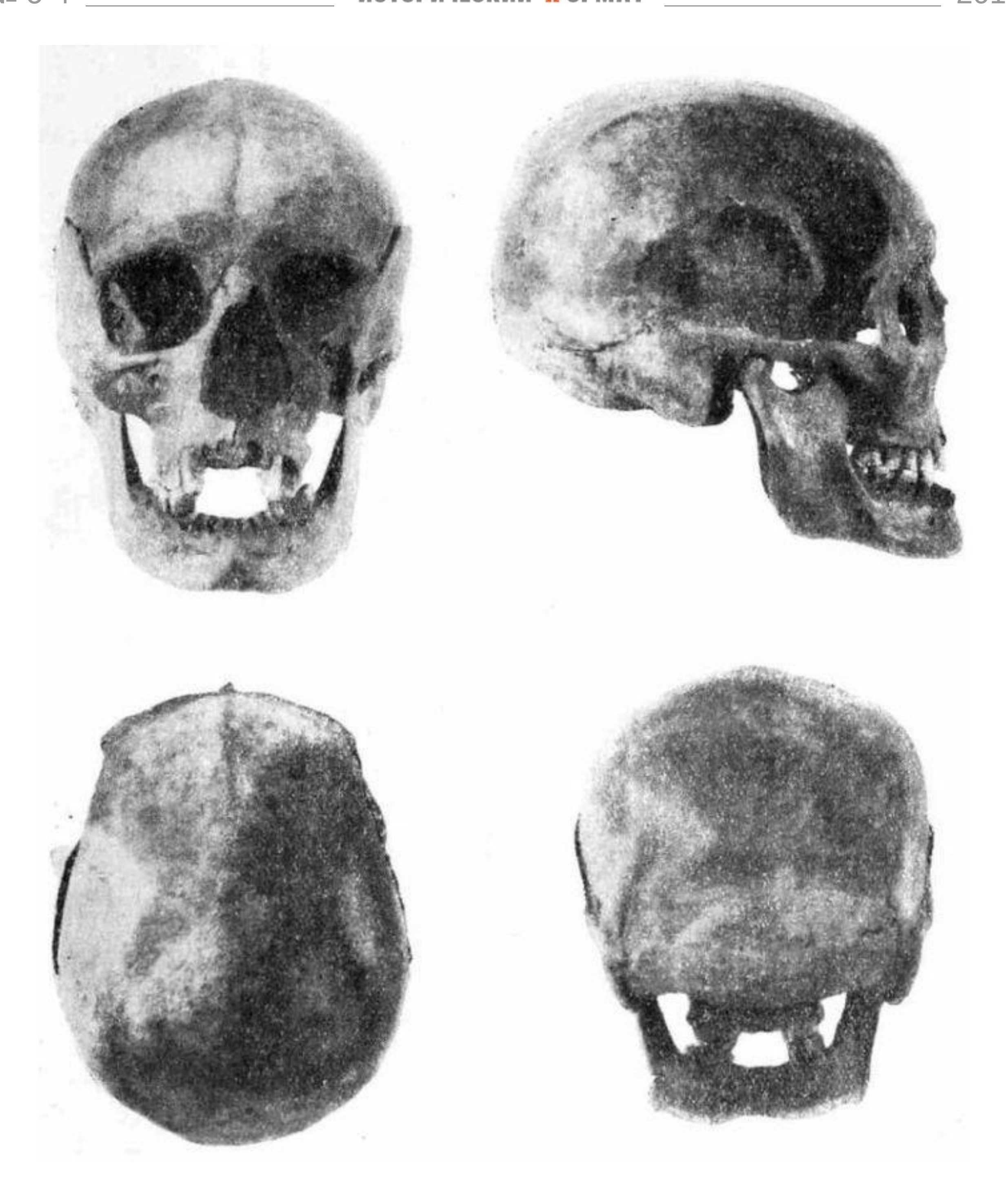
Олег… слыша от Киевлян жалобы на Осколда, и позавидовав области его, взем Ингоря, иде с войски ко Киеву. Блаженный же Оскольд предан Киевляны, и убиен быст, и погребен на горе, идеже стояла церковь святаго Николая; но Святослав разруши ю яко речется» (Татищев 1768: 35).

О.М. Рапов отмечает, что данный «первый текст более древний, чем текст Повести временных лет» (Рапов 1988: 119).

Пренебрежительное отношение Рогнеды к Владимиру Святославичу во время его сватовства к ней может объясняться мнением, со временем, укоренившемся у представителей «словенской династии» о её первенстве над северянской, поскольку Буривой жил на одно поколение раньше Дира, потомком которого (или потомком одного из его родственников) был, вероятно, Малко Любчанин – дедушка Владимира (если не пытаться отождествлять Малко Любчанина с Малом – древлянским князем). Мать Ярополка, судя по его имени, была западнославянского происхождения, а там, видимо, под германским влиянием генеалогии ценились намного больше, чем на Руси (Кузьмин 2003: 315). Следовательно, представители её княжеского рода, возможно, считали себя древнее северянского. Не оттого ли и летописцы позднее выводили самих северян не то от словен, не то от полоцких кривичей? Если бы Владимир действительно был «сыном робичича», его бы так не взбесил ответ гордой княжны.

В результате в Ярославе Мудром окончательно слились обе княжеские династии двух крупнейших восточнославянских союзов племён: на юге - северян и на севере – словен. А доказательств, казалось бы, априорного факта, что сам Ярослав Мудрый выводил свой род не от них, а от Рюрика не существует.

Потому столь большое значение имеет исследование останков Ярослава Мудрого – наиболее раннего князя из тех, чьи останки сохранились до наших дней. Так вот их исследование полностью подтверждает вышеуказанную версию.

Череп Ярослава Мудрого (по: Гинзбург 1940)

В черепных показателях Ярослава Мудрого сочетаются такие параметры, которые характерны для словен, и для северян. При этом в них полностью отсутствуют показатели, способные указать на какие-либо германские особенности. В.В. Гинзбург, производивший исследование черепа Ярослава Мудрого, пришёл к заключению, что по расовому типу он ближе всего подходит к черепам славян, описанным В.В. Бунаком, к северянам, изученным Г.Ф. Дебецем, и к новгородским словенам XI-XII вв., изученным А.М. Юзефовичем. По целому ряду признаков

расовый тип Ярослава Мудрого занимает промежуточное положение между длинноголовым и короткоголовым типами. Последний тип был присущ в первом тысячелетии н.э. основной массе населения юга и юго-востока европейской части бывшего СССР, восходя ещё к сарматам, а «что касается длиноголового элемента в данном черепе, то он не характерен для северного типа и скорее может быть славянского» (Гинзбург 1940: 63; Акашев 2000: 199).

Возможно, ИЛ представляет собой текст, родственный в текстологическом плане утраченному началу Новгородской первой летописи старшего извода, доведённый в своём повествовании приблизительно до 1014 года, резко отличающийся и от Новгородской первой летописи младшего извода и от ПВЛ (сопоставление современного издания главы В.Н. Татищева об Иоакимовской летописи и её оригинального издания, избавленного от особенностей гражданского шрифта первой половины XVIII века, приводится в приложении к данной статье: Карпенко 2017).

ЛИТЕРАТУРА

Акашев 2000 - *Акашев Ю.Д.* Историко-этнические корни русского народа. М.: Социум, 2000.

Бзаев 1995 - *Бзаев К.К.* Происхождение этнического термина «Русь». Владикавказ, 1995.

Вернадский 2004 - *Вернадский Г.В.* Древняя Русь. Тверь: ЛЕАН, 2004.

Галкина 2002 - *Галкина Е.С.* Тайны Русского каганата. М.: Вече, 2002.

Гинзбург 1940 - *Гинзбург В.В.* Об антропологическом изучении скелетов Ярослава Мудрого, Анны и Ингигерд // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1940. № 7.

ДРЗИ 2003 - *Бибиков М.В., Глазырина Г.В., Джаксон Т.Н. и др.* Древняя Русь в свете зарубежных источников: Учебное пособие для студентов вузов / Под ред. Е.А. Мельниковой. М.: Логос, 2003.

Жих 2016 - *Жих М.И.* Xavier Marmier. Le Mecklembourg / Ксавье Мармье. Мекленбург (русский перевод Записок о путешествии Ксавье Мармье в Мекленбург) // Исторический формат. 2016. № 3. С. 9-61.

Забелин 1876 - *Забелин И.Е.* История русской жизни с древнейших времён. Ч. 1. М., 1876.

Иловайский 2004 - *Иловайский Д.И.* Начало Руси (Разыскания о начале Руси. Вместо введения в русскую историю). М.: АСТ, 2004.

История России 2001 - *Новосельцев А.П., Сахаров А.Н., Буганов В.И., Назаров В.Д.* История России с древнейших времён до конца XVII века / Отв. ред. А.Н. Сахаров, А.П. Новосельцев. М.: АСТ, 2001.

Карамзин 1989 - *Карамзин Н.М.* История государства российского. Книга I. Тома 1-3. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1989.

Карпенко 2017 - *Карпенко А.А.* Приложение к статье «О генеалогических преданиях Иоакимовской летописи В.Н. Татищева». 2017 / Электронный ресурс: http://narodnazemle.ru/node/97 (дата обращения - 27.12.2017).

Клосс 1980 - *Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI-XVII веков. М.: Наука, 1980.

Кузьмин 2003 - *Кузьмин А.Г.* Начало Руси. Тайны рождения русского народа. М.: Вече, 2003.

Мавродин 1945 - *Мавродин В.В.* Образование Древнерусского государства. Л., 1945.

Меркулов 2003 - *Меркулов В.И.* Варяго-русский вопрос в немецкой историографии первой половины XVIII века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2003.

Меркулов 2005 - *Меркулов В.И.* Откуда родом варяжские гости. М., 2005.

Меркулов 2008 - *Меркулов В.И.* Мекленбургская генеалогическая традиция о Древней Руси // Труды Института российской истории РАН. 2008. № 7. С. 8-28.

Меркулов 2012 - *Меркулов В.И.* Из окна в Европу увидели Рюрика // Родина. 2012. № 5. С. 64-67.

Меркулов 2015 - *Меркулов В.И.* Рюрик и первые русские князья в «Генеалогии» Иоганна Фридриха Хемница // Исторический формат. 2015. № 2. С. 54-74.

Очерки 1958 - Очерки истории СССР. Т. I. III-IX вв. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. М., 1958.

ПСРЛ. I - Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 1997.

ПСРЛ. IX - Полное собрание русских летописей. Т. IX. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000.

Рапов 1988 - *Рапов О.М.* Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. М.: Высшая школа, 1988.

Рыбаков 1963 - *Рыбаков Б.А.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.

Рыбаков 1984 - *Рыбаков Б.А.* Мир истории. Начальные века русской истории. М.: Молодая гвардия, 1984.

Сахаров 1982 - *Сахаров А.Н.* Дипломатия Святослава. М.: Международные отношения, 1982.

Сахаров 1991 - *Сахаров А.Н.* Дипломатия Святослава. Второе издание, дополненное. М.: Международные отношения, 1991.

Соловьёв 1993 - *Соловьёв С.М.* Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. I. Т. 1-2. История России с древнейших времён. М.: Голос, 1993.

Татищев 1768 - *Татищев В.Н.* История Российская с самых древнейших времён неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная Покойным Тайным Советником и Астраханским Губернатором Василием Никитичем Татищевым. Книга Первая. Часть Первая. Напечатана при Императорском Московском университете. М., 1768.

Толстов 1946 - *Толстов С.П.* Древнейшая история СССР в освещении Г.В. Вернадского // Вопросы истории. 1946. № 4.

Фризе 1895 - *Фризе Хр.Ф.* История Польской церкви. Т. 1 (перевод с немецкого издания 1786 г.). Варшава, 1895.

Фроянов 1991 - *Фроянов И.Я.* Исторические реалии в летописном сказании о призвании варягов // Вопросы истории. 1991. № 6.

Цветков 2003 - *Цветков С.Э.* Русская история. Книга первая. С древнейших времён до конца правления князя Олега Вещего. М.: Центрополиграф, 2003.

Янин 1984 - *Янин В.Л.* Летописные рассказы о крещении новгородцев (о возможном источнике Иоакимовской летописи) // Русский город. Исследования и материалы. Вып. VII. М., 1984. С. 40-56.

REFERENCES

Akashev 2000 - *Akashev Ju.D.* Istoriko-jetnicheskie korni russkogo naroda [Historical and ethnic roots of the Russian people], Moscow, Socium Publ., 2000 [in Russian].

Bzaev 1995 - *Bzaev K.K.* Proishozhdenie jetnicheskogo termina «Rus'» [Origin of the ethnic term «Russia»], Vladikavkaz, 1995 [in Russian].

Cvetkov 2003 - *Cvetkov S.Je.* Russkaja istorija. Kniga pervaja. S drevnejshih vremjon do konca pravlenija knjazja Olega Veshhego [Russian history. Book the first. Since the most ancient times until the end of government of the prince Oleg the Prophet], Moscow, Centropoligraf Publ., 2003 [in Russian].

DRZI 2003 - *Bibikov M.V., Glazyrina G.V., Dzhakson T.N. i dr.* Drevnjaja Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov: Uchebnoe posobie dlja studentov vuzov / Pod red. E.A. Mel'nikovoj [Ancient Russia in the light of foreign sources: The manual for students of higher education institutions / Under the editorship of E.A. Melnikova], Moscow, Logos Publ., 2003 [in Russian].

Frize 1895 - *Frize Hr.F.* Istorija Pol'skoj cerkvi. T. 1 (perevod s nemeckogo izdanija 1786 g.) [History of the Polish church. T. 1 (transfer from the German edition of 1786)], Varshava, 1895 [in Russian].

Frojanov 1991 - *Frojanov I.Ja.* Istoricheskie realii v letopisnom skazanii o prizvanii varjagov [Historical realities in the annalistic legend on calling of Varangians], in: Voprosy istorii [History questions], 1991, № 6 [in Russian].

Galkina 2002 - *Galkina E.S.* Tajny Russkogo kaganata [Mysteries of the Russian khaganate], Moscow, Veche Publ., 2002 [in Russian].

Ginzburg 1940 - *Ginzburg V.V.* Ob antropologicheskom izuchenii skeletov Jaroslava Mudrogo, Anny i Ingigerd [About anthropological studying of skeletons of Yaroslav the Wise, Anna and Ingigerd], in: Kratkie soobshhenija Instituta istorii material'noj kul'tury [Short messages of Institute of history of material culture], 1940, № 7 [in Russian].

Ilovajskij 2004 - *Ilovajskij D.I.* Nachalo Rusi (Razyskanija o nachale Rusi. Vmesto vvedenija v russkuju istoriju) [The beginning of Russia (Investigation about the beginning of Russia. Instead of introduction to the Russian history)], Moscow, AST Publ., 2004 [in Russian].

Istorija Rossii 2001 - *Novosel'cev A.P., Saharov A.N., Buganov V.I., Nazarov V.D.* Istorija Rossii s drevnejshih vremjon do konca XVII veka / Otv. red. A.N. Saharov, A.P. Novosel'cev [History of Russia since the most ancient times until the end of the 17th century / Editor-in-chiefs A.N. Sakharov, A.P. Novoseltsev], Moscow, AST Publ., 2001 [in Russian].

Janin 1984 - *Janin V.L.* Letopisnye rasskazy o kreshhenii novgorodcev (o vozmozhnom istochnike Ioakimovskoj letopisi) [Annalistic stories about a baptism of Novgorodians (about a possible source of the Ioakimovsky chronicle)], in: Russkij gorod. Issledovanija i materialy. Vyp. VII [Russian city. Researches and materials. Release VII], Moscow, 1984, pp. 40-56 [in Russian].

Karamzin 1989 - *Karamzin N.M.* Istorija gosudarstva rossijskogo. Kniga I. Toma 1-3 [History of the state Russian. Book I. Volume 1-3], Rostov-on-Don, Rostovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1989 [in Russian].

Karpenko 2017 - *Karpenko A.A.* Prilozhenie k stat'e «O genealogicheskih predanijah Ioakimovskoj letopisi V.N. Tatishheva» [Annex to the article «About the Genealogical Bringing to the Ioakimovsky Chronicle of V.N. Tatishchev»], 2017, Electronic resource: http://narodnazemle.ru/node/97 (Date of access - 27.12.2017) [in Russian].

Kloss 1980 - *Kloss B.M.* Nikonovskij svod i russkie letopisi XVI-XVII vekov [Nikon Chronicle and Russian chronicles of the 16-17th centuries], Moscow, Nauka Publ., 1980 [in Russian].

Kuz'min 2003 - *Kuz'min A.G.* Nachalo Rusi. Tajny rozhdenija russkogo naroda [Beginning of Russia. Mysteries of the birth of the Russian people], Moscow, Veche Publ., 2003 [in Russian].

Mavrodin 1945 - *Mavrodin V.V.* Obrazovanie Drevnerusskogo gosudarstva [Formation of the Old Russian state], Leningrad, 1945 [in Russian].

Merkulov 2003 - *Merkulov V.I.* Varjago-russkij vopros v nemeckoj istoriografii pervoj poloviny XVIII veka. Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskih nauk [Question of Varangians and Russians in the German historiography of the first half of the 18th century. The thesis for a degree of the candidate of historical sciences], Moscow, 2003 [in Russian].

Merkulov 2005 - *Merkulov V.I.* Otkuda rodom varjazhskie gosti [From where it is Varangians guests], Moscow, 2005 [in Russian].

Merkulov 2008 - *Merkulov V.I.* Meklenburgskaja genealogicheskaja tradicija o Drevnej Rusi [The Mecklenburg genealogical tradition about Ancient Russia], in: Trudy Instituta rossijskoj istorii RAN [Works of Institute of the Russian history of RAS], 2008, № 7, pp. 8-28 [in Russian].

Merkulov 2012 - *Merkulov V.I.* Iz okna v Evropu uvideli Rjurika [From a window to Europe saw Rurik], in: Rodina [Homeland], 2012, № 5, pp. 64-67 [in Russian].

Merkulov 2015 - *Merkulov V.I.* Rjurik i pervye russkie knjaz'ja v «Genealogii» Ioganna Fridriha Hemnica [Rurik and first princes of the Rus in the Genealogy by Johann Friedrich Chemnitius], in: Istoricheskij format [Historical format], 2015, № 2, pp. 54-74 [in Russian].

Ocherki 1958 - Ocherki istorii SSSR. T. I. III-IX vv. Krizis rabovladel'cheskoj sistemy i zarozhdenie feodalizma na territorii SSSR [History USSR sketches. T. I. 3-9th centuries. Crisis of slaveholding system and origin of feudalism in the territory of the USSR], Moscow, 1958 [in Russian].

PSRL. I - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. I. Lavrent'evskaja letopis' [Complete collection of the Russian chronicles. T. I. Laurentian Chronicle], Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 1997 [in Russian].

PSRL. IX - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. IX. Letopisnyj sbornik, imenuemyj Patriarshej ili Nikonovskoj letopis'ju [Complete collection of the Russian chronicles. T. IX. The annalistic collection called by the Patriarch's or Nikon Chronicle], Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 2000 [in Russian].

Rapov 1988 - *Rapov O.M.* Russkaja cerkov' v IX – pervoj treti XII v. Prinjatie hristianstva [The Russian church in IX – the first third of the 12th century. Adoption of Christianity], Moscow, Vysshaja shkola Publ., 1988 [in Russian].

Rybakov 1963 - *Rybakov B.A.* Drevnjaja Rus'. Skazanija. Byliny. Letopisi [Ancient Russia. Legends. Byliny. Chronicles], Moscow, 1963 [in Russian].

Rybakov 1984 - *Rybakov B.A.* Mir istorii. Nachal'nye veka russkoj istorii [World of history. Initial centuries of the Russian history], Moscow, Molodaja gvardija Publ., 1984 [in Russian].

Saharov 1982 - *Saharov A.N.* Diplomatija Svjatoslava [Svyatoslav's diplomacy], Moscow, Mezhdunarodnye otnoshenija Publ., 1982 [in Russian].

Saharov 1991 - *Saharov A.N.* Diplomatija Svjatoslava. Vtoroe izdanie, dopolnennoe [Svyatoslav's diplomacy. The second edition added], Moscow, Mezhdunarodnye otnoshenija Publ., 1991 [in Russian].

Solov'jov 1993 - *Solov'jov S.M.* Sochinenija v vosemnadcati knigah. Kn. I. T. 1-2. Istorija Rossii s drevnejshih vremjon [Compositions in eighteen books. Book I. Volume 1-2. History of Russia since the most ancient times], Moscow, Golos Publ., 1993 [in Russian].

Tatishhev 1768 - *Tatishhev V.N.* Istorija Rossijskaja s samyh drevnejshih vremjon neusypnymi trudami cherez tridcat' let sobrannaja i opisannaja Pokojnym Tajnym Sovetnikom i Astrahanskim Gubernatorom Vasiliem Nikitichem Tatishhevym. Kniga Pervaja. Chast' Pervaja. Napechatana pri Imperatorskom Moskovskom universitete [The history Russian since the most ancient times vigilant works in thirty years collected and described by the Late Privy Councillor and the Astrakhan Governor Vasily Nikitich Tatishchev. Book the First. Part one. It is printed at Imperial Moscow university], Moscow, 1768 [in Russian].

Tolstov 1946 - *Tolstov S.P.* Drevnejshaja istorija SSSR v osveshhenii G.V. Vernadskogo [The ancient history of the USSR according to G.V. Vernadsky], in: Voprosy istorii [History questions], 1946, № 4 [in Russian].

Vernadskij 2004 - *Vernadskij G.V.* Drevnjaja Rus' [Ancient Russia], Tver, LEAN Publ., 2004 [in Russian].

Zabelin 1876 - *Zabelin I.E.* Istorija russkoj zhizni s drevnejshih vremjon. Ch. 1 [History of the Russian life since the most ancient times. Part 1], Moscow, 1876 [in Russian].

Zhih 2016 - *Zhih M.I.* Xavier Marmier. Le Mecklembourg / Ksav'e Marm'e. Meklenburg (russkij perevod Zapisok o puteshestvii Ksav'e Marm'e v Meklenburg) [Xavier Marmier. Le Mecklembourg (Russian translation of Xavier Marmier's notes about his travel to Mecklenburg)], in: Istoricheskij format [Historical format], 2016, № 3, pp. 9-61 [in Russian].

Карпенко Андрей Александрович – Соискатель на степень кандидата исторических наук Института переподготовки и повышения квалификации МГУ им. М.В. Ломоносова (Волгодонск, Россия).
Andrey Karpenko – Applicant on degree of the Candidate of historical sciences of Institute of Retraining and Professional development of Lomonosov Moscow State University (Volgodonsk, Russia).
E-mail: alnikar1953@mail.ru

УДК 911.37

СТРУКТУРА ПРОСТРАНСТВА НАСЕЛЁННОГО ПУНКТА: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

И.Ю. Васильев

Научно-исследовательский центр традиционной культуры
«Кубанский казачий хор» (Краснодар, Россия)
e-mail: ivasee@mail.ru
SPIN-код: 8437-3902

Авторское резюме

Проблема специфики организации пространства населённого пункта, прежде всего – проблема специфики организации общества. Различные человеческие сообщества и социальные институты призваны выполнять определённый набор функций, среди которых одни из наиболее важных – обеспечение единства между людьми, обеспечение безопасности, создание условий для производственной деятельности. Для достижения этих целей сообщества должны иметь внутреннюю структуру, алгоритм взаимодействия их отдельных элементов. Населённый пункт – это максимально наглядная модель структуры общества и выполняемых им функций, привязанная к конкретной местности. В период активного бытования традиционной культуры имело место чёткое разграничение населённого пункта и природной среды. Населённый пункт представлял собой единую структурированную социальную общность, направленную на выполнение значимых функций. Принципы взаимодействия населения с природной средой была подчинена этим функциям. В настоящее время имеет место постепенный процесс «очеловечевания» и/или разрушения природной среды наряду «одичанием» освоенной в процессе исчезновения связей между людьми, живущими рядом. Населённый пункт теряет единство и взаимосвязанность, постоянное присутствие и деятельность человека сжимается в отдельных точках. Быстрее этот процесс идёт в малых населённых пунктах, на окраинах крупных городов.

Ключевые слова: населённые пункты, пространство, город, деревня, традиции.

STRUCTURE OF SPACE IN A SETTLEMENT: TRADITIONS AND MODERNITY

Igor Vasilyev

The research center of traditional culture
«The Kuban Cossack chorus» (Krasnodar, Russia)
e-mail: ivasee@mail.ru

Abstract

The problem of organization of space in a settlement is, above all, the problem of organization of society. Different human societies and social institutions perform a certain set of functions, among which some of the most important are ensuring unity between people, ensuring security, providing conditions for practising industries and trades. To achieve these goals, communities must have an internal structure and an algorithm for the interaction between their individual elements. A settlement is the most visual model of the

structure of a society and the functions that it performs, tied to a specific locality. In the traditional culture, there was a clear delineation of the settlement and its natural environment. The settlement was a unified structured social community, aimed at performing meaningful functions. Principles of interaction between the population and the natural environment were subordinated to these functions. At the present time, there is a gradual process of «humanization» and/or destruction of the natural environment along with «degradation» of the assimilated medium due to thinning connections between people living side by side. The settlement loses unity and interconnectedness, the constant human presence and activity recedes in some locations. This process is going faster in smaller settlements and on the outskirts of large cities.

Keywords: settlements, space, city, village, traditions.

* * *

Проблема специфики организации пространства населённого пункта, прежде всего – проблема специфики организации общества. Ещё такие корифеи антропологии и социологии, как Б. Малиновский, А. Радклифф – Браун, Э. Дюркгейм установили, что различные человеческие сообщества и социальные институты призваны выполнять определённый набор функций, среди которых одни из наиболее важных – обеспечение единства между людьми, обеспечение безопасности, создание условий для производственной деятельности. Для достижения этих целей сообщества должны иметь внутреннюю структуру, алгоритм взаимодействия их отдельных элементов. В течении XX столетия было доказано, что жизнь человеческих сообществ гораздо сложнее и не сводится к функциям и структурам. Однако они – наиболее рациональная и пригодная для объективного анализа их составляющая (Клейн 2014: 230-239, 300-333, 526-534). Населённый пункт – это максимально наглядная модель структуры общества и выполняемых им функций, привязанная к конкретной местности.

Пространство в народной картине мира, в противоположность научному – «объективному» – его пониманию, неотъемлемо от восприятия его субъектом и не абстрагировано от своего содержания, основными и, при этом, взаимообуславливающими его характеристиками можно считать дискретность (взгляд на пространство как на набор локусов), неоднородность (представления о качественных различиях отдельных его частей) и конечность (Степанов, Сайфиев 2017). Согласно традиционному восприятию концепта, место – это там, где человек занимается определённым видом деятельности. Специфика места определяется спецификой этой деятельности. Знать дело – значит знать место и наоборот. Месту свойственна привязка деятельности к определённому времени (суток, года и пр.). Месту присущ определённый набор вещей (Степанов 2016: 200-201, 204-205, 209-210).

Поэтому любой населённый пункт имеет границу и внутреннее членение. Например, жилые дома по своему местоположению и функции отличны от производственных помещений, общественных знаний. Принципы поведения в этих разных локусах зачастую отличны. В рамках населенных пунктов всегда есть места общего пользования, состояние которых и поведение в них людей регулируется совместными усилиями местных жителей (Планировочная структура 2017). Потеря

внутренней структуры и внешних границ населённого пункта, как и любого другого объекта, ведёт к: а) прекращению выполнения своих функций б) прекращению существования как такового (Митрошников 2017).

В статье А. Вахштайна «Пересборка повседневности: беспилотники, лифты и проект ПкМ-1.» можно ознакомиться с раскрытием идей о городе, состоящем из различных сегментов, стремящихся к максимальной автономии друг от друга. Развитие техники ведёт ко всё большему повышению дискретности, несвязанности друг с другом географически близких групп людей. Людей всё больше связывают отношения, строящиеся вокруг техники вне зависимости от их физического местоположения (Вахштайн 2017: 20-28).

Единство, структура, выполнение основных функций социума кубанской станицы, как и других традиционных сообществ, поддерживалось постоянным упорядоченным общением между его членами. «*- А когда вы были молодым, старших уважали? - Ну а как же! Вседа ж кланялись. Старик идёт, старику кланяются. А теперь и «здравствуй!» не говОрят! Нас учили в школе вседа здороваться со всеми. А я до дяди Гришки поехал. И на базар пошли. Идут на встречу, а я «Здравствуй! Здравствуй!». А дядька: «Ты что! Сразу скажут, чё ты деревня! Я здороваюсь, кого знаю! А ты со всеми здоровкаешься! – А у нас в деревне все всех знают и здоровкаються!*» (Тен4027 – ПМ КФЭЭ-2008. А/к № 4027., ст. Тенгинская. Инф.: Беднов В.А., 1936 г.р. Иссл.: Васильев И.Ю.). Как писал Н.И. Бондарь: «В целом время Святок – это и время «узаконенных» бесчинств молодёжи. Часто вслед за колядовщиками, девушками и женщинами, шли парни, которые по окончанию колядования «занимались бесчинствами» Чаще всего они снимали калитки, ворота и заносили их на другой край станицы. Однако так поступали далеко не с каждым. Здесь были «свои счёты»: или в этой семье жила «гулящая девка», или наоборот, «очень строгая», не желавшая подчинятся тем правилам. Которые оценивались как норма в молодёжной среде…» (Бондарь 2011: 64-65). Здесь наблюдается привязка «бесчинств» к конкретному времени (Святки), местам, соотнесенным с поведением человека, стремление укрепить определённые поведенческие нормы.

Очень большое значение имела взаимопомощь. Последняя было как средством поддержания существования сообщества, так и одной из его важнейших целей. Другой, не менее важной было ограничение насилие в рамках сообщества. «*А тада уже, в войну, четыре столба поставили, затурлучили абы чем. Помазали их, хоть в своей хате. - А на строительство дома соседей приглашали? Мазать? - Помогали ходили. Кто строит, замесят замес. Помажут, а потом борщи сварят. Покормют и пойдут домой. Помогали хорошо! Где работаешь в брыгаде – приходит группа. Двадцать человек прыдут, помажут*» (Тен4032 – ПМ КФЭЭ-2008. А/к № 4031, ст. Тенгинская. Инф.: Радченко Г.Г., 1923 г.р. Иссл.: Васильев И.Ю.). «*А поножовщины не было? - Не, не, этого не было»!* (Тен4028 – ПМ КФЭЭ-2008. А/к 4028, ст. Тенгинская. Инф.: Беднов В.А., 1936 г.р. Иссл.: Васильев И.Ю.). «*Дежурили по станице, чтоб не было нарушений никаких.*

Это дружинники. На танцплощадке, кругом» (Тен4031 – ПМ КФЭЭ-2008. А/к № 4030. Ст. Тенгинская. Инф.: Фетисов В.Д., 1935 г.р. Иссл.: Васильев И.Ю.).

К концу XX в. традиционная система ограничений и разграничений во многом перестали функционировать. *«Выпьют немножко, оставят, опять разговор. А щас! Ладно мужики! А женщины распущенные стали!»* (Нек4093 – ПМ КФЭЭ-2008. А/к 4093, ст. Некрасовская. Инф.: Калугин В.А., 1914 г.р. Иссл.: Васильев И.Ю.). *«А щас рэжут,* […]*! Када у нас зарэзали? Да года четыре или пять (назад – И.В)! Славка, девка – алкашка и он алкаш. Пришло время такое, что смотри в оба»* (Тен4028 – ПМ КФЭЭ-2008. А/к 4028, ст. Тенгинская. Инф.: Беднов В.А., 1936 г.р.).

Населённый пункт во многом превратился во внутренне несвязанное, бесструктурное пространство. В таких условиях места общего пользования, производственные помещения теряют ценностную значимость и подверглись разграблению. *«В Азовском развалили.* […] *Растащили и СТФ, и МТФ. Я как-то ездил туда, рыбу достать, рыбаки там. А так на фермах даже окна повытаскивали, стоят строения одни, шифер посымали. Кому надо – лезет –сымает. И никто ни за что не отвечает. Там же глава Ермоленко. Хоть что-то надо было делать! Никому ничего не надо!»* (Зап3135 – ПМ КФЭЭ-2004. А/к 3135. Ст. Запорожская. Инф.: Харченко А.А., 1928 г.р. Иссл.: Матвеев О.В.).

В период бытования традиционной культуры природная среда плотно окружало населённые пункты и порой вторгалось в них. Однако люди чётко разделяли своё и чужое пространство, старались подчеркнуть эти границы на практике. Как хозяйственной деятельностью (вырубка диких растений на улицах, недопущение в населённый пункт диких животных), так формами поведения (например, запрет в освоенном, «человеческом» пространстве ряда сугубо мужских речевых оборотов, агрессивных типов поведения). Так же многие виды деятельности человека (большинство ремёсел, места постоянного проживания) располагались почти исключительно в «человеческой» зоне или на её границе (Михайлин 2005: 332-360; Васильев 2017).

В рамках традиционной культуры взаимодействие жителей населённого пункта с природной средой было подвержено чёткому регулированию обществом. Так, в Области Войска Донского «в каждой станице, владевшей лесами с растущими в них плодовыми деревьями, тёрном, орехами и т.д., сбор плодов был запрещён до определённого срока. Дата сбора дикорастущих плодов устанавливалась заранее, а сбор в течении запретного срока наказывался штрафом» (Шишкина 2009: 39).

Подобные правила и традиции существовали и в Кубанском Казачьем войске. Примечательно, что единых и повсеместных принципов взаимодействия природы с человеком в традиционной культуре не наблюдалось. Они вырабатывались постепенно, в соответствии со спецификой населённого пункта и окружающей его местности. Масштабные «преобразования природы», такие как прорытие кубанскими казаками Казачьего Ерика на Тамани в первой половине XIX в., имели

место и в период господства традиционного уклада. Но прошлый и нынешний уровень изменений несопоставимы (Семенцов 2007: 104-105, 139-142).

Взаимоотношения человека и природы подразумевает как приспособление человека к природной среде, так и преобразование, «очеловечивание» природы (Семенцов 2007: 148). Но для современной культуры характерно размывание самых разных границ, например, оппозиции своего и чужого. И, как частный пример, освоенного и природного. И то и другое воспринимается как часть единого целого, аморфного и неструктурированного.

Люди активно во много раз более активно присутствуют вне населённых пунктов, возводят там массу строений и т.д., например, некоторые «глухие», живописные уголки активно используются для туризма и порой людей там едва ли не больше, чем во многих городских районах. Таким образом, происходит стирание границ между антропогенной и природной средой (Васильев 2017).

Одновременно многие территории в формальных границах населённых пунктов перестают соответствовать критериям заселенной и освоенной территории, перестали использоваться многие жилые и производственные площади, созданные в XX столетии. Они либо забрасываются, либо вторично окультуриваются под зоны отдыха с низкой плотностью населения и пр. Пространство поселения размывается и фрагментируется, перестаёт быть сплошным и плотным. Исчезли единые принципы природопользования и поддержания искусственной среды внутри населённых пунктов, отношения к сельскохозяйственным угодьям и пр. (Васильев 2017).

Очень часто и в пределах населённых пунктов скапливается масса отходов человеческой деятельности. В том числе – съедобных. Так же в большом количестве появляются бросовые земли: территории бывших производств и жилых кварталов, свалок. Животные начинают питаться от мусорных свалок. Последние, наряду с культурными растениями, становятся важными источниками питания. Животные переселяются в населённые пункты, вступают в прежде не характерные отношения соседства с людьми. Например, в кубанском хуторе Красном здание местной школы облюбовали змеи – кавказские полозы, занесённые в Красную книгу. Их привлекло наличие пустот под полом и обилие мышей, в свою очередь, питающихся отходами школьной столовой (Васильев 2017; Секретарёв 2017).

Разведение в городах таких домашних животных, как собак, во многом утратило первоначальный смысл, заключавшийся в охране и структурировании территории, отделении частного пространства от территорий общего пользования. Очень многие собаки оказались выброшенными в общественное пространство, ставшее по сути ничейным. Отсюда возникли стаи бродячих собак, которые уже представляют опасность для людей. Так, в Махачкале жители города выходили на массовый отстрел бродячих собак после того, как бездомные псы растерзали девятилетнюю девочку. Имели место смертельные случаи нападения бездомных собак на людей, что даже приводило к массовым выступлениям. Т.е., во многом

потерявшем внутреннюю структуру городском сообществе речь идёт о «жизни или смерти» домашних животных, а не их уместной локализации (Дроботов 2017).

В настоящее время ряд функций государственных структур по поддержанию местной инфраструктуры передаётся муниципалитетам и частным копаниям, что в условиях слабой самоорганизации населения, резкого ослабления психологической эмпатии между жителями на местах ведёт к кризису коммунальной сферы населённых пунктов. В 2016 в станице Каневской ликвидировали стационарные контейнеры для мусора, и жителям приходилось или ждать приезда мусоровоза, либо выбрасывать его прямо на улицу (Станица Каневская 2017). Проблема роста стихийных свалок наблюдается в целом в разных регионах, что сами люди нередко объясняют «разрухой в головах» (В Крыму 2017; Пономарёв 2017).

Основой ментального членения пространства, основанные на нём правила поведения, на котором держится функционирование современного населённого пункта, являются представления традиционного общества. Которые стали стремительно уходить из жизни с окончанием т.н. Долгого Средневековья, которое закончилось в период конца XVIII – XX столетий. После чего последовал краткий взлёт инфраструктуры и комфорта в самых разных населённых пунктах, основанный на развитии техники, который наложился на некоторые сохранявшиеся основы прежней ментальности. Потом они исчезли, лишившись подпитки в традиционном укладе жизни. И, как следствие, существование современного населённого пункта оказалось под большим вопросом. Т.е., может продолжится активное уменьшение числа малых населённых пунктов, а крупные могут перестать существовать как единое структурированное целое, и превратиться в конгломерат автономных анклавов. Взамен прежних малых населённых пунктов будут появляться мало связанные друг с другом жилые, производственные и рекреационные комплексы.

Почему это происходит? Как установил известный специалист по возрождению малых населённых пунктов Г.В. Тюрин, населённому пункту трудно функционировать, когда нет тесного коллективного взаимодействия и совместной работы представителей местного бизнеса, интеллигенции, представителей служб, отвечающих за функционирование инфраструктуры и просто неравнодушных граждан. Взаимодействие подразумевает выработку совместных проектов и их реализацию (Ле Гофф 2017; Тюрин 2017).

Именно поэтому структуры, подобные дореволюционным земствам, функционировали всегда и везде, где существовали населенные пункты с более или менее развитой структурой местного сообщества (Альперович, Слёзкин 1991: 24).

Когда они реально не функционируют, происходит деградация не только местной инфраструктуры, но и ценностно значимых совместных практик местных жителей. Причастность к памяти о Великой Отечественной войне, особенно на уровне семьи, продолжает быть весьма значимой для ощущения себя в качестве полноценного члена общества. Но для молодёжи подобные представления в большей степени имеют абстрактный характер, и в большей степени относится к

разряду «парадных ценностей». Те же респонденты, которые говорили о значимости посещения памятников в четь Великой Отечественной вместе с родственниками, в предыдущем блоке вопросов указывали, что бывают рядом с памятниками, только случайно проходя мимо, либо в ходе официальных мероприятий (Результаты анкетирования «Знание о памятниках, посвященных Великой Отечественной войне, на Северном Кавказе». 2015 год. Анкеты № 1-44, исследователь: Баранов А.В.; Результаты анкетирования «Знание о памятниках, посвященных Великой Отечественной войне, на Северном Кавказе». 2015 год. Анкеты № 1-46, исследователи: Майгур Н.В., Купавская А.А., Лободырёва Н.Ф.).

Таким образом, в период активного бытования традиционной культуры имело место чёткое разграничение населённого пункта и природной среды. Населённый пункт представлял из себя единую структурированную социальную общность, направленную на выполнение значимых функций (взаимопомощь, обеспечение безопасности, производственная деятельность и пр.). Принципы взаимодействия населения с природной средой была подчинена этим функциям. В настоящее время имеет место постепенный процесс «очеловечевания» и/или разрушения природной среды наряду «одичанием» освоенной в процессе исчезновения связей между людьми, живущими рядом. Населённый пункт теряет единство и взаимосвязанность, постоянное присутствие и деятельность человека сжимается в отдельных точках. Тенденции к постепенной децентрализации населённых пунктов отражены и в разработке проектов развития городских агломераций (Гриценко 2017). Быстрее этот процесс идёт в малых населённых пунктах, на окраинах крупных городов.

ЛИТЕРАТУРА

Альперович, Слёзкин 1991 - *Альперович М.С., Слёзкин Л.Ю.* История Латинской Америки (с древнейших времён до начала XX в.). М., 1991.

Бондарь 2011 - *Бондарь Н.И.* Календарные праздники и обряды Кубанского казачества. Краснодар, 2011.

В Крыму 2017 - В Крыму вывалили мусор у домов игнорирующих свалки чиновников / Электронный ресурс: https://www.gazeta.ru (дата обращения – 28.04.2017).

Васильев 2017 - *Васильев И.* Природное и антропогенное: слияние / Электронный ресурс: http://www.apn.ru (дата обращения – 19.04.2017).

Вахштайн 2017 - *Вахштайн В.* Пересборка повседневности: беспилотники, лифты и проект ПкМ-1 // Логос. 2017. № 2.

Гриценко 2017 - *Гриценко Е.В.* Городские агломерации: в поисках оптимальной модели территориальной организации (сравнительно-правовой анализ) / Электронный ресурс: http://отрасли-права.рф (дата обращения – 08.05.2017).

Дроботов 2017 - *Дроботов А.* Махачкалинцы в отместку за смерть 9-летней девочки начали массовый отстрел бродячих собак / Электронный ресурс: http://www.stav.kp.ru (дата обращения – 24.04.2017).

Клейн 2014 - *Клейн Л.С.* История антропологических учений. СПб., 2014.

Ле Гофф 2017 - *Ле Гофф Ж.* В поддержку Долгого Средневековья / Электронный ресурс: http://ec-dejavu.ru (дата обращения – 19.04.2017).

Митрошников 2017 - *Митрошников А.О.* Философия: учебник. Структура, виды, формы и уровни деятельности / Электронный ресурс: http://society.polbu.ru (дата обращения – 24.04.2017).

Михайлин 2005 - *Михайлин В.Ю.* Тропа звериных слов. М., 2005.

Планировочная структура 2017 - Планировочная структура и функциональная организация территории города / Электронный ресурс: http://tehlib.com (дата обращения – 24.04.2017).

Пономарёв 2017 - *Пономарёв Ф.* Мусор не по правилам. Почему на Кубани растет число нелегальных свалок / Электронный ресурс: http://www.kuban.aif.ru (дата обращения – 25.04.2017).

Секретарёв 2017 - *Секретарёв А.* В школе Усть-Лабинского района завелись змеи / Электронный ресурс: http://kuban24.tv (дата обращения – 19.04.2017).

Семенцов 2007 - *Семенцов М.В.* Историко-экологические аспекты освоения Кубани казачеством в XIX – начале XX вв. // Дикаревские чтения. Вып. 13. Краснодар, 2007.

Станица Каневская 2017 - Станица Каневская Краснодарского края превращается в большую свалку / Электронный ресурс: http://www.5-tv.ru (дата обращения – 25.04.2017).

Степанов 2016 - *Степанов А.* О месте. Этнофеноменологический очерк // Антропологический форум. 2016. № 28.

Степанов, Сайфиев 2017 - *Степанов А.В., Сайфиев А.Ф.* Леший – чёрт, отдай мою животину (Исследование демонологии Сямженского района Вологодской области) / Электронный ресурс: http://folk.ru (дата обращения – 19.04.2017).

Тюрин 2017 - *Тюрин Г.* Опыт возрождения русских деревень / Электронный ресурс: https://profilib.com (дата обращения – 19.04.2017).

Шишкина 2009 - *Шишкина Д.Ю.* Экологический опыт традиционного природопользования донского казачества // Дикаревские чтения. Вып. 14. Краснодар, 2009.

REFERENCES

Al'perovich, Sljozkin 1991 - *Al'perovich M.S., Sljozkin L.Ju.* Istorija Latinskoj Ameriki (s drevnejshih vremjon do nachala XX v.) [History of Latin America (since the most ancient times prior to the beginning of the 20th century)], Moscow, 1991 [in Russian].

Bondar' 2011 - *Bondar' N.I.* Kalendarnye prazdniki i obrjady Kubanskogo kazachestva [Calendar holidays and ceremonies of the Kuban Cossacks], Krasnodar, 2011 [in Russian].

Drobotov 2017 - *Drobotov A.* Mahachkalincy v otmestku za smert' 9-letnej devochki nachali massovyj otstrel brodjachih sobak [Natives of Makhachkala in revenge for the death of the 9-year-old girl began mass shooting of stray dogs], Electronic resource: http://www.stav.kp.ru (Date of access – 24.04.2017) [in Russian].

Gricenko 2017 - *Gricenko E.V.* Gorodskie aglomeracii: v poiskah optimal'noj modeli territorial'noj organizacii (sravnitel'no-pravovoj analiz) [City agglomerations: in search of optimum model of the territorial organization (the comparative and legal analysis)], Electronic resource: http://otrasli-prava.rf (Date of access – 08.05.2017) [in Russian].

Klejn 2014 - *Klejn L.S.* Istorija antropologicheskih uchenij [History of anthropological doctrines], St. Petersburg, 2014 [in Russian].

Le Goff 2017 - *Le Goff Zh.* V podderzhku Dolgogo Srednevekov'ja [In support of the Long Middle Ages], Electronic resource: http://ec-dejavu.ru (Date of access – 19.04.2017) [in Russian].

Mihajlin 2005 - *Mihajlin V.Ju.* Tropa zverinyh slov [Track of animal words], Moscow, 2005 [in Russian].

Mitroshnikov 2017 - *Mitroshnikov A.O.* Filosofija: uchebnik. Struktura, vidy, formy i urovni dejatel'nosti [Philosophy: textbook. Structure, types, forms and levels of activity], Electronic resource: http://society.polbu.ru (Date of access – 24.04.2017) [in Russian].

Planirovochnaja struktura 2017 - Planirovochnaja struktura i funkcional'naja organizacija territorii goroda [Planning structure and functional organization of the territory of the city], Electronic resource: http://tehlib.com (Date of access – 24.04.2017) [in Russian].

Ponomarjov 2017 - *Ponomarjov F.* Musor ne po pravilam. Pochemu na Kubani rastet chislo nelegal'nyh svalok [Garbage not by rules. Why in Kuban the number of illegal dumps grows], Electronic resource: http://www.kuban.aif.ru (Date of access – 25.04.2017) [in Russian].

Sekretarjov 2017 - *Sekretarjov A.* V shkole Ust'-Labinskogo rajona zavelis' zmei [At school of the Ust-Labinsky area snakes were got], Electronic resource: http://kuban24.tv (Date of access – 19.04.2017) [in Russian].

Semencov 2007 - *Semencov M.V.* Istoriko-jekologicheskie aspekty osvoenija Kubani kazachestvom v XIX – nachale XX vv. [Historical and ecological aspects of development of Kuban by the Cossacks in XIX – the beginning of the 20th centuries], in: Dikarevskie chtenija. Vyp. 13 [Dikarevsky readings. Release 13], Krasnodar, 2007 [in Russian].

Shishkina 2009 - *Shishkina D.Ju.* Jekologicheskij opyt tradicionnogo prirodopol'zovanija donskogo kazachestva [Ecological experience of traditional environmental management of the Don Cossacks], in: Dikarevskie chtenija. Vyp. 14 [Dikarevsky readings. Release 14], Krasnodar, 2009 [in Russian].

Stanica Kanevskaja 2017 - Stanica Kanevskaja Krasnodarskogo kraja prevrashhaetsja v bol'shuju svalku [The village Kanevskaya of Krasnodar Krai turns into a big dump], Electronic resource: http://www.5-tv.ru (Date of access – 25.04.2017) [in Russian].

Stepanov 2016 - *Stepanov A.* O meste. Jetnofenomenologicheskij ocherk [About the place. Ethnophenomenological sketch], in: Antropologicheskij forum [Anthropological forum], 2016, № 28 [in Russian].

Stepanov, Sajfiev 2017 - *Stepanov A.V., Sajfiev A.F.* Leshij – chjort, otdaj moju zhivotinu (Issledovanie demonologii Sjamzhenskogo rajona Vologodskoj oblasti) [The wood goblin – the devil, give my beast (A research of demonology of Syamzhensky district of the Vologda region)], Electronic resource: http://folk.ru (Date of access – 19.04.2017) [in Russian].

Tjurin 2017 - *Tjurin G.* Opyt vozrozhdenija russkih dereven' [Experience of revival of the Russian villages], Electronic resource: https://profilib.com (Date of access – 19.04.2017) [in Russian].

V Krymu 2017 - V Krymu vyvalili musor u domov ignorirujushhih svalki chinovnikov [In the Crimea threw out garbage at houses of the officials ignoring dumps], Electronic resource: https://www.gazeta.ru (Date of access – 28.04.2017) [in Russian].

Vahshtajn 2017 - *Vahshtajn V.* Peresborka povsednevnosti: bespilotniki, lifty i proekt PkM-1 [Daily occurrence reassembly: UAVs, elevators and PKM-1 project], in: Logos, 2017, № 2 [in Russian].

Vasil'ev 2017 - *Vasil'ev I.* Prirodnoe i antropogennoe: slijanie [Natural and anthropogenous: merge], Electronic resource: http://www.apn.ru (Date of access – 19.04.2017) [in Russian].

Васильев Игорь Юрьевич – Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра традиционной культуры «Кубанский казачий хор» (Краснодар, Россия).
Igor Vasilyev – Candidate of Historical Sciences, Senior research associate of the Research center of traditional culture «The Kuban Cossack chorus» (Krasnodar, Russia).
E-mail: ivasee@mail.ru

УДК 908

ВКЛАД М.Н. КАТКОВА В РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ РЕФОРМЫ Д.А. ТОЛСТОГО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Д.В. Бурдаков

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Россия, 399770, Липецкая область, Елец, ул. Коммунаров, д. 28

e-mail: burdackov.d@yandex.ru

SPIN-код: 2617-5204

Авторское резюме

Во второй половине XIX в. российское образование, по сути, являлось рассадником идей революционно-демократического освободительного движения среди молодежи. Ярким примером этому служит феномен народничества, появившийся в 1860 гг. и направленный на сближение интеллигенции и крестьян. Ключевую роль в искоренении нигилистских взглядов сыграл министр народного просвещения граф Д.А. Толстой. Его решение перевести все образование в стране в консервативное русло во многом спланировало дальнейшее развитие образования. М.Н. Катков, выдающийся русский публицист и редактор газеты «Московские ведомости», на протяжении своей карьеры очень чутко реагировал на правительственные изменения в области образования. Благодаря стараниям Каткова газета «Московские ведомости» стала вестником просвещения и инноваций в области образования во второй половине XIX в. Михаил Никифорович, являвшийся сторонником консерватизма, внес важнейший вклад в развитие идеологической составляющей реформы Д.А. Толстого.

Ключевые слова: Д.А.Толстой, М.Н. Катков, Александр II, начальное образование, революционно-демократическое освободительное движение, классическое образование, Лицей цесаревича Николая, «Московские ведомости», классические гимназии.

CONTRIBUTION OF M.N. KATKOV IN THE DEVELOPMENT OF THE EDUCATION REFORM BY D.A. TOLSTOY IN THE SECOND HALF OF THE 19th CENTURY

Dmitry Burdakov

Bunin Yelets state University

28 The Commoners Street, Lipetsk region, Yelets, 399770, Russia

e-mail: burdackov.d@yandex.ru

Abstract

In the second half of the 19thcentury, Russian educational institutions, in fact, were a hotbed of revolutionary-democratic liberation ideas among the youth. A striking example of this is the phenomenon of populism, which emerged in 1860s and was aimed at converging the elite and the peasant classes. The Minister of Education, Count D.A. Tolstoy, played a key role in the eradication of nihilistic attitudes among students. His decision to push all of the schooling into a conservative direction in many respects predetermined further development of education in Russia. Mikhail Nikiforovich Katkov, a prominent

Russian journalist and editor of newspaper Moscow News, throughout his career carefully monitored any governmental changes in the field of education. Thanks to the Katkov's efforts, in the 2nd half of the 19th century the Moscow News became the messenger of the educational reform, increasing its awareness among the population and advocating innovations in the field of education. Mikhail Katkov was a proponent of conservatism, and he greatly contributed to the development of the ideological component of the reform by D.A. Tolstoy.

Keywords: D.A.Tolstoy, M.N. Katkov, Alexander II, elementary education, revolutionary-democratic liberation movement, classical education, Tsarevich Nikolai Lyceum, Moscow News, classical gymnasiums.

* * *

На данный момент российское государство столкнулось с проблемой в образовательной сфере с переходом на новый инновационный уровень. Начальное образование, несущее в себе основу тех знаний, которые служат фундаментом для дальнейшего образовательного процесса, всегда являлось неотъемлемой частью общества. Консерватизм на протяжении лет в образовании на всех исторических этапах развития российского государства претерпевал значительные преобразования (Аллагулов 2013: 154). Ярким примером внедрения или перехода на консервативный уровень образования служат правительственные изменения 60-70-х гг. XIX в. За время правления Александра II правительство столкнулось с одной из важных проблем. Российское образование превратилось в рассадник революционно-демократического освободительного движения. Ярким примером этому служит феномен народничества, появившийся в 1860 гг. направленный на сближение интеллигенции и крестьян.

Во второй половине XIX в. наиболее важной образовательной реформой были преобразования министра народного просвещения графа Д.А. Толстого, проведенные им за период 1866-1881 гг. Их особенностью была попытка перехода начального образования Российской империи на путь европеизации. Реформаторский процесс в Российской империи обуславливался слабостью российской буржуазии и политической инертностью народных масс (Аллагулов 2013: 69). Выступления радикалов (революционных народников) лишь активизировали консервативные силы и затормозили проведение либеральных реформ правительства.

В апреле 1866 г. было совершено покушение на императора Александра II студентом Д. Каракозовым. В это время в высшем образовании главенствовали революционно-демократические тенденции, появлялись различные студенческие кружки революционного характера. Одним из ярых сторонников консервативных идей и взглядов в области просвещения и образования был граф Д.А.Толстой. 14 апреля 1866 г. он получает пост министра народного просвещения и перед ним появляется задача искоренения нигилистских идей из образования.

Предложение Д.А. Толстого вернуть консервативные идеи, как основу образования в стране, полностью удовлетворило Александра II. Консервативное

образование, ориентированное на развитие патриотических и православных чувств должно было уберечь обучающихся от пагубного влияния революционных идей, а также уничтожить зарождение нигилистского течения в среде студенчества (Басаргина 2012: 21).

В ходе реформ Д.А. Толстого был разработан и введен новый устав гимназий и прогимназий ведомства Министерства Народного Просвещения. По данному уставу гимназии должны были ориентированы на общее образование, способствующее поступлению в университеты и другие высшие специальные училища. В отличие от предыдущих уставов и реформ образования, «Устав гимназий и прогимназий» 1871 г., регламентировал преподавание каждого предмета, количество и содержание классных и домашних работ (Рождественский 1902: 540). За время, проведенное на посту министра народного просвещения Д.А. Толстого, государство полностью контролировало всю работу образовательных учреждений. Гимназии и прогимназии были полностью перестроены. По новому уставу было введено 7 классов обучения, а с 1875 г. гимназии стали восьмиклассными образовательными заведениями (Свод 1893).

По новому учебному плану гимназии превращались в классические с двумя древними языками как основополагающей учебной единицей. На изучение латинского языка отводилось 49 уроков, а на греческий язык 37. Общественность отнеслась к этому нововведению крайне негативно, считая, что древние языки пережиток прошлого, а на современном этапе требуется знание немецкого и французских языков (Гончаров 2014: 297).

В классических гимназиях прекращалось изучение естественной истории, космографии (изучала устройство вселенной в целом и замененной математической географией), был введен новый предмета логика. Было сокращено количество уроков чистописания, рисования, черчения, истории и закона Божия (Бойко, Куликова 2015: 25). Наряду с классическими гимназиями в системе начального образования были созданы реальные гимназии с упором на математику и естественные науки. Особое внимание уделялось воспитательному процессу, для этого в каждой классе был наставник – связующее звено между гимназией и семьей гимназиста (Гончаров 2014: 315). Внедрение классического образования на основе новых дисциплин и установления большей учебной нагрузки на них должно было сократить количество желающих вступить в ряды революционеров. Иными словами, у обучающихся не оставалось бы свободного времени на излишества.

Итогом реформ Д.А. Толстого стало расширение народных училищ для крестьянского населения. Развитие сети учебных заведений, доступное начальное образование для всех сословий были продолжениями реформ предыдущих министров просвещения А.С. Норова и А.В. Головнина. При создании классических и реальных гимназий в Российской империи сложилась некая социальная дискриминация в отношении низших сословий. В реальных гимназиях ориентированных в основном на крестьянство не изучали древних языков, которые

были обязательными для поступления в университеты, закрывая путь в вузы широкой массе.

Особый вклад в разработку идеологической основы реформы Д.А. Толстого внес влиятельный русский публицист, редактор газеты «Московские ведомости» Михаил Никифорович Катков (1818-1887 гг.).

М.Н. Катков через публицистику всегда чутко реагировал на происходящие изменения в российском образовании. По его мнению, молодые люди Российской империи должны были воспитываться в духе православия и самодержавия, обучающиеся образовательных учреждений, должны были с детства впитывать в себя все самое лучшее и постепенно превратиться в блюстителей порядочности и честности, в охранников своего государства и монарха (Перевалова 2015: 167). В связи своих идей и взглядов он уделял много внимания необходимости реформ в области образования.

Во время реформ Д.А. Толстого, направленных на возвращение в страну классического образования, М.Н. Катков считал, что в стране недостаточно развит уровень школьного обучения, потому что детям давали недостаточное количество знаний. Они были не систематизированы и не представляли научной ценности. Он чуть ли не первым выступил публично в поддержку реформ и за ведение классического образования с приоритетным статусом гимназий. В классическом образовании М.Н. Катков видел будущий ориентир для развития образования в стране на столетия вперед.

В своих публицистических изданиях, которые были некими вестниками просвещения в стране, Катков совместно с П.М. Леонтьевым отстаивали реформы Толстого и предлагали свою модель школьного обучения (Перевалова 2015: 170). По мнению Каткова разнообразие в школьных предметах в их большом количестве только усугубляли положение в процессе образования, а классические языки и математика как основные предметы новой школьной системы должны были способствовать развитию интеллекта и культуры у подрастающего поколения. Благодаря своим высказываниям, статьям и выступлениям М.Н. Катков способствовал развитию реформ Д.А. Толстого.

Итогом образовательных изысканий М.Н. Каткова стало открытие на личные средства 26 сентября 1867 г. в Москве Лицея цесаревича Николая, названного в честь Николая Александровича Романова, скончавшегося в 1863 г. Лицей должен был стать совершенно новым образовательным учреждением, примером инноваций и реформ Д.А. Толстого для всех остальных учреждений страны (Перевалова 2014: 60).

Лицей был полностью отстранен от управления и от финансирования в лице государства, управление было положено на директора. С 1875 по 1887 гг. пост директора занимал М.Н. Катков, он же брал на себя составление и разработку учебных планов (Перевалова 2011: 159).

В лицеи Каткова обучали преимущественно детей из высших сословий и иногда одаренных детей из низших. Процесс образования в лице строился таким

образом, что воспитанников не перегружали заданиями на дом, но задания в классе были строго обязательными для всех, для отличников вводились задания повышенного уровня сложности (Перевалова 2011: 156). Лицей был неким педагогическим экспериментом в духе реформ Толстого, тут же древние языки преподавались в большом объеме, чем в классической гимназии. В Лицее цесаревича Николая преподавали только профессора московских университетов. Особое внимание уделялось развитию физических данных у воспитанников, им разрешали играть в любые виды спорта на переменах, обучали фехтованию.

Лицей, созданный Катковым, был ориентиром для развития начального образования в стране, своим педагогическим экспериментом он подержал реформу Толстого и подал отличный пример каким должно быть образовательное учреждение в духе консерватизма.

Особое внимание Катков уделял роли церкви в образовательном процессе (Санькова 2011: 305). Считая, что именно церковь должна воспитывать через образование в умах юношей и девушек патриотические чувства, в веру в Бога и монарха как помазанника Божьего. Еще до активных реформаторских действий Толстого, Катков предлагал развивать систему церковно-приходских школ для неграмотного крестьянского населения.

Изначально основным типом учебных заведений, пригодных для крестьянского населения, являлись церковно-приходские школы. Они были незаменимы для обучения крестьян основам грамотности. Контроль и финансирование церковно-приходских школ были предоставлены Святейшему Синоду (Свод 1911).

Процесс обучения в них строился на православном вероучении, а основным учителем в них был законоучитель в лице священнослужителя.

В связи с тем, что за период правления Александра II 1855-1881 гг. участились общественные недовольства, а образование в стране стало неким рассадником нигилистских идей Д.А. Толстой был не только видным деятелем развития образования в стране, но и защитником от негативного воздействия нигилизма на обучающихся. М.Н. Катков сыграл важную роль в создании идеологической основы для проведения школьной реформы Д.А. Толстого. В своих публицистических изданиях «Русский вестник» и «Московские ведомости» он продвигал вперед идею о консерватизации русского образования, введения классического образования с упором на древние языки и естественные науки для развития интеллекта, логики и научного знания в умах учеников. Михаил Никифорович одним из первых обратил внимания в эпоху реформ и пересмотра всего образования в стране на то, что воспитание является одним из самых важных пунктов в процессе обучения. Именно через воспитание Катков предлагал прививать любовь в своей стране в школах.

Свои идеи он реализовал через свой педагогический эксперимент Лицей цесаревича Николая, в котором воспитанники были загружены образовательным

процессом, но в свободное время занимались развитием своих физических данных и работой с наставником, воспитывающим их в духе классического образования.

ЛИТЕРАТУРА

Аллагулов 2013 - *Аллагулов А.М.* Государственная концепция образовательной политики в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. // Теория и практика общественного развития. 2013. № 4. С. 152-155.

Аллагулов 2013 - *Аллагулов А.М.* Особенности реализации государственной образовательной политики в России во второй половине XIX – начале XX века // Проблемы современного образования. 2013. № 2. С. 65-71.

Басаргина 2012 - *Басаргина Е.Ю.* Из истории реформы Д.А. Толстого: А.И. Георгиевский // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 1-2. С. 20-23.

Бойко, Куликова 2015 - *Бойко Л.Л., Куликова С.В.* Исследование идеологических основ российского образования: история и современность // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. № 2 (97). С. 22-26.

Гончаров 2014 - *Гончаров М.А.* Становление и развитие государственно-общественного управления педагогическим образованием в России в XVIII – начале XX века. Диссертация на соискание учёной степени доктора педагогических наук. М., 2014. 485 с.

Перевалова 2011 - *Перевалова Е.В.* М.Н. Катков: несколько штрихов к портрету публициста // Вестник МГУП имени Ивана Федорова. 2011. № 3. С. 146-163.

Перевалова 2014 - *Перевалова Е.В.* Лицей цесаревича Николая (1868-1917) – образцовое учебное заведение нового типа // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2014. № 2. С. 56-67.

Перевалова 2015 - *Перевалова Е.В.* «Московские ведомости» М.Н. Каткова в 1863-1864 гг. – политический официоз или орган независимого общественного мнения? // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 4 (36). С. 163-179.

Рождественский 1902 - *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности министерства просвещения. СПб., 1902. 840 с.

Санькова 2011 - *Санькова С.М.* Роль русской православной церкви в деле народного образования в представлении М.Н. Каткова // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 6. С. 304-306.

Свод 1893 - Свод законов Российской империи: свод уставов учреждений и учебных заведений. Т. XI. Ч. 1. СПб., 1893.

Свод 1911 - Свод законов Российской империи: свод уставов учреждений и учебных заведений. Т. XI. Ч. 2. СПб., 1911.

REFERENCES

Allagulov 2013 - *Allagulov A.M.* Gosudarstvennaja koncepcija obrazovatel'noj politiki v Rossijskoj imperii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. [The state concept of educational policy in the Russian Empire in the second half of XIX – the beginning of the 20th century], in: Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija [Theory and practice of social development], 2013, № 4, pp. 152-155 [in Russian].

Allagulov 2013 - *Allagulov A.M.* Osobennosti realizacii gosudarstvennoj obrazovatel'noj politiki v Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka [Features of realization of the state educational policy in Russia in the second half of XIX – the beginning of the 20th century], in: Problemy sovremennogo obrazovanija [Problems of modern education], 2013, № 2, pp. 65-71 [in Russian].

Basargina 2012 - *Basargina E.Ju.* Iz istorii reformy D.A. Tolstogo: A.I. Georgievskij [From history of reform of D.A. Tolstoy: A.I. Georgiyevsky], in: Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I.

Lobachevskogo [Bulletin of the Nizhny Novgorod university of N.I. Lobachevsky], 2012, № 1-2, pp. 20-23 [in Russian].

Bojko, Kulikova 2015 - *Bojko L.L., Kulikova S.V.* Issledovanie ideologicheskih osnov rossijskogo obrazovanija: istorija i sovremennost' [Research of ideological bases of Russian education: history and present], in: Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [News of the Volgograd state pedagogical university], 2015, № 2 (97), pp. 22-26 [in Russian].

Goncharov 2014 - *Goncharov M.A.* Stanovlenie i razvitie gosudarstvenno-obshhestvennogo upravlenija pedagogicheskim obrazovaniem v Rossii v XVIII – nachale XX veka. Dissertacija na soiskanie uchjonoj stepeni doktora pedagogicheskih nauk [Formation and development of state and public management of pedagogical education in Russia in XVIII – the beginning of the 20th century. The thesis for a degree of the doctor of pedagogical sciences], Moscow, 2014, 485 p. [in Russian].

Perevalova 2011 - *Perevalova E.V.* M.N. Katkov: neskol'ko shtrihov k portretu publicista [M.N. Katkov: several strokes to the publicist's portrait], in: Vestnik MGUP imeni Ivana Fedorova [The bulletin MGUP of Ivan Fedorov], 2011, № 3, pp. 146-163 [in Russian].

Perevalova 2014 - *Perevalova E.V.* Licej cesarevicha Nikolaja (1868-1917) – obrazcovoe uchebnoe zavedenie novogo tipa [Lyceum of Crown Prince of Nikolay (1868-1917) – model educational institution of new type], in: Lokus: ljudi, obshhestvo, kul'tury, smysly [Locus: people, society, cultures, meanings], 2014, № 2, pp. 56-67 [in Russian].

Perevalova 2015 - *Perevalova E.V.* «Moskovskie vedomosti» M.N. Katkova v 1863-1864 gg. – politicheskij oficioz ili organ nezavisimogo obshhestvennogo mnenija? [«The Moscow sheets» of M.N. Katkov in 1863-1864 – a political semi-official organ or body of independent public opinion?], in: Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija [Bulletin of the Tomsk state university. Philology], 2015, № 4 (36), pp. 163-179 [in Russian].

Rozhdestvenskij 1902 - *Rozhdestvenskij S.V.* Istoricheskij obzor dejatel'nosti ministerstva prosveshhenija [Historical review of activity of the Ministry of Public Education], St. Petersburg, 1902, 840 p. [in Russian].

San'kova 2011 - *San'kova S.M.* Rol' russkoj pravoslavnoj cerkvi v dele narodnogo obrazovanija v predstavlenii M.N. Katkova [Role of Russian Orthodox Church in national education in M.N. Katkov's representation], in: Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye i social'nye nauki [Scientific notes of the Oryol state university. Series: Humanitarian and social sciences], 2011, № 6, pp. 304-306 [in Russian].

Svod 1893 - Svod zakonov Rossijskoj imperii: svod ustavov uchrezhdenij i uchebnyh zavedenij. T. XI. Ch. 1 [Code of laws of the Russian Empire: set of charters of institutions and educational institutions. Volume 11. Part 1], St. Petersburg, 1893 [in Russian].

Svod 1911 - Svod zakonov Rossijskoj imperii: svod ustavov uchrezhdenij i uchebnyh zavedenij. T. XI. Ch. 2 [Code of laws of the Russian Empire: set of charters of institutions and educational institutions. Volume 11. Part 2], St. Petersburg, 1911 [in Russian].

Бурдаков Дмитрий Владимирович – магистрант второго курса Института истории и культуры Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина.
Dmitry Burdakov – a second-year graduate student of the Institute of History and Culture of Bunin Yelets state University.
E-mail: burdackov.d@yandex.ru

УДК 94(47).084.2

СОБЫТИЯ 1917 ГОДА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИСКУССИИ

Д.В. Суржик
Институт всеобщей истории РАН
Россия, 119334, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32а
e-mail: dimsu@inbox.ru
SPIN-код: 7128-7893

Авторское резюме

В статье представлена попытка показать основные направления новейших трудов российских авторов и авторский взгляд на их факторы (как пусковые, так и действующие причины) революционных событий 1917 года в Российской империи.

Ключевые слова: историография, Октябрьская революция, Февральская революция, Великая русская революция, Серебряный век, Российская империя, 1917 год, историография.

EVENTS OF 1917 IN THE MODERN RUSSIAN SOCIO-HISTORICAL DISCUSSION

Dmitry Surzhik
Institute of World History, Russian Academy of Sciences
Russia, 119334, Moscow, Leninsky Avenue, 32a
e-mail: dimsu@inbox.ru

Abstract

The paper attempts to present the main directions of the latest works by Russian authors and the authors' views on the major forces of the revolutionary events of 1917 in the Russian Empire (the factors that fired them up and the factors that kept them going).

Keywords: historiography, October Revolution, February Revolution, Great Russian Revolution, Silver Age, Russian Empire, 1917.

* * *

Канун 100-летнего юбилея революции 25 октября (7 ноября) 1917 года стал поводом для широкой дискуссии о ее предпосылках, ходе и последствиях (в широком смысле, включая и итоги существования социалистической системы) среди российских историков и публицистов.

Историки встретили 7 ноября 2015 года в плюрализме мнений. С противопоставлением «капиталистического прогресса» (с момента реформ Александра II) и «коммунистического регресса» выступил в интервью «Эху Москвы» академик Ю.С.

Пивоваров (Пивоваров 2015). Однако думается, что борьба «прогрессов» и «регрессов» шла в головах менее, чем 20% населения (интеллигенции, офицерства, дворянства и пр.), но не основной массы подданных империи, из которых потом рекрутировались армии гражданской войны, – крестьян. Поэтому ограничиваться таким противопоставлением – значит ограничиваться лишь борьбой элит, то есть мыслить в рамках концепции переворота. И тогда первую русскую революцию надо называть переворотом, ибо законосовещательная Дума не кардинально не изменила ни политического, ни тем более экономического устройства страны. Февраль сменил политическую, но не экономическую систему, то есть был наполовину революцией, а наполовину – переворотом. И уже Октябрь сменил экономическую модель. Так что революцией надо называть совокупность Февраля и Октября. Это была не борьба «прогрессов» и «регрессов», а борьба за свои права, за свое будущее без барской плети и без жизни в скученных бараках.

Под воздействием 100-летия начала Первой мировой войны ряд историков обратился к рассмотрению влияния этого глобального конфликта и, точнее, – армии – на революцию. Так, в своей четырехтомной монографии «Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914-1917)» О.Р. Айрапетов убедительно показал превращение армии в политическую силу, а отсутствие значимых целей и задач войны (помимо военных неудач) вскоре привели солдатскую массу и офицерство к отчуждению от монарха[1]. При этом автор напрямую говорит об участии чрезвычайно амбициозного русского офицерства в заговоре либерально настроенных[2] политиков (Айрапетов 2014: 13, 15). Однако поддержка «февралистов» высшим армейским руководством была вызвана не только субъективными факторами. Как доказывает ряд авторов, снабжение Русской императорской армии оружием и боеприпасами накануне и в годы Первой мировой войны было неудовлетворительным, сохранялась широкая зависимость от поставок оружия из Франции, и главной причиной этого было слабое (по сравнению с немецкой) развитие отечественного ВПК (Параскевов 2015: 132-136; Поликарпов 2008).

Помимо рассмотрения роли вооруженных сил и отдельных личностей, новым направлением для отечественной историографии революционных событий 1917 г. стало изучение национальной политики империй (прежде всего – Российской и Австро-Венгерской) с тем, чтобы вычленить «национальный фактор» в истории революций (Булдаков 2010; Ахременко, Шевченко, Кривочуприн 2016).

---

[1] Включившись в политическую борьбу, армия сама оказалась расколотой между сторонниками монархии, демократической республики и Советов, а в конечном счете – между сторонниками и противниками продолжения войны. При этом попытка Временного правительства найти опору в армии, уволив 60% офицеров, привела войска к еще бо́льшему коллапсу (Булдаков, Леонтьева 2015: 472, 473, 477, 541).

[2] При этом отечественные историки подчеркивают единение внешнеполитических целей как царской власти, так и революционно-демократической – борьбу за Проливы (Согрин 2013: 62, 64). Более того, некоторые авторы видят и преемственность между «февралистами» и последними царскими кабинетами в вопросах государственного регулирования экономики, которое лишь подрывало народное хозяйство (Давыдов 2002).

Буквально несколько лет назад оформилась весьма сильная тенденция, представители которой заявляли о случайности революции и отказывался от какого-либо поиска объективных предпосылок победы большевиков (см., например: Давыдов 2016: 968, 992; Миронов 2015). Очевидно, что подобный «исторический нигилизм» стал следствием отказа от «магистрального пути», на котором марксистско-ленинская историографическая школа «подводила» различные, далеко не всегда значимые факты под оправдание общеисторического пути – победы определенных политических сил. С крушением этой методологии отечественная историческая публицистика скатилась в то состояние, в котором в Веймарской республике оценивали Ноябрьскую революцию 1918 г.: субъективизм вместо объективности и бланкизм, который, в отличие от первых лет демократической Германии, еще не перешел в открытое гражданское противостояние. Однако те же авторы, проведя более глубокие социо-психологические исследования, склонились к тому, что именно тяжелые условия материальные и бытовые условия толкали крестьян к нападениям на латифундии (Нефедов 2017: 96-107), а рабочих – к политическим забастовкам (Миронов 2017: 97-119). Можно говорить, что «бланкизм в истории» российской революции не утвердился. Напротив, фундаментальные труды, посвященные событиям Первой мировой войны и Великой российской революции[1] стремятся объективно показать многофакторность и вариативность этих событий (Первая мировая война 2014; Россия и Европа 2014).

Обращаясь ко всей Русской революции (1905-1907 и 1917 годов), на наш взгляд, целесообразно выделить пять констант, действовавших на протяжении первых полутора десятилетий XX века в российской общественно-политической жизни: раскол элит, радикализм либерального крыла политических партий, нерешенность аграрного, рабочего и национального вопросов, а также феномен «человека Серебряного века». Рассмотрим их подробнее.

Раскол элит, который пролегал не только между родовой и финансово-промышленной элитами, но и внутри аристократии. Дворянство также не было единым. Борьба в нём характеризовалась трениями между вдовствующей императрицей Марией Федоровной (матерью Николая II) и де-юре императрицей Александрой Федоровной (супругой последнего российского императора). Эти отношения, носившие, безусловно, личный характер, однако выходили далеко за пределы дворянских салонов и, резонируя, подтачивали доверие к Александре Фёдоровне, которое в дальнейшем только углубится слухами об ее участии в подготовке сепаратных переговоров, которые, якобы, велись председателем Совета министров Б.В. Штюрмером. Так личная неприязнь к «неудачной партии сына» Марии Федоровны стала благодатной почвой, на которой рождались самые

[1] Такой термин по отношению к Февралю и Октябрю 1917 г. принят в новейшей Концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории, принятой Министерством образования и науки РФ. См. подробнее: Шубин 2017.

невероятные слухи о «немецкой партии» в столице, покинутой императором в пользу Ставки.

Взаимоотношение политической и экономической (финансово-промышленной) элит к началу XX века также можно охарактеризовать как раскол и борьбу первой, представленной родовой аристократий, за свою ведущую роль против второй, требовавшей также участия в государственных делах. Между «старой» и новой (промышленно-финансовой или служилой из разночинцев) элитой. Как и ранее в Европе, техническая революция и капитализм немыслимы без политического представительства новой, промышленно-финансовой «знати», и точно также, как и во всех предыдущих революциях (во Франции это противостояние растянулось на половину XIX века) старая, родовая аристократия не желала уступать свои позиции «выскочкам» из среды разночинцев на государственной службе, в банковской сфере, в промышленности.

Верхи могли управлять только по-старому, по-крепостнически, игнорируя всё общественное движение второй половины XIX века, подспудным мотивом которого была борьба за человеческое достоинство разночинцев. В этом и заключалась определенная Лениным революционная ситуация, когда верхи не могут управлять по-новому, а низы не хотят жить по-старому. Просто выпороть недовольных, или расстрелять у Нарвских ворот 7 января 1905 года без каких-либо для себя последствий элита уже не могла, равно как и не могла «переступить через себя» и удовлетворить вполне здравые требования. Поэтому ожесточенная борьба была неизбежна и ее совершенно не учитывали представители либеральных политических партий. Этот урок гражданских войн и внешней агрессии, которыми сопровождались великие революции, и Английская, и Французская, – оказался невыученным приват-доцентом и лидером кадетов П.Н. Милюковым.

Говоря о либеральных, «прогрессистских» как было модно тогда говорить, российских партиях, их современники отмечали радикализм. Отчасти эта резкость требований подпитывалась высокомерным отношением «сфер», стремительно терявших связь с реальностью, а отчасти – боязнью, что Первую мировую войну царский режим выиграет и без помощи ораторов из Государственной Думы.

В этой связи показательна речь, которой в отечественной историографии уделяют незаслуженно мало внимания, – речь П.Н. Милюкова «Глупость или измена?». 1 (14) ноября 1916 г. лидер Партии народной свободы выступил с обличением правительства. Держа в руках вражескую газету «Берлинер Тагеблатт» (Первая мировая война – в самом разгаре) и используя напечатанные в ней домыслы, лидер кадетов (по прежнему названию его партии – Конституционно-демократическая) обрушился с яростной критикой на правительство, повторяя вынесенные в заголовок слова, как Катон – о Карфагене. Всего несколько месяцев назад закончился, хотя и противоречивый, но весьма успешный для России Брусиловский прорыв. И теперь лидер влиятельной политической партии обвиняет

(на основании непроверенных данных из вражеской газеты) руководство страны в подготовке сепаратных переговоров и измене национальным интересам.

Что это – глупость или измена П.Н. Милюкова – каждый решит сам. Но остается фактом, что через полтора месяца после этой речи был убит Григорий Распутин – один из тех, на кого обрушился глава кадетов, а через несколько месяцев, конце февраля 1917 г. начинаются массовые беспорядки и вооруженное восстание в Петроградском гарнизоне, а 2 (15) марта Николай II подписывает отречение. Власть переходит к временному правительству, ведущие позиции в котором занимают либералы. Однако постоянные междоусобицы, неумение пойти на компромиссы и неспособность решить объективные проблемы страны дискредитировали «временщиков». К осени 1917 г. власть «лежала на улице» и большевики ее подобрали. Как видно, именно речь «Глупость или измена?» П.Н. Милюкова стала спусковым крючком Февральской революции, без которой не было бы Октября.

Одной из серьезных проблем России было социально-экономическое положение трудящихся. К «рабочему вопросу» мы привыкли со времен истмата, но рассматривать рабочих в аграрно-индустриальной стране следует лишь как детонатор. И рассматривать не через статистику. Как мы полагаем, рабочий вопрос «крутился» вокруг фабрично-заводских инспекций (ФЗИ).

Изначально, по законам от 1 июня 1882 и 12 июня 1884 годов фабрично-заводским инспекторам вменялось штрафовать за детский труд и заставлять промышленников развивать детские школы, тем самым занимая детей и готовя квалифицированную рабсилу. По закону «О надзоре за заведениями фабричной промышленности и взаимных отношениях...» обязанности инспекторов были снова расширены, и снова – в пользу рабочих. Инспектора получили возможность контролировать штрафы, которые порой ничего не оставляли от зарплаты рабочих, активно препятствовали выдаче зарплаты рабочим продуктами по завышенным ценам, принимали жалобы и отстаивали интересы рабочих перед владельцами предприятий. Как видим, власти что-то пытались сделать для улучшения социально-экономического положения рабочих.

Но 11 июля 1894 г. минфин С.Ю. Витте, которому подчинялись ФЗИ, издал новый устав. Теперь инспекторами назначаются люди с техническим образованием. Их главная цель – экономическая статистика и качество оборудования. Понятно: страна ускоренными темпами развивается, занимает лидерство по темпам роста, какие уж там заботы о людях? Таким образом, в погоне за технократией забыли о рабочих. И предприниматели стали тут же компенсировать свои издержки на них. Г.А. Гапон и С.В. Зубатов на свой страх и риск попытались решить эту проблему, создав в миниатюре механизм «государственного социализма». Но представители старых дворянских родов не собирались терпеть разночинных «выскочек» возле себя.

В результате Зубатов был уволен, а Гапон решил сделать политическую карьеру. Вначале он устроил ряд «шантажирующих» забастовок, а затем организовал шествие на Рождество 1905 года. Привыкший работать по-старому, по-

крепостному, не считаясь, не видя людей ни в ком, кроме себя, госаппарат решил устроить показательную порку. Получилось Кровавое воскресенье, но люди не смирились, и начались массовые беспорядки. Возникла революционная ситуация, когда (по Ленину) верхи не могут управлять по-новому, а низы не хотят жить по-старому.

Также наплевательски, как к «рабочему вопросу», «сферы» отнеслись и к столыпинской аграрной реформе. Хотя, объективно говоря, переселить крестьян в Сибирь не удалось также и по причине подготовки к войне, которая отбирала всё больше денег и внимания. При этом, в отличие от Английской и Французской революций, в Российскую (усилиями социалистов) были вовлечены и низовые слои, народные массы. (Пусть и временный, но союз с эсерами – «главными специалистами» по аграрному вопросу – помог большевикам сформировать свою аграрную программу и тем самым привлечь на свою сторону крестьян).

Остро стоял в империи и национальный вопрос. Причем он развивался не только в автономных Царстве Польском и Великом княжестве Финляндском, но и в Прибалтике и Малороссии. В частности, в последней он развивался из-за нежелания «сфер» идти на уступки и из-за их непоследовательной политики. Хотя польское национальное движение тлело всю историю Царства Польского и регулярно вспыхивало, но никаких перемен в автономной от остальной империи жизни Польши не было, а наличие собственных сейма и валюты поляков не устраивало.

Была ли возможность мирным способом усмирить западную окраину империи – вопрос в жанре альтернативной истории. Но стоит отметить и грубые ошибки властей, допущенные в отношении другого, украинского национального движения. Так, когда один из лидеров украинофилов П.П. Чубинский пытался рассказывать об украинской инаковости простым малороссийским крестьянам, его избивали его и сдавали полиции. После неоднократных подобных обращений полиция установила над ним негласный надзор. Но император Александр II, решив быть либеральнее своего отца, Николая I, снял все ущемления в правах Чубинского, перевел его в столицу и всячески поощрял его этнографические исследования.

Наконец, эпоха увядания наложила свой отпечаток. Типичным персонажем начала XX века стал, как охарактеризовал его Феликс Разумовский, «человек серебряного века» – потускневший, не видящий цели своей жизни интеллигент, представитель уходящего мира. Меланхолик, он не желает что-либо исправлять, он вечно ноет и плачет. Иногда, правда, ударится в спиритуализм или эзотерику – но это так, для смены обстановки. Может, поддавшись глухой злобе на весь мир, выступить с пламенной антигосударственной речью. Но не более того. Человек, уставший от самого себя. Отчасти таким и был сам Николай II, который примерял старые шаблоны неинтересного ему поведения государственного мужа и, конечно, не мог стать харизматичной личностью, своим примером подбадривающей и вселяющей благоговейный трепет подданным. Раздавленный семейными неурядицами, он вызывал сожаление, а его старые шаблоны «пиара» и политеса

только раздражали. В его грустной роли всё было искренне: и грусть о злой судьбе, так рано лишившей беззаботной юности, и грусть об отсутствии наследника и его болезни, и желание предстать великим полководцем, ради которого он покинул столицу ради нескольких часов дежурных докладов о положении на фронтах[1]. Только не было в императоре конструктивного, положительного и созидательного начала, а самоедства у русского народа и без этого всегда хватало. Отсюда, из непроглядного мрака «декадентского болота», бежали Блок и Маяковский, другие литераторы, требовавшие очистительной революционной грозы.

Но Россия не была здесь одинока: неверие, атеизм, отказ от прежней морали и увлечения язычеством были общей болезнью Европы. Разве что у той не было мессианства Льва Толстого. Но неоязычество и тяга к иррациональному были. Вспомним свастики на шлемах кайзеровских солдат, банкнотах Временного правительства и на стенах Ипатьевского дома – последнего прибежища царской семьи.

Годовщина Октября 1917 г. и последовавшей за ним Гражданской войны, как видим, вызвали оживленную дискуссию в современной российской интеллектуальной сфере. С анализом российской медиасферы о предпосылках, событиях и последствиях Русской революции (1905 – 1907 и 1917 годов) выступил политолог, Чрезвычайный и Полномочный Посланник 2-го класса М.В. Демурин. И призвал отказаться от огульного обвинения какой-либо одной стороны конфликта: «Конечно, революция и Гражданская война – это трагедии. Но их корни, повторю, вовсе не в том, что произошло в октябре 1917 года, а в общественном расколе, возникшем в России задолго до этого. Большевики, как и социалисты-демократы, а до них народники, декабристы, Пугачёв и так далее, появлялись в уже разделённом обществе. Возлагать вину за этот постоянно углублявшийся раскол только на советскую власть – как минимум упрощенчество. Полагаться на тот или иной вариант «реставрации» – путь в никуда». Одной из центральных его идей является ответственность элит за развитие страны не только перед Богом, но и перед народом, а также попытка понять революцию как своего рода борьбу за человеческое достоинство, против барской плети (Демурин 2015).

Действительно, империя (и царская, и советская) – это не монополия одной семьи или клана, а труд и достояние всего народа. Почему надо говорить горькую правду. Нам необходимо воспринимать свое прошлое без мифов и модернизации, когда некоторыми неглубоким комментаторами Февраль и Октябрь называются «майданом своего времени», а либеральные деятели и вожди социалистов – агентами иностранных разведок. Эти мифы, развеянные еще в 1920-е годы, усиленно насаждаются российскому обществу сегодня. Почти также, как и шпиономания в Советском Союзе 1930-х или Соединенных Штатах второй половины 1940-х годов. И во всех случаях «охота на ведьм» не приводила ни к чему хорошему.

---

[1] См. примечательный сравнительный анализ двух Верховных Главнокомандующих (Николая II и И.В. Сталина): Пахалюк 2016.

Поэтому надо не бередить едва зарубцевавшиеся раны, надо жить дальше, воспринимая всю правду нашего прошлого для того, чтобы не быть страной с непредсказуемым прошлым. Достижения и недостатки были и в Российской империи, и в Советском Союзе, иначе бы такие мощные государственные системы не ушли бы в прошлое. Мы же – наследники тысячелетней истории российской государственности – обязаны помнить все уроки нашего прошлого.

ЛИТЕРАТУРА

Айрапетов 2014 - *Айрапетов О.Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914-1917). В четырёх томах. Т. 1. Начало. М.: Кучково поле, 2014-2015.

Ахременко, Шевченко, Кривочуприн 2016 - *Ахременко Д.А., Шевченко К.В., Кривочуприн Е.Л.* Забытая трагедия русинов: национальная политика Габсбургов в годы Первой мировой войны. Брянск, 2016.

Булдаков 2010 - *Булдаков В.П.* Хаос и этнос. Этнические конфликты в России 1917-1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарии, анализ. М.: Новый хронограф, 2010.

Булдаков, Леонтьева 2015 - *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* Война, породившая революцию. М.: Новый хронограф, 2015.

Давыдов 2002 - *Давыдов А.Ю.* Нелегальное снабжение российского населения. 1917-1921 гг. СПб.: Наука, 2002.

Давыдов 2016 - *Давыдов М.А.* Двадцать лет до Великой войны. СПб.: Алетейя, 2016.

Демурин 2015 - *Демурин М.В.* Октябрь-17 и элиты // Литературная газета. 2015. 21 октября. № 41 (6529).

Миронов 2015 - *Миронов Б.Н.* Революционный сдержите шаг! // Российская газета. 2105. 7 ноября.

Миронов 2017 - *Миронов Б.Н.* Российский пролетариат начала XX века – революционный авангард, гегемон или маргинал? // Общественные науки и современность. 2017. № 3.

Нефедов 2017 - *Нефедов С.А.* Русская революция – трагическая случайность? // Общественные науки и современность. 2017. № 5.

Параскевов 2015 - *Параскевов В.С.* Состояние материальной части артиллерии русской армии и ее совершенствование в ходе военных реформ 1905-1912 годов // Клио. 2015. № 6.

Пахалюк 2016 - *Пахалюк К.А.* Что делают Верховные в окопах мировой войны. Николай II и Сталин: опыт символического анализа. 2016 / Электронный ресурс: http://www.odnako.org/blogs/chto-delayut-verhovnie-v-okopah-mirovoy-voyni-nikolay-ii-i-stalin-opit-simvolicheskogo-analiza-1/ (Дата обращения – 11.11.2017).

Первая мировая война 2014 - Первая мировая война 1914-1918 годов. В шести томах / Научный руководитель В.А. Золотарев. М.: Кучково поле, 2014-2017.

Пивоваров 2015 - *Пивоваров Ю.С.* Была ли Октябрьская революция революцией. 2015 / Электронный ресурс: http://echo.msk.ru/programs/year2015/1653200-echo/ (Дата обращения – 11.11.2017).

Поликарпов 2008 - *Поликарпов В.В.* От Цусимы к февралю: царизм и военная промышленность в начале XX века. М.: Индрик, 2008.

Россия и Европа 2014 - Россия и Европа в огне Первой мировой войны / Руководитель авторского коллектива: Д.В. Суржик. М.: ИНЭС; РУБИН, 2014.

Согрин 2013 - *Согрин В.В.* Рождение американской империи: 1898-1918 гг. Причины. Цели. Методы // Новая и новейшая история. 2013. № 3.

Шубин 2017 - *Шубин А.В.* Великая Российская революция. 10 вопросов (Грифы: Российское историческое общество, Институт всеобщей истории РАН, Общероссийская общественная

организация Ассоциация учителей истории и обществознания, Государственный академический университет гуманитарных наук). М.: ГАУГН-Пресс, 2017.

REFERENCES

Ahremenko, Shevchenko, Krivochuprin 2016 - *Ahremenko D.A., Shevchenko K.V., Krivochuprin E.L.* Zabytaja tragedija rusinov: nacional'naja politika Gabsburgov v gody Pervoj mirovoj vojny [The forgotten tragedy of Russinians: national policy Gabsburgov in the years of World War I], Bryansk, 2016 [in Russian].

Ajrapetov 2014 - *Ajrapetov O.R.* Uchastie Rossijskoj imperii v Pervoj mirovoj vojne (1914-1917). V chetyrjoh tomah. T. 1. Nachalo [Participation of the Russian Empire in World War I (1914-1917). In four volumes. Volume 1. Beginning], Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2014-2015 [in Russian].

Buldakov 2010 - *Buldakov V.P.* Haos i jetnos. Jetnicheskie konflikty v Rossii 1917-1918 gg. Uslovija vozniknovenija, hronika, kommentarii, analiz [Chaos and ethnos. Ethnic conflicts in Russia of 1917-1918. Emergence conditions, chronicle, comments, analysis], Moscow, Novyj hronograf Publ., 2010 [in Russian].

Buldakov, Leont'eva 2015 - *Buldakov V.P., Leont'eva T.G.* Vojna, porodivshaja revoljuciju [The war which generated revolution], Moscow, Novyj hronograf Publ., 2015 [in Russian].

Davydov 2002 - *Davydov A.Ju.* Nelegal'noe snabzhenie rossijskogo naselenija. 1917-1921 gg. [Illegal supply of the Russian population. 1917-1921], St. Petersburg, Nauka Publ., 2002 [in Russian].

Davydov 2016 - *Davydov M.A.* Dvadcat' let do Velikoj vojny [Twenty years before Great war], St. Petersburg, Aletejja Publ., 2016 [in Russian].

Demurin 2015 - *Demurin M.V.* Oktjabr'-17 i jelity [October-17 and elite], in: Literaturnaja gazeta. 2015. 21 oktjabrja [Literary newspaper. 2015. October 21], № 41 (6529) [in Russian].

Mironov 2015 - *Mironov B.N.* Revoljucionnyj sderzhite shag! [Revolutionary constrain a step!], in: Rossijskaja gazeta [Russian newspaper], 2105, 7 nojabrja [in Russian].

Mironov 2017 - *Mironov B.N.* Rossijskij proletariat nachala XX veka – revoljucionnyj avangard, gegemon ili marginal? [The Russian proletariat of the beginning of the XX century – revolutionary vanguard, predominant force or the outcast?], in: Obshhestvennye nauki i sovremennost' [Social sciences and present], 2017, № 3 [in Russian].

Nefedov 2017 - *Nefedov S.A.* Russkaja revoljucija – tragicheskaja sluchajnost'? [The Russian revolution – tragic accident?], in: Obshhestvennye nauki i sovremennost' [Social sciences and present], 2017, № 5 [in Russian].

Pahaljuk 2016 - *Pahaljuk K.A.* Chto delajut Verhovnye v okopah mirovoj vojny. Nikolaj II i Stalin: opyt simvolicheskogo analiza [What is done Supreme in entrenchments of world war. Nicholas II and Stalin: experience of the symbolical analysis], 2016, Electronic resource: http://www.odnako.org/blogs/chto-delayut-verhovnie-v-okopah-mirovoy-voyni-nikolay-ii-i-stalin-opit-simvolicheskogo-analiza-1/ (Date of access – 11.11.2017) [in Russian].

Paraskevov 2015 - *Paraskevov V.S.* Sostojanie material'noj chasti artillerii russkoj armii i ee sovershenstvovanie v hode voennyh reform 1905-1912 godov [Condition of an equipment of artillery of the Russian army and its improvement during military reforms of 1905-1912], in: Klio [Clio], 2015, № 6 [in Russian].

Pervaja mirovaja vojna 2014 - Pervaja mirovaja vojna 1914-1918 godov. V shesti tomah / Nauchnyj rukovoditel' V.A. Zolotarev [World War I of 1914-1918. In six volumes / the Research supervisor V.A. Zolotarev], Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2014-2017 [in Russian].

Pivovarov 2015 - *Pivovarov Ju.S.* Byla li Oktjabr'skaja revoljucija revoljuciej [Whether the October revolution revolution was], 2015, Electronic resource: http://echo.msk.ru/programs/year2015/1653200-echo/ (Date of access – 11.11.2017) [in Russian].

Polikarpov 2008 - *Polikarpov V.V.* Ot Cusimy k fevralju: carizm i voennaja promyshlennost' v nachale XX veka [From Tsushima by February: a tsarism and war industry at the beginning of the XX century], Moscow, Indrik Publ., 2008 [in Russian].

Rossija i Evropa 2014 - Rossija i Evropa v ogne Pervoj mirovoj vojny / Rukovoditel' avtorskogo kollektiva: D.V. Surzhik [Russia and Europe on fire the World War I / Head of group of authors: D.V. Surzhik], Moscow, INJeS Publ.; RUBIN Publ., 2014 [in Russian].

Shubin 2017 - *Shubin A.V.* Velikaja Rossijskaja revoljucija. 10 voprosov (Grify: Rossijskoe istoricheskoe obshhestvo, Institut vseobshhej istorii RAN, Obshherossijskaja obshhestvennaja organizacija Associacija uchitelej istorii i obshhestvoznanija, Gosudarstvennyj akademicheskij universitet gumanitarnyh nauk) [Great Russian revolution. 10 questions (Signature stamps: Russian historical society, Institute of World History of the RAS, All-Russian public organization Association of Teachers of History and Social Science, State Academic University of the Humanities)], Moscow, GAUGN-Press Publ., 2017 [in Russian].

Sogrin 2013 - *Sogrin V.V.* Rozhdenie amerikanskoj imperii: 1898-1918 gg. Prichiny. Celi. Metody [Birth of the American empire: 1898-1918. Reasons. Purposes. Methods], in: Novaja i novejshaja istorija [Modern and contemporary history], 2013, № 3 [in Russian].

Суржик Дмитрий Викторович – Кандидат исторических наук, ученый секретарь
Центра истории войн и геополитики Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).
Dmitry Surzhik – candidate of historical sciences, the scientific secretary of the
Center of history of wars and geopolitics of Institute of World History of the RAS (Moscow, Russia).
E-mail: dimsu@inbox.ru

РЕЦЕНЗИИ

УДК 929.651/.653

СЕМЬ ВЕКОВ НОВГОРОДСКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ
(АЗБЕЛЕВ С.Н. ЛЕТОПИСАНИЕ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА. ЛЕТОПИСИ XI-XVII ВЕКОВ КАК ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ И КАК ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ. М.: РУССКАЯ ПАНОРАМА; СПб.: БЛИЦ, 2016. 280 с.)

Л.П. Грот

Общество «Русский салон» (Лулео, Швеция)
e-mail: mail@histformat.com
ResearcherID: D-1052-2016
http://orcid.org/0000-0003-0184-1023
SPIN-код: 1768-1727

Авторское резюме

В рецензии рассмотрена последняя книга известного российского ученого Сергея Николаевича Азбелева, посвященная семивековой истории новгородского летописания. Работа охватывает все известные к настоящему времени летописные тексты, включая неизданные. В рецензии охарактеризованы все семь глав книги, а также Приложение «Повесть о Куликовской битве в Новгородском летописании». На основе рассмотренного сделан вывод: книга С.Н. Азбелева является ценным вкладом в изучение русской летописной культуры и русской истории.

Ключевые слова: летописи, С.Н. Азбелев, Великий Новгород, новгородское летописание, Куликовская битва, летописная культура.

SEVEN CENTURIES OF NOVGOROD CHRONICLING
(AZBELEV S.N. THE CHRONICLES OF VELIKY NOVGOROD. CHRONICLES OF THE 11th – 17th CENTURIES AS CULTURAL MEMORIALS AND HISTORICAL SOURCES. M.: RUSSIAN PANORAMA, SPb.: BLITZ, 2016. 280 pp.)

Lidia Groth

The Russian Salon society (Luleå, Sweden)
e-mail: mail@histformat.com

Abstract

The last book of the prominent Russian scientist Sergei Nikolaevich Azbelev is devoted to the seven-century history of the Novgorod chronicling. The work covers all known chronicle texts, including the non-published ones. All seven chapters of the book are reviewed, as well as the Appendix "The Story of the Battle of Kulikovo in the Novgorod Chronicle". The reviewer concluded that the book by S.N. Azbelev is a valuable contribution to the study of the Russian annalistic culture and Russian history.

Keywords: chronicles, S.N. Azbelev, Veliky Novgorod, Novgorod chronicles, Battle of Kulikovo, annalistic culture.

* * *

Монография известного российского историка и филолога, исследователя русского эпоса и русского летописания, С.Н. Азбелева «Летописание Великого Новгорода. Летописи XI-XVII веков как памятники культуры и как исторические источники» (Азбелев 2016) представляет собой уникальный труд, в котором актуальная проблема историографического наследия Великого Новгорода рассматривается с вершины колоссального научного опыта автора.

Уникальность монографии С.Н. Азбелева определяется, прежде всего первостепенной значимостью самого объекта её исследования. Великий Новгород являлся историческим и культурным центром мирового уровня в течение ряда столетий. В этом городе летописи велись непрерывно более семи веков. Здесь составлялись летописные своды, объединявшие материалы многих центров русского летописания. Богатство и разнообразие уникальной исторической информации сочетались в новгородских летописях с широтой охвата ими достижений средневековой литературы и с повышенным вниманием к памятникам архитектуры, живописи и даже прикладного искусства – как самого Новгорода, так и других центров культуры Древней Руси. Великий Новгород сыграл важнейшую роль в развитии русской государственности, соответственно, новгородское летописание на протяжении столетий отражало развитие русской политической истории и русской политической мысли.

Особая значимость книги С.Н.Азбелева состоит в том, что в ней охвачен весь период новгородского летописания – с XI по XVII век. Автором были рассмотрены летописи Великого Новгорода в полном объёме и представлен весь доступный изучению материал, начиная от отображений ранних фактов русской истории, получавших освещение в сохранившихся переложениях фрагментов древнейшей летописи, и кончая наиболее обширными летописными компиляциями XVII столетия, которые, помимо фиксаций недавних событий, вбирали и материалы предшествовавшей историографии. Следует отметить, что труд подобного масштаба создан впервые.

В книге анализируются в хронологической последовательности главные памятники новгородского летописания, при этом данные памятники соотносятся с летописанием Москвы и других русских городов. Рядом красноречивых примеров С.Н. Азбелев демонстрирует первостепенную ценность уникальных сведений, сохранённых именно летописями Новгорода, для решения актуальных проблем нашей историографии, касающихся не только Новгородской земли.

В работе охвачены все известные к настоящему времени тексты новгородских летописей. Среди них – десятки рукописей, пока ещё не изданных и прежними исследователями не привлекавшихся. Они были обнаружены самим автором монографии при обследовании им архивов Москвы, Санкт-Петербурга и Новгорода. Эти ценные материалы были введены С.Н. Азбелевым в научный оборот, и теперь охарактеризованы в его книге. Они уже использовались не только им самим, но и

другими учеными в их трудах. В рецензируемой же монографии, помимо работ историков и источниковедов, привлечены результаты исследований археологов в Великом Новгороде, которые позволили прояснить существенные моменты раннего новгородского летописания.

Автором книги внимательно рассмотрены достижения прежних исследователей новгородских летописей, начиная от XVIII столетия вплоть до современности. Сам же С.Н. Азбелев в своей работе над летописями Новгорода использует и развивает прогрессивный метод исследования, который предложил и обосновал в начале двадцатого века крупнейший специалист в области изучения русских летописей академик А.А. Шахматов.

Монография «Летописание Великого Новгорода» состоит из семи глав, введения, заключения и приложения «Повесть о Куликовской битве в Новгородском летописании».

В первой главе «Изучение новгородских летописей» уделяется внимание тем трудам, результаты которых, по словам С.Н. Азбелева, в наибольшей степени сохраняют значение на сегодняшний день. С.Н. Азбелев подразделяет историографическую главу на три периода: первый – обзор дошахматовского периода изучения русских летописей, второй – труды А.А. Шахматова и ученых, непосредственно продолживших работу над летописями в русле его методики и третий – исследования послевоенного времени. При этом автор подчеркивает, что работы, опубликованные за два с половиной века и посвященные изучению памятников новгородского летописания XI-XVII столетий неравнозначны. Наибольшее значение, по-прежнему, имеют труды А.А. Шахматова.

Дальнейшая работа, согласно С.Н. Азбелеву, велась по двум направлениям: расширение круга привлеченных рукописей и углубление достигнутых ранее результатов на базе вводимых в науку прежде неизвестных или недостаточно исследованных прежде текстов. Этот двуединый процесс, подчеркивает С.Н. Азбелев, составлял главное содержание трудов, внесших значимый вклад в работу над материалом, объем которого далеко ещё не изучен.

Чрезвычайно важной по своему значению мне представляется вторая глава «Летописный памятник XI-XVII вв.», посвященная Новгородской Иоакимовской летописи (далее – НИЛ). Анализу НИЛ были посвящены и прежние работы С.Н. Азбелева. Последняя из них – книга «Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли» (Азбелев 2007). Насколько мне известно, Сергей Николаевич – первый из современных учёных, кто представил полную историю изучения НИЛ начиная с XIX века.

Разговор о НИЛ в главе начинается словами: «Самый ранний из памятников новгородского летописания испытал судьбу, во многом сходную с судьбой ''Слова о полку Игореве'': он дошел не в оригинале, а в позднейшей обработке, сама рукопись которой оказалась утрачена» (Азбелев 2016: 14). Отсутствие рукописи НИЛ, подчеркивает С.Н. Азбелев, давало повод сомневаться в её подлинности.

Но думается, что основной полемический задор критиков НИЛ подогревался тем, что в ней содержались более подробные сведения о происхождении летописного князя Рюрика. О нем сообщалось как о внуке Гостомысла от его средней дочери Умилы, т.е. приводились сведения, не оставлявшие камня на камне от мифа о скандинавском происхождении Рюрика, поскольку в них делался акцент на династийной мотивировке призвания, на легитимности Рюрика в качестве кандидата на престол в княженье словен как внука своего деда по матери. Именно из-за этого, по моему убеждению, норманисты уже более двух столетий ведут непримиримую войну против НИЛ и критикуют всякого, кто осмеливается использовать НИЛ как исторический источник. Поэтому от С.Н. Азбелева требовалось мужество взять на себя труд доказать историческую достоверность НИЛ.

Свой историографический обзор С.Н. Азбелев начинает с напоминания о том, что за достоверность НИЛ выступал ещё А.А. Шахматов, который считал, что эта древнейшая новгородская летопись восходит ко временам Иоакима (Азбелев 2016: 16). Среди наиболее важных работ рассматривает С.Н. Азбелев и труд П.А. Лавровского «Исследование о летописи Иоакимовской» (1852), подчеркнув, что данный труд и поныне является единственным разносторонним исследованием этого памятника. Кроме него добавляет С.Н. Азбелев, сведения из НИЛ использовали С.М. Соловьев и Н.И. Костомаров. В наше время подлинность уникальных сведений НИЛ (повествование о крещении новгородцев) подтвердили археологические исследования В.Л. Янина. Последней специальной работой о НИЛ, подводит итог С.Н. Азбелев, стала кандидатская диссертация В.И. Вышегородцева, защищенная в 1986 г., но содержание её почти не было отражено в печати.

И это понятно, могу добавить от себя, поскольку В.И. Вышегородцев пришел к выводу о том, что в основе НИЛ лежит пропитанный христианской идеологией вариант сказания о первых русских князьях, сходный с русскими источниками, использовавшимися Я. Длугошем (Азбелев 2016: 32).

Но как ни тщательно С.Н. Азбелев прослеживал историю изучения НИЛ, он все же пропустил один существенный разряд тех, кто использует её данные. И это как раз норманисты, которые используют сведения из НИЛ о князе Олеге и о названии его князем урманским. При этом путем «лингвистических» манипуляций норманисты подводят к выводу о том, что князь урманский означает «норвежец». Полную несостоятельность этого вывода я показала в специально посвященной данному вопросу статье (Грот 2015). Здесь же считаю уместным обратить внимание на селективность норманистского подхода при анализе источников: если сведения НИЛ используются для доказательства славянского происхождения Рюрика, то НИЛ – недостоверный источник. Если же при помощи НИЛ удается «обосновать» норвежскую «национальность» князя Олега, то такие сведения НИЛ рассматриваются как имеющие научную ценность.

Завершая анализ памятника, С.Н. Азбелев предлагает следующую гипотетическую картину возникновения и дальнейшей судьбы НИЛ. Епископ

Иоаким приступил в 1017 г. к составлению летописи, но возможно, что подготовка к работе была начата раньше, ещё при правлении Ярослава. Основанием для повествования о первых русских князьях, предполагает С.Н. Азбелев, должны были послужить материалы из княжеских хранилищ, а также записи устных преданий, относящиеся к предистории Новгородской земли. Работа над пополнением летописи новгородскими материалами продолжалась и после смерти Иоакима (1030) вплоть до 1036 года. Далее её не продолжали, т.к. основой дальнейшей работы стал Новгородский свод 1050 г.

Но к рукописи, содержавшей свод Иоакима Корсунянина, полагает С.Н. Азбелев, могли обратиться в 1439 году, когда произошла канонизация Иоакима Корсунянина, и изготовить список с текста четырехвековой давности. Тогда летопись могли дополнить и в начальной части фольклорными по происхождению материалами, например, преданием о Гостомысле, которое в основе своей отображало историческую реальность. Последующее обращение к НИЛ было, вероятно, вызвано событием 1699 г. – перенесением мощей Иоакима Корсунянина и погребением их в Новгородском Софийском соборе. Неиспользованную небольшую по объему НИЛ, как полагает С.Н. Азбелев, переписали по случаю торжества, столь непосредственно связанного с её первым составителем.

В монографии С.Н. Азбелева представлено всестороннее, полное и убедительное исследование памятника, благодаря которому с Иоакимовской летописи снимается заклятие фальсификации – характеристики, данной НИЛ норманистами. Традиция нападать на НИЛ сохранялась вплоть до последнего времени, чему примером книга А.П. Толочко, на которую С.Н. Азбелев ответил блестящей рецензией. Эту книгу Сергей Николаевич определил как псевдонаучное сочинение, только имитирующее исследовательский поиск, в которой ее автор обнаруживает как провалы в историографии, так и низкий уровень лингвистических построений, «отягощённых, как это для него обычно, ошибками и неточностями в библиографических отсылках», а также ерничество, к концу сочинения А.П. Толочко переходящее в шутовство (Азбелев 2007: 255-261).

В главе третьей рассматриваются летописные памятники XIII-XV веков. Поскольку, согласно С.Н. Азбелеву, эти памятники изучались довольно интенсивно, он уделил внимание только вопросам, остающимся дискуссионными. В частности, в этой главе отмечено, что ряд работ А.Г. Боброва, Г.М. Прохорова и Я.С. Лурье составили дискуссию, продолжавшуюся около трех десятилетий и посвященную специально новгородским летописям XV столетия, а также отраженным в них несохранившимся сводам и проблеме соотносимости с московскими летописными памятниками. Но отмечает С.Н. Азбелев, генеалогия старшего летописания Новгорода, выявленная А.А. Шахматовым, остается неопровергнутой, и дискуссия способствовала лишь уточнению некоторых частностей.

Глава четвертая посвящена летописям XVI в., которые по мнению С.Н. Азбелева требуют более подробного рассмотрения, так как долгое время оставались

малоизученными или неисследованными. В числе памятников этого периода рассматривается неизвестная Шахматову летопись, обнаруженная С.Н. Азбелевым в трех списках, которую он назвал Новгородской Уваровской летописью (НУвЛ). Эта летопись, согласно исследованию С.Н. Азбелева, легла в основу трех сводов, среди которых крупнейшие летописи Новгорода – Новгородская третья и Новгородская Забелинская. НУвЛ была связана и с московским летописанием, и с новгородским летописанием. По предположению С.Н. Азбелева, НУвЛ, как и все предшествовавшие крупные летописные своды Новгорода, возникла при дворе новгородских архиепископов. О новгородском происхождении источников для второй части свидетельствуют особенности их содержания. В текст 1570 г. включена явно антимосковская по своей идейной направленности Повесть о походе Ивана IV на Новгород. Кроме НУвЛ в этой главе рассматривается крупнейший новгородский свод XVI в. – летопись Дубровского (НЛД), а также упоминаются недавно обнаруженные Новгородская Большаковская летопись, исследованная Е.Л. Конявской, и другие памятники.

Памятники летописания XVII в., которым посвящена пятая глава, создавались в трагическое для Новгородской земли время – в период Смуты и шведской окупации части новгородских земель. С.Н. Азбелев подчеркивает, что Новгород сильно пострадал в это время, поэтому летописная работа смогла развернуться здесь с прежней интенсивностью только во второй половине XVII столетия. Но результатом оказались такие крупнейшие памятники новгородского летописания как Новгородская третья летопись (Н3Л), Новгородская Забелинская летопись, а также уступавшая им по объему Новгородская Погодинская летопись, но получившая такую большую популярность, что её сокращенные списки продолжали издаваться даже в XIX в. А общее количество рукописей, сохранивших тексты упомянутых летописных сводов, составляет около восьми десятков. Правда, опубликованы до настоящего времени только вторичная краткая редакция Новгородской 3-й летописи и незначительные фрагменты Новгородской Забелинской. Это отразилось и на изученности новгородских летописей XVII в.

С.Н. Азбелев сообщает, что ему известно 22 списка Н3Л, анализ которых позволил ему установить наличие двух редакций, различавшихся между собой по содержанию и по объему. С.Н. Азбелев назвал эти редакции пространной и краткой. Пространная редакция известна в двух списках, а краткая известна автору в 20-ти списках. Все исследователи, писавшие о Н3Л, имели дело только со списками краткой редакции, изданными С.К. Шамбинаго.

Анализируя Н3Л, С.Н. Азбелев убедительно оспаривает вывод С.К. Шамбинаго о тождественности легендарной части Н3Л и известной нам части НИЛ и доказывает, что между названными частями этих летописей нет ничего общего. Большая исследовательская работа была проведена С.Н. Азбелевым по исследованию крупнейшего свода Новгорода, которому автор дал название Новгородская Забелинская летопись (НЗабЛ), по фамилии прежнего владельца её

основного списка. С.Н. Азбелевым было зарегистрировано десять списков этого свода.

Глубокое изучение новгородских памятников XVII в. позволяет С.Н. Азбелеву подтвердить, насколько ошибочным был взгляд на то, что в XVII в. происхоило угасание летописания. Напротив, в это время составлялись самые обширные своды, в которых, по мнению С.Н. Азбелева, наиболее заметны особенности приемов летописной работы. Этой теме посвящена шестая глава монографии. В ней отмечены, в частности, такие особенности, как обогащение летописей вставками, основанными на пересказе устных преданий. Новгородское летописание, указывает С.Н. Азбелев, отражало большую начитанность составителей сводов в литературе, в повестях, часто связанных с событиями, описанными в более ранних летописях.

Другой заметной особенностью летописной практики Новгорода, отмечает С.Н. Азбелев, было расширение круга источников: это были и исторические сведения синодиков новгородских церквей и монастырей, и памятники эпиграфики. В книге приводятся интересные примеры использования названных и других источников, что помогает увидеть работу летописцев и составителей сводов как живой творческий процесс.

Типы источников для составителей новгородских летописей, согласно автору, становились все более разнообразными по мере приближения общего завершения летописного характера русской историографии. Критика источников, отмечает С.Н. Азбелев, составляет важную особенность новгородского летописания XVII в. В летописи появляются элементы исторического исследования, которые могут рассматриваться как переход между господствовавшей в течение семи веков летописной формой исторического повествования и исследовательскими работами историков Нового времени.

Особый интерес для историка, на мой взгляд, представляет седьмая глава книги, в которой С.Н. Азбелев показывает, как данные новгородского летописания могут использоваться для решения теоретических исторических проблем. Одной из таких проблем в современной науке стало Сказание о призвании Рюрика. Опираясь на сведения из НИЛ, С.Н. Азбелев обоснованно объясняет призвание Рюрика в княженье словен «причинами династического характера»: согласно НИЛ «Рюрик по матери был внуком управлявшего ильменскими славянами Гостомысла» (Азбелев 2016: 166). И этими словами он наносит удар по двум основополагающим принципам норманизма.

Во-первых, С.Н. Азбелев говорит о наличии правящей славянской династии в Приильменье до призвания Рюрика, а это отрицается норманистами, начиная с Миллера и Шлёцера.

Во-вторых, он утверждает славянское происхождение летописного Рюрика вразрез с норманистским постулатом о Рюрике как выходце откуда-то из Скандинавии.

Оба эти постулата норманизма были внесены в русскую историческую мысль в течение XVIII в. Г.З. Байером, Г.Ф. Миллером и А.Л. Шлецером. Байер в статье «О варягах» озвучил скандинавское происхождение Рюрика, апеллируя к его якобы скандинавскому имени. В своих работах я показала, что эти сведения Байер получил от его шведских корреспондентов, т.е. непосредственно, из шведского политического мифа.

Утверждения о Рюрике из Швеции и о шведском происхождении летописных варягов – произведения шведского политического мифа, сочиненные в то время, когда шведских политиков питала надежда увидеть на русском престоле шведского принца Карла – Филиппа. В 1613 г. шведские сановники создали фальсификат шведской части протокола переговоров шведов с новгородцами относительно кандидатуры Карла – Филиппа на московский престол, внеся туда ложные сведения о том, что новгородцы на переговорах якобы сами рассказывали о том, что был у них в древности князь из Швеции по имени Рюрик. Этот фальсификат был одновременно дополнен псевдоисторическим сочинением шведского дипломата П. Петрея с умозрительными рассуждениями о том, что варяги из русских летописей должны были быть выходцами из Швеции. Никаких ссылок на источники Петреем не приводилось, а предъявлялось только безграмотное манипулирование личными именами в духе XVI-XVII вв. (Грот 2017).

А второй постулат об отсутствии в Приильменье династической традиции в русскую историю привнесли Миллер и Шлёцер. Исходили они при этом из учения североевропейского готицизма XVI-XVIII вв., основу которого составляла идея о германцах как наследниках Рима в распространении государственности и монархической власти в Европе. Поэтому шведский политический миф о Рюрике из Швеции органично наложился на привычный для них образ германцев, которые несли сильную монархическую власть всем европейским народам. Таким образом, за норманистским постулатом о скандинавском происхождении Рюрика стоят не источники, а политика и западноевропейские утопии.

Но если лаконичные сообщения ПВЛ о призвании Рюрика с братьями давали возможность манипулировать ими в угоду шведского политического мифа, то более подробный рассказ о родословии Рюрика в НИЛ, так некстати обнаруженной В.Н. Татищевым, полностью рушил миф о Рюрике-скандинаве.

Поэтому исследования С.Н. Азбелева по научной реабилитации НИЛ имеют громадное научное значение. Законсервировавшиеся в российской исторической мысли стереотипы норманизма, отрицавшие наличие института княжеской власти в русской истории до прихода «скандинава» Рюрика нанесли большой вред развитию российской исторической науки. Со времени Миллера и Шлёцера российская историческая наука в вопросах исследования древнерусского политогенеза в норманистских работах не продвинулась ни на шаг. Хотя исследования последних пятидесяти лет такой проблемы, как поэтапная эволюция позднепервобытного/

предгосударственного общества показали, что наследный институт власти существует в первобытных обществах, в догосударственную эпоху.

Сведения о наследных правах князя Рюрика как внука своего деда по матери (аналогично Петру III, унаследовавшему российский престол как внук своего деда Петра I от его дочери Анны) согласуются с общей особенностью института верховной власти – учётом двух линий в традиции преемственности власти – отцовской и материнской. Амбилинейность традиции наследования составляла как бы несущие опоры потестарно-политической системы, охватывая её связями различного родства как изнутри, так и вовне, образуя сложную систему межродовых связей, использовавшуюся для поддержания преемственности власти и накопившую для этого с течением тысячелетий обширный арсенал средств. Но при изучении начального периода русской истории вышеупомянутые достижения современной теоретической мысли из-за противодействия норманистов практически не используются.

Возвращение в науку НИЛ в качестве исторического источника дает ценный конкретный материал для изучения древнерусского принципа передачи верховной власти до призвания Рюрика. Таким конкретным материалом является «сон Гостомысла». Ещё В.Н. Татищев объяснял эту часть НИЛ как вымышленное предзнаменование, которых «у древних немало находится, особливо сему подобное вижу у Геродота, виденное Астиагом, королем мидиским, о Кире Великом и пр.» (Татищев 1994: 116).

Подобная точка зрения на «сон Гостомысла» сохранилась у российских норманистов до сих пор (Пчелов 2001: 62-63). Но Татищев был человеком своего времени, когда взгляды западноевропейского Просвещения получали все большее распространение в России. Среди них выделялись идеи рационализма, которые в исторической науке выступали в форме так называемого метода исторической критики, опираясь на который, следовало в собранной массе фактов отделять более достоверное от вымысла. Но со времени В.Н. Татищева прошли столетия, и российские историки могли бы развить более комплексный подход к анализу НИЛ.

Но единственное, что было сделано, так это вдобавок к указанному Татищевым Геродоту стали подключать параллели с исландскими сагами. Благодаря такому вкладу «сон Гостомысла» окончательно превратился в «бродячий литературный сюжет». При этом историки не обращают внимание на то, что «сон Гостомысла» является совершенно уникальным среди сюжетов, содержащих вещие сны.

В НИЛ показано, как в древнерусском княженьи мог на практике решаться вопрос о передачи власти преемнику после смерти верховного правителя и в случае, если прямая мужская линия пресекалась. Но легитимного наследника или чтобы «имать наследовати от своих ему», можно было обратиться к потомству его дочерей, отданных «суседним князем в жёны». И вот тут-то возникает неординарная ситуация. Явно, что и в случае обращения к матрилатеральной традиции в княженьи словен потомство старших дочерей правителя обладало преимущест-

венным правом в наследовании власти. Но народ не хотел в князья сына старшей дочери, который «зане негож бе», а сам Гостомысл не обладал свободой завещания, не мог нарушить порядок наследования. Поэтому он обращается к власти, стоящей над ним, к власти богов, используя очень древнюю ментальную традицию, рассматривающую сон как способ сакрального познания, т.е. более высшего познания в сранении с познанием обыденным, профанным.

Традиция эта восходит к глубокой древности. Известно, например, что фараоны Нового царства (1580-1085 гг. до н.э.) апеллировали к сновидениям как к непосредственному волеизъявлению богов для обоснования наиболее важных решений (Монте 1989: 43). Вера в сновидение как в одно из средств общения божества с человеком была широко распространена в древности у многих народов и была частью мифопоэтической идеологии эпохи первобытности (Фрэзер 1985). Таким образом, рассказ Иоакимовской летописи о сне Гостомысла – это образец дохристианского менталитета и относится ко времени, близкому к описываемым событиям, при этом неважно, когда рассказ был зафиксирован письменно.

Вот какие перспективы для исследования проблем русской истории периода призвания Рюрика открываются с публикацией книги С.Н. Азбелева. Понятно, что результаты исследования НИЛ, представленные в книге С.Н. Азбелева, будут замалчиваться российскими норманистами – это их обычная тактика «ведения дискуссии» со своими оппонентами. Но это ничего не меняет. Трудами С.Н. Азбелева НИЛ возвращена науке, и будущие поколения историков получили право использовать этот памятник в своей работе.

Многие из перечисленных выше проблем мы обсуждали с Сергеем Николаевичем при его жизни. К таким обсуждаемым проблемам относилось и его отождествление Гостомысла из НИЛ с Гостомыслом из западноевропейских хроник, которые знают его как короля ободритов. Я выдвигала свои возражения, доказывая, что король ободритов Гостомысл и князь Гостомысл в княженье словен – два разных исторических лица с одинаковым именем, однако Сергей Николаевич оставался при своем мнении. Но это – право каждого ученого. Тем более, если ученый формировался под влиянием господствовавшей в советское время концепции о финно-угорском субстрате на севере и северо-западе Восточной Европы и о неавтохтонности славян, мигрировавших сюда откуда-то со стороны. Одним из мест исхода называлось южнобалтийское побережье.

Я показала в моих работах, что идея финно-угорского субстрата имеет ненаучные истоки. Поэтому корни института княжеской власти в княженье словен (также, как и в других летописных княженьях) автохтонны и уходят в древность Восточной Европы. Но их дальнейшее исследование – вопрос будущего. И исследования С.Н. Азбелева об ободритском Гостомысле тоже будут здесь в помощь как минимум потому, что его исследования привлекли внимание к данному историческому деятелю. А это необходимо для дальнейшего изучение потестарных традиций Приильменья и южнобалтийских княжеств, поскольку схожесть в

антропониконах различных политий говорит о междинастийных связях, о традиции обмена невестами и женихами. Через этот обмен именословы правителей пополняются схожими именами, поскольку, например, потомство княжен/принцесс, отданных замуж в другое княжество/королевство, может нарекаться именами правителей, прославленных на родине невесты. Следовательно, ободритский и словенский Гостомыслы свидетельствуют о наличии традиции брачных связей между правящими домами этих политий. Глубину этих связей предстоит исследовать, но в любом случае факт двух Гостомыслов уже сейчас косвенно подтверждает сведения НИЛ о традиции отдавать княжен «суседним князем в жёны».

В числе исследований С.Н. Азбелева, имеющих громадное значение, следует назвать изучение летописных памятников о Куликовской битве. Их значение усиливается исключительным значением победы на Куликовом поле, с одной стороны, а с другой – «...распространением – особенно в околонаучной среде – нараставшего и, следует признать, небеспричинного скептицизма по поводу реальной исторической значимости этого события» (Азбелев 2016: 179).

Подобные парадоксы, как разъясняет С.Н. Азбелев, проистекают из фактора якобы географического. В действительности же – из давно укоренившегося ошибочного истолкования смысла важных письменных источников.

Согласно летописям, русское войско приготовилось к сражению «в поле чисто... на усть Непрядвы реки», толкуя слово «усть» как место впадения Непрядвы в Дон. С.Н. Азбелев провел скрупулезный анализ русских источников и открыл, что слово «устье» в то время обозначало исток реки. Поэтому показания источников свидетельствуют, что сражение 1380 года произошло вблизи тогдашнего истока («устья») Непрядвы, в центральной части Куликова поля – на расстоянии приблизительно сорока километров от впадения этой реки в Дон. А это меняет и всю картину сражения, сближая её со сведениями источников. Поэтому согласие вызывают слова С.Н. Азбелева о том, что современным историкам Куликовской битвы полезно было бы с должным вниманием обращаться к летописям, в особенности, как обнаружилось, к новгородским летописям.

Тем более что согласно исследованиям С.Н. Азбелева, Повесть о Куликовской битве базировалась на фиксации устного повествования о событиях 1380 г., хронологически удаленного от них пятью или шестью годами (Азбелев 2016: 208).

Таким образом, в книге С.Н. Азбелева на основе рассмотренных им памятников новгородского летописания кроме собственно истории летописания, предлагаются и теоретические разработки по таким актуальным темам как тема происхождения летописного Рюрика и тема борьбы за сохранение национальной идентичности в эпоху зависимости от Золотой Орды, ярчайшим примером чего является Куликовская битва.

Хочется напомнить, что обе эти темы являются не только объектами теоретических исследований, но используются и в современной информационной

войне против России, где в качестве основного оружия применяются фальсификаты русской истории. Норманские трактовки призвания Рюрика в контексте развития так называемой «викингской» темы используются как историческое обоснование закономерности для России «управления со стороны». Представление о Куликовской битве как о стычке немногочисленных конных отрядов хорошо вписывается в другую тенденцию информационной войны – стремление лишить русскую историю её героических страниц. И книга С.Н. Азбелева вносит свой вклад в дело противостояния этим фальсификатам. Но при этом неизбежно задеваются и личные интересы очень многих.

Глубокоуважаемой
Лидии Павловне Грот
от автора этой книги
с чувством глубочайшей
признательности
за весьма действенную
заботу о выходе
в свет этого издания
С. Азбелев
октябрь 2017 г.

Дарственная надпись Сергея Николаевича Азбелева

Подтверждением тому служит отношение к С.Н. Азбелеву в последние годы его жизни и со стороны учреждений, которым он отдал многие годы своей жизни, и со стороны коллег, занимающихся сходными проблемами исследований. В апреле 2016 г. С.Н. Азбелеву исполнилось 90 лет со дня рождения. Эту славную дату отметили в России мы – ученые, объединившиеся на базе журнала «Исторический формат», посвятив С.Н. Азбелеву специальный номер журнала. Почтили его

юбилей и на форуме международного общества «Русский салон в Стокгольме» – С.Н. Азбелев входил в редакционный совет научно-публицистического альманаха «Русское поле» – международного проекта общества. Поскольку С.Н. Азбелев проходил реабилитацию в доме-пансионате ветеранов науки РАН в Пушкине, то представители руководства ЛГУ им. А.С. Пушкина организовали встречу С.Н. Азбелева со студентами и преподавателями и выступление ученого с рассказом о его последних исследованиях. Ведь университет находится на древней Новгородской земле, и его студентам и преподавателям было интересно послушать о летописании Великого Новгорода. Сергей Николаевич был очень растроган тем, как тепло и содержательно прошла эта встреча.

И это всё. Ни Санкт-Петербург, ни Великий Новгород на юбилей великого ученого не откликнулись. Я специально спрашивала об этом Сергея Николевича.

Ни к кому из прежних коллег не смог С.Н. Азбелев обратиться, когда что-то не заладилось в издательстве с подготовкой к публикации рецензируемой здесь монографии, т.е. его последнего труда. Сергей Николаевич обратился за помощью ко мне, поскольку мы с коллегами готовили тогда к изданию последние тома из серии «Изгнание норманнов из русской истории» и тесно сотрудничали с издательством «Русская панорама». Глава издательства И.А. Настенко мгновенно откликнулся и организовал выпуск книги в рекордно короткие сроки и на высоком профессиональном уровне. А я получила от Сергея Николаевича в последнюю нашу встречу осенью 2017 г. книгу с дарственной надписью (см. выше), которая мне теперь вдвойне дорога как память о личном общении с великим ученым.

Пока на выход труда С.Н. Азбелева со стороны историков, непосредственно занимающихся историей русского летописания, отклика не последовало. Но 25 декабря 2017 г. на монографию С.Н. Азбелева в журнале «Valla» была опубликована рецензия начинающего историка М.А. Несина (Несин 2017). Но вряд ли эту публикацию можно назвать рецензией, поскольку в ней не сказано ни одного позитивного слова о труде С.Н. Азбелева. Данное произведение занимает около 13 страниц (Несин 2017: 101-114), при этом 102-106 стр. содержат попытки доказать ненаучность анализа НИЛ и использования НИЛ как исторического источника, а на 108-113 стр. предложен разбор Приложения «Повесть о Куликовской битве в Новгородском летописании». Таким образом, почти вся рецензия посвящена негативному препарированию двух тем, по которым позиция С.Н. Азбелева идет вразрез с мнением многих влиятельных учёных и как было отмечено выше, тем самым задевает интересы многих.

Основные замечания М.А. Несина относительно исследований С.Н. Азбелева, посвященных НИЛ, сосредоточены на личности Гостомысла. По этому вопросу читателю предлагается несколько сумбурных рассуждений о том, можно ли доказать историчность Гостомысла. А эти рассуждения, в свою очередь, выливаются в заключение, что историчность Гостомысла доказать нельзя. После чего сообрази-

тельный читатель и сам додумается, что, следовательно, и доказательства славянского происхождения Рюрика также неисторичны.

Также легковесно выглядят попытки М.А. Несина отвергнуть результаты исследований С.Н. Азбелева о месте и значении Куликовской битвы. Заявив, что слово «устье» имело несколько значений и обвинив автора монографии в том, что он произвольно использовал только одно – выгодное для его концепции, М.А. Несин обнаружил непонимание того общего смысла, который несет исследование С.Н. Азбелева о Куликовской битве. Перед нами очевидный факт: вопиющее несоответствие между сведениями многочисленных источников о Куликовской битве и результатами современных археологических исследований. С.Н. Азбелев предлагает информацию к размышлению: возможно, несоответствие объясняется неправильным прочтением летописи, надо бы перепроверить. Но сам же он в личной беседе говорил, что премии уже розданы, руки пожаты, кто же теперь будет что-либо перепроверять?! Так что, исследования С.Н. Азбелева о Куликовской битве – это обращение к будущим историкам о том, чтобы ещё раз тщательно перепроверить факты, связанные с этим событием. Куликовская битва стоит того!

А на сегодняшний день у нас имеется отзыв М.А. Несина, получившего, по его словам, удручающее впечатление от книги. Отзыв завершается словами: «Полезной познавательной информации по истории новгородских летописных памятников рецензируемая работа фактически не содержит. Зато потенциально она способна принести существенный вред – потребительское отношение Азбелева к ИЛ может в глазах людей с критическим складом ума способствовать профанации изучения уникальных татищевских известий на предмет потенциального наличия в них древней основы. С другой стороны, Азбелев являтся маститым научным работником, с обилием публикаций и многолетним стажем работы в областях истории, фольклористики, источниковедения. Это может способствовать у недостаточно искушенных читателей некритическому восприятию его настоящего ''исследования''. Тем более, что в печати критика его ''научной'' методологии за редчайшими исключениями практически не встречалось (несмотря на то, что в устных беседах и в социальных сетях его доверчивое отношение к поздним источникам и бездоказательные поиски в них записей древних преданий неоднократно комментировались рядом коллег). Вероятно, у ученых не возникает желания желания тратить время и силы на печатную критику... Поэтому, я полагаю, что недоброкачественные книги о летописном наследии Великого Новгорода не должны замалчиваться, а подлежать серьезной критической оценке» (Несин 2017: 112-113).

Приведенная пространная цитата подтверждает правоту сказанного выше: главная «вина» С.Н. Азбелева заключается в том, что он рассматривал НИЛ как исторический источник, который «недостаточно искушенные читатели» воспримут, и тогда станет невозможно продолжать распространять в российской исторической мысли «теорию» о скандинавском происхождении Рюрика, что делают многие

научные работники, и которая производит удручающее впечатление на тех, кто владеет скандинавскими языками и скандинавской фактологией. Что же до серьёзной критики, то она всегда приветствуется в науке. Но произведение М.А. Несина к таковой не относится. Это скорее пасквиль. Причем знаменательно, что его публикация произошла как раз в день смерти С.Н. Азбелева.

Труды С.Н. Азбелева будут жить, включая и его исследования о НИЛ, независимо от того, печатной или непечатной критикой будут их окружать сторонники идеи Рюрика-скандинава.

ЛИТЕРАТУРА

Азбелев 2007 - *Азбелев С.Н.* Рецензия на книгу: Толочко А.П. «История Российская» Василия Татищева: Источники и известия. М., 2005. 544 с. // Вестник Санкт-Петербургского Университета. 2007. Серия 2. История. № 3. С. 255-261.

Азбелев 2007 - *Азбелев С.Н.* Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. 296 с.

Азбелев 2016 - *Азбелев С.Н.* Летописание Великого Новгорода. Летописи XI-XVII веков как памятники культуры и как исторические источники. М.: Русская Панорама; СПб.: БЛИЦ, 2016. 280 с.

Грот 2015 - *Грот Л.П.* О летописных урманах и о титуле «князь урманский» // Исторический формат. 2015. № 2. С. 29-53.

Грот 2017 - *Грот Л.П.* Столбовский договор и шведский политический миф XVII – XVIII веков / Электронный ресурс: URL:http://pereformat.ru/2017/08/stolbovskij-dogovor/ (дата обращения – 25.12.2017).

Монтэ 1989 - *Монтэ Пьер.* Египет Рамсесов. М.: Наука, 1977. 378 с.

Несин 2017 - *Несин М.А.* О двух новых монографиях, посвященных новгородским источникам // Valla. 2017. № 3 (6). С. 101-121.

Пчелов 2001 - *Пчелов Е.В.* Генеалогия древнерусских князей. М.: Издательство РГГУ, 2001. 262 с.

Татищев 1994 - *Татищев В.Н.* История Российская. Т. I. Часть первая. М.: Ладомир, 1994. 502 с.

Фрэзер 1985 - *Фрэзер Д.Д.* Фольклор в Ветхом завете. М., 1985. 511 с.

REFERENCES

Azbelev 2007 - *Azbelev S.N.* Recenzija na knigu: Tolochko A.P. «Istorija Rossijskaja» Vasilija Tatischeva: Istochniki i izvestija. M., 2005. 544 s. [Review of the book: Tolochko A.P. Vasilij Tatischev's «Russian History»: Sources and news. Moscow, 2005. 544 p.], in: Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. 2007. Serija 2. Istorija [Bulletin of the St. Petersburg University. 2007. Series 2. History], № 3, pp. 255-261 [in Russian].

Azbelev 2007 - *Azbelev S.N.* Ustnaja istroija v pamjatnikah Novgoroda i Novgorodskoj zemli [Nuncupative history in monuments of Novgorod and surronding territories], St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2007, 296 p. [in Russian].

Azbelev 2016 - *Azbelev S.N.* Letopisanije Velikogo Novgoroda. Letopisi XI-XVII vekov kak pamjatniki kultury i kak istoricheskije istochniki [Annals of Novgorod the Great. Annals of XI-XVII centuries as monuments of culture and as historical sources], Moscow, Russkaja Panorama Publ.; St. Petersburg, BLITS Publ., 2016, 280 p. [in Russian].

Frazer 1985 - *Frazer J.G.* Folklor v Vethom Zavete [Folk-lore in the Old Testament], Moscow, 1985, 511 p. [in Russian].

Groth 2015 - *Groth L.P.* O letopisnyh urmanah i o titule «knjaz urmansky» [Chronicles of urmans and title «prince of urmans»], in: Istoricheskij format [Historical format], 2015, № 2, pp. 29-53 [in Russian].

Groth 2017 - *Groth L.P.* Stolbovsky dogovor I shvedsky politichesky mif XVII – XVIII vekov [Stolbovsky treaty and Swedish political myth of XVII – XVIII centuries], Electronic resource: URL:http://pereformat.ru/2017/08/stolbovskij-dogovor/ (Date of access – 19.04.2017) [in Russian].

Montet 1989 - *Montet P.* Egipet Ramsesov [Ramsesian Egypt], Moscow, Nauka Publ., 378 p. [in Russian].

Nesin 2017 - *Nesin M.A.* O dvuh novyh monografijah, posvjaschennym novgorodskim istochnikam [A work on 2 new monographs dedicated to novgorodian sources], in: Valla, 2017, № 3 (6), pp. 101-121 [in Russian].

Pchelov 2001 - *Pchelov E.V.* Genealogija drevnerusskih knjazej [Genealogy of ancient Rus princes], Moscow, RGTU Publ., 2001, 262 p. [in Russian].

Tatischev 1994 - *Tatischev V.N.* Istorija Rossijskaja. Tom I. Chastj pervaja [Russian history. Vol. I. Part one], Moscow, Ladomir Publ., 1994, 502 p. [in Russian].

Грот *Лидия Павловна* – Кандидат исторических наук,
заместитель председателя общества «Русский салон», историограф общества (Лулео, Швеция).
Lidia Groth – candidate of historical sciences, vice-chairman
and historiographer of the Russian Salon society (Luleå, Sweden).
E-mail: mail@histformat.com

Правила публикации в журнале

В соответствии с требованиями ВАК и наукометрических баз данных РИНЦ и Scopus в международном научном журнале «Исторический формат» вводятся следующие правила публикации.

Журнал публикует оригинальные статьи с результатами научных исследований на русском, английском, французском и немецком языках, относящиеся к исторической тематике, а также сообщения о проводимых под эгидой или при участии журнала научных мероприятиях. Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня. Плата за публикацию в международном научном журнале «Исторический формат» не взимается. Авторский гонорар не выплачивается, не оплачивается рецензирование статей. Для обеспечения широкого доступа материалы журнала размещаются в Интернете: на сайте журнала, в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка», в наукометрической базе данных РИНЦ и т.д.

Авторы статей, принятых к публикации высылают на электронный адрес редакции скан-копию бланка согласия, в котором дают разрешение на редактирование статьи, включение ее в электронные базы данных, а также на безвозмездную передачу указанных прав третьим лицам, при условии соблюдения их неимущественных авторских прав, извлечение из статьи и использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя автора/правообладателя, аннотации, библиографические материалы и пр.) с целью включения в базы данных РИНЦ и Scopus, и подтверждение, что материал ранее не был опубликован и не находится на рассмотрении и/или не принят к публикации в каком-либо ином издании. Бланк согласия должен быть подписан автором и заверен в организации, в которой он работает или обучается.

В случае несоблюдения каких-либо требований редакция оставляет за собой право не рассматривать поступившие статьи. Журнал не публикует авторские материалы, ранее напечатанные в других изданиях; материалы, не соответствующие тематике журнала; статьи, не содержащие новой информации либо содержащие фактологические, исторические или иные ошибки, которые не могут быть исправлены; статьи, содержащие утверждения и гипотезы, прямо противоречащие установленным научным фактам; литературно-художественные и публицистические

произведения любого содержания, в том числе и на научную тему; любую информацию и объявления, не имеющие непосредственного отношения к научной деятельности; материалы, содержащие сведения, которые составляют государственную либо коммерческую тайну; материалы, содержащие оскорбления, клевету либо заведомо ложные сведения в отношении граждан и организаций.

Порядок сдачи материала:

Статья оформляется в соответствии с требованиями к оформлению материалов и высылается вместе со скан-копией заверенного бланка согласия на электронный адрес редакции: mail@histformat.com

Файлы должны быть поименованы по фамилии автора в латинской графике (например, IvanovStatya, IvanovBlank). Рукописи принимаются к рассмотрению непрерывно в течение года. Материал не должен превышать 1 п.л. (40 тыс. знаков с пробелами, включая рисунки, таблицы, список литературы и прочие компоненты статьи), сообщения – 0,5 п.л., рецензии – 0,2 п.л.

Статьи, поступившие в редакцию, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию. Внутреннее рецензирование осуществляется редколлегией. Внешнее рецензирование научных материалов обеспечивается автором предоставленного материала и осуществляется специалистом соответствующего профиля, имеющим ученую степень доктора или кандидата наук. В случае несоблюдения каких-либо требований редакция оставляет за собой право не рассматривать такие статьи.

Требования к оформлению материалов:

Редколлегия журнала «Исторический формат» принимает только материалы, присланные файлом, прикрепленным к электронному письму (формат Word, файл с расширением .doc .docx .rtf). Статья должна быть оформлена строго в соответствии общими требованиями к оформлению научных публикаций и тщательно вычитана.

Рукописи, направляемые в журнал, должны содержать следующие разделы:

1. Индекс по Универсальной десятичной классификации (УДК).

2. Название статьи, ФИО автора(ов), сведения об авторе, адресные данные (полное юридическое название организации, адрес организации, адрес электронной почты всех или одного автора), авторское резюме и ключевые слова на русском языке, адрес электронной почты. Объем аннотации должен включать от 100 до 250 слов. Ключевых слов и словосочетаний должно быть не более 10.

3. Те же данные, указанные на английском языке, в той же последовательности, что в п. 2. Авторское резюме на английском языке (Abstract) может отличаться от русского аналога, но обязательно должно быть максимально подробным, чтобы выполнять функцию независимого от статьи источника

информации. Информация резюме на английском должна быть понятна и интересна англоязычному читателю, который мог бы без обращения к полному тексту получить наиболее полное представление о тематике и уровне исследования.

4. Полный текст статьи, оформленный в соответствии с действующими требованиями журнала, примечания, список использованной литературы (название «Литература»), список литературы в романском алфавите (название «References»).

Параметры оформления статьи: выравнивание – по ширине листа; первая строка – отступ 1,25; межстрочный интервал – одинарный; шрифт – Times New Roman; размер – 14; без автоматической расстановки переносов.

Иллюстрации (фотографии, рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) должны иметь сквозную нумерацию согласно их положению в тексте и дополнительно прилагаться в виде отдельных файлов. Иллюстрации предоставляются в форматах tif или jpeg (разрешением не менее 300 dpi).

При оформлении статьи используется «гарвардский стиль» – оформление библиографии, когда список литературы выстроен в алфавитном порядке, а отсылка в тексте оформляется через фамилию автора (или фамилия первого автора, если авторов несколько), год издания и по необходимости номер страницы.

5. Список литературы с последующей английской транслитерацией. Автоматизировать процесс транслитерации можно, воспользовавшись программным обеспечением, которое доступно по адресу http://translit.ru (в раскрывающемся списке «Варианты» выбирать BGN). После автоматического транслитерирования необходимо вручную проверить правильность полученного результата и внести необходимые коррективы. Транслитерированные ссылки должны содержать только значащие для аналитической обработки элементы (ФИО авторов, название первоисточника, выходные данные). В списке литературы названия работ на языках, использующих нелатинизированные алфавиты, должны быть переведены на английский и заключены в квадратные скобки; названия источников должны быть транслитерированы, в конце следует указать язык оригинала в квадратных скобках. В случае цитирования книги название издательства (если это название учреждения) должно быть переведено на английский язык, во всех остальных случаях — транслитерировано, место издания — переведено.

Примером оформления публикации может служить любая статья в последнем опубликованном номере журнала. Просим авторов обратить на это внимание и следовать принятым правилам оформления материалов.

* * *

международный научный журнал

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ

2017, № 3-4

* * *

**ЭЛЕКТРОННОЕ
ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ**

Дата выхода номера: 26.07.2018
Формат 210х297
Электронный файл PDF
Гарнитура «Palatino Linotype»

Издатель: Редакция журнала
«Исторический формат»

* * *

Email редакции: mail@histformat.com
Официальный сайт: http://histformat.com/

ISSN 2411-9415